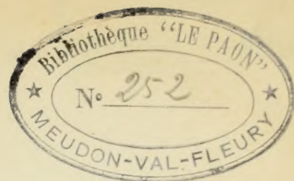

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

І. В. ГЕССЕНОМЪ

V

Изданіе третье

БЕРЛИНЪ 1922

Крымская эпопея *

(По дневникамъ участниковъ и по документамъ)

А. А. Валентинова

ПЕРЕДЪ НАЧАЛОМЪ НАСТУПЛЕНІЯ

(Апрѣль — Май)

21-го марта 1920 г. ген. Деникинъ, при обстоятельствахъ, доходившихъ до глубокаго трагизма ** и всѣмъ достаточно извѣстныхъ, передалъ по прямому проводу изъ Феодосіи о передачѣ имъ всей власти ген. Врангелю. Пожелавъ

* Въ основу этой работы положенъ дневникъ очевидца.

Запись событій начинается съ 23-го мая ст. ст., то-есть со дня выхода арміи ген. Врангеля изъ Крыма — съ Перекопскаго перешейка — на просторъ сѣверной Tавріи и кончается первыми числами роковото ноября, когда штабъ ген. Врангеля очутился въ водахъ у Золотого Рога.

Мѣсто записи — полевая ставка, иначе говоря — поѣздъ ген. Врангеля, гдѣ въ дни операцій помѣщался обычно весь штабъ главнокомандующаго.

Трагическій періодъ съ 26-го октября ст. ст. по 9 ноября записанъ находившимися при ставкѣ до послѣдней минуты авторами, имена которыхъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ обозначены.

Считаю своимъ долгомъ принести мою глубокую благодарность, какъ имъ, такъ и тѣмъ лицамъ командного состава, кои любезно предоставили въ мое распоряженіе необходимые для работы документы и матеріалы.

Бѣлградъ, 29 апрѣля 1921 г. А. В.

** Ротм. С., дежурный офицеръ при главнокомандующемъ, стоявшій весьма близко къ ген. Деникину, любезно сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности происшедшаго, подробности, имѣющія нѣкоторый историческій интересъ.

Около 12 ч. ночи 18-го марта къ ген. Деникину пріѣхалъ ген. Кутеповъ, заявившій, что послѣ всего происшедшаго въ Новороссійскѣ и до него, Добровольческій корпусъ не вѣритъ больше ген. Деникину такъ, какъ вѣрилъ до сихъ поръ.

Ген. Деникинъ отвѣтилъ, что при такихъ обстоятельствахъ онъ слагаетъ съ себя власть, и въ эту же ночь сдѣлалъ первыя распоряженія о созывѣ чрезвычайнаго военнаго совѣта.

На слѣдующій день 19-го марта вестибюль гостинницы «Асторія» въ Феодосіи, гдѣ размѣстился штабъ главнокомандующаго, былъ переполненъ представителями генералитета, пытавшимися безуспѣшно убѣдить ген. Деникина въ необходимости измѣнить свое рѣшеніе. Ген. Деникинъ оставался непреклоннымъ. Въ этотъ день онъ почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ и былъ крайне блѣденъ.

20-го марта въ Севастополѣ состоялся военный совѣтъ. По приказанію ген. Деникина командированный въ Севастополь ген. штаба полк. А. безпрерывно информировалъ его о ходѣ совѣщанія по прямому проводу. 21-го марта, какъ только полк. А. сообщилъ о выдвинутой совѣтомъ кандидатурѣ ген. Врангеля, ген. Деникинъ подписалъ краткій приказъ о назначеніи послѣдняго главнокомандующимъ В. С. Ю. Россіи.

новому главнокомандующему успѣха въ дѣлѣ возсозданія родины, ген. Деникинъ въ тотъ же день на англійскомъ миноносцѣ покинулъ предѣлы Россіи.

Ген. Врангель вступилъ въ исполненіе обязанностей правителя и главнокомандующаго вооруженными силами юга России.

Отклонивъ ноту Великобританскаго правительства, предлагавшаго посредничество въ вопросѣ о заключеніи мира съ большевиками, новый главнокомандующій въ отданныхъ по арміи и флоту приказахъ выразилъ увѣренность, что онъ сумѣетъ вывести армію изъ тяжелаго положенія «не только съ честью, но и съ побѣдой».

Одновременно съ этимъ въ цѣломъ рядѣ рѣчей, произнесенныхъ въ Севастополѣ и въ другихъ городахъ Крыма предъ представителями печати и всевозможными депутаціями, ген. Врангель обѣщалъ въ вопросахъ, касавшихся внутренняго устроенія Крыма и Россіи, руководствоваться демократическими принципами и широко раскрыть двери общественности.

Была провозглашена безпощадная борьба съ канцелярщиной и рутиной. Началась стремительная замѣна однихъ лицъ и учрежденій другими. Фактически, впрочемъ, дѣло свелось лишь къ калейдоскопической перемѣнѣ фамилій и вывѣсокъ, а зачастую даже только послѣднихъ.

Въ тотъ же день вечеромъ состоялось прощальное чествованіе ген. Романовскаго, во время котораго ген. Шепронъ-дю-Лоре, быв. адъютантъ ген. Алексѣева и бывшій генералъ для порученій при ген. Деникинѣ — въ взволнованной, прерывавшейся слезами рѣчи сообщилъ, что, несмотря на всѣ убѣжденія, рѣшеніе главнокомандующаго осталось прежнимъ и что такимъ образомъ присутствующіе прощаются сейчасъ не только съ ген. Романовскимъ, но и съ ген. Деникинымъ — «послѣднимъ главнокомандующимъ», — сказалъ Шепронъ-дю-Лоре, — «изъ безсмертной династіи Корниловыхъ, Марковыхъ, Алексѣевыхъ».

Ген. Деникинъ, какъ и наканунѣ, былъ крайне молчаливъ и говорилъ тихо нѣсколько разъ только со своими сосѣдями по столу. Ген. Романовскій наоборотъ много шутилъ и смѣялся.

Въ 2 часа ночи всѣ разошлись.

22-го марта въ 7 часовъ вечера бывшій Верховный Правитель и главнокомандующій, одѣтый въ матерчатый англійскій плащъ, вышелъ изъ своего номера. Въ концѣ корридора толпилась группа штабныхъ офицеровъ. Тутъ же стояли молча дежурный офицеръ есаулъ М. и проф. Бернацкій. Не замѣчая ихъ, не замѣчая какъ будто никого, ген. Деникинъ, сдѣлавъ наискось по корридору нѣсколько шаговъ, подошелъ къ «быховцу» полк. А. и крѣпко обнялъ его.

Вслѣдъ за тѣмъ ген. Деникинъ направился сразу къ выходу, сѣлъ въ автомобиль и уѣхалъ.

Офицеры бросились въ опустѣвшій номеръ; каждый торопился захватить себѣ на память что либо изъ оставшихся на столѣ письменныхъ принадлежностей.

«Асторія» поразительно напоминала въ эту минуту домъ, изъ котораго только что вынесли покойника.

Въ своемъ номерѣ, уткнувшись въ подушку, навзрыдъ рыдалъ полк. К., бывшій все время штабъ-офицеромъ для порученій при ген. Деникинѣ и пожелавшій остаться въ Россіи.

У входа въ корридоръ стояли по прежнему часовые-конвойцы съ блѣдными испуганными лицами, по своему истолковывавшіе происходившее.

Черезъ четверть часа кто то распорядился ихъ снять.

По телефону передали, что ген. Деникинъ, простившись съ офицерской ротой охраны ставки (офиціальное прощаніе со штабомъ было еще днемъ), перешелъ съ берега на англійскій миноносецъ и сейчасъ уѣзжаетъ заграницу.

Спустя немного времени англійскій миноносецъ, принявшій на свой бортъ генераловъ Деникина и Романовскаго, вышелъ въ море. Одновременно вышелъ и французскій миноносецъ, на которомъ находилось нѣсколько лицъ свиты, пожелавшихъ раздѣлить участь бывшаго главнокомандующаго.

Былъ упраздненъ знаменитый «осваг», составившій цѣлую эпоху въ періодъ политики особаго совѣщанія, но вмѣсто одного «освага» расплодилась чуть ли не дюжина маленькихъ «осважнятъ», представлявшихъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ скверную креатуру своего родоначальника.

Началась какая-то лихорадка съ подачей на имя главнокомандующаго докладныхъ записокъ, проектовъ и (конечно!) смѣтъ, доказывавшихъ необходимость учрежденія новыхъ органовъ освѣдомленія, пропаганды и т. п.

Политическіе авантюристы всѣхъ ранговъ и калибровъ, ех-министры особаго совѣщанія, голодные, оказавшіеся на мели, осважники, случайные репортеры вчерашнихъ столичныхъ газетъ — все это дни и ночи напролетъ сочиняли обѣими руками рецепты спасенія Россіи.

Къ срединѣ апрѣля мѣсяца, когда казначейство В. С. Ю. Р. выдавало одной рукой послѣдніе милліоны потрясающихъ «ликвидаціонныхъ» осважному персоналу, оно же другой рукой должно было вскармливать новыхъ младенцевъ того же, увы, происхожденія.

Умеръ «осваг», но вмѣсто него въ Севастополѣ и на мѣстахъ работали:

а) Прессъ-бюро,

в) Редаготы,

с) Инфоты,

д) Осоготы,

е) Политотдѣлы и т. д., и т. д., а на свѣтъ Божій изъ кучъ проектовъ выглядывали тройками и пятернями «телеграфныя агентства», какіе-то секретные отдѣлы подъ литерами (были и такіе), журналы толстые, журналы тощіе, газеты ежедневныя, еженедѣльныя, понедѣльничныя, воскресныя, народныя, казачьи, рабочьи, какія хотите.

Нечего, разумѣется, пояснять, что почти весь осважный персоналъ перекочевалъ въ «новыя» учрежденія и органы освѣдомленія.

Вся эта публика на-перегонки торопилась использовать искреннее расположеніе новаго главнокомандующаго къ печати, атакуя всѣ пороги дворца и чуть ли не вагоны штабного поѣзда на ходу.

Кредиты на пропаганду и «освѣдомленіе» грозили достичь гомерическихъ размѣровъ. Вѣдомство г. Бернацкаго возопило о милосердіи и осмотрительности. Цѣлый рядъ «новорожденныхъ» оказался лишеннымъ необходимаго питанія. Началась безобразная борьба за право на собственное существованіе. Каждый изъ новорожденныхъ пытался изо всѣхъ силъ признанія его за собою и не стѣснялся въ выборѣ средствъ и способовъ, какъ бы половчѣе подставить ножку своему сосѣду.

Несомнѣнно ген. Врангель очень быстро понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и попытался исправить ошибку. Но людей, которые могли бы помочь ему найти надежный путь къ такому исправленію, не было. Персональная чехарда и «ликвидаціи» не давали, въ сущности, никакихъ результатовъ. Въ частности послѣднія сводились лишь къ безконечнымъ «перебѣжкамъ» ликвидируемыхъ подъ новую вывѣску, и были спеціалисты, которые ухитрялись мѣнять свою кожу по нѣсколько разъ въ теченіе одной весны, укладывая ликвидаціонныя во всѣ четыре кармана. Независимая пресса въ количествѣ двухъ съ половиной газетъ и общественные круги по прежнему держались особнякомъ и никакіе соблазны, вродѣ льготнаго или дарового полученія бумаги, не помогали.

Отчаявшись въ возможности поставить дѣло раціональнымъ образомъ, генералъ Врангель разрѣшилъ его въ концѣ концовъ чисто по-кавалерійски, отдавъ

свой извѣстный приказъ о томъ, что пропаганда вовсе, повидимому, не нужна, и пусть-де населеніе судитъ о власти по дѣламъ ея.

Редаготы, инфоты, осоготы и иже съ ними исчезли съ лица земли. Все было замѣнено опять однимъ институтомъ — «отдѣломъ печати при начальникѣ гражданскаго управленія» — тѣмъ же самымъ безсмертнымъ «освагомъ» — роковымъ творцомъ внутренней политики на территоріяхъ «всюра». Не хватало только подходящаго руководителя, но и тотъ вскорѣ объявился въ лицѣ молодого петербургскаго чиновника г. Немировича-Данченко, назначеннаго, какъ увѣряли злые языки, на этотъ постъ исключительно благодаря «очень подходящей фамиліи».

Я не случайно отмѣчаю, прежде чѣмъ перейти непосредственно къ дневникамъ, тѣ факторы, которые доминировали съ первыхъ дней въ области Крымской внутренней политики. Всѣмъ отлично извѣстна и памятна та фатальная роль, какую сыграла осважная политическая идеологія въ до-Новороссійскій періодъ гражданской войны. И уже въ силу хотя бы одного этого обстоятельства нельзя умолчать, что осважный микробъ, самый страшный и, какъ показала практика, смертельный, не оставилъ южно-русскихъ вооруженныхъ силъ. Даже потрясенія послѣднихъ мѣсяцевъ 1919 года, даже Новороссійская катастрофа не вытравили его до конца. Спрятавшись въ самыхъ потайныхъ клѣточкахъ организма, онъ уже съ апрѣля мѣсяца открыто обнаружилъ себя, принявшись за прежнюю работу — отравляя только что, какъ будто, начавшійся процессъ оздоровленія ядомъ все той же неизмѣнной лести, прислужничества, не допуская даже мысли о возможности свободной критики дѣйствій власти, одурманивая здравый разсудокъ явно-безсовѣстными измышленіями о соотношеніи и положеніи силъ своихъ и противника. На этой-то именно благодатной почвѣ и расцвѣла позже махровымъ цвѣтомъ пагубная Чебышевщина, считавшая своимъ вѣрноподданнѣйшимъ долгомъ пѣть только дифирамбы, смотрѣть только сквозь розовые очки, говорить только объ обреченности противника, видѣть только первоклассныя позиціи тамъ, гдѣ люди знаній и опыта не видали ничего, кромѣ скверныхъ канавъ и т. д., и т. д.

Крымъ могли бы, быть можетъ, спасти честные храбрецы, когда-то имѣвшіе мужество говорить всю правду о неизбѣжности опредѣленнаго исхода операціи, порученной адм. Рождественскому, но на «послѣднемъ клочкѣ русской земли» въ 12-й часъ оказались, увы, въ непосредственной близости къ главнокомандующему не они. И когда надо было бить во всю тревогу по поводу «укрѣпленности» Перекопа, когда, можетъ быть, надо было по примѣру противника выкинуть рѣшительные лозунги до призыва «всѣ на постройку укрѣпленій Перекопа!» включительно, когда, можетъ быть, надо было крикомъ кричать о сотняхъ замороженныхъ труповъ, которые доставлялись съ фронта въ санитарныхъ «теплушкахъ», словомъ, когда въ правдѣ и честной, разумной патріотической тревогѣ было все спасеніе — казенные оптимисты продолжали свое извѣчное чуть ли не «шапками закидаемъ».

Дальше читатель найдетъ документальныя подтвержденія выше сказаннаго, пока же я считаю своимъ долгомъ просто отмѣтить лишь живучесть того микроба, который успѣлъ сѣсть на корабли на Новороссійскомъ рейдѣ въ кошмарные мартовскіе дни прошлогодней весны.

Конечно, несправедливо было бы олицетворять его въ одномъ г. Чебышевѣ, имя котораго выше упомянуто, какъ имя наиболѣе яркаго выразителя опредѣленной гибельной идеологіи. Лично мнѣ довелось видѣть бывшаго вдохновителя

роковыхъ идей особаго совѣщанія лишь три раза: два — въ частномъ домѣ и послѣдній разъ въ Константинополѣ, благополучно высадившимся съ перваго же прибывшаго изъ Севастополя иностраннаго миноносца и устроившимся тамъ начальникомъ какого-то очередного освѣдомительнаго бюро. Никогда въ жизни я не имѣлъ никакихъ абсолютно ни личныхъ отношеній, ни столкновеній съ этимъ человѣкомъ и, опредѣляя сортъ и родъ процвѣтавшаго въ Крыму особаго казеннаго патріотизма его именемъ, я руководствуюсь только фактами и документальными данными.

Значительно благополучнѣе обстояло къ началу наступленія дѣло съ реорганизаціей и перевоспитаніемъ (до извѣстной степени) самой арміи. Здѣсь, въ теченіе крайне незначительнаго промежутка времени, была закончена съ огромной энергіей и настойчивостью безконечно-трудная работа по приведенію арміи въ боеспособное состояніе.

Разрозненныя, потерявшія послѣ Новороссійска и «сердце», и вѣру толпы солдатъ, казаковъ, а нерѣдко и офицеровъ были вновь сведены въ опредѣленныя войсковыя соединенія, спаянныя между собой и общей дисциплиной и довѣріемъ къ командному составу.

Разгулъ, хулиганство и безчинства, наблюдавшіеся въ первые дни по прибытіи арміи въ Крымъ, были пресѣчены. И были пресѣчены несомнѣнно тѣмъ подъемомъ, который сумѣлъ создать своими выступленіями и приказами генералъ Врангель, а также тѣми элементарными мѣропріятіями по оздоровленію арміи, которыя стали проводиться рѣшительно въ жизнь. Нечего, разумѣется, говорить, что подъ этими мѣропріятіями меньше всего слѣдуетъ подразумѣвать фонарную дѣятельность нѣкоторыхъ генераловъ, отправлявшихъ на фонари и трамвайные столбы офицеровъ и солдатъ старѣйшихъ добровольческихъ полковъ чуть не за каждое разбитое въ ресторанѣ стекло, гдѣ эти часто вовсе не присяжные дебоширы, а просто несчастные, отчаявшіеся въ эти дни люди искали въ винѣ забвенія и дурмана. Дѣятельность ген. Кутепова въ этомъ направленіи достигла въ апрѣлѣ мѣсяцѣ такихъ размѣровъ, что вызвала рѣшительный протестъ представителей Симферопольскаго земства и города Симферополя, заявившихъ, что населеніе лишено возможности посылать своихъ дѣтей въ школы по разукрашеннымъ г. Кутеповымъ улицамъ.

Но какъ бы тамъ ни было, справедливость требуетъ отмѣтить, что стихійная разнузданность, царившая въ тылу въ началѣ весны, къ концу ея была сведена почти на нѣтъ.

Даже Донской корпусъ, считавшійся у стараго добровольческаго командованія наименѣе надежнымъ, оказался къ началу мая въ полной боевой готовности. Процессъ генераловъ Сидорина и Кельчевскаго, вопреки всѣмъ опасеніямъ, не повліялъ на настроеніе донцовъ, что должно быть по справедливости приписано и поведенію самихъ генераловъ Сидорина и Кельчевскаго, мужественно принявшихъ на себя чужую вину и безропотно покинувшихъ предѣлы Россіи, не использовавъ въ цѣляхъ какой либо агитаціи жестокій и суровый приговоръ военнаго суда.

Будущій историкъ, который сумѣетъ спокойно разобраться во всѣхъ сложныхъ деталяхъ этого процесса долженъ знать, что зародился онъ далеко не по желаніямъ одного журналиста, котораго принято считать виновникомъ всего случившагося.

Что г. Ратимовъ, о которомъ говоритъ въ своей книгѣ («Въ станѣ бѣлыхъ») г. Раковскій былъ по поводу этого дѣла у ген. Врангеля — это вѣрно, это

извѣстно совершенно точно. Но вотъ, что извѣстно мало, а огромному большинству и вовсе не извѣстно — такъ это то, что еще до г. Ратимова у главнокомандующаго въ теченіе весьма продолжительнаго промежутка времени пробылъ съ докладомъ по этому дѣлу ген. Кутеповъ, рѣшительно настаивавшій на преданіи суду командного состава Донского корпуса и сумѣвшій на этомъ настоять до конца. Что г. Ратимовъ пріѣхалъ въ тотъ день изъ Симферополя въ Севастополь въ поѣздѣ ген. Врангеля (докладъ ген. Кутепова происходилъ во время стоянки поѣзда въ Симферополѣ) объ этомъ говорили въ свое время не мало, но что во время всего пути ген. Врангель, вызвавшій на три минуты г. Ратимова въ салонъ-вагонъ, задалъ ему только два вопроса, требовавшихъ подтвержденія слышаннаго отъ ген. Кутепова, и ни о чемъ больше съ нимъ не говорилъ, это тоже извѣстно, какъ будто, мало. И, наконецъ, вовсе, кажется, не извѣстно, что въ тотъ же день, когда поѣздъ прибылъ, г. Ратимовъ былъ около полуночи разбуженъ въ домѣ, гдѣ онъ ночевалъ, и вызванъ во дворецъ главнокомандующаго, гдѣ встрѣтился неожиданно съ Донскимъ атаманомъ генераломъ Богаевскимъ.

Оставивъ атамана и редактора Евпаторійской газеты вдвоемъ, ген. Врангель предложилъ послѣднему разсказать обо всемъ, что происходитъ въ Евпаторіи, атаману. Черезъ четверть часа, вернувшись въ комнату, главнокомандующій спросилъ ген. Богаевскаго:

— Вѣрно?..

— Да, — тихо отвѣтилъ атаманъ.

— Вы согласны съ составленнымъ мною приказомъ?.. — спросилъ генералъ Врангель.

Атаманъ наклонилъ голову.

— Разрѣшите добавить, что онъ отдается и съ вашего согласія?..

— Да... — съ громаднымъ усиліемъ, поборовъ съ трудомъ замѣтное волненіе, отвѣтилъ атаманъ.

Ген. Врангель подписалъ приказъ и, вызвавъ адъютанта, передалъ ему для исполненія.

Судьба командного состава Донского корпуса была рѣшена.

Записываю эти строки исключительно для будущаго историка, такъ какъ время для подробнаго анализа случившагося еще не пришло.

Ихъ должно дополнить еще однимъ поясненіемъ: Ратимовъ былъ приглашенъ въ поѣздъ вслѣдъ за Кутеповымъ лишь потому, что, находясь въ штабѣ у послѣдняго и прося о пропускѣ въ Севастополь, долженъ былъ объяснить причины поѣздки. Причины же эти заключались въ необходимости добиться отъ «Прессъ-Бюро» путемъ подачи особой докладной записки спасенія своей газеты, которая по сравненію съ трагическимъ офиціозомъ Донского корпуса была поставлена въ крайне тяжелыя матеріальныя условія, такъ какъ издавалась тогда еще исключительно на личныя средства своего редактора-издателя.

Такъ объяснялъ, если мнѣ не измѣняетъ память, случившееся Ратимовъ.

Въ результатѣ онъ былъ вызванъ въ поѣздъ главнокомандующаго.

За нѣсколько дней до начала наступленія генералы Сидоринъ и Кельчевскій покинули предѣлы Россіи. Донцы бодро выступили на фронтъ.

20-го мая, за три дня до выхода изъ Крыма, ген. Врангель приказалъ широко опубликовать слѣдующихъ два приказа (точнѣе — приказъ и обращеніе):

I-й

Приказъ Правителя и Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи.
20-го Мая 1920 года. № 3226. г. Севастополь.

Русская Армія идетъ освобождать отъ красной нечисти Родную землю.

Я призываю на помощь мнѣ Русскій Народъ.

Мною подписанъ законъ о волостномъ земствѣ, и возстановляются земскія учрежденія въ занимаемыхъ Арміей областяхъ.

Земля казенная и частно-владѣльческая сельско-хозяйственнаго пользованія распоряженіемъ самихъ волостныхъ земствъ будетъ передаваться обрабатывающимъ ее хозяевамъ.

Призываю къ защитѣ Родины и мирному труду русскихъ людей и обѣщаю прощеніе заблудшимъ, которые вернутся къ намъ.

Народу — земля и воля въ устроеніи государства!

Землѣ — Волею народа поставленный Хозяинъ!

Да благословитъ насъ Богъ!

Генералъ Врангель.

и II-й, оглавленный:

Слушайте, русскіе люди, за что мы боремся:

За поруганную вѣру и оскорбленныя ея святыни.

За освобожденіе русскаго народа отъ ига коммунистовъ, бродягъ и каторжниковъ, въ конецъ разорившихъ Святую Русь.

За прекращеніе междуусобной брани.

За то, чтобы крестьянинъ, пріобрѣтая въ собственность обрабатываемую имъ землю, занялся бы мирнымъ трудомъ.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы Русскій народъ самъ выбралъ бы себѣ

ХОЗЯИНА.

Помогите мнѣ, русскіе люди, спасти родину.

Генералъ Врангель.

Приказъ и обращеніе произвели безспорно-сильное впечатлѣніе.

Много толковъ и споровъ вызвалю, правда, толкованіе слова «хозяинъ», но послѣдовавшіе вскорѣ дополнительные тексты аналогичныхъ обращеній къ населенію, гдѣ это слово опредѣленно уже трактовалось, какъ выборная, общепризнанная народная власть, охладило значительно однихъ и успокоило другихъ.

Въ ночь на 24-е мая обновленная, реорганизованная армія перешла въ рѣшительное наступленіе, вѣря, что идетъ не на безумное, заранѣе проигранное дѣло, а ради спасенія родины, во имя самой, быть можетъ, міровой цивилизаціи, поддержка которой ей во всякомъ случаѣ обезпечена не въ однихъ только платоническихъ комплиментахъ визитеровъ изъ Парижа.

Съ этой увѣренностью тысячи молодыхъ, цвѣтущихъ жизней ринулись неудержимо впередъ чрезъ валы древняго Перекопа и Сивашскія озера.

Дальше предоставляю мѣсто своимъ дневникамъ

ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА

(23 Мая — 20 Іюня)

Выходъ изъ Крыма

23-го мая 1920 г.

Сумбурный, хлопотливый день.

Сегодня главнокомандующій отдалъ приказъ штабу отправляться изъ Севастополя на фронтъ.

Въ его поѣздъ переселяются 1-й генералъ-квартирмейстеръ ген. шт. полковникъ Коноваловъ, оперативное отдѣленіе, часть службы связи и тѣ изъ офицеровъ другихъ отдѣленій штаба, которые должны ex officio состоять при полевой ставкѣ. Ѣдетъ и наштаглавъ ген. Шатиловъ.

Сопровождаютъ поѣздъ 24 выбранныхъ ординарца и два взвода конвойщевъ.

Настроеніе у всѣхъ приподнятое, у нѣкоторыхъ нервно-напряженное.

Всѣ знаютъ, что завтра — послѣзавтра неизбѣжны операціи, которыя должны рѣшить судьбу не только Крыма, но быть можетъ — какъ знать — и всей Россіи.

Въ 5 часовъ вечера прибыли на вокзалъ и долго пробирались на запасные пути, гдѣ стоялъ нашъ поѣздъ. Вагоны — чистые съ электрическимъ освѣщеніемъ, нѣкоторые передѣланы спеціально подъ отдѣленія штаба, въ окна вагона связи видны аппараты Юза, Морзе и т. д., на стѣнкахъ изоляторы. Мягкихъ классныхъ вагоновъ только три или четыре, въ томъ числѣ вагонъ главкома (главнокомандующаго), остальные изъ пульманскихъ вагоновъ 3-го класса. Тѣсновато, но славный Р. П. — ревизоръ поѣзда еще со временъ генерала Деникина — едва увидалъ насъ, поспѣшилъ увѣрить, что это «только до Мелитополя». Тамъ раздобудемся опять хорошими. Увѣренность, съ какой онъ говорилъ о Мелитополѣ, показалась всѣмъ хорошимъ признакомъ.

Въ 8 вечера подали на 1-й путь.

Въ 11 вечера прибылъ главкомъ. Поздоровавшись съ нѣкоторыми изъ провожавшихъ, ген. Врангель сразу быстро прошелъ въ свой вагонъ, у котораго стоятъ конвойцы-кубанцы съ шашками на-голо.

Черезъ часъ тронулись.

Идемъ медленно, хотя тянутъ два паровоза. Путь усиленно охраняется.

24-го мая, 7 час. утра.

Прибыли въ Джанкой. Приказано остановиться и начать развертываться. Къ 10 часамъ утра полевая ставка развернулась по обѣ стороны боковой платформы, образовавъ родъ корридора изъ двухъ рядовъ вагоновъ, входившихъ въ составъ поѣзда главкома.

Справа встали вагоны главнокомандующаго ген. Шатилова, конвоя, коменданта, 1-й ресторанъ, электро-станція и др. Слѣва — оперативный телеграфъ, оперативное отдѣленіе, служба связи, чины штаба, ординарцы, 2-й ресторанъ, радіо, Донской атаманъ и др. Посрединѣ, въ центрѣ платформы заняли мѣсто двѣ антены радіо. Все связано между собою паутиной проводовъ.

Къ 11-ти началась всюду работа. Заняли посты и дежурства ординарцы. Забѣгали съ приказами и донесеніями посыльные, «бѣлая повязка» и пр.

До 7 часовъ вечера — ничего особеннаго. Настроеніе у всѣхъ какое-то напряженное. Всѣ ждутъ чего-то чрезвычайно важнаго. Часто спрашиваемъ

другъ у друга, не началось ли уже наступленіе и что вообще происходитъ на фронтѣ. Никто ничего точно не знаетъ.

8 час. 30 мин. вечера. Съ быстротой молніи переносится изъ вагона въ вагонъ вѣсть объ удачной высадкѣ нашего дессанта подъ командованіемъ ген. Слащева къ сѣверо-востоку отъ Крымскихъ перешейковъ. На лицахъ у всѣхъ сразу просвѣтлѣніе. Кругомъ оживленные разговоры, пожатія рукъ, радостныя восклицанія.

Говорятъ, что выполнена самая трудная часть задачи, отъ успѣха которой зависитъ все остальное. Слава Богу!..

Въ оперативномъ отдѣленіи надъ картой — генералъ-квартирмейстеръ, генералъ Георгіевичъ, полковникъ Шкеленко, весь почти генштабъ. Оживленная бесѣда, улыбки, смѣхъ. Вечеръ проходитъ въ самомъ лучшемъ настроеніи.

Ночью спокойно.

25-го мая, 6 час. утра.

Просыпаемся отъ пулеметной стрѣльбы. Оказывается, наши летчики пробуютъ пулеметы.

7 час. утра. Генералъ-квартирмейстеръ отдалъ приказъ всѣмъ аэропланамъ подняться, взять направленіе на Перекопъ и слѣдить за отступающимъ противникомъ.

Красные отступаютъ! Отступаютъ, едва началось наше наступленіе...

Крымскія ворота распахнулись!

Этой ошеломляюще-радостной вѣстью начинается сегодняшній день.

Спустя пять минутъ, машины, одна за другой, начинаютъ плавно отдѣляться отъ земли и несутся на сѣверъ...

На плѣненный, измученный сѣверъ...

10 час. утра. Операціи развиваются, видимо, очень успѣшно. Сейчасъ слышалъ бесѣду главкома съ генквармомъ (генералъ-квартирмейстеръ). Главкомъ говорилъ, что захватили 14 орудій, и давалъ указанія относительно хода дѣйствій въ слѣдующую ночь. Коноваловъ выдвигалъ свои соображенія, твердо ихъ отстаивая.

Передъ этимъ главкомъ приказалъ на платформѣ ген. Шатилову передать по радіо Слащеву о ходѣ боя на сѣверъ отъ перешейковъ и добавилъ:

— Скажите ему, чтобы рѣзалъ по тыламъ во всю...

12 часовъ. Все идетъ пока благополучно. Только что главнокомандующій, высунувшись въ окно вагона, крикнулъ въ оперативное отдѣленіе:

— Ну какъ — все благополучно?..

— Такъ точно, ваше высокоп-во, — отвѣчалъ поручикъ Н. Главкомъ минуту помолчалъ, а потомъ вдругъ произнесъ:

— А не дернуть ли мнѣ сейчасъ туда на аэропланѣ?..

Подошедшій ген. Г. отсовѣтовалъ.

Къ 12 часамъ дня по картѣ оперативнаго отдѣленія положеніе было таково: наша Перекопская группа подходитъ къ Чаплинкѣ (конница), а на берегу моря идетъ ликвидація противника въ раіонѣ Адамани. Дессантъ ген. Слащева подходитъ къ Акимовкѣ, стремясь прижать съ тыла къ перешейкамъ красныя части, охранявшія Крымскія ворота. Латыши отстрѣливаются въ упоръ не только изъ винтовокъ, но даже изъ орудій.

2 часа дня. Сейчасъ доставили перваго перебѣжчика прямо съ поля сраженія. Разсказываетъ много любопытнаго о жизни совѣтскаго юга. Допросъ

идетъ прямо на платформѣ у входа въ оперативное отдѣленіе. Вокругъ тщедушнаго, жалко-одѣтаго въ отрепья парня — большая группа офицеровъ генеральнаго штаба, ординарцевъ, чиновниковъ телеграфа. Допросъ ведетъ поручикъ Н.

5 час. вечера. Главнокомандующій отправляется на фронтъ. Поѣзду приказано слѣдовать въ Ново-Алексѣевку, двѣнадцать часовъ тому назадъ бывшую еще въ рукахъ у красныхъ.

Въ Ново-Алексѣевкѣ — первый случай награжденія новымъ орденомъ св. Николая-Чудотворца. Первый кавалеръ поручикъ Любичъ-Ярмоловичъ, танкистъ, прорвавшій 4 ряда проволочныхъ загражденій и захватившій вдобавокъ одно орудіе. Героя поздравляли. Въ вагонѣ у главкома пили въ его честь шампанское. Самъ онъ сильно конфузился, стѣсняясь, видимо, все время своего рабочаго перепачканнаго костюма.

10 час. вечера — вернулись въ Джанкой.

11 час. ночи — вступилъ въ дежурство по службѣ связи.

1 час. ночи. Къ аппарату вызвали генкварма. Что-то скверное. Коноваловъ быстро пришелъ.

Дежурный телеграфистъ читаетъ ему по лентѣ вслухъ. Депеша отъ Кутепова о тяжелыхъ потеряхъ Дроздовской дивизіи: выбыло изъ строя больше половины команднаго состава. Начальникъ дивизіи ген. Туркулъ тяжело контуженъ. Потери вообще очень серьезныя. Въ виду этого комкоръ (командиръ корпуса — ген. Кутеповъ) рѣшилъ отступить обратно къ Перекопу, разсчитывая, впрочемъ, утромъ ликвидировать красныхъ.

Генквармъ выслушалъ всю передачу молча и только минутами, по словамъ А., мѣнялся въ лицѣ и кусалъ губы.

Неужели же все погибнетъ?..

Какая страшная минута, а вся почти ставка уже мирно спитъ.

Проходя обратно къ себѣ въ вагонъ, генквармъ сказалъ начальнику связи ген. шт. полк. П. не то въ раздумьи, не то, какъ бы, сѣтуя на кого-то, не послушавшаго его:

— А въ общемъ, ночи безумныя, ночи безсонныя...

Странная фраза. Мы долго думали, что она можетъ обозначать.

26-го мая.

Ѣздилъ въ срочную командировку съ приказами въ штабъ своднаго корпуса, стоящій въ Джимбулукѣ. По дорогѣ безъ конца встрѣчались эшелоны донцовъ, настроенныхъ весьма, какъ будто, воинственно. Вопреки всѣмъ страхамъ и опасеніямъ дѣло Сидорина не повліяло на выступленіе донцовъ на фронтъ.

На фронтѣ упорные бои.

Несмотря на это въ освобожденныя мѣста уже хлынули цѣлые эшелоны спекулянтовъ. Разница въ цѣнахъ огромная: цѣны ниже Крымскихъ въ 20 — 30 — 50 разъ. Никакихъ мѣръ противъ спекулянтовъ пока не принимается.

27-го мая.

Вернулся въ 9 часовъ утра въ Джанкой.

Въ 10 часовъ главкомъ лично допрашивалъ перебѣжчика — офицера Дроздовскаго полка, когда-то оставленнаго нами при одномъ изъ отступленій въ лазаретѣ. Бѣдняга страшно волновался, прикладывалъ поминутно руку къ фуражкѣ безъ кокарды, блѣднѣлъ, путался.

Днемъ генералъ-квартирмейстеръ полетѣлъ лично на аэропланѣ къ генералу Слащеву, находящемуся въ 30 верстахъ отъ Мелитополя. Вечеромъ вернулся.

Слащевъ понесъ въ бояхъ сегодня большія потери, но, говорятъ, бодръ.

Передаютъ, будто генквармъ сказалъ, что Слащевъ будетъ въ Мелитополѣ ночью.

28-го мая.

Въ 10 часовъ утра опубликовано оффиціальное сообщеніе о взятіи Мелитополя.

Въ полдень узналъ о серьезной нашей неудачѣ въ раіонѣ Ново-Алексѣевки.

Отрядъ красныхъ атаковалъ внезапно это селеніе, занятое Чеченской бригадой ген. Ревишина. Штабъ бригады частью изрубленъ, частью увезенъ на автомобиляхъ во главѣ съ самимъ Ревишинымъ. Двое его сыновей-мальчугановъ хотѣли сѣсть съ отцомъ въ автомобиль, но красные ихъ выбросили, спаслось лишь 7 человѣкъ. Положеніе возстановлено только сейчасъ.

Дроздовцы и марковцы продолжаютъ нести очень серьезныя потери. По свѣдѣніямъ изъ штаба корпуса Кутепова корпусъ за три дня наступленія потерялъ до 23% своего состава. Кромѣ того мы потеряли 4 броне-автомобиля, компенсировавъ, впрочемъ, эту потерю хорошимъ исправнымъ бронепоѣздомъ, захваченнымъ Слащевымъ.

До вечера — упорные бои.

29-го мая.

Въ раіонѣ корпуса ген. Писарева противникъ, видимо, еще не ликвидированъ. По крайней мѣрѣ Алексѣевка (гдѣ былъ позавчера главкомъ) опять обстрѣливалась какимъ-то кавалерійскимъ отрядомъ. Отсутствіе кавалеріи у насъ даетъ громадныя преимущества краснымъ. Пожалуй, это главный ихъ плюсъ.

Въ общемъ фронтъ имѣетъ сегодня видъ полумѣсяца, вогнутаго въ нашу сторону. Съ фланговъ мы охватываемъ красныхъ, въ центрѣ они все еще господа положенія чуть ли не у самыхъ перешейковъ. Соединенія съ дессантнымъ корпусомъ Слащева все еще нѣтъ.

Мелитополь взятъ, захвачены, говорятъ, трофеи, но желѣзная дорога туда все еще подъ угрозой.

Въ 9 часовъ утра генералъ-квартирмейстеръ опять полетѣлъ къ Слащеву. Всѣ отдаютъ должное его смѣлости и энергіи.

30-го мая.

На фронтѣ упорные бои продолжаются. Въ центрѣ положеніе наше улучшилось. Авангарды выдвинулись за Рождественскую.

Днемъ слышалъ разговоръ главнокомандующаго съ ген. Георгіевичемъ. Послѣдній обронилъ, между прочимъ, фразу о томъ, что помѣщики не совсѣмъ довольны новымъ земельнымъ закономъ.

Главнокомандующій громко произнесъ:

— Я самъ помѣщикъ и у меня перваго придется дѣлить землю . . .

Кстати о земельномъ законѣ.

Распространяется онъ съ черепашьей медлительностью. На раіонъ каждаго корпуса посылается, кажется, по 500 экземпляровъ, — всѣ платные по 100 руб. за экземпляръ. Масса ихъ осѣдаетъ въ канцеляріяхъ и штабахъ, гдѣ каждый писарь считаетъ своимъ долгомъ взять «на память». На моихъ глазахъ, пока

ординарцы разсортировали приказъ, нѣсколько полковниковъ изъ генштаба потребовали его для себя. Безплатныхъ экземпляровъ отдѣлъ печати до сихъ поръ не удосужился напечатать. Безграничной важности реформа проводится съ безграничной канцелярской глупостью.

Въ 4 часа дня главкомъ уѣхалъ въ своемъ составѣ въ Севастополь. Ставка осталась. За главкома — Шатиловъ.

Вечеромъ ротм. С., Ал. К. и я вспоминали, въ связи со слухами о шпіонажѣ въ ставкѣ, исторію «Строевъ — генштабъ — ротм. кн. К.»

Еще изъ эпохи Деникина и Тихорѣцкой.

Узналъ любопытныя подробности: Оказывается свыше 80% офицеровъ генеральнаго штаба дѣйствительно на службѣ у совѣтской власти. Строевъ былъ у нихъ авіоглавомъ. Опустился онъ подъ Тихорѣцкой въ наше расположеніе несомнѣнно по ошибкѣ, такъ какъ наши акціи въ тѣ дни съ неудержимой быстротой катились уже къ Новороссійску и никакихъ надеждъ на исправленіе дѣлъ у Строева быть не могло. Да и онъ самъ не скрывалъ происшедшей ошибки. Несмотря на это, когда его привели въ поѣздъ ставки и ввели въ вагонъ оперативнаго отдѣленія, нѣкоторые офицеры генштаба (коллеги, кажется, по выпуску) встрѣтили его оживленными восклицаніями, а капитанъ Г. даже бросился ему на шею. Дѣлу былъ приданъ такой видъ, будто Строевъ опустился къ намъ нарочно.

Ротм. кн. К. (офицеръ для порученій при ген. Деникинѣ), ошеломленный происшедшимъ, допустилъ нѣсколько очень рѣзкихъ выраженій по адресу генштаба. Объ инцидентѣ доложили ген. Деникину, указавъ, что Строевъ опустился нарочно. Ген. Деникинъ тотчасъ же уволилъ 70-лѣтняго князя К. безъ прошенія. Позже вина Строева была доказана.

Договорились до того, что и теперь въ ставкѣ «что-то неладно». Исторія съ Ревишинской бригадой очень подозрительная, хотя могло выдать и само населеніе. Чеченцы съ мѣста въ карьеръ принялись за старое — за грабежи.

Около 12 ночи пріѣхалъ офицеръ — сынъ ген. Ревишина. Онъ просилъ, черезъ ротм. С., ординарцевъ узнать, не давалъ ли главнокомандующій радіо въ Москву . . . Ленину, предлагая въ обмѣнъ за Ревишина кого-то изъ комиссаровъ. Нелѣпое предложеніе.

Связь съ радіо держалъ какъ разъ въ тотъ день орд. К. Спросили его. К. ничего не слыхалъ: всѣ радіо, шедшія черезъ его руки, были шифрованныя.

31-го мая.

За день много перебѣжчиковъ. Разсказываютъ много интереснаго, хотя все въ общемъ старо: голодъ, терроръ, коробка спичекъ — 500 руб.

Сынъ Ревишина былъ принятъ сегодня генквармомъ. Все надѣялся на радіо. Конечно, вздоръ.

2 час. дня. Радіо о занятіи красными Кіева. Скверно дѣло. Если у поляковъ такъ пойдетъ дальше, то . . . стоило ли намъ выходить изъ Крыма? . . Полное «анулированіе» нашихъ успѣховъ; повтореніе прошлогодней исторіи, когда думали соединяться съ Колчакомъ.

Вечеромъ бесѣдовалъ съ нашимъ офицеромъ-перебѣжчикомъ, лично извѣстнымъ генералу-квартирмейстеру.

Откровенно говоритъ, что въ конечномъ итогѣ мы едва ли можемъ разсчитывать на побѣду. Слишкомъ разогрѣтъ классовой антагонизмъ (у насъ,

конечно, пропаганды ни на полушку!), слишкомъ велико численное превосходство.

Настроеніе вечеромъ скверное. Все время въ головѣ Кіевъ. Красные обстрѣливаютъ Мелитополь. Безрезультатно.

Узналъ еще, что мы должны были начать наступленіе и выползти изъ Крыма. И должны были сдѣлать это именно не позже воскресенья, такъ какъ на вторникъ было назначено наступленіе красныхъ. Захвачены приказы, заготовленные балоны съ удушливыми газами и т. д.

Вечеромъ доставили шпіона: нацѣпилъ дуракъ Георгія при аннинской лентѣ.

1-го іюня.

За весь день ничего особеннаго. Къ вечеру получены сообщенія, что корпусъ ген. Слащева былъ вчера и сегодня въ очень критическомъ положеніи. Большевики окружали его подковообразно съ трехъ сторонъ. Съ трудомъ удалось разбить ихъ. Нашей развѣдкой обнаружено подтягиваніе резервовъ 8-й сов. арміи. Послѣ обѣда главкомъ уѣхалъ въ Севастополь. Ставка осталась въ Джанкоѣ.

2-го іюня.

Утромъ слушалъ показанія нашихъ офицеровъ-перебѣжчиковъ и агентовъ развѣдки, бывшихъ у красныхъ.

Впечатлѣніе самое безотрадное.

Говорятъ, никакихъ возстаній на югѣ сейчасъ нѣтъ (а наши газеты-то, а «Вел. Россія» пекутъ ихъ, что твои блины!). Объ особенныхъ насиліяхъ надъ простымъ населеніемъ тоже ничего не слышно.

О нашей арміи населеніе сохранило вездѣ опредѣленно-скверныя воспоминанія и называетъ ее не Добрарміей, а «грабьарміей». На Кубани и въ Новороссійскѣ сдалось въ общей сложности 10.000 офицеровъ. Почти всѣ яко бы живы. Совѣтская власть будто бы прилагаетъ всѣ усилія, чтобы привлечь ихъ на свою сторону. Многіе уже служатъ въ красныхъ арміяхъ. Ведущихъ, впрочемъ, агитацію противъ большевиковъ безпощадно разстрѣливаютъ.

Днемъ слышалъ опять жалобы на грабежи и безчинства казаковъ. Тащатъ вездѣ лошадей. Командиры частей ничего не могутъ подѣлать, хотя были даже случаи, что стрѣляли изъ револьверовъ.

Главкомъ, между прочимъ, приказалъ немедленно устранять отъ должности командировъ частей, гдѣ обнаружены безчинства.

11 час. вечера. Ошеломляющая новость.

Генералъ-квартирмейстеръ приказалъ черезъ начальника связи кап. Г—ву начать секретное разслѣдованіе по поводу передачи какой-то нашей радіостанціей важнѣйшаго оперативнаго приказа (боевой директивы штаглава) отъ 28-го мая въ незашифрованномъ видѣ. Въ приказѣ обозначена вся дислокація Донского корпуса, взятой въ плѣнъ красными бригады ген. Ревишина и другихъ частей. Указанъ часъ начала операцій и т. д.

Радіо перехвачено нашей канонеркой въ Азовскомъ морѣ. Командиръ канонерки въ сильнѣйшемъ изумленіи доложилъ объ этомъ телеграфно командующему флотомъ. Въ результатѣ вчера дошло до ставки.

Если это не фальсификація нашего приказа, переданная совѣтскимъ радіо нарочно для того, чтобы спутать карты, то . . . не подлежитъ ни малѣйшему

сомнѣнію, что на одномъ изъ нашихъ радіо (скорѣе всего — корпусномъ или дивизіонномъ) сидитъ агентъ совнаркома.

Происшедшее держится въ строжайшемъ секретѣ.

3-го іюня.

Ничего особеннаго. Бои продолжаются. Въ 10 часовъ вечера вернулся главкомъ.

4-го іюня.

Главнокомандующій впервые ѣздилъ въ освобожденный Мелитополь. Прибылъ подъ вечеръ и со станціи проѣхалъ на автомобилѣ въ церковь. На улицахъ было не мало народа. Многіе кричали — «ура», хотя большинство населенія все еще не вѣритъ своему избавленію и, опасаясь возвращенія красныхъ, боится даже открыто высказываться.

Слышавшіе рѣчь главкома, которую онъ произнесъ съ паперти къ народу, утверждаютъ, что онъ очень рѣзко говорилъ объ еврейскомъ засиліи и обѣщалъ вырвать народъ изъ рукъ евреевъ. Не знаю, вѣрить ли этому или нѣтъ, такъ какъ оффиціальнаго текста рѣчи въ поѣздѣ нѣтъ, а слова Врангеля весьма часто каждый трактуетъ по-своему.

Во время поѣздки произошелъ любопытный казусъ.

На ст., кажется, Таганашъ, къ хор. П. (адъютанту главнокомандующаго) явился секретарь епископа Веніамина съ просьбой отъ имени владыки разрѣшить прицѣпить вагонъ архіерея, находящійся на станціи, къ составу главкома. П. пошелъ въ вагонъ спрашивать разрѣшенія, однако, черезъ минуту появился снова на платформѣ и, не давая никакого отвѣта секретарю, крикнулъ торопливо коменданту поѣзда:

— Прикажите скорѣе отправлять . . . У насъ нѣтъ времени простаивать. Тотчасъ же поѣздъ тронулся. Растерявшійся секретарь остался посреди платформы. Случай обратилъ на себя общее вниманіе. Акціи крайнихъ правыхъ, видимо, падаютъ . . .

5-го іюня.

Утромъ вернулся изъ Мелитополя главкомъ.

Въ 11 произошелъ оригинальный инцидентъ, имѣющій нѣкоторую связь съ описаннымъ выше.

Главнокомандующій, прогуливаясь, увидѣлъ на платформѣ ставки браваго полковника одного изъ кавалерійскихъ полковъ. Поздоровался. Спросилъ, гдѣ онъ служитъ.

— Состою въ распоряженіи ген. Слащева, ваше высокоп-во, — отвѣчалъ тотъ. Главкомъ нахмурился, обернулся къ вагону генерала-квартирмейстера и, замѣтивъ въ окнѣ фигуру ген. Шатилова, крикнулъ громко:

— Павлуша! Есть такая должность? — состоять въ распоряженіи Слащева? . .

— Конечно, нѣтъ . . . — отозвался Шатиловъ, не посмотрѣвъ даже, кажется, хорошенько, о комъ идетъ рѣчь. И добавилъ: — На фронтъ надо! . .

— Кромѣ того, ваше высокоп-во . . . — началъ оторопѣвшій, перепуганный полковникъ . . . — кромѣ того, я . . . я еще состою также въ распоряженіи епископа Веніамина . . .

— Что-о?!.. — весь вспыхнулъ сразу ген. Врангель... — епископа Веніамина? Да я вамъ кадило тогда прикажу въ руки дать!.. Будете ходить и кадить... Отъ фронта уклоняетесь?.. Да, какъ вы смѣете!..

Дальнѣйшія выраженія записать не берусь, такъ какъ платформа мгновенно опустѣла. Попрятались въ вагоны всѣ — до ординарцевъ включительно.

Только со стороны вокзала собралась на почтительномъ разстояніи толпа публики, до которой прекрасно долетали громовые раскаты голоса главкома. Говорятъ, были слова весьма и весьма сильныя.

Результатъ. Въ 12 часовъ дня полковникъ отправленъ подъ карауломъ въ Севастополь подъ арестъ.

6-го іюня.

Выходъ изъ Крыма закончился. Опубликовано пространное оффиціальное сообщеніе о результатахъ 12-ти дневной операціи и приказъ главкома. Въ приказѣ упоминается, что — «армія выведена изъ почти безнадежнаго положенія. Взято 47 орудій, 250 пулеметовъ, 10.000 плѣнныхъ. Наштаглавъ (генералъ Шатиловъ) произведенъ въ генералъ-лейтенанты, генквармъ — въ генералъ-маіоры.

Производство полк. Коновалова встрѣчено всѣми очень горячо и сочувственно. Всѣ рады. Его участію въ успѣхѣ всѣ придаютъ исключительное значеніе. Вечеромъ генштабъ чествовалъ его... яичницей и рюмкой водки.

7-го іюня.

Первыя опредѣленныя извѣстія о переходѣ полевой ставки въ Мелитополь. Получены нѣкоторыя свѣдѣнія о понесенныхъ нами потеряхъ. Потери весьма серьезныя: въ Дроздовской дивизіи въ батальонахъ осталось по 30—40 человѣкъ. Ощущается недостатокъ въ питаніи патронами и снарядами. Англійская обувь страшно трескается отъ утренней росы. Ноги у пѣхоты переранены.

Въ газетахъ (осважныхъ, конечно) изображаютъ дѣло такимъ образомъ, будто бы при выходѣ изъ Крыма потери понесли одни красные. Разумѣется, ложь. Вопросъ о спѣшныхъ пополненіяхъ — сейчасъ вопросъ для насъ жизни и смерти. У Чонгарскаго моста однимъ изъ разрывовъ тяжелаго снаряда была уничтожена почти цѣликомъ цѣлая рота марковцевъ, находившаяся въ резервѣ. Снарядъ угодилъ въ сарай, гдѣ они расположились. На мѣстѣ сарая образовалась громадная воронка, вокругъ которой копошились раненые и умирающіе. Крови было столько, что собака, опустившаяся въ воронку, выползла обратно вся алаго цвѣта и долго встряхивалась, какъ послѣ купанія. Я описалъ этотъ случай въ одномъ изъ «Писемъ изъ ставки», что посылалъ въ «Военный Голосъ». Цензура не пропустила.

Въ 12 часовъ ночи вернулся съ позицій 1-го корпуса главнокомандующій.

8-го іюня.

Утромъ главкомъ принималъ главнаго военно-морского прокурора Ронжина и громко возмущался грабежами казаковъ. Главкомъ требовалъ безпощадной расправы надъ всѣми начальниками частей, не сумѣвшими справиться съ грабителями. О полк. Н. и, кажется, о Г. было сказано:

— Повѣсьте ихъ тамъ...

Черезъ часъ былъ пріемъ Донского атамана. Къ этому времени на перронѣ появилась какъ разъ группа крестьянъ съ жалобами на донцовъ. Все на почвѣ

самовольныхъ «реквизицій» коней. Разыгрывается цѣлая трагедія. Обезлошаденные послѣ Новороссійска донцы считаютъ своей первѣйшей задачей въ новомъ походѣ добыть себѣ коня. Главкомъ черезъ хор. П. предложилъ крестьянамъ обратиться непосредственно къ атаману. Адъютантъ атамана ес. Ж. долго и угрюмо читалъ ихъ прошенія.

Вечеромъ была М-ме К. — жена штабсъ-капитана, осужденнаго за грабежъ. Смертная казнь была замѣнена ему пожизненной каторгой. На прошеніи о большемъ смягченіи его участи главнокомандующій положилъ резолюцію: «Грабителямъ пощады нѣтъ». Дежурный ординарецъ стѣснялся передать ей резолюцію и долго говорить съ ней пришлось ес. Л. Любопытна резолюція, положенная на другомъ прошеніи офицера, разжалованнаго за взяточничество въ рядовые, служившаго затѣмъ въ Польской арміи и теперь просящаго о возстановленіи въ чинахъ. Резолюція гласитъ: «Взяточниковъ русской арміи не надо».

9-го іюня.

Съ 12 часовъ дня приступлено къ свертыванію ставки. Въ 3,20 отходитъ штабный поѣздъ. Личный составъ главкома идетъ вслѣдъ. Въ Мелитополь прибыли: 1-й составъ въ 9,30 вечера, главкомъ въ 12,30 ночи. Быстро развернулись, несмотря на дождь, и тотчасъ приступили къ работѣ.

Мелитопольскій періодъ

10-го іюня.

Въ 9 часовъ утра главнокомандующій уѣхалъ на фронтъ къ Слащеву.

Пріѣхавшіе со штабомъ разбрелись по городу, отстоящему отъ станціи на три версты. Пробуемъ опредѣлить отношеніе населенія, крестьянъ: конечно, оно далеко отъ осважно-восторженнаго. Очень далеко. Если не обманываетъ первое впечатлѣніе — отношеніе просто безразличное какъ къ очередной новой власти. А сколько этихъ властей уже перевидало здѣсь населеніе?!.. Да и любить насъ пока, какъ будто, не за что: о земельномъ законѣ три четверти населенія не имѣетъ еще и представленія, а вотъ цѣны на продукты съ нашимъ приходомъ вскочили во много разъ. Къ тому же съ мѣста въ карьеръ объявили мобилизацію. Интересно знать, какіе она дастъ результаты. Несомнѣнно, это крайній шагъ, на который заставила насъ рѣшиться острая необходимость: армія, въ особенности 1-й (Добровольческій) корпусъ таетъ съ жуткой быстротой и, разумѣется, только по «Вел. Россіи» etc. мы совершаемъ не отчаянно, быть можетъ, рискованный походъ, а какой-то тріумфальный Spaziergang. Эти господа или ничего не смыслятъ, или негодяи. Средняго ничего быть не можетъ.

Сегодня вышелъ здѣсь 1-й номеръ нашей полувоенной газеты «Голосъ фронта». Цѣна пятьдесятъ рублей. Недѣлю тому назадъ совѣтскія «Извѣстія» въ 4 большихъ страницы продавались здѣсь по полтора — два рубля за номеръ. Отпечатанъ на лоскуткѣ бумаги и безсодержателенъ, какъ и вся наша казенная пропаганда. Населеніе отъ такой цѣны шарахается въ сторону.

Ночью вернулся отъ Слащева и изъ расположенія 12-й дивизіи главкомъ. Черезъ два часа его составъ отошелъ въ Севастополь. Ставка осталась въ Мелитополѣ.

11-го іюня.

На фронтѣ тяжелые бои. Мы продолжаемъ нести серьезныя потери. Откуда мы будемъ ихъ пополнять — аллахъ вѣдаетъ.

12-го іюня.

Тоже.

13-го іюня.

Оффиціально опубликовано о взятіи нами 11-го Бердянска, который занятъ дессантнымъ отрядомъ подъ командой кап. 1-го ранга Машукова. 12-го отрядъ соединился съ корпусомъ Слащева.

Въ раіонѣ 13-й дивизіи у Б.-Токмака съ 9-го идутъ сильные бои съ перемѣннымъ успѣхомъ. Токмакъ переходитъ изъ рукъ въ руки. 10-го красными восточнѣе Токмака взяты въ плѣнъ наши двѣ роты Бѣлостокскаго полка. По свѣдѣніямъ развѣдки противникъ по всему фронту подтягиваетъ резервы (по газетамъ они у красныхъ давно уже «истощены до конца»).

Пріѣзжалъ Кутеповъ, былъ у наштаглава и уѣхалъ обратно.

Сегодня въ поѣздѣ читали совѣтскую газету съ воззваніемъ къ нашимъ офицерамъ. Воззваніе призываетъ офицеровъ объединиться вокругъ «старыхъ боевыхъ товарищей» и спасать «матушку Русь». Среди подписей старыхъ «боевыхъ» имена Брусилова, Поливанова, Зайончковскаго, Парскаго, Келембовскаго, Валуева, Гутора, Акимова.

Вечеромъ — сообщеніе объ оставленіи нами подъ давленіемъ противника Бердянска. Пробыли въ немъ всего два дня. Какая-то непонятная кадриль.

14-го іюня.

Вернулся главкомъ.

15-го іюня.

Въ 6 часовъ утра полевая ставка была разбужена грохотомъ взрывовъ. Аэропланъ противника, пролетая надъ поѣздами главнаго командованія, сбросилъ три бомбы. Одна разорвалась въ саду возлѣ домика, гдѣ стояли автомобили штабного гаража — десяткахъ въ двухъ саженей отъ вагона ген. Врангеля.

Боевой тревоги сдѣлать не успѣли. Бронепоѣздъ («Солдатъ»), охранявшій ставку, проспалъ.

На всемъ фронтѣ начался нашъ отходъ. Въ раіонѣ восточнѣе и сѣверовосточнѣе Мелитополя обнаружено стягиваніе сюда крупныхъ силъ конницы Жлобы, переброшенной изъ раіона Минеральныхъ Водъ. Б.-Токмакъ уже въ рукахъ Жлобы.

На Днѣпрѣ противникъ переправился на нашъ берегъ въ раіонѣ Горностаева, а послѣ того, какъ былъ выбитъ оттуда, занялъ силами до одной дивизіи Каховку, угрожая закрѣпленіемъ здѣсь тетъ-де-пона.

Такимъ образомъ положеніе на всемъ фронтѣ создается чрезвычайно серьезное.

. . . .

Чтобы не утомлять читателя излишними подробностями развившихся въ этотъ періодъ времени многочисленныхъ и ожесточенныхъ боевъ въ анализѣ которыхъ ни въ какой степени не могу считать себя компетентнымъ — опускаю временно свою каждодневную запись и буду возвращаться къ ней лишь постолько, посколько она связывается тѣсно, въ томъ или иномъ случаѣ, непосредственно съ жизнью полевой ставки главнаго командованія.

Итакъ, въ срединѣ іюня мѣсяца армія ген. Врангеля впервые встрѣтилась съ значительной опасностью, грозившей свести на нѣтъ все начатое дѣло.

Наибольшую опасность представляла, конечно, конная группа Жлобы, причисленная по справедливости къ лучшимъ войскамъ красной кавалеріи. Я не имѣю сейчасъ подъ рукой точныхъ данныхъ относительно ея численности, но надо полагать, что численно она дѣйствительно превосходила нашу конницу во много разъ.

Въ промежутокъ времени между 15-мъ и 20-мъ іюня обѣ стороны производили энергичныя перегруппировки и подтягиваніе резервовъ, готовясь къ рѣшительному сраженію.

На разсвѣтѣ 20-го іюня начался бой.

Будущій военный историкъ, вѣроятно, съ любопытствомъ остановится на этой страницѣ гражданской войны. Я не считаю себя въ правѣ — повторяю еще разъ — производить разборъ этой операціи съ чисто-военной стратегической точки зрѣнія, точно также не берусь судить, дѣйствительно ли одержанная надъ Жлобой побѣда была «случаемъ небывалымъ въ исторіи тактики» (какъ гласили наши оффиціальныя сообщенія) или . . . или правы большевики, утверждавшіе позже, что на Жлобу была возложена лишь яко бы задача произвести на нашемъ правомъ флангѣ демонстрацію крупными силами для того, чтобы закрѣпить тѣмъ временемъ за собою обладаніе, оказавшимся дѣйствительно для насъ смертельнымъ, Каховскимъ тетъ-де-пономъ.

Не какъ военному, но какъ сотруднику печати, имѣвшему возможность хорошо ознакомиться со всѣми матеріалами, относившимися къ обѣимъ операціямъ, представляется мнѣ, что истина, какъ это часто въ такихъ случаяхъ бываетъ, лежитъ посрединѣ.

Съ одной стороны, безспорно, что армія ген. Врангеля, сумѣвшая силами чуть не одной только пѣхоты окружить мощную кавалерійскую группу, грозившую отрѣзать стремительнымъ броскомъ и ставку, и армію отъ Крымскихъ перешейковъ, одержала блестящую побѣду. Число плѣнныхъ (11,500), количество орудій (60) и другихъ трофеевъ — реальное тому доказательство. Съ другой — совершенно ясно, что именно вынужденная для насъ переброска чуть ли не всѣхъ лучшихъ силъ для спасенія отъ Жлобы на правый флангъ позволила красному командованію совершенно почти свободно переправиться на нашъ берегъ черезъ Днѣпръ и закрѣпить за собою роковой Каховскій тетъ-де-понъ, то-есть произвести операцію, имѣвшую въ конечномъ октябрьскомъ итогѣ смертельный исходъ для Крыма и арміи.

Допустили переправу и дали закрѣпиться части, подчиненныя ген. Слащеву. Нѣсколько позже именно это обстоятельство послужило поводомъ къ почетному увольненію ген. Слащева отъ службы.

Совѣтская печать чуть ли не до сихъ поръ продолжаетъ утверждать, что планъ, заключавшійся въ комбинированной операціи Жлоба — Каховка, не былъ во время разгаданъ и понятъ командованіемъ ген. Врангеля, которое было

опьянено побѣдой надъ Жлобой и увлечено перспективами задуманной уже высадки дессанта на Кубани.

Такъ это или нѣтъ, утверждать опять-таки не берусь. Гораздо, можетъ быть, проще и логичнѣе будетъ искать причины происшедшаго, прежде и раньше всего, въ томъ, что ко времени перехода противника къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ лучшія, самыя надежныя части арміи ген. Врангеля были уже настолько обезкровлены тяжелыми потерями, что напоминали минутами какой-то трагическій Тришкинъ кафтанъ, которымъ, какъ его ни перевертывали, нельзя было прикрыть весьма и весьма существенныхъ мѣстъ постоянно то здѣсь, то тамъ съ рискомъ обнажавшагося фронта. Конкретно такое предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ указанномъ выше донесеніи ген. Кутепова о потеряхъ, понесенныхъ въ самые первые дни наступленія и еще больше въ оперативныхъ журналахъ Корниловской, Марковской и Дроздовской дивизій. Изъ нихъ послѣдняя, напримѣръ, съ 23-го мая до дней, о которыхъ идетъ рѣчь, была отведена въ резервъ только на полтора дня. Все остальное время находилась въ непрестанныхъ бояхъ или маршахъ, мѣняя постоянно на ходу свой таявшій командный составъ и, пополняясь, какъ и всѣ почти, впрочемъ, части арміи, чуть не на 80% плѣнными, такъ какъ своихъ резервовъ или не хватало, или не было. Рано или поздно такое латаніе этого живого кафтана должно было привести къ катастрофѣ, если не вывезетъ какое-нибудь счастливое, отчаянно-смѣлое «авось», какимъ были по очереди операціи Кубанская, Заднѣпровская и послѣдняя на территоріи сѣверной Тавріи. О нихъ подробно дальше.

Возвращаясь къ жизни въ этотъ моментъ полевой ставки, долженъ сказать слѣдующее: ниже читатель встрѣтитъ подчасъ суровую и, можетъ быть, даже иногда слишкомъ смѣлую оцѣнку поступкамъ и дѣятельности тѣхъ или иныхъ лицъ командного состава. Тѣмъ больше обязываетъ чувство справедливости отмѣтить то громадное напряженіе энергіи, съ какой работали ген. Врангель и его штабъ въ дни Жлобовской операціи.

Въ записи отъ 20-го іюня (день рѣшительнаго сраженія) у меня отмѣчено:

. . . «Всю ночь кипитъ работа. Коноваловъ даже не раздѣвался и, кажется, вовсе не спалъ. Утренняя канонада, начавшаяся съ разсвѣтомъ, застала его на ногахъ. Было замѣтно, что генквармъ сильно волнуется за исходъ операціи, хотя при постороннихъ онъ и старался ничѣмъ не выдавать этого волненія. Да и мудрено было не волноваться.

Къ 7 часамъ утра Жлоба подошелъ на 15 верстъ къ Мелитополю. Къ 9-ти часамъ орудійная стрѣльба отлично слышна не только въ городѣ, но и на станціи. Кое-кто уже начинаетъ справляться, готовы ли «на всякій случай» паровозы для поѣздовъ ставки. Разговоровъ мало: всѣ въ штабѣ отлично понимаютъ, что игра идетъ ва-банкъ и чутко прислушиваются къ раскатамъ орудій, стараясь опредѣлить, приближается или удаляется стрѣльба.

Къ поѣзду главнокомандующаго то-и-дѣло приходятъ изъ города въ одиночку и группами жители. Справляются, не собираемся ли уходить. Спокойствіе ставки дѣйствуетъ и на нихъ успокаивающимъ образомъ. Главнокомандующій постоянно запрашиваетъ о результатахъ боя. Нѣсколько разъ лично проходитъ въ вагонъ оперативнаго телеграфа. Точныхъ свѣдѣній пока нѣтъ.

Въ исходѣ пятаго часа вечера надъ поѣздомъ появляется аэропланъ.

Черезъ минуту летитъ, какъ обычно, сигнальная ракета. Донесеніе! Вслѣдъ за ней отъ аппарата отдѣляется едва видимая точка съ развѣвающейся для

обозначенія линіи полета и точки паденія цвѣтной лентой. Донесеніе несомнѣнно оттуда — съ поля сраженія. Всѣ бѣгутъ по шпаламъ къ самымъ дальнимъ запаснымъ путямъ, гдѣ упалъ пакетъ. Впереди какіе-то желѣзно-дорожные рабочіе, за ними ординарцы, конвойцы, офицеры штаба. Впереди быстрыми шагами, позабывъ всѣ правила этикета, несется характерная фигура самого ген. Врангеля. На лицѣ волненіе и озабоченность.

Добѣжавшій первымъ ординарецъ передаетъ пакетъ главнокомандующему. Ген. Врангель тутъ же вскрываетъ и читаетъ вслухъ. Въ донесеніи авіоглавъ ген. Ткачевъ сообщаетъ о полномъ разгромѣ противника.»

Побѣда надъ конницей Жлобы была, такъ сказать, золотымъ періодомъ въ краткой исторіи арміи ген. Врангеля.

Въ записяхъ моихъ отъ 21-го іюня и позже отмѣчено:

. . . «Главнокомандующій считаетъ побѣду надъ Жлобой чѣмъ-то «небывалымъ», неслыханнымъ въ исторіи тактики и стратегіи. Объ этомъ пишется и въ нашихъ оффиціальныхъ сообщеніяхъ, и въ телеграммѣ на имя Кривошеина, и въ газетахъ. Главкомъ постоянно безпокоится, освѣдомленъ ли детально о происшедшемъ Севастополь, и сердится, что до сихъ поръ нѣтъ цифровыхъ данныхъ о трофеяхъ, на которыя онъ, видимо, разсчитываетъ. Г. — корреспондентъ «Вел. Россіи» все время информируется лично главкомомъ; ему предоставлено право безплатной передачи телеграммъ съ оперативнаго телеграфа. По меньшей мѣрѣ непонятное вниманіе къ газетѣ, не способной ни на что, кромѣ лести.

Въ Севастополѣ въ редакціяхъ другихъ газетъ только пожимаютъ плечами: напрашиваться на приглашеніе въ поѣздъ главнокомандующаго, конечно, ни одна уважающая себя газета не станетъ. Неужели некому указать главкому на неловкость такого положенія.

Всѣ главные виновники побѣды получили награды и повышенія. Ген. Ткачевъ, собственноручно забрасывавшій противника бомбами и вызвавшими страшную панику ракетами, награжденъ орденомъ Николая-Чудотворца. Главкомъ замѣтилъ его въ вагонѣ Коновалова, послалъ адъютанта за орденомъ, затѣмъ вошелъ въ вагонъ и, вдругъ, подойдя вплотную къ авіоглаву, прикололъ лично орденъ. О работѣ летчиковъ говорятъ очень много, объ исторіи, касающейся уничтоженія по ошибкѣ отряда своихъ (донцовъ) много меньше. Не разглядѣли сверху. Говорятъ, что, къ счастью, убито мало.»

22-го іюня.

«Начиная съ полудня, стали прибывать значительныя партіи плѣнныхъ. Почти всѣ раздѣты, вѣрнѣе, оставлены какія-то лохмотья. Съ наступленіемъ холодовъ, если не прибудетъ изъ-за границы обмундированіе, это будетъ сплошной тифъ. Настроеніе огромнаго большинства изъ нихъ весьма далеко отъ того, что пишется въ газетахъ. Народъ просто усталъ отъ войны и ему глубоко безразлично, кто его заставляетъ драться. Многіе не боятся говорить совершенно откровенно: «мобилизуете вы — будемъ драться у васъ противъ большевиковъ, попадемъ въ плѣнъ обратно къ нимъ, мобилизуютъ они — будемъ у нихъ». Что-то животное тупое, страшное, но большинство разсуждаетъ именно такъ. Искательства правды не видно абсолютно почти ни у кого. И въ самомъ дѣлѣ въ нашихъ рядахъ эти господа дерутся не хуже, чѣмъ у большевиковъ, и обратно.

Пропаганды съ нашей стороны среди нихъ, разумѣется, никакой: газеты уже, кажется, по 500 рублей за номеръ. Агитація — доступная только для

спекулянтовъ. Раздѣваніе, повидимому, создаетъ у нихъ сразу опредѣленное на нашъ счетъ представленіе. И когда этому, наконецъ, положатъ предѣлъ?..

22-го іюня.

Продолжается доставка плѣнныхъ. Развѣдывательное отдѣленіе ставки перегружено работой сверхъ всякой мѣры. Вечеромъ генералъ-квартирмейстеръ лично у себя въ вагонѣ допрашивалъ взятаго въ плѣнъ помощника начальника штаба дивизіи группы Жлобы — своего бывшаго однополчанина, кадроваго офицера.

Давалъ показанія, сидя у письменнаго стола генкварма, и, пожимая плечами, совершенно откровенно заявлялъ ген. Коновалову, что считаетъ себя профессіоналомъ своего дѣла и что ему абсолютно безразлично, гдѣ служить. Дошелъ до того, что пояснилъ свои разсужденія слѣдующимъ комплиментомъ:

— Будь вы на моемъ мѣстѣ — и вы бы поступили точно такъ же, и служили бы у нихъ...»

Послѣдняя недѣля іюня мѣсяца не была отмѣчена никакими крупными событіями въ жизни полевой ставки за исключеніемъ развѣ визитовъ «повстанческихъ батько». (Подробно объ этомъ ниже.) Въ виду этого, опустивъ на этотъ промежутокъ времени запись дневниковъ, обратимся лучше къ самому краткому обзору положенія, создавшагося въ этотъ «золотой періодъ» въ тылу и къ творимой руками гг. Тверского, Чебышева, Данченко и т. д. внутренней политики. Такой обзоръ крайне необходимъ для выясненія вопроса: Насколько соотвѣтствовала эта политика надеждамъ арміи, видамъ ставки и успѣху всего дѣла?

О внутренней политикѣ и о тылѣ

Еще 11-го апрѣля, вскорѣ послѣ принятія на себя обязанностей главнокомандующаго, ген. Врангель въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ одной изъ газетъ («Вечер. Времени») обрисовалъ программу своей предстоящей дѣятельности въ области внутренней политики. Бесѣда эта была циркулярно передана всей печати, чѣмъ, такъ сказать, закрѣплялось ея деклараціонное значеніе.

Въ бесѣдѣ этой ген. Врангель рѣшительно подчеркнулъ:

«При разрѣшеніи вопросовъ внутренней жизни я намѣренъ обращаться къ помощи общественности». И далѣе: «Политика будетъ внѣпартійной. Я долженъ объединить всѣ народныя силы. Значительно будетъ упрощено мною управленіе страны, а сотрудники будутъ выбираться не изъ людей партій, а изъ людей дѣла. Не будетъ раздѣленія на монархистовъ и республиканцевъ, а приниматься будутъ во вниманіе лишь знаніе и трудъ».

Спустя нѣкоторое время послѣ этого заявленія, во главѣ южно-русскаго кабинета былъ поставленъ статсъ-секретарь д. т. с. А. В. Кривошеинъ, вѣдомство внутреннихъ дѣлъ (съ отдѣлами просвѣщенія и печати) было поручено д. с. с.

Тверскому и вѣдомство земледѣлія тайн. сов. сенатору Глинкѣ. При этихъ трехъ лицахъ состоялъ значительный штатъ видныхъ Петербургскихъ чиновниковъ до-февральской эпохи.

Въ какой же мѣрѣ и степени согласовалась дѣятельность всѣхъ этихъ лицъ съ программой, торжественно объявленной ген. Врангелемъ?

Краеугольнымъ камнемъ этой программы, какъ извѣстно, ген. Врангель считалъ земельный законъ. Никто не станетъ оспаривать значенія этой реформы, о достоинствахъ или недостаткахъ которой говорить здѣсь не мѣсто.

Но какъ же, какимъ образомъ проводилась въ жизнь эта важнѣйшая реформа?

Еще за три недѣли до распубликованія земельнаго закона въ газетахъ появилось «интервью» съ сен. Глинкой, высказывавшимъ свои взгляды на значеніе реформы. Интервью въ кавычкахъ, такъ какъ de facto это была довольно обширная статья, собственноручно отъ начала до конца написанная г. Глинкой. Статья была передана въ Симферополѣ одному довѣренному лицу съ просьбой распространить копіи ея въ печати подъ видомъ интервью. Это было исполнено, хотя и не до конца. Дѣло въ томъ, что цензура наложила рѣшительное вето на самыя эффектныя мѣста «интервью». Эффектъ же заключался въ апріорномъ утвержденіи министромъ земледѣлія мысли, что цѣна всей реформы собственно говоря мѣдный грошъ до тѣхъ поръ, пока она не будетъ санкціонирована «всеобъемлющей царской властью» и доколѣ не будетъ на Руси «ея державнаго хозяина». Эти два яркихъ мѣста вышли въ газетахъ плѣшивыми, то-есть попросту были вычеркнуты цензурой.

Не касаясь совершенно вопроса о томъ, насколько тактично было, послѣ деклараціи ген. Врангеля, предопредѣлять форму Правленія, не разбирая также, насколько остроумно это было даже съ точки зрѣнія интересовъ самихъ монархистовъ, нельзя здѣсь не обратить вниманія вотъ на что.

Главнокомандующій во всеуслышаніе заявляетъ, что въ его правительствѣ не будетъ людей партій, но будутъ лишь люди дѣла.

Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ этого министръ, — членъ правительства, высказываетъ сужденія, имѣющія, какъ будто, болѣе чѣмъ условное отношеніе къ дѣлу.

Но и это еще полъ бѣды. Сужденія высказаны министромъ — представителемъ высшей государственной власти и, слѣдовательно, казалось бы, обязательны для всѣхъ органовъ этой власти. Такъ нѣтъ же, — рядовой провинціальный цензоръ преспокойно черкаетъ ихъ карандашемъ, а читающая публика, шутя, возстанавливаетъ выброшенное.

Я нарочно привелъ именно этотъ эпизодъ, чтобы наглядно иллюстрировать тѣхъ лебедя, рака да щуку, которые запряглись съ самаго начала везти злополучный возъ Крымской внутренней политики.

Къ этому должно добавить, что игра со словомъ «хозяинъ» была въ тѣ дни особенно рискованна. Въ политической части штаба уже было составлено за подписью главнокомандующаго особое обращеніе къ населенію, гдѣ это слово было набрано шрифтомъ, превышавшимъ шрифтъ остального текста во много разъ. Неясность этого обращенія и всевозможные толки, зародившіеся вокругъ него, какъ я уже упоминалъ, заставили впослѣдствіи ген. Врангеля — въ болѣе позднихъ своихъ выступленіяхъ — разъяснить это слово, какъ понятіе о всенародной выборной власти.

Положительно безподобно обстояло дѣло съ распространенiемъ закона по его изданiи.

Казалось, вся логика вещей съ абсолютной очевидностью показывала, что законъ необходимо обратить въ свой главный козырь. Казалось, что деревня будетъ ознакомлена во всѣхъ деталяхъ съ земельной реформой.

Фактически же дѣло, какъ было отмѣчено въ моемъ дневникѣ, свелось къ напечатанiю (въ далеко недостаточномъ количествѣ экземпляровъ) самого текста закона со штампомъ: «цѣна 100 рублей». Это послѣ безплатной совѣтской пропаганды, послѣ стоимости совѣтскихъ газетъ въ $1^1/_2$—3 рубля за номеръ.

Не поручусь за достовѣрность, но въ ставкѣ утверждали, что инициатива этой платной пропаганды принадлежитъ не болѣе и не менѣе, какъ г. Кривошеину, и что, будто бы, ген. Врангель былъ противъ этого. Какъ бы тамъ ни было, но это не могло быть продѣлано безъ вѣдома высшей власти.

Въ результатѣ населенiе не только не было проникнуто сознанiемъ о благахъ и выгодахъ реформы, но въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ даже не имѣло о ней сколько-нибудь достаточнаго представленiя. Правда, казенно-коштная печать, во главѣ съ «Россiей», увѣряла, что работа идетъ полнымъ темпомъ, что населенiе видитъ въ ген. Врангелѣ чуть ли не второго царя-освободителя и т. д., но все это было безконечно далеко отъ истины, крупицы которой, если онѣ и были, тонули въ облакахъ ѳимiама. 1-го—4-го сентября, уже на порогѣ осени, во время поѣздки ген. Врангеля по всей линiи фронта, лица, его сопровождавшiя, могли убѣдиться, какъ мало сдѣлано фактически на мѣстахъ, какъ слаба вѣра крестьянъ въ долговѣчность закона, какой незначительный процентъ населенiя освѣдомленъ о немъ и какъ сплошь да рядомъ неудачны и рутинны дѣйствiя чиновниковъ, разъяснившихъ и проводившихъ реформу по-своему — со всей неизбывной волокитой и формалистикой.

И, несмотря на всю лесть и ложь, окружавшiя его, ген. Врангель все же догадывался иногда объ истинѣ и, въ такiя минуты, выходилъ изъ себя.

Для того, чтобы не быть въ своихъ заключенiяхъ голословнымъ и для того, чтобы показать, каково было истинное положенiе вещей и отношенiе къ нему г. Врангеля, я позволю себѣ привести лишь краткую выдержку изъ своего дневника, содержащую запись характерно-эпизодическаго событiя, о которомъ, въ свое время, говорили въ ставкѣ не мало. Вотъ она:

2-го iюня.

«Въ 5 часовъ вечера главнокомандующiй бесѣдовалъ съ генералъ-квартирмейстеромъ въ его вагонѣ по поводу проведенiя въ жизнь земельнаго закона. Дѣятельность Тверского и его вѣдомства приводитъ главкома въ отчаянiе. Какiя-то разъясненiя или толкованiя этого закона, допущенныя Тверскимъ, вызвали цѣлые громы и молнiи.

Обращаясь къ ген. Коновалову, главнокомандующiй положительно кричалъ своимъ громовымъ голосомъ на весь поѣздъ генкварма:

— Гдѣ же мнѣ взять честныхъ, толковыхъ людей? Гдѣ они, Германъ Ивановичъ?!.. Гдѣ ихъ, наконецъ, найти?!.. Гдѣ?!..

Въ голосѣ его звенѣли боль и негодованiе».

Только изрѣдка, сквозь дифирамбы кадильнаго осваговскаго хора, прорывались разумные предостерегающiе голоса. Къ числу такихъ принадлежалъ голосъ неугомоннаго, «краснаго» ген. Залѣсскаго — редактора «Воен. Голоса»

(оффиціоза ставки), газеты, критиковавшей постоянно распоряженія власти много смѣлѣе и свободнѣе всей остальной печати.

Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, то-есть въ дни самыхъ, казалось, радужныхъ надеждъ, ген. Залѣсскій не переставалъ повторять безъ конца:

«Надо неустанно и настойчиво продолжать работу анализа прошлаго — для выявленія его ошибокъ и для сопоставленія ихъ съ текущей жизнью. Въ этомъ нашъ насущный интересъ, нашъ долгъ.

Ни на минуту нельзя забывать прошлаго: надо постоянно помнить, какія причины привели насъ къ катастрофѣ 1919 года съ Новороссійскимъ позоромъ въ финалѣ.

Не прятать ошибки, не затушевывать и замалчивать ихъ надо, а раскрывать и широко распространять». («Воен. Голосъ» — 28 іюня.)

Возможно ли, однако, что все это было въ дѣйствительности?

Приведу два примѣра: въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцѣ я въ своихъ «письмахъ изъ ставки» коснулся двухъ больныхъ вопросовъ — реквизицій лошадей и раздѣванія плѣнныхъ. Въ этой области особенно сильно чувствовались прошлогодніе порядки и навыки. Замалчивать безобразія, чинившіяся здѣсь, было просто не разумно, не говоря ужъ о всякихъ моральныхъ соображеніяхъ.

Выше читатель могъ убѣдиться изъ записей дневниковъ, какое значеніе придавалъ борьбѣ съ безчинствами самъ ген. Врангель. Казалось бы, что разоблаченіе этихъ безчинствъ совпадало со взглядами главнаго командованія.

Но дѣйствительность не всегда оправдывала эти предположенія.

Первой обратила свое полицейское вниманіе на появившіяся въ «Воен. Гол.» строки, конечно, «Вел. Россія».

Не рѣшаясь открыто оспаривать безспорные факты, эта газета помѣстила замѣтку о нихъ, снабдивъ ее добавленіемъ отъ себя, въ которомъ выражалось возмущеніе по поводу клеветническихъ навѣтовъ большевиковъ на русскую армію. Замѣткѣ былъ приданъ характеръ обзора какого-то (неуказаннаго) органа совѣтской печати.

Но это — мелочь.

Серіознѣе уже другое. Тотчасъ послѣ появленія моихъ писемъ оберъ-квартирмейстеръ полк. Архангельскій выразилъ ген. Залѣсскому свое крайнее неудовольствіе по поводу «тона» газеты и нѣкоторыхъ статей, оскорбляющихъ достоинство арміи и явно-непатріотичныхъ. Точно также разсуждала и соотвѣтствующимъ образомъ дѣйствовала цензура.

Патентъ на патріотизмъ былъ выданъ съ весны — не лично, конечно, ген. Врангелемъ, но просто фактически группѣ лицъ, возглавлявшейся извѣстнымъ проф. Малаховымъ, г. Ножнымъ и г. Бурнакинымъ — редакторомъ «Веч. Слова».

Выходъ сотаго номера этой газеты былъ отпразднованъ въ обстановкѣ, достойной столѣтняго юбилея. На эстрадѣ киноматографа рядомъ съ г. Бурнакинымъ возсѣдали еп. Веніаминъ, оберъ-квартирмейстеръ ставки (тогда еще полк. Д—нъ), начальники отдѣловъ политической части и печати, отдѣловъ, входившихъ еще въ то время въ составъ штаба главнокомандующаго. Вѣроятно, спустя мѣсяцъ, многіе изъ этихъ «почетныхъ гостей» дорого бы дали за то, чтобы вычеркнуть себя изъ списка присутствовавшихъ, но есть, видно, вещи непоправимыя и всѣмъ имъ до конца пришлось выслушать разсужденія г. Бурнакина о томъ, что государственность, для надежной защиты и охраны ея, должно огородить частоколомъ, «сплошь утыканнымъ головами» непокорныхъ,

а власть, созидающая оную государственность, «можетъ быть съ метлой, съ песьей головой, но пусть это будетъ власть!» Комплименты относительно метлы и песьей головы сопровождались въ порывѣ увлеченія невольными жестами въ сторону почетныхъ гостей, часть которыхъ мгновенно испарилась послѣ этой замѣчательной рѣчи. Публика же (простые смертные), сидѣвшая въ креслахъ, вспоминала съ грустью о постановкахъ «Торжественнаго засѣданія, посвященнаго памяти Кузьмы Пруткова», въ незабвенномъ «Кривомъ Зеркалѣ» и соображала, не во снѣ ли она видитъ на сценѣ клобукъ пастыря церкви. И дѣйствительно ни въ какомъ «Кривомъ Зеркалѣ» нельзя было вообразить постановки «патріотизма» болѣе ловкой, чѣмъ это было продѣлано въ кинотеатрѣ «Ампиръ» на Б.-Морской.

Дѣятельность творцовъ этого патріотизма продолжалась вплоть до изданія ген. Врангелемъ приказа, угрожавшаго суровыми репрессіями за возстановленіе одной части населенія противъ другой и . . . до опубликованія въ печати одного изъ отчетовъ о такъ называемыхъ «патріотическихъ гуляніяхъ».

Изъ этого знаменитаго отчета съ неумолимой очевидностью явствовало, что три четверти валового сбора пришлось израсходовать на:

1) печатаніе объявленія о гуляніи въ газетѣ г. Бурнакина — 52,800 руб., 2) выступленіе г. Бурнакина въ качествѣ оратора — 40,000 руб., 3) на выступленія «другихъ сотрудниковъ» его редакціи — (разныя суммы), 4) помощнику распорядителя — 50,000 руб., 5) на угощеніе «ораторовъ» — 245,000 руб. и т. д.

Но кромѣ всего этого, какъ писалъ «Воен. Голосъ», нѣкоторыя цифры были удивительно странныя. Такъ напримѣръ:

Доходъ по буфету	852,585 руб.
Расходъ по буфету	863,510 руб.

Выручили менѣе, чѣмъ затратили.

«Видно, — добавляла газета отъ себя, что у буфета близко были «патріоты», оказавшіе и ему должное вниманіе».

Опубликованіе этого славнаго отчета съ доходомъ, обозначеннымъ въ 5.729.410 руб. при расходѣ въ 4.622.071 руб. произвело необычайный эффектъ. Эффектъ усиливался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что «ораторы» выпили 27 ведеръ вина. (Подробности см. въ №№ 62, 65 «Воен. Гол.», въ «Вел. Россіи» и въ другихъ газетахъ.)

По поводу случившагося «Воен. Голосъ», между прочимъ, писалъ:

«Неужели же все это нормально и допустимо — всѣ эти и подобныя благотворительно-патріотическія безобразія?

Надо положить предѣлъ почтенной дѣятельности нѣкоторыхъ «патріотовъ» и «благотворителей», и пора, давно пора, расшифровать этихъ людей».

Только послѣ этого казуса престижъ этихъ лицъ былъ, наконецъ, подорванъ.

Переходя теперь къ вопросу объ общемъ положеніи печати, какъ къ фактору наиболѣе ярко характеризующему всякую внутреннюю политику, должно замѣтить, что оно было въ Крыму далеко не равноправнымъ.

Существовавшіе органы печати могутъ быть раздѣлены на три категоріи:

1) военный оффиціозъ, каковымъ считался «Военный Голосъ» и отчасти прекрасная казачья газета «Сполохъ» въ Мелитополѣ,

2) независимая печать («Крымск. Вѣстникъ» и «Югъ Россіи» и въ теченіе короткаго промежутка времени нѣсколько другихъ газетъ),

3) казеннокоштная печать (вся остальная).

Военный оффиціозъ — въ лицѣ «Воен. Голоса» считался таковымъ лишь номинально, если считать, что задачи оффиціоза не ограничиваются печатаніемъ казенныхъ объявленій и приказовъ. Фактически редакція его въ лицѣ ген. Залѣсскаго вела безконечную упорную борьбу противъ загроможденія трехъ четвертей каждаго номера сотнями приказовъ о производствахъ въ слѣдующій чинъ и объявленіями о торгахъ на гнилую интендантскую картошку. Не было никакой возможности убѣдить власть имущихъ, что безсмысленно и преступно тратить ежемѣсячно милліоны на печатаніе перечней фамилій, когда проще и много дешевле печатать періодически эти перечни въ отдѣльныхъ выпускахъ. Безпокойная дѣятельность ген. Залѣсскаго привела въ конечномъ итогѣ къ освобожденію его отъ редактированія «Воен. Голоса» съ почетнымъ, впрочемъ, формально повышеніемъ. Лишь преемнику его ген. шт. полк. Пронину удалось придать военной газетѣ видъ дѣйствительно газеты, а не исходящаго журнала наградной части.

Печать, не получавшая казенныхъ субсидій, была предоставлена въ смыслѣ преодолѣванія всѣхъ техническихъ затрудненій (бумага, краска, шрифты) сама себѣ. Ей былъ предоставленъ одинъ лишь удѣлъ — безконечная борьба съ глупой, злобной цензурой. Дѣятельность Крымскихъ цензоровъ — сплошной сборникъ веселыхъ анекдотовъ. Послѣднее время убѣждать въ чемъ либо цензоровъ никто не пытался. Газеты просто «ловчили», стараясь какъ-нибудь провести приставленныхъ къ нимъ церберовъ.

Одинъ изъ редакторовъ дошелъ до того, что, получивъ отъ цензора разрѣшеніе на помѣщеніе выдержекъ изъ иностранныхъ органовъ печати, снабжалъ всѣ сомнительныя замѣтки ссылкой «Л. П.», что должно было обозначать названіе какой-то грузинской газеты, въ дѣйствительности же означало начальныя буквы словъ — «ловко провелъ».

Иногда конфликты между цензурой и печатью принимали острый характеръ.

Въ этомъ отношеніи любопытна исторія столкновенія Арк. Аверченко съ Тверскимъ и Данченкой.

Г. Тверской закрылъ газету «Югъ Россіи» (изданіе сотрудниковъ «Русск. Слова»), во главѣ которой стоялъ А. Т. Аверченко.

Закрытіе было объявлено временнымъ — на три, кажется, недѣли, въ видѣ кары за неисполненіе правилъ цензуры.

Такъ какъ единственнымъ матеріаломъ, прошедшимъ въ газетѣ безъ цензуры, была коротенькая хроникерская замѣтка о пріѣздѣ кого-то изъ чиновъ французской миссіи, помѣщенная по просьбѣ этой миссіи, то редакція сообщила о происшедшемъ французамъ.

Тѣ выразили свое крайнее недоумѣніе, какимъ образомъ при демократическомъ кабинетѣ г. Кривошеина возможно что либо подобное.

Одновременно А. Т. Аверченко посѣтилъ ген. Врангеля, которому поднесъ свою послѣднюю какъ разъ вышедшую книгу со слѣдующей надписью (воспроизвожу на память):

«Въ знакъ моего глубокаго уваженія лично къ вамъ, прошу васъ принять на добрую память мою лебединую пѣснь. Послѣ закрытія моей газеты не могу оставаться въ Крыму и уѣзжаю заграницу».

Ген. Врангель приказалъ генералу для порученій ген. А. посѣтить Аверченко, благодарить его за книгу и сообщить, что имъ уже отданъ приказъ о разрѣшеніи «Югу Россіи» выходить вновь.

Приказъ былъ дѣйствительно отданъ, но... власти, возглавлявшіяся г. Тверскимъ, ухитрились оттянуть исполненіе его еще на двѣ дня.

Спустя день или два ген. Врангель лично бесѣдовалъ съ Аверченкой у себя во дворцѣ. Вскорѣ послѣ бесѣды стало извѣстно объ отставкѣ Данченки.

Таково было положеніе «своекоштной» печати.

Не въ примѣръ ей казеннокоштная находилась на положеніи кота на масленицѣ.

Къ ея услугамъ были всѣ виды легальныхъ и нелегальныхъ субсидій.

Въ двухъ словахъ субсидіи эти сводились главнымъ образомъ къ слѣдующему:

1) къ выдачѣ безплатно бумаги,

2) къ гарантированію обязательными подписчиками,

3) къ реквизиціи типографій или машинъ,

4) къ снабженію деньгами.

Первый способъ былъ самымъ распространеннымъ. Послѣдующіе три были удѣломъ наиболѣе ловкихъ и способныхъ «издателей».

За исключеніемъ двухъ-трехъ отмѣченныхъ выше газетъ вся остальная печать жила на счетъ вѣдомства г. Тверского, а иногда и на разныя спеціальныя суммы.

Нельзя сказать, чтобы среди этой печати вовсе не было сколько-нибудь чистоплотныхъ изданій. Исключенія, конечно, были, но en masse вся голодная стая на рѣдкость мало-почтенныхъ гг. редакторовъ-издателей этихъ газетъ изощрялась только въ томъ, какъ бы заслужить благоволеніе начальства, а иногда даже того или иного генерала. Были газеты «Кутеповскія», «Слащевскія» и т. д. Изъ всей этой газетной братьи я считаю своимъ долгомъ выдѣлить одну газету, пользовавшуюся широкой поддержкой казны, но никогда, кажется, не занимавшуюся прислужничествомъ и каждeніемъ ѳиміама. Это Симферопольскій «Крестьянскій путь». Не зная совершенно, кто работалъ въ этой газетѣ, я все же не могу не выдѣлить ея руководителей изъ числа остальныхъ. Независимо держалось и «Веч. Время» Б. А. Суворина, подвергавшееся нѣсколько разъ конфискаціямъ и штрафамъ.

Сплошнымъ олицетвореніемъ лести и прислужничества была безспорно Чебышевско-Шульгинская «Великая Россія», пользовавшаяся особымъ благоволеніемъ ген. Врангеля и сыгравшая, какъ и при ген. Деникинѣ, фатальную роль своимъ специфическимъ оптимизмомъ до послѣдней минуты.

Едва ли можно представить себѣ безъ особаго полета фантазіи тѣ гомерическія цифры, опредѣляющія суммы расходовъ, въ которыхъ выражались траты на содержаніе всей этой рр.. равняйсь-прессы.

Сомнительно, чтобы дѣло ограничивалось одними милліонами, когда изданія лишь одного г-на Чебышева и черезъ него устраивавшіяся поглощали единовременно милліонныя ссуды *.

---

* Я не хочу этимъ сказать, что г. Чебышевъ или его друзья воспользовались **лично** для себя хоть одной копѣйкой этихъ денегъ, исключая, впрочемъ, очень крупные гонорары. Рѣчь идетъ лишь о безумныхъ никчемныхъ тратахъ скуднаго достоянія казны.

Всѣ эти колоссальныя траты на содержаніе органовъ пропаганды могли бы, разумѣется, имѣть свое оправданіе, если бы онѣ производились:

а) на изданіе газетъ, доступныхъ по крайней мѣрѣ для массы населенія, и б) при условіи принятія на себя издателями обязательствъ выпускать и распространять ихъ въ достаточномъ количествѣ.

Что же было въ дѣйствительности?

Всѣмъ, жившимъ въ Крыму, отлично извѣстно, что 1) цѣны на газеты возросли къ осени до одной тысячи рублей за номеръ въ половину нормальнаго листа (при цѣнѣ совѣтскихъ $1^1/_2$—3 рубля) и во 2) семь восьмыхъ ихъ читались за чашкой утренняго кофе, такъ какъ были написаны языкомъ едва ли доступнымъ для простого народа. Все это поразительно напоминало прошлогоднюю пропаганду исключительно въ залахъ и буфетахъ 1-го класса.

Еще великолѣпнѣй обстояло дѣло съ распространеніемъ этихъ органовъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, затребованнымъ ставкой въ іюнѣ мѣсяцѣ, всѣ получавшіяся ежедневно на фронтѣ газеты, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1-й корпусъ	485 экз.	
2-й корпусъ	565 экз.	(черезъ день)
Конный	330 экз.	
Донской	270 экз.	

Всего, слѣдовательно, 1650 экземпляровъ *. На весь фронтъ. На всю армію со штабами! Если вычесть изъ этого количества добрую половину, осѣдавшую въ канцеляріяхъ, у писарей и т. д., то станетъ понятнымъ, почему люди, сидѣвшіе въ окопахъ, получали Харьковскія и Московскія газеты раньше Севастопольскихъ, а въ деревняхъ въ августѣ расклеивались майскіе номера.

О какой-нибудь налаженности экспедиторскаго аппарата говорить не приходится вовсе.

Служба связи штаба главнокомандующаго распредѣляла, какъ умѣла, получавшіеся въ аптекарскихъ дозахъ оттиски земельнаго закона, кое-какія (раза два, кажется) прокламаціи, газеты, но, въ сущности, правъ былъ ген. штаба полк. П. — начальникъ связи штаглава, говорившій: — При чемъ мы тутъ?.. Почему это я долженъ возиться еще съ газетами?..

Особаго распредѣлительнаго органа не существовало.

И на это-то все тратились тѣ десятки и сотни милліоновъ, которыхъ было и безъ того въ обрѣзъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ усердіе казеннокоштной печати не знало предѣла.

— Махно — разбойникъ, — говорила власть, и газеты были полны описаніями звѣрствъ махновцевъ.

— Махно — народная стихія, — рѣшали, вдругъ, силу имущіе, и... г. Бурнакинъ выступалъ съ передовой «Да здравствуетъ Махно!»

Кстати о махновцахъ. Былъ моментъ, когда ставка на этихъ господъ была въ большой модѣ. Въ реальномъ отношеніи всѣ расчеты на повстанцевъ дальше дававшихся имъ заданій по порчѣ путей и мостовъ не могли идти. Нѣсколько разъ, во время стоянки поѣзда ген. Врангеля въ Мелитополѣ, въ поѣздъ пріѣзжали группами по 3—4 человѣка болѣе чѣмъ сомнительные камышевые

* Изъ оффиціальной телеграммы-справки на имя начсвязьглава.

«батьки» въ кожаныхъ тужуркахъ, подпоясанные то алыми, то зелеными шарфами и обязательно до зубовъ вооруженные цѣлыми коллекціями автоматическихъ пистолетовъ. «Батьки» шагали изъ доставлявшихъ ихъ штабныхъ автомобилей, прямо черезъ дверцы, вызывая своимъ видомъ крайнее смущеніе у чиновъ генштаба, совѣтовавшихся конфиденціально — «подавать имъ руку или нѣтъ». Всѣ чувствовали себя опредѣленно неловко; и ни та, ни другая сторона другъ другу слишкомъ не довѣряли. Повторяю, что реальное значеніе ихъ (если исключить фантастическія перспективы), было совершенно ничтожнымъ.

Однако, газеты г-на Данченки въ своемъ повстанческомъ упоеніи доходили до того, что носились, какъ съ писанной торбой, даже съ тѣми «батьками», о которыхъ въ штабѣ уже имѣлись лаконическія телеграммы — «приговоръ надъ (такимъ-то) приведенъ въ исполненіе тогда-то». Такъ было съ весьма, если не ошибаюсь, моднымъ осенью «атаманомъ» Володинымъ, казненнымъ по приговору военно-полевого суда за, будто бы, доказанное пособничество большевикамъ.

Наконецъ, верхомъ чьего-то усердія и верхомъ наглости были явно-вымышленныя сводки штаба Махно, усердно печатавшіяся всей усердной прессой. Въ «сводкахъ» сообщалось о занятіи Махно Екатеринослава, Синельникова, Лозовой, Кременчуга, Полтавы и чуть ли не Харькова. Сводки демонстрировались въ Севастополѣ на Нахимскомъ съ экрана, собирая цѣлыя толпы безсовѣстно околпачиваемаго люда. Излишне, само собой, говорить, что никакой связи съ миѳическимъ штабомъ Махно у насъ не существовало. Безобразіе было прекращено лишь по рѣшительному требованію ген. Коновалова.

Такъ завязывался съ каждымъ днемъ все туже и туже узелъ лжи, лести, самообмана. Эта ложь, лесть и самоокол пачиваніе въ особенности были наиболѣе гибельными въ исторіи изображенія взаимоотношеній ген. Врангеля съ поляками и съ такъ называемыми союзниками. Иллюзіи въ этой области оказались такимъ же смертельнымъ ядомъ, какъ и доброхотное Чебышевское строительство Перекопскихъ твердынь.

Но объ этомъ дальше.

Пока же вернемся опять къ дневникамъ.

Опять въ Джанкоѣ

(Съ 8-го по 20-е іюля)

Въ ночь на 5-е іюля главнокомандующій внезапно выѣхалъ изъ Мелитополя въ Севастополь, откуда только въ полдень онъ вернулся. Отъѣздъ былъ совершенно неожиданнымъ. Въ 9 часовъ вечера началось 1-е торжественное засѣданіе кавалерской думы ордена св. Николая-Чудотворца при участіи генераловъ Драгомирова, Павлова, перваго кавалера ордена пор. Любичъ-Ярмоловича и другихъ.

По окончаніи засѣданія въ вагонъ главнокомандующаго быстро прошелъ генералъ-квартирмейстеръ.

Спустя минутъ десять въ вагонѣ послѣдняго состоялось секретное совѣщаніе со всѣми начальниками отдѣленій, а нѣсколько позже, послѣ ихъ ухода,

бесѣда съ главкомомъ и съ ген. Шатиловымъ, которые прошли въ вагонъ ген. Коновалова. Вслѣдъ за тѣмъ личный составъ главнокомандующаго, къ которому былъ прицѣпленъ вагонъ генералъ-квартирмейстера, отошелъ въ Севастополь.

Причину экстреннаго выѣзда объяснили въ свое время, если не ошибаюсь, нѣкоторыми осложненіями въ связи съ подготовкой предстоявшаго Кубанскаго дессанта.

7-го іюля вся остальная полевая ставка, во главѣ съ ген. Шатиловымъ, отошла обратно на югъ — въ Джанкой.

8-го іюля.

Въ 10 часовъ вечера возвратились изъ Севастополя главнокомандующій и генералъ-квартирмейстеръ.

Говорятъ, первымъ вопросомъ генкварма полк. Шкеленко было:

— Почему вы уѣхали изъ Мелитополя?..

Полк. Шкеленко отвѣтилъ:

— По приказанію наштаглава...

Вернувшіеся изъ Севастополя привезли три новости: первая — разбиты поляки, вторая — ген. Махровъ съ полк. Г. и. Щ. уѣхали въ Варшаву (до Константинополя на американскомъ миноносцѣ), третья — прибыла какая-то таинственная миссія яко бы изъ Берлина.

О пріѣздѣ послѣдней передаютъ такія подробности: за нѣсколько часовъ до отъѣзда главнокомандующаго — часа въ два дня — комендантъ «Киста» приказалъ одному изъ дежурныхъ ординарцевъ слѣдующее:

— «Будьте добры спуститься внизъ и попросите сюда нашего офицера, сопровождавшаго нѣмецкую миссію». —

Въ вестибюлѣ, кромѣ молодого человѣка въ спортсменской полускаутской рубашкѣ, оказавшагося нашимъ офицеромъ, находились двое или трое штатскихъ, сидѣвшихъ въ плетеныхъ креслахъ у круглаго стола, посреди вестибюля. Кругомъ шопотомъ говорили, что это — нѣмецкіе офицеры. У подъѣзда стоялъ скромный «драгаль» съ потертыми чемоданами — имуществомъ «миссіи». По общему мнѣнію вся эта обстановка очень мало импонировала обычному представленію о пріѣздѣ знатныхъ иностранцевъ — въ особенности миссіи, а сами «знатные» гораздо больше походили на коммивояжеровъ. Но причемъ же тутъ тогда «Кистъ»?..*

9-го іюля.

Пріѣзжала таинственная миссія и около получаса пробыла у генералаквартирмейстера. Потомъ уѣхала обратно въ Севастополь.

Всѣ въ полномъ недоумѣніи.

10-го іюля.

На фронтѣ упорные бои, въ общемъ, говорятъ, для насъ удачные, но безъ опредѣленнаго стратегическаго результата. Тяжелыя потери понесли корниловцы. Командиръ Корниловскаго полка убитъ. Наше наступленіе на Александровскъ задерживается контръ-маневромъ большевиковъ, упорно атакующихъ насъ со

* Гостинница, гдѣ помѣщались штабъ главнокомандующаго и большинство иностранныхъ миссій.

стороны Орѣхова и Пологъ. На польскомъ фронтѣ, судя по радіо-перехватамъ изъ Москвы, дѣла отвратительны. Это сильно понижаетъ настроеніе у тѣхъ, кому эти перехваты доступны.

Чуть не у всѣхъ бодрость и хорошее настроеніе по нѣсколько разъ въ день смѣняются уныніемъ и наоборотъ. Какая-то эпидемическая неврастенія. Но вѣра въ Врангеля и Коновалова у всѣхъ огромная.

11-го іюля.

Бои.

12-го іюля.

Все то же. Бои продолжаются. Къ главкому явился и добивался пріема неизвѣстный въ черкескѣ, утверждавшій, что имѣетъ сообщить главнокомандующему нѣчто столь важное, что довѣрить это третьимъ лицамъ абсолютно невозможно. Всѣ попытки адъютантовъ и ротмистра графа Т. добиться отъ него чего-нибудь ни къ чему не привели.

По его словамъ тайна не можетъ быть довѣрена никому, кромѣ самого главнокомандующаго. Цѣлый день охотился за главкомомъ, выслѣживая выходъ его изъ вагона. Послѣ обѣда продержалъ главкома на осадномъ положеніи, пока графъ Т. не спровадилъ его отъ вагона. Однако, едва главкомъ вышелъ и прошелъ въ вагонъ Коновалова, неизвѣстный очутился у вагона послѣдняго. Ген. Врангелю пришлось прибѣгнуть къ хитрости и спасаться черезъ вагонъ развѣдывательнаго отдѣленія и экспедиціи, такъ какъ выйти прямо изъ вагона генкварма было невозможно. Главкому доложили, что казакъ въ черкескѣ видимо сумасшедшій. Большинство, впрочемъ, не согласно съ этимъ. Многіе съ нимъ разговаривали.

Вечеромъ узналъ, что главкомъ послалъ Кутепову телеграмму приблизительно такого содержанія: «слыхалъ, что черноморцы князя М. опять принялись за грабежи. Такъ до добра не дойдемъ. Буду взыскивать безпощадно».

13-го іюля.

Бои продолжаются. Исторія съ неизвѣстнымъ тоже. Около полудня онъ вновь появился у вагона главкома въ сопровожденіи какихъ-то полковника и сотника, которые сопровождали его и раньше. Полковникъ заявилъ вышедшему адъютанту, что неизвѣстный отнюдь не производитъ на него впечатлѣнія сумасшедшаго, что знаетъ онъ нѣчто въ самомъ дѣлѣ исключительно важное. Въ доказательство полковникъ передалъ маленькій замшевый мѣшечекъ, съ просьбой вручить его немедленно главнокомандующему.

Въ купэ адъютантовъ мѣшечекъ былъ раскрытъ, и изъ него извлекли золотой яблоковидный шарикъ съ четырехлистникомъ сверху. При нажимѣ на лепестки весь шарикъ раскрывался, причемъ внутренность его не то платиновая, не то вороненой стали была разбита на шесть маленькихъ сегментовъ. На четырехъ граняхъ каждаго такого сегмента имѣлись изображенія того или другого массонскаго знака. Въ общемъ вся эта штука изображала несомнѣнно какой-то массонскій амулетъ или знакъ. Работа замѣчательно тонкая.

Эффектъ получился поразительный. Такого повидимому не ожидалъ никто. Доложили главнокомандующему. Главкомъ внимательно осмотрѣлъ амулетъ, приказалъ вернуть и положить, наконецъ, предѣлъ этой исторіи. Въ пріемѣ, по настоянію ген. Шатилова, отказалъ.

До вечера въ поѣздѣ много болтовни по поводу происшедшаго.

14-го іюля.

Загадка съ массонами разъясняется. Неизвѣстный подалъ прошеніе на имя главкома. Все прошеніе полно перловъ вродѣ (привожу буквально): «Я тотъ, котораго ждалъ міръ . . .», «Я мессія» и т. д. Сумасшедшій несомнѣнно. Непонятно одно, какимъ образомъ могли за одно съ нимъ стараться и здоровые. *

15-го іюля.

Упорные бои продолжаются безъ всякаго опредѣленнаго въ стратегическомъ отношеніи результата. Александровскъ обойденъ кавалерійскимъ рейдомъ, но красные продолжаютъ нажимать на насъ въ раіонѣ Орѣховъ-Пологи. Генквармъ лично полетѣлъ на фронтъ. Въ полночь главкомъ говорилъ по прямому проводу со штагрупъ, причемъ выразилъ большое неудовольствіе дѣйствіями только что назначенныхъ для руководства операціями конной группы, генерала Калинина и генерала Г. Удачнѣе всѣхъ дѣйствовали сегодня донцы, разбившіе на голову 40-ую совѣтскую дивизію. Главкомъ благодарилъ Богаевскаго, который, говорятъ, лично руководилъ операціями. Ночью главнокомандующій долго не спалъ и даже, когда раздѣлся, вдругъ, въ одной сорочкѣ прошелъ въ вагонъ наштаглава, чѣмъ-то, видимо, обезпокоенный.

Отмѣчаю этотъ фактъ, какъ достаточно характерный. Онъ, все-таки, довольно показательно иллюстрируетъ отношеніе самого ген. Врангеля къ своимъ обязанностямъ.

16-го іюля.

Утромъ главкомъ, подойдя къ вагону генкварма, бесѣдовалъ съ нимъ по поводу дѣйствій конницы, которой онъ не доволенъ съ вечера.

Про генерала Г. было сказано:

— «Это з . . . . ца, а не офицеръ генштаба . . . Не подпускайте его, Германъ Ивановичъ, къ кавалеріи ближе, чѣмъ на кавалерійскій переходъ . . . Если хочетъ, пусть сидитъ на Перекопѣ и укрѣпляетъ артиллерійскія позиціи. Я это говорю вамъ, Германъ Ивановичъ, какъ генералъ-квартирмейстеру . . .

Г. смѣщенъ.

Послѣ обѣда главкомъ, увлеченный споромъ, во время прогулки по платформѣ, вытащилъ кинжалъ, присѣлъ на корточки и принялся чертить на асфальтѣ какую-то схему. Собравшаяся въ сторонѣ публика смѣялась, созерцая громадную фигуру ген. Врангеля въ такомъ оригинальномъ положеніи.

Послѣдніе три дня пребыванія полевой ставки на ст. Джанкой не были отмѣчены ничѣмъ исключительнымъ. Обычная, трафаретная работа полевого штаба.

20-го іюля въ 2 часа дня составы ставки отошли обратно въ Севастополь, куда и прибыли въ тотъ же день вечеромъ.

---

* Нѣкоторые склонны были подозрѣвать во всей этой исторіи сорвавшуюся игру извѣстныхъ Севастопольскихъ круговъ, спеціализировавшихся на сенсаціонныхъ разоблаченіяхъ «жидо-массонства».

ВТОРАЯ ПОѢЗДКА

(Съ 28-го іюля по 2-е августа)

Наканунѣ кубанскаго дессанта

Въ Севастополѣ полевой штабъ главнокомандующаго пробылъ только недѣлю.

Вся эта недѣля протекла въ лихорадочной работѣ по подготовкѣ Кубанской дессантной операціи.

Ниже мы отводимъ Кубанскому дессанту цѣлый отдѣлъ нашей работы, гдѣ въ предѣлахъ извѣстныхъ намъ фактовъ пытаемся произвести нѣкоторый анализъ причинъ этой роковой неудачи. Пока же на протяженіи тѣхъ немногихъ строкъ, которыя повѣствуютъ о краткомъ, всего четырехъ-дневномъ второмъ выѣздѣ полевой ставки, мы просили бы читателя обратить вниманіе на одно лишь фатальное обстоятельство, отмѣченное въ записи перваго же дня: въ тотъ день и даже буквально въ тотъ часъ, когда ген. Врангель выѣзжалъ въ Феодосію, чтобы напутствовать посаженныя уже на суда, предназначенныя къ дессанту части войскъ — въ этотъ часъ въ развѣдывательномъ отдѣленіи штаба были получены свѣдѣнія о томъ, что большевики уже вполнѣ приготовлены ко встрѣчѣ этого дессанта. Въ этотъ день впервые было произнесено жуткое слово:

— Опоздали.

28-го іюля.

Съ утра всѣ готовятся къ отъѣзду. Въ 11 часовъ пріѣзжалъ къ генкварму комендантъ поѣзда главкома. Послѣ его отъѣзда стало извѣстно, что идемъ двумя составами: одинъ въ Феодосію, другой въ Джанкой.

Въ 4 часа дня выѣхалъ въ Феодосію главнокомандующій напутствовать дессантъ на Кубань и поздравить съ прибытіемъ въ Россію изъ Польши первую группу бредовцевъ. На дессантъ возлагаются колоссальныя надежды. Очевидно въ задачу его входятъ соединеніе съ Назаровымъ (Дессантный отрядъ въ 800 человѣкъ высаженный на побережьи Азовскаго моря для поднятія на Дону возстанія и глубокаго рейда*), обхватъ Ростова съ сѣвера и юга, захватъ Тихорѣцкой и перерывъ сообщенія Кубани съ Совдепіей. Въ случаѣ успѣха въ нашихъ рукахъ должна очутиться вся Кубань и Терекъ, а возможно, и часть Дона.

Не всѣ, однако, увѣрены въ этомъ успѣхѣ. Сегодня N., состоящій при развѣдывательномъ отдѣленіи, остановилъ меня на лѣстницѣ и взволнованнымъ шопотомъ бросилъ на ходу:

— Тянули, тянули съ дессантомъ и дождались: у насъ въ отдѣленіи получены свѣдѣнія, что большевики успѣли уже стянуть на Кубань, чортъ знаетъ, сколько силъ — на Тамань и къ Ейску...

Свѣдѣнія эти вошли въ сегодняшнюю секретную развѣдывательную сводку.

Не знаю, успѣли ли передать ее главкому до его отъѣзда.

Правы были тѣ, кто говорилъ, что эти чуть ли не парадные сборы кубанцевъ для отправки по домамъ до добра не доведутъ.

---

* Весь отрядъ, кромѣ самого полк. Назарова, частью погибъ, частью распылился.

О дессантѣ открыто болтаютъ на базарахъ.

Большинство, впрочемъ, смотритъ на вещи бодро.

Въ 6 часовъ начали отъѣзжать на вокзалъ отдѣленія генкварма, кромѣ связи, уѣхавшей впередъ въ 4 часа. Въ исходѣ 11-го часа вечера на вокзалъ прибыли наштаглавъ и генквармъ. Не въ примѣръ прошлымъ отъѣздамъ видъ у поѣзда очень парадный: у каждаго вагона ординарецъ при оружіи, почти всѣ вагоны выкрашены въ одинъ защитный цвѣтъ, залиты электричествомъ. Отходимъ вмѣсто 12 часовъ съ опозданіемъ въ 3,30 утра.

29-го іюля.

Около 2 часовъ дня прибыли въ Джанкой. Радіостанція и связь уже на мѣстѣ. Радіо не снимали послѣ отъѣзда въ Севастополь 20-го. Къ 3-мъ часамъ начинаемъ развертываться и въ 4 часа ставка принимаетъ обычный видъ.

По пріѣздѣ — единственное въ своемъ родѣ происшествіе. Къ генкварму явился офицеръ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія корпуса Слащева, доложившій, что вмѣстѣ съ нами въ поѣздѣ главнокомандующаго прибылъ въ Джанкой какой-то московскій комиссаръ. Офицеръ описалъ его наружность, высказавъ предположеніе относительно фамиліи, подъ которой онъ долженъ фигурировать. Генквармъ вызвалъ полковника Б., запросивъ его, не знаетъ ли онъ въ поѣздѣ лица съ описанной наружностью. Полковникъ Б. поручилъ въ свою очередь дѣло ротмистру Е. Ротм. Е. заявилъ офицеру контръ-развѣдки, что какъ командиръ ординарцевъ, онъ ручается за послѣднихъ: въ поѣздъ набраны почти исключительно старые, вполнѣ зарекомендовавшіе себя ординарцы. Что же касается другихъ живущихъ въ поѣздѣ, то они ему, ротмистру, мало извѣстны, такъ какъ въ первой поѣздкѣ онъ не находился. Тѣмъ не менѣе, Е. согласился провѣрить составъ живущихъ въ поѣздѣ. При провѣркѣ подозрѣніе пало на официанта вагона ресторана офицеровъ генеральнаго штаба. Офицеръ контръ-развѣдки подтвердилъ, что мнимый официантъ и есть разыскиваемый комиссаръ. Тотчасъ онъ былъ арестованъ. Въ чемоданчикѣ, нарочно имъ забытомъ, послѣ ареста и увода его со всѣми остальными вещами, найдено романовскихъ, керенскихъ и др. денежныхъ знаковъ на сумму до 4-хъ милліоновъ рублей и документы. Установлено, что онъ былъ принятъ въ поѣздъ въ Мелитополѣ корнетомъ Б. (хозяиномъ собранія), которому понравился, какъ развитой и толковый человѣкъ. Установлено также, что онъ пытался завязать дружескія отношенія съ однимъ изъ писарей оперативнаго отдѣленія и, яко бы называлъ однажды какого-то офицера, принадлежавшаго къ составу штаба, на «ты». Какого именно не выяснено. Корнета Б. допрашивали по прямому проводу. (По сообщеніямъ газетъ этотъ арестъ далъ возможность, найти еще нѣсколько большевистскихъ агентовъ среди низшихъ служащихъ штаба. Всѣ были преданы суду.)

30-го іюля.

На фронтѣ упорные бои съ переправившимися черезъ Днѣпръ частями противника (говорятъ, до 6000). Здѣсь красные дошли до Бѣлоцерковки. На сѣверо-востокѣ бои въ раіонѣ расположенія Донского корпуса, гдѣ большевиками занята Черниговка, Эристовка и нѣкоторыя нѣмецкія колоніи.

Относительно этого наступленія въ ставкѣ два мнѣнія: по одной версіи красныхъ нарочно затягиваютъ и даже больше — они яко бы уже поняли это, повернули назадъ, и главкомъ не доволенъ, заявивъ, что «мы ихъ опять

бьемъ только по хвостамъ», по другой, положеніе много серьезнѣе — красные сосредоточили по линіи Днѣпра значительныя силы, въ томъ числѣ подтянутыя изъ Польши, и среди нихъ — нѣкоторыя части конницы Буденнаго, отлично яко бы снаряженной и отличающейся своими касками.

Днемъ былъ у генкварма и позже у главкома ген. Бредовъ.

Съ 11-ти часовъ вечера до 4-го часа утра генквармъ, пройдя въ оперативное отдѣленіе, горячо о чемъ-то спорилъ съ полковникомъ Т.-Б. (штабъ-офицеромъ при ген. Шатиловѣ). При спорѣ присутствовалъ весь генеральный штабъ и позже ген. Бредовъ. Генквармъ казался сильно взволнованнымъ и отстаивалъ свою мысль съ исключительной настойчивостью. Содержаніе спора никому, кромѣ присутствовавшихъ, не извѣстно.

31-го іюля.

Ничего особеннаго. На всемъ фронтѣ упорные бои, особенно сильные въ низовьяхъ Днѣпра и на сѣверо-востокѣ.

Вечеромъ генквармъ, проходя съ полковникомъ Шкеленко, обронилъ:

— 2-й корпусъ тамъ уже ноетъ. Только началось наступленіе.

Въ 12 часовъ ночи составъ главкома начинаетъ приготавливаться къ поѣздкѣ. Въ 1 часъ 30 мин. ночи выѣзжаемъ на сѣверъ.

1-го августа.

Въ 9 час. 15 мин. утра прибыли въ Мелитополь, перемѣнили паровозъ и въ 2 час. 30 мин. выѣзжаемъ обратно въ Джанкой. Предполагавшаяся поѣздка дальше на фронтъ отмѣнена. Главкомъ ограничился совѣщаніемъ съ Кутеповымъ, продолжавшимся около 3-хъ часовъ. На совѣщаніи присутствовали наштаглавъ и наштагрупъ.

На обратномъ пути комендантъ поѣзда капитанъ И. сообщилъ, что поѣздка на фронтъ отмѣнена въ виду ликвидаціи остраго положенія, что главкомъ въ отличномъ настроеніи, такъ какъ вдобавокъ ген. Муравьевъ привезъ свѣдѣнія о грандіозномъ возстаніи въ раіонѣ Сочи, и что, въ связи съ предстоящими операціями на Кубани и въ Черноморьи, полевой ставкѣ приказано возвращаться опять въ Севастополь. Въ Джанкой пріѣхали въ 6,30 вечера.

По пріѣздѣ въ поѣздъ были вызваны находившіеся на станціи представители повстанцевъ съ Украины.

Повстанцы имѣли видъ оборванцевъ, хотя одинъ изъ нихъ яко бы поручикъ, другой — докторъ. Главкомъ поздоровался съ обоими крѣпко за руку и разспрашивалъ ихъ о положеніи повстанцевъ, въ заключеніе предложилъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся снабженія, обратиться къ ген. Кирѣю.

Около 9 часовъ вечера въ оперативномъ отдѣленіи большое ликованіе. Получены первыя извѣстія объ удачной высадкѣ нашего дессанта на Кубани.

Моментъ воистину историческій.

Въ вагонѣ оперативнаго отдѣленія наштаглавъ и генквармъ. Громадное оживленіе.

Поздно вечеромъ получены свѣдѣнія, что красные упорно пытаются удержать Каховскій плацдармъ, сосредоточивъ въ раіонѣ Каховки 10 легкихъ и 3 тяжелыхъ батареи, то-есть свыше 50-ти орудій.

Установлено, что ихъ артиллерія бьетъ по квадратамъ съ математической точностью.

При такихъ условіяхъ атаки этихъ укрѣпленій безъ достаточнаго содѣйствія техническихъ средствъ — игра чужими жизнями.

Съ полуночи начинаемъ свертываться. По общему мнѣнію теперь, конечно, удобнѣе руководить операціями изъ Севастополя.

Въ 1 часъ ночи выѣзжаетъ главкомъ. Въ 3,30 весь составъ штаглава, кромѣ радіо.

2-го августа.

Въ 12 часовъ дня прибыли въ Севастополь. (Главкомъ въ 7 час. утра.) Въ городѣ слухи о разгромѣ красныхъ подъ Каховкой и о взятіи не то 6, не то 18 тысячъ плѣнныхъ и орудій.

По провѣркѣ все оказалось, конечно, чепухой, выпущенной одной изъ всѣмъ извѣстныхъ фабрикъ фальшивыхъ издѣлій «по подъему духа».

Утромъ въ газетахъ опубликовано оффиціальное сообщеніе о признаніи Франціей правительства генерала Врангеля.

Въ pendant къ этому днемъ начальникъ французской военной миссіи обратился къ главкому съ письмомъ, гдѣ сообщаетъ, что «въ этотъ прекрасный моментъ» его . . . избили гдѣ-то на Сѣверной сторонѣ. Въ чемъ дѣло, пока не ясно. Какой-то уличный скандалъ, завершившійся рукоприкладствомъ. Говорятъ, главкомъ очень удивился письму и сказалъ — «. . . прійдется все-таки извиняться». Эта миссія, равно какъ и разслѣдованіе, возложены, кажется, на Ш.

Подобнаго же рода исторія произошла вчера на Нахимовскомъ. Публика избила двухъ американцевъ, принявъ ихъ за англичанъ. Поводъ — приставаніе къ дамамъ. Симпатіи къ союзникамъ видимо растутъ не по днямъ, а по часамъ.

Несмотря на всѣ расшаркиванія и реверансы казенныхъ газетъ, армія и общество отлично понимаютъ, что дальше платоническихъ комплиментовъ всѣ эти господа не идутъ, а за каждый доставленный, послѣ упрашиваній и униженій, фунтъ угля, поношенный френчъ все равно, рано или поздно, придется платить втридорога.

Безтактное поведеніе иностранныхъ морскихъ офицеровъ и матросовъ, скупающихъ за безцѣнокъ наши произведенія искусства и драгоцѣнности, вызываетъ кругомъ плохо скрываемое раздраженіе.

О перемиріи съ Польшей пока ничего не извѣстно.

ТРЕТЬЯ ПОѢЗДКА

(Съ 17-го по 26-е августа)

Кубанскій дессантъ

Разсматривая выше краткую исторію появленія Каховскаго тетъ-де-пона, мы упомянули о томъ трагическомъ «Тришкиномъ кафтанѣ», какой представляла собой уже въ срединѣ лѣта обезкровленная, понесшая серьезныя потери армія.

Постоянные нажимы противника заставляли безъ конца переворачивать этотъ кафтанъ, чтобы прикрыть, хотя бы кое-какъ, тѣ или другія мѣста съ рискомъ обнажавшагося фронта.

Еще самые первые дни наступленія, какъ отмѣчалось въ записи моей отъ 25-го мая, вырвали изъ боевого комплекта Добровольческаго корпуса (позже — 1-й арміи) свыше 23% всѣхъ людей, причемъ погибло и выбыло изъ строя болѣе половины кадроваго командного состава.

Начиная съ этого времени, старые добровольческіе полки находились въ безпрестанныхъ почти бояхъ. Были части, отдыхавшія въ резервѣ меньше недѣли, были не знавшія даже этого. Полки таяли съ быстротой, не находившейся ни въ какой пропорціи съ притокомъ мобилизованныхъ внутри Крыма и въ сѣв. Тавріи.

Къ началу іюля мѣсяца свыше 80% боевого солдатскаго состава было пополнено изъ среды бывшихъ плѣнныхъ красноармейцевъ. Дрались они, правда, по отзывамъ очевидцевъ, отлично, но легко себѣ представить, насколько соотвѣтствовалъ такой способъ пополненій идейной и правовой сторонѣ дѣла.

Все это, какъ и полагалось, тщательно скрывалось. По «Вел. Россіямъ» etc. выходило, что потери несъ одинъ противникъ, а у насъ, какъ это описывается въ старой французской эпиграммѣ (составленной на донесенія вел. князя Николая Николаевича-старшаго), у насъ, послѣ каждаго боя, рождался еще «маленькій казакъ» (petit kosak).

Этотъ «маленькій казакъ», эта обязательная, всенепремѣнная прибыль, вмѣсто неполагающагося убытка, преподносились неизмѣнно казеннокоштной прессой населенію Крыма. Такъ же точно информировалась и заграница. «Паническихъ воплей» о страшныхъ жертвахъ, которыя несетъ героически армія, о долгѣ тѣхъ, кто сочувствуетъ арміи пополнить эти жертвы, воплей, которыми наполнялись въ нужныя минуты совѣтскія газеты, въ Крыму слышно не было. Да ихъ и не могло быть: всякая попытка правдиво описать бытъ фронта пресѣкалась желѣзной лапой цензуры, ряды которой сплошь почти состояли изъ анекдотическихъ персонажей. Все должно было обстоять гладко и по принципу — «никакихъ происшествій не случалось».

А происшествія, полныя неизбывнаго трагизма и самопожертвованія, шли своимъ чередомъ. Ряды бойцевъ таяли и таяли.

Увы, эта жуткая истина скрывалась въ рѣдкихъ шифрованныхъ депешахъ, отправлявшихся съ фронта на имя лицъ высшаго командного состава, депешахъ, бывшихъ достояніемъ немногихъ.

Въ одной изъ такихъ депешъ ген. Кутеповъ еще въ срединѣ лѣта телеграфировалъ непосредственно генералу Врангелю о полномъ почти уничтоженіи кадроваго состава добровольческихъ полковъ, о пополненіи ихъ исключительно плѣнными красноармейцами, о низкомъ культурномъ уровнѣ присылаемыхъ на укомплектованіе изъ тыла офицеровъ. Ген. Кутеповъ обращалъ вниманіе главнокомандующаго, что такое положеніе вещей грозитъ самыми серьезными послѣдствіями и рѣшительно настаивалъ на немедленномъ отправленіи изъ Крыма всѣхъ подлежащихъ мобилизаціи, требуя суровыхъ и безпощадныхъ мѣръ воздѣйствія противъ уклоняющихся.

Телеграмма ген. Кутепова не была единственной.

Но командованіе, связанное по рукамъ и ногамъ непрекращающимися боями, лишено было фактически возможности измѣнить создавшееся положеніе.

Части несли потери все большія и большія и перебрасывались въ разныя мѣста фронта все чаще и чаще.

Становилось яснымъ, что такая стратегія Тришкина кафтана рано или поздно до добра не доведетъ, если... не вывезетъ какое-нибудь отчаянно смѣлое «авось».

Такимъ «авось», какъ уже упоминалось выше, и были по очереди операціи — Кубанская, Заднѣпровская и послѣдняя на территоріи сѣв. Тавріи.

Первая же изъ нихъ обѣщала теоретически необходимыя, какъ воздухъ и вода, пополненія, не говоря уже о другихъ широкихъ заманчивыхъ перспективахъ.

Почти до самаго дня отправки Кубанскаго дессанта эта теорія подкрѣплялась, къ сожалѣнію, еще и радужными, но... абсолютно не точными развѣдывательными данными. Эти-то данныя позволили въ свое время командному составу арміи считать Кубанскую операцію — операціей нормальнаго, въ условіяхъ гражданской войны, порядка, а не авантюрой. Опредѣленіе ея, какъ авантюры, вызываетъ и сейчасъ рѣшительные протесты со стороны многихъ спеціалистовъ военнаго искусства.

Предоставляемъ читателю, сдѣлавъ свои выводы, принять ту или другую точку зрѣнія. Съ словомъ «авось», упомянутымъ выше, въ отношеніи его къ Кубанской операціи, не должно, во всякомъ случаѣ, связывать понятія о безспорной авантюрѣ.

Перехожу къ фактической сторонѣ дѣла.

9-го августа полевая ставка главнаго командованія прибыла изъ Севастополя въ Керчь для непосредственнаго руководства Кубанской операціей.

Промежутокъ времени отъ начала высадки дессанта до 17-го августа не отмѣченъ, къ сожалѣнію, въ моихъ дневникахъ, такъ какъ при выѣздѣ ставки я находился внѣ Севастополя и пріѣхалъ въ Керчь лишь 17-го утромъ.

Что же произошло въ этотъ промежутокъ времени?

Записываю со словъ лица, отлично освѣдомленнаго во всемъ происшедшемъ и занимавшаго видное положеніе въ ставкѣ.

Главныя силы дессанта, какъ извѣстно, вышли изъ Керчи. Выходу предшествовала самая откровенная шумиха, открытые разговоры и чуть ли не газетныя статьи. Кубанскіе казаки отправлялись въ дессантъ со всѣмъ скарбомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже съ семьями, увѣренные, что отправляются «по домамъ». Съ ними на судахъ находились члены рады, краевого правительства, атаманъ и видные Кубанскіе общественные дѣятели. Самыя элементарныя требованія, касающіяся охраненія военной тайны, были забыты.

Доходило до того, что офицерамъ и солдатамъ уроженцамъ Кубани — была предоставлена возможность, открыто переводиться въ части, предназначавшіяся для дессанта. Все это, конечно, очень мало походило на ту обстановку, въ которой отправлялся въ свое время 1-й дессантъ ген. Слащева, когда военная тайна была обезпечена до послѣдней минуты.

При такихъ условіяхъ главныя силы дессанта, преодолѣвъ незначительное сопротивленіе противника, высадились въ бухтѣ Приморско-Ахтырской на сѣверо-западномъ берегу Кубани. Почти одновременно менѣе значительные отряды подъ командованіемъ генераловъ Харламова и Черепова высадились — первый на Таманскомъ полуостровѣ, второй — въ раіонѣ Анапы.

Общее командованіе главными силами было поручено ген. Улагаю. Въ его распоряженіи находилась конница подъ командой ген. Бабіева и Шиффнеръ-Маркевича и пѣхотныя части подъ командой ген. Казановича. Приморско-

Ахтырская была объявлена главной базой дессанта. Въ ней размѣстилась оперативная часть штаба ген. Улагая.

Самъ ген. Улагай, во главѣ коннаго авангарда, стремительно двинулся въ общемъ направленіи на Тимашевскую, стремясь возможно скорѣе завладѣть этимъ важнымъ желѣзнодорожнымъ узломъ. Съ нимъ же находился и начальникъ штаба всей группы ген. Драценко.

Конница ген. Бабіева, разбивъ слабые отряды красныхъ подъ Бринковской и отбросивъ ихъ на сѣверо-западъ, двинулась также стремительно на Брюховецкую. Ген. Казановичъ со всей пѣхотой двинулся по линіи желѣзной дороги на Ольгинскую—Тимашевскую, то-есть занялъ своими силами центръ или точнѣе вытянулся по медіанѣ равнобедреннаго почти треугольника, вершиной котораго была Приморско-Ахтырская. Справа отъ него двигался быстро на Гривенскую ген. Шиффнеръ-Маркевичъ.

Для защиты главной базы — Приморско-Ахтырской было оставлено лишь слабое прикрытіе и отрядъ военныхъ судовъ.

Красные, учтя быстро всю обстановку и давъ коннымъ отрядамъ Бабіева, Улагая, Шиффнеръ-Маркевича и пѣхотѣ Казановича отойти на значительное разстояніе отъ базы, ударили смѣло со стороны лѣваго крыла группы, то-есть съ той стороны, гдѣ находился Бабіевъ.

Противникъ безъ всякаго труда занялъ снова Бринковскую и сталъ легко распространяться на югъ въ направленіи желѣзной дороги Пр.-Ахтырская—Тимашевская, угрожая отрѣзать всю дессантную группу отъ базы и оперативнаго отдѣленія. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что ген. Бабіевъ, оттѣснивъ въ первый разъ красныхъ въ раіонѣ Бринковской, не оставилъ здѣсь никакихъ силъ, которыя охраняли бы пути на базу и могли бы принять ударъ противника со стороны озерныхъ дефиле. Въ это время части его были уже въ раіонѣ Брюховецкой, ген. Улагай, пройдя Тимашевскую, рвался уже на Екатеринодарское направленіе, Шиффнеръ-Маркевичъ былъ уже у Гривенской и, наконецъ, Казановичъ подходилъ къ Тимашевской.

Получивъ донесеніе о наступленіи красныхъ, ген. Драценко приказалъ генералу Бабіеву немедленно повернуть назадъ и возстановить положеніе. До этого момента напоръ красныхъ сдерживался спѣшно выдѣленной группой юнкеровъ. Ген. Бабіевъ вернулся, отбросилъ опять красныхъ и снова, не оставляя никакого серьезнаго заслона, пошелъ на Брюховецкую. Повторилась прежняя исторія. Противникъ снова нажалъ, юнкера, неся громадныя потери, отошли къ Ольгинской. Желѣзнодорожная магистраль, связывавшая дессантъ съ базой, оказалась подъ непосредственной угрозой. Въ базѣ поднялась паника. Вдобавокъ всего красная флотилія Азовскаго моря, хорошо-вооруженная поставленной на суда артиллеріей, воспользовалась необъяснимымъ до сихъ поръ уходомъ нашихъ военныхъ судовъ и, подойдя къ Пр.-Ахтырской, открыла энергичный огонь. Оперативное отдѣленіе (управленіе оберъ-квартирмейстера дессантной группы ген. С.) было вынуждено спасаться бѣгствомъ. Обратный путь моремъ на Крымъ былъ отрѣзанъ, да о немъ и не приходилось думать, такъ какъ штабъ безъ остального дессанта бѣжать не могъ, а послѣдній зарвался уже за Брюховецкую—Тимашевскую. Всякая нормальная связь была потеряна еще раньше, да вопросъ еще, впрочемъ, существовала ли она вообще въ этой операціи съ самаго начала. Пришлось спѣшно составлять громадный желѣзнодорожный составъ съ цѣлью попытаться прорваться въ раіонъ Тимашевской на соединеніе съ командующимъ группой ген. Улагаемъ, начальникомъ штаба

ген. Драценко и главными силами. Вмѣсто 6-ти вагоновъ, въ которыхъ умѣщался штабъ, пришлось тащить свыше сорока, такъ какъ надо было вывозить изъ базы женъ, дѣтей, семьи и пр. тѣхъ, кто собрался въ дессантъ «со всѣми удобствами».

Въ теченіи всего пути ѣхавшіе дрожали каждую минуту за свою жизнь. Въ любомъ мѣстѣ дорогу могъ перерѣзать противникъ. Впереди ѣхавшихъ ожидала также полная неизвѣстность.

Не доѣзжая Ольгинской, оперативному отдѣленію во главѣ съ ген. С. пришлось выйти изъ вагоновъ и лечь въ цѣпь. Истекавшіе кровью юнкера теряли послѣднія силы. Едва-едва, буквально чудомъ, поѣзду удалось проскочить. Вслѣдъ затѣмъ желѣзная дорога была перерѣзана красными.

Съ этого момента начинается уже собственно ликвидація операціи. Правда, была сдѣлана еще одна попытка обойти обошедшаго насъ противника, но и она ни къ чему не привела.

Каждый изъ руководителей этой операціи взваливаетъ и по сію пору вину на другихъ. Опустивъ нарочно всѣ эти личные выпады и субъективныя сужденія, я ограничился зарисовкой общаго хода операціи со словъ вполнѣ компетентнаго и совершенно безпристрастнаго лица.

Детальное описаніе и анализъ причинъ Кубанской неудачи можетъ составить спеціальный военно-историческій трудъ. Такой трудъ могъ бы установить истину. Еще скорѣе могъ бы установить ее въ свое время строгій военный судъ надъ виновниками, но ген. Врангель не счелъ нужнымъ предавать дѣло судебной огласкѣ.

Съ момента потери базы начинается лихорадочная ликвидація дессанта. Можно категорически утверждать, что только благодаря таланту, энергіи и личному мужеству ген. Коновалова — генерала-квартирмейстера ставки, вылетѣвшаго на Кубань на аэропланѣ, части, участвовавшія въ дессантѣ, были спасены и посажены обратно на суда. Одновременно съ этимъ были вынуждены трагическими обстоятельствами къ обратной посадкѣ и отряды ген. Харламова и Черепова.

Въ какой постепенности развивалась эта тяжкая ликвидація операціи, а также въ какой обстановкѣ воспринималось случившееся полевой ставкой, читатель можетъ видѣть изъ приводимой ниже записи дневниковъ моихъ, относящихся къ этому періоду.

17-го августа.

Въ 11 часовъ утра пріѣхалъ въ Керчь — въ поѣздъ. Настроеніе скверное, подавленное. Неудача на Кубани очевидная. Ген. Улагай, какъ разсказываютъ, далъ обойти себя и потерялъ связь съ базой. Череповъ (высадившійся въ раіонѣ Анапы) вовсе не выполнилъ задачи. Его части уже приняты обратно на суда. Харламовъ на Тамани тоже дѣйствовалъ не такъ, какъ этого требовали изъ ставки. Главкомъ предъ отъѣздомъ страшно разносилъ ген. Д. (начальника штаба ген. Улагая). Онъ и Череповъ уволены. Улагай, яко бы, на пути къ тому же.

Обстановка, сложившаяся на Кубани, настолько острая, что генквармглавъ (ген. Коноваловъ) еще 7 дней тому назадъ вылетѣлъ на аэропланѣ къ Улагаю и до сихъ поръ не вернулся. Наштаглавъ (ген. Шатиловъ) позавчера тоже

уѣхалъ на миноносцѣ на Тамань. Въ ставкѣ за генкварма остался полк. Шкеленко, за наштаглава — ген. Масловскій.

Вернувшіеся съ Тамани передаютъ, что большевики эвакуировали съ полуострова все, что успѣли: не оставлено совершенно подводъ, лошадей, въ иныхъ мѣстахъ угнали мужское населеніе. Настроеніе населенія различно. Къ намъ присоединились до 5-ти тысячъ возставшихъ, но благодаря отсутствію оружія и снаряженія (приписываютъ дѣятельности ген. Вильчевскаго) мы ихъ использовать не смогли.

Бои идутъ уже въ раіонѣ Гривенской и чуть ли не на самомъ берегу моря. Посланы суда. Объ оставленіи занятаго Тимашевскаго раіона было нами объявлено оффиціально въ сводкѣ.

На Днѣпрѣ благополучно.

Къ 11 часамъ вечера ожидается съ Тамани наштаглавъ.

18-го августа.

Наштаглавъ прибылъ поздно ночью.

Генквармъ, какъ сообщилъ мнѣ начсвязьглавъ, вернется дня черезъ два-три. Сейчасъ онъ руководитъ лично отступленіемъ дессанта ген. Улагая на Кубани, посадкой обратно на суда и арьергардными боями. Фактически занялъ мѣсто Драценко тотчасъ же по его увольненіи, вылетѣвъ въ штагруппы на аэро. Въ связи съ этимъ въ поѣздѣ на третій день упорно говорятъ, что кое-кто усиленно добивается оставленія Коновалова вмѣсто Драценко, выдвигая на постъ генкварма ген. Масловскаго, ген. для порученій при наштаглавѣ. Указывается на то, что формально для Коновалова это повышеніе, такъ какъ группа Улагая будетъ на положеніи арміи, и Коноваловъ такимъ образомъ станетъ наштаармомъ. Всѣ, съ кѣмъ ни говорилъ, смотрятъ на это, разумѣется, иначе. Уходъ Коновалова, по общему мнѣнію, былъ бы громадной потерей.

Отступленіе дессанта происходитъ въ очень тяжелыхъ условіяхъ; отступаютъ двумя группами. Группа Бабіева уже садится на суда. Нѣкоторые корабли уже идутъ въ Керчь. Казановичъ прикрываетъ отступленіе со всей пѣхотой, и возможно, ему придется садиться подъ обстрѣломъ.

Присоединившихся 10 тысячъ. Все по преимуществу камышевая публика. Ихъ уже усаживаютъ на суда. Говорятъ, эта цифра компенсируетъ потери. Присоединялись въ разгаръ наступленія. Позже не шли даже по призыву. Станицы съ населеніемъ въ 30 тысячъ давали по 120—150 человѣкъ. Агитаціи никакой. Литературы тоже. Словомъ, все какъ полагается.

Версій о причинахъ неудачи много. Въ общихъ чертахъ онѣ сводятся къ слѣдующимъ гипотезамъ: 1) Продолжительность выгрузки (4 дня), 2) Разногласія между Улагаемъ и Драценко, 3) игра на два фронта нашей «зарубежной» агентуры, 4) Распыленіе силъ съ начала наступленія вмѣсто ихъ концентраціи, 5) крайній недостатокъ артиллеріи (1 батарея), 6) Сдержанное отношеніе мѣстнаго населенія (правда, не вездѣ), и 7) Самое популярное объясненіе — обходъ, благодаря невнимательности нашего флота, и страхъ не то Улагая, не то Драценко быть отрѣзаннымъ отъ морской базы.

Несомнѣнно, что лучше всего истину смогъ бы установить судъ.

Самое скверное, по общему мнѣнію, заключается въ «подвохѣ» населенія. Уже есть свѣдѣнія, что въ очищенномъ нами раіонѣ идетъ безпощадная расправа. Безспорно, престижъ нашъ надолго сведенъ почти къ нулю.

Второй день противорѣчивые слухи и о судьбѣ Назарова. Къ моменту высадки Улагая онъ былъ въ раіонѣ Торговая—Манычскія озера. Дальнѣйшее не ясно: не то ушелъ въ степи, не то распылился. Каждый сообщаетъ свои свѣдѣнія, но всѣ они абсолютно не точны. Связи нѣтъ.

Связь съ Улагаемъ и даже съ Таманскимъ полуостровомъ оставляетъ желать много лучшаго.

Къ вечеру прибыло три летчика. Въ 5 часовъ утра сегодня, послѣ упорнаго боя, нами занята Старо-Титоровская. Бои продолжаются. Выѣзжаемъ, кажется, на юнкерахъ. Санитарія ни къ черту.

Бабіевъ посаженъ обратно на суда и идетъ въ Керчь. Коноваловъ, говорятъ, въ Ачуевѣ и лично руководитъ всѣмъ.

Въ оперативномъ отдѣленіи сегодня составлена секретная вѣдомость боевого состава всей арміи. Весь боевой составъ исчисляется въ тридцать три тысячи восемьсотъ человѣкъ. Это все, что находится на фронтѣ и считается дѣйствительно боеспособнымъ. Въ это число включены даже ординарческій эскадронъ и конвой главнокомандующаго. Боевой комплектъ перваго отмѣченъ въ 180 сабель; явное преувеличеніе. Все остальное — тылы.

Вчера наштаглавъ получилъ телеграмму отъ командира англійскаго дредноута «Мальборо» съ запросомъ, будутъ ли главкомъ и наштаглавъ присутствовать на парадномъ обѣдѣ на дредноутѣ. Въ отвѣтъ послано — «Къ сожалѣнію, нѣтъ».

Отправлена телеграмма въ Парижъ П. Б. Струве. Главкомъ проситъ ходатайствовать предъ союзниками о направленіи въ Крымъ нѣкотораго числа людей изъ интернированныхъ въ Германіи красныхъ, перешедшихъ только что германскую границу.

Повидимому, еще одна попытка разрѣшить кризисъ съ отсутствіемъ необходимыхъ пополненій.

Съ различныхъ мѣстъ фронта доносятся жалобы на отвратительную постановку полевой санитаріи, подъ Каховкой раненые должны были ползти цѣлыя версты. Въ ставкѣ острятъ, что надо съ д-ра Лукашевича * снять шпоры.

19-го августа.

Въ 10 часовъ утра прибылъ изъ Мелитополя главкомъ. Тотчасъ, едва поѣздъ остановился, американецъ корреспондентъ «Чикаго-Триб.» началъ съемки.

Досадно, что до сихъ поръ ни одна газета, кромѣ «Вел. Россіи, не получила приглашенія въ поѣздъ главнокомандующаго.

Американецъ получаетъ ежемѣсячно по курсу — $8^1/_2$ милл. руб. плюсъ покрытіе всѣхъ издержекъ.

N., сопровождавшій главкома, разсказываетъ объ операціяхъ подъ Мелитополемъ и по Днѣпру. Слава Богу, выцарапались. То, что сдѣлали наши войска, даже не героизмъ, но нѣчто сверхъ-естественное. Дроздовцы достигли апогея. Подъ ураганнымъ огнемъ ходили въ атаки въ строю. Каждый снарядъ вырывалъ изъ цѣпи по 10—15 человѣкъ. И каждый разъ послѣ разрыва слѣдовала команда — «Асъ, два — въ ногу». 1-й корпусъ выпустилъ за недѣлю 40 тысячъ снарядовъ. Большевики разъ въ 5 больше.

Наштаглавъ телеграфировалъ главкому о необходимости изданія приказа объ относительной экономіи снарядовъ.

---

* Гл. полевой санитарный инспекторъ.

Главкомъ изорвалъ депешу.

Потери у насъ очень тяжелыя, но красные разбиты всюду. Въ ихъ рукахъ только Каховка.

Я передалъ N. слухи объ уходѣ Коновалова и назначеніи Масловскаго. Говоритъ, едва ли правда, такъ какъ наканунѣ отъѣзда въ Мелитополь главкомъ бурей ворвался въ оперативное отдѣленіе (Коноваловъ былъ уже на Кубани) и разнесъ всѣхъ, не исключая подвернувшагося тутъ же Масловскаго вдребезги. Разносилъ на весь поѣздъ: — «Не хотите работать, какъ слѣдуетъ — на фронтъ пожалуйте! .. Я оттуда возьму людей! Найду!» Словомъ, влетѣло всему генштабу. За что, точно не извѣстно. Повидимому за Кубань.

Главкомъ слишкомъ переживаетъ каждую операцію. Всѣ въ поѣздѣ, если прислушаться къ разговорамъ, начиная съ высшихъ чиновъ генштаба, признаютъ, что у него громадный полетъ «стратегической фантазіи», и когда дѣйствительность не сходится съ оперативными директивами, главкомъ выходитъ изъ себя.

Тогда влетаетъ всѣмъ, и часто по дѣломъ.

Въ 3 часа дня кап. Н. сообщилъ, что на суда, идущія обратно, посажено уже 20 тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ, несмотря на неудачу, несмотря на всѣ потери, дессантъ Улагая возвращается болѣе, чѣмъ въ удвоенномъ составѣ. Случай въ своемъ родѣ единственный.

Командный составъ кубанцевъ проситъ главкома и генерала-квартирмейстера не распылять присоединившихся кубанцевъ по разнымъ частямъ, а создавать спеціально казачьи войсковыя соединенія.

Повидимому, такъ и будетъ сдѣлано.

Въ 11,30 вечера главкомъ выѣхалъ на 2 дня въ Севастополь. Ставка пока остается въ Керчи.

20-го августа.

Разбудилъ М. и сообщилъ, что ночью произошло новое несчастье на Тамани. Харламовъ телеграфируетъ, что вслѣдствіи полной небоеспособности частей («бредовцы») и отсутствія техническихъ средствъ онъ удерживать долѣе Таманскіе перешейки не можетъ и, понеся сильныя потери, отдалъ приказъ, отступать на высоты «280» и «Комендантскую» къ востоку отъ Тамани. Страшно пострадали юнкера, дравшіеся геройски. Къ 20 часамъ разсчитываетъ быть у моря и начать обратную погрузку. Телеграмму спѣшно печатаютъ для доклада наштаглаву.

Воздушная развѣдка доноситъ, что вслѣдъ нашимъ двигается въ направленіи на Тамань полторы тысячи сабель и 4 тысячи пѣхоты.

Теперь ясно, почему всю ночь была такая суета.

11 час. утра. Вся Тамань очищена. Только что прибылъ на миноносцѣ «Жаркій» Д., ординарецъ-курьеръ, ѣздившій съ секретными бумагами къ Иванису *. Говоритъ, что уѣзжалъ почти послѣднимъ. На миноносцѣ много раненыхъ. На берегу бросали лошадей (не много). Населеніе все попряталось. Только бабы выбѣгали изъ дворовъ за лошадьми. Послѣдними покинули Тамань командиръ порта и еще нѣсколько офицеровъ, бросившихся на испорченный баркасъ. Ранены. «Жаркій» вернулся и подъ обстрѣломъ спасъ ихъ. Красная кавалерія вступаетъ въ Тамань (станицу). Иванисъ уѣхалъ еще вчера въ 7 часовъ вечера.

* Кубанскій атаманъ.

3 час. дня. Прибыли съ Тамани наши мотоциклисты (гаражъ главкома). Броневикъ взорванъ и брошенъ. «Фордъ» № 28 — тоже бросили на пристани, заложивъ подъ сидѣнія двѣ шашки (?). Возлѣ поѣзда расположился бивакомъ Корниловскій конный полкъ.

4 часа. Вернулся съ Тамани Ш., второй ординарецъ-курьеръ. Подробно описываетъ всю картину. Первымъ не выдержалъ и допустилъ прорывъ 42-й Донской полкъ. Командиръ полка полк. Никифоровъ смертельно раненъ. Былъ брошенъ своими и подобранъ юнкерами. Многіе говорятъ, что у нихъ (у донцовъ) не хватило патроновъ. Нѣкоторые отрицаютъ это. Всѣ сходятся на томъ, что огромную роль сыгралъ недостатокъ или, вѣрнѣе, почти полное отсутствіе артиллеріи. (На фронтѣ 3 орудія, изъ нихъ 2 тотчасъ испортились, въ Таманской — 4 горныхъ.) Потери громадныя. Отъ юнкеровъ осталась буквально горсточка. Красные звѣрствовали изступленно. Плѣнныхъ почти не брали. Самое скверное произошло въ раіонѣ Пересыпной-Ахтапыровской. Послѣ прорыва бывшія тамъ части юнкеровъ, бредовцевъ и лабинцевъ оказались отрѣзанными. До сегодняшняго утра нѣкоторые пробивались группами по 30—50 человѣкъ. Ни патроновъ, ни снарядовъ у отрѣзанныхъ нѣтъ. Можетъ быть, удастся спасти еще часть съ моря, пославъ миноносцы или катера въ сторону Темрюка. Населеніе относилось къ нашему уходу въ общемъ безучастно, хотя раненыхъ жалѣли и давали имъ хлѣбъ, пищу. Литературы съ нашей стороны — нигдѣ и никакой. Даже въ управленіи у атамана въ самой Таманской — ничего, кромѣ старой оффиціальной сводки.

Послѣ обѣда нѣсколько человѣкъ, находившихся въ вагонѣ экспедиціи, слыхало, какъ наштаглавъ яко бы говорилъ о необходимости возобновленія вторично Кубанской дессантной операціи. Говорилъ, будто бы стоя подъ окномъ вагона.

Если не бабьи выдумки, то, Боже, до чего не осторожно!

21-го августа.

Почти цѣлый день посадка въ поѣзда кавалеріи Бабіева для переброски на Таврическій фронтъ. Настроеніе у частей различное: у большинства отличное, но есть и настроенные очень мрачно. Такіе утверждаютъ, что отношеніе населенія къ намъ въ большинствѣ случаевъ было скорѣе враждебнымъ, чѣмъ благожелательнымъ. При отступленіи, оказывается, не обошлось безъ грабежей. Забирали главнымъ образомъ лошадей — тамъ, гдѣ онѣ были оставлены большевиками. Вчера такая же исторія произошла въ двухъ шагахъ отъ поѣзда главкома, — стащили и погрузили въ свой составъ лошадей начальника дистанціи и одного крестьянина. Послѣ скандала отобрали.

Потери юнкеровъ ужасны, особенно у Алексѣевцевъ. Отъ первой роты осталось 8 человѣкъ, отъ 4-й — 30. Было по сто слишкомъ.

Передаютъ, будто главкомъ прислалъ наштаглаву нецензурную телеграмму за оставленіе Тамани. Комплименты относятся ко всему командному составу.

22-го августа.

Ничего существеннаго. «Жаркій» подобралъ въ тростникахъ 120 юнкеровъ и доставилъ ихъ въ Керчь. Въ 12 часовъ ночи наштаглавъ сообщилъ главкому, что выѣзжаемъ въ Севастополь въ понедѣльникъ. Днемъ Драценко (окончательно реабилитировавшій себя передъ Шатиловымъ) разносилъ очень рѣзко адмирала Евдокимова за захватъ красными нашей базы (Приморская-Ахтырская), что послужило первопричиной для всѣхъ послѣдующихъ неудачъ.

23-го августа.

Утромъ прибылъ въ Керчь Шиффнеръ-Маркевичъ. Раненъ. Атака Каховскихъ укрѣпленій успѣхомъ для насъ не увѣнчалась. Особенно пострадала Корниловская дивизія. Опять упорно говорятъ, что весь Каховскій плацдармъ большевиками вымѣренъ, и ихъ артиллерія бьетъ по квадратамъ. Наши потери благодаря этому ужасны.

Танками рисковать, видимо, боятся (больше двухъ-трехъ не пускаютъ); да ихъ, впрочемъ, и такъ мало, а съ ремонтомъ и газолиномъ дѣла безнадежно слабы. Броневики ремонтируютъ гораздо быстрѣе, для танковъ же заграница не даетъ техническихъ средствъ.

Приказано образовать штабъ 2-й арміи. Назначены — командиромъ генералъ Драценко, наштармомъ Масловскій. Такимъ образомъ, Коноваловъ несомнѣнно остался въ ставкѣ.

24-го августа.

Прибыли ординарцы, бывшіе въ дессантѣ Черепова у Раевской (Анапы) и тоже на Тамани. Численность нашего дессанта у Раевской было около 1500 человѣкъ при двухъ горныхъ орудіяхъ. По задачѣ было приказано отрѣзать Новороссійскъ и послѣ этого наступать на Екатеринодаръ на соединеніе съ частями Харламова (дѣйствовавшими на Тамани) и съ группой Улагая. Однако, продвинуться дальше 8—10 верстъ отъ берега не удалось. Составъ нашихъ частей: юнкера, бредовцы и черкесы; послѣдніе обнаружили рѣдкую трусливость.

Главная причина неудачи кроется въ численномъ перевѣсѣ противника, готовности его къ операціямъ съ нами въ данномъ раіонѣ (была подвезена тяжелая артиллерія — 1 орудіе) и въ сильномъ артиллерійскомъ огнѣ, на 10—15 выстрѣловъ мы отвѣчали однимъ-тремя. До Анапы также не дошли. Въ самой Анапѣ былъ виденъ отчего-то пожаръ. Соединиться съ «зелеными», находящимися въ раіонѣ Баканской, не удалось, хотя гонецъ оттуда прибылъ въ 1-й день высадки, и ему даны были директивы идти на соединеніе съ нами. (Однако, наканунѣ назначеннаго для того срока мы были вынуждены сѣсть обратно на суда.) Число «зеленыхъ» достигаетъ будто бы 8 тысячъ человѣкъ. На три четверти состоятъ изъ частей Добрарміи, распылившихся тутъ въ горахъ послѣ мартовской Новороссійской и Туапсинской трагедіи. На дняхъ къ нимъ присоединилась артиллерійская батарея красныхъ въ полной запряжкѣ.

Въ общемъ, подъ Раевской присоединилась лишь группа зеленыхъ въ 15 человѣкъ. Вожакъ группы предлагалъ провести наши войска по тропинкамъ въ обходъ красныхъ и ихъ артиллеріи. Отказались. Позже, впрочемъ, будто бы жалѣли.

Въ Таманской жители были очень недовольны, что наши войска помѣшали... выдачѣ мануфактуры (ситцу) по 4 аршина на душу за 120 рублей. Бабы не стѣснялись, говорили:

— Тѣ хоть мануфактуру доставили, а вы что привезли?..

Мобилизація проходила болѣе или менѣе успѣшно, до начала нашего отступленія.

Когда началось отступленіе, подлежащихъ явкѣ естественно не было вовсе. Напримѣръ въ Стебліевской изъ 48 человѣкъ, мобилизованныхъ при отступленіи, явился лишь одинъ. Конской мобилизаціи почти нигдѣ не объявляли, такъ какъ большевики угнали всѣхъ годныхъ лошадей.

Несмотря на сдержанное отношеніе къ намъ, жители открыто жалуются и на большевиковъ. У большинства бывшихъ въ дессантахъ создалось впечатлѣніе, что мирное населеніе относится одинаково враждебно и къ большевикамъ, и къ намъ и ждетъ одного — конца войны. При такомъ положеніи вещей полное отсутствіе пропаганды особенно гибельно отзывается на дѣлѣ арміи.

На глазахъ Г. красные, при одномъ изъ окруженій, приканчивали нашихъ раненыхъ и прикололи сестру милосердія.

Послѣ обѣда узналъ любопытныя подробности изъ біографіи кн. М. — адъютанта ген. Д. Знаменитъ тѣмъ, что въ прошломъ году ухитрился повѣсить въ теченіи двухъ часовъ 168 евреевъ. Мститъ за своихъ родныхъ, которые всѣ были вырѣзаны или разстрѣляны по приказанію какого-то еврея-комиссара. Яркій образецъ для разсужденія на тему о необходимости гражданской войны.

Кромѣ того, онъ вовсе не князь (фамилія взята по материнской линіи). Его знаютъ въ ставкѣ многіе по Николаевскому кавалерійскому училищу.

Ночью М. сообщилъ, что Назарову приказано идти на Волноваху. Отрядъ подъ Торговой сильно пострадалъ.

25-го августа.

Въ 9 час. утра прибылъ генквармъ, сильно исхудавшій, осунувшійся и осипшій. Оставался на Кубани до погрузки послѣднихъ частей. Послѣдніе часы погрузки проходили въ очень тяжелыхъ условіяхъ, благодаря грозѣ и шторму, сорвавшему сооруженную пристань. По словамъ генкварма вывезено все. Въ послѣднюю минуту на берегу были брошены лишь десятка два негодныхъ лошадей и тачанки. Два броневика съ неимовѣрными затрудненіями вывезены. Заслуга Коновалова, по общему мнѣнію, огромна.

Съ 10 часовъ утра до поздняго вечера безпрерывный пріемъ командировъ частей въ связи съ переформированіемъ и образованіемъ 2-й арміи. Всѣ добиваются оставленія у себя своихъ людей. Интересенъ докладъ войскового старшины П. — командира полтавцевъ, доложившаго генкварму, что подавляющій процентъ присоединившихся составляютъ станичники его Полтавскаго округа, оттуда же и почти вся набранная на Кубани кавалерія — свыше 6000 лошадей. Считаетъ полезнымъ объединить ихъ въ одно войсковое соединеніе, а не распылять ихъ по дивизіямъ Шиффнеръ-Марковича, Малышенко, Бабіева и т. д. Командиръ астраханцевъ полковникъ М. жаловался мнѣ на полное отсутствіе пропаганды.

Вечеромъ телеграмма о взятіи въ плѣнъ 42-й совѣтской дивизіи, взятіи Никополя «атаманомъ» Володинымъ и о потерѣ нами двухъ танковъ, застрявшихъ на второй линіи Каховскихъ загражденій. У противника обнаружены дѣйствующіе противъ насъ 2-й и 3-й танковые дивизіоны изъ танковъ, захваченныхъ у поляковъ.

Въ 9,10 вечера начинаемъ свертываться.

Къ 10-ти часамъ сняты антены радіо.

Въ 12 часовъ ночи прекратилъ работу весь оперативный телеграфъ.

Въ 1 часъ 45 мин. ночи выѣзжаемъ въ Севастополь соединеннымъ составомъ въ 29 вагоновъ.

26-го августа.

Въ 12 часовъ дня прибыли въ Джанкой. До часу дня докладъ ген. Макѣева — начальника Сивашско-Перекопскаго укрѣпленнаго раіона. Въ часъ завтракъ. Въ 1 часъ 45 мин. отходимъ дальше на югъ.

Въ пути приказано ординарцу вручить коменданту Симферополя для передачи генералу Кусонскому незапечатанное письмо за подписью «Патріотъ». Письмо полно упрековъ по адресу главнокомандующаго за то, что онъ не обращаетъ вниманія на дѣйствія Симферопольской администраціи, представляющія собой сплошной произволъ. Особенно подчеркивается беззаконная дѣятельность полковника Т., организовывающаго постоянно безконечныя облавы, въ которыхъ задерживаются и насильно отправляются на фронтъ люди, освобожденные воинскими присутствіями. Вырываются отъ Т. лишь за милліонныя взятки. Дѣятельность полковника Т. приравнивается авторомъ къ дѣятельности агентовъ большевиковъ.

Несмотря на то, что письмо было анонимнымъ, на немъ положена слѣдующая резолюція главкома: «Г. Кусонскому. По моимъ свѣдѣніямъ полк. Т. прохвостъ — надо провѣрить. В.» Письмо съ резолюціей отправлено безъ конверта черезъ комендатуру, гдѣ служилъ самъ полк. Т.

Въ 7 часовъ вечера, послѣ часовой остановки, выѣзжаемъ изъ Симферополя въ Севастополь. Прибыли въ Севастополь въ 9,50 вечера. До утра приказано оставаться въ вагонахъ.

ЧЕТВЕРТАЯ ПОѢЗДКА

(Съ 30-го августа по 5-е сентября)

Объѣздъ фронта

30-го августа, черезъ три дня послѣ возвращенія изъ Керчи полевой ставки, поѣзду главнокомандующаго было приказано отправляться вновь на фронтъ.

Въ поѣздѣ, вмѣстѣ съ ген. Врангелемъ, должны были слѣдовать военные агенты иностранныхъ государствъ, состоявшіе при Крымской арміи.

Поѣздкѣ придавали громадное значеніе.

Несомнѣнно, что она была блестящей побѣдой политики П. Б. Струве. На фронтѣ ждали и вѣрили, что Европа и Америка узнаютъ, наконецъ, правду о той тяжелой обстановкѣ, въ которой, напрягая послѣднія силы, защищаетъ дѣло міровой цивилизаціи горсточка въ два съ чѣмъ-то десятка тысячъ почти обреченныхъ безумцевъ.

И офицеры, и солдаты жадно ждали, что предъ глазами Европы — предъ глазами всего міра истина откроется во всей своей неприкрашенной очевидности.

Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, было все спасеніе.

Первоначальный маршрутъ поѣздки, предусматривавшій также осмотръ Перекопскаго перешейка, былъ измѣненъ. Дѣло ограничилось демонстраціей лишь Сивашско-Таганашскихъ позицій, дѣйствительно прекрасно укрѣпленныхъ, чему больше всего способствовалъ исключительно выгодный рельефъ мѣстности (ажурная сѣтка озеръ и узенькихъ дефиле). «Укрѣпленія» Перекопскаго перешейка показаны не были. Къ нѣкоторымъ предположеніямъ относительно причинъ этого обстоятельства мы еще вернемся.

Пока же, быть можетъ, читателю не безынтересно будетъ ознакомиться съ кое-какими подробностями самой поѣздки.

Воспроизвожу ихъ буквально по очеркамъ своимъ, напечатаннымъ въ понедѣльничной газетѣ «Севастопольскій Вѣстникъ» отъ 7-го сентября (№ 4-й).

Долженъ здѣсь оговориться, что отчетъ мой объ этой исключительно-важной поѣздкѣ долженъ былъ появиться въ «Югѣ Россіи» — наиболѣе распространенной газетѣ въ Крыму, читавшейся также и заграницей. Но газета была на это время какъ разъ удачно закрыта г. Тверскимъ.

Въ первомъ очеркѣ, описывавшемъ первые два дня поѣздки, я писалъ:

«Было что-то необычайное, странно волнующее, переносящее какъ-то невольно мысль къ прежнему укладу внѣшнихъ взаимоотношеній Россіи и Европы, въ той картинѣ, какую представляетъ собою Севастопольскій вокзалъ въ вечеръ 30-го августа.

Сказывалось это, конечно, не въ наружномъ блескѣ всей обстановки отхода поѣзда главнокомандующаго, не въ этомъ сверканіи электричества въ вагонахъ, отъ котораго мы варвары за два года успѣли отвыкнуть, не въ цвѣтахъ, которыхъ такъ много въ этихъ вагонахъ . . .

Другое волновало, другое привлекало глазъ, другое невольно будило забытыя надежды, рождало опять старый, мучительный вопросъ:

— Неужели? . .

Неужели же вотъ эти знатные иностранцы изъ Версаля и съ той стороны океана, гуляющіе по перрону въ этихъ новенькихъ, щегольски-яркихъ военныхъ формахъ и наутюженныхъ смокингахъ, изволили, наконецъ, заинтересоваться какими-то нашими — Боже, какой смѣхъ — Aleschka'ми, Каховками, Токмаками и еще тамъ какой-то захолустной глушью, замѣчательной всего на всего тѣмъ, что она лишь полита до пресыщенія такой дешевой и такой выгодной для удобренія кровью русскаго солдата и офицера.

Вотъ что было странно . . .

А между тѣмъ, это было такъ.

Въ поѣздѣ, отошедшемъ ровно въ 11 часовъ вечера, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ и А. В. Кривошеинымъ, выѣхали на фронтъ представители Франціи, побѣдоносной Польши, Америки, Японіи, Сербіи и Англіи.

Получили мѣста и сотрудники иностранной прессы.

Первая продолжительная, почти на два часа, остановка поѣзда на ст. Таганашъ.

Быстро сгружаются съ пяти особыхъ платформъ автомобили.

Главнокомандующій, предсѣдатель правительства, руководители и чины иностранныхъ миссій занимаютъ въ нихъ мѣста.

Черезъ нѣсколько минутъ машины, одна за другой, исчезаютъ въ легкой, чуть замѣтной дымкѣ ранняго прохладнаго утра и мчатся къ грознымъ Т—скимъ позиціямъ, преграждающимъ противнику доступъ въ Крымъ.

Предъ глазами развертывается постепенно панорама Сивашскихъ озеръ, перешейковъ, могучихъ батарей и безконечныхъ рядовъ-сѣтей проволоки.

Проволокой опутаны холмы, берега озеръ, каждая, кажется, между ними перемычка, каждый сухой клочекъ земли.

Наши офицеры коротко, просто, больше на ходу — знакомятъ равнодушную еще вчера Европу съ легендарной исторіей обороны Крыма, даютъ поясненія, устраиваютъ пробы батарей.

Тяжело ухаютъ много-дюймовыя орудія . . . Далеко на горизонтѣ взметывается буро-черная смѣсь изъ огня, грязи дыма и земли . . .

Около полудня поѣздъ главнокомандующаго, принявъ вернувшихся съ осмотра позицій, трогается далѣе, миновавъ перешейки.

На станціи М. вновь остановка — смотръ стальнымъ орламъ воздуха и одной изъ славныхъ казачьихъ дивизій.

На перронѣ командиръ корпуса ген. Кутеповъ, авіоглавъ, энергичный и храбрѣйшій ген. Т. и высшіе чины штаба арміи.

Опять вытягивается чуть не на двѣ версты лента автомобилей, несущихся къ аэродрому.

Изъ-за холма видны силуэты выстроенныхъ въ рядъ аэроплановъ. Ихъ много, но, сколько, не видно.

Впереди — на разстояніи нѣсколькихъ саженей отъ своихъ стальныхъ птицъ — стройныя колонны летчиковъ-офицеровъ и командъ.

Главнокомандующій, сопровождающія лица и представители иностранныхъ миссій направляются вдоль фронта.

Иностранные корреспонденты (счастливцы, всѣ съ кодаками!) обгоняютъ нѣсколько разъ идущихъ; то и дѣло слышится усердное щелканье затворовъ.

Совсѣмъ, какъ въ приличное человѣческое время.

Но вотъ обходъ оконченъ. Всѣ уже на другомъ концѣ аэродрома. Откуда-то появляются новенькія, чистыя жестянки отъ бензина, и многіе, запыхавшись отъ быстраго шага, которымъ приходится сопровождать главнокомандующаго, съ благодарностью усаживаются на нихъ и приготавливаются къ самому интересному.

Теперь фотографическіе аппараты видны уже на рукахъ и у адм. Маккэли, и у commandant Такахаси, и у другихъ.

Взвивается первая сигнальная ракета.

Механики приводятъ въ движеніе пропеллеры.

Ко второй сигнальной ракетѣ всѣ моторы на холостомъ ходѣ и, еще чуть спустя, аэропланы, одинъ за другимъ, начинаютъ выкатываться на середину аэродрома, откуда воздушная эскадрилья поднимается ввысь и производитъ рядъ блестящихъ маневровъ.

По окончаніи полетовъ главнокомандующій въ присутствіи представителей иностранныхъ державъ благодарилъ летчиковъ за самоотверженную службу, подчеркнувъ, что дѣла авіаціи ставятся имъ «въ первую очередь».

Ген. Т. отъ имени летчиковъ проситъ главнокомандующаго и предсѣдателя правительства ускорить высылку аэроплановъ изъ-за границы, чтобы использовать два остающихся теплыхъ мѣсяца.

Главнокомандующій сообщаетъ летчикамъ, что имъ принимаются въ этомъ направленіи всѣ необходимыя мѣры и добавляетъ:

— Задержка произошла съ той стороны, откуда мы могли ожидать ее меньше всего . . . (Намекъ на англичанъ *А. В.*)

Вслѣдъ затѣмъ въ деревнѣ А. состоялся смотръ доблестной конницѣ ген. Б.

Показанная въ заключеніе смотра ловкая джигитовка произвела огромное оживленіе среди чиновъ миссій и сотрудниковъ иностранной прессы.

Особенный восторгъ вызвало продѣланное кубанцами «умыканіе» невѣсты.

Картина мчавшихся карьеромъ «похитителей» со схваченной на полномъ ходу коня крестьянской дѣвушкой и погоня за ними съ удалымъ гиканіемъ и стрѣльбой истощила, кажется, добрую половину пленокъ у всѣхъ семи корреспондентовъ европейской и американской печати.

И, грѣшный человѣкъ, сознаюсь, что не могъ удержаться отъ смѣха, когда одинъ изъ присутствовавшихъ при этой фотографической лихорадкѣ старыхъ боевыхъ офицеровъ сказалъ мнѣ:

— Даю голову на отсѣченіе, что во всѣхъ чикагскихъ и неапольскихъ журналахъ это будетъ зафиксировано, какъ спасеніе храбрымъ le kosak своей жены отъ кровожадныхъ bolschewiks . . .

Мнѣ не удалось разубѣдить моего собесѣдника въ томъ, что Европа пожелала, наконецъ, порвать со своей легендарной освѣдомленностью о нашихъ дѣлахъ.

— Шутка сказать, семь, вѣдь, газетъ представлено . . . Посмотрите! . .

Старый вояка заливался отъ смѣха и упрямо твердилъ свое.

Фактъ посѣщенія арміи представителями ряда державъ произвелъ, судя по первымъ признакамъ, большое впечатлѣніе.

Надо полагать, что оно будетъ много сильнѣе на самомъ фронтѣ, куда сейчасъ и выѣзжаемъ.»

Второй очеркъ былъ посвященъ у меня посѣщенію иностранными представителями корниловской дивизіи и воистину блестящему параду корниловцевъ на площади колоніи Кронсфельдъ.

Сейчасъ, когда все кончено, когда непобѣдимая вчера еще дивизія, томится на положеніи жалкихъ невольниковъ въ лагеряхъ Галлиполи, нельзя безъ волненія читать правдивое описаніе той обстановки, въ которой предстали эти люди предъ глазами мимоходомъ заглянувшей къ нимъ Европы 1-го сентября 1920 года. Люди, должно добавить, дравшіеся почти безъ передышки съ 23-го мая, вывезенные потихоньку на «тачанкахъ» спеціально для парада прямо изъ окоповъ и черезъ полъ часа послѣ парада отправленные въ тѣ же окопы.

Воспроизвожу отдѣльныя мѣста этого очерка.

«Вотъ пріѣздъ . . . Растянувшіеся длинной-длинной лентой автомобили одинъ за другимъ выѣзжаютъ полнымъ ходомъ въ колонію . . .

Ген. Врангель въ сопровожденіи г. Кривошеина, громадной свиты и представителей иностранныхъ государствъ направляются вдоль фронта . . . Отъ края до края громадной площади несутся привѣтственные крики и неизмѣнное — «рады стараться».

Проходитъ пять — десять — пятнадцать минутъ, обходъ все продолжается. Все гремитъ музыка. Все несется такое бодрое, звучное Корниловское привѣтствіе.

Наконецъ, послѣднія колонны — артиллерія-полевая, тяжелая — все!

Главнокомандующій, окруженный цѣлымъ цвѣтникомъ русскихъ и иностранныхъ мундировъ, направляется къ аналою. Возлѣ — на особомъ столикѣ — знаменитое знамя сказочнаго Георгіевскаго баталіона, которое вручается сегодня корниловцамъ.

Послѣ рѣчи архимандрита Антонія, выражающаго увѣренность, что знамя увидитъ золотыя маковки Московскихъ храмовъ, начинается торжественное молебствіе.

Поетъ хоръ корниловцевъ.

Слова молитвъ то и дѣло прерываются щелканіемъ фотографическихъ затворовъ. Иностранные корреспонденты торопятся запечатлѣть на пленкахъ то колѣнопреклонную фигуру главнокомандующаго, то наше духовенство, то народъ. Представитель итальянской прессы ломаннымъ русскимъ языкомъ жалуется съ отчаяніемъ, что у него вышли всѣ пленки.

Молебенъ подходитъ къ концу . . . Многолѣтіе . . . Вѣчная память . . .

Во время послѣдней всѣ присутствующіе опускаются на колѣни. Представители иностранныхъ миссій тоже.

Картина сильная.

Впервые на колѣняхъ стоятъ на землѣ, орошенной кровью русскаго солдата, и тѣ, за безмятежное спокойствіе которыхъ онъ проливаетъ эту кровь.

Это бросается въ глаза, это трогаетъ и волнуетъ.

Кончена «Вѣчная память» и («мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій») опять «Многія лѣта» русскому воинству, потомъ — окропленіе св. водой.

Команда — «накройсь», и вслѣдъ затѣмъ начинается церемонія врученія знамени.

Взглядъ невольно обращается въ сторону праваго фланга. Тамъ — знаменитая корниловская офицерская полурота. Боже! Какая маленькая горсточка людей-счастливцевъ, доживишхъ до этой исторической для легендарнаго полка минуты . . .

Иностранцы съ любопытствомъ наблюдаютъ прибивку знамени. Первый гвоздь вбиваетъ главнокомандующій, второй — ген. Кутеповъ, третій — командиръ корпуса, четвертый — начальникъ дивизіи, и за нимъ командиры полковъ.

Раздается команда:

— «Слушай, на караулъ! . .»

Сверкаетъ отъ края до края сплошная лента стали.

Воцаряется нѣмая тишина, и главнокомандующій, выступивъ впередъ, громовымъ на весь плацъ голосомъ произноситъ съ огромнымъ подъемомъ слѣдующую рѣчь:

«Орлы ратные, Корниловцы!

Сегодня впервые, послѣ зачисленія въ ваши славные ряды, довелось мнѣ увидѣть васъ.

Сегодня привезъ я вамъ — достойнѣйшимъ изъ достойныхъ этой чести, знамя бывшаго Георгіевскаго баталіона — баталіона храбрыхъ, которымъ оно было вручено самимъ Корниловымъ, чье безсмертное имя носите вы — безсмертные Корниловцы.

На этомъ знамени начертаны слова, которыя носилъ въ своемъ сердцѣ Корниловъ, которыя носитэ у себя въ сердце вы — «Благо родины превыше всего».

Благо родины, орлы — Корниловцы, это то, за что лучшіе сыны ея три года уже орошаютъ своею кровью ея поля. Это то, что заставляетъ васъ пренебрегать холодомъ, голодомъ. Это то, ради чего вы несетесь чрезъ тучи пуль къ побѣдѣ, не считая врага.

Я вручаю вамъ это знамя храбрѣйшихъ, на которомъ изображенъ орелъ, расправившій свои могучія крылья — вашъ прообразъ, Корниловцы. На этомъ знамени георгіевскія ленты и георгіевскій крестъ, украшающіе груди русскихъ

храбрецовъ. Достойнѣйшая награда попадаетъ вамъ, орлы — Корниловцы, и я знаю, что вы вполнѣ достойны ея.

Орлы! Однимъ крикомъ, крикомъ русскаго солдата могучее Корниловское ура нашей страдалицѣ матери — Россіи!»

Раздается громовое ура.

Главнокомандующій вручаетъ знамя колѣнопреклоненному командиру полка, цѣлующему край знамени и произносящему съ поднятой рукой слова клятвы. Командиръ передаетъ знамя — колѣнопреклоненному знаменщику, приближаются офицеры-ассистенты, подходитъ легендарная офицерская полурота.

Послѣдняя беретъ развернутое знамя на плечо и обноситъ подъ музыку по фронту всей дивизіи, пока не возвращается на свое мѣсто — на крайнемъ правомъ флангѣ.

Еще минута, и начинается церемоніальный маршъ.

Безъ конца стройными рядами проходитъ пѣхота, проходятъ люди, идущіе въ атаку подъ бѣшенымъ пулеметнымъ огнемъ, «по традиціи» съ винтовкой на ремнѣ, съ папиросой въ зубахъ, мчится на рысяхъ кавалерія, грохочутъ батареи въ конской запряжкѣ и на мулахъ . . .

Диву даешься. Не знаешь, сонъ это или на-яву. Марсово поле или плацъ нѣмецкой колоніи . . . Вѣдь вчера еще эти люди сидѣли въ окопахъ, носились лавой на врага, вѣдь имъ не до репетицій парадовъ, не до подготовокъ эффектовъ . . .

А между тѣмъ это — старые русскіе полки! . . Да, это была старая русская гвардія, если бы . . . — если бы не эта пестрота мундировъ . . .

Вотъ одинъ прошелъ въ розовой ситцевой рубахѣ съ полотняными погонами, другой въ голубой, вотъ правофланговый безъ обмотокъ — сѣрые англійскіе чулки снаружи облегаютъ концы брюкъ . . .

На мгновеніе дѣлается больно, обидно. Но стыда, о, стыда нѣтъ. Пусть! Пусть весь міръ знаетъ, въ какихъ условіяхъ дерется русскій солдатъ. Пусть щелкаютъ затворы камеръ! Пусть!

Взглядываю на иностранцевъ. На лицахъ напряженное вниманіе и . . . кажется, изумленіе. Адм. Маккэли и маіоръ Такахаси возятся съ аппаратами.

— Смотри, смотри, Европа! Смотри, Англія . . . — раздается ясно за моей спиной. Говоритъ старый раненый корниловецъ, кажется, капитанъ, не участвующій въ парадѣ. Глаза устремлены на элегантныхъ людей въ иностранныхъ мундирахъ. Богъ ихъ знаетъ, что хотѣли сказать эти глаза.

Но сейчасъ, когда я пишу эти строки, мнѣ вспоминается почему-то разговоръ, который пришлось имѣть часа два спустя, въ Н. — въ штабѣ дивизіи съ однимъ изъ старѣйшихъ корниловцевъ кап. К.

Вспоминая этотъ разговоръ, который цѣликомъ по многимъ причинамъ не помѣстишь въ печати, трудно удержаться, чтобы не сказать и въ свою очередь:

— Смотри Европа — эти люди еще вчера, спасая міръ отъ страшной заразы, рвали голыми руками по пяти рядовъ Каховскихъ проволочныхъ загражденій, да — голыми, потому что ты до сихъ поръ не удосужилась прислать имъ пары старыхъ, завалявшихся со временъ Марны, ножницъ.

— Смотри, Англія — эти люди цвѣтъ интеллигенціи, оплотъ націи гибли подъ убійственной шрапнелью на проклятой проволокѣ, разметывая ее прикладами и штыками, ради экономіи, когда-то присланныхъ тобой снарядовъ . . .

— Смотри, Европа — эти люди не могутъ допустить мысли, что ты бросишь ихъ спокойно умирать въ ледяныхъ окопахъ, не шевельнувъ пальцемъ ради помощи имъ . . .

— Смотрите всѣ, кому надо смотрѣть. Вышедшіе сейчасъ изъ окоповъ, чтобы пройти мимо васъ, проходили съ глазами, полными вѣры и надежды въ ваше благородство, въ вашъ разумъ, въ вашу честь». («Сев. Вѣстн.» № 4-й.)

Увы! Сегодня, когда не приходится уже думать о цензурныхъ вымаркахъ, должно сказать прямо, что представители иностранныхъ государствъ въ Крыму не сумѣли во время ни посмотрѣть, ни оцѣнить, ни понять всей остроты создававшейся обстановки. И, что хуже, что, быть можетъ, ужаснѣе всего, это то, что едва ли справедливо будетъ винить въ этомъ иностранцевъ. Тѣхъ Севастопольскихъ «аккредитованныхъ» иностранцевъ, предъ которыми только и дѣлали, что расшаркивались и говорили пріятныя вещи. Въ отвѣтъ удостаивались комплиментовъ, на которые въ свою очередь отвѣчали новыми сахарными любезностями. Крымская кукушка хвалила Гальскаго пѣтуха, пѣтухъ не скупился на похвалы кукушкѣ. Временами эти приторные комплименты вызывали у людей дѣла чувства самаго остраго раздраженія. Такъ бывало въ минуты, когда отъ самой пустяковой въ сущности поддержки запада зависѣлъ весь исходъ борьбы, а эта поддержка тормозилась по совершенно непонятнымъ причинамъ.

Особыя соображенія заставляютъ пока воздержаться отъ опубликованія весьма любопытныхъ историческихъ документовъ, проливающихъ свѣтъ на эту сторону дѣла. Можно сейчасъ выразить крайнее сожалѣніе, что всѣ они безъ исключенія были скрыты отъ общества и продолжавшей восторженно умиляться казенной печати.

Для примѣра укажу хотя бы на одинъ только болѣе чѣмъ характерный документъ (разумѣется, «совершенно» секретный), представляющій собою отношеніе флагманскаго радіо-телеграфнаго офицера штаба командующаго флотомъ за № 849 отъ 12-го іюля 1920 года.

Въ документѣ этомъ рѣчь идетъ о препятствіяхъ, встрѣченныхъ однимъ изъ нашихъ виднѣйшихъ военныхъ представителей заграницей при попыткахъ установить крайне для насъ важную радіо-связь съ западомъ, связь, предусматривавшую прежде всего безконечно въ то время существенную координацію дѣйствій съ поляками *.

Такіе документы и такіе факты скрывались, преступно скрывались отъ общества и печати въ то время, какъ даже большевистская пресса была вполнѣ свободна въ области своихъ сужденій о поступкахъ иностранныхъ правительствъ въ отношеніи Россіи.

---

* Вотъ этотъ документъ:

«Ген. Лукомскій получилъ отъ командующаго французскими силами въ Константинополѣ Франшэ-д'Эспрэ категорическое запрещеніе устанавливать русскую станцію въ Константинополѣ и, если таковая уже установлена, то тотчасъ же убрать ее.

Чѣмъ вызвано это въ рапортѣ не указано. Въ дальнѣйшемъ дѣло по исходатайствованію разрѣшенія на установку радіостанціи въ Константинополѣ взялъ на себя нашъ военно-морской агентъ капитанъ 2 ранга Щербачевъ, коему удалось убѣдить французовъ созвать международную комиссію для разрѣшенія этого вопроса. Каковы результаты этого до сего времени неизвѣстно, такъ какъ донесеній въ штакомфлотѣ не имѣется.

Подлинный подписалъ лейтенантъ (подпись).»

Конечно, все это ни въ какой степени не слѣдуетъ связывать съ политикой П. Б. Струве, сумѣвшаго къ концу лѣта добиться въ Парижѣ признанія правительства ген. Врангеля. (Какую бы услугу оказалъ П. Б. Струве, если бы добился тогда признанія лишь арміи, лишь самаго ген. Врангеля, но... не его правительства!..)

Вся трагедія была въ томъ, что въ Парижѣ была политика, а въ Крыму, — — не могу подобрать другихъ словъ, — было, извините, цацканіе, няньченіе, а иногда (въ печати) и неприличное лакейство. А надъ всѣмъ этимъ доминировалъ постоянно страхъ, какъ бы знатные иностранцы не увидали нашихъ дыръ и прорѣхъ, когда о нихъ должно было кричать съ высокоподнятой головой, какъ кричали когда-то буры, имѣвшіе по пять патроновъ на десять сутокъ, стяжавшіе уваженіе всего міра и, послѣ пораженія, не оказавшіеся ужъ, конечно, въ томъ положеніи, въ какомъ оказались русскіе бѣженцы.

Но то были буры. У нихъ были свои изъ ряда вонъ выходящія обстоятельства, а въ Крыму, какъ я уже упоминалъ, самымъ хорошимъ тономъ считалось пребывать въ увѣренности, что «никакихъ происшествій не случалось». Такъ и пребывали во здравіи съ этой увѣренностью до эвакуаціоннаго приказа 30-го октября. Опять же и сотрудники «Великой Россіи» и т. п. увѣряли всѣхъ до этого дня (и, кажется, даже на сутки позже), что все, слава Богу, благополучно и что въ Московскомъ совнаркомѣ укладываютъ уже чемоданы.

И наибольшая нелѣпость здѣсь заключалась въ томъ, что сознательной лжи, сознательнаго намѣренія кого-то обмануть тутъ не было. (А, если и было, то какъ исключеніе.) Въ девяносто девяти изъ ста случаевъ на лицо была все та же страусова премудрость.

Эта страусова премудрость ревностно опекала всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Крымъ чужестранцевъ и даже родныхъ заморскихъ гостей.

Достаточно опредѣленно обнаружилась она и въ историческомъ сентябрьскомъ объѣздѣ фронта. Для примѣра едва ли будетъ сейчасъ уже предосудительнымъ предложить себѣ хотя бы вопросъ о причинахъ непосѣщенія иностранными военными агентами Перекопа.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, для демонстрированія иностранцамъ были избраны позиціи у Таганаша, а не знаменитый Перекопскій перешеекъ, который по теоріи вѣроятности долженъ былъ сдѣлаться ареной боевъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ читатель найдетъ ниже, въ секретномъ рапортѣ начальника Сивашско-Перекопскаго укрѣпленнаго раіона ген. Макѣева.

Изъ него многое становится яснымъ.

Развѣ могли мы, признанные въ Парижѣ, демонстрировать à nos petits amis, то, что только именовалось укрѣпленіями, а въ дѣйствительности было сплошнымъ скандаломъ?

Конечно, никогда! Какое же создастся впечатлѣніе. Вѣдь мы наканунѣ признанія Америкой. Нельзя! Стыдъ!

Вотъ была точка зрѣнія, въ которой я имѣлъ ужасъ убѣдиться во время этой поѣздки.

Стыда же то какъ разъ не должно было быть, ибо добрая половина Перекопскихъ укрѣпленій не могла быть сооружена вслѣдствіе недостатка техническихъ матеріаловъ. Доставка же этихъ матеріаловъ тормозилась зачастую именно тѣми, предъ кѣмъ краснѣли и смущались больше всего.

Такова была уродливая дѣйствительность.

Европа была той фатальной княгиней Марьей Алексѣевной, въ глазахъ которой, пуще собственной смерти, боялись потерять атомъ престижа.

И этотъ престижный idée-fixe — да будетъ позволено такъ выразиться — былъ вторымъ, послѣ «осважнаго», микробомъ, успѣвшимъ сѣсть на корабли въ Новороссійскѣ и попавшимъ въ Крымъ.

Быть можетъ, будущій историкъ признаетъ его за продуктъ болѣзненнаго самолюбія у тѣхъ, кто не могъ мыслить Россіи иначе, какъ великодержавной и благоустроенной даже на маломъ клочкѣ ея территоріи, но, увы, это не ослабляетъ его вредоносности.

Представители шести государствъ Европы и Америки, побывавшіе въ первыхъ числахъ сентября на фронтѣ арміи, съ любопытствомъ смотрѣли на солдатъ и офицеровъ этой арміи, съ еще большимъ, кажется, любопытствомъ созерцали «умыканіе кубанцами крестьянской дѣвушки», но громадной трагедіи, переживавшейся этой арміей, они — можно сказать съ увѣренностью — не чувствовали, ибо о ней старались имъ говорить меньше всего.

Но рядовые боевые офицеры говорили о ней много.

Выше, описывая парадъ, я упоминалъ о бесѣдѣ, которую довелось мнѣ имѣть послѣ этого парада съ кап. К., однимъ изъ старѣйшихъ корниловцевъ, и которую по цензурнымъ условіямъ нельзя было воспроизвести въ Крымской печати.

Сейчасъ можно къ этому добавить, что кап. К. занималъ должность завѣдывающаго политической частью штаба дивизіи и, касаясь всего пережитаго дивизіей, говорилъ мнѣ:

— Самое ужасное это то, что нигдѣ даже не имѣютъ понятія о тѣхъ горахъ труповъ, которыя намъ приходится укладывать при любой атакѣ какихъ-нибудь двухъ рядовъ проволоки. Мы не можемъ себѣ позволить роскоши, уничтожить проволоку огнемъ артиллеріи. Надо экономить снаряды. Атаки подъ Каховкой стоили намъ страшныхъ жертвъ и произвели самое тягостное впечатлѣніе на людей. Больно уже чувствовалось, какъ мало стала цѣниться человѣческая жизнь, какъ легко стали расходовать ее за счетъ экономіи недостающихъ техническихъ средствъ . . . И никто объ этомъ не знаетъ . . . Никто не догадывается . . .

Таковъ былъ, въ двухъ словахъ, общій смыслъ словъ стараго боевого офицера.

Какъ умѣлъ, я изложилъ ихъ Эзоповымъ языкомъ въ цитированной выше статьѣ.

Ихъ остается дополнить еще однимъ тяжелымъ предположеніемъ, которое я беру на себя смѣлость высказать.

Мнѣ кажется почему-то, что трагическія обстоятельства, отмѣченныя выше, не были въ большей своей части извѣстны даже тѣмъ немногимъ безукоризненно честнымъ заморскимъ гостямъ, которые заглядывали изрѣдка въ Крымъ. Да простятъ они дерзкое сравненіе, но мнѣ всегда отчего-то казалось, что въ Севастополѣ, едва вступали они на берегъ, одѣвали имъ, какъ ненадежнымъ горячимъ конямъ, этакіе плотные, хорошіе наглазники.

Чтобы не волновались, не пугались и «по бокамъ» понапрасно не смотрѣли.

И они не пугались, какъ не испугался нисколько, побывавъ на фронтѣ, m-r Шарль Ривэ — редакторъ «Temps», такъ мило въ свое время воспѣвшій, правда, не фронтъ, но тѣсные Севастопольскіе домики, гдѣ расположились . . .

канцеляріи вѣдомствъ г. Бернацкаго и г. Кривошеина. («Temps» — 14-го октября 1920 года).

Тѣсные!.. Бѣдняжки, мучаются, страдаютъ... «Рабочій столъ чиновника находится рядомъ съ походной кроватью, на которой чемоданъ замѣняетъ подушку...»

Это ли дѣйствительно не самое важное и самое трогательное изъ всей Крымской эпопеи?..

И напечатано почти наканунѣ катастрофы.

Я позволю себѣ закончить эту главу цитатой изъ моей статьи.

Сцена возлѣ автомобилей предъ самымъ отъѣздомъ иностранныхъ представителей послѣ описаннаго выше парада Корниловской дивизіи...

«Кто-то выразилъ опасеніе, не произведетъ ли дурного впечатлѣнія на иностранныхъ военныхъ аташэ внѣшній видъ нѣкоторыхъ частей, гдѣ люди изрядно поизносились. Надо было слышать ту горячую отповѣдь, которая послѣдовала въ отвѣтъ...

Старый боевой корниловецъ, сверкая глазами, почти кричалъ своему сомнѣвающемуся соратнику:

— А хотя бы и такъ... Хотя бы и такъ, поручикъ!.. Имѣя всего вдосталь не фокусъ драться... А ты вотъ подерись три года, когда тебѣ по каплѣ, изъ милости, отпускаютъ все до поганой подметки включительно... Когда лѣзешь на рожонъ съ голыми руками. Когда... Эхъ! — Говорившій махнулъ рукою... — Пусть обмозгуютъ, что могли бы мы сдѣлать, будь у насъ все, что требуется. Пусть смотрятъ на всѣ наши дыры, на всѣ отрепья, на всѣ заплаты. Не намъ краснѣть, не намъ стыдиться...»

Эпиграфомъ къ этой «рискованной» статьѣ взято не менѣе дерзкое Пушкинское:

> «И нашей кровью искупили
> Европы вольность, честь и миръ...»

Вышеприведенными двумя очерками исчерпывается, собственно говоря, описаніе всей поѣздки. Послѣдовавшіе въ тотъ же день (1-го сентября) смотры частямъ Марковской и Дроздовской дивизій, выведеннымъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова прямо изъ окоповъ, заняли не болѣе полутора часа. Оба смотра прошли не менѣе гладко. Только внѣшній видъ людей былъ много печальнѣе.

Вечеромъ всѣ находившіяся въ поѣздѣ лица вернулись обратно въ Мелитополь и оттуда въ полночь выѣхали въ Джанкой.

Въ Джанкоѣ вагоны А. В. Кривошеина и военныхъ агентовъ были отцѣплены отъ состава главнокомандующаго и отправлены въ Севастополь.

Самъ ген. Врангель проѣхалъ изъ Джанкоя на Перекопъ и оттуда на линію Днѣпра, гдѣ произвелъ смотръ нѣкоторымъ частямъ 2-й арміи.

Понесшія тяжкія потери, едва одѣтыя и полуобутыя части эти производили крайне тяжелое впечатлѣніе.

5-го сентября ген. Врангель и сопровождавшія его лица вернулись въ Севастополь.

Изъ представителей иностранныхъ государствъ ген. Врангеля сопровождали: адм. Маккэли и полк. Коксъ (Америка), маіоръ Этьеванъ (Франція), поручикъ Стефановичъ (Сербія), поруч. Михальскій (Польша), маіоръ Такахаси (Японія), полк. Уольдъ и кап. Вудвардъ (Англія).

ПЯТАЯ ПОѢЗДКА

(Съ 24-го сентября по 3-е октября)

Заднѣпровская операція

Трагическій исходъ Кубанской операціи глубоко взволновалъ всѣхъ, для кого этотъ исходъ не былъ секретомъ.

Политика самообмана насчетъ взаимоотношенія силъ и средствъ своихъ и противника получила жестокій урокъ.

Прямой, честный, трезвый взглядъ на свое положеніе, взглядъ въ глаза дѣйствительности становился окончательно вопросомъ спасенія арміи, спасенія Крыма, спасенія в с е г о д ѣ л а.

Необходимость сказать всю правду въ лицо и самимъ себѣ и (прежде всего) издали, платонически «восхищавшейся» Европѣ — созрѣла, казалось, вполнѣ.

Этого требовали властно и героизмъ арміи, и ея безчисленныя жертвы, и тѣ грозныя послѣдствія, къ которымъ неизбѣжно должны были привести армію дальнѣйшія прогулки въ казенныхъ розовыхъ очкахъ присосавшихся къ ея дѣлу присяжныхъ оптимистовъ.

Насколько сильно выразилось въ различныхъ слояхъ общества желаніе услышать правду о положеніи арміи можно заключить изъ слѣдующаго эпизода, который воспроизвожу исключительно въ виду его показательнаго значенія.

По окончаніи Кубанской операціи мною была напечатана въ газетѣ А. Т. Аверченки «Югъ Россіи» статья подъ заглавіемъ «Юнкера». Въ статьѣ, какимъ-то чудомъ прошедшей чрезъ цензуру, было дано всего нѣсколько штриховъ изъ того кошмара, который пришлось пережить на Кубани несчастной, попавшей въ военныя училища, учащейся молодежи, рвавшей голыми руками, за отсутствіемъ ножницъ, проволочныя загражденія и сотнями своихъ труповъ устилавшихъ подступы къ нимъ.

Статья была небрежная, короткая — всего въ столбецъ съ чѣмъ-то — штрихи были мимолетные, но никогда на мою долю не выпадало такого обилія благодарностей «за правду», какого удостоился я въ дни появленія статьи. Изъ Симферополя и Феодосіи сообщали, что статья переписывается юнкерами расположенныхъ тамъ училищъ и молодымъ офицерствомъ. Въ редакціи мнѣ былъ переданъ пакетъ, содержавшій оттискъ стихотворенія, заглавіе котораго представляло собою одну изъ красныхъ строкъ упомянутой выше статьи. Стихотвореніе было написано начальникомъ военнаго управленія ген. Вязьмитиновымъ, писавшимъ одновременно, что взволновавшая его статья послужила темой для приложенныхъ стиховъ.

И причины волненія, охватившаго одинаково и 17-тилѣтняго мальчика-юнкера, и военнаго министра, повторяю еще разъ, крылись вовсе не въ достоинствахъ газетной статьи, о которыхъ говорить не приходится, а въ томъ лишь, что среди хора лжи, лести, лакейства и самообмана, которыми были окутаны отчеты объ операціи въ казеннокоштной печати, было сказано нѣсколько словъ необходимой живительной правды, которая — да простится мнѣ моя непоколебимая вѣра — одна лишь могла сдѣлать въ Крыму чудеса и зажечь сердца спасительнымъ воодушевленіемъ.

Только желаніе оттѣнить это обстоятельство, заставляетъ меня, не безъ чувства нѣкоторой неловкости, упомянуть объ этомъ случаѣ. Онъ достаточно характеренъ.

Въ своемъ усердіи затушевать и сгладить впечатлѣніе отъ Кубанскаго фіаско казеннокоштные оптимисты не знали границъ.

Въ тѣ самые дни и часы, когда въ Ачуевѣ разыгрывался послѣдній эпилогъ съ обратной посадкой на суда, «Велик. Россія» etc. живописали о восторженныхъ» встрѣчахъ ген. Врангеля въ Тамани и объ имениныхъ настроеніяхъ казачества.

Безсовѣстное освѣщеніе «Вел. Россіей» фактовъ вызывало иногда негодованіе и среди высшихъ чиновъ главнаго командованія.

Ген. Шатиловъ обратилъ однажды вниманіе генерала-квартирмейстера генерала Коновалова, что онъ считаетъ совершенно недопустимымъ, чтобы такого рода «информація» передавалась по оперативному телеграфу и помѣчалась въ заголовкахъ депешъ — «поѣздъ главнокомандующаго».

Ген. Коноваловъ отвѣчалъ (разговоръ велся по телефону, который соединялъ непосредственно вагоны наштаглава и генквармглава), что онъ самъ крайне возмущенъ этимъ и не понимаетъ, съ чьего разрѣшенія оперативный телеграфъ поѣзда принимаетъ эти депеши.

Вызвавъ меня, находившагося по должности у него на дежурствѣ, генералъ-квартирмейстеръ, ударивъ съ негодованіемъ по лежавшему на столѣ номеру «Вел. Россіи», спросилъ:

— Вы не знаете, кто это с т а р а е т с я ?..

Жалѣю сейчасъ, что не отвѣтилъ тогда прямому и честному ген. Коновалову:

— Состоящій при главкомѣ г-нъ Чебышевъ, ваше п-во...

Но такъ какъ, кромѣ г. Чебышева, въ поѣздѣ находился еще одинъ сотрудникъ «Вел. Россіи» (корреспондентъ Г—нъ), то я отговорился незнаніемъ.

— Чортъ знаетъ, что такое!.. — продолжаетъ генералъ-квартирмейстеръ, и тутъ же прошелъ въ вагонъ оперативнаго отдѣленія отдать приказъ о прекращеніи оперативнымъ телеграфомъ пріема безплатныхъ сочиненій сотрудниковъ «Вел. Россіи».

Все это продѣлывалось для поддержанія «бодрости духа» въ населеніи и (вѣроятно) для того, чтобы не ударить въ грязь предъ снисходительно улыбавшейся à l'aventure de Crimée Европой.

Апофеозомъ этой мудрой страусовой политики явилось издѣліе г. Чебышева въ «Вел. Россіи», повидавшагося гдѣ-то съ ген. Врангелемъ и сообщавшаго отъ его имени, что все на Кубани окончилось, слава Богу, благополучно, что дессантъ увеличился вдвое (на три четверти камышевымъ элементомъ! А. В.) и, что теперь то, собственно говоря, наступило какъ разъ время, приступить къ самой, что ни на есть, настоящей операціи — «протянуть руку на западъ». Кому — (полякамъ? петлюровцамъ?), сказано не было.

Ни у г. Чебышева, какъ бы тамъ ни было бывшаго министра — (правда, по особому совѣщанію), ни у нѣкоторыхъ другихъ, кто могъ и долженъ былъ это сдѣлать, не хватило мужества и политической дальновидности, объяснить ген. Врангелю, въ какое положеніе ставитъ его предъ обществомъ это объясненіе ухода съ Кубани, становившееся къ тому же рискованнымъ векселемъ въ случаѣ неудачи «на западѣ».

Въ ставкѣ обработка г. Чебышевымъ Кубанской операціи заставила однихъ густо краснѣть, другихъ негодовать.

Поводовъ же для негодованія было болѣе чѣмъ достаточно.

Вмѣсто честнаго спокойнаго разъясненія обществу всей серьезности предстоящаго въ близкомъ будущемъ положенія, разъясненія, которое тогда еще не могло вызвать никакой абсолютно паники, вмѣсто призыва ко всѣмъ, для кого спасеніе арміи ген. Врангеля было вопросомъ личнаго существованія, призыва напречь всѣ силы для подготовки къ неизбѣжной осадѣ Крыма, вмѣсто всякой попытки пробудить въ обществѣ энтузіазмъ, на лицо было новое partie de plaisir въ розовыхъ очкахъ, новый ненужный самообманъ, новыя неизбѣжныя жертвы *.

Упомянутое выше интервью г. Чебышева было поднесено и Европѣ.

При такихъ-то обстоятельствахъ внезапно началась и столь же внезапно печально закончилась такъ называемая Заднѣпровская операція.

Протянутая невѣдомо кому черезъ Днѣпръ «рука на западъ» не встрѣтила ничьего дружескаго пожатія и не была никѣмъ поддержана.

Не достигла операція и болѣе ясныхъ, конкретныхъ цѣлей, какими считались: очищеніе грознаго Каховскаго тетъ-де-пона, прочное обезпеченіе за собой линіи Днѣпра и уничтоженіе живой силы противника, начинавшаго уже переброску съ Польскаго фронта.

Началу операціи предшествовала сложная, весьма, однако, успѣшно проведенная работа по реорганизаціи арміи послѣ возвращенія къ ней обратно Кубанскаго дессанта. Всѣ добровольческія части (дивизіи Корниловская, Марковская и Дроздовская), а также донцы въ составѣ двухъ кавалерійскихъ и одной пѣхотной дивизіи составили 1-ю армію, во главѣ которой былъ поставленъ ген. Кутеповъ. Всѣ вернувшіяся съ Кубани части, кромѣ конницы генерала Бабіева, а также 2-й корпусъ ген. Витковскаго составили 2-ю армію подъ общимъ командованіемъ ген. Драценко. Конница ген. Бабіева была выдѣлена въ самостоятельную группу. Самостоятельно дѣйствовалъ также и конный корпусъ ген. Барбовича, объединявшій всю регулярную кавалерію.

Выполненіе главной задачи было возложено на 2-ю армію ген. Драценко.

По директивѣ, отданной ген. Врангелемъ 22-го сентября, главныя силы 2-ой арміи должны были перейти на правый берегъ Днѣпра въ раіонѣ одной изъ деревень (Ушкалка), расположенныхъ южнѣе Александровска, недалеко отъ Никополя. Вслѣдъ затѣмъ переправившіяся части должны были начать стремительное наступленіе въ общемъ направленіи на ст. Апостолово (желѣзнодорожный узелъ), а также начать обходъ противника съ тыла въ направленіи на Каховку. Въ помощь частямъ 2-й арміи должны были одновременно переправиться у Кичкасской переправы (возлѣ Александровска) Марковцы и казаки

* По секретнымъ оффиціальнымъ объясненіямъ причина неудачи за Днѣпромъ крылась, впрочемъ, не въ излишнихъ розовыхъ иллюзіяхъ, а снова, какъ при Кубанской операціи, въ неточныхъ донесеніяхъ развѣдки.

ген. Бабіева, 2-й корпусъ ген. Витковскаго долженъ былъ, по полученіи приказа изъ ставки, атаковать Каховку въ лобъ, какъ только послѣдняя будетъ обойдена съ тыла.

Наконецъ, въ двухъ мѣстахъ (у Херсона и Никополя) приказано было произвести демонстрацію переправы.

Въ ночь съ 24-го на 25-е сентября было приступлено къ выполненію этой директивы.

О дальнѣйшемъ развитіи операціи читатель можетъ судить по нижепечатаемымъ записямъ дневника.

24-го сентября.

Послѣ пятикратныхъ откладываній, сегодня, наконецъ, выѣзжаемъ двумя составами. Главнокомандующій въ 5 часовъ вечера, штабъ въ 9 часовъ.

Впрочемъ, штабной составъ отходитъ съ нѣкоторымъ опозданіемъ. Выѣзжаемъ около 10-ти часовъ. За четверть часа до отхода прибыли неожиданно пулеметчики-ординарцы при двухъ пулеметахъ. Говорятъ, что получены свѣдѣнія о готовящемся на поѣздъ покушеніи. До Симферополя приказано не раздѣваться, не спать и быть при «полной боевой». Одинъ изъ пулеметовъ установленъ на паровозѣ.

Въ 2 часа ночи благополучно миновали Симферополь.

25-го сентября.

Въ 11 часовъ утра прибыли въ Мелитополь.

Составъ главкома ждалъ у станціи. Мы прошли, не останавливаясь, прямо на запасный путь, гдѣ стояли въ іюнѣ. Сюда же вслѣдъ перевели и составъ главкома.

Къ вечеру — первыя извѣстія о переходѣ нашихъ частей черезъ Днѣпръ сѣвернѣе Александровска. Корниловцами взятъ въ плѣнъ одинъ полкъ красныхъ. Марковцами также захвачены плѣнные.

Въ 6 часовъ вечера генквармъ ѣздилъ съ визитомъ къ ген. Достовалову. Штабъ 1-й арміи тоже еще въ Мелитополѣ.

Въ 10 часовъ вечера къ генкварму пріѣзжалъ ген. Достоваловъ.

Красные вступаютъ въ Бердянскъ.

Сѣлъ на мель «Безпокойный». Штафлотъ проситъ послать отрядъ судовъ для выручки. Ген. Коноваловъ говорилъ по этому поводу по телефону съ наштаглавомъ, признано безполезнымъ, такъ какъ операція потребовала бы дня три, а за это время его успѣютъ разстрѣлять *.

Въ полночь генералъ-квартирмейстеръ бесѣдовалъ по телефону съ оберъ-квартирмейстеромъ штаба 1-й арміи полк. С. о положеніи на фронтѣ. Весьма неопредѣленное. Генквармъ лично будилъ Шатилова, потомъ напоминалъ полк. С. о директивѣ главкома, касающейся уничтоженія живой силы противника.

26-го сентября.

Наступленіе наше на западѣ — за Днѣпромъ успѣшно развивается. Взяты въ плѣнъ еще два полка. Наши части обходятъ Никополь.

---

* Въ концѣ концовъ «Безпокойный» былъ, все таки снятъ вопреки ожиданіямъ ставки. Люди находившіеся на немъ пережили тяжелыя минуты. О случаѣ нигдѣ не было упомянуто, какъ не было ни разу упомянуто о постоянныхъ подрывахъ на минахъ нашихъ несчастныхъ тральщиковъ. Число обреченныхъ и погибшихъ людей, на нихъ находившихся, доходитъ до многихъ десятковъ человѣкъ.

Вечеромъ слухи объ установленіи связи съ Махно. Чепуха.

Генералъ-квартирмейстеръ разносилъ сегодня одного донца-начальника артиллерійскихъ складовъ за отсутствіе на позиціяхъ донского корпуса снарядовъ, что послужило будто бы причиной отступленія нашего на востокѣ. Тотъ сваливаетъ всю вину на начальника военныхъ сообщеній.

Кстати, забылъ вчера записать, что, по словамъ, начвосо, мы вывезли изъ Маріуполя 10 вагоновъ сукна, желѣза, и всего на всего 30 тысячъ пудовъ угля. Смѣхотворная цифра. А какъ разсчитывали на Маріупольскій уголь!

Ночью начсвязьглавъ докладывалъ генкварму о выступленіи ординарцевъ штаглава противъ зеленыхъ, скрывающихся въ горахъ у Бахчисарая.

27-го сентября.

Наступленіе наше на западъ и... красныхъ съ востока продолжается. Наши части выдвинулись верстъ отъ 10-ти до 25-ти отъ берега Днѣпра на протяженіи отъ Кичкаса до Никополя. Красные на меридіанѣ Ногайскъ—Поповка.

Въ 10 часовъ утра полк. Ш. просилъ у генкварма разрѣшенія «распечь» летчиковъ за то, что до сихъ поръ не вылетѣли на развѣдку. Генквармъ разрѣшилъ и сказалъ, между прочимъ:

— Сегодня, все-таки, генеральнаго сраженія не будетъ...

На фронтѣ 2-го корпуса ночь, по донесенію, прошла спокойно.

Въ 11 часовъ утра генералъ-квартирмейстеръ сообщилъ по телефону наштаглаву, что переправа нашихъ главныхъ силъ черезъ Днѣпръ въ полномъ разгарѣ.

Въ 4 часа — радіо о заключеніи поляками перемирія. Скверно. Очень скверно.

Вечеромъ пришли изъ Севастополя газеты. Полнымъ полно обычныхъ заголовковъ въ стилѣ — «12-й часъ Совдепіи» и т. п.

Въ 9 часовъ вечера — телеграмма о занятіи корниловцами и кубанцами Красно-Григорьевки. Взято 560 плѣнныхъ. Тамъ и заночевали. Все, какъ будто, идетъ успѣшно, хотя чувствуется какое-то нервное напряженіе и неувѣренность.

Въ 10 часовъ вечера генералъ-квартирмейстеръ, разговаривая съ главнокомандующимъ, доложилъ, что утромъ 6-ой запасный батальонъ 6-ой дивизіи оставилъ Димитріевку, бросивъ краснымъ 2 орудія. Генквармъ полагаетъ, что это лишь налетъ.

Въ 11 часовъ вечера генералъ-квартирмейстеръ сообщилъ наштаглаву, что по всѣмъ получающимся свѣдѣніямъ у него создается ясное представленіе, что всѣ свои конныя части противникъ стягиваетъ къ Каховкѣ, гдѣ надо ожидать переправы. Событія могутъ разыграться даже послѣзавтра.

Ген. Витковскому предписано строго усилить въ этомъ раіонѣ бдительность воздушной развѣдки.

Въ 12 часовъ ночи пріѣхалъ начальникъ штаба 1-й арміи ген. Достоваловъ, доложившій генкварму, что послѣ упорнаго боя съ превосходными силами красныхъ, донцы, обойденные съ фланговъ, сдали Гуляй-Поле.

Наступленіе красныхъ съ востока продолжается.

Силы ихъ, по заключенію Достовалова, раздѣляются, въ общемъ, на три части: 1-я крайняя на сѣверъ — сборный отрядъ изъ разныхъ частей — въ томъ числѣ 5-я сов. Кубанская бригада, занявшая Гуляй-Поле, въ центрѣ — ударная группа, еще южнѣе, къ Азовскому морю, — Таганрогская дивизія.

Главная задача по прорыву нашего фронта возложена на ударную группу, въ составъ которой входятъ 9-я стрѣлковая, 7-я и 9-я кавалерійскія сов. дивизіи.

Поповку донцы было уступили, но, послѣ очень ожесточеннаго боя, выбили все-таки противника.

Далѣе Достоваловъ доложилъ о начатой перегруппировкѣ донскихъ частей для сосредоточенія кулака и высказалъ пожеланіе о скорѣйшемъ возвращеніи въ распоряженіе 1-й арміи марковцевъ, а также корниловцевъ.

Дроздовцы только сегодня вошли въ связь съ противникомъ, до этого времени въ направленіи на сѣверъ было пусто. Достоваловъ считаетъ, что послѣднее обстоятельство надо было бы использовать.

Генералъ-квартирмейстеръ освѣдомилъ его о сосредоточеніи большевиками всѣхъ конныхъ силъ въ Каховскомъ раіонѣ.

Въ общемъ рѣшено, повидимому, ничего крупнаго на востокѣ не предпринимать, пока не опредѣлится ясно успѣхъ удара на Днѣпрѣ.

28-го сентября.

Ничего особеннаго. Операціи на правомъ берегу Днѣпра продолжаютъ развиваться.

29-го сентября.

Днемъ получены свѣдѣнія объ успѣхѣ на правомъ флангѣ; взято въ плѣнъ 4 тысячи.

Разнорѣчивые слухи о положеніи польско-совѣтскихъ переговоровъ.

Сов. радіо (секретное) полно призывовъ расправиться съ арміей ген. Врангеля до наступленія зимнихъ холодовъ.

Оно же сообщаетъ объ отъѣздѣ на Крымскій фронтъ самого Каменева.

30-го сентября.

Съ утра на фронтѣ ничего особеннаго.

Главнокомандующій отправилъ рѣзкую телеграмму ген. Драценко, гдѣ говоритъ, что отказывается понимать, чѣмъ вызвана его крайняя медлительность и нерѣшительность. То же относится и къ Бабіеву.

Французское радіо сообщаетъ, что подписаніе польско-совѣтскаго перемирія затягивается, вслѣдствіе трудности установленія демаркаціонной линіи.

Сегодняшнее сов. радіо опять полно призывовъ расправиться съ Крымомъ до зимы. «Красный Крымъ долженъ быть принесенъ въ подарокъ рабоче-крестьянской власти» ко днямъ октябрьскаго юбилея.

Между прочимъ, въ радіо есть и такія строки:

«Крымское гнѣздо должно быть разорено до тла . . .»

Кромѣ того сообщается о выѣздѣ, яко бы, вслѣдствіе неудачи, изъ Варшавы ген. «барона» Махрова и о требованіи Струве въ Парижѣ повліять на Польшу въ смыслѣ необходимости продолженія военныхъ дѣйствій, иначе «Врангель будетъ раздавленъ . . .»

Вечеромъ сообщеніе о занятіи нами на правомъ берегу Днѣпра Апостолова.

Въ полночь въ оперативномъ отдѣленіи получены донесенія объ обнаруженіи нашей воздушной развѣдкой начала очищенія красными Каховскаго раіона. Отступленіе замаскировывается сильной стрѣльбой изъ пулеметовъ и ружей*.

* На основаніи этого донесенія былъ отданъ приказъ объ атакѣ Каховскихъ укрѣпленій. Атака успѣхомъ не увѣнчалась. Атаковавшія войска понесли очень тяжелыя

Поздно вечеромъ наштаглавъ вновь телеграфировалъ Драценко, что при скудости свѣдѣній, поступающихъ отъ него, главнокомандующій не можетъ руководить операціей.

1-го октября.

На разсвѣтѣ получена шифрованная телеграмма отъ командующаго 2-ой арміей ген. Драценко.

Шифровальное отдѣленіе долго не могло расшифровать. Часть депеши затребовали по прямому проводу въ дешифрированномъ видѣ. Очень скверныя извѣстія.

Въ 6 часовъ утра разбудили наштаглава и генерала-квартирмейстера.

Ген. Драценко доноситъ, что натолкнувшись на правомъ берегу на крупныя силы противника, понеся тяжелыя потери и не желая дальше подвергать гибели всю свою армію, онъ лично, не запрашивая даже разрѣшенія главнокомандующаго, вынужденъ былъ отдать приказъ объ отступленіи обратно на лѣвый берегъ. Разрывомъ снаряда убитъ ген. Бабіевъ.

Вся операція на смарку.

Говорятъ, главнокомандующій вышелъ изъ себя, прочитавъ телеграмму Драценко.

А подъ Каховкой съ ранняго утра приступлено къ выполненію директивы главкома объ атакѣ Каховскихъ укрѣпленій. Къ чему теперь?!..*

Въ 9½ час. утра генералъ-квартирмейстеръ сообщилъ наштаглаву, что атака Каховскихъ укрѣпленій началась и что началомъ ея онъ не доволенъ. — «Опять идутъ тройными цѣпями — и все по-старому...»

Днемъ — донесенія о неудачѣ и тяжелыхъ потеряхъ подъ Каховкой. Подробностей пока нѣтъ. Такъ и слѣдовало ожидать! Третья серьезная неудача.

Въ 2 часа дня — сов. радіо о подписаніи перемирія съ Польшей на 21 день.

Въ 4 часа дня наштаглавъ запросилъ по телеграфу ген. Масловскаго о подробностяхъ смерти ген. Бабіева.

Въ 6 часовъ вечера главкомъ лично запрашивалъ по прямому проводу о причинахъ отступленія Драценко. Все то же: превосходство силъ, главнымъ образомъ кавалеріи, безнадежность операціи.

Получается впечатлѣніе, что 2-я армія, переправившись черезъ Днѣпръ, пустилась на какую-то авантюру.

Въ 8 часовъ вечера сообщили по телефону изъ штаба 1-й арміи о взятіи нами Ногайска. Эпизодъ — не больше. Генквармъ сообщилъ, что — «...Драценко въ кисломъ настроеніи» и, что «у Витковскаго тоже ничего не выходитъ».

Какія тамъ «настроенія», когда на лицо всѣ признаки форменной катастрофы.

Въ 9 часовъ вечера главнокомандующій, наштаглавъ и генералъ-кватирмейстеръ опять бесѣдовали по прямому проводу съ Масловскимъ, добиваясь объясненій о причинахъ отступленія. Бабіевъ убитъ шальнымъ снарядомъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, когда садился въ повозку.

потери. Во время атаки погибли почти всѣ наши танки. Все это съ наглядной очевидностью доказываетъ, что никакого очищенія Каховского раіона красные въ дѣйствительности *не* предпринимали и, что ловкая демонстрація была принята въ ставкѣ за чистую монету. Неудача произвела тяжелое впечатлѣніе въ арміи.

* Директива имѣла въ виду комбинированную операцію. Одновременно съ атакой въ лобъ Каховскихъ укрѣпленій 2-я армія ген. Драценко, распространившаяся по правому берегу Днѣпра, должна была обойти Каховку съ тыла. Отступленіе ген. Драценко обратно на лѣвый берегъ дѣлало почти безнадежной атаку Каховки въ лобъ.

Поздно вечеромъ генералъ-квартирмейстеръ спрашивалъ наштаглава, не слѣдуетъ ли дать Кутепову указанія, что при сложившейся обстановкѣ, задача его отнынѣ сводится къ защитѣ подступовъ сѣв. Тавріи.

Говорятъ, что ген. Масловскій пытался объяснить причины случившагося отсутствіемъ хорошей связи.

Главкомъ приказалъ провѣрить это, а также узнать, насколько серьезно раненъ ген. Науменко.

Выбытіе изъ строя Науменко — громадная потеря.

Около полуночи стало извѣстно, что въ результатѣ очень рѣзкаго вечерняго разговора съ Масловскимъ, главнокомандующій отдалъ приказъ объ устраненіи отъ должности ген. Драценко.

Передаютъ, что въ теченіе дня главкомъ обращался ко многимъ съ просьбой объяснить, чѣмъ вызванъ приказъ Драценко объ отступленіи и насколько онъ правъ. Никто пока ничего толкомъ не знаетъ.

2-го октября.

Въ 7 часовъ утра для разслѣдованія обстоятельствъ Заднѣпровскаго пораженія выѣхалъ на автомобилѣ въ Б.-Рогачикъ самъ наштаглавъ.

Въ 11 часовъ утра генералъ-квартирмейстера, впервые, кажется, послѣ столкновенія его съ Кривошеинымъ *, посѣтилъ главнокомандующій, имѣвшій съ нимъ продолжительную бесѣду по поводу случившагося.

Главнокомандующій говорилъ съ большимъ возбужденіемъ. Многіе невольно слышали почти все.

Главнокомандующій говорилъ, что онъ не считаетъ происшедшее катастрофой, и спрашиваетъ у генкварма совѣта, не созвать ли военный совѣтъ.

Ген. Коноваловъ высказался, замѣтивъ:

— Къ чему, ваше п-во, эти совѣты, когда на послѣднемъ совѣщаніи, происходившемъ у васъ, весь генштабъ оказался на поводу у ген. Кутепова и все было продѣлано по его плану...

Записываю эту фразу буквально, со словъ корн. М. Неясно только, къ сожалѣнію, одно: какая операція была продѣлана по настоянію Кутепова — Заднѣпровская или Кубанская?..

Вечеромъ получены подробности о смерти ген. Бабіева. Рана была смертельная. Умеръ черезъ полчаса, въ страшныхъ мученіяхъ. До смерти былъ раненъ 14 разъ.

Получено любопытное донесеніе о функціонированіи у большевиковъ особыхъ командъ по разрушенію средствъ связи у противника. Команды снабжены «котами», ножницами и т. д.

Главкомъ говорилъ по прямому проводу съ наштаглавомъ, запрашивая его о результатахъ разслѣдованія. Бесѣда началась фразой:

— Здравствуй Павлуша. Разскажи мнѣ подробности вчерашняго позорища.

Въ 10 часовъ вечера наштаглавъ вернулся.

Около 11-ти часовъ составъ главкома приказано готовить къ отправленію на югъ.

---

* На одномъ изъ засѣданій въ Б. Дворцѣ въ Севастополѣ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ ген. Врангеля, ген. Коноваловъ подвергъ критикѣ политику Кривошеина. Главнокомандующій замѣтилъ ген. Коновалову, что онъ приглашенъ лишь, какъ генералъ-квартирмейстеръ.

Ген. Коноваловъ подалъ мотивированное прошеніе объ отставкѣ. Черезъ нѣсколько дней ген. Врангель вернулъ прошеніе объ отставкѣ обратно.

Ночь съ 2-го на 3-е октября.

Въ половинѣ 12-го ночи по боевой тревогѣ разбужены состоящіе при поѣздѣ ординарцы. Приказано одѣться и приготовить оружіе. Слухи о причинахъ паническіе. Передаютъ, что большевики высадили дессантъ у Степановки (чуть сѣвернѣе мѣста высадки ген. Слащева), отрѣзали путь въ Акимовку, въ 15 верстахъ отъ Мелитополя, и что составъ главкома не отправляется, такъ какъ весь поѣздъ отрѣзанъ. Всѣ ходятъ молча, очень внимательно осматриваютъ винтовки и патронташи. Двоимъ ординарцамъ приказано ѣхать вмѣстѣ съ кап. Л. въ городъ, зачѣмъ — неизвѣстно.

Въ 12 часовъ ночи пришелъ ротм. Е. и разсѣялъ нѣсколько тучи: говоритъ, что просто прорвались большевистскіе разъѣзды, обнаруженные сейчасъ въ 15 верстахъ отъ Мелитополя. Приказалъ выслать дозоры, указалъ угрожающее направленіе. Отъ конвоя также высланы патрули-дозоры. Сборъ по тревогѣ у вагона ген. Шатилова.

Въ 1-мъ часу ночи составъ главкома отправили, потушивъ въ немъ всѣ огни.

Въ 1,30 изъ Акимовки передали, что составъ миновалъ станцію благополучно.

Наштаглавъ остался и приказалъ 2-й составъ также приготовить къ отправленію. Со станціи сообщили, что паровозовъ подъ парами нѣтъ и паровозъ можетъ быть готовъ только къ 5 часамъ утра.

Около 2-хъ часовъ ночи генквармъ справлялся о готовности ординарцевъ, полк. П. доложилъ, что въ поѣздѣ находится 40 человѣкъ, при двухъ пулеметахъ.

Генквармъ пригласилъ ротм. Е. и объяснилъ ему по картѣ создавшееся положеніе, справившись, можно ли въ случаѣ чего разсчитывать на ординарцевъ. Е. отвѣтилъ:

— «Такъ точно. Въ грязь, Ваше п-во, лицомъ не ударимъ . . .»

Въ 2 часа ночи вернулись кап. Л. и ординарцы, привезшіе 25 русскихъ старыхъ, скверныхъ винтовокъ, отпущенныхъ по ордеру — штаба 1-й арміи изъ артиллерійскихъ складовъ.

По приказанію штаба арміи, изъ города отправлены на развѣдку броневики.

Офицеры генштаба спятъ всѣ одѣтыми, генквармъ тоже; ложась зарядилъ свой карабинъ.

3-го октября.

Встали въ 7 часовъ утра. У нашего состава уже паровозъ, но уйдемъ не раньше 10-ти. Страхъ повидимому разсѣялся.

Въ 8,30 дежурный по генштабу полк. М. сдѣлалъ докладъ генералу-квартирмейстеру о событіяхъ сегодняшней ночи. Онъ передалъ генквармѵ схему-карту съ обозначеніемъ красной волнистой линіей всего ночного рейда большевиковъ. Рейдъ обхватываетъ громадную площадь отъ параллели ст. Пришибъ до Азовскаго почти моря, имѣя въ центрѣ Б. Токмакъ и подходитъ къ Мелитополю на 15—20 в. С. Астраханка въ 20 в. отъ Мелитополя было занято красными.

Въ Б. Токмакѣ взорвано 8 вагоновъ со снарядами и разграбленъ поѣздъ Донского атамана.

Самъ атаманъ, адъютантъ есаулъ Ж. и нѣсколько ординарцевъ едва успѣли вскочить въ одномъ бѣльѣ въ автомобиль.

По дорогѣ автомобиль наскочилъ на столбъ и сломался. Красные настигли и напали на атамана и ординарцевъ.

Атаманъ и ес. Ж., воспользовавшись темнотой, бросились бѣжать пѣшкомъ по пашнѣ и едва спаслись.

Добѣжавъ до одной изъ деревень, занятыхъ донцами, они подняли тревогу.

Конвой атамана тоже разбѣжался.

Кромѣ кавалеріи въ рейдѣ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, участвовала будто бы и пѣхота. Подробности выясняются далѣе «начвосо» полк. О—вымъ по жел.-дор. телеграфу.

Въ 10 часовъ утра на оперативномъ телеграфѣ получена телеграмма о потеряхъ, понесенныхъ танковыми частями при атакѣ Каховскихъ укрѣпленій. Погибли, застрявъ въ проволочныхъ загражденіяхъ, 2 танка; разбиты огнемъ орудій, не доходя до загражденій, 4 танка; остался цѣлъ 1 и повреждены, но могутъ быть исправлены 3 танка. За послѣдніе, впрочемъ, ручаться нельзя. Окончательно, слѣдовательно, выведено изъ строя и уничтожено подъ Каховкой 6 танковъ. Это почти все, что у насъ было.

Въ 10,30 утра наштаглавъ ѣздилъ въ штаармъ 1 и, вернувшись черезъ полъ часа, довольно долго бесѣдовалъ съ генквармомъ, прогуливаясь вдоль поѣзда.

Въ 11 час. 33 мин. утра выѣзжаемъ составомъ въ 17 вагоновъ въ Севастополь.

Наканунѣ катастрофы

Паденіе Перекопа

Заднѣпровская операція была послѣдней операціей, предпринятой по иниціативѣ главнаго командованія.

Съ момента ея печальнаго завершенія иниціатива окончательно переходитъ въ руки противника, почти открыто стягивающаго свои войска къ границамъ сѣверной Тавріи для рѣшительнаго боя за обладаніе Крымомъ.

Развѣдывательныя сводки каждый день приносятъ свѣдѣнія о появленіи у противника новыхъ и новыхъ резервовъ, переброшенныхъ съ Польскаго фронта.

Сумерки сгущаются съ каждымъ часомъ. Обстановка съ каждымъ лишнимъ днемъ становится все болѣе и болѣе серьезной.

Самимъ ген. Врангелемъ эта обстановка была обрисована въ бесѣдѣ съ представителями Крымской печати вечеромъ 22 октября, то-есть ровно за четыре дня до катастрофы. Воспроизводимъ ее отъ начала до конца дословно по газетѣ «Воен. Голосъ» (отъ 23 октября, № 163), гдѣ въ этотъ день напечатано:

«Главнокомандующій въ бесѣдѣ съ представителями Севастопольской печати по поводу послѣднихъ событій на фронтѣ сообщилъ слѣдующее: Послѣ заключенія мира съ Польшей большевики получили возможность всѣ свои силы бросить на насъ, и вотъ, какъ вы знаете, уже три мѣсяца идетъ лозунгъ: «Всѣ на Врангеля!»

Мнѣ сообщенъ весьма интересный документъ — интервью Ленина съ какимъ-то бельгійцемъ по поводу насъ, гдѣ онъ доказываетъ, что единственная опасность для совѣтской Россіи — это наша сила, ибо русскій народъ можетъ заразиться тѣми идеями, которыя мы несемъ. Большевики стали сосредоточивать противъ насъ свои отборныя части: главнымъ образомъ коммунистическіе полки, школы курсантовъ, латышскія дивизіи и конныя части. Это сосредоточеніе было мною своевременно учтено и сегодняшній переходъ нашъ въ Крымъ для насъ неожиданнымъ не былъ. Объ этомъ я предупредилъ и членовъ экономическаго совѣщанія бывшихъ здѣсь, и Донской Войсковой Кругъ во время моего посѣщенія его въ Евпаторіи.

Я рѣшилъ прежде всего оказывать противнику сопротивленіе и удержать въ своихъ рукахъ Сѣверную Таврію возможно дольше, нанося врагу короткіе удары, однако не ввязываться въ упорные бои, которые грозили бы пораженіемъ моей арміи при томъ неравенствѣ силъ, которое имѣлось.

Стратегическій планъ большевиковъ, благодаря хорошо поставленной нами агентурѣ, былъ намъ заранѣе извѣстенъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы, наступая между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ двумя арміями: 13-й и отчасти 9-й, охватывая лѣвый флангъ нашей сѣверной группы второй конной арміей, главной массой силъ, а именно, всей 6 арміей и конной — Буденнаго, дѣйствуя со стороны Каховки, прорваться въ тылъ Русской Арміи, захвативъ перешейки и отрѣзать ее отъ Крыма.

Я рѣшилъ съ своей стороны дать противнику стянуться возможно глубже отъ Днѣпра къ перешейкамъ, не считаясь съ тѣмъ, что временно наши арміи могли оказаться отрѣзанными отъ своей базы, затѣмъ сосредоточить сильную ударную группу и обрушиться на прорвавшагося противника и прижать его къ Сивашу. Такой маневръ могъ быть предпринятъ лишь войсками исключительной доблести и при увѣренности, что временно отрѣзанные отъ своей базы, и такимъ образомъ не имѣя тыла, они не потеряютъ своей боеспособности.

17-го октября, развивая чрезвычайно энергичное наступленіе 10-тысячная конница Буденнаго, подкрѣпленная двумя пѣхотными дивизіями, почти не встрѣчая сопротивленія, проникла глубоко въ нашъ тылъ и къ вечеру вышла, передовыми частями, на линію желѣзной дороги въ районѣ станціи Сальково. Здѣсь былъ противникомъ захваченъ, случайно, одинъ подвижной нашъ составъ и нѣкоторыя тыловыя учрежденія, случайно здѣсь находившіяся, а разъѣзды противника даже проникли на Чонгарскій полуостровъ. Красные видимо считали свое дѣло выиграннымъ и во вчерашнемъ радіо за подписью Троцкаго объявляется о полномъ окруженіи Русской арміи желѣзнымъ кольцомъ пяти красныхъ армій, и отдается приказаніе красной конницѣ преслѣдовать остатки бѣлогвардейскихъ бандъ Врангеля, чтобы не дать имъ возможности сѣсть на французскіе корабли.

Между тѣмъ, ночнымъ переходомъ въ ночь съ 17-го на 18-е, заслонившись съ сѣвера коннымъ Донскимъ корпусомъ, удачно отбившимъ атаки второй конной арміи, наша группа неожиданно подошла къ расположившимся на ночлегъ въ раіонѣ Салькова, краснымъ. При этомъ нѣкоторые, наиболѣе отдаленныя наши пѣхотныя части сдѣлали въ ночь до 40 верстъ. На разсвѣтѣ 18-го мы, неожиданно развернувшись на высотѣ станціи Рыково, аттаковали красныхъ, прижавъ ихъ къ Сивашу. Одновременно, ударомъ съ сѣвера и сѣверо-запада, конница Буденнаго была разбита, и мы захватили 17 орудій, болѣе 100 пулеметовъ и цѣликомъ уничтожили латышскую бригаду.

Въ то же самое время Донской конный корпусъ на сѣверѣ разбилъ части 2-й конной арміи и 13-й, захвативъ полностью три полка въ плѣнъ и еще 2 орудія. Разбитая конница Буденнаго, отброшенная на западъ, отошла на подходящую свою пѣхоту и до полудня 19-го не рисковала насъ атаковать. Послѣ полудня 19-го противникъ атаковалъ насъ по всему фронту съ запада 1-й и 6-й арміями, съ сѣвера 2-й конной и частями подходившей 13-й. Въ это время хватилъ морозъ, доходившій до 16 градусовъ.

Такъ какъ большинство станцій въ бояхъ разбиты и цистерны замерзли, паровозы потухли, эвакуація наша стала. Между тѣмъ еще не всѣ санитарные поѣзда и часть грузовъ нашихъ были вывезены. Ввиду этого я приказалъ частямъ держаться во что бы то ни стало, до окончанія эвакуаціи, несмотря на подавляющую численность противника и на то, что противникъ, соединившись съ сѣверной и западной группами, атаковалъ насъ по всему фронту. Всѣ попытки противника, сбросить насъ, успѣхомъ не увѣнчались, и въ теченіи всего дня 20-го эвакуація продолжалась, прикрываемая нашими частями. Лишь послѣ того, когда послѣдній поѣздъ прошелъ черезъ Сивашскій мостъ, наши части отошли, послѣ чего мосты были взорваны и войска стали занимать укрѣпленныя позиціи.

Изъ захваченныхъ у плѣнныхъ документовъ выясняется, что общая численность всѣхъ 3-хъ армій, дѣйствовавшихъ противъ насъ, превышаетъ сто тысячъ штыковъ и шашекъ, изъ коихъ конныхъ въ 3-хъ группахъ болѣе 25 тысячъ. Изъ этихъ же документовъ устанавливается, что противникъ, особенно конница Буденнаго, понесъ въ послѣднихъ бояхъ громадныя потери, въ частности въ командномъ составѣ; ранено два начальника дивизій и два командира бригадъ; у насъ, благодаря планомѣрному отходу и содѣйствію тяжелой артиллеріи нашихъ броневыхъ поѣздовъ, потери незначительны.

Такимъ образомъ стратегическій планъ красныхъ, разсчитанный на овладѣніе съ налета укрѣпленной Крымской позиціей, окруженіе и уничтоженіе нашихъ армій потерпѣлъ полную неудачу.

Нанося врагу рядъ тактическихъ пораженій, наша армія, сохранивъ свою живую силу и моральный духъ, отошла на укрѣпленныя позиціи. Здѣсь одѣвшись и поставивъ въ свои ряды пополненія изъ запасныхъ частей, приведя въ порядокъ матеріальную часть и отдохнувши послѣ безпрерывныхъ пятимѣсячныхъ боевъ, мы будемъ ждать желаннаго часа, чтобы нанести врагу послѣдній ударъ.

По единогласному свидѣтельству всѣхъ участниковъ послѣднихъ боевъ, начиная со старшихъ начальниковъ и до рядовыхъ бойцовъ, красныя части дерутся плохо за исключеніемъ нѣкоторыхъ отборныхъ частей, такъ напримѣръ инструкторскихъ школъ.

Всѣ плѣнные единогласно показываютъ, что внутреннее положеніе Совдепіи отчаянное, всюду безпрерывно вспыхиваютъ возстанія, экономическое положеніе ужасно, въ то же время украинская армія и русскія части, объединившіяся послѣ борьбы на польскомъ фронтѣ въ третью русскую армію, продолжаютъ продвигаться на востокъ.

Противникъ несомнѣнно въ ближайшіе дни попытается атаковать наши позиціи; онъ встрѣтитъ должный отпоръ. Все состоитъ въ томъ, чтобы выиграть время.

Внутреннее разложеніе, необходимость оттянуть часть своихъ силъ для борьбы съ анти-большевистскими русскими силами, наступающими съ запада,

и для подавленія очаговъ возстаній ослабитъ противника, находящагося противъ насъ, и наша задача лишь въ томъ, чтобы выдержать лишенія, неизбѣжно связанныя съ пребываніемъ въ осажденной крѣпости и не упустить надлежащаго момента для перехода отъ обороны въ наступленіе.

Сейчасъ мы, послѣ пятимѣсячной борьбы въ сѣверной Тавріи, вновь отошли въ Крымъ. За это время сдѣлано очень много; 5 красныхъ армій оттянуто нами и въ пораженіи большевиковъ на польскомъ фронтѣ мы участвовали въ той же мѣрѣ, какъ и польскія войска.

Западъ, которому большевизмъ грозитъ въ той же мѣрѣ, какъ и намъ, долженъ учесть ту роль, которую наша армія сыграла въ побѣдѣ Польши. Наша армія за эти пять мѣсяцевъ увеличилась почти въ три раза, пополнилась лошадьми, орудіями и пулеметами.

Значительное число запасовъ Сѣверной Тавріи использовано нами для обезпеченія нашей базы — Крыма. Однако иллюзій себѣ дѣлать нельзя. Намъ временно предстоятъ тяжкія лишенія, населеніе должно дѣлить эти лишенія наравнѣ съ арміей. Малодушію и ропоту нѣтъ мѣста. Тѣмъ, кто не чувствуетъ себя въ силахъ дѣлить съ арміей испытанія, предоставляется свободный выѣздъ изъ Крыма. Тѣ, кто, укрываясь за спиной арміи, не пожелаютъ этимъ правомъ воспользоваться и будутъ мѣшать арміи въ выполненіи ея долга, разсчитывать на снисхожденіе не должны — они будутъ безпощадно препровождаться черезъ фронтъ нашихъ войскъ.

Всѣхъ же честныхъ сыновъ родины я призываю къ дружной работѣ и ни одной минуты не сомнѣваюсь въ конечномъ торжествѣ нашего дѣла».

Для выслушанія этого сообщенія представители всѣхъ Крымскихъ газетъ были приглашены въ Большой Дворецъ, какъ уже упоминалось, въ 5 часовъ вечера 22-го октября ст. стиля.

Одновременно за подписями наштаглава ген. Шатилова, генквармглава ген. Коновалова и начальника оперативнаго отдѣленія ген. шт. полк. Шкеленко было опубликовано слѣдующее оффиціальное сообщеніе штаба главнокомандующаго:

«Ставка, 21-го октября (3-го ноября) 1920 г. № 662.

Заключивъ миръ съ Польшей и освободивъ тѣмъ свои войска, большевики сосредоточили противъ насъ пять армій, расположивъ ихъ въ трехъ группахъ: у Каховки, Никополя и Пологи. Къ началу наступленія общая численность ихъ достигала свыше 100.000 бойцовъ, изъ коихъ четверть составляла кавалерія.

Сковывая нашу армію съ сѣвера и сѣверо-востока, красное командованіе рѣшило главными силами обрушиться на нашъ лѣвый флангъ и бросить со стороны Каховки массу конницы въ направленіи на Громокву и Сальково, чтобы отрѣзать русскую армію отъ перешейковъ, прижать ее къ Азовскому морю и открыть себѣ свободный доступъ въ Крымъ.

Учтя создавшуюся обстановку, русская армія произвела соотвѣтствующую перегруппировку. Главная конная масса противника: 1-я конная армія съ латышскими и другими пѣхотными частями численностью болѣе 10.000 сабель и 10.000 штыковъ обрушилась изъ Каховскаго плацдарма на востокъ и юго-востокъ, направивъ до 6.000 конницы на Сальково. Заслонившись съ сѣвера частью силъ, мы сосредоточили ударную группу и, обрушившись на прорвавшуюся конницу красныхъ, прижали ее къ Сивашу. При этомъ славными частями ген. Кутепова уничтожены полностью два полка латышской дивизіи,

захвачено 15 орудій и масса пулеметовъ, а донцами взято въ плѣнъ четыре полка и захвачено 15 орудій, много оружія и пулеметовъ.

Однако, подавляющее превосходство силъ, въ особенности конницы, подтянутыхъ противникомъ къ полю сраженія въ количествѣ 25.000 коней, въ теченіе пяти дней атаковавшихъ армію съ трехъ сторонъ, заставило главнокомандующаго принять рѣшеніе, отвести армію на заблаговременно укрѣпленную Сивашъ-Перекопскую позицію, дающую всѣ выгоды обороны. Непрерывные удары, наносимые нашей арміей въ истекшихъ бояхъ, сопровождавшіеся уничтоженіемъ значительной части прорвавшейся въ нашъ тылъ конницы Буденнаго, дали арміи возможность, почти безъ потерь отойти на укрѣпленную позицію.

Подлинное подписали: Начальникъ штаба — генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Шатиловъ, генералъ-квартирмейстеръ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Коноваловъ, начальникъ оперативнаго отдѣленія генеральнаго штаба полковникъ Шкеленко».

Эта историческая сводка была опубликована тоже 22-го октября, то-есть также всего за четыре дня до катастрофы.

Въ ночь же съ 26-го на 27-е октября разыгрались уже событія, не находящіяся ни въ какомъ соотвѣтствіи съ высказаннымъ въ вышеприведенныхъ документахъ, подъ которыми подписались, принявъ на себя всю тяжесть отвѣтственности предъ исторіей, высшіе руководители арміи.

По немногимъ документамъ, относящимся къ этому послѣднему молніеносному промежутку времени, картина рисуется слѣдующимъ образомъ.

9-го октября, то-есть ровно черезъ недѣлю по окончаніи Заднѣпровской операціи, красные форсировали Днѣпръ у д. Нижній-Рогачикъ и одновременно повели наступленіе съ Каховскаго плацдарма.

Измученныя части 2-го корпуса ген. Витковскаго, не успѣвшія еще оправиться послѣ Заднѣпровской операціи, съ большими потерями отступили на югъ къ Перекопскимъ позиціямъ. Не выдержали у Рогачика и обезкровленные безпрерывными въ теченіе всего лѣта боями корниловцы. Несчастный живой Тришкинъ кафтанъ, честно, изъ послѣднихъ силъ служившій до конца, окончательно лопнулъ. Фронтъ былъ прорванъ. Конныя массы Буденнаго, не встрѣчая почти никакого сопротивленія, стремительно двинулись отъ Каховки на востокъ, имѣя цѣлью перерѣзать желѣзную дорогу на Крымъ и тѣмъ самымъ отрѣзать отъ перешейковъ 1-ю армію ген. Кутепова, все еще занимавшаго районъ Акимовка—Мелитополь.

Къ утру 1-го октября 1-я армія была отрѣзана отъ Крыма. Связь со ставкой прервалась.

Насколько это обстоятельство было дѣйствительно предусмотрѣно главнымъ командованіемъ могли бы выяснить оперативные документы, большая часть которыхъ была, къ сожалѣнію, брошена у одной изъ пристаней въ Севастополѣ. Но, во всякомъ случаѣ, заявленіе ген. Врангеля о томъ, что онъ рѣшилъ «дать противнику втянуться возможно глубже отъ Днѣпра къ Перешейкамъ, не считаясь съ тѣмъ, что временно наши арміи могли оказаться отрѣзанными отъ базы», должно дополнить однимъ, имѣющимъ свою историческую нынѣ цѣнность, обстоятельствомъ.

Въ тотъ моментъ, когда маневръ Буденнаго опредѣлился со всей своей неумолимой очевидностью, ставкой были вытребованы на фронтъ всѣ остатки резервовъ изъ Крыма до неоправившихся еще послѣ Кубани юнкеровъ вклю-

чительно. А когда авангарды Буденнаго появились на Чонгарскомъ полуостровѣ и предъ ставкой — былъ такой моментъ — встала леденящая возможность спасаться одной безъ всей остальной арміи — тогда, въ эти незабываемыя минуты, съ оперативнаго телеграфа поѣзда главнокомандующаго въ Джанкоѣ понеслись телеграммы въ Феодосію на имя генерала Фостикова.

Ген. Фостикову было поручено привести въ боеспособный видъ вывезенныхъ съ Кавказа возставшихъ, «камышевыхъ» и прочихъ кубанцевъ. Въ силу цѣлаго ряда обстоятельствъ (недостатка оружія, обмундированія и т. д.) дѣло подвигалось крайне туго. Немедленно по полученіи приказаній ген. Фостиковъ извѣстилъ ставку, что онъ лишенъ возможности ихъ выполнить, такъ какъ въ его распоряженіи нѣтъ сколько-нибудь значительныхъ партій готовыхъ людей. Изъ ставки было приказано посылать, не медля ни минуты, въ какомъ угодно количествѣ, хотя бы группами по сто человѣкъ и чуть ли даже не десятками. Изъ Феодосіи телеграфировали, что люди не одѣты, не обуты, не вооружены. Въ отвѣтъ было сказано, что все будетъ дано въ пути. Кубанцы выѣхали.

Только нерѣшительность краснаго командованія и блестящій маневръ 3-й донской дивизіи, вышедшей въ тылъ краснымъ, спасли на нѣсколько дней армію.

Донцы вынудили противника оставить Геническъ и Сальково, захвативъ трофеи и плѣнныхъ (4 полка).

Дорога на югъ войскамъ ген. Кутепова была вновь открыта. Потрясенныя, обезсиленныя части, измученныя морозами, загнавшія лошадей стихійно хлынули за перешейки.

Въ ставкѣ сдѣлали въ послѣдній разъ видъ, что «никакихъ происшествій не случалось», и отдали директиву о переходѣ въ наступленіе во флангъ и въ тылъ краснымъ частямъ, начинавшимъ атаки Перекопа. Директива, конечно, выполнена не была.

Главныя силы арміи 21-го октября всѣ уже были на югъ отъ перешейковъ.

Вышеприведенное оффиціальное сообщеніе штаба полагаетъ, что силы эти отошли «почти безъ потерь».

Если признавать за потери только количество людей, выбывшихъ изъ строя за смертью и по раненіямъ, то это заключеніе едва ли вызоветъ чьи либо возраженія, такъ какъ большая часть арміи отступила изъ сѣв. Тавріи, какъ только опредѣлился прорывъ фронта.

Но, если принять при этомъ во вниманіе количество людей, потерявшихъ вѣру въ благополучный исходъ дѣла и дезертировавшихъ изъ арміи, если исключить весь небоеспособный по моральному своему состоянію элементъ, то, пожалуй, трудно будетъ опредѣлить, существовала ли уже вообще тогда армія, какъ таковая.

Да и что можно было требовать отъ людей, вынужденныхъ держать винтовки голыми руками при 15—16 градусахъ мороза, кутавшихся вмѣсто полушубковъ въ мѣшки, набитые соломой, растерявшихъ сплошь и рядомъ во время отступленія свои хозяйственныя части и послѣднія жалкія крохи того, что имѣли.

А «патріотическая» печать даже въ эти страдные дни гоголемъ продолжала гулять по Крыму и на всѣхъ перекресткахъ трубила о бодромъ духѣ въ арміи и о всяческомъ благополучіи. Ни разу за все лѣто, ни разу даже въ эти дни не раздалось тѣхъ призывовъ къ спасенію арміи и всего дѣла, какими

были полны при аналогичныхъ недавнихъ обстоятельствахъ польскія и совѣтскія газеты.

Въ лучшемъ случаѣ дѣло органичивалось трафаретными просьбами редакцій къ сердобольнымъ людямъ о пожертвованіи теплыхъ вещей. Исключеніе составляло, пожалуй, Симферопольское «Время» Бор. Суворина, отважившееся сообщать о довольно часто получавшихся въ редакціи цѣлыхъ коллекціяхъ писемъ отъ раздѣтыхъ, замерзающихъ офицеровъ и солдатъ.

Какъ образецъ того розоваго настроенія, въ которомъ пребывала въ эти дни печать, позволю себѣ воспроизвести цѣликомъ слѣдующій очеркъ, озаглавленный... «Н а к а н у н ѣ п о б ѣ д ы» и напечатанный... 21-го октября.

«Маленькій Джанкой неузнаваемъ.

Какъ въ памятные майскіе дни, на станціи муравейникъ сѣрыхъ шинелей, комендантъ осаждается офицерами и солдатами, справляющимися о своихъ частяхъ. Въ оперативномъ отдѣленіи штаба нервная, напряженная работа днемъ и ночью.

Назрѣваютъ большія событія. Слухи, ползущіе съ фронта, мало волнуютъ Джанкой. Настроеніе у всѣхъ бодрое и веселое, и даже штатскіе, эти постоянные паникеры, спокойно говорятъ:

— Генералъ Врангель веселый ходитъ по перрону, — значитъ, все хорошо.

Пока, по обстоятельствамъ военнаго времени, не приходится говорить о положеніи фронта, но причинъ радоваться за фронтъ много.

Я знаю, что слова эти вызовутъ сомнѣніе у симферопольцевъ, питающихся, какъ и всѣ тыловики, отбросами слуховъ и упаковывающихъ свои чемоданы при первомъ «неблагопріятномъ слухѣ», но здѣсь, гдѣ бьется сердце арміи, радость эта ощущается и въ бодрыхъ, веселыхъ лицахъ «штабныхъ», и среди штатской публики этого вѣрнаго барометра успѣховъ Русской Арміи.

Безъ сомнѣнія, мы наканунѣ побѣды, и побѣды еще невиданной, способной сразу перетянуть чашку вѣсовъ на нашу сторону.

Сегодня ночью сюда прибылъ генералъ Слащевъ-Крымскій.

Бодрый энергичный, какъ всегда.

Быстро ходитъ изъ угла въ уголъ своего вагона — и, глядя на его высокую фигуру, мелькающую въ окнахъ, офицеры говорятъ:

— Какъ левъ мечется. Радъ, что на фронтъ пріѣхалъ.

Не ему же сидѣть въ такое время въ тылу.

Сегодня же генералъ принялъ меня.

— По стратегическимъ соображеніямъ сказать о фронтѣ ничего не могу. Только передайте одно въ Симферополь, что волноваться за фронтъ нѣтъ ни малѣйшей причины. Все идетъ такъ, какъ должно. Завтра, вѣроятно, я буду имѣть возможность бесѣдовать подробнѣе.

Въ теченіе этихъ дней ожидается многое.

Возможно, что завтра симферопольцы будутъ обрадованы новой побѣдой нашей героической арміи.»

(«Время», № 86 отъ 21-го октября.)*

Жизнерадостный предсказатель «невиданныхъ побѣдъ» не видалъ въ Джанкоѣ ничего, кромѣ «веселаго генерала Врангеля», «бодрыхъ веселыхъ лицъ штабныхъ» и мечущагося «какъ левъ» тоже бодраго и развеселаго ген. Слащева.

---

* Статья напечатана въ отсутствіи редактора Б. А. Суворина, находившагося уже заграницей. Чувство справедливости заставляетъ отмѣтить это.

Насколько соотвѣтствовала вся эта ура-глупость дѣйствительности, читатель можетъ убѣдиться, свѣривъ это описаніе съ вышеотмѣченнымъ фактомъ экстреннаго вызова ставкой послѣднихъ резервовъ, въ томъ числѣ и кубанцевъ ген. Фостикова.

Никогда, разумѣется, ставка не переживала болѣе тяжелыхъ дней, и съ веселыми лицами могли ходить только нѣкоторые корреспонденты, близкіе по духу тому герою народной сказки, который танцовалъ въ присядку во время похоронъ.

А, между тѣмъ, при желаніи можно было замѣтить въ эти дни въ Джанкоѣ и описать много поучительнаго, что могло бы еще, пожалуй (какъ знать), потрясти общество и даже вызвать взрывъ того подъема, который въ иныхъ случаяхъ рождается инстинктомъ самосохраненія.

И, если брать, напримѣръ, день, которымъ датирована эта замѣчательная корреспонденція, то не стоило ли развѣ омрачить веселую «картинку Джанкоя» кошмарной сценой прихода въ тотъ день санитарнаго поѣзда съ . . . замерзшими трупами, остановившагося почти рядомъ съ поѣздами ставки.

Окоченѣвшія въ лишенныхъ печей санитарныхъ «теплушкахъ» тѣла раненыхъ были нагляднымъ олицетвореніемъ всѣхъ преимуществъ и плодовъ, какіе могла и должна была дать въ конечномъ своемъ итогѣ страусовая премудрость.

Среди свидѣтелей этого преступленія былъ одинъ изъ личныхъ адъютантовъ ген. Врангеля, приглашенный къ санитарному поѣзду.

Таковы были потери въ людяхъ.

Не менѣе серьезны были онѣ и въ матеріальной части. Говорить серьезно объ успѣшномъ исходѣ эвакуаціи совершенно не приходится. Въ Мелитополѣ до самаго послѣдняго дня запрещено было произносить слово «эвакуація», и въ штабѣ ген. Кутепова, за нѣсколько часовъ до ухода штаба, съ презрѣніемъ говорили о «тыловыхъ паникерахъ».

Въ результатѣ по оффиціальному секретному донесенію при оставленіи сѣв. Тавріи нами было оставлено: 5 бронепоѣздовъ, нѣсколько бронеплощадокъ, 18 исправныхъ орудій (въ Мелитополѣ), много орудій тяжелыхъ и легкихъ въ другихъ мѣстахъ, около 100 вагоновъ со снарядами, 10 милліоновъ патроновъ, 25 паровозовъ, составы съ продовольствіемъ и интендантскимъ имуществомъ, болѣе 2.000.000 пудовъ хлѣба и проч.

Все это было несомнѣнно результатомъ всего того же фатальнаго патріотическаго оптимизма и упорнаго нежеланія смотрѣть прямо въ глаза дѣйствительности.

Паровозы для эвакуаціи Мелитополя мчались на сѣверъ тогда, когда уже кавалерія Буденнаго подходила чуть ли не къ самому полотну желѣзной дороги.

Бросались имущество и грузы, заблаговременная эвакуація которыхъ диктовалась, казалось, всей логикой вещей.

Брошенными милліонами пудовъ хлѣба можно было бы прокормить населеніе Крыма въ теченіи всей зимней осады.

Что внушило вѣдомству г. Налбандова (торговли и промышленности) мысль держать его до послѣдней минуты на территоріи явно угрожаемаго раіона такъ и осталось тайной.

Интересно отмѣтить, что секретная сводка объ упомянутыхъ потеряхъ, полученная 22-го октября утромъ, не была сразу доложена ген. Врангелю. За обѣдомъ въ этотъ день въ Большомъ Дворцѣ главнокомандующій сообщилъ

присутствовавшимъ о «благополучномъ» завершеніи эвакуаціи Мелитополя *. Всѣ смущенно промолчали. Было совершенно непонятно, скрыта ли телеграмма отъ главнокомандующаго, или наштаглавъ не успѣлъ доложить ее. Спустя три часа, ген. Врангель сообщилъ то же и представителямъ печати.

При такихъ обстоятельствахъ совершился, стоившій намъ громадныхъ жертвъ, отходъ въ Крымъ.

«Стратегическій планъ красныхъ, — какъ выразился въ своемъ заявленіи ген. Врангель, — разсчитанный на овладѣніе съ налета укрѣпленной Крымской позиціей, окруженіе и уничтоженіе нашихъ армій», потерпѣлъ дѣйствительно «полную неудачу».

Но едва ли кто-нибудь станетъ оспаривать теперь, что болѣе чѣмъ рискованное рѣшеніе главнаго командованія относительно выполненія задуманнаго маневра на просторѣ сѣв. Тавріи не дало совершенно ожидавшихся результатовъ и даже, быть можетъ, было одной изъ главныхъ причинъ свершившейся трагедіи.

21-го октября замерзающая, полураздѣтая, деморализованная армія, закончивъ отходъ, заняла первую линію Сивашъ—Перекопскихъ позицій.

Большевики сейчасъ же начали предпринимать подготовительныя работы для атаки перешейковъ. Къ Перекопу подвозились тяжелыя орудія, произведена была необходимая перегруппировка. 1-я конная армія Буденнаго, занявшая было Чонгарскій полуостровъ, отошла на сѣверъ, расположившись на линіи Петровское—Отрада—Ново-Троицкое—Стокопани, а на ея мѣсто стали подводиться пѣшія части. Красное командованіе предприняло изслѣдованіе дна Сивашей съ цѣлью форсированія ихъ. Для этого, между прочимъ, къ Сивашскимъ озерамъ были подтянуты не то отколовшіяся, не то вошедшія въ контактъ съ красными (осталось невыясненнымъ) части «арміи Махно».

Въ какой же, спрашивается теперь, степени надежны были укрѣпленія, которыя предстояло преодолѣть противнику?

О состояніи Сивашскихъ позицій уже упоминалось при описаніи осмотра ихъ иностранными военными агентами. Онѣ были вполнѣ удовлетворительны и трудно преодолимы вслѣдствіе исключительно выгоднаго рельефа мѣстности (ажурная сѣтка изъ озеръ и дефиле).

Что же представлялъ собою въ боевомъ отношеніи Перекопъ? Тотъ самый Перекопъ, который былъ и неизбѣжно долженъ былъ стать ареной боевъ, имѣвшихъ рѣшить участь Крыма. Тотъ Перекопъ, въ укрѣпленности котораго никто не сомнѣвался и паденіе котораго въ промежутокъ трехъ дней поразило весь міръ своей ошеломляющей неожиданностью.

Я думаю, что теперь насталъ часъ, когда объ этой «укрѣпленности» можно и должно сказать всю правду. Должно хотя бы для того, чтобы положить предѣлъ тѣмъ нелѣпымъ и обиднымъ толкамъ и представленіямъ, которые существуютъ на этотъ счетъ заграницей.

То, что явилось полной неожиданностью для русскаго и иностраннаго общества, едва ли было неожиданнымъ для того ограниченнаго круга лицъ, которому давно были извѣстны боевыя качества Перекопскихъ позицій.

---

* Записываю со словъ лица, присутствовавшаго обычно на обѣдѣ.

Еще 13-го іюля 1920-го года начальникъ Перекопъ-Сивашскаго укрѣпленнаго раіона ген.-лейт. Макѣевъ въ совершенно секретномъ обширномъ рапортѣ за № 4937 на имя начальника штаба главнокомандующаго срочно докладывалъ:

Копія. (Выдержка.)

«Начинжтехо обѣщалъ единовременно 21 тысячу бревенъ, 25.200 досокъ и ежемѣсячно по 6.550 бревенъ, по 8.400 досокъ, по 25.740 жердей и по 169 тысячъ кольевъ.

Съ мая до сего дня доставлено фактически 20 тысячъ кольевъ, заготовленныхъ еще строительствомъ до начинжтехо, два вагона дровъ и 450 штукъ кроквъ для телеграфныхъ столбовъ. Въ настоящее время работы по постройкѣ Чонгарскаго моста, блиндажей, блокгаузовъ землянокъ стоятъ за недостаткомъ лѣсныхъ матеріаловъ».

Этотъ рапортъ, подводящій убійственный итогъ работамъ за цѣлую, самую притомъ важную въ отношеніи климатическихъ возможностей, половину кампаніи, достаточно содержателенъ.

Не менѣе содержательны были и послѣдующія донесенія ген. Макѣева.

Въ результатѣ: Къ моменту катастрофы укрѣпленій, способныхъ противостоять огню тяжелыхъ, а въ девяти изъ десяти случаевъ и легкихъ батарей, не было.

Вмѣсто обшитыхъ, подготовленныхъ для осенней слякоти и зимней стужи, окоповъ, были почти повсемѣстно традиціонныя россійскія канавы. Блиндажами (болѣе чѣмъ сомнительнаго качества) блисталъ къ началу осени (мнѣ довелось быть на Перекопѣ въ послѣдній разъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ) чуть ли не одинъ лишь Перекопскій валъ.

Желѣзная дорога отъ Юшуня, безконечно необходимая для подвоза къ Перекопу снарядовъ и снабженія не была къ осени закончена даже въ четвертой своей части, хотя была начата еще ранней весной и хотя надо было проложить всего 20 слишкомъ верстъ. Проложенныя за это время нѣсколько верстъ были непровозоспособны. Проселочныя дороги на Перекопскомъ перешейкѣ при первыхъ же осеннихъ дождяхъ покрывались непролазной грязью.

Долговременныхъ артиллерійскихъ укрѣпленій на перешейкѣ не было вовсе. Существовавшія полевыя были весьма примитивны. Установка большей части артиллеріи была разсчитана на послѣднюю минуту, такъ какъ свободныхъ тяжелыхъ орудій въ запасѣ въ Крыму не было, заграница ихъ не присылала.

Можно съ достаточной достовѣрностью утверждать, что первое мѣсто среди средствъ обороны Перекопскаго перешейка принадлежало проволокѣ.

При пересѣченіи Перекопа съ юга на сѣверъ, отъ Юшуня до Перекопскаго вала, насчитывалось къ началу осени всего 17 рядовъ проволочныхъ загражденій.

Электрическій токъ, фугасы, яко бы заложенные между ними, и т. п. — все это было лишь плодомъ досужей фантазіи.

При мощности артиллеріи противника и крайне слабомъ развитіи всѣхъ прочихъ средствъ обороны этого было далеко не достаточно. Большинство окоповъ не было обезпечено проволокой съ тыла, то-есть на случай обхода.

Еще въ маѣ мѣсяцѣ до начала наступленія, въ моментъ весьма остраго положенія на Перекопѣ англійское командованіе въ Константинополѣ обратилось къ нашимъ представителямъ съ недоумѣннымъ вопросомъ, почему проволока, предназначенная для укрѣпленія позицій, привезена изъ Севастополя обратно въ Константинополь и тамъ распродается. Назначенное по приказанію

помощника главнокомандующаго ген. Шатилова разслѣдованіе выяснило, что закупленная у союзниковъ проволока находилась на пароходѣ Добровольнаго флота «Саратовъ», вышедшимъ изъ Одессы, простоявшимъ всю весну въ Севастополѣ и получившимъ приказъ, идти, не выгружаясь, въ Константинополь за срочнымъ грузомъ. По приходѣ выяснилось, что всѣ трюмы «Саратова» заполнены проволокой. Новый спѣшный грузъ грузить было некуда. И вотъ группа лицъ при содѣйствіи нашего быв. торговаго агента въ Константинополѣ проф. Пиленко была поставлена въ необходимость, какъ докладывалъ впослѣдствіи ген. Лукомскій, продать означенную проволоку обратно иностранцамъ. Всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ этой непріятной операціи, былъ объявленъ въ свое время выговоръ.

Итакъ, въ отношеніи проволоки дѣло оставляло желать тоже многаго.

Какимъ же образомъ — спроситъ читатель — держался Перекопъ всю предыдущую зиму, когда не было и этихъ укрѣпленій?

На этотъ вопросъ можно было бы отвѣтить вопросомъ:

— А какимъ образомъ держались отряды Чернецова въ самомъ началѣ гражданской войны, какимъ образомъ держались тѣ, кто вышелъ 9-го февраля изъ Ростова, какимъ образомъ совершались ледяные походы и штурмы Ставрополя-Кавказскаго? . .

Когда говорятъ, что Ставрополь былъ взятъ ген. Шкуро, у меня предъ глазами знакомые поля и холмы, сплошь усѣянные тѣлами тѣхъ близкихъ мнѣ, кто стоялъ лишь на порогѣ жизни, кто хотѣлъ, горячо хотѣлъ вѣрить въ своихъ вождей, учиться у нихъ любви къ родинѣ, какъ учился еще вчера въ стѣнахъ гимназіи, въ аудиторіяхъ университета. Правда, сейчасъ на окоченѣвшихъ плечахъ этихъ погибшихъ не студенческіе наплечники, а погоны съ большимъ или меньшимъ количествомъ звѣздочекъ или со скромными трехъцвѣтными жгутовыми кантами, но не погоны, а по своему понятую любовь къ родинѣ носили они въ душѣ своей. Любовь, можетъ быть и ошибочную, можетъ быть больную (какъ предвидѣть судъ исторіи), но любовь пламенную, искреннюю, чистую, которую они унесли съ собой въ могилу.

И кто спасъ Перекопъ весной 1920-го года, рѣшить не такъ ужъ трудно, если вспомнить о безчисленныхъ могилахъ юношей-юнкеровъ, разсѣянныхъ по этому проклятому гиблому мѣсту.

Для большей полноты и, ради исторической справедливости, можно еще добавить: этими юнкерами командовалъ генералъ-маіоръ Слащевъ, подвергавшій нѣсколько разъ въ то время свою жизнь опасности.

Такая постановка вопроса и отвѣта будетъ наиболѣе правильной, ибо въ исторіи гражданской войны она вполнѣ умѣстна.

Къ этому остается добавить еще одно: Весной 1920-го года большевики не могли сосредоточить противъ Перекопа и одной пятой, а то и десятой того количества артиллеріи, которое они сосредоточили для прорыва одной Юшуньской линіи (до 150-ти орудій).

Для того, чтобы противостоять такому напору, надо было имѣть свои крѣпостныя артиллерійскія укрѣпленія, прочные обшитые окопы, а не «идеальный профиль»... канавъ, нужны были землянки, блиндажи, а не 450 штукъ какихъ-то, извините, кроквъ для телеграфныхъ столбовъ, о которыхъ сообщаетъ ген. Макѣевъ и которыя удосужились доставить за полъ лѣта.

Все это не мѣшало «патріотической» ура-печати кричать — до хрипоты о неприступности Перекопа.

За четыре дня до катастрофы г. Чебышевъ писалъ въ «Вел. Россіи»:

«Не впадая въ оптимизмъ, взвѣшивая совершенно спокойно создавшееся положеніе, мы легко можемъ представить, какую мощь сопротивленія разовьетъ армія, тѣсно связанная въ своихъ частяхъ и прочно опирающаяся на укрѣпленныя позиціи. Можно быть увѣренными, что мы не только отсидимся, но и создадимъ противнику достаточно безпокойное существованіе».

Къ тому, что сказано остается добавить еще одно.

Во время одного изъ пріѣздовъ полевой ставки въ Севастополь мнѣ пришлось на квартирѣ М. В. Кашкарова, московскаго литератора-историка и славянофила, встрѣтиться съ проф. Дерюжинскимъ, однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ «Вел. Россіи», принимавшимъ участіе также и въ журналахъ, редактировавшихся В. М. Кашкаровымъ. Рѣчь зашла объ одной изъ послѣднихъ статей г. Дерюжинскаго, гдѣ онъ указывалъ на формальное нарушеніе Ялтинскимъ сенатомъ своихъ правъ, заключавшееся въ томъ, что сенатъ распубликовалъ восторженный указъ по поводу проведенія земельной реформы, и въ этомъ указѣ допустилъ все-таки сужденія и о самой реформѣ. По мнѣнію г. Дерюжинскаго, это было недопустимо, и онъ съ особеннымъ удовольствіемъ подчеркивалъ, что ген. Врангель препроводилъ номеръ газеты съ его статьей г. Кривошеину, снабдивъ послѣднюю какой-то лестной помѣткой.

Не выдержавъ, я осмѣлился замѣтить г. Дерюжинскому, что «Вел. Россія» пользующаяся такимъ авторитетомъ во дворцѣ, оказала бы большую услугу арміи, ген. Врангелю и всему дѣлу, если бы оставила въ покоѣ никчемный Ялтинскій сенатъ, а писала бы правду о нуждахъ фронта и о тѣхъ дефектахъ, которые рано или поздно приведутъ насъ къ гибели. Я указалъ тогда же г. Дерюжинскому, что политика казеннаго оптимизма, самообмана и самоколпачиванія, проводимая съ такой послѣдовательностью Вел. Россіей, — самое страшное преступленіе противъ родины и, что своей страусовой премудростью эта политика влечетъ ко дну и ген. Врангеля и армію и все дѣло. Во время разговора, принявшаго очень нервный характеръ, я замѣтилъ г. Дерюжинскому, что на основаніи документовъ, о которыхъ говорить я не имѣю права, катастрофа представляется мнѣ неизбѣжной, если самообманъ будетъ продолжаться. Настаивая на раскрытіи предъ обществомъ всей правды о трагедіи «Тришкина кафтана», объ укрѣпленіяхъ и проч., я сказалъ:

— Вѣрьте, профессоръ, что черезъ мѣсяцъ-полтора все будетъ кончено . . .

— Все будетъ прекрасно . . . — отвѣчалъ г. Дерюжинскій и нѣсколько разъ весьма недвусмысленно намекалъ на крайнюю мою . . . «революціонность».

Весь разговоръ отъ начала до конца происходилъ въ присутствіи В. М. Кашкарова, предъ которымъ мнѣ пришлось, уходя, извиниться въ виду того, что столкновеніе имѣло мѣсто въ его домѣ.

Отмѣчаю этотъ фактъ съ единственной цѣлью: писавшіе въ «Вел. Россіи» и т. д. з н а л и объ истинномъ положеніи вещей. Могли, конечно, при желаніи узнать много больше, если бы пожелали разстаться со своими удобными розовыми очками.

До какихъ предѣловъ доходила эта страусова политика, читатель можетъ убѣдиться изъ нѣсколькихъ печатаемыхъ ниже, въ качествѣ горькихъ анекдотовъ, газетныхъ вырѣзокъ:

№ 1-й:

Ген. Слащевъ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ газеты «Время» (№ отъ 24-го октября) заявилъ:

«Населеніе полуострова можетъ быть вполнѣ спокойно. Армія наша настолько велика, что одной пятой ея состава хватило бы на защиту Крыма. Укрѣпленія Сиваша и Перекопа настолько прочны, что у краснаго командованія ни живой силы, ни техническихъ средствъ преодолѣнія не хватитъ... Войска всей красной Совдепіи не страшны Крыму.

Замерзаніе Сиваша, котораго, какъ я слышалъ, боится населеніе, ни съ какой стороны не можетъ вредить оборонѣ Крыма и лишь въ крайнемъ случаѣ вызоветъ увеличеніе численности войскъ на позиціяхъ за счетъ резервовъ. Но послѣдніе столь велики у насъ, что армія вполнѣ спокойно можетъ отдохнуть за зиму и набратся новыхъ силъ».

Это заявленіе напечатано ровно за двое сутокъ до прорыва Перекопа.

№ 2-й:

«Мы, во всякомъ случаѣ, спокойно можемъ смотрѣть на свое будущее. Испытанная, закаленная въ бояхъ армія генерала Врангеля не знаетъ пораженія.

Стратегическіе таланты ея вождей вызываютъ изумленіе всей Европы. (!) Въ эти дни перестанемъ шептать пересохшими губами злые, пугающіе слухи. Попробуемъ стать гражданами.

Клеймите позоромъ этихъ людей съ фантазіей, помутившейся отъ страха, съ осовѣлой, мертвой душой.

Россія будетъ жить.

А Крымъ—Араратъ ея стоитъ твердо и непоколебимо». («Тавр. Голосъ», 21-го октября.)

№ 3-ій:

«Красные въ ближайшіе дни попытаются штурмовать Перекопскія позиціи, чтобы поскорѣе добиться своей конечной цѣли.

Съ своей стороны, мы могли бы только порадоваться подобнымъ попыткамъ красныхъ. Пусть себѣ лѣзутъ и разбиваютъ головы о Перекопскія твердыни. Перекопа имъ не видать, но чѣмъ больше при этомъ погибнетъ лучшихъ красноармейскихъ полковъ, тѣмъ скорѣе деморализація охватитъ остальную часть красной арміи.

Для защиты Перекопскихъ позицій наша армія даже слишкомъ велика. Поэтому Армія наша получитъ возможность отдохнуть послѣ непрерывныхъ тяжелыхъ осеннихъ боевъ, а также выполнить попутно и нѣкоторыя другія важныя задачи по упорядоченію тыла (ликвидаціи зеленыхъ и т. д.).

Нѣтъ, большевизмъ падетъ, и ждать теперь этого счастливаго дня долго не придется».

(«Веч. Слово», 22-го октября.)

№ 4-й. (Изъ той же газеты):

«Послѣ заявленія генерала Врангеля всякій червякъ сомнѣнія, у кого онъ былъ, долженъ окончательно разсѣяться. (?)

Да, это вѣрно, мы отошли къ Перекопу. Но отошли въ полномъ порядкѣ, не оставивъ никакихъ трофеевъ непріятелю».

И дальше:

«Прочтите, однако, мою вчерашнюю статью — «А что же дальше?», прочтите всѣ вчерашнія передовицы моихъ коллегъ въ другихъ севастопольскихъ газетахъ, безотносительно ихъ направленія, и вы увидите полное тождество

не только въ конечныхъ выводахъ, но и въ самомъ логическомъ подходѣ къ этимъ выводамъ.

И мнѣ думается, что Троцкій со всей своей нѣмецкой компаніей отлично уже это понимаетъ.

Не даромъ большевики такъ отчаянно и врутъ и ругаются въ своихъ послѣднихъ радіо.

Что же, пусть себѣ утѣшаются на ругани. Эта извозчичья брань вышедшихъ изъ себя отъ злобы шпіоновъ, чувствующихъ, что ихъ карта бита, производитъ прямо забавное впечатлѣніе».

(№ отъ 23-го октября.)

Этихъ «забавныхъ» выдержекъ хватило бы еще на нѣсколько страницъ. Однако, довольно.

Какъ грустно, какъ тяжело и обидно читать ихъ, когда вспоминаешь тѣ пламенные, полные смертельной тревоги, призывы, которыми были полны польскія газеты въ страдные дни для Польши. Мнѣ пришлось недавно просматривать ихъ въ Варшавѣ. Ни тѣни лишнихъ иллюзій, никакого самоутѣшенія, ни одного слова лжи.

«Отечество на краю гибели! Родина погибаетъ, всѣ до одного на ея защиту!» — таковы были аршинные заголовки польскихъ газетъ.

Спасительная правда была, впрочемъ, однажды сказана и въ нашей печати устами только не журналистовъ, но самого ген. Врангеля:

Вотъ она:

«Два мѣсяца (цензурой опущена строка) сосредоточивались всѣ силы красныхъ противъ Крыма, борющагося за идеалы культурнаго человѣчества.

Двѣ недѣли, какъ Русская армія выдерживаетъ удары въ десять разъ сильнѣйшаго врага.

Раздѣтая, обмороженная, полубольная она истекаетъ кровью, отстаивая послѣднюю пядь родной земли.

Если не свершится чудо, то близокъ часъ, когда обезоруженная, совершенно обезкровленная она будетъ раздавлена лавиной красной нечисти».

Раздѣтая... обмороженная... полубольная... обезоруженная... совершенно обезкровленная... въ десять разъ превосходящій врагъ... Да, вѣдь, это правда! Значитъ, говорилась правда? — Воскликнетъ, пожалуй, читатель... — И даже въ печати?..

Да — говорилась, то-есть да — была сказана. Да — въ печати, но... увы, въ Турціи.

Эти дышащія святой правдой слова взяты изъ послѣдней телеграммы — интервью В. Л. Бурцева, отправленной имъ изъ Крыма въ Константинопольскую «Presse du Soir», гдѣ появилась 18 ноября нов. стиля.

Своя доблестная печать была въ это время уже... на корабляхъ.

Увы, у насъ до того боялись «нытія» и «пониженія настроенія», что даже 31-го октября въ 3 часа дня ухитрялись (газета «Курьеръ» въ Севастополѣ) выходить съ аншлагомъ:

«Тревоги не должно быть мѣста!»

Это ли не героизмъ? Это ли не патріотизмъ, и не высшая гражданская добродѣтель?!..

Подъ аккомпаниментъ этого бодраго тылового хора побѣдныхъ фанфаръ и литаврòвъ пробилъ полный безысходнаго трагизма 12-й часъ.

Въ ночь съ 26-го на 27-го октября Перекопскія «твердыни» зашатались и спустя всего три дня рухнули окончательно.

Событія разыгрались съ трагической быстротой, явивъ собою логическое и окончательное завершеніе страусовой политики.

«Совершенно деморализованныя» красныя части перешли дважды вбродъ при двухъ-градусномъ морозѣ Сиваши и появились на Чувашскомъ полуостровѣ, угрожая флангу и тылу расположенныхъ на Перекопѣ частей.

По произведенной наканунѣ ген. Кутеповымъ перегруппировкѣ, защита Чувашскаго полуострова была возложена на кубанцевъ ген. Фостикова (вмѣсто 34-й дивизіи, стоявшей тамъ раньше). На тѣхъ самыхъ кубанцевъ, которыхъ ставка спѣшно потребовала изъ Феодосіи, не считаясь ни съ какими донесеніями о полной ихъ небоеспособности.

Это была раздѣтая, голодная, измученная скитаніемъ по горамъ Черноморья масса въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, едва-едва дисциплинированныхъ.

Отсутствіе теплой одежды отозвалось самымъ печальнымъ образомъ на ихъ моральномъ состояніи.

Въ то время, когда на Севастопольскомъ рейдѣ появился, наконецъ, транспортъ «Ріонъ», доставившій изъ-за границы обмундированіе, армія уже, увы, замерзала. Офицеры и солдаты спасались только у костровъ и набивали соломой кули, чтобы хоть какъ-нибудь укрыться отъ холода. Опозданіе обмундированія, за которое, если не ошибаюсь, было уплачено золотомъ еще покойнымъ адм. Колчакомъ, имѣло фатальное значеніе, что было подчеркнуто и въ одномъ изъ послѣднихъ оффиціальныхъ сообщеній ставки.

Кубанцы не выдержали и бросили оружіе.

Лавина противника ринулась по двумъ направленіямъ: на Армянскъ, то-есть въ глубокій тылъ, и перейдя еще разъ вбродъ Сивашъ, по направленію главной оборонительной линіи — въ тылъ защищавшей ее Дроздовской дивизіи.

Здѣсь произошелъ предпослѣдній небывало-ожесточенный и кровопролитный бой. Дроздовцы и корниловцы, окруженные съ сѣвера и юга, вынуждены были пробивать себѣ дорогу въ тылъ по направленію къ Юшуню.

Настали послѣдніе дни страшной и тяжелой агоніи.

Послѣдніе дни большого дворца

Н. И. К.

27-го октября.

Съ девяти часовъ утра идетъ обычная для Большого Дворца работа. Приходятъ, уходятъ посѣтители. Трещатъ телефоны. Являются съ докладами къ главнокомандующему и начальнику штаба. Послѣ обѣда генералъ Врангель въ сопровожденіи начальника штаба долженъ выѣхать на фронтъ. Дѣлаются необходимыя приготовленія къ отъѣзду, переносятся въ автомобиль и отправляются на вокзалъ новенькія, еще не освященныя знамена для врученія частямъ Корниловской, Марковской и Дроздовской дивизій. Въ 3 часа дня главнокомандующій уѣзжаетъ, начальникъ же штаба остается въ Севастополѣ.

28-го октября.

Ночью главнокомандующій возвратился. Онъ доѣхалъ только до Джанкоя и тамъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ генераломъ Кутеповымъ, совѣщаніе, на которомъ была рѣшена судьба Крыма. Знаменъ роздать не успѣлъ.

Непривычно рано — въ началѣ десятаго часа, приходитъ адмиралъ Макъ-Келли *. Послѣ его ухода докладываютъ о пріѣздѣ графа де-Мартель **. Во дворецъ вызывается командующій флотомъ и больше часа въ кабинетѣ главкома идетъ совѣщаніе. Затѣмъ почти до самаго обѣда продолжается пріемъ иностранныхъ представителей.

Настроеніе у всѣхъ подавленное, чувствуется растерянность. Никто не сомнѣвается въ полномъ крахѣ, всѣхъ интересуетъ одно — какъ пройдетъ эвакуація. Въ порту судовъ на 30.000 тоннъ. Усиленно говорятъ о томъ, что де-Мартель обѣщалъ вызвать изъ Константинополя транспорты и военныя суда для защиты, въ случаѣ надобности, подступовъ къ Севастополю. Пока что всѣ находящіяся въ порту коммерческія суда, независимо отъ національности, реквизированы; уже начинаютъ грузить лазареты на транспортъ «Ялту» и нѣкоторыя центральныя учрежденія на «Ріонъ».

Въ городѣ чувствуется большая нервность, встрѣчаются телѣги съ вещами, автомобили съ больными и ранеными. Цѣны лихорадочно растутъ, фунтъ стерлинговъ дошелъ до 600 тысячъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ съ фронта, войска занимаютъ укрѣпленія на линіи с. Казакъ-Соленыя Озера. Напоръ большевиковъ продолжается съ невѣроятной силой. За ночь они подвезли тяжелую артиллерію и при ея поддержкѣ предпринимаютъ одну атаку за другой.

Въ Севастополѣ боятся главнымъ образомъ выступленія мѣстныхъ коммунистовъ и безпорядковъ въ порту.

По приказанію начальника штаба изъ чиновъ управленія генералъ-квартирмейстера и дежурнаго генерала составлены отдѣльныя команды. Всѣ вооружены, кромѣ винтовокъ, еще и ручными гранатами, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ нападенія, отстоять штабъ собственными силами. Часть конвоя главнокомандующаго еще днемъ переведена во дворецъ, въ 8 часовъ вечера по приказанію коменданта главной квартиры туда же прибываетъ взводъ офицерской роты и размѣщается въ обоихъ этажахъ зданія.

Во дворцѣ работа кипитъ. Никто не думаетъ объ отдыхѣ. По телефонамъ ежеминутно отдаются распоряженія. Въ 9 часовъ въ помѣщеніи главнокомандующаго начинается засѣданіе членовъ правительства, посвященное вопросамъ текущаго момента. На засѣданіи присутствуютъ по особому приглашенію митрополитъ Антоній и епископъ Веніаминъ. Генералъ Врангель почти не выходитъ изъ своего кабинета.

Въ два съ половиной часа ночи во дворецъ вызывается генералъ Слащевъ, и главнокомандующій предлагаетъ ему выѣхать на фронтъ. Объ этомъ, видимо желая успокоить общество, сейчасъ же даютъ знать во всѣ газеты.

29-го октября.

Вчера сданы позиціи у Соленыхъ Озеръ. Войска отошли къ ст. Юшунь на третью и послѣднюю линію укрѣпленій. Такой быстрой сдачи «укрѣпленій»

---

* Глава американской миссіи.

** Представитель Франціи на югѣ Россіи.

у Соленыхъ озеръ, кажется, мало кто ожидалъ. Всюду дѣятельно готовятся къ эвакуаціи. Въ штабѣ — въ полутемныхъ и узкихъ корридорахъ гостиницы «Бристоль» — суета. Спѣшно строятся и вооружаются чиновники и писаря штаба. Во всѣхъ отдѣленіяхъ идетъ упаковка бумагъ, картъ, увязываются сундуки. Берется только самое необходимое, все остальное безпощадно сжигается. Жгутъ, конечно, не разбирая, и на ряду съ ненужными бумагами бросаются въ огонь и весьма цѣнные, съ исторической точки зрѣнія, документы. Менѣе нервно идутъ приготовленія къ отъѣзду въ Большомъ Дворцѣ.

По соглашенію съ командующимъ флотомъ — назначены суда для эвакуаціи; всѣ наличные пароходы распредѣлены примѣрно такъ: 1-му армейскому корпусу будутъ предоставлены крупные транспорты Добровольнаго флота «Херсонъ» и «Саратовъ», транспортъ «Сіамъ», «Седжетъ», «Ріонъ», «Кронштадтъ», «Якутъ» и «Алмазъ» предназначены для центральныхъ военныхъ и морскихъ учрежденій и семей офицеровъ гарнизоновъ Севастополя и Симферополя. Гражданскому населенію будутъ предоставлены оставшіеся отъ погрузки войска корабли.

Согласно разработанному ранѣе плану, корпусъ генерала Кутепова будетъ отходить на Севастополь, регулярная конница генерала Барбовича на Ялту, кубанцы въ Феодосію и донцы въ Керчь.

Съ ранняго утра и штабъ, и Большой Дворецъ осаждаются желающими узнать о положеніи вещей. Обыватель, наученный не сладкимъ опытомъ пережитыхъ эвакуацій, старается выяснить размѣры надвигающейся опасности и заранѣе запастись пропускомъ на пароходъ. Наплывъ посѣтителей заставляетъ вывѣсить на дверяхъ Большого Дворца объявленіе, гласившее, что по всѣмъ вопросамъ относительно отъѣзда надлежитъ обращаться къ командующему войсками армейскаго тылового раіона генералу Скалону. Оффиціальнаго приказа объ эвакуаціи еще не было опубликовано, но эта краткая записка сообщала всѣмъ, что мы оставляемъ Крымъ.

Въ два часа дня прибываетъ изъ Константинополя крейсеръ «Waldeck-Rousseau» и французскій миноносецъ. На пристани выстроенъ почетный караулъ. Транспортовъ нѣтъ, повидимому, и не придутъ.

Во дворцѣ всѣ готовятся къ отъѣзду. Часть семьи генерала Шатилова уѣхала еще утромъ 28-го. Сегодня ночью должны погрузиться нѣкоторые чины личнаго штаба генерала Врангеля, присутствіе которыхъ въ данный моментъ не является необходимымъ. Укладка вещей идетъ полнымъ ходомъ.

Въ два и въ шесть часовъ дня во дворцѣ состоялись засѣданія, на которыхъ присутствовали всѣ члены правительства.

30-го октября.

Красные, сосредоточивъ небывалое количество артиллеріи (свыше 20 легкихъ и 15 тяжелыхъ орудій), овладѣли Юшуньскими позиціями. Войска стремительно отступаютъ на Джанкой.

Городъ нельзя узнать. Главныя улицы буквально запружены народомъ, по Нахимовскому и Екатерининской тянутся подводы, груженныя скарбомъ, вещами, въ сопровожденіи вооруженныхъ военныхъ. Приказъ объ эвакуаціи явился для всѣхъ громомъ средь яснаго неба. Всѣ идутъ съ озабоченными лицами, всѣ торопятся къ пристанямъ на погрузку. На Нахимовскомъ поперекъ тротуара лежитъ окровавленный трупъ, около него толпа.

«Кто убитъ? За что?» Никто не знаетъ...

Магазины торгуютъ бойко, распродавая послѣдній товаръ по баснословнымъ цѣнамъ. Нѣкоторые магазины уже закрыты. У булочныхъ стоятъ громадныя очереди, ожидая выпечки. Возлѣ мѣняльныхъ лавочекъ и банкирскихъ конторъ оживленно переговаривающіяся группы «дѣльцовъ». Валюты нигдѣ нѣтъ. За нее готовы отдать все. Правда, знаки главнаго командованія еще принимаются, но рубль потерялъ всякую покупную способность. За фунтъ стерлинговъ предлагаютъ свыше милліона.

Около пристаней толпы народу, груды вещей. Грузится гражданское населеніе, грузятся военныя учрежденія. Автомобили подъѣзжаютъ и отъѣзжаютъ, уступая мѣсто слѣдующимъ. Толкотня, суета невообразимая.

Штабъ главнокомандующаго погрузился почти цѣликомъ. Въ гостинницѣ «Бристоль» остались только нѣкоторые высшіе чины штаба, поддерживающіе еще связь съ погибающимъ фронтомъ. Въ пустыхъ номерахъ навалены груды бумагъ, картъ, патроны, лежатъ винтовки. Гдѣ-то звонитъ телефонъ. Бѣгаютъ сбившіеся съ ногъ ординарцы, исполняя порученія. Въ нижнемъ этажѣ въ аппаратной осталось нѣсколько телеграфистовъ и дежурный офицеръ. Трещатъ Юзъ и Морзе, принося извѣстія съ фронта. Линія проходитъ уже южнѣе ст. Юшунь. Въ предупрежденіи внезапнаго налета зеленыхъ отдано приказаніе генералу Скалону и коменданту Севастопольской крѣпости генералу Стогову озаботиться защитой Севастополя съ сѣверной стороны. Боятся, что зеленые могутъ перерѣзать линію желѣзной дороги, гдѣ либо между Бахчисараемъ и Севастополемъ.

У Большого дворца стоятъ автомобили и подводы. Г. Кривошеинъ, чины его канцеляріи и г. Чебышевъ погрузились сегодня ночью, погрузились и нѣкоторыя лица изъ личнаго штаба главнокомандующаго. Во дворцѣ не видно обычной для послѣднихъ дней суеты. Въ вестибюлѣ пусто. Одиноко стоятъ конвойцы съ обнаженными шашками. Въ углу стоятъ два-три посѣтителя.

Въ верхнемъ этажѣ у камина сидитъ ординарецъ и жжетъ бумаги, дѣла, карты, телеграммы. Проходитъ главнокомандующій. Усталый, измученный видъ.

— «Сидите, сидите, — обращается онъ къ ординарцу, — что, холодно стало, такъ каминъ затопили?..»

Онъ постоянно проходитъ къ командующему флотомъ справляться относительно вопросовъ эвакуаціи. Эвакуація проходитъ въ общемъ спокойно. Благодаря распорядительности и присутствію воинскихъ командъ, несущихъ караулы, въ корнѣ пресѣкается возможность проявленія разныхъ безчинствъ. Правда, разсказываютъ, на одной изъ пристаней какой-то офицеръ пытался стрѣлять и ссаживать уже погрузившихся, но онъ былъ разстрѣлянъ, и главнокомандующій заявилъ представителямъ города на ихъ просьбу о поддержаніи порядка:

— «Я прикажу разстрѣлять еще сотню, но наведу порядокъ...»

Предназначенный для раненыхъ транспортъ «Ялта» нагруженъ, но раненыхъ и больныхъ остается еще порядочное количество. Санитарный инспекторъ совѣщался по этому поводу съ главнокомандующимъ и генераломъ Шатиловымъ.

— «Англичане обѣщали взять пятьдесятъ раненыхъ, — докладываетъ главкому генералъ Шатиловъ, — но вѣдь это капля въ морѣ; всѣхъ все равно нельзя взять и вывезти»...

— «Раненые должны быть вывезены, и они будутъ вывезены», — нетерпѣливо перебиваетъ главнокомандующій.

— «Что они должны быть вывезены, я согласенъ, но невозможнаго нельзя сдѣлать» . . .

— «А я тебѣ говорю, что пока не будутъ вывезены раненые, я не уѣду» . . .

Около 4 часовъ приходитъ изъ города адъютантъ генерала Врангеля и сообщаетъ, что только-что умеръ генералъ Май-Маевскій. Всѣ поражены. Часа за полтора до этого Май-Маевскій былъ во дворцѣ и просилъ у начальника штаба автомобиль для перевозки вещей на пароходъ. Машина ему сейчасъ же была дана, и онъ, заѣхавъ домой за вещами, отправился на пристань, но проѣзжая по Екатерининской улицѣ, умеръ въ автомобилѣ отъ разрыва сердца.

Вечеромъ, часовъ въ 5, генералъ Врангель приказалъ позвать пять человѣкъ казаковъ изъ конвоя. Робко вошли они въ кабинетъ и столпились у двери, тихо отвѣтивши на привѣтствіе главнокомандующаго. Онъ указалъ имъ на большую рельефную карту, занимавшую всю стѣну и изображавшую Перекопъ-Сивашскія позиціи:

— «Вотъ, молодцы, мнѣ когда-то подарили эту карту, взять ее съ собой я не могу, и не хочу, чтобы она досталась этой сволочи, разрубите и сожгите ее».

Карту съ надписью: «Нашему вождю отъ защитниковъ Крыма 1920 года» вынесли изъ кабинета и до самыхъ сумерекъ по опустѣвшимъ комнатамъ дворца гулко отдавались удары шашекъ.

Вечеромъ прибылъ во дворецъ де-Мартель и французскіе морскіе офицеры. Въ пріемной находилось нѣсколько чиновъ личнаго штаба главнокомандующаго, ожидавшихъ конца совѣщанія. Спустя нѣкоторое время генералъ Врангель вышелъ и съ облегченіемъ обратился къ присутствующимъ:

— «Вопросъ улаженъ. Армію, семьи и бѣженцевъ принимаютъ. Чтобы показать, что мы находимся подъ покровительствомъ французовъ, я поѣду на французскомъ миноносцѣ. Подходя къ Константинополю, миноносецъ подниметъ мой флагъ, наши суда, кромѣ андреевскаго, поднимутъ еще и французскій. Нужно будетъ перенести вещи съ «Корнилова» на миноносецъ». *

Несмотря на благопріятное рѣшеніе вопроса о бѣженцахъ и арміи, до сихъ поръ никому не извѣстно о нашей дальнѣйшей судьбѣ. Среди обывателей, офицеровъ и даже среди чиновъ штаба полная неувѣренность въ своемъ будущемъ, ходятъ всевозможные слухи, строятся самыя невѣроятныя, фантастическія предположенія. Одни говорятъ объ отходѣ къ Акманайскимъ позиціямъ и удержаніи за собой Керченскаго полуострова, съ цѣлью перенесенія потомъ операціи на Тамань и Кубань, другіе говорятъ о пріѣздѣ въ Константинополь, сидѣніи на островахъ и о переброскѣ арміи на западный фронтъ къ Балаховичу и Перемыкину, третьи говорятъ о дессантѣ на Одессу, и наконецъ четвертые фантазируютъ о . . . переѣздѣ арміи къ атаману Семенову. Но ни эта полная неизвѣстность, ни лишенія впереди, немногихъ, кажется, удержатъ отъ отъѣзда изъ Крыма. Лучше полная неизвѣстность и какія угодно непріятности «тамъ», чѣмъ господство большевиковъ «здѣсь».

Вечеромъ начинаютъ собирать послѣднія вещи и готовиться къ переходу изъ Большого Дворца. Въ кабинетѣ главкома забираютъ бумаги, складываютъ карту съ помѣченной линіей фронта къ 2 часамъ дня. Входитъ главкомъ. Лицо

---

* Когда было отмѣнено это распоряженіе и почему генералъ Врангель поѣхалъ все же на «Корниловѣ», не извѣстно.

похудѣло, выражаетъ невѣроятную усталость. Медленно направляется къ окну и долго смотритъ на огоньки судовъ. Черезъ комнату пролетаетъ его заглушенный шопотъ: — «Охъ, какъ тяжело». Затѣмъ такъ же медленно идетъ обратно къ двери и долго ходитъ по опустѣвшей залѣ и пріемной.

Какъ-то холодно и неуютно сдѣлалось сразу во дворцѣ. Тихо шелеститъ бумага, толстые ковры скрадываютъ звукъ шаговъ. Всѣ говорятъ шопотомъ, точно вблизи покойникъ.

Въ 9 часовъ главнокомандующій и начальникъ штаба переходятъ въ гостинницу «Кистъ», гдѣ уже находится генералъ Скалонъ со своимъ штабомъ.

До сегодняшняго утра гостинница занималась иностранными миссіями и представителями, сейчасъ она стоитъ почти пустая. Въ нижнемъ корридорѣ, около комнатъ, занимаемыхъ штабомъ генерала Скалона, группа (только-что прибывшихъ изъ Симферополя) военныхъ читаетъ и оживленно комментируетъ вышедшій сегодня утромъ приказъ главнокомандующаго объ эвакуаціи. Вотъ онъ:

«Русскіе люди, оставшаяся одна въ борьбѣ съ насильниками Русская Армія ведетъ неравный бой, защищая послѣдній клочекъ русской земли, гдѣ существуетъ право и правда.

«Въ сознаніи лежащей на мнѣ отвѣтственности, я обязанъ заблаговременно предвидѣть всѣ случайности.

«По моему приказанію уже приступлено къ эвакуаціи и посадкѣ на суда въ портахъ Крыма всѣхъ, кто раздѣлялъ съ Арміей ея крестный путь, семей военно-служащихъ, чиновъ гражданскаго вѣдомства, съ ихъ семьями, и тѣхъ отдѣльныхъ лицъ, которымъ могла бы грозить опасность въ случаѣ прихода врага.

«Армія прикроетъ посадку, памятуя, что необходимыя для ея эвакуаціи суда также стоятъ въ полной готовности въ портахъ, согласно установленному расписанію. Для выполненія долга передъ Арміей и населеніемъ сдѣлано все, что въ предѣлахъ силъ человѣческихъ.

«Дальнѣйшіе наши пути полны неизвѣстности.

«Другой земли, кромѣ Крыма, у насъ нѣтъ. Нѣтъ и государственной казны. Откровенно, какъ всегда, предупреждаю всѣхъ о томъ, что ихъ ожидаетъ.

«Да ниспошлетъ Господь всѣмъ силы и разума одолѣть и пережить русское лихолѣтіе.

Генералъ Врангель».

Внезапно половина неба покрывается яркимъ заревомъ. Издалека, со стороны вокзала, доносятся звуки отдѣльныхъ выстрѣловъ. То загорѣлся складъ Американскаго Краснаго Креста, и городская чернь пытается громить его. Затакалъ пулеметъ, разростается зарево, гдѣ-то вдали стелется ѣдкій черный дымъ.

Прибываетъ изъ Симферополя Офицерская Кавалерійская Школа и размѣщается на площади передъ «Кистомъ». Они были вызваны по тревогѣ, всѣ предполагали, что въ Севастополѣ не эвакуація, а лишь мѣстное возстаніе, и выѣхали на-легкѣ, не взявъ съ собой даже ничего изъ вещей.

Около 11 часовъ распространяется слухъ, что въ раіонѣ вокзала вспыхнули безпорядки. Еще днемъ было отдано распоряженіе, сосредоточить всѣ свободныя машины около штаба, дабы въ нужный моментъ въ случаѣ возстанія,

имѣть возможность, сразу ликвидировать его. Почему-то машинъ на площади нѣтъ и приходится звонить по телефону въ гаражъ. Звонятъ, — отвѣчаютъ, что черезъ 20 минутъ автомобили будутъ. Проходитъ полчаса, часъ, никакихъ результатовъ. Выясняется, что нѣтъ бензина, нѣтъ шофферовъ. Наконецъ, автомобили прибыгаютъ. Грузятся юнкера и ѣдутъ въ раіонъ вокзала. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ извѣстій. Часа черезъ полтора юнкера благополучно возвращаются, выяснивъ, что на вокзалѣ все спокойно.

Въ 2 часа ночи главнокомандующій просыпается и приказываетъ узнать о положеніи на фронтѣ. Съ телеграфа, пока все еще находящагося въ «Бристолѣ», сообщаютъ, что линія фронта проходитъ южнѣе Джанкоя. Штабъ 1-го корпуса по прежнему стоитъ въ Симферополѣ.

Остатокъ ночи протекаетъ спокойно.

31-го октября.

Утромъ прибыло изъ Симферополя Атаманское училище и расположилось на площади передъ гостинницей «Кистъ». Вышелъ главнокомандующій и, обратившись къ юнкерамъ съ краткой рѣчью, поблагодарилъ ихъ за службу и обѣщалъ продолженіе борьбы на другомъ фронтѣ. Возвращаясь послѣ смотра въ гостинницу, онъ проходитъ мимо группъ офицеровъ, только-что прибывшихъ съ фронта. Изъ среды ихъ выдѣляется одинъ и сильно взволнованнымъ голосомъ проситъ разрѣшенія переговорить съ главнокомандующимъ.

— «Въ чемъ дѣло? . .»

— «Ваше высокопревосходительство, я старый офицеръ, нѣсколько разъ раненъ, не бросайте меня . . .»

— «Чего вы волнуетесь, вѣдь вы видите, я еще здѣсь. Вы офицеръ? Стыдитесь! . .»

Въ 10 часовъ утра главнокомандующій идетъ въ «Бристоль» къ генералу-квартирмейстеру. Черезъ нѣкоторое время возвращается. Фронтъ проходитъ около Сарабуза. Отступленіе идетъ почти безъ соприкосновенія съ противникомъ.

На улицахъ гораздо спокойнѣе. Почти всѣ учрежденія уже погружены. Эвакуація протекаетъ значительно нормальнѣе, чѣмъ это предполагали. Нѣкоторые пароходы уже вышли на рейдъ. Въ 1 часъ дня на буксирѣ выводятъ дредноутъ «Генералъ Алексѣевъ».

Магазины всѣ закрыты, дѣйствуютъ только кафэ. Деньги главнаго командованія совершенно обезцѣнены. Фунтъ стерлинговъ котируется около двухъ милліоновъ, хлѣбъ стоитъ 10—15 тысячъ фунтъ. Ординарецъ Донского атамана за кусокъ колбасы въ пять фунтовъ заплатилъ полмилліона. Все, что гдѣ либо появляется на лоткахъ или въ кіоскахъ, расхватывается моментально.

Къ обѣду на англійскомъ миноносцѣ прибываетъ изъ Константинополя баронесса Врангель. Главнокомандующій отдаетъ категорическое приказаніе не пускать ее на берегъ.

Постепенно у всѣхъ начинаетъ появляться увѣренность, что эвакуація пройдетъ благополучно. Части мѣстнаго гарнизона уже всѣ погружены, лазареты также, охрана штаба и города фактически осуществляется юнкерами Донского и Симферопольскаго училищъ. Кто-то сообщаетъ, что у понтоннаго моста черезъ Южную бухту находится девять раненыхъ, ихъ забыли погрузить. Генералъ Шатиловъ тотчасъ же отдаетъ приказаніе, и раненые принимаются на бортъ одного изъ кораблей.

Вечеромъ изъ Симферополя прибываетъ со своимъ штабомъ генералъ Кутеповъ и долго совѣщается съ главнокомандующимъ и начальникомъ штаба, а затѣмъ направляется на крейсеръ «Корниловъ» для совѣщанія съ командующимъ флотомъ.

Вечеромъ въ «Кистъ» переходятъ и остальные чины штаба — генералъ-квартирмейстеръ, генералъ Коноваловъ, начальникъ оперативнаго отдѣленія, начальникъ связи, нѣсколько ординарцевъ.

Отдается директива на слѣдующій день, 1-е ноября. Войска должны занять примѣрно линію укрѣпленій 1855 года. Генералу Скалону приказано защищать Сѣверную сторону отъ моря до линіи желѣзной дороги. Генералу Кутепову — отъ желѣзной дороги до вокзала и дальше къ морю. Командующему флотомъ приказано закончить всю погрузку къ 12 часамъ дня, посадить всѣ заставы и къ 1 часу вывести суда на рейдъ. Заставы ген. Кутепова будутъ грузиться у пристаней въ южной бухтѣ, остальные вмѣстѣ съ войсками въ Киленъ-бухтѣ. Это мѣсто внушаетъ наиболѣе серьезныя опасенія, такъ какъ тамъ долженъ быть погруженъ весь 1-й корпусъ.

Къ вечеру снова начинаютъ опасаться волненій и безпорядковъ, но ночь проходитъ вполнѣ спокойно.

Рейдъ сильно опустѣлъ. Въ южной бухтѣ виднѣется сѣрый массивъ «Генерала Корнилова» и парохода «Херсонесъ», который долженъ забрать послѣднія заставы тѣхъ, кто обслуживаетъ до послѣдней минуты штабъ.

За понтоннымъ мостомъ, въ глубинѣ бухты, сквозь дымку утренняго тумана вырисовываются силуэты «Іоанна Златоуста», «Трехъ Святителей» и другихъ старыхъ служакъ, которые не могутъ выйти въ море даже на буксирѣ. На рейдѣ вырисовывается шеститрубный «Waldeck-Rousseau» — герой Новороссійска, нѣсколько иностранныхъ миноносцевъ и большіе транспорты, предназначенные для погрузки главной массы войскъ.

Въ 10 часовъ утра въ «Кистъ» прибываютъ 10 офицеровъ Корниловскихъ, Марковскихъ и Дроздовскихъ полковъ и проходятъ къ номеру, занимаемому главнокомандующимъ для принятія знаменъ, которые не смогли имъ быть вручены при послѣдней поѣздкѣ на фронтъ. Просто проходитъ церемонія. Офицеры скромно, какъ бы чувствуя неловкость, становятся въ корридорѣ. Звонко отбивая ногу, приносятъ конвойные казаки знамена и главнокомандующій вручаетъ ихъ.

Почти три года существовали полки — дѣти революціи или вѣрнѣе «контръ-революціи», три года сражались, и сражались геройски, и какая насмѣшка судьбы! Получили знамена лишь въ тотъ день, когда покидали послѣдній клочекъ русской земли, прекращали борьбу, а можетъ быть и свое существованіе. Впрочемъ, кто знаетъ, это могло быть насмѣшкой и не судьбы . . .

Собираются послѣднія вещи, постепенно переносятся на Графскую пристань и на катеръ для отправки на «Ген. Корнилова».

По лѣстницѣ Графской пристани спускается въ сопровожденіи командующаго флотомъ генералъ Врангель, садится на катеръ и ѣдетъ въ Киленъ-бухту. Часа черезъ полтора возвращается и съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія сообщаетъ:

— «Войска погружены. Сейчасъ грузятся заставы . . .»

Пустѣетъ площадь, пусто и на пристани. Нѣсколько бѣженцевъ садятся на французскій катеръ и ѣдутъ на «Waldeck-Rousseau».

Главнокомандующій обходитъ грузящіяся заставы. Здоровается. Слышно «ура». Гдѣ-то раздается стрѣльба. Это, вѣроятно, громятъ послѣдніе склады, несмотря на приказъ о томъ, что все имущество является народнымъ достояніемъ и передано подъ охрану рабочихъ. А можетъ быть ссаживаютъ съ пароходовъ населеніе, чтобы дать возможность погрузиться послѣднимъ заставамъ.

Вотъ отъ зданія «Киста» отдѣляется небольшая группа. Проходитъ къ пристани и грузится на «Херсонесъ». Это послѣдніе телеграфисты, державшіе связь. и дежурные офицеры. Послѣдняя связь съ фронтомъ была прервана Симферопольскимъ телеграфнымъ узломъ, сообщившимъ въ ставку, что чины узла занимаютъ нейтральную позицію и не будутъ болѣе обслуживать ни одну изъ воюющихъ сторонъ. Послѣ этого дежурные телеграфисты ставки и Симферополя обмѣнялись взаимно только нѣсколькими частными вопросами и распрощались.

Подходятъ послѣдніе ординарцы во главѣ съ ротмистромъ Е. Послѣдніе чины арміи, оставшіеся на берегу до послѣдней минуты. На пароходѣ не хватаетъ мѣста. Въ воду сбрасываютъ ящики со снарядами, мѣшки съ солью.

Вотъ на бѣлыхъ ступеняхъ Графской пристани появляется высокая фигура главнокомандующаго въ сѣрой офицерской шинели и фуражкѣ Корниловскаго полка. За нимъ идутъ начальникъ штаба, генералъ Коноваловъ, генералъ Скалонъ, начальникъ связи, ген. штаба полк. П., адъютантъ, нѣсколько лейбъ-казаковъ. Всѣ садятся на катеръ, казаки становятся по бортамъ. Въ 2 часа 40 минутъ дня катеръ отваливаетъ отъ пристани.

Медленно обогнувъ съ носа крейсеръ «Корниловъ», онъ приближается къ правому борту.

У Андреевскаго флага видна высокая фигура въ сѣрой шинели.

Команда выстроена у борта.

Главнокомандующій поднимается по трапу. Оркестръ играетъ встрѣчу.

Рапортъ.

Генералъ Врангель произноситъ рѣчь, указываетъ на то, что русская армія принуждена оставить родную землю и выражаетъ надежду на продолженіе борьбы.

Вспоминается солнечное утро 25-го марта. Первый парадъ въ Крыму. Вспоминается другая рѣчь, другое настроеніе.

При взглядѣ на эту высокую фигуру, на осунувшееся, похудѣвшее лицо, въ памяти воскресаетъ вдругъ образъ стараго, желѣзнаго рыцаря средневѣковой легенды.

Главнокомандующій проходитъ въ отведенное ему помѣщеніе. Всѣ устраиваюся съ радостнымъ чувствомъ, что отдѣлались, что эвакуація Севастополя прошла благополучно.

На крейсерѣ «Генералъ Корниловъ»

К. Тимофеевскаго

Въ самомъ началѣ эвакуаціи при распредѣленіи кораблей между различными лицами и учрежденіями, «Ген. Корниловъ» былъ предназначенъ спеціально для главнокомандующаго, его личнаго штаба, командующаго флотомъ со своимъ

штабомъ и для нѣкоторыхъ лицъ изъ центральныхъ управленій, какъ-то: генералъ-квартирмейстера, высшихъ чиновъ оперативнаго отдѣленія, ген. Скалона и для нѣкоторыхъ другихъ. Во время самой эвакуаціи, когда выяснилось громадное число желающихъ выѣхать изъ Крыма, какъ служащихъ центральныхъ учрежденій, такъ и частной публики, а также семей военныхъ, пришлось сдѣлать исключеніе, и на «Ген. Корниловѣ» размѣстить лицъ, не попавшихъ на другіе корабли. Главнымъ образомъ это исключеніе было сдѣлано для семей морскихъ офицеровъ, но потомъ уже въ послѣдніе дни разбирать не приходилось, принимали много посторонней публики, въ результатѣ чего «Корниловъ» оказался перегруженнымъ, какъ и всѣ другіе корабли.

Всѣ палубы, трюмы, кубрики, все было переполнено бѣженцами, вещами. Команда ютилась въ перемежку съ частной публикой. Около кухни въ какомъ-то закоулкѣ были скучены даже свиньи — собственность команды.

Публика самая разнообразная.

Стоятъ матросы и оживленно бесѣдуютъ съ кѣмъ-то; оказывается, происходитъ товарообмѣнъ, мѣняютъ на предметы питанія, боясь голодовки. Вотъ рядомъ группа казаковъ изъ конвоя. Яркія красныя безкозырки рѣзко выдѣляются среди общаго, сѣраго тона. Проходитъ судовой священникъ, какіе-то офицеры, у всѣхъ озабоченный видъ: какъ бы лучше устроиться, размѣститься, но все же видна радость на всѣхъ лицахъ, радость избавленія отъ опасности, можетъ быть, отъ смерти.

Мимо «Корнилова» проходятъ послѣднія суда — «Херсонесъ», яхта «Лукуллъ».

Трубы крейсера дымятся чернымъ, густымъ дымомъ. Всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ отхода.

Единственное мѣсто, не столь загруженное, это адмиральское помѣщеніе на кормѣ, отведенное для главнокомандующаго.

Каютъ-кампанію, съ прилегающей къ ней небольшой каютой занимаетъ главнокомандующій. Собственно въ каютъ-кампаніи ютятся всѣ, и адъютанты, и ген. Скалонъ, и всѣ чины личнаго штаба. У дверей стоятъ парные часовые. Рядомъ въ маленькой каютѣ устроились генералъ-квартирмейстеръ ген. Коноваловъ, начальникъ связи, начальникъ оперативнаго отдѣленія, еще нѣсколько офицеровъ, и временно устраивается тутъ же Донской атаманъ ген. Богаевскій. Въ каютѣ съ трудомъ можно повернуться. Нѣсколько дальше по коррпдору помѣщается начальникъ штаба командующаго флотомъ. Въ концѣ коррпдора каюта самого командующаго. Сквозь полуоткрытую дверь виднѣется въ углу портретъ генерала Корнилова. Командующій флотомъ постоянно проходитъ къ главкому.

Въ 3 часа 10 минутъ дня «Корниловъ» поднимаетъ якорь и медленно и плавно выходитъ изъ Южной бухты подъ флагомъ главнокомандующаго. Въ глубинѣ большой бухты видны «Waldeck-Rousseau», какіе-то транспорты съ войсками, миноносцы. «Корниловъ» поворачиваетъ, идетъ вдоль Приморскаго бульвара, выходитъ на внѣшній рейдъ и становится на якорь. Рядомъ видны американскіе, французскіе и англійскіе миноносцы; проходятъ съ войсками какія-то баржи, проплываетъ громадный американскій транспортъ «Faraby».

Проходитъ транспортъ съ ранеными.

— Санитарный инспекторъ у васъ?.. — кричитъ генералъ Шатиловъ.

— Нѣтъ...

— Гдѣ же онъ?..

— Не знаемъ. Онъ насъ погрузилъ и остался на берегу...

Ген. Шатиловъ сильно волнуется. Докладываютъ о происшедшемъ главнокомандующему. Изъ его каюты слышны громовые раскаты:

— Это подлость! Безобразіе! Позорище! Оставили человѣка. Чортъ знаетъ что такое! А. и П., — обращается онъ къ генералу для порученій и адъютанту, — отправляйтесь немедленно въ городъ и разыщите его!

Забираютъ 5 казаковъ и ѣдутъ въ оставленный уже городъ.

Черезъ полтора часа возвращаются.

— Не нашли... Были у Понтоннаго моста, ждали тамъ, ходили, но никакихъ результатовъ... Въ городѣ спокойно, много гуляющихъ. На пристаняхъ много гражданской публики. Просятъ взять съ собой. Военныхъ нѣтъ. Главнокомандующій не перестаетъ возмущаться и приказываетъ, еще разъ ѣхать на берегъ и одновременно запросить по радіо иностранные корабли. Черезъ полчаса въ сопровожденіи двухъ англичанъ появляется смущенный санитарный инспекторъ. Главкомъ успокаивается. Инцидентъ исчерпанъ.

Мимо крейсера проходитъ какая-то баржа. Главнокомандующій здоровается. Бодро отвѣчаютъ, слышно: «ура».

Приходитъ флагъ-офицеръ и докладываетъ командующему флотомъ, что гдѣ-то находится еще около 200 донцовъ. Это послѣднія оставшіяся войска. Главнокомандующій обращается къ адмиралу Кедрову:

— Ну, адмиралъ, забирайте этихъ 200 «отцовъ», и тогда маршъ въ Ялту... Просите американца идти съ нами...

Ночью должны сняться и идти.

Въ каютѣ у генералъ-квартирмейстера уже кипитъ работа. Зашифровываютъ радіограмму, стучитъ пишущая машина, приносятъ какія-то бумаги. Постоянно входятъ адъютанты главнокомандующаго и начальника штаба, и то и дѣло слышится:

— Главкомъ приказалъ. — Начальникъ Штаба проситъ это переписать. — Васъ вызываетъ главнокомандующій и т. п.

Сейчасъ же спѣшно переписывается и переводится письмо главнокомандующаго къ графу де-Мартель, верховному комиссару Французской Республики на югѣ Россіи. Вотъ оно (копія):

«Оставшаяся одинокой въ активной борьбѣ съ коммунизмомъ, Русская Армія, не взирая на сочувствіе главной массы населенія и рабочихъ, вынуждена была уступить подавляющему превосходству красныхъ и оставить предѣлы Россіи.

На суда погружены лучшіе русскіе люди, совѣсть и разумъ которыхъ не позволили имъ оставаться подъ большевистской пятой.

Я уже просилъ Васъ ходатайствовать передъ своимъ правительствомъ о перебрoскѣ Русской Арміи на западный противобольшевистскій фронтъ для продолженія борьбы противъ поработителей Россіи, враговъ міровой цивилизаціи и культуры.

Въ случаѣ, если бы изложенное мое предложеніе не могло бы быть по тѣмъ или инымъ соображеніямъ принято, я прошу Васъ, черезъ правительство Франціи, возбудить вопросъ о предоставленіи Русской Арміи и флота въ распоряженіе международной комиссіи по охранѣ проливовъ.

Въ случаѣ положительнаго разрѣшенія этого вопроса, Армія и флотъ, въ послѣднемъ главнымъ образомъ личный составъ, могли бы, послѣ самаго незначительнаго отдыха и восполненія утерянной матеріальной части и техническихъ

средствъ, а также приведенія въ полную боеспособность наличныхъ судовъ, немедленно приступить къ осуществленію поставленной имъ задачи.

Численность Арміи и личный составъ флота, а также списокъ боеспособныхъ судовъ, будутъ мною доставлены Вамъ дополнительно по сборѣ всѣхъ этихъ свѣдѣній, по прибытіи въ Константинополь.

Подписано: Генералъ Врангель, Начальникъ Штаба Генеральнаго Штаба Генералъ-лейтенантъ Шатиловъ и Ген.-квартирмейстеръ Генеральнаго Штаба Генералъ-маіоръ Коноваловъ.»

Бумага эта была отвѣтомъ на письмо де-Мартеля отъ 1/14 ноября, въ которомъ онъ предлагаетъ пока, какъ единственно возможное, русскимъ офицерамъ, преимущественно спеціалистамъ, перейти на французскую службу, для чего придется принять и... французское подданство, и проситъ также составить списки бѣженцевъ съ распредѣленіемъ ихъ по роду занятій, возрасту и пр.

Письмо подписано. Ждутъ катера съ «Waldeck-Rousseau», чтобы передать его по назначенію. Но тутъ происходитъ заминка съ номеромъ. Дѣло въ томъ, что всѣ исходящіе и входящіе журналы, все дѣлопроизводство брошено или сожжено въ Севастополѣ. Какой ставить № на эту историческую бумагу? № 1-й неудобно, а какой слѣдуетъ, неизвѣстно.

Недоразумѣніе разрѣшаетъ генералъ К.:

— Чего тамъ долго думать. А. М., — обращается онъ къ офицеру генеральнаго штаба, — вы какой одеколонъ употребляете?..

Полковникъ не сразу догадывается и нѣсколько удивленно отвѣчаетъ:
— № 4711.

— Ну и великолѣпно. Отлично! Ставьте этотъ номеръ и отправляйте бумагу, чертъ ее дери...

Недоразумѣніе улаживается къ всеобщему удовольствію. Оживленный смѣхъ покрываетъ слова генерала.

Вечерѣетъ. На небѣ прорѣзъ молодого мѣсяца. Весь рейдъ горитъ огнями. Ярко освѣтились иностранные военные корабли, сигнальными огнями горятъ транспорты. Въ гладкой поверхности воды отражаются огненныя змѣйки. «Государство на водѣ». Единственный, пожалуй, случай въ исторіи. Нѣкоторыя суда отходятъ въ Константинополь, многія уже ушли. Постепенно опускается ночь. Тишина продолжается по прежнему. Ни выстрѣла.

Ночью «Корниловъ» снимается съ якоря и идетъ въ Ялту.

Утромъ при легкомъ вѣтрѣ крейсеръ проходитъ вдоль южнаго побережья. На морѣ легкая, чуть замѣтная зыбь. Масса чаекъ кружится съ криками надъ крейсеромъ. Точно фарфоровыя, граціозно и плавно летятъ онѣ и опускаются за рыбешкой. Видны отчетливо зданія, дачи. Ярко бѣлѣетъ на солнцѣ Ливадійскій дворецъ.

Въ 9½ часовъ «Корниловъ» входитъ на внѣшній рейдъ и становится на якорь. Тутъ же стоитъ французскій крейсеръ, миноносцы. Къ молу пришвартованы корабли. Это «Крымъ» и «Русь» грузятъ послѣднія части конницы генерала Барбовича.

Въ городѣ видно большое оживленіе. На молу, на набережной масса публики. Проѣзжаютъ экипажи, всадники. На «Корниловѣ» прибываетъ командиръ «Waldeck'a Rousseau» и сообщаетъ генералу Врангелю о ходѣ эвакуаціи въ Ялтѣ.

Въ 10 часовъ 45 минутъ главнокомандующій съ адъютантомъ на шлюпкѣ съѣзжаетъ на берегъ. Дружно взмахиваютъ весла. Рѣзко выдѣляется на кормѣ

фигура главнокомандующаго. Черезъ нѣсколько минутъ Андреевскій флагъ скрывается за моломъ. Оттуда доносится «Ура».

Черезъ полчаса шлюпка возвращается. Погрузка прошла отлично. Всѣ части погружены. Мимо «Корнилова» проходятъ транспорты, облѣпленные людьми, какъ мухами.

Въ 2 часа снимаются и идутъ, держа курсъ на югъ, въ открытое море. На горизонтѣ какая-то точка и струйка дыма. Это уходитъ изъ Феодосіи «Донъ» съ конными кубанцами. «Корниловъ» къ 4 часамъ нагоняетъ его и опять главнокомандующій на шлюпкѣ отплываетъ. Черезъ нѣсколько минутъ съ «Дона» доносится «ура», и въ $5^1/_2$ часовъ, повернувъ къ берегу, крейсеръ идетъ по направленію къ Феодосіи. Со словъ пассажировъ «Дона» разсказываютъ, что и въ Феодосіи эвакуація прошла хорошо. Погружены всѣ конныя кубанскія части . . . Пѣшія пошли въ Керчь, такъ какъ не хватило тоннажа. Въ Феодосіи было возстаніе мѣстныхъ коммунистовъ, правда, тотчасъ же подавленное. Между Феодосіей и Керчью большевики проявляютъ нѣкоторую активность.

Около 8 часовъ вдали виднѣется Судакскій маякъ. Слегка покачиваясь, «Корниловъ» держитъ курсъ на Феодосію.

Погода по прежнему благопріятствуетъ, хотя нѣсколько туманно. Около 9 часовъ утра крейсеръ становится на якорь въ Феодосійскомъ заливѣ, довольно далеко отъ берега, такъ что съ трудомъ на западной сторонѣ залива виднѣются очертанія Феодосіи.

Въ $10^1/_2$ часовъ рожокъ играетъ боевую тревогу. Оказывается, на берегу различаютъ какія-то группы людей. Ихъ принимаютъ за красныхъ. Всю публику сгоняютъ внизъ. Вращаются орудія, къ нимъ подкатываются бесѣдки со снарядами. Всѣ на мѣстахъ. На мостикѣ, на палубѣ — всюду цѣлый рядъ биноклей устремленъ на берегъ.

Высказываются различныя предположенія, можетъ быть это не красные, а свои. Пока не стрѣляютъ. Около 11 часовъ прибываютъ командиръ французской канонерки, о чемъ-то совѣщается съ главнокомандующимъ. Наконецъ, рѣшено, не стрѣлять. Играютъ отбой. Снимаемся съ якоря и медленно двигаемся на востокъ по направленію къ Керчи.

Около 2 часовъ «Waldeck-Rousseau», который ранѣе прибылъ сюда, отходитъ въ Константинополь. На его мачтѣ взвивается флагъ главнокомандующаго, и доносится салютъ въ 21 выстрѣловъ. «Корниловъ» отвѣчаетъ тѣмъ же и поднимаетъ французскій флагъ.

«Корниловъ» до вечера остается на мѣстѣ. Ждутъ «Гайдамака», ушедшаго въ Керчь. У всѣхъ настроеніе улучшилось. Всѣхъ подбадриваетъ отличный ходъ эвакуаціи. Перехватывается радіо красныхъ изъ Феодосіи . . . Какой-то комиссаръ взываетъ о томъ, что нѣтъ мѣстныхъ работниковъ, нѣтъ силъ для насажденія и проведенія коммунизма.

Въ Константинополь Кривошеину отправляется радіо «для широкаго распространенія». Сообщается о томъ, что армія ушла изъ Крыма, эвакуація проходитъ блестяще. Вывезено около 130.000 человѣкъ, и свыше 100 судовъ русскаго флота.

Въ 5 часовъ 20 минутъ подходитъ французскій миноносецъ «А. С.». Съ его мостика передаютъ въ рупоръ:

— «Командиръ французскаго миноносца «А. С.» передаетъ слѣдующее: Начальнику штаба главнокомандующаго. Имѣю честь, стать въ распоряженіе

главнокомандующаго Русской арміей генерала Врангеля. Прошу вашихъ распоряженій».

На палубу выходитъ контръ-адмиралъ Кедровъ.

— «Говоритъ командующій Русскимъ флотомъ: Сегодня въ 22 часа снимаемся съ якоря и идемъ въ Константинополь. Пойдемъ со скоростью 7 узловъ въ часъ. Просимъ Васъ, сопровождать насъ».

Темнѣетъ. Опускается густой туманъ и какъ молочной пеленой окутываетъ все кругомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно. Раздаются гудки и мѣрный звонъ колокола. Точно набатъ . . . Какъ тоскливо, точно похоронный звонъ. Какія-то мрачныя мысли лѣзутъ въ голову. Что впереди? Куда, зачѣмъ? Дѣйствительно чѣмъ-то погребальнымъ вѣетъ отъ этого звона и непроницаемой завѣсы. Какъ-то сыро. Можетъ быть, это дѣйствительно хоронятъ Россію? Можетъ быть, никогда и не суждено намъ ее увидѣть снова? Въ далекіе, невѣдомые, чужіе края, неизвѣстно на какія лишенія . . .

Наконецъ, въ половинѣ двѣнадцатаго ночи подходитъ «Гайдамакъ». На немъ прибылъ изъ Керчи начальникъ штаба 2-й арміи генералъ Кусонскій. Тотчасъ же проходитъ въ каюту главнокомандующаго и докладываетъ ему о положеніи дѣлъ въ Керчи:

— Погрузка проходитъ блестяще. Благодаря удивительной энергіи командующаго арміей и неутомимой работѣ моряковъ, мы погрузили не только донцовъ, но также и пришедшихъ изъ Феодосіи кубанцевъ. Настроеніе казаковъ на рѣдкость бодрое. Ваше превосходительство, я уполномоченъ командующимъ арміей просить васъ не разоружаться въ Константинополѣ. Я вѣрю въ настроеніе казаковъ . . .

— Но вѣдь это невозможно, генералъ . . .

— Все же ваше пр-во. Я васъ покорнѣйше прошу, я васъ умоляю! Вы не можете себѣ представить, какое бодрое, боевое настроеніе царитъ среди донцовъ. Съ такими солдатами, съ такимъ настроеніемъ мы можемъ и будемъ чудеса дѣлать . . . Я въ этомъ убѣжденъ. Вѣдь до сегодняшняго утра мы и не думали грузиться. Только сегодня утромъ мы начали погрузку. И то погружено все. Всѣ до одного казака. И всѣ вооружены. Ни одинъ казакъ не оставилъ оружія. Повторяю, ваше пр-во, настроеніе донцовъ поразительно бодрое.

Главнокомандующій убѣждаетъ генерала Кусонскаго въ абсурдности и невозможности выполненія этого рѣшенія.

— Что же дѣлать! Все равно о насъ должны будутъ позаботиться. Западъ предалъ насъ, и теперь онъ обязанъ намъ помочь . . .

Генералъ вновь разсказываетъ объ отмѣнномъ ходѣ эвакуаціи Керчи.

— Да, — восклицаетъ генералъ Врангель, — эвакуація проведена блестяще! Отлично! Это полное удовлетвореніе . . .

Въ 1 часъ 30 минутъ «Корниловъ» снимается и идетъ вдоль берега по направленію къ Севастополю. Около южной оконечности, говорятъ моряки, повернемъ къ Константинополю.

Утромъ 4-го ноября яркое солнце въ послѣдній для насъ разъ озарило берега Крыма. Черезъ нѣсколько часовъ скроется и этотъ послѣдній клочекъ родной земли. Медленно идетъ «Корниловъ», море усѣяно барашками, стаи дельфиновъ плескаются, кувыркаются и рѣзвятся у самаго борта, играя на солнцѣ блестящей кожей. Ѣдущіе облѣпили борта и въ послѣдній разъ смотрятъ на берега Крыма, наслаждаясь чудеснымъ видомъ южнаго побережья. Въ

одиннадцатомъ часу нагоняетъ французскій миноносецъ, отставшій почему-то отъ крейсера. На небѣ ни облачка. Легкій вѣтерокъ. Слегка прохладно. Вотъ виднѣется Ялта. Спустя нѣкоторое время различаются вершины Ай-Петри, Байдарскія ворота, далеко сзади вершина Могаби. Вечерѣетъ. У южной оконечности Крыма «Корниловъ» поворачиваетъ и идетъ прямо въ открытое море. Гдѣ-то далеко виднѣется смутно Балаклавская бухта. Тамъ Севастополь, еще такъ недавно столица Южной Россіи, оплотъ арміи. Какъ-то странно, непривычно и даже жутко подумать, что теперь тамъ льется невинная кровь, что торжествующіе побѣдители «мстятъ» своимъ уже безсильнымъ врагамъ.

Изъ радіо-рубки приносятъ исписанный карандашемъ наспѣхъ бланкъ: это перехваченное радіо красныхъ. Буденный хвастается взятіемъ Крыма. Наконецъ-то «цикъ» получилъ въ подарокъ долгожданный Крымъ, послѣдній оплотъ «бѣлогвардейщины», оплотъ «контръ-революціи». «Гидра раздавлена». Достойный подарокъ ко дню коммунистической революціи.

Садится солнце. Туда въ расплавленное море держитъ курсъ «Корниловъ». Туда, гдѣ полная неизвѣстность. Спускаютъ флагъ. Быстро темнѣетъ. Всѣ жаждутъ посмотрѣть на послѣднія уже туманныя очертанія родной земли . . .

Спустилась ночь . . . Темно . . . Уже ничего не видно за кормой, но все же никто не сходитъ внизъ, всѣ продолжаютъ смотрѣть въ темную даль. На душѣ тоскливо. . .

Прощай Россія . . .

Луна золотитъ яркую, змѣевидную дорожку.

Къ вечеру слѣдующаго дня, послѣ захода солнца, впереди начинаютъ мигать какіе-то огоньки. Это маяки Босфора.

У всѣхъ, навѣрное, вертится мучительный вопросъ: что это, заря ли новой жизни, или закатъ передъ долгой ночью. Можетъ быть, закатъ навсегда?

Половина одиннадцатаго. На передней мачтѣ поднимается французскій флагъ, эмблема покровительства «нашей испытанной союзницы». «Корниловъ» входитъ въ Босфоръ. Съ обѣихъ сторонъ берега. Мерцаютъ огоньки Буюкъ-Дере.

Кто-то разсказываетъ:

— Вы знаете, я слышалъ, милые союзники разоружаютъ наши суда и отбираютъ у военныхъ оружіе. На «Ген. Алексѣевѣ» сняли замки съ орудій, разоружены подводныя лодки. Навѣрное завтра и насъ ожидаетъ та же участь. Отберутъ оружіе и сдѣлаемся мы штатскими людьми. Прощай военная помощь Россіи . . .

Встали на якорь. Ночью Босфоръ проходить нельзя.

Утромъ въ 9 часовъ 20 минутъ поднимаемъ якорь, и «Корниловъ» медленно проходитъ по Босфору. На полпути «Ген. Корнилова» встрѣчаетъ катеръ подъ Андреевскимъ флагомъ, на которомъ находятся Кривошеинъ, ген. Лукомскій, Нератовъ и др. Катеру приказано слѣдовать за крейсеромъ. Съ обѣихъ сторонъ поразительной красоты виды. Развалины, мечети, виллы . . . Снуютъ по берегу автомобили, пробѣгаетъ трамвай. По Босфору шныряютъ катера подъ всѣми европейскими флагами, каики съ «кардашами», пытающимися за хлѣбъ или вязку инжира получить «наганъ» или смѣну бѣлья.

Вотъ знаменитый султанскій дворецъ Дольмэ-бахчэ съ вычурными воротами и какъ бы ажурной рѣшеткой. Въ 10 часовъ «Корниловъ» подходитъ къ мѣсту стоянки международной эскадры близъ Золотого Рога и салютуетъ иностраннымъ военнымъ судамъ.

Тѣ отвѣчаютъ. На борту греческаго «Аверова» и «Waldeck-Rousseau» выстроены команды. Судовые караулы иностранцевъ отдаютъ честь.

Орудійнаго салюта съ «Корнилова» не послѣдовало, хотя орудія были заряжены.

Ограничились приспусканіемъ флага.

На «Провансѣ» происходитъ артиллерійское ученіе. Орудія случайно поворачиваются въ сторону «Корнилова».

По палубѣ вполголоса проносится:

— Направляютъ орудія . . . Будутъ разоружать . . . «Алексѣева» разоружили . . .

Черезъ минуту недоразумѣніе разъясняется.

Въ 10 часовъ 15 минутъ «Корниловъ» становится на якорь. Къ борту пристаетъ шедшій вслѣдъ катеръ. По трапу подымаются Кривошеинъ, генералъ Лукомскій и Нератовъ и проходятъ въ помѣщеніе главнокомандующаго. Къ борту «Корнилова», то и дѣло, подходятъ катера. Виднѣются элегантныя, франтоватыя фигуры англійскихъ и французскихъ моряковъ.

Вдали, нѣсколько въ туманѣ, Золотой Рогъ, Ая-Софія, Стамбулъ. Дальше въ морѣ у Моды виднѣется цѣлый лѣсъ мачтъ. Это новое «государство на водѣ» всѣ 126 судовъ Русскаго флота.

Въ узкомъ корридорѣ около каюты главнокомандующаго невѣроятная толкотня. Тутъ и представители командованія, и корреспонденты иностранныхъ газетъ, спѣшащихъ интервьюировать о послѣднихъ дняхъ Крыма, и общественные дѣятели.

Въ маленькой каютѣ генерала Коновалова кипитъ работа. Пишутся приказы, переводятся какія-то телеграммы, приходятъ посѣтители.

Спѣшно переписывается приказъ о реорганизаціи арміи. Остается три корпуса: первый (регулярныя войска), донской и кубанскій. Сокращаются всѣ штаты, масса учрежденій расформировывается. Издается приказъ о военно-полевыхъ судахъ. Составляются информаціонные бюллетени. Со всѣхъ кораблей являются посѣтители и наперерывъ желаютъ добиться справокъ.

Какой-то генералъ дрожащимъ голосомъ разсказываетъ, какъ пришлось эвакуироваться. Ужасомъ вѣетъ отъ его словъ:

— Я былъ комендантомъ на миноносцѣ «Грозный». Вы только подумайте. Въ эту маленькую скорлупку набилось 1015 человѣкъ. Не хватаетъ угля, не было воды. Нѣкоторые сошли съ ума отъ этихъ ужасныхъ условій. — Продуктовъ не хватало. Приходилось реквизировать у тѣхъ, кто имѣлъ запасы. Была всего лишь одна уборная. Очередь у нея стояла по нѣсколько часовъ. Шли мы четверо сутокъ со скоростью $1\frac{1}{2}$ узла. Вѣдь это ужасъ! Вы только себѣ представьте это. Что дѣлать дальше положительно, не знаю . . . Кошмаръ . . .

Какой-то поручикъ разсказываетъ леденящія душу подробности о путешествіи на одномъ изъ французскихъ пароходовъ. Тоже не хватило хлѣба, не было воды.

— Можете себѣ представить! Коменданта буквально рвутъ на части. То не хватило продовольствія въ одномъ трюмѣ, то умеръ кто-нибудь, то заявляютъ о томъ, что гдѣ-то на палубѣ несчастная мать родила ребенка, и никто не можетъ подать помощь. И такъ все время. Тѣснота, грязь, масса насѣкомыхъ . . .

Ну, а что впереди?.. Что съ нами будетъ?.. Куда насъ направляютъ? — допытывается кто-то...

А рядомъ передаютъ о кошмарѣ, какой пришлось пережить на одномъ изъ пароходовъ, вышедшихъ изъ Феодосіи... Въ пути нѣсколько женщинъ разрѣшилось отъ бремени, двѣ или три умерли. Потомъ на этомъ пароходѣ устроили особую «родильную каюту» и въ нее доставляютъ теперь женщинъ и съ другихъ пароходовъ... Въ каютѣ во время пути творилось что-то невообразимое... Почти всѣ младенцы — мертворожденные. Докторовъ и медикаментовъ не было.

На одномъ изъ пароходовъ произошло возмущеніе на почвѣ голода и тѣсноты.

Слышатся возгласы изъ какой-то каюты. Это кому-то дѣлаютъ выговоръ.

— Имѣйте въ виду, что русская армія еще существуетъ, военно-полевые суды не упразднены, разстрѣливать можно и на борту парохода. Могила готова. Мраморное море. И разстрѣливать будемъ десятки, сотни, сколько потребуется.

Постепенно положеніе выясняется. По соглашенію съ французами и другими державами армія и бѣженцы понемногу начинаютъ разселяться. Регулярныя части идутъ въ Галлиполи, Донцы въ Чаталджу, Кубанцы на островъ Лемносъ. Бѣженцы направляются въ лагеря и въ Сербію. Штабъ буквально забрасываютъ просьбами о розыскѣ родныхъ и близкихъ. Отвѣчать, конечно, нѣтъ почти никакой возможности.

Одинъ за другимъ уходятъ изъ Моды русскіе корабли. Нагруженные до краевъ, переполненные войсками и бѣженцами, въ самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ, лишенные подчасъ самаго необходимаго.

Тѣ, кто побывалъ въ Галлиполи и Чаталджѣ, разсказываютъ о всѣхъ ужасахъ концентраціонныхъ лагерей.

Спятъ въ свиныхъ хлѣвахъ, просто на голой землѣ. Иностранцы даютъ мало и хлѣба и остального продовольствія. Нѣтъ даже бани, чтобы помыться и избавиться отъ насѣкомыхъ.

. . . .

И потянулись нудные, сѣрые дни въ бѣженскихъ лагеряхъ, на островахъ и въ самомъ Константинополѣ. У большинства, въ результатѣ всего пережитаго, явилась какая-то покорность судьбѣ, непротивленіе, и лишь немногіе угарно проживали послѣдніе гроши въ блестящихъ ресторанахъ Перы, а тамъ хоть головой внизъ съ Моста Народовъ.

И казалось какой-то насмѣшкой звучали звонкія и красивыя слова послѣднихъ приказовъ Русской арміи, для всѣхъ этихъ несчастныхъ, исковерканныхъ, издерганныхъ людей. Европа, которую они защищали столько времени, не сумѣла и не захотѣла ихъ понять. Такъ, пожалуй, имъ и въ самомъ дѣлѣ остается лишь одно: «смѣло ждать суда будущей Россіи».

Изъ воспоминаній

ген. А. Лукомскаго

Корниловское выступленіе и начало Добровольческой Арміи

Назначеніе генерала Корнилова * Верховнымъ Главнокомандующимъ привѣтствовалось всѣми благомыслящими кругами.

Со всѣхъ концовъ Россіи, отъ отдѣльныхъ лицъ и отъ различныхъ организацій и городскихъ самоуправленій, посылались въ Ставку телеграммы,

---

* Лавръ Георгіевичъ Корниловъ родился въ Сибири, въ городѣ Четь-Каменогорскѣ, 18/31 августа 1870 года.

Отецъ Лавра Корнилова былъ изъ простыхъ казаковъ Сибирскаго казачьяго войска и дослужился до перваго офицерскаго чина (хорунжій).

Хорунжій Георгій Корниловъ былъ обремененъ семьей и жить на нищенское офицерское содержаніе ему стало не по силамъ.

Онъ вышелъ въ отставку и поступилъ на службу, въ качествѣ волостного писаря, въ своей родной станицѣ Каркаралинской.

Мать Корнилова, казачка станицы К кпектинской, несла на себѣ всю черную работу по хозяйству и выхаживала дѣтей.

Маленькому Лавру Корнилову пришлось няньчить младшихъ братьевъ и сестеръ и помогать по хозяйству.

Около 9 лѣтъ мальчикъ поступилъ въ приходскую школу, въ которой пробылъ всего лишь два года, а затѣмъ въ 1881 году вся семья Корниловыхъ переѣхала въ г. Зайсанъ.

Урывая время отъ сна, заслуженнаго отдыха послѣ тяжелыхъ дневныхъ работъ, мальчикъ занимался.

Въ 1883 году онъ былъ принятъ въ Сибирскій кадетскій корпусъ, который окончилъ въ 1889 году первымъ ученикомъ.

По окончаніи кадетскаго корпуса, Корниловъ поступилъ въ Михайловское артиллерійское училище.

Послѣ производства въ офицеры онъ взялъ вакансію въ Туркестанъ.

Въ Туркестанѣ Корниловъ все свободное отъ службы время употреблялъ на самообразованіе, на изученіе туземныхъ языковъ и на уроки ради заработка, такъ какъ семья отца, будучи въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, требовала отъ него помощи.

Осенью 1895 года поручикъ Корниловъ поступаетъ въ академію Генеральнаго штаба, которую оканчиваетъ первымъ въ 1898 году и вновь отправляется на службу въ Туркестанскій военный округъ.

По прибытіи въ Туркестанъ онъ получаетъ командировку на Афганскую границу.

Однажды вечеромъ, генералъ Іоновъ, въ распоряженіе котораго былъ командированъ капитанъ Корниловъ, жаловался, что никакъ не можетъ получить никакихъ свѣдѣній о выстроенной афганцами на берегу рѣки Аму крѣпости Дейдади.

выражающія радость по случаю назначенія генерала Корнилова и увѣренность, что онъ сумѣетъ возродить мощь Русской арміи.

Еще будучи назначенъ Главнокомандующимъ Юго-Западнаго фронта, въ моментъ его наибольшаго развала, генералъ Корниловъ обратилъ вниманіе Временнаго Правительства на то, что наиболѣе самоотверженные и нужные родинѣ люди — офицеры и хорошіе солдаты — гибли, а предатели и трусы, отъ которыхъ стонала русская земля, не только продолжали жить, но даже оставались безнаказанными.

Капитанъ Корниловъ, при этомъ присутствовавшій, на другой день попросилъ дать ему трехдневный отпускъ и куда-то исчезъ.

Черезъ три дня вернулся и представилъ генералу Іонову 5 фотографическихъ снимковъ съ крѣпости, кроки мѣстности и описаніе характера укрѣпленій, мѣстности и ведущей къ крѣпости дороги.

Рискуя жизнью, если-бъ онъ попался афганцамъ, Корниловъ, во время этой рекогносцировки, совершилъ верхомъ пробѣгъ въ 400 верстъ.

Лѣтомъ 1899 года Корниловъ изучилъ раіонъ Кушки, а затѣмъ полтора года проработалъ, изучая китайскій Туркестанъ. Результатомъ этого изслѣдованія явилась книга «Кашгарія или Восточный Туркестанъ».

Въ 1901 году капитанъ Корниловъ былъ командированъ для изученія восточныхъ провинцій Персіи. Эта командировка, въ теченіе которой Корниловъ первый прошелъ черезъ безводную, песчанную, знойную пустыню, которую персы называли «Степью отчаянія», создала ему имя — какъ путешественника.

Въ 1903 году Корниловъ получилъ командировку въ Индію. Японская война застаетъ его въ Белуджистанѣ.

Корниловъ, послѣ долгихъ хлопотъ, получаетъ назначеніе въ дѣйствующую армію.

Во время Мукденскихъ боевъ 1-я стрѣлковая бригада, въ которой Корниловъ былъ начальникомъ штаба, прикрывала отходъ другихъ частей арміи.

Будучи окружена японцами, бригада пробилась, вынеся всѣхъ своихъ раненыхъ.

Корниловъ за это дѣло получилъ орденъ Св. Великомученика Побѣдоносца Георгія 4-ой степени.

Послѣ Русско-японской войны полковникъ Корниловъ одно время служилъ въ главномъ Управленіи генеральнаго штаба, а съ 1907 по 1911 годъ былъ военнымъ агентомъ въ Китаѣ.

За время своего пребыванія на востокѣ Корниловъ верхомъ объѣздилъ Китай, Монголію, Тарбогатай, Илійскій край, Синь-Цзянь и Кашгарію.

На Европейскую войну генералъ Корниловъ пошелъ командиромъ бригады 49-ой пѣхотной дивизіи, но уже 25 августа 1914 года онъ былъ назначенъ начальникомъ 48-ой пѣхотной дивизіи, стяжавшей себѣ въ бояхъ, подъ его начальствомъ, названіе «стальной».

При отходѣ изъ Карпатъ, 29 апрѣля/12 Мая 1915 года, прикрывая съ горстью храбрецовъ отходъ своей дивизіи, былъ тяжело раненъ и взятъ австрійцами въ плѣнъ.

Поправившись отъ раненія, генералъ Корниловъ бѣжалъ изъ австрійскаго плѣна.

Побѣгъ генерала Корнилова изъ плѣна — одна изъ самыхъ яркихъ страницъ его феерической жизни.

Послѣ возвращенія Корнилова изъ плѣна онъ былъ награжденъ Георгіемъ 3-ей степени и назначенъ командиромъ 25-го армейскаго корпуса.

Во время революціи, 2/15 марта 1917 года, Корниловъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Петроградскаго военнаго округа.

20 апрѣля/3 Мая 1917 года озвѣрѣлыя толпы рабочихъ-красногвардейцевъ и развращенныхъ тыловыхъ солдатъ пришли на площадь Маріинскаго дворца гдѣ засѣдало Временное Правительство, и потребовали ухода неугодныхъ имъ министровъ. Корниловъ хотѣлъ подавить мятежъ, но Временное Правительство не имѣло мужества пойти противъ толпы и предпочло исполнить всѣ ея требованія.

Генералъ Корниловъ послѣ этого отказался отъ должности главнаго начальника Петроградскаго военнаго округа и, получивъ назначеніе командующимъ VIII-й арміи, отправился на фронтъ.

Генералъ Корниловъ тогда же добился отъ Временнаго Правительства возстановленія на фронтѣ смертной казни для предателей и дезертировъ.

Получивъ телеграмму о своемъ назначеніи Верховнымъ Главнокомандующимъ, генералъ Корниловъ послалъ Временному Правительству телеграмму съ требованіемъ, чтобы немедленно были приняты мѣры къ возстановленію дисциплины въ войскахъ, къ прекращенію преслѣдованія офицеровъ, къ недопущенію вмѣшательства комиссаровъ и комитетовъ въ боевыя и строевыя распоряженія и, главное, къ введенію смертной казни для дезертировъ и предателей и въ тылу.

Телеграмму свою генералъ Корниловъ закончилъ указаніемъ, что если эти требованія не будутъ выполнены, то онъ должность Верховнаго Главнокомандующаго не приметъ.

Временное Правительство (Керенскій) отвѣтило, что всѣ требованія генерала Корнилова принимаются.

Генералъ Корниловъ прибылъ въ Могилевъ и принялъ должность Верховнаго Главнокомандующаго.

Но Временное Правительство слова своего не сдержало.

Продолжая говорить, что требованія генерала Корнилова Временнымъ Правительствомъ «принципіально» приняты, г. Керенскій, опасаясь открыто пойти противъ Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, рѣшительно возражавшихъ противъ принятія этихъ требованій, оттягивалъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ, говоря, что военному министерству (Савинкову) поручено составить проектъ необходимыхъ измѣненій въ дисциплинарномъ уставѣ, въ положеніяхъ о комиссарахъ и комитетахъ и о введеніи смертной казни въ тылу; что составленный проектъ по этимъ вопросамъ будетъ разсмотрѣнъ въ Правительствѣ и срочно проведенъ въ жизнь.

Генералъ Корниловъ страшно волновался, говорилъ, что Керенскій его обманываетъ, оттягивая проведеніе въ жизнь его требованій, и явно хочетъ уклониться отъ исполненія даннаго слова.

Отношенія между Ставкой Верховнаго Главнокомандующаго и Петроградомъ портились.

Чувствовалось, что намъ не довѣряютъ.

Какъ мною уже было отмѣчено, еще при генералѣ Брусиловѣ Могилевскій Совѣтъ рабочихъ депутатовъ добивался расчистки, яко-бы, образовавшагося въ Ставкѣ контръ-революціоннаго гнѣзда.

Конечно, съ этими требованіями Могилевскій «Совѣтъ» обращался не только къ генералу Брусилову, но и къ комиссару Временнаго Правительства, бывшему въ Ставкѣ, г. Елачичу. Но послѣдній, будучи порядочнымъ человѣкомъ и не видя никакихъ конкретныхъ доказательствъ предъявляемымъ обвиненіямъ, дальнѣйшаго хода этому дѣлу не давалъ.

Дѣятельностью г. Елачича въ Ставкѣ Временное Правительство было не довольно и, послѣ назначенія генерала Корнилова Верховнымъ Главнокомандующимъ, г. Елачичъ былъ замѣненъ г. Филоненко, пользовавшимся полнымъ довѣріемъ г. Савинкова, вступившаго въ управленіе военнымъ министерствомъ.

Г. Филоненко, дня черезъ два послѣ своего прибытія въ Ставку, пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что у него есть данныя, что въ Ставкѣ имѣется группа контръ-революціонеровъ, затѣвающихъ переворотъ.

Я ему отвѣтилъ, что все это ерунда. Если какіе-нибудь офицеры и скажутъ, что либо непріятное по отношенію Временнаго Правительства, то за это преслѣдовать нельзя; ничего же серьезнаго, я увѣренъ, нѣтъ; но, что если у него дѣйствительно есть какія либо данныя, то пусть онъ мнѣ ихъ сообщитъ и я разберу дѣло.

На этомъ и порѣшили.

Нѣсколько позже онъ далъ мнѣ списокъ нѣсколькихъ офицеровъ, яко-бы, явныхъ контръ-революціонеровъ. Генералъ Корниловъ приказалъ произвести разслѣдованіе, не давшее никакихъ данныхъ для обвиненія. Просто была болтовня, о которой писаря и вѣстовые донесли въ Могилевскій Совѣтъ.

Ко мнѣ больше Филоненко съ этимъ вопросомъ не обращался, но разслѣдованіе свое продолжалъ.

Однажды мнѣ принесли копію телеграммы, посланной имъ Савинкову.

Я прочиталъ и ничего не понялъ. Было упомянуто о «конѣ блѣдномъ», скачущимъ черезъ какія-то горы и что-то затѣвающимъ. Было упомянуто среди телеграммы о начальникѣ военныхъ сообщеній.

Я сказалъ, что воровскою языка не понимаю и не могу разобрать въ чемъ дѣло.

Мнѣ тогда было разъяснено, что въ телеграммѣ употреблены выраженія изъ книги Савинкова «Конь блѣдный» и что эти условныя слова даютъ возможность расшифрировать телеграмму; что Филоненко предупреждаетъ Савинкова о контръ-революціонныхъ замыслахъ начальника военныхъ сообщеній, генерала Тихменева.

Это впослѣдствіи подтвердилось и генерала Тихменева по телеграфу изъ Петрограда туда вызвали; такъ какъ я, изъ того же Петрограда, получилъ по телеграфу предупрежденіе, что ген. Тихменева тамъ арестуютъ, то обратился къ генералу Корнилову.

Генералу Корнилову стоило большихъ трудовъ отстоять ген. Тихменева.

Вообще изъ Петрограда мы получали постоянныя предупрежденія, что неудовольствіе противъ генерала Корнилова и Ставки среди Временнаго Правительства все нарастаетъ и что Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ начинаетъ настаивать на удаленіи генерала Корнилова и на разгонѣ контръ-революціонеровъ Ставки.

Атмосфера постепенно сгущалась.

Между тѣмъ германцы на сѣверномъ фронтѣ перешли въ наступленіе, переправились черезъ Двину, прорвали нашъ фронтъ, и появилась угроза не только Ригѣ и Ревелю, но и Петрограду.

Съ большимъ трудомъ удалось создать новый фронтъ противъ прорваннаго германцами участка, но чувствовалось, что, если германцы сосредоточатъ противъ сѣвернаго фронта новыя силы, положеніе можетъ стать катастрофическимъ.

Генералъ Корниловъ вновь обратился къ Временному Правительству съ настояніемъ немедленно провести въ жизнь его требованія.

Было отвѣчено, что его просятъ прибыть въ Петроградъ къ 10/23 Августа для окончательнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ въ Правительствѣ.

Если не ошибаюсь, 6/ 19 или 7/20 Августа генералъ-квартирмейстеръ, генералъ Романовскій, доложилъ мнѣ, что генералъ Корниловъ проситъ меня отдать распоряженіе о сосредоточеніи, въ раіонѣ Невель—Н. Сокольники—Великія Луки, 3-го коннаго корпуса съ туземной дивизіей (кавалерійской).

Эти части находились въ резервѣ Румынскаго фронта и, за нѣсколько дней до этого доклада генерала Романовскаго, у меня былъ разоворъ съ генераломъ Корниловымъ о необходимости для усиленія сѣвернаго фронта перевести значительную кавалерійскую группу съ Румынскаго фронта.

— «Но почему же въ раіонъ Невель—Н. Сокольники—Великія Луки?» спросилъ я генерала Романовскаго.

— «Я не знаю. Передаю Вамъ точно приказаніе Верховнаго Главнокомандующаго».

— «Когда Вы его получили и какимъ путемъ?»

— «Вчера, послѣ двадцати трехъ часовъ, генералъ Корниловъ меня вызвалъ и приказалъ доложить Вамъ объ этомъ сегодня утромъ».

Мнѣ все это показалось нѣсколько страннымъ; странно, почему это приказаніе было отдано не непосредственно мнѣ, а черезъ генералъ-квартирмейстера; не понятно было, почему выбранъ указанный раіонъ сосредоточенія.

Передъ этимъ былъ разговоръ о томъ, что, если я захочу, то могу быть назначеннымъ командующимъ арміей; но это рѣшено не было, и я пока оставался начальникомъ штаба; поэтому обращеніе главнокомандующаго непосредственно къ генералъ-квартирмейстеру меня удивило.

Я пошелъ къ генералу Корнилову.

Сказавъ ему, что генералъ Романовскій передалъ мнѣ его приказаніе, я попросилъ объяснить, почему выбранъ для конницы указанный раіонъ сосредоточенія.

Генералъ Корниловъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ хочетъ сосредоточить конницу не спеціально за сѣвернымъ фронтомъ, а въ такомъ раіонѣ, откуда легко было бы, въ случаѣ надобности, перевезти ее на сѣверный фронтъ или на западный; что выбранный имъ раіонъ наиболѣе удовлетворяетъ этому требованію.

Я сказалъ, что намъ врядъ ли есть основаніе опасаться за западный фронтъ, гдѣ имѣются достаточные резервы и было бы лучше сосредоточить конницу въ окрестностяхъ Пскова.

Но Корниловъ остался при своемъ рѣшеніи.

— «Я, конечно, сейчасъ же отдамъ необходимыя распоряженія, но у меня получается, Лавръ Георгіевичъ, впечатлѣніе что Вы что-то не договариваете.

Выбранный Вами раіонъ для сосредоточенія конницы очень хорошъ на случай, если-бъ ее надо было бросить на Петроградъ, или на Москву; но, на мой взглядъ, онъ менѣе удаченъ, если идетъ рѣчь лишь объ усиленіи сѣвернаго фронта.

Если я не ошибаюсь и Вы дѣйствительно что-то не договариваете, то прошу — или отпустите меня на фронтъ, или полностью скажите мнѣ Ваши предположенія.

Начальникъ штаба можетъ оставаться на своемъ мѣстѣ лишь при полномъ довѣріи со стороны начальника».

Генералъ Корниловъ нѣсколько секундъ подумалъ и затѣмъ отвѣтилъ:

— «Вы правы. У меня есть нѣкоторыя соображенія, относительно которыхъ я съ Вами еще не говорилъ.

Прошу Васъ, сейчасъ же отдать распоряженіе о перемѣщеніи конницы и срочно вызовите сюда командира 3-го коннаго корпуса, генерала Крымова; а мы съ Вами подробно переговоримъ послѣ моего возвращенія изъ Петрограда».

9/22 Августа вечеромъ генералъ Корниловъ выѣхалъ въ Петроградъ.

Насколько уже къ этому времени сложились ненормальныя отношенія между генераломъ Корниловымъ и г. Керенскимъ, показываетъ слѣдующее.

8/21 и 9/22 Августа изъ Петрограда, изъ военнаго министерства, въ Ставку было сообщено частнымъ образомъ, что, по слухамъ, г. Керенскій рѣшилъ смѣстить генерала Корнилова съ поста Верховнаго Главнокомандующаго; что генералу Корнилову будетъ объ этомъ объявлено по пріѣздѣ его въ Петроградъ и будетъ предложено тамъ остаться; если же онъ не согласится и захочетъ вернуться въ армію, то будетъ арестованъ.

Генералъ Корниловъ одно время рѣшилъ отказаться отъ поѣздки въ Петроградъ, но, затѣмъ, измѣнилъ свое рѣшеніе и поѣхалъ, но поѣхалъ какъ въ непріятельскій станъ.

Для охраны былъ взятъ эскадронъ Текинскаго полка съ пулеметами.

По пріѣздѣ въ Петроградъ онъ поѣхалъ въ Зимній Дворецъ въ сопровожденіи текинцевъ съ двумя пулеметами. Эти пулеметы, послѣ входа генерала Корнилова въ Зимній Дворецъ, были сняты съ автомобиля и текинцы дежурили у подъѣзда Дворца, чтобы, въ случаѣ надобности, придти на помощь главнокомандующему.

Насколько эти слухи о предполагавшемся смѣщеніи Корнилова были вѣрны — я не знаю, но основаній для ихъ распространенія было много.

Послѣ іюньской катастрофы на Юго-Западномъ фронтѣ всѣ говорили о необходимости созданія твердой власти, независимой въ то же время отъ какихъ бы то ни было организацій.

Говорили и писали о диктатурѣ, мысль о которой не была чужда и Керенскому.

При своихъ поѣздкахъ на фронтъ, забывая о страхѣ, который онъ испытывалъ въ Петроградѣ передъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, Керенскій набирался храбрости и, со своими спутниками, неоднократно обсуждалъ вопросы о созданіи твердой власти, объ образованіи директоріи, или о передачѣ власти диктатору. А такъ какъ большинство этихъ спутниковъ и приближенныхъ Керенскаго, въ дѣйствительности, сердцемъ были ближе къ Ставкѣ, чѣмъ къ нему, то всѣ эти разговоры Керенскаго передавались намъ.

Волна революціи вынесла Керенскаго на верхъ и онъ, одно время, сталъ кумиромъ толпы.

Будучи крайне честолюбивымъ человѣкомъ, онъ, естественно, мечталъ объ укрѣпленіи власти, но въ своемъ лицѣ.

Между тѣмъ, съ назначеніемъ Верховнымъ Главнокомандующимъ генерала Корнилова, на котораго съ надеждой устремились глаза всѣхъ благомыслящихъ круговъ и, въ лицѣ котораго, они видѣли единственнаго человѣка, могущаго еще спасти Россію, Керенскій почувствовалъ соперника, который можетъ затмить его самого.

Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ открылъ первымъ кампанію противъ генерала Корнилова и, въ этомъ отношеніи, Керенскій, естественно, пошелъ по одному съ нимъ пути.

Слухи о предполагаемомъ увольненіи генерала Корнилова были въ Петроградѣ такъ упорны, что 9/22 Августа къ Керенскому была отправлена делегація отъ совѣта союза казачьихъ войскъ, которая заявила, что совѣтъ проситъ его сказать насколько справедливы эти слухи и сообщить ему,

отъ имени совѣта, что все казачество не допускаетъ мысли о возможности смѣны генерала Корнилова.

Керенскій отвѣтилъ, что эти слухи ни на чемъ не основаны и никто не предполагаетъ смѣщать Корнилова.

9/22 Августа, послѣ отъѣзда генерала Корнилова въ Петроградъ, отъ имени Керенскаго была получена телеграмма, что генерала Корнилова Временное Правительство проситъ не пріѣзжать; если же онъ все-таки поѣдетъ, то Временное Правительство снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за то, что можетъ произойти.

Мои ближайшіе помощники пришли ко мнѣ взволнованные, говоря, что телеграмма послана умышленно съ такимъ расчетомъ, чтобы она не застала Главнокомандующаго въ Ставкѣ; что указаніе на то, что Временное Правительство «снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность» — показываетъ, что можно, дѣйствительно, ожидать ареста генерала Корнилова.

Я ихъ успокоилъ, сказавъ, что на арестъ генерала Корнилова Керенскій пойти не рѣшится, а эту телеграмму надо понимать проще: такъ какъ Главнокомандующій, въ одной изъ предыдущихъ телеграммъ, самъ указывалъ, что оставлять Ставку ему нельзя изъ опасенія, чтобы на фронтѣ не случилось чего-нибудь въ его отсутствіи, то Керенскій, который просто не хочетъ видѣть Корнилова, въ своей телеграммѣ, подчеркиваетъ, что вся отвѣтственность за отъѣздъ изъ Ставки Главнокомандующаго остается на немъ самомъ, такъ какъ Временное Правительство его въ Петроградъ теперь не вызываетъ. Поздняя же присылка телеграммы — просто плохая работа военнаго министерства, или канцеляріи Керенскаго.

11/24 Августа, утромъ, генералъ Корниловъ вернулся изъ Петрограда.

Онъ возмущенно сталъ мнѣ разсказывать, что поѣздка его была напрасна; что Керенскій его водитъ за носъ, явно не желая выполнить свое обѣщаніе и провести въ жизнь его требованія; что на засѣданіи Временнаго Правительства только въ общихъ чертахъ были разсмотрѣны его требованія и поручено Савинкову разработать окончательный проектъ того, что надо ввести для поднятія дисциплины въ войскахъ и, затѣмъ, по соглашенію съ нимъ, Корниловымъ, все вновь внести на утвержденіе Временнаго Правительства.

«Какъ видите — только затягиваютъ время. Повидимому г-ну Керенскому не хочется, чтобы я ѣхалъ на Московское Государственное Совѣщаніе, но я поѣду и добьюсь, чтобы мои требованія были наконецъ приняты» — закончилъ Корниловъ.

Затѣмъ генералъ Корниловъ напомнилъ мнѣ, что, на засѣданіи Временнаго Правительства, 3/16 Августа (во время его предыдущей поѣздки въ Петроградъ), Савинковъ ему передалъ записку (которую читалъ и Керенскій), въ которой предупредилъ, что надо быть осторожнымъ и всего не говорить, такъ какъ это сейчасъ же станетъ извѣстнымъ Совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, а оттуда и нѣмцамъ.

«Я тогда просилъ, мнѣ сказать, при комъ именно нельзя всего говорить — и мнѣ назвали министра земледѣлія Чернова.

Вотъ Вамъ и Временное Правительство, въ составѣ котораго сидятъ завѣдомые предатели! Не мудрено, что не хотятъ проводить въ жизнь моихъ требованій».

Послѣ этого генералъ Корниловъ вернулся къ разговору, бывшему у меня съ нимъ до его поѣздки въ Петроградъ.

— «Какъ Вамъ извѣстно, всѣ донесенія нашей контръ-развѣдки сходятся на томъ, что новое выступленіе большевиковъ произойдетъ въ Петроградѣ въ концѣ этого мѣсяца; указываютъ на 28—29 Августа (10—11 Сентября). Германіи необходимо заключить съ Россіей сепаратный миръ и свои арміи, находящіяся на нашемъ фронтѣ, бросить противъ французовъ и англичанъ.

Германскіе агенты — большевики, какъ присланные нѣмцами въ запломбированныхъ вагонахъ, такъ и мѣстные, на этотъ разъ примутъ всѣ мѣры, чтобы произвести переворотъ и захватить власть въ свои руки.

По опыту 20 Апрѣля (3 Мая) и 3—4 (16—17 Іюля) я убѣжденъ, что слизняки, сидящіе въ составѣ Временнаго Правительства, будутъ сметены, а если, чудомъ, Временное Правительство останется у власти, то, при благосклонномъ участіи такихъ господъ, какъ Черновы, главари большевиковъ и Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ останутся безнаказанными.

Пора съ этимъ покончить.

Пора нѣмецкихъ ставленниковъ и шпіоновъ, во главѣ съ Ленинымъ, повѣсить, а Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ разогнать, да разогнать такъ, чтобы онъ нигдѣ и не собрался!

Вы правы. Конный корпусъ я передвигаю главнымъ образомъ для того, чтобы къ концу Августа его подтянуть къ Петрограду и, если выступленіе большевиковъ состоится, то расправиться съ предателями Родины, какъ слѣдуетъ.

Руководство этой операціей я хочу поручить генералу Крымову.

Я убѣжденъ, что онъ не задумается, въ случаѣ если это понадобится, перевѣшать весь составъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Противъ Временнаго Правительства я не собираюсь выступать. Я надѣюсь, что мнѣ, въ послѣднюю минуту, удастся съ нимъ договориться.

Но впередъ ничего никому говорить нельзя, такъ какъ гг. Керенскіе, а тѣмъ болѣе Черновы, на все это не согласятся и всю операцію сорвутъ.

Если же мнѣ не удалось бы договориться съ Керенскимъ и Савинковымъ, то возможно, что придется ударить по большевикамъ и безъ ихъ согласія. Но затѣмъ они же будутъ мнѣ благодарны и можно будетъ создать необходимую для Россіи твердую власть, независимую отъ всевозможныхъ предателей.

Я лично ничего не ищу и не хочу. Я хочу только спасти Россію и буду безпрекословно подчиняться Временному Правительству, очищенному и укрѣпившемуся.

Пойдете ли Вы со мной до конца и вѣрите ли, что лично для себя я ничего не ищу?»

Я, зная генерала Корнилова, какъ безусловно честнаго и преданнаго родинѣ человѣка, отвѣтилъ, что вѣрю ему, вполнѣ раздѣляю его взглядъ и пойду съ нимъ до конца.

Вотъ начало и основа всего заговора, въ которомъ потомъ Временное Правительство обвиняло генерала Корнилова и меня.

Послѣ этого я сказалъ генералу Корнилову, что все надо хорошенько обдумать, постараться предусмотрѣть всѣ случайности и сдѣлать такъ, чтобы бить навѣрняка. Я просилъ поручить мнѣ все это обдумать.

Генералъ Корниловъ мнѣ отвѣтилъ:

«Теперь я Васъ прошу никакой арміи не принимать, а остаться у меня начальникомъ штаба.

До сихъ поръ я съ Вами не говорилъ, предполагая, что Вы захотите принять армію.

Я уже кой-что подготовилъ и, по моимъ указаніямъ, полковникъ Лебедевъ и капитанъ Роженко разрабатываютъ всѣ детали.

У Васъ, какъ у начальника штаба, слишкомъ много работы, а потому уже довѣрьтесь, что я лично за всѣмъ присмотрю и все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ.

Во все это посвящены еще мой ординарецъ Завойко и адъютантъ полковникъ Голицынъ».

Я, къ сожалѣнію, на это согласился, и никакого участія въ разработкѣ операціи не принималъ.

Какъ послѣдующее показало, самъ генералъ Корниловъ, за неимѣніемъ времени, подготовкой операціи не руководилъ, а исполнители, не исключая и командира корпуса, генерала Крымова, отнеслись къ дѣлу болѣе, чѣмъ легкомысленно, что и было одной изъ главныхъ причинъ, почему операція впослѣдствіи сорвалась.

12/25 Августа въ Ставку пріѣхалъ генералъ Крымовъ, но такъ какъ генералъ Корниловъ, до отъѣзда въ Москву на Государственное Совѣщаніе, не имѣлъ времени съ нимъ переговорить, то предложилъ ему, ѣхать съ нимъ въ Москву, чтобы переговорить дорогой.

Государственное Совѣщаніе было созвано въ Москвѣ въ цѣляхъ выясненія средствъ для спасенія родины.

13/26 Августа генералъ Корниловъ пріѣхалъ въ Москву, которая встрѣтила его очень торжественно.

Въ тотъ же день генерала Корнилова предупредили, что Керенскій не доволенъ встрѣчею, которую Москва устроила Верховному Главнокомандующему и этимъ подчеркнула, что видитъ въ немъ человѣка, способнаго спасти родину. При этомъ генералу Корнилову сказали, что Керенскій приметъ всѣ мѣры, чтобы помѣшать ему выступить на Государственномъ Совѣщаніи.

Дѣйствительно, вечеромъ 13/26, въ поѣздъ Главнокомандующаго прибылъ одинъ изъ членовъ Временнаго Правительства и, ссылаясь на то, что всѣ ораторы уже расписаны, что Керенскій скажетъ относительно арміи все, что надо, совѣтовалъ генералу Корнилову съ рѣчью не выступать.

Но генералъ Корниловъ потребовалъ, чтобы ему было дано слово и на утреннемъ засѣданіи Государственнаго Совѣщанія 14/27 Августа выступилъ съ рѣчью.

Онъ опредѣленно сказалъ, что у него нѣтъ увѣренности въ томъ, что русская армія выполнитъ свой долгъ передъ родиной.

Указалъ, что въ арміи развалъ и продолжаются убійства офицеровъ озвѣрѣвшими солдатами.

Прочиталъ рядъ послѣднихъ телеграммъ о кошмарныхъ, хулиганскихъ убійствахъ чиновъ командного состава.

Указалъ, что дезертирство продолжается и анархія въ арміи развивается.

Указалъ, что на югѣ опасность угрожаетъ плодороднымъ губерніямъ, а на сѣверѣ, если не будетъ удержанъ Рижскій заливъ, то непосредственная опасность будетъ угрожать Петрограду.

Затѣмъ генералъ Корниловъ указалъ, что для спасенія арміи и Россіи необходимо ввести въ арміи желѣзную дисциплину, возстановить властъ начальниковъ и престижъ корпуса офицеровъ.

Указавъ на разруху въ тылу, вслѣдствіе которой армія начинаетъ голодать, а производительность фабрикъ и заводовъ падаетъ, требовалъ принятія немедленныхъ и самыхъ рѣшительныхъ мѣръ противъ развала арміи и тыла.

Заявилъ, что правительство занимается попустительствомъ и не утверждаетъ для спасенія арміи тѣхъ необходимыхъ мѣръ, на которыхъ онъ неоднократно настаивалъ.

Всѣ участники Совѣщанія, кромѣ представителей Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, горячо привѣтствовали Корнилова и въ своихъ рѣчахъ настаивали на проведеніи въ жизнь намѣченныхъ имъ реформъ.

Послѣ своей рѣчи на Совѣщаніи Корниловъ сейчасъ же выѣхалъ въ Могилевъ.

Въ бытность въ Москвѣ онъ видѣлся съ донскимъ атаманомъ Калединымъ, съ предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко и съ представителями разныхъ общественныхъ организацій и политическихъ партій.

Разговоры съ ними его убѣдили, что требованія, имъ предъявляемыя, будутъ поддержаны и укрѣпили въ немъ увѣренность въ правильности его рѣшеній.

Послѣ возвращенія въ Могилевъ Корниловъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія возбужденныхъ имъ вопросовъ.

Керенскій и Савинковъ прислали телеграммы, что разработка мѣропріятій, требующихся для возстановленія дисциплины въ арміи, заканчивается и что Савинковъ, въ ближайшіе дни, пріѣдетъ въ Могилевъ для окончательнаго согласованія вопросовъ съ Корниловымъ, послѣ чего все намѣченное будетъ немедленно утверждено Временнымъ Правительствомъ.

Между тѣмъ, свѣдѣнія, поступавшія изъ Петрограда, подтверждали, что выступленіе большевиковъ состоится въ концѣ мѣсяца.

Въ Петроградѣ, еще раньше, нѣсколькими лицами было образовано тайное общество съ цѣлью формировать отряды самообороны на случай большевистскаго выступленія.

Полковникъ генеральнаго штаба Лебедевъ, поддерживавшій связь съ лицами, стоявшими во главѣ этой организаціи, предложилъ Корнилову войти съ ними въ непосредственное сношеніе и вызвать ихъ въ Могилевъ.

Генералъ Корниловъ согласился, и вызванные (два инженера путей сообщеній) пріѣхали.

Они доложили Корнилову, что въ ихъ распоряженіи имѣется около двухъ тысячъ человѣкъ отлично вооруженныхъ, но офицеровъ мало. Набирать широко среди офицеровъ Петроградскаго гарнизона они не рискуютъ, опасаясь, что кто-нибудь проболтается и что ихъ организація можетъ быть раскрыта что они просятъ генерала Корнилова прислать въ Петроградъ къ концу Августа человѣкъ сто офицеровъ и они ручаются, что, въ случаѣ выступленія большевиковъ, они сыграютъ крупную роль.

Генералъ Корниловъ согласился, сказавъ, что офицеры могуть быть посланы съ фронта подъ видомъ отпускныхъ. Распоряженіе объ этомъ должно было быть сдѣлано черезъ союзъ офицеровъ *.

Было условлено, что все должно быть подготовлено къ 26 Августа (8 Сентября) и, въ случаѣ выступленія большевиковъ, при приближеніи къ Петрограду корпуса генерала Крымова, эта организація должна въ Петроградѣ выступить, занять Смольный Институтъ (гдѣ помѣщался Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ) и постараться арестовать большевистскихъ главарей.

Въ Ставку пріѣхали, кромѣ указанныхъ инженеровъ, членъ 1-й Государственной Думы Аладьинъ и нѣкій Добрынскій.

Я ихъ прежде не зналъ.

Генералъ Корниловъ съ г. Аладьинымъ познакомился, насколько мнѣ извѣстно, въ бытность свою главнымъ начальникомъ Петроградскаго округа, а Добрынскаго, кажется, рекомендовалъ ему Завойко.

Оба они никакого участія и никакой роли въ такъ называемомъ выступленіи Корнилова не играли.

Аладьинъ просилъ разрѣшенія пріѣхать въ Ставку, и генералъ Корниловъ его пригласилъ, считая, что онъ, какъ одинъ изъ видныхъ членовъ 1-й Государственной Думы, можетъ быть вообще полезенъ; Добрынскаго Корниловъ считалъ полезнымъ, какъ человѣка, имѣющаго, яко бы, большія связи среди горскаго и казачьяго населенія.

При описаніи, впослѣдствіи, Корниловскаго выступленія были указанія, что, какъ эти лица, такъ и ординарецъ ген. Корнилова, Завойко, имѣли громадное вліяніе на Корнилова и принимали какое-то выдающееся участіе въ подготовкѣ выступленія, получая отъ Корнилова особыя порученія.

Повторяю, что ни Аладьинъ, ни Добрынскій никакой роли не играли.

Что же касается ординарца Корнилова, Завойко (крупный подольскій помѣщикъ; бывшій уѣздный предводитель дворянства), то, вообще, его роль при Корниловѣ была довольно значительная, такъ какъ Завойко отлично владѣлъ перомъ и Корниловъ поручалъ ему составлять нѣкоторыя бумаги, лично отъ него исходящія. Кромѣ того, Завойко сумѣлъ заслужить полное довѣріе Корнилова, и послѣдній нерѣдко поручалъ ему отъ своего имени сноситься съ тѣми или иными лицами.

Къ сожалѣнію, послѣ Московскаго Государственнаго Совѣщанія, Корниловъ говорилъ очень многимъ изъ пріѣзжавшихъ въ Ставку о своемъ рѣшеніи раздѣлаться съ большевиками и Петроградскимъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Это рѣшеніе Корнилова, въ сущности говоря, перестало быть секретомъ и, если не все, то кой-что дошло и до Петрограда.

Я глубоко убѣжденъ, что тревожные слухи, дошедшіе до Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, заставили ихъ отложить намѣчавшееся

---

* Въ іюнѣ, съ цѣлью объединить офицеровъ, поддерживать между ними связь и объединить ихъ усилія для прекращенія развала арміи, былъ образованъ союзъ офицеровъ.

При ставкѣ находился центральный органъ управленія союза офицеровъ, а на мѣстахъ въ штабахъ армій, корпусовъ, дивизій и въ каждой отдѣльной части войскъ были свои отдѣленія союза офицеровъ.

выступленіе большевиковъ въ Петроградѣ и настоять, чтобы Керенскій покончилъ съ Корниловымъ.

При настроеніи же Керенскаго, видѣвшаго въ лицѣ Корнилова опаснаго соперника, онъ схватился за этотъ случай, дабы спровоцировать выступленіе Корнилова и отъ него отдѣлаться.

Наконецъ, 24 Августа (6 Сентября) пріѣхалъ въ Ставку давно ожидавшійся управляющій военнымъ министерствомъ Савинковъ.

Я пришелъ вмѣстѣ съ нимъ въ кабинетъ Корнилова.

Поздоровавшись, г. Савинковъ сказалъ Главнокомандующему, что у него есть къ нему порученіе отъ Временнаго Правительства, которое онъ хотѣлъ бы передать ему съ глазу на глазъ.

Я ушелъ къ себѣ.

Примѣрно черезъ часъ, Корниловъ меня позвалъ и сказалъ, что Савинковъ привезъ проекты намѣченныхъ мѣропріятій для возстановленія дисциплины въ арміи.

Главнокомандующій добавилъ, что, повидимому, всѣ его требованія принимаются; что онъ проситъ меня, разсмотрѣть матеріалъ, привезенный ему Савинковымъ, и доложить ему до обѣда; что послѣ обѣда, въ моемъ присутствіи, онъ окончательно договорится съ Савинковымъ, а въ 8 часовъ вечера Савинковъ проситъ принять пріѣхавшаго съ нимъ начальника канцеляріи, полковника Барановскаго, и тогда нужно будетъ переговорить о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимо принять въ Петроградѣ, дабы предупредить предполагаемое выступленіе большевиковъ.

Затѣмъ генералъ Корниловъ сказалъ, что съ Савинковымъ пріѣхалъ въ Могилевъ начальникъ контръ-развѣдки въ военномъ министерствѣ и что Савинковъ проситъ разрѣшеніе произвести, если понадобится, аресты нѣкоторыхъ чиновъ Ставки.

— «Такимъ образомъ, пріѣздъ Савинкова сюда связанъ не только съ рѣшеніемъ договориться со мной, добавилъ Корниловъ, но и съ какимъ-то разслѣдованіемъ дѣйствія чиновъ Ставки.

Я сказалъ, что пусть выясняютъ, что хотятъ, но что, безъ своего разрѣшенія, я не допускаю никакихъ арестовъ».

Я пошелъ разсматривать матеріалъ, привезенный Савинковымъ.

Изъ разсмотрѣнія привезенныхъ документовъ, я увидѣлъ, что кругъ вѣдѣнія оставляемыхъ по проекту въ войскахъ комиссаровъ и комитетовъ недостаточно суженъ и, особенно комиссарамъ, дается широкое право вмѣшиваться въ распоряженія командного состава, если только они не касаются боевыхъ распоряженій.

Послѣднее же время генералъ Корниловъ рѣшилъ настаивать на полномъ упраздненіи комитетовъ и комиссаровъ.

Я все это доложилъ Верховному Главнокомандующему.

Послѣ обѣда Савинковъ и я пошли въ кабинетъ къ Корнилову.

Савинковъ настаивалъ на необходимости сохранить комиссаровъ и комитеты, соглашаясь, сократить кругъ ихъ вѣдѣнія и болѣе точно его опредѣлить; генералъ Корниловъ настаивалъ на ихъ упраздненіи.

Въ концѣ концовъ закончили тѣмъ, что желаніе Верховнаго Главнокомандующаго будетъ доложено Временному Правительству; но, если согласія на полное упраздненіе комиссаровъ и комитетовъ не послѣдуетъ, то придется ограничиться суженіемъ ихъ правъ.

Въ остальномъ разногласій не было.

Когда было закончено разсмотрѣніе привезенныхъ матеріаловъ, Савинковъ сказалъ Корнилову, что надо договориться относительно того, какъ обезвредить Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, который, конечно, будетъ категорически протестовать противъ принятія требованій генерала Корнилова; что Временное Правительство, не взирая на протесты этого Совѣта, утвердитъ тотъ проектъ, который теперь согласованъ съ проектомъ Верховнаго Главнокомандующаго; но что, конечно, немедленно послѣдуетъ выступленіе большевиковъ, которое нужно будетъ подавить самымъ безпощаднымъ образомъ, покончивъ одновременно и съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, если послѣдній поддержитъ большевиковъ; что гарнизонъ Петрограда не достаточно надеженъ и что необходимо немедленно подвести къ Петрограду надежныя конныя части; что, ко времени подхода этихъ частей къ Петрограду, столицу съ ея окрестностями необходимо объявить на военномъ положеніи; что все это онъ говоритъ въ полномъ согласіи со взглядами предсѣдателя Временнаго Правительства, Керенскаго, и что съ нимъ, Савинковымъ, пріѣхалъ начальникъ канцеляріи Керенскаго, полковникъ Барановскій, для точнаго установленія границъ раіона, который надо будетъ объявить на военномъ положеніи; что о времени подхода корпуса къ Петрограду онъ проситъ генерала Корнилова телеграфировать, и Петроградъ съ окрестностями будетъ немедленно объявленъ на военномъ положеніи.

— «Объявленіе столицы съ окрестностями на военномъ положеніи необходимо, такъ какъ это облегчитъ намъ возможность примѣнить самыя рѣшительныя мѣры для подавленія ожидаемаго большевистскаго выступленія» — добавилъ Савинковъ.

«Я надѣюсь, Лавръ Георгіевичъ, что назначенный Вами начальникъ отряда сумѣетъ рѣшительно и безпощадно расправиться и съ большевиками, и съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, если послѣдній поддержитъ большевиковъ». *

Генералъ Корниловъ отвѣтилъ, что Савинковъ можетъ не безпокоиться; что онъ приметъ мѣры къ тому, чтобы, въ случаѣ выступленія большевиковъ, расправа съ ними и съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ была должная.

Было уже 8 часовъ вечера и въ кабинетъ Корнилова были приглашены генералъ-квартирмейстеръ Романовскій и начальникъ канцеляріи Керенскаго, Барановскій.

При нихъ Савинковъ еще разъ повторилъ о томъ, что, послѣ утвержденія Временнымъ Правительствомъ согласованныхъ съ требованіями Главнокомандующаго мѣропріятій, неминуемо въ Петроградѣ выступленіе большевиковъ; что, для подавленія этого выступленія, генералъ Корниловъ, въ полномъ согласіи съ Временнымъ Правительствомъ, направляетъ къ Петрограду конный корпусъ и что теперь надо опредѣлить тотъ раіонъ, который необходимо объявить на военномъ положеніи при приближеніи корпуса къ Петрограду.

---

* Беря въ ковычкахъ заявленіе Савинкова, я долженъ оговориться, что, можетъ быть, память мнѣ измѣняетъ и я передаю его слова не совсѣмъ точно, но суть и смыслъ передаю безусловно вѣрно.

Требуемый раіонъ, при участіи полковника Барановскаго, былъ опредѣленъ и онъ взялъ себѣ экземпляръ карты, на которомъ раіонъ былъ очерченъ.

Прощаясь съ Корниловымъ, Савинковъ выразилъ увѣренность, что все пройдетъ хорошо и, неожиданно для насъ, добавилъ:

«Только начальникомъ отряда не назначайте генерала Крымова».

На это Корниловъ ничего не отвѣтилъ.

Послѣ отъѣзда Савинкова и Барановскаго въ кабинетъ Корнилова были приглашены Крымовъ, Завойко и Аладьинъ.

Корниловъ имъ передалъ все, что было сказано Савинковымъ и добавилъ, что теперь все, дѣйствительно, согласовано съ Временнымъ Правительствомъ, что никакихъ треній не будетъ и все пройдетъ великолѣпно.

Я на это сказалъ, что все это такъ хорошо, что даже страшно, нѣтъ ли здѣсь подкопа? Все, сказанное Савинковымъ, настолько согласуется съ нашими предложеніями, что получается впечатлѣніе — какъ будто Савинковъ или присутствовалъ при нашихъ разговорахъ, или . . . очень хорошо о нихъ освѣдомленъ. Я прибавилъ, что упоминаніе его о неназначеніи Крымова мнѣ не нравится и меня безпокоитъ.

Генералъ Корниловъ сталъ мнѣ возражать, говоря, что я слишкомъ мнительный, что Савинковъ просто умный человѣкъ, понимаетъ обстановку, и, естественно, пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, къ которымъ пришли и мы; что упоминаніе про Крымова вполнѣ естественно, такъ какъ Савинковъ знаетъ, что будетъ къ Петрограду двинутъ 3-й конный корпусъ, которымъ командуетъ генералъ Крымовъ; что Крымовъ извѣстенъ своей рѣшительностью и Савинковъ просто боится, что онъ повѣситъ лишнихъ 20—30 человѣкъ; но что это замѣчаніе Савинкова не важно — онъ самъ, впослѣдствіи, будетъ доволенъ, что назначенъ командовать отрядомъ именно генералъ Крымовъ.

Но меня эти увѣренія мало успокоили и я попросилъ, на всякій случай, запротоколировать все, что было сказано Савинковымъ въ присутствіи Романовскаго и Барановскаго.

Генералъ Романовскій это исполнилъ и протоколъ былъ подписанъ Корниловымъ, мною и Романовскимъ (впослѣдствіи онъ былъ опубликованъ).

Генералу Крымову было предложено немедленно отправиться къ корпусу и начать перевозки для сосредоточенія къ Петрограду.

25 Августа (7 Сентября), утромъ, когда я пришелъ съ докладомъ къ генералу Корнилову, онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее:

24 Августа (6 Сентября), вечеромъ, въ Могилевъ пріѣхалъ В. Н. Львовъ (бывшій оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода) и хотѣлъ тогда же видѣть Корнилова, но, такъ какъ Главнокомандующій былъ занятъ и не могъ его принять, онъ явился утромъ 25 Августа (7 Сентября).

В. Н. Львовъ сказалъ, что онъ является къ Верховному Главнокомандующему, въ качествѣ лица, уполномоченнаго министромъ-предсѣдателемъ, Керенскимъ, выяснить точку зрѣнія Корнилова на вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ способѣ созданія сильной власти. Керенскій считаетъ возможнымъ три варіанта:

Согласно первому — диктаторская власть сохраняется за нимъ, Керенскимъ, и при немъ будетъ сформировано правительство въ новомъ составѣ;

по второму — диктаторской властью может быть облечено небольшое правительство въ составѣ трехъ-четырехъ лицъ (въ число ихъ долженъ войти и Верховный Главнокомандующій); по третьему — диктаторская власть можетъ быть сосредоточена въ лицѣ Верховнаго Главнокомандующаго, при которомъ должно быть образовано правительство.

При этомъ В. Н. Львовъ спросилъ, считаетъ ли желательнымъ генералъ Корниловъ, чтобы, въ случаѣ принятія третьяго варіанта, въ составъ кабинета вошли Керенскій и Савинковъ.

Генералъ Корниловъ высказался за третій варіантъ, сказавъ, что сохраненіе въ составѣ кабинета Керенскаго и Савинкова онъ считаетъ нужнымъ и уполномочилъ В. Н. Львова передать Керенскому и Савинкову, что признаетъ ихъ пріѣздъ въ Ставку необходимымъ и при этомъ срочный, такъ какъ, въ виду возможныхъ событій въ Петроградѣ, онъ, во-первыхъ, опасается за личную ихъ безопасность въ столицѣ, а, во-вторыхъ, ихъ присутствіе въ Ставкѣ желательно для разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ, которые, конечно, возникнутъ.

Я спросилъ генерала Корнилова, было ли у В. Н. Львова какое-нибудь письменное удостовѣреніе.

— «Нѣтъ, у него ничего не было. Свои вопросы онъ мнѣ прочиталъ по отмѣткамъ въ своей записной книжкѣ и въ нее же занесъ мой отвѣтъ. Репутація у В. Н. Львова — человѣка безукоризненно порядочнаго и я ему не могъ не повѣрить».

— «Что онъ высоко-порядочный человѣкъ — въ этомъ и у меня нѣтъ сомнѣній, но что у него репутація путаника — это тоже вѣрно. Но, кромѣ того, мнѣ вообще это порученіе Керенскаго, передаваемое Вамъ черезъ Львова, не нравится. Я боюсь, не затѣваетъ ли Керенскій какой-нибудь гадости. Все это очень странно. Почему Савинковъ ничего не зналъ, или ничего не сказалъ? Почему дается порученіе Львову, въ то время, когда въ Ставку ѣдетъ Савинковъ? Дай Богъ, чтобы я ошибался, но мнѣ все это очень не нравится и я опасаюсь Керенскаго».

Корниловъ опять назвалъ меня слишкомъ мнительнымъ; сказалъ, что Львовъ выѣхалъ изъ Петрограда позже Савинкова и этимъ можно объяснить неосвѣдомленность послѣдняго; что онъ вѣритъ, въ данномъ случаѣ, искренности Керенскаго, такъ какъ, въ сущности говоря, мысль о созданіи диктатуры или директоріи уже обсуждалась Керенскимъ и прежде.

26 Августа (8 Сентября) Савинкову, согласно условію, была послана слѣдующая телеграмма:

«Корпусъ сосредоточится въ окрестностяхъ Петрограда къ вечеру 28 Августа. Прошу объявить Петроградъ на военномъ положеніи 29 Августа. Номеръ 6394. Генералъ Корниловъ».

26 Августа (8 Сентября) Керенскій вызвалъ генерала Корнилова къ прямому проводу и попросилъ его, «подтвердить, уполномочилъ ли онъ В. Н. Львова передать ему свои предположенія».

Генералъ Корниловъ отвѣтилъ:

«Подтверждаю, что я уполномочилъ В. Н. Львова передать Вамъ свои предположенія».

Затѣмъ Керенскій спросилъ, продолжаетъ ли Корниловъ считать желательнымъ безотлагательное прибытіе въ Ставку его и Савинкова.

Корниловъ отвѣтилъ утвердительно, на что послѣдовалъ отвѣтъ Керенскаго, что «сегодня, въ субботу, уже поздно выѣзжать и отъѣздъ придется отложить до воскресенія».

Корниловъ сказалъ, что будетъ ожидать ихъ обоихъ въ понедѣльникъ 28 Августа (10 Сентября).

Необходимо отмѣтить, — это впослѣдствіи призналъ и генералъ Корниловъ, что онъ, говоря по прямому проводу съ Керенскимъ, поступилъ невѣроятно необдуманно, не спросивъ Керенскаго, что именно передалъ ему Львовъ.

А на этомъ именно и сыгралъ Керенскій; онъ отрекся отъ того, что онъ самъ послалъ Львова къ Корнилову; приказалъ Львова арестовать; объявилъ въ засѣданіи Временнаго Правительства о нагломъ требованіи Корнилова предоставить ему (Корнилову) диктаторскую власть и потребовалъ отъ Временнаго Правительства постановленія о смѣщеніи генерала Корнилова съ поста Верховнаго Главнокомандующаго.

Между тѣмъ генералъ Корниловъ такъ былъ увѣренъ, что все идетъ отлично и что онъ дѣйствуетъ въ полной согласованности съ Временнымъ Правительствомъ, что, когда поздно вечеромъ 26 Августа (8 Сентября) я зашелъ къ нему въ кабинетъ что-то доложить, я засталъ его за составленіемъ проекта списка будущихъ министровъ.

— «Вотъ я составляю проектъ состава будущаго кабинета. Къ пріѣзду Керенскаго и Савинкова я рѣшилъ все это подготовить и съ ними столковаться. Но я буду радъ, если меня избавятъ отъ необходимости принять диктаторскія полномочія. Будетъ, пожалуй, много лучше, если будетъ образовано мощное правительство въ составѣ 3—4 лицъ, со включеніемъ, конечно, въ него и меня — какъ Верховнаго Главнокомандующаго».

Въ тотъ же вечеръ генералъ Корниловъ послалъ въ Москву телеграмму предсѣдателю Государственной Думы Родзянко, прося его, вмѣстѣ съ другими общественными дѣятелями, пріѣхать въ Ставку къ утру 28 Августа (10 Сентября).

Но, конечно, когда развернулись послѣдующія событія, никто изъ общественныхъ дѣятелей, такъ горячо поддержавшихъ Корнилова въ Москвѣ на Государственномъ Совѣщаніи, въ Ставку не пріѣхалъ.

27 Августа (9 Сентября), въ 7 часовъ утра, ко мнѣ пришелъ генералъ-квартирмейстеръ, генералъ Романовскій, и принесъ телеграмму, адресованную генералу Корнилову и мнѣ.

Въ телеграммѣ указывалось, что генералъ Корниловъ освобождается отъ должности Верховнаго Главнокомандующаго, что ему надлежитъ немедленно прибыть въ Петроградъ, а мнѣ предлагается временно вступить въ исполненіе должности Верховнаго Главнокомандующаго.

Телеграмма была подписана просто «Керенскій» и была даже безъ номера.

Я пошелъ къ генералу Корнилову.

Эта телеграмма для Главнокомандующаго была страшнымъ ударомъ.

Рушилась надежда на спасеніе арміи, на спасеніе родины.

Ясно стало, что Керенскій, отстраняя Корнилова, пойдетъ дальше по пути соглашательства съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ;

ясно стало, что большевики возьмутъ верхъ и все, еще не развалившееся въ арміи и государственномъ механизмѣ, окончательно рухнетъ.

Генералъ Корниловъ, прочитавъ телеграмму, спросилъ меня: «что же Вы предполагаете дѣлать?»

Я на это отвѣтилъ, что считаю для себя совершенно невозможнымъ принимать должность Верховнаго Главнокомандующаго и сейчасъ составлю отвѣтную телеграмму.

Корниловъ мнѣ сказалъ:

«Да, обстановка такова, что я долженъ оставаться на своемъ посту до конца.

Я долженъ добиться, чтобы Временное Правительство провело въ жизнь мои требованія.

Пошлите сейчасъ же телеграмму Крымову, чтобы онъ ускорилъ сосредоточеніе своихъ войскъ къ Петрограду».

Я послалъ предсѣдателю Временнаго Правительства телеграмму, въ которой указалъ:

Что всѣ, близко стоящіе къ военному дѣлу, отлично сознавали, что, при создавшейся обстановкѣ и при фактическомъ руководствѣ и направленіи внутренней политики безотвѣтственными организаціями, а также громаднаго, разлагающаго вліянія этихъ организацій на армію, послѣднюю возсоздать не удастся, а, наоборотъ, армія, какъ таковая, должна окончательно развалиться черезъ 2-3 мѣсяца и тогда Россія принуждена будетъ заключить позорный сепаратный миръ, послѣдствія котораго будутъ для нея ужасны; — что правительство принимало полумѣры, которыя, ничего не исправляя, лишь затягивали агонію и, спасая революцію, не спасали Россію; — что для спасенія Россіи, прежде всего, необходимо создать дѣйствительно сильную власть и оздоровить тылъ; — что генералъ Корниловъ предъявилъ рядъ требованій, проведеніе коихъ въ жизнь затягивалось; — что генералъ Корниловъ, не преслѣдуя никакихъ честолюбивыхъ замысловъ, считалъ необходимымъ, принять болѣе рѣшительныя мѣры, которыя обезпечили бы водвореніе порядка въ арміи и странѣ; — что пріѣздъ Савинкова и Львова, сдѣлавшихъ предложеніе генералу Корнилову въ томъ же смыслѣ отъ его имени (Керенскаго), лишь заставили принять окончательное рѣшеніе, отмѣнять которое уже поздно.

Закончилъ я такъ:

«Почитаю долгомъ совѣсти, имѣя въ виду лишь пользу родины, опредѣленно Вамъ заявить, что теперь остановить начатое, съ Вашего одобренія, дѣло не возможно; это поведетъ лишь къ гражданской войнѣ, окончательному разложенію арміи и позорному сепаратному миру . . .

Ради спасенія Россіи Вамъ необходимо идти съ генераломъ Корниловымъ, а не смѣщать его . . .

Я лично не могу принять на себя отвѣтственность за армію, хотя бы на короткое время, и не считаю возможнымъ принимать должность отъ генерала Корнилова . . .»

Черезъ нѣсколько времени послѣ отправки этой телеграммы управляющій военнымъ министерствомъ, Савинковъ, вызвалъ генерала Корнилова къ прямому проводу и имѣлъ съ нимъ длинное объясненіе, заявивъ, что соображенія, изложенныя въ телеграммѣ генерала Лукомскаго, не соотвѣтствуютъ

истинѣ и являются клеветой на него, Савинкова, не предлагавшаго никакихъ политическихъ комбинацій. *

Далѣе Савинковъ упрекнулъ Корнилова въ томъ, что послѣдній стремится къ диктатурѣ изъ личныхъ цѣлей; въ преступленіи противъ родины, заключающемся въ томъ, что онъ содѣйствуетъ торжеству императора Вильгельма, открывая фронтъ; въ томъ, что не онъ, Савинковъ, виноватъ, что ему не удалось сблизить Корнилова съ демократіей.

Въ заключеніе онъ обратился къ патріотизму и чувству долга генерала Корнилова, приглашая его, подчиниться приказанію Временнаго Правительства и сдать должность Верховнаго Главнокомандующаго.

Генералъ Корниловъ отвѣтилъ, что ему не приходится учиться чувству долга и преданности къ родинѣ у кого либо изъ членовъ Временнаго Правительства, что эту преданность онъ доказалъ неоднократно; что именно сознаніе своего долга передъ родиной налагаетъ на него тяжелую и отвѣтственную обязанность, остаться на своемъ посту.

Вмѣстѣ съ этимъ, отвергая мысль о какихъ либо личныхъ честолюбивыхъ замыслахъ, Корниловъ устанавливалъ, что къ Керенскому не онъ посылалъ Львова, а послѣдній самъ явился въ качествѣ посланца министра-предсѣдателя, предлагавшаго, въ числѣ прочихъ комбинацій, ту, при которой главнымъ объединяющимъ лицомъ былъ бы онъ, Корниловъ.

Савинковъ призналъ, что посредничество Львова было несчастнымъ.

Однако приказаніе Временнаго Правительства объ оставленіи генераломъ Корниловымъ своего поста не было отмѣнено, несмотря на признаніе Савинковымъ возможнаго недоразумѣнія, на коемъ оно было основано.

28 Августа (10 Сентября) постъ Верховнаго Главнокомандующаго былъ предложенъ главнокомандующему сѣвернаго фронта, генералу Клембовскому, съ указаніемъ, что ему надлежитъ оставаться въ Псковѣ.

Генералъ Клембовскій, придравшись къ этому указанію, отъ предложенія отказался, указавъ, что изъ Пскова управлять невозможно.

Всѣ главнокомандующіе и многіе изъ командующихъ арміями выразили свою солидарность съ генераломъ Корниловымъ, пославъ объ этомъ телеграммы Керенскому и въ Ставку.

28 Августа (10 Сентября) генералъ Корниловъ всюду, по телеграфу, приказалъ разослать слѣдующее воззваніе:

«Я, верховный главнокомандующій Корниловъ, передъ лицомъ всего народа объявляю, что долгъ солдата, самоотверженность гражданина свободной Россіи и беззавѣтная любовь къ родинѣ заставили меня въ эти тяжелыя минуты бытія отечества не подчиниться приказанію Временнаго Правительства и оставить за собой верховное командованіе арміей и флотомъ. Поддержанный въ этомъ рѣшеніи всѣми главнокомандующими фронта, —

---

* Ясно, что Савинковъ, не достаточно вдумавшись, мои выраженія въ телеграммѣ: «пріѣздъ Савинкова и Львова, сдѣлавшихъ предложеніе генералу Корнилову въ томъ же смыслѣ отъ Вашего имени, лишь заставилъ генерала Корнилова . . .», и «Ваша сегодняшняя телеграмма указываетъ, что рѣшеніе, принятое прежде Вами и сообщенное отъ Вашего имени Савинковымъ и Львовымъ, теперь измѣнилось . . .» — понялъ въ томъ смыслѣ, что я указываю, что онъ, какъ и Львовъ, дѣлалъ предложеніе Корнилову о переустройствѣ власти.

Между тѣмъ, я имѣлъ въ виду два совершенно различныхъ предложенія: Львова — о переустройствѣ власти и Савинкова — о посылкѣ къ Петрограду коннаго корпуса для подавленія ожидаемаго выступленія большевиковъ.

я заявляю всему народу русскому, что предпочитаю смерть устраненію меня отъ должности верховнаго главнокомандующаго. Истинный сынъ народа русскаго всегда погибаетъ на своемъ посту и несетъ въ жертву родинѣ самое большое, что онъ имѣетъ — свою жизнь.

Въ эти, поистинѣ, ужасныя минуты существованія отечества, когда подступы къ обѣимъ столицамъ почти открыты для побѣдоноснаго движенія торжествующаго врага, — Временное Правительство, забывъ великій вопросъ самого независимаго существованія страны, кидаетъ въ народъ призрачный страхъ контръ-революціи, которую оно само, своимъ неумѣніемъ къ управленію, своей слабостью во власти, своей нерѣшительностью въ дѣйствіяхъ, — вызываетъ къ скорѣйшему воплощенію.

Не мнѣ, кровному сыну своего народа, всю жизнь свою на глазахъ всѣхъ отдавшему на беззавѣтное служеніе ему, — не стоять на стражѣ великихъ свободъ великаго будущаго своего народа. Но нынѣ — будущее это — въ слабыхъ, безвольныхъ рукахъ. Надменный врагъ, посредствомъ подкупа и предательства, распоряжается у насъ, какъ у себя дома, несетъ гибель не только свободѣ, но и существованію народа русскаго. Очнитесь, люди русскіе, отъ безумія, ослѣпленія и вглядитесь въ бездонную пропасть, куда стремительно идетъ наша родина.

Избѣгая всякихъ потрясеній, предупреждая какое либо пролитіе русской крови, междуусобной брани и забывая всѣ обиды и оскорбленія, я, передъ лицомъ всего народа, обращаюсь къ Временному Правительству и говорю:

Пріѣзжайте ко мнѣ въ Ставку, гдѣ свобода ваша и безопасность обезпечены моимъ честнымъ словомъ и, совмѣстно со мной, выработайте и образуйте такой составъ народной обороны, который, обезпечивая свободу, велъ бы народъ русскій къ великому будущему, достойному могучаго свободнаго народа. Генералъ Корниловъ».

Но Керенскому, который уже шелъ рука объ руку съ Петроградскимъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, примиреніе съ Корниловымъ было не нужно.

Онъ всюду разослалъ телеграммы съ указаніемъ, что Корниловъ прислалъ къ нему члена Государственной Думы Владиміра Львова съ требованіемъ предоставить ему (Корнилову) диктаторскія права.

Корниловъ, я, Романовскій, а затѣмъ Деникинъ и Марковъ * были объявлены измѣнниками и предателями родины, и состоялся приказъ о преданіи насъ суду.

Керенскій, сообщая объ этомъ по телеграфу «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ», указалъ, что никакое изъ нашихъ распоряженій не должно исполняться.

Я тогда послалъ телеграмму г. Керенскому съ запросомъ, чьи же оперативныя распоряженія должны исполняться на фронтѣ. Я указалъ, что перерыва въ преемственности власти быть не можетъ, что теперь дѣлаются

---

* Генералъ Деникинъ былъ въ это время главнокомандующимъ юго-западнаго фронта; генералъ Марковъ былъ у него начальникомъ штаба.

Смѣщеніе генераловъ Деникина и Маркова съ должностей, а затѣмъ арестъ и преданіе суду были вызваны рѣзкой телеграммой за ихъ подписью на имя Керенскаго, въ которой они указывали на недопустимость и преступность смѣщенія генерала Корнилова съ должности верховнаго главнокомандующаго.

распоряженія относительно усиленія сѣвернаго фронта и что обстоятельства могутъ потребовать отдачу и иныхъ распоряженій.

Въ отвѣтъ на это послѣдовало новое распоряженіе («всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ»), что оперативныя распоряженія генерала Корнилова и отдаваемыя его именемъ — обязательны къ исполненію.

Получилось довольно пикантное положеніе, при которомъ Временное Правительство, объявивъ людей измѣнниками и предателями, указываетъ на необходимость исполнять ихъ распоряженія.

Генералъ Корниловъ, возмущенный содержаніемъ предыдущей телеграммы Керенскаго, разослалъ свою:

«Телеграмма министра-предсѣдателя во всей своей первой части является сплошной ложью: не я посылалъ члена Государственной Думы, Владиміра Львова, къ Временному Правительству, а онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, какъ посланецъ министра-предсѣдателя; тому свидѣтель членъ 1-й Государственной Думы Аладьинъ. Такимъ образомъ, совершилась великая провокація, каковая ставитъ на карту судьбу отечества.

Русскіе люди, великая родина наша погибаетъ, близокъ часъ кончины.

Вынужденный выступить открыто, я, генералъ Корниловъ, заявляю, что Временное Правительство, подъ давленіемъ большевистскаго большинства Совѣтовъ дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ планами германскаго генеральнаго штаба и, одновременно съ предстоящей высадкой вражескихъ силъ на Рижскомъ побережьѣ, убиваетъ армію и потрясаетъ страну. Тяжелое сознаніе неминуемой гибели страны повелѣваетъ мнѣ, въ эти грозныя минуты, призвать всѣхъ русскихъ людей къ спасенію умирающей родины.

Всѣ, у кого бьется русское сердце, кто вѣритъ въ Бога, въ храмъ, молите Господа о явленіи величайшаго чуда, чуда спасенія родимой земли.

Я, генералъ Корниловъ, сынъ крестьянина и казака, заявляю всѣмъ и каждому, что лично мнѣ ничего не надо, кромѣ сохраненія Великой Россіи, и клянусь довести народъ путемъ побѣды надъ врагомъ до Учредительнаго Собранія, на которомъ онъ самъ рѣшитъ свою судьбу и выберетъ укладъ своей новой государственной жизни.

Предать же Россію въ руки ея исконнаго врага, германскаго племени, и сдѣлать русскій народъ рабомъ нѣмцевъ я не могу, не въ силахъ, и предпочитаю умереть на полѣ чести и брани, чтобы не видѣть позора и срама русской земли.

Русскій народъ — въ твоихъ рукахъ жизнь твоей страны. Генералъ Корниловъ».

Почти одновременно съ этимъ обращеніемъ былъ отданъ генераломъ Корниловымъ слѣдующій приказъ по арміи и флоту:

«Я, Верховный Главнокомандующій генералъ Корниловъ, объясняю всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ арміямъ въ лицѣ ихъ командного состава, комиссаровъ и выборныхъ организацій — смыслъ происшедшихъ событій.

Мнѣ извѣстно изъ документальныхъ данныхъ донесеній контръ-развѣдки, перехваченныхъ телеграммъ и личныхъ наблюденій нижеслѣдующее:

1) Взрывъ въ Казани, гдѣ погибло болѣе милліона снарядовъ и 12.000 пулеметовъ, произошелъ при несомнѣнномъ участіи германскихъ агентовъ.

2) На организацію разрухи рудниковъ и заводовъ Донецкаго бассейна и Юга Россіи — Германіей истрачены милліоны рублей.

3) Контръ-развѣдка изъ Голландіи доноситъ:

а) На дняхъ намѣченъ одновременный ударъ на всемъ фронтѣ съ цѣлью заставить дрогнуть и бѣжать нашу разваливающуюся армію.

б) Подготовлено возстаніе Финляндіи.

в) Предполагаются взрывы мостовъ на Днѣпрѣ и Волгѣ. Организуется возстаніе большевиковъ въ Петроградѣ.

4) 3/16 Августа въ Зимнемъ Дворцѣ, на засѣданіи совѣта министровъ, Керенскій и Савинковъ лично просили меня быть осторожнѣе и не говорить всего, такъ какъ въ составѣ министровъ есть люди ненадежные и не вѣрные.

5) Я имѣю основаніе тяжко подозрѣвать измѣну и предательство въ составѣ различныхъ безотвѣтственныхъ организацій, работающихъ на нѣмецкія деньги и вліяющихъ на работу правительства.

6) Въ связи съ вышеизложеннымъ и въ полномъ согласіи съ управляющимъ военнымъ министерствомъ, Савинковымъ, пріѣзжавшимъ въ Ставку 24 Августа (6 Сентября), былъ разработанъ и принятъ рядъ мѣръ для подавленія большевистскаго движенія въ Петроградѣ.

7) 25 Августа ко мнѣ былъ присланъ членъ Думы Львовъ и имѣла мѣсто историческая провокація.

У меня не могло быть сомнѣнія въ томъ, что безотвѣтственное вліяніе взяло верхъ въ Петроградѣ и родина подведена къ краю могилы.

Въ такія минуты не разсуждаютъ — я принялъ извѣстное вамъ рѣшеніе, спасти отечество, или умереть на своемъ посту.

Вамъ хорошо извѣстна моя прошлая жизнь и я заявляю, что ни прежде, ни нынѣ у меня нѣтъ ни личныхъ желаній, ни личныхъ цѣлей и стремленій, а только одна задача, одинъ подвигъ жизни — спасти родину — и къ этому я зову васъ всѣхъ и въ обращеніи къ народу звалъ и Временное Правительство, — пока я отвѣта не имѣю.

Должности верховнаго главнокомандующаго я не сдалъ, такъ какъ никто изъ генераловъ ее не принимаетъ, а потому приказываю всему составу арміи и флота, отъ главнокомандующихъ до послѣдняго солдата, всѣмъ комиссарамъ, всѣмъ выборнымъ организаціямъ — сплотиться въ эти роковыя минуты жизни отечества воедино и всѣ силы свои безъ мысли о себѣ отдать дѣлу спасенія родины.

А для этого, въ полномъ спокойствіи, оставаться на фронтѣ и грудью противостоять предстоящему натиску врага.

Честнымъ словомъ офицера и солдата еще разъ завѣряю, что я, генералъ Корниловъ, сынъ простого казака-крестьянина, всею жизнью своею, а не словами, показалъ беззавѣтную преданность родинѣ и свободѣ, что я чуждъ какихъ либо контръ-революціонныхъ замысловъ и стою на стражѣ завоеванныхъ свободъ — при единомъ условіи дальнѣйшаго существованія независимости народа русскаго. Генералъ Корниловъ».

Этотъ приказъ и предыдущая телеграмма показываютъ, что генералъ Корниловъ вѣрилъ въ конечный успѣхъ предпринятаго имъ дѣла.

Онъ не сомнѣвался въ томъ, что выступленіе большевиковъ въ Петроградѣ произойдетъ и не сомнѣвался въ рѣшительности Крымова довести дѣло до конца.

Но никакого выступленія большевиковъ въ Петроградѣ не произошло. Руководители большевиковъ, конечно, поняли, что выступленіе въ это время

для нихъ гибель. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ объединилъ свою работу съ работой Временнаго Правительства и были приняты мѣры, дабы не допустить корпусъ генерала Крымова подойти къ Петрограду.

На встрѣчу туземной дивизіи была выслана мусульманская депутація.

Въ другія части были посланы различныя делегаціи.

Керенскій обратился къ бывшему въ это время въ Петроградѣ генералу Алексѣеву, чтобы онъ помогъ ликвидировать «наступленіе» генерала Крымова.

Генералъ Алексѣевъ написалъ Крымову записку о томъ, что въ Петроградѣ все спокойно, что никакого выступленія большевиковъ нѣтъ и просилъ его остановить войска и самому немедленно прибыть въ Петроградъ.

Генералъ Крымовъ отдалъ приказъ корпусу впередъ не продвигаться и поѣхалъ въ Петроградъ. *

Генералъ Алексѣевъ направилъ его къ Керенскому.

Въ чемъ заключался ихъ разговоръ, я не знаю; затѣмъ генералъ Крымовъ прошелъ въ канцелярію военнаго министра и застрѣлился.

Передъ смертью онъ написалъ письмо генералу Корнилову и послалъ его съ адъютантомъ.

Письмо было получено Корниловымъ, но съ его содержаніемъ онъ никого не познакомилъ.

Если не ошибаюсь, 30 Августа (12 Сентября) мы узнали, что вся операція генерала Крымова, вслѣдствіе не выступленія большевиковъ, закончилась.

Совѣтъ союза казачьихъ войскъ ** хотѣлъ выступить въ качествѣ посредника между Керенскимъ и Корниловымъ, но изъ этого ничего не вышло.

Вотъ какъ объ этомъ было изложено въ воззваніи войскового атамана Терскаго войска, Караулова, къ Терскому войску:

«Совѣтъ казачьихъ войскъ предложилъ свои услуги Временному Правительству для предотвращенія братоубійственнаго столкновенія, настаивая на необходимости переговорить непосредственно съ Корниловымъ, дабы путемъ откровеннаго разговора съ обѣими сторонами предотвратить дальнѣйшее развитіе запутавшейся «авантюры или рокового недоразумѣнія», какъ охарактеризовалъ А. Ф. Керенскій всю обстановку дѣла въ разговорѣ со мной, Дутовымъ и Аникѣевымъ въ 1—2 часа ночи 29 Августа (11 Сентября).

Сначала Керенскій, съ видимой охотой, согласился на наше предложеніе, но, ко времени нашего предполагавшагося отъѣзда изъ Петрограда въ Ставку, отказалъ намъ въ выдачѣ пропуска на выѣздъ и возвращеніе, чѣмъ поставилъ насъ въ невозможность раскрыть Корнилову глаза на дѣйствительность.

Наша поѣздка не состоялась.

Совѣтъ союза казачьихъ войскъ выразилъ по этому поводу свой протестъ и остановился на твердой увѣренности, что братоубійственное столкновеніе, видимо, не для всѣхъ представляется одинаково опаснымъ, а потому, на запросъ представителей Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, за кого идетъ Совѣтъ — за Керенскаго или за

* Надо отмѣтить, что, фактически, къ этому времени связь генерала Крымова съ частями его корпуса была потеряна и въ войскахъ уже начались колебанія.

** Казаки отказались послать своихъ депутатовъ въ Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и образовали въ Петроградѣ Совѣтъ союза казачьихъ войскъ.

Корнилова, — Совѣтъ союза казачьихъ войскъ отвѣтилъ: Казаки стоятъ только за отечество и, не желая его гибели въ гражданской войнѣ, участія не будутъ принимать ни съ той, ни съ другой стороны».

Временное Правительство рѣшило ликвидировать Ставку. Съ этой цѣлью въ Минскѣ, при штабѣ Западнаго фронта, былъ сорганизованъ чисто большевистскій карательный отрядъ, который долженъ былъ разгромить Ставку.

Керенскій, какъ намъ сообщили изъ Петрограда, былъ очень воинственно настроенъ и склонялся къ вооруженной карательной экспедиціи.

Но затѣмъ, послѣ настойчивыхъ заявленій со стороны представителей различныхъ общественныхъ организацій и политическихъ группъ, согласился попросить генерала Алексѣева взять на себя задачу уговорить генерала Корнилова сдать ему, генералу Алексѣеву, назначаемому въ Ставку начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, временно должность Верховнаго Главнокомандующаго и покориться дальнѣйшему рѣшенію Временнаго Правительства.

Генералъ Алексѣевъ принялъ на себя эту миссію.

Поздно вечеромъ 31 Августа (13 Сентября) мнѣ доложили, что меня, изъ Витебска, вызываетъ къ прямому проводу генералъ Алексѣевъ.

Генералъ Алексѣевъ сообщилъ о характерѣ своей миссіи и прибавилъ, что онъ можетъ продолжать путь въ Могилевъ лишь при условіи, если ему я, отъ имени генерала Корнилова, поручусь, что онъ никакихъ непріятностей въ Ставкѣ не будетъ имѣть и что ему будетъ обѣщано, что генералъ Корниловъ и я, какъ начальникъ штаба, сдадимъ ему свои должности и подчинимся его рѣшенію.

Затѣмъ онъ сказалъ, что онъ соглашается принять на себя это, болѣе чѣмъ непріятное, порученіе единственно съ цѣлью, ликвидировать все происшедшее безъ кровопролитія; если-бъ онъ не согласился, то былъ бы посланъ карательный отрядъ, на чемъ и теперь еще продолжаетъ настаивать Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ; что онъ долженъ срочно сообщить въ Петроградъ, согласенъ ли Корниловъ подчиниться рѣшенію Временнаго Правительства и что Керенскій, по глубокому убѣжденію его, Алексѣева, надѣется, что Корниловъ откажется и что тогда будетъ отправленъ отрядъ, прибытіе котораго въ Могилевъ, конечно, вызоветъ кровавое столкновеніе.

Чтобы провѣрить, дѣйствительно ли я по телеграфу говорю съ Алексѣевымъ, я задалъ ему нѣсколько вопросовъ, на которые только онъ одинъ могъ дать мнѣ отвѣты, и, убѣдившись, что со мной дѣйствительно говорилъ Алексѣевъ, пошелъ къ Корнилову.

Генералъ Корниловъ, выслушавъ меня, попросилъ собрать старшихъ чиновъ штаба и нѣсколькихъ другихъ поименно названныхъ имъ лицъ.

Когда всѣ собрались, я вновь передалъ все, что мнѣ сообщилъ Алексѣевъ.

Корниловъ попросилъ всѣхъ высказаться.

У большинства настроеніе было боевое; многіе считали недопустимымъ, подчиниться Временному Правительству послѣ всего того, что произошло; что касается ожидаемаго карательнаго отряда, то высказывались въ томъ смыслѣ, что, при наличіи въ Могилевѣ вѣрныхъ частей, этотъ отрядъ просто будетъ уничтоженъ.

Я категорически высказался противъ возможности дальнѣйшаго сопротивленія; указалъ, что послѣ перваго карательнаго отряда будетъ присланъ новый; что мы отрѣжемъ Ставку отъ фронта и будетъ прекращено управленіе арміи; что, если поступить такъ, какъ предлагается, то мы только сыграемъ въ руку Керенскому; что мы тогда дѣйствительно совершимъ преступленіе передъ родиной и только подтвердимъ, что Керенскій, объявляя насъ предателями, былъ правъ; что теперь надо покориться и требовать суда; при этомъ выяснится, что мы дѣйствительно хотѣли спасти армію и родину и все, что произошло — произошло исключительно вслѣдствіе преступнаго и провокаціоннаго поведенія Керенскаго.

Послѣ моего опредѣленнаго заявленія больше никто не настаивалъ на продолженіи сопротивленія.

Генералъ Корниловъ молчалъ.

Затѣмъ онъ всталъ и, сказавъ мнѣ, чтобы я пришелъ къ нему черезъ часъ, распустилъ совѣщаніе.

Когда я къ нему вновь пришелъ, онъ мнѣ сказалъ:

«Вы правы, дальнѣйшее сопротивленіе было бы и глупо и преступно. Пойдите на телеграфъ и передайте генералу Алексѣеву, что я и Вы ему подчинимся и ему въ Ставкѣ не угрожаютъ никакія непріятности».

Я сейчасъ же все передалъ генералу Алексѣеву.

1/14 Сентября генералъ Алексѣевъ прибылъ въ Ставку; сначала онъ прошелъ къ генералу Корнилову, а затѣмъ пришелъ ко мнѣ.

Онъ мнѣ сказалъ, что согласился принять должность начальника штаба верховнаго главнокомандующаго при непремѣнномъ условіи немедленнаго проведенія въ жизнь всѣхъ требованій Корнилова.

Что Керенскій обѣщалъ и что онъ будетъ идти по пути, начертанному Корниловымъ, и надѣется спасти армію и добиться возможности продолжать войну.

Я на это сказалъ:

«Неужели, Михаилъ Васильевичъ, Вы вѣрите Керенскому? Неужели Вы допускаете, что онъ Вамъ это говорилъ искренно? Развѣ Вы не видите, что теперь у Керенскаго, пока его самого не свергнули, одинъ только путь — это путь соглашенія съ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Васъ послали сюда и Вамъ предложили постъ начальника штаба верховнаго главнокомандующаго только потому, что надо было исполнить требованіе общественнаго мнѣнія и что Вы, пожалуй, единственный человѣкъ, который могъ ликвидировать Ставку безъ кровопролитія.

Я убѣжденъ, что и Вы непріемлемы для Керенскаго; Вы здѣсь пробудете не долго».

Генералъ Корниловъ, которому генералъ Алексѣевъ также довольно оптимистично высказывался относительно будущаго, сказалъ ему:

«Вамъ трудно будетъ выйти съ честью изъ положенія. Вамъ придется идти по грани, которая отдѣляетъ честнаго человѣка отъ безчестнаго. Малѣйшая Ваша уступка Керенскому — толкнетъ Васъ на безчестный поступокъ.

Думать же, что Керенскій, который теперь, конечно, въ рукахъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, пойдетъ на выполненіе всѣхъ моихъ требованій — не приходится.

Въ лучшемъ случаѣ — или Вы сами уйдете, или Васъ попросятъ уйти.»

Вечеромъ 1/14 Сентября я былъ на квартирѣ у 2-го генералъ-квартирмейстера, полковника Плющевскаго-Плющика. Во время ужина мнѣ передали по телефону, что генералъ Алексѣевъ меня вызываетъ на мою квартиру, такъ какъ у него ко мнѣ есть срочное дѣло.

Я поѣхалъ въ штабъ — гдѣ жилъ.

Генералъ Алексѣевъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ получилъ приказаніе отъ Временнаго Правительства арестовать Корнилова, меня и Романовскаго и что онъ проситъ меня оставаться на квартирѣ, считаясь арестованнымъ.

Черезъ два дня Корнилову и мнѣ было объявлено, что всѣхъ арестованныхъ приказано перевести въ гостинницу «Метрополь», а наши помѣщенія очистить къ ожидаемому пріѣзду въ Ставку новаго верховнаго главнокомандующаго — Керенскаго.

* *
*

Въ гостинницѣ «Метрополь» размѣстили насъ довольно сносно.

Арестованныхъ было много.

Кромѣ главныхъ — Корнилова, меня и Романовскаго, арестовали еще товарища министра путей сообщеній Кислякова, 2-го генералъ-квартирмейстера Плющевскаго-Плющика, члена 1-й Государственной Думы Аладьина, нѣсколькихъ офицеровъ генеральнаго штаба и весь составъ исполнительнаго комитета союза офицеровъ, находящійся въ Могилевѣ.

Въ Бердичевѣ были арестованы главнокомандующій юго-западнаго фронта Деникинъ, его начальникъ штаба Марковъ, командующіе арміями Эрдели и Ванновскій и съ ними еще нѣсколько человѣкъ.

Для разслѣдованія нашего дѣла была назначена слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ главнаго военнаго прокурора Шабловскаго. Членами этой комиссіи были назначены военные слѣдователи, полковники Украинцевъ и Раупахъ.

Внутреннюю охрану нашего арестнаго помѣщенія несъ Текинскій конный полкъ.

Надо сказать, что генералъ Корниловъ, говорившій по-текински, пользовался громадной популярностью въ полку; его текинцы называли: «нашъ бояръ».

Первоначально для охраны насъ хотѣли назначить Георгіевскій полкъ, но текинцы предъявили категорическое требованіе, чтобы внутреннюю охрану предоставили имъ.

Въ этомъ отношеніи намъ помогъ предсѣдатель слѣдственной комиссіи, Шабловскій, настоявшій, чтобы противъ непосредственной охраны насъ текинцами не возражали.

Охрана отъ Георгіевскаго полка выставлялась снаружи помѣщенія.

Послѣ первыхъ же допросовъ, произведенныхъ членами слѣдственной комиссіи, выяснилось, что всѣ они относятся къ намъ въ высшей степени благожелательно.

Отъ нихъ же мы узнали, что Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ настаиваетъ на самомъ срочномъ производствѣ слѣдствія и преданія насъ военно-полевому суду; что Керенскій также считаетъ, что мы подлежимъ

военно-полевому суду; что слѣдственная комиссія постарается затянуть слѣдствіе, насколько только это будетъ возможно и будетъ настаивать на гласномъ нормальномъ судѣ.

Для насъ, конечно, было понятно, что и для Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, и для г-на Керенскаго совсѣмъ не улыбается доводить дѣло до нормальнаго суда, на которомъ выяснится вся истина.

Для нихъ нуженъ былъ скорѣйшій надъ нами военно-полевой судъ и разстрѣлъ.

Насъ, въ первые дни послѣ нашего ареста, спасло то, что мы были арестованы въ двухъ группахъ: въ Могилевѣ и въ Бердичевѣ.

Нужно было, все же, предварительно допросить на мѣстахъ, не соединяя арестованныхъ вмѣстѣ. А на это требовалось время, и слѣдственная комиссія не спѣшила.

Въ это же время во всей печати была поднята кампанія противъ предполагавшагося преданія насъ военно-полевому суду и появился рядъ статей, объяснявшій дѣйствительный смыслъ всего того, что произошло.

Керенскому не считаться съ этимъ было трудно.

Но все же, до самаго конца пребыванія своего у власти, онъ проводилъ мысль о необходимости судить насъ военно-полевымъ судомъ.

Это мы знали отъ членовъ слѣдственной комиссіи.

Между тѣмъ, пребываніе наше въ Могилевѣ стало волновать Могилевскій и Петроградскій Совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Дѣло въ томъ, что въ Могилевѣ находился Корниловскій ударный полкъ.

Этотъ полкъ былъ сформированъ изъ добровольцевъ на фронтѣ, въ VIII-й арміи, когда ею командовалъ генералъ Корниловъ.

Полкъ былъ въ блестящемъ порядкѣ, подъ начальствомъ, душою и сердцемъ преданнаго генералу Корнилову, капитана генеральнаго штаба Нѣженцова. По одному знаку генерала Корнилова полкъ пошелъ бы куда угодно.

Ежедневно, около 12 часовъ дня, полкъ, возвращаясь съ ученія, проходилъ передъ гостинницей «Метрополь» и привѣтствовалъ криками «Ура» генерала Корнилова, подходившаго къ окну.

Всѣмъ было ясно, что если-бъ генералъ Корниловъ захотѣлъ, то, съ помощью Корниловскаго и Текинскаго полковъ, онъ могъ бы не только, когда угодно, уйти изъ-подъ ареста, но и арестовать прибывшаго въ Ставку г. Керенскаго.

Было рѣшено, насъ перевести въ Быховъ, а Корниловскій полкъ отправить на юго-западный фронтъ.

Командиру полка, явившемуся за приказаніями къ своему шефу, генералъ Корниловъ далъ указаніе подчиниться распоряженію Ставки, сказавъ, что за безопасность его и всѣхъ насъ, при наличіи текинцевъ, безпокоиться не приходится.

Во время нашего пребыванія въ гостинницѣ «Метрополь» ко мнѣ попросилъ разрѣшеніе зайти братъ жены Керенскаго, генеральнаго штаба генералъ Барановскій, бывшій у меня, въ дивизіи на фронтѣ, начальникомъ штаба, а въ этотъ періодъ бывшій начальникомъ канцеляріи у Керенскаго.

Когда онъ пришелъ, я его спросилъ: «Что можете сказать, Владиміръ Львовичъ?»

— «Могу только повторить то, что уже сказано генераломъ Корниловымъ, то-есть что все произошло вслѣдствіе провокаціи Керенскаго».

Передъ нашимъ переводомъ изъ Могилева въ Быховъ, по постановленію предсѣдателя слѣдственной комиссіи Шабловскаго, было освобождено значительное число арестованныхъ, никакого активнаго участія въ Корниловскомъ выступленіи не принимавшихъ.

Изъ старшихъ чиновъ были освобождены — начальникъ военныхъ сообщеній генералъ Тихменевъ и 2-й генералъ-квартирмейстеръ полковникъ Плющевскій-Плющикъ.

Въ Быховъ были переведены:

Генералъ Корниловъ, я, генералъ Романовскій, генералъ Кисляковъ, членъ 1-й Государственной Думы Аладьинъ, капитанъ Брагинъ, полковникъ Пронинъ, прапорщикъ Никитинъ, г. Никифоровъ (за статьи, помѣщенныя въ печати противъ Временнаго Правительства), г. Александровъ, полковникъ Новосильцевъ, есаулъ Родіоновъ (авторъ извѣстнаго романа «Наше преступленіе»), капитанъ Соетсъ, полковникъ Раснянскій и подполковникъ Роженко.

Кромѣ переведенныхъ изъ Могилева, въ Быховъ было доставлено еще нѣсколько арестованныхъ за сочувствіе Корнилову (въ томъ числѣ бывшій членъ Государственнаго Совѣта, Римскій-Корсаковъ); но ихъ скоро выпустили на свободу.

Въ Быховѣ насъ помѣстили въ зданіи стараго католическаго монастыря.

Зданіе было очень мрачное, комнаты низкія со сводчатымъ потолкомъ.

Только генералъ Корниловъ и я имѣли по отдѣльной комнатѣ; остальные помѣщались по 2-3 человѣка въ комнатѣ.

Одна большая комната была отведена подъ столовую, куда мы собирались къ чаю, обѣду и ужину.

Прогулка намъ разрѣшалась два раза въ день во дворѣ, вокругъ костела. Впослѣдствіи, для нашихъ прогулокъ, отвели большой садъ, примыкавшій къ дому, въ которомъ мы помѣщались.

Охрана внутри зданія неслась текинцами, полъ эскадрона которыхъ помѣщался въ самомъ зданіи. Наружная охрана неслась ротой Георгіевскаго полка.

Оффиціально мы все время, кромѣ необходимаго на пищу и отводимаго для прогулокъ, должны были сидѣть по своимъ комнатамъ; но, въ дѣйствительности, внутри зданія мы пользовались полной свободой и ходили, когда хотѣли, одинъ къ другому.

Денежнаго содержанія мы были лишены; но пищу намъ разрѣшено было готовить на казенный счетъ такую же, какъ давали въ офицерскихъ собраніяхъ. Изъ Ставки въ Быховъ былъ присланъ поваръ и насъ кормили вполнѣ удовлетворительно.

Сношеніе съ внѣшнимъ міромъ оффиціально было воспрещено; но такъ какъ комендантомъ былъ назначенъ помощникъ командира Текинскаго полка, человѣкъ вполнѣ преданный Корнилову, онъ докладывалъ о всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Быховъ и желавшихъ насъ видѣть, и къ намъ допускались всѣ тѣ, которыхъ мы хотѣли видѣть.

Вслѣдствіе этого очень скоро наладилась прочная связь съ Петроградомъ, Москвой и Могилевымъ и мы были въ курсѣ всего того, что происходитъ и вели переписку съ нужными для насъ лицами.

Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго также освѣдомлялъ насъ по всѣмъ насъ интересующимъ вопросамъ.

Было разрѣшено нашимъ женамъ поселиться въ Быховѣ и посѣщать насъ ежедневно отъ 10 часовъ утра до 6 часовъ вечера.

Такимъ образомъ, жизнь наша устроилась совершенно сносно и мы спокойно ожидали окончанія слѣдствія и преданія насъ гласному суду.

Но, недѣли черезъ полторы—двѣ, отъ предсѣдателя и членовъ слѣдственной комиссіи, мы узнали, что комитетъ юго-западнаго фронта, Бердичевскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и комиссаръ юго-западнаго фронта — категорически протестуютъ противъ перевода изъ Бердичева въ Быховъ генерала Деникина и другихъ арестованныхъ съ нимъ, и требуютъ немедленнаго преданія ихъ военно-полевому суду въ Бердичевѣ; что Керенскій колеблется и видимо склоненъ согласиться; что въ Могилевъ вызванъ комиссаръ юго-западнаго фронта и прокуроръ, и вопросъ долженъ окончательно разрѣшиться въ ближайшіе дни.

Предсѣдатель слѣдственной комиссіи сказалъ, что онъ сдѣлаетъ все, чтобы соединить Бердичевскихъ заключенныхъ съ нами и надѣется, что это ему удастся; но не скрылъ отъ насъ, что положеніе серьезное.

Дѣйствительно, первоначальное раздѣленіе насъ на двѣ группы было для насъ, какъ я уже отмѣтилъ, выгодно, давая возможность затянуть слѣдствіе и оттянуть рѣшеніе о назначеніи суда; но дальнѣйшее оставленіе въ Бердичевѣ Деникина и другихъ съ нимъ арестованныхъ — было болѣе, чѣмъ опасно. Охраны надежной тамъ не было и мѣстныя революціонныя власти требовали немедленнаго военно-полевого суда; оставленіе арестованныхъ въ Бердичевѣ, при объявленіи, что они не подлежатъ военно-полевому суду, грозило имъ самосудомъ озвѣрѣвшей толпы.

Наконецъ, благодаря исключительной энергіи предсѣдателя слѣдственной комиссіи, Шабловскаго, Бердичевскіе узники были доставлены въ Быховъ. *

Изъ Бердичева въ Быховъ были привезены: генералы — Деникинъ, Марковъ, Ванновскій, Эрдели, Эльснеръ и Орловъ, капитанъ Клецанда (чехъ) и чиновникъ Будиловичъ.

Когда арестованныхъ привезли съ вокзала къ нашему мѣсту заключенія — мы вышли въ переднюю ихъ встрѣтить.

Вмѣсто радостно настроенныхъ, какими мы ожидали ихъ увидѣть, мы, въ первую минуту, встрѣтили группу мрачныхъ лицъ, которыя даже какъ-то насъ сторонились и спѣшили пройти внутрь помѣщенія.

Затѣмъ это ихъ настроеніе разъяснилось.

Оказывается, что въ Бердичевѣ, все послѣднее время, они жили подъ угрозой постояннаго самосуда, подвергаясь непрерывнымъ оскорбленіямъ и издѣвательствамъ черни, настроенной агитаторами.

Ихъ путь изъ тюрьмы въ Бердичевѣ до вокзала — былъ по истинѣ крестнымъ путемъ.

Охрана изъ юнкеровъ едва ихъ отбивала отъ озвѣрѣвшей толпы, сопровождавшей ихъ до вокзала и требовавшей самосуда.

---

* Какъ мнѣ впослѣдствіи говорилъ одинъ изъ членовъ слѣдственной Комиссіи, полковникъ Украинцовъ, на засѣданіи въ Могилевѣ, Шабловскому стоило громадныхъ усилій добиться отъ Керенскаго, чтобы послѣдній согласился признать, что Бердичевскіе арестованные не могутъ быть въ Бердичевѣ преданы военно-полевому суду и должны быть доставлены въ Быховъ.

Въ нихъ бросали каменьями и комьями грязи. У бѣднаго генерала Орлова было разбито все лицо, а у другихъ чувствовались послѣдствія ударовъ на различныхъ частяхъ тѣла.

Отъ Бердичева до Быхова ихъ сопровождала делегація Бердичевскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, которой было поручено провѣрить, какъ будутъ содержаться арестованные въ Быховѣ и сдѣлать докладъ Совѣту.

Бердичевскіе узники едва вѣрили, что остались цѣлы и, предполагая, что и наше положеніе аналогично ими испытанному въ Бердичевѣ, были удивлены, что мы такъ свободно себя держимъ и опасались, что если это увидятъ соглядатаи изъ Бердичева, то будутъ непріятности.

Но Бердичевскую делегацію наша охрана, конечно, не допустила даже во дворъ зданія, а когда кто-то изъ делегатовъ сталъ настойчиво требовать, чтобы ихъ допустили — текинцы пригрозили нагайками и они принуждены были уйти.

На другой день, во время нашей утренней прогулки, Бердичевская делегація подошла къ рѣшеткѣ садика и начала дѣлать какія-то замѣчанія. Начальникъ караула вышелъ съ двумя текинцами и ихъ отогналъ, а затѣмъ выставилъ на улицѣ постъ, который никого не подпускалъ къ рѣшеткѣ.

Бердичевская делегація, возмущенная подобнымъ снисходительнымъ содержаніемъ арестованныхъ, разослала во всѣ концы телеграммы, и Петроградскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ сталъ настойчиво требовать отъ Керенскаго назначенія другой слѣдственной комиссіи и перевода нашего въ Петропавловскую крѣпость.

Но, благодаря настояніямъ предсѣдателя слѣдственной комиссіи и тому, что общественное мнѣніе было на нашей сторонѣ, эти домогательства были отвергнуты, но въ составъ слѣдственной комиссіи включили двухъ представителей отъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Эти представители оказались порядочными людьми и, познакомившись со слѣдственнымъ производствомъ, согласились съ характеромъ работы слѣдственной комиссіи.

Между тѣмъ, какъ и надо было ожидать, Керенскій, не имѣвшій возможности выполнить всѣхъ обѣщаній, данныхъ Алексѣеву о проведеніи въ жизнь требованій Корнилова, повелъ дѣло такъ, что самъ генералъ Алексѣевъ, видя, что онъ ничего сдѣлать не можетъ, попросилъ, чтобы его освободили отъ должности начальника штаба. Вмѣсто него былъ назначенъ генералъ Духонинъ.

Всѣ свѣдѣнія, къ намъ поступавшія, указывали, что армія окончательно разваливается и надо было ожидать катастрофы со дня на день.

Я писалъ генералу Духонину и генералъ-квартирмейстеру Ставки, генералу Дитрихсу, что надо ожидать паденія Временнаго Правительства, надо быть готовыми, что у власти окажутся большевики.

Я рекомендовалъ подтянуть къ Могилеву нѣсколько надежныхъ частей, дабы Ставка не оказалась въ безпомощномъ положеніи и, въ случаѣ надобности, могла подъ ихъ прикрытіемъ перейти въ Кіевъ.

Казалось, что можно, путемъ сохраненія менѣе развалившихся фронтовъ, именно юго-западнаго и Румынскаго, еще удержать общій фронтъ.

Но для этого, опять-таки, нужны были суровыя и безпощадныя мѣры, а на нихъ «Верховный Главнокомандующій», Керенскій, не шелъ.

Чтобы скрасить однообразно тянувшіеся дни, Быховскіе заключенные попросили Аладьина давать имъ уроки англійскаго языка, а по вечерамъ собирались вмѣстѣ, читали вслухъ, устраивали сообщенія, лекціи.

Газеты были переполнены статьями о нашемъ дѣлѣ. Печатались статьи и за насъ и противъ насъ.

Одну изъ статей, въ которой излагалось мнѣніе бывшаго комиссара при Ставкѣ, Филоненко, о дѣлѣ Корнилова, впослѣдствіи, въ годовщину смерти генерала Корнилова, вспомнилъ генералъ Деникинъ при чествованіи памяти Корнилова:

«Годъ назадъ русская граната, направленная рукою русскаго человѣка, сразила великаго русскаго патріота.

За что? За то ли, что въ дни великихъ потрясеній, когда недавніе рабы склонились передъ новыми владыками, онъ сказалъ имъ гордо и смѣло: уйдите, вы губите русскую землю.

За то ли, что, не щадя жизни, съ горстью войскъ ему преданныхъ, онъ началъ борьбу противъ стихійнаго безумія, охватившаго страну, и палъ поверженный, но не измѣнившій долгу передъ родиной.

За то ли, что крѣпко и мучительно любилъ онъ народъ, его предавшій, его распявшій.

Пройдутъ года, и къ высокому берегу Кубани потекутъ тысячи людей, поклониться праху мученика и творца идеи возрожденія Россіи.

Придутъ и его палачи.

И палачамъ онъ проститъ.

Но однимъ онъ никогда не проститъ:

Когда Верховный Главнокомандующій томился въ Быховской тюрьмѣ въ ожиданіи Шемякина суда Временнаго Правительства, одинъ изъ разрушителей русской храмины сказалъ: Корниловъ долженъ быть казненъ, но когда это случится, я пріиду на могилу, принесу цвѣты и преклоню колѣно передъ русскимъ патріотомъ.

Проклятіе имъ — прелюбодѣямъ слова и мысли. Прочь ихъ цвѣты. Они оскверняютъ святую могилу . . .»

*　　*
*

25 Октября (7 Ноября) большевики свергли Временное Правительство и захватили власть.

Керенскій бѣжалъ.

Ясно было, что большевики прежде всего ликвидируютъ Ставку, а затѣмъ, дѣйствуя по германской указкѣ, вступятъ въ переговоры съ нѣмцами.

Конечно, одновременно со Ставкой, большевики должны были ликвидировать и насъ.

Положеніе наше стало опаснымъ.

Въ бытность у власти Керенскаго мы могли, если-бъ захотѣли, бѣжать изъ Быхова совершенно свободно. Но мы этого дѣлать не хотѣли, мы хотѣли суда.

Съ появленіемъ же у власти большевиковъ — оставаться въ Быховѣ становилось просто глупо.

Председателю слѣдственной комиссіи, Шабловскому, было сообщено, что мы просимъ пріѣхать его въ Быховъ. Онъ пріѣхалъ черезъ два дня и сказалъ намъ, что, дѣйствуя вполнѣ законно, основываясь на данныхъ слѣдственнаго производства, онъ, въ ближайшіе дни, освободитъ всѣхъ заключенныхъ, за исключеніемъ Корнилова, Деникина, меня, Романовскаго и Маркова.

И дѣйствительно онъ началъ группами освобождать арестованныхъ, и къ 18 Ноября (1 Декабря) въ Быховѣ насъ осталось всего пять человѣкъ.

Съ 10/23 Ноября большевиками уже подготовлялась экспедиція для ликвидаціи Ставки и насъ.

Во главѣ этой экспедиціи былъ поставленъ Крыленко, назначенный совѣтскимъ правительствомъ верховнымъ главнокомандующимъ.

Я послалъ цѣлый рядъ писемъ Духонину и Дитрихсу, въ которыхъ доказывалъ, что имъ надо перейти въ Кіевъ; что оставаться въ Могилевѣ безполезно и опасно; что Ставка, все равно, будетъ въ ближайшіе дни занята большевиками.

Но меня не послушались.

Генералъ Духонинъ рѣшилъ оставаться въ Могилевѣ. И только 18 Ноября (1 Декабря), получивъ свѣдѣніе о движеніи въ Могилевъ большевистскаго отряда, онъ рѣшилъ выѣхать въ Кіевъ.

Были поданы автомобили и начали на нихъ нагружать болѣе важные и цѣнные документы и дѣла; но мѣстный Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ воспрепятствовалъ отъѣзду; дѣла были частью уничтожены, частью внесены обратно въ штабъ.

Духонинъ рѣшилъ оставаться на своемъ посту до конца...

Около 12 часовъ дня 18 Ноября (1 Декабря), за подписью Духонина, генералу Корнилову была прислана телеграмма, въ которой сообщалось, что большевики приближаются къ Могилеву и что намъ оставаться въ Быховѣ нельзя; что къ 6 часамъ вечера въ Быховѣ будетъ поданъ поѣздъ, на которомъ намъ рекомендуется, взявъ съ собой текинцевъ, отправиться на Донъ.

Когда генералъ Корниловъ намъ сообщилъ содержаніе этой телеграммы, я сказалъ: «ну, далеко на этомъ поѣздѣ мы не уѣдемъ!»

Послѣ обсужденія вопроса о томъ, какъ лучше поступить, все же было рѣшено, этимъ поѣздомъ воспользоваться, взявъ съ собою и текинцевъ; затѣмъ, переодѣвшись въ поѣздѣ въ штатское платье, на ближайшихъ же станціяхъ слѣзть и продолжать путь по одиночкѣ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, большевики насъ выловили бы изъ этого поѣзда.

Къ 6 часамъ вечера мы были готовы къ отъѣзду и текинцы пошли къ станціи на посадку (лошадей, при коноводахъ, рѣшено было оставить въ Могилевѣ).

Но поѣздъ поданъ не былъ, и около 8 часовъ вечера прибылъ къ намъ въ Быховъ генеральнаго штаба полковникъ Кусонскій, доложившій, что, такъ какъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, отрядъ Крыленко остановится въ Оршѣ, а въ Могилевъ прибудетъ только делегація съ генераломъ Одинцовымъ во главѣ и, слѣдовательно, намъ не угрожаетъ никакой непосред-

ственной опасности, то генералъ Духонинъ отложилъ отправку поѣзда въ Быховъ и намъ немедленно надлежитъ оставаться на мѣстѣ.

Генералы Корниловъ и Деникинъ, въ очень рѣзкихъ выраженiяхъ, сказали полковнику Кусонскому, что генералъ Духонинъ совершенно не понимаетъ обстановку; что онъ губитъ и себя, и насъ; что мы въ Быховѣ оставаться больше не можемъ и не совѣтуемъ задерживаться въ Могилевѣ генералу Духонину.

Полковникъ Кусонскiй уѣхалъ на паровозѣ въ Могилевъ, а генералъ Корниловъ вызвалъ нашего коменданта, разсказалъ ему обстановку и сказалъ, что намъ надо на другой же день, 19 Ноября (2 Декабря), покинуть Быховъ.

Затѣмъ отдалъ распоряженiе немедленно вызвать изъ Могилева оставшiйся тамъ одинъ эскадронъ Текинскаго полка, провѣрить, какъ подкованы лошади и быть готовымъ къ выступленiю къ вечеру 19 Ноября (2 Декабря).

Послѣ этого мы совмѣстно стали обсуждать планъ дальнѣйшихъ дѣйствiй.

Генералъ Корниловъ сказалъ, что сдѣлать переходъ верхомъ почти въ 1500 верстъ, въ это время года, полку будетъ трудно; что если мы всѣ пойдемъ съ полкомъ, то это обяжетъ насъ, быть съ нимъ до конца.

Генералъ Корниловъ предложилъ намъ четыремъ (Деникину, мнѣ, Романовскому и Маркову), отправиться въ путь самостоятельно; а онъ съ полкомъ пойдетъ одинъ.

«Теперь я оставить полкъ не могу; я долженъ идти съ текинцами; если же въ пути выяснится необходимость мнѣ отдѣлиться отъ полка, то одинъ я это сдѣлать могу» — закончилъ Корниловъ.

На этомъ мы и порѣшили.

Около 7 часовъ утра 19 Ноября (2 Декабря) къ намъ опять прiѣхалъ полковникъ Кусонскiй; онъ сказалъ, что присланъ генераломъ-квартирмейстеромъ Дитрихсомъ; что, по послѣднимъ свѣдѣнiямъ, Ставка будетъ занята большевиками, вѣроятно, къ вечеру этого же дня; что Дитрихсъ уѣзжаетъ изъ Ставки и рекомендуетъ намъ немедленно бѣжать.

Кусонскiй предложилъ, на своемъ паровозѣ, довезти до Гомеля двухъ изъ насъ.

Мы рѣшили такъ: Романовскому и Маркову ѣхать съ Кусонскимъ, а Деникину и мнѣ пробираться самостоятельно.

Переговоривъ съ генераломъ Деникинымъ, дабы не ѣхать вмѣстѣ, мы рѣшили, что онъ поѣдетъ поѣздомъ на югъ, а я на сѣверъ, черезъ Могилевъ.

Чтобы не подводить охрану Георгiевскаго полка, которая должна была оставаться въ Быховѣ, у насъ были, заготовленные въ Ставкѣ, оффицiальные документы, удостовѣряющiе, что мы освобождаемся изъ-подъ ареста.

Попрощавшись съ генераломъ Корниловымъ и вручивъ коменданту документы объ освобожденiи насъ изъ-подъ ареста, мы отправились на его квартиру.

Тамъ мы переодѣлись.

Романовскiй превратился въ прапорщика инженерныхъ войскъ; Марковъ надѣлъ солдатскую форму. Деникинъ и я переодѣлись въ штатское. Я сбрилъ усы и бороду. Соотвѣтствующiе документы и паспорта были приготовлены заранѣе.

Пожелавъ другъ другу счастливаго пути, мы разстались: Романовскiй и Марковъ отправились на вокзалъ; Деникинъ остался на квартирѣ комен-

данта въ ожиданіи вечерняго поѣзда, а я, надѣвъ полушубокъ и темные очки, пошелъ въ городъ.

На базарной площади я нанялъ извозчика до женскаго монастыря, находившагося въ 8 верстахъ отъ города.

Доѣхавъ до монастыря, я расплатился съ извозчикомъ и пошелъ въ церковь, гдѣ шла служба.

Помолившись Богу, я вышелъ изъ церкви и, убѣдившись, что извозчикъ уѣхалъ, пошелъ въ деревню, отстоявшую отъ монастыря въ двухъ верстахъ; въ этой деревнѣ стоялъ польскій пѣхотный полкъ.

Прійдя въ деревню, и узнавъ гдѣ помѣщается командиръ полка, я прошелъ къ нему и прямо ему сказалъ, что я генералъ, что мнѣ надо спасаться отъ большевиковъ и просилъ его, дать мнѣ перевозочныя средства доѣхать до станціи, находящейся между Быховымъ и Могилевымъ.

Командиръ полка отнесся ко мнѣ крайне внимательно, угостилъ хорошимъ обѣдомъ и далъ подводу доѣхать до станціи.

Поѣздъ на сѣверъ проходилъ черезъ станцію около 9 часовъ вечера и я около часу прождалъ его прихода. Взялъ билетъ до Витебска.

Проѣзжая Могилевъ, я видѣлъ на станціи ударный батальонъ, который, по требованію Крыленко, генералъ Духонинъ отправилъ въ Гомель.

Въ Оршѣ я рѣшилъ пройти на станцію и выпить воды.

Станція была переполнена матросами. На вокзалѣ, стоя около буфета, я, изъ разговоровъ окружающихъ солдатъ и матросовъ, узналъ, что въ Оршѣ стоитъ поѣздъ Крыленко и передовой эшелонъ отряда, направляемаго для ликвидаціи Ставки; что поѣзда пойдутъ въ Могилевъ сейчасъ же, какъ будетъ получено извѣстіе, что ударный батальонъ, столкновенія съ которымъ опасался Крыленко, будетъ отправленъ въ Гомель. *

Здѣсь на вокзалѣ, съ болью въ сердцѣ, я увидѣлъ безобразную картину: пьяный офицеръ-прапорщикъ сидѣлъ между двумя пьяными же матросами, изъ которыхъ одинъ, обнявъ офицера, запрокидывалъ его голову, а другой вливалъ ему въ ротъ изъ бутылки водку.

Въ Витебскъ поѣздъ пришелъ часа въ 2 ночи.

Вокзалъ былъ переполненъ.

Пройдя въ залъ I класса, я увидѣлъ тамъ нѣсколько знакомыхъ лицъ и, изъ-за опасенія, что меня могутъ узнать, рѣшилъ поѣхать въ городъ и переночевать въ какой-нибудь гостинницѣ.

Поѣздъ на Смоленскъ и Москву отходилъ только около двухъ часовъ дня.

---

* Какъ потомъ стало извѣстно, Крыленко съ передовымъ эшелономъ отряда, назначеннаго для занятія Могилева, прибылъ въ ставку 20 Ноября (3 Декабря).

Генералъ Духонинъ былъ арестованъ и на автомобилѣ отвезенъ на вокзалъ, гдѣ его ввели въ вагонъ Крыленко.

Генералу Духонину было сказано, что его отправятъ въ Петроградъ.

Но затѣмъ матросы, собравшіеся у вагона, потребовали, чтобы онъ вышелъ. Когда генералъ Духонинъ показался на площадкѣ вагона у выходной двери, то какой то матросъ, почти въ упоръ, выстрѣлилъ ему въ лицо, послѣ чего его подняли на штыки.

Озвѣрѣвшіе матросы били штыками и прикладами тѣло послѣдняго верховнаго главнокомандующаго русской арміи (послѣ бѣгства Керенскаго генералъ Духонинъ вступилъ въ исполненіе должности верховнаго главнокомандующаго) и долго еще трупъ генерала Духонина валялся на желѣзнодорожныхъ путяхъ около вагона новаго большевистскаго главнокомандующаго — Крыленко.

Извозчикъ объѣхалъ всѣ гостиницы, но нигдѣ не было свободныхъ номеровъ; какъ онъ мнѣ объяснилъ, всѣ номера были заняты чинами штаба новаго главнокомандующаго, ожидающими, когда будетъ возможно проѣхать въ Могилевъ.

Извозчикъ предложилъ отвезти меня въ извѣстную ему квартиру, гдѣ можно переночевать.

Я согласился.

Онъ подвезъ меня къ трехэтажному дому и позвонилъ у подъѣзда.

Вышла какая-то женщина и узнавъ, что я хочу переночевать, спросила: «вамъ надо только переночевать?» На мой, нѣсколько недоумѣвающій отвѣтъ, что «да, только переночевать», она мнѣ сказала, что это будетъ стоить двадцать пять рублей.

Меня устроили въ гостиной и я отлично заснулъ.

Проснулся послѣ 11 часовъ утра.

Помывшись и напившись чаю, я попросилъ горничную, провести меня въ уборную.

Когда горничная повела меня во 2-й этажъ, гдѣ въ корридоръ выходили двери отдѣльныхъ комнатъ и гдѣ царствовала, почти въ 12 часовъ дня, мертвая тишина, я только тогда понялъ, что я провелъ ночь въ веселомъ, но теперь сонномъ, учрежденіи . . .

Къ 2 часамъ дня я былъ на вокзалѣ и, взявъ билетъ 3-го класса до Москвы, вышелъ на перронъ, гдѣ и ходилъ въ ожиданіи поѣзда.

Я совершенно не замѣтилъ, какъ ко мнѣ, откуда-то сбоку, подошелъ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства, отецъ Шавельскій.

Я отъ него отвернулся; онъ зашелъ съ другой стороны и сталъ меня разглядывать, обращая этимъ на меня вниманіе публики.

Я тогда направился къ нему и сказалъ, что прошу его идти рядомъ со мной.

— «Александръ Сергѣевичъ, неужели это Вы? Какъ Вы измѣнились!»

— «Отецъ Георгій, мы должны сейчасъ же разойтись и прошу Васъ, на меня не обращать вниманія и ко мнѣ не подходить. Если меня здѣсь кто-нибудь узнаетъ, то я погибну».

Отецъ Шавельскій отошелъ.

Немного спустя я наткнулся на моего вѣстового, котораго я просилъ изъ Быхова убрать за явно большевистскія наклонности, которыя онъ сталъ проявлять.

Солдатъ остановился, посмотрѣлъ на хорошо знакомый ему полушубокъ, потомъ на мое лицо . . .

Я былъ въ темныхъ очкахъ, бритый, и еще сдѣлалъ гримасу, чтобы меня труднѣй было узнать.

Узналъ ли меня мой прежній вѣстовой или нѣтъ — не знаю; но онъ, какъ-то странно, свистнулъ и затѣмъ вскочилъ на площадку вагона подходившаго поѣзда.

Поѣздъ былъ переполненъ и мнѣ удалось пристроиться на ступенькахъ одной изъ площадокъ вагона 3-го класса.

Морозъ былъ болѣе 10 градусовъ и я, послѣ перваго же перегона, промерзъ. На первой же станціи я соскочилъ на перронъ и побѣжалъ вдоль поѣзда, чтобы устроиться гдѣ-нибудь лучше.

Только площадка вагона I класса оказалась свободной. Я взошелъ на нее. Но когда поѣздъ отошелъ — я понялъ, почему эта площадка пуста: впереди вагона была открытая платформа и сильный вѣтеръ сталъ пронизывать меня насквозь. Я рѣшилъ войти въ вагонъ I класса, чтобы въ корридорѣ немного согрѣться; но вагонъ оказался переполненнымъ пассажирами. Я пріоткрылъ дверь въ уборную и увидѣлъ тамъ двухъ дамъ: одна сидѣла на главномъ мѣстѣ, а другая на ящикѣ съ углемъ.

Увидя меня и думая, что я хочу воспользоваться уборной, согласно ея назначенію, онѣ хотѣли выйти. Я имъ сказалъ, что хочу только согрѣться и мы, втроемъ, остались въ уборной, въ которой я и доѣхалъ до Смоленска.

Пересѣвъ въ Смоленскѣ въ другой поѣздъ, я утромъ 21 Ноября (4 Декабря) пріѣхалъ въ Москву.

По дорогѣ до Москвы какіе-то солдаты два раза повѣряли у пассажировъ паспорта, причемъ мои документы не вызвали никакихъ сомнѣній.

Въ Москвѣ я взялъ у вокзала извозчика и проѣхалъ шагомъ мимо квартиры, которую занимала моя семья.

Квартира показалась мнѣ пустой и я рѣшилъ, что женѣ удалось уже выѣхать изъ Москвы.

Вечеромъ въ этотъ же день я поѣхалъ, черезъ Рязань и Воронежъ, въ Новочеркасскъ.

Этотъ переѣздъ былъ для меня очень тяжелымъ. Вагонъ былъ страшно переполненъ и я, отъ Москвы до ст. Лисокъ, то-есть болѣе 36 часовъ, принужденъ былъ стоять, не имѣя возможности ни разу присѣсть.

Въ вагонѣ, въ которомъ я помѣщался, ѣхало человѣкъ 10 молодежи въ солдатской формѣ. Всю дорогу они держали себя довольно разнуздано, но манера себя держать не соотвѣтствовала ихъ физіономіямъ и мнѣ казалось, что они умышленно себя держатъ какъ распущенные солдаты и явно шаржируютъ.

Такъ какъ въ Лискахъ (на границѣ Донской области) они остались въ вагонѣ, то для меня стало ясно, что это юнкера какого-нибудь военнаго училища, или молодые офицеры, пробирающіеся на Донъ.

Послѣ отхода поѣзда со станціи «Лиски» эта молодежь стала устраиваться на освободившихся мѣстахъ. Я подошелъ къ одной изъ группъ и попросилъ уступить мнѣ верхнее мѣсто.

— «А ты кто такой?» услышалъ я отъ одного изъ нихъ въ отвѣтъ на мою просьбу.

Я тогда сказалъ: «Ну вотъ что, господа, теперь вы можете уже смѣло перейти на настоящій тонъ и перестать разыгрывать изъ себя дезертировъ съ фронта. Послѣдняя категорія и та сбавляетъ тонъ на Донской территоріи. Я — генералъ; очень усталъ и прошу, мнѣ уступить мѣсто».

Картина сразу измѣнилась. Они помогли мнѣ устроиться на верхнемъ мѣстѣ и я, съ удовольствіемъ, улегся. Ноги мои, отъ продолжительнаго стоянія, опухли и были какъ колоды.

Въ Новочеркасскъ поѣздъ пришелъ поздно вечеромъ 23 Ноября (6 Декабря).

На вокзалѣ былъ дежурный офицеръ, который указывалъ пріѣзжавшимъ офицерамъ и юнкерамъ, гдѣ имъ можно остановиться.

Я поѣхалъ переночевать въ общежитье, а утромъ 24 Ноября (7 Декабря) перебрался въ гостинницу.

Первое лицо, которое я увидѣлъ въ гостинницѣ, былъ предсѣдатель Государственной Думы, М. В. Родзянко, котораго, подъ видомъ тяжело больного и въ загримированномъ видѣ, доставили изъ Москвы въ Новочеркасскъ.

Затѣмъ я встрѣтился съ генералами Деникинымъ, Романовскимъ и Марковымъ, добравшимися, наканунѣ, благополучно до Новочеркасска.

Отъ нихъ я узналъ, что въ Новочеркасскѣ генералъ Алексѣевъ, который, въ полномъ согласіи съ атаманомъ Донского казачьяго войска, приступилъ къ формированію Добровольческой арміи для борьбы съ большевиками. *

Генералъ Алексѣевъ пріѣхалъ въ Новочеркасскъ въ первыхъ числахъ Ноября.

Я пошелъ къ нему.

М. В. Алексѣевъ сказалъ мнѣ, что онъ рѣшилъ сформировать на Дону Добровольческую армію; что въ Петроградѣ и въ Москвѣ имъ образованы общества для помощи офицерамъ; что эти общества поддерживаютъ тѣсное общеніе съ общественными организаціями, помогающими имъ матеріально, и они будутъ направлять на Донъ всѣхъ желающихъ офицеровъ, юнкеровъ и кадетъ старшихъ классовъ; что союзъ общества офицеровъ, со своей стороны, приметъ всѣ мѣры для облегченія желающимъ офицерамъ пробраться на Донъ и изъ другихъ раіоновъ.

Я на это отвѣтилъ, что мнѣ представляется необходимымъ, чтобы онъ кликнулъ кличъ, призывающій офицеровъ немедленно направляться на Донъ; что его имя среди офицеровъ очень популярно и на его кличъ потекутъ на Донъ не сотни, а десятки тысячъ офицеровъ.

Генералъ Алексѣевъ на это мнѣ отвѣтилъ, что самъ онъ объ этомъ думалъ, но сдѣлать это онъ пока не смѣетъ.

— «Какъ же я могу обратиться съ такимъ воззваніемъ къ офицерамъ — разъ въ моемъ распоряженіи нѣтъ средствъ. Вѣдь и теперь, когда имѣется всего около пятисотъ офицеровъ и юнкеровъ, я не сплю по ночамъ, думая, какъ мнѣ ихъ прокормить, какъ ихъ одѣть».

На это я отвѣтилъ, что — будетъ сила, будутъ и деньги.

— «Рискнуть надо; безъ этого Вы, Михаилъ Васильевичъ, арміи не сформируете.

Вѣдь надо знать нашу общественность: они не даютъ и не дадутъ большихъ средствъ, пока не будутъ увѣрены въ успѣхѣ, пока въ Вашемъ распоряженіи не будетъ достаточной силы. А Вы не можете собрать эту силу, не имѣя средствъ. Получается заколдованный кругъ. Повторяю, что не только можно, а должно рискнуть».

Генералъ Алексѣевъ сказалъ, что онъ еще подумаетъ.

---

* На формированіи Добровольческой арміи именно на Дону генералъ Алексѣевъ остановился, считая, что только тамъ, подъ прикрытіемъ Донскихъ казачьихъ частей, можно будетъ сравнительно спокойно сформировать вооруженную силу для борьбы съ большевиками.

Вообще всѣмъ намъ казалось, что Донское, Кубанское и Терское казачество не будутъ воспріимчивы къ большевистскимъ идеямъ.

Прощаясь со мной, генералъ Алексѣевъ сказалъ, что намъ надо, въ ближайшіе дни, условиться относительно дальнѣйшей совмѣстной работы.

25 Ноября (8 Декабря) генералъ Деникинъ и я пошли къ Донскому атаману генералу Каледину.

Генералъ Калединъ принялъ насъ очень серьезно, сказалъ, что, работая въ полномъ согласіи съ генераломъ Алексѣевымъ, онъ убѣжденъ, что генералу Алексѣеву удастся сформировать хорошую Добровольческую армію, а ему Донскую. Затѣмъ онъ сказалъ, что очень радъ пріѣзду на Донъ цѣлой группы генераловъ, которые помогутъ наладить организаціонную работу, но, прибавилъ генералъ Калединъ, «имена генераловъ Корнилова, Деникина, Лукомскаго и Маркова настолько для массы связаны со страхомъ контръ-революціи, что я рекомендовалъ бы Вамъ обоимъ, и пріѣзжавшему генералу Маркову, пока активно не выступать; было бы даже лучше, если-бъ Вы, временно, уѣхали изъ предѣловъ Дона».

Послѣ этого генералъ Калединъ добавилъ:

«Я отнюдь не настаиваю, чтобы вы уѣзжали съ Дона. Если васъ это не устраиваетъ, то оставайтесь, и вы будете гостями Донского казачества; но я, зная обстановку, счелъ своимъ долгомъ высказать, что вамъ лучше временно уѣхать. Я убѣжденъ, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ ваше присутствіе здѣсь будетъ совершенно необходимо; тогда вы вернетесь, и мы вмѣстѣ будемъ работать».

Деникинъ, Марковъ и я рѣшили уѣхать изъ Новочеркасска.

Генералы Деникинъ и Марковъ рѣшили ѣхать въ Екатеринодаръ, а я во Владикавказъ.

Выѣхавъ изъ Новочеркасска 26 Ноября (9 Декабря), мы благополучно проскочили черезъ Ростовъ.

27 Ноября (10 Декабря) въ Ростовѣ произошло выступленіе мѣстныхъ большевиковъ, къ которому присоединились бывшіе въ городѣ солдаты и матросы.

Городъ былъ въ ихъ рукахъ нѣсколько дней.

Въ подавленіи возстанія приняла участіе первая сформированная въ Новочеркасскѣ рота будущей Добровольческой арміи.

* *
*

За два дня до бѣгства изъ Быхова я послалъ вѣстового съ вещами къ моей женѣ, бывшей въ имѣніи у знакомыхъ подъ Харьковымъ; я ей написалъ, что буду пробираться въ Новочеркасскъ и прошу ее, какъ только будетъ возможно, доставить мнѣ туда вещи.

Получивъ мое письмо и зная изъ газетъ, что мы изъ Быхова бѣжали и что большевики отдали распоряженіе насъ задержать въ пути, она рѣшила немедленно проѣхать въ Новочеркасскъ самой.

Пріѣхавъ въ Ростовъ 27 Ноября (10 Декабря) утромъ, она, въ ожиданіи поѣзда на Новочеркасскъ, сдала всѣ вещи на храненіе, а сама прошла въ залъ I класса.

Какъ разъ въ это время произошло въ Ростовѣ выступленіе большевиковъ, и они, занявъ городъ, двинулись къ вокзалу.

На вокзалѣ началась паника, и бывшимъ тамъ пассажирамъ объявили, что, кто хочетъ спасаться отъ большевиковъ, можетъ воспользоваться поѣздомъ, отходящимъ въ Таганрогъ.

Моя жена едва успѣла вскочить въ отходящій поѣздъ и проѣхала въ Таганрогъ.

5/18 Декабря, когда движеніе опять возстановилось, она поѣхала черезъ Ростовъ въ Новочеркасскъ.

Но въ Ростовѣ изъ вещей, сданныхъ на храненіе, на складѣ оказались только два взрѣзанныхъ и пустыхъ чемодана. Всѣ вещи, какъ мои, такъ и ея, пропали.

Пріѣхавъ въ Новочеркасскъ, про меня она ничего узнать не могла, такъ какъ тѣ лица, которыя знали, что я поѣхалъ во Владикавказъ, почему-то считали, что объ этомъ никому говорить нельзя, и моя жена, въ полной неизвѣстности, принуждена была жить въ Новочеркасскѣ.

* *
*

Пріѣхавъ во Владикавказъ, я поселился въ небольшой гостинницѣ и страшно скучалъ, ожидая вѣстей изъ Новочеркасска.

Одинъ мой знакомый просилъ меня занести во Владикавказѣ письмо къ Тапѣ Чермоеву, предсѣдателю союза горцевъ.

Чермоевъ меня очень любезно принялъ и въ разговорѣ спросилъ, не согласился бы я помочь горцамъ сорганизоваться и устроить приличную армію.

Я отказался, сказавъ, что теперь обстановка такова, что можно ожидать рѣзню между горцами и терскими казаками и что, въ этомъ случаѣ, мое положеніе могло бы оказаться болѣе чѣмъ страннымъ.

Настроеніе во Владикавказѣ было напряженное. Почти каждую ночь разбойники-осетины дѣлали набѣги на городъ и грабили магазины.

По вечерамъ я часто бывалъ у атамана Терскаго казачьяго войска, Караулова; отъ него узнавалъ обстановку.

Въ этотъ періодъ началось движеніе въ тылъ отдѣльныхъ частей съ Кавказскаго фронта. Терская область и Ставропольская губернія стали наполняться большевистски настроенными солдатами. То тамъ, то здѣсь начинали вспыхивать безпорядки. Началось броженіе и въ нѣкоторыхъ станицахъ Терскаго казачьяго войска.

Атаманъ Карауловъ постоянно разъѣзжалъ и, насколько возможно, поддерживалъ порядокъ.

Во время одной изъ такихъ поѣздокъ, около половины конца декабря, на станціи Прохладной взбунтовавшаяся толпа отцѣпила его вагонъ отъ поѣзда и онъ былъ убитъ.

12/25 Декабря я получилъ телеграмму отъ Завойко (бывшій ординарецъ Корнилова), что онъ, вмѣстѣ съ генераломъ Корниловымъ, будутъ во Владикавказѣ 13/26 Декабря.

Въ этотъ день Завойко пріѣхалъ, но одинъ.

Онъ мнѣ сказалъ, что генералъ Корниловъ, послѣ неимовѣрно труднаго путешествія, 6/19 Декабря пріѣхалъ въ Новочеркасскъ;* что, познакомившись съ обстановкой, сложившейся въ Новочеркасскѣ, генералъ Корниловъ рѣшилъ, что ему тамъ нечего дѣлать и рѣшилъ проѣхать во Владикавказъ, гдѣ сговориться со мной, вызвать изъ Екатеринодара генерала Деникина и рѣшить, что дѣлать дальше; что все къ отъѣзду было готово, но, въ послѣднюю минуту, генералъ Корниловъ, подъ давленіемъ Московскихъ общественныхъ дѣятелей, измѣнилъ свое рѣшеніе и остался въ Новочеркасскѣ.

14/27 Декабря я получилъ телеграмму отъ генерала Эрдели, что генералъ Корниловъ меня вызываетъ.

Въ Новочеркасскъ я пріѣхалъ 16/29 Декабря; изъ Екатеринодара пріѣхали туда же генералы Деникинъ и Марковъ.

Я засталъ генерала Корнилова въ большомъ колебаніи.

Формированіе добровольческой арміи было уже начато генераломъ Алексѣевымъ.

По характеру генералы Алексѣевъ и Корниловъ мало подходили другъ къ другу.

Генералъ Корниловъ считалъ, что дѣло можетъ пойти успѣшно, лишь при условіи, если во главѣ будетъ стоять одинъ человѣкъ; генералъ Алексѣевъ говорилъ, что роли можно распредѣлить; онъ указывалъ, что въ его рукахъ останутся финансовые вопросы и политика (внѣшняя и внутренняя), а генералъ Корниловъ всецѣло займется формированіемъ арміи и ея управленіемъ.

---

* 19 Ноября (2 Декабря) 1917 года, въ 11 часовъ вечера, генералъ Корниловъ вышелъ изъ Быховской тюрьмы къ ожидавшему его Текинскому полку, поздоровался съ нимъ и, сѣвъ на коня, отправился съ полкомъ въ дальній и тяжелый путь.

20 Ноября (3 Декабря) большевики узнали о бѣгствѣ Быховскихъ узниковъ, причемъ, по полученнымъ ими даннымъ, выяснили, что нѣкоторые изъ бѣжавшихъ уѣхали изъ Быхова по желѣзной дорогѣ, а генералъ Корниловъ, съ другими и съ Текинцами, отправился куда то походнымъ порядкомъ.

Большевиками было отдано распоряженіе внимательно осматривать поѣзда, провѣрять у пассажировъ документы и постараться поймать отправившихся по желѣзной дорогѣ.

Для того, чтобы перерѣзать путь Текинскому полку, было ими отдано распоряженіе по телеграфу, черезъ всѣ телеграфныя станціи раіона, примыкающаго къ Быхову, сообщать въ Ставку о всѣхъ данныхъ, могущихъ точно выяснить направленіе движенія Текинскаго полка.

Большевикамъ удалось выслѣдить путь движенія полка и около станціи Унеча черниговской губерніи, предполагая перейти черезъ полотно желѣзной дороги, полкъ попалъ подъ сильный пулеметный огонь большевистскаго броневого поѣзда и понесъ большія потери.

Затѣмъ, на другой день, полкъ наткнулся на засаду, устроенную въ лѣсу и, отъ пулеметнаго огня, понесъ опять значительныя потери.

Послѣ переправы черезъ р. Сеймъ полкъ попалъ въ плохо замерзшій болотистый раіонъ и потерялъ много лошадей.

Морозъ держался крѣпкій; люди были плохо одѣты, у лошадей посбивались подковы. Населеніе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, относилось враждебно и не всегда удавалось получить продовольствіе и фуражъ.

Путь былъ крайне тяжелый.

Наконецъ Корниловъ рѣшилъ снять тяжелый крестъ съ вѣрныхъ текинцевъ и, полагая, что самимъ имъ будетъ идти безопасно, оставилъ ихъ и, переодѣвшись крестьяниномъ, съ подложнымъ паспортомъ, отправился на Донъ одинъ, куда и пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ 6/19 Декабря.

Генералъ Корниловъ доказывалъ, что ихъ параллельная дѣятельность будетъ вызывать постоянныя тренія и, прежде всего, въ финансовыхъ вопросахъ, такъ какъ каждую копѣйку на организацію и нужды арміи придется ему испрашивать у генерала Алексѣева. Затѣмъ генералъ Корниловъ указывалъ, что, съ развитіемъ дѣла, ему, какъ командующему арміей, придется вплотную подойти къ внутренней политикѣ, которая будетъ находиться въ вѣдѣніи генерала Алексѣева; что это, опять-таки, породитъ недоразумѣнія и тренія.

Въ сущности говоря, это сознавалъ и генералъ Алексѣевъ, предложившій генералу Корнилову такое рѣшеніе: «Вы, Лавръ Георгіевичъ, поѣзжайте въ Екатеринодаръ и тамъ, совершенно самостоятельно, приступайте къ формированію частей Добровольческой арміи, а я буду формировать на Дону».

Генералъ Корниловъ категорически отъ этого отказался, сказавъ, что это не выходъ, что это было бы еще хуже.

— «Если-бъ я на это согласился, то, находясь на такомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, мы, Михаилъ Васильевичъ, уподобились бы съ Вами двумъ содержателямъ балагановъ, зазывающихъ къ себѣ публику на одной и той же ярмаркѣ».

Генералъ Корниловъ хотѣлъ ѣхать на Волгу, а оттуда въ Сибирь. Онъ считалъ болѣе правильнымъ, чтобы генералъ Алексѣевъ оставался на югѣ Россіи, а ему дали бы возможность вести работу въ Сибири.

Онъ доказывалъ, что для дѣла это будетъ лучше; что одинъ другому они мѣшать не будутъ и вѣрилъ, что ему удастся создать въ Сибири большое дѣло.

Онъ рвался на просторъ, гдѣ возможна была самостоятельная работа.

Но пріѣхавшіе въ Новочеркасскъ изъ Москвы представители національнаго центра* настаивали на томъ, чтобы Корниловъ оставался на югѣ Россіи и работалъ совмѣстно съ Алексѣевымъ и Калединымъ.

Такъ какъ Корниловъ не соглашался, то было заявлено, что Московскія общественныя организаціи совершенно опредѣленно поручили заявить, что руководители анти-большевистскаго движенія могутъ разсчитывать на моральную и матеріальную помощь лишь при условіи, что всѣ они (Алексѣевъ, Корниловъ и Калединъ) будутъ работать на югѣ Россіи совмѣстно, распредѣливъ между собой роли и подписавъ составленное между собой соглашеніе; при этомъ было указано, что только послѣ того, какъ это соглашеніе состоится и, подписанное всѣми тремя генералами, будетъ передано представителямъ Англіи и Франціи, можно разсчитывать на полученіе денежной помощи отъ союзниковъ.

Генералъ Корниловъ принужденъ былъ согласиться и, нѣсколько позже, было составлено, подписано и передано представителямъ Московскихъ общественныхъ организацій соглашеніе, по которому генералъ Алексѣевъ принималъ на себя завѣдываніе всѣмъ финансовымъ дѣломъ и вопросами, касающимися внѣшней и внутренней политики; генералъ Корниловъ принималъ на себя организацію и командованіе Добровольческой арміей; а генералъ

---

* Въ Новочеркасскъ пріѣхали: князь Григорій Николаевичъ Трубецкой, Петръ Бернгардовичъ Струве, Михаилъ Михайловичъ Федоровъ, Николай Николаевичъ Львовъ, Г. Бѣлоусовъ и Павелъ Николаевичъ Милюковъ.

Наѣзжали на нѣсколько дней и другіе, но фамилій ихъ не помню.

Калединъ формированіе Донской арміи и управленіе всѣми дѣлами и вопросами, касающимися войска Донского.

Принципіальные вопросы они должны были разрѣшать совмѣстно.

Разсказавъ мнѣ все это, генералъ Корниловъ предложилъ мнѣ быть у него начальникомъ штаба.

При слѣдующемъ нашемъ свиданіи, когда мы разбирались въ томъ, что было уже сдѣлано и что надо дѣлать дальше, генералъ Корниловъ вновь заговорилъ о томъ, что онъ останется на югѣ Россіи по принужденію; что онъ согласился на это только по настоянію представителей Московскихъ общественныхъ дѣятелей; что онъ боится за успѣхъ работы, когда во главѣ дѣла будетъ стоять не одинъ полноправный распорядитель, а два* равноправныхъ, не подчиненныхъ одинъ другому; что онъ опасается возникновенія постоянныхъ недоразумѣній, особенно по финансовымъ вопросамъ; что онъ, наконецъ, мало вѣритъ въ успѣхъ работы на югѣ Россіи, гдѣ придется создавать дѣло на территоріи казачьихъ войскъ и, въ значительной степени, зависѣть отъ войсковыхъ атамановъ.

Закончилъ генералъ Корниловъ такъ: «Сибирь я знаю, въ Сибирь я вѣрю; я убѣжденъ, что тамъ можно будетъ поставить дѣло широко. Здѣсь же съ дѣломъ легко справится и одинъ генералъ Алексѣевъ. Я убѣжденъ, что долго здѣсь оставаться я буду не въ силахъ Жалѣю только, что меня задерживаютъ теперь и не пускаютъ въ Сибирь, гдѣ необходимо начинать работу возможно скорѣй, чтобы не упустить время».

Этотъ взглядъ генерала Корнилова отразился на всей его работѣ въ новочеркасскій періодъ. Онъ всей душой и сердцемъ стремился въ Сибирь, хотѣлъ, чтобы его отпустили, и къ работѣ по формированію Добровольческой арміи на Дону относился безъ особаго интереса.

Придавая большое значеніе Сибири и Поволжью, генералъ Корниловъ послалъ въ Сибирь рядъ писемъ къ мѣстнымъ политическимъ дѣятелямъ (въ томъ числѣ Попеляеву) и, по его просьбѣ, генераломъ Алексѣевымъ былъ командированъ туда генералъ Флугъ, на котораго была возложена задача, ознакомить Сибирскихъ политическихъ дѣятелей съ тѣмъ, что дѣлается на югѣ Россіи, постараться объединить офицеровъ и настоять на созданіи тамъ противобольшевисткаго фронта. На Волгу — въ Нижній-Новгородъ, Казань, Самару, Царицынъ и Астрахань были командированы офицеры съ цѣлью сорганизовать тамъ противобольшевистскія силы и постар.ться, поднявъ возстаніе противъ большевиковъ, захватить въ свои руки эти пункты.

У генерала Корнилова зрѣлъ очень широкій планъ: онъ не ограничивался идеей борьбы съ большевиками; онъ, вѣря въ Сибирь и Поволжье, былъ убѣжденъ, что можно будетъ не только смести большевиковъ, но и возсоздать фронтъ для борьбы съ Германіей.

Работа на Дону ему представлялась работой сравнительно мелкой, мѣстнаго характера; работа же на востокѣ — работой крупнаго, европейскаго масштаба.

Къ сожалѣнію опасенія Корнилова, что у него будутъ тренія и недоразумѣнія съ Алексѣевымъ, оправдались съ первыхъ же дней ихъ совмѣстной работы.

* Не считая генерала Каледина, который въ вопросы формированія Добровольческой арміи не вмѣшивался.

Тренія происходили и изъ-за невозможности точно разграничить кругъ вѣдѣнія одного отъ другого, и по разрѣшенію различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ денежными отпусками.

Я лично считалъ, что лучше предоставить генералу Корнилову свободу дѣйствій и не возражать противъ его желанія ѣхать въ Сибирь, но бывшіе въ Новочеркасскѣ Московскіе общественные дѣятели продолжали считать необходимымъ, чтобы генералъ Корниловъ оставался на югѣ Россіи. Они считали, что если уѣдетъ Корниловъ, то за нимъ въ Сибирь поѣдутъ очень многіе изъ вступившихъ въ ряды Добровольческой арміи и дѣло, начатое въ Новочеркасскѣ, можетъ развалиться.

П. Б. Струве, П. Н. Милюковъ, кн. Г. Н. Трубецкой, М. М. Федоровъ и А. И. Деникинъ нѣсколько разъ выступали въ роли миротворцевъ и налаживали отношенія между генералами Корниловымъ и Алексѣевымъ.

Во второй половинѣ (концѣ) Декабря въ Новочеркасскъ, изъ Екатеринодара, пріѣхалъ Савинковъ.

Сначала Савинковъ посѣтилъ генерала Каледина, а затѣмъ генерала Алексѣева.

Онъ заявилъ, что считаетъ свое участіе въ работѣ по созданію Добровольческой арміи не только желательнымъ, но, для дѣла, безусловно необходимымъ.

Онъ указалъ на то, что, по его глубокому убѣжденію, возглавленіе борьбы съ большевиками одними генералами болѣе чѣмъ ошибочно; что изъ этого ничего серьезнаго не выйдетъ; что масса отнесется, въ этомъ случаѣ, къ начатому дѣлу — какъ къ контръ-революціонному; что необходимо при генералѣ Алексѣевѣ создать политическое совѣщаніе, въ составъ котораго долженъ войти онъ, Савинковъ; что присутствіе его въ составѣ этого политическаго совѣщанія, работающаго рука объ руку съ Л. Г. Корниловымъ, ясно покажетъ всѣмъ, что начатое дѣло есть дѣло чисто патріотическое, чуждое какихъ либо контръ-революціонныхъ замысловъ.

Л. Г. Корниловъ, къ которому обратились генералы Алексѣевъ и Калединъ, сначала отвѣтилъ категорическимъ отказомъ работать вмѣстѣ съ Савинковымъ.

Но затѣмъ Алексѣевъ и Калединъ убѣдили Корнилова согласиться.

Главный мотивъ, которымъ удалось въ концѣ концовъ убѣдить Корнилова, заключался въ томъ, что если Савинковъ будетъ работать съ нами, то онъ будетъ полезенъ; если же отвергнуть его предложеніе, то онъ можетъ, работая отдѣльно, сильно повредить начатому нами дѣлу.

Л. Г. Корниловъ согласился.

При генералѣ Алексѣевѣ было рѣшено образовать политическое совѣщаніе въ составѣ: предсѣдатель — Алексѣевъ; члены: Корниловъ, Калединъ, Деникинъ, Лукомскій, Романовскій, Струве, Милюковъ, кн. Григорій Трубецкой, Федоровъ и Савинковъ.

Генералъ Деникинъ категорически отказался участвовать въ составѣ совѣщанія и ни на одно изъ засѣданій не приходилъ.

Я также не склоненъ былъ работать совмѣстно съ Савинковымъ, но генералъ Корниловъ, въ концѣ концовъ, меня уговорилъ.

Онъ мнѣ сказалъ:

«Мнѣ очень жаль, что Антонъ Ивановичъ Деникинъ рѣшительно отказался отъ участья въ совѣщаніи; но если и Вы, будучи моимъ началь-

никомъ штаба, не захотите бывать на совѣщаніи, то это отразится вредно на дѣлѣ.

Теперь внутренняя политика будетъ такъ переплетена съ военнымъ дѣломъ, что Вы, какъ начальникъ штаба, должны быть въ курсѣ всего, что дѣлается.

Повѣрьте, что я не менѣе остро, чѣмъ Вы, чувствую ненормальность нашей будущей работы съ Савинковымъ; еще слишкомъ для насъ болѣзненно воспоминаніе о работѣ Савинкова совмѣстно съ Керенскимъ — послѣ всей мерзости и подлости, которыя Керенскій проявилъ по отношенію къ намъ.

Но я переборолъ себя и рѣшилъ это забыть, такъ какъ для меня, прежде всего, важно спасти родину, а не сводить личные счеты.

Переломите себя и давайте вмѣстѣ работать».

Какъ мнѣ передавали, Савинковъ, въ Екатеринодарѣ, говоря о Корниловскомъ выступленіи и обвиняя меня въ созданіи заговора въ Ставкѣ, въ который я, яко-бы, вовлекъ генерала Корнилова, сказалъ:

«Этого я простить Лукомскому не могу и считаю его смертельнымъ моимъ врагомъ. Если мы когда-нибудь встрѣтимся, то одинъ изъ насъ въ живыхъ не останется».

Насколько передаваемое мнѣ было справедливо, я не знаю, но я рѣшилъ, при первомъ же свиданіи съ Савинковымъ, поставить ему вопросъ — какъ онъ относится къ нашей совмѣстной работѣ.

Я, нѣсколько запоздавъ на первое засѣданіе политическаго совѣщанія, войдя въ комнату, гдѣ всѣ собравшіеся уже сидѣли за столомъ, подошелъ къ Савинкову, который, при моемъ къ нему приближеніи, всталъ.

— «Послѣ всего того, что произошло въ Могилевѣ, судьба насъ вновь свела и мы сегодня встрѣтились. Прежде чѣмъ сѣсть за этотъ столъ, я хотѣлъ бы знать Ваше откровенное мнѣніе о возможности намъ съ Вами совмѣстно работать. Я хочу знать, не отразится ли на работѣ Ваше отношеніе ко мнѣ и не повредитъ ли оно дѣлу нами здѣсь начатому».

Савинковъ на это отвѣтилъ:

«Генералъ, я знаю отлично все несходство нашихъ политическихъ убѣжденій. Но теперь у насъ одна дорога, одна цѣль — это свергнуть большевиковъ и спасти Россію. Въ будущемъ мы, конечно, станемъ опять политическими врагами, но пока, я опредѣленно это заявляю и обѣщаю, что съ моей стороны не будетъ никакихъ противодѣйствій Вашей работѣ, которыя могли бы основываться на какихъ либо личныхъ отношеніяхъ».

На первомъ же засѣданіи Савинковъ возбудилъ вопросъ о необходимости выработать воззваніе къ народу, въ которомъ ясно и опредѣленно указать цѣли борьбы и политическую физіономію Добровольческой арміи.

Послѣ обсужденія основныхъ положеній проектируемаго воззванія, было поручено Савинкову, его составить и представить на обсужденіе совѣщанія.

На слѣдующемъ засѣданіи проектъ воззванія былъ оглашенъ Савинковымъ, но встрѣтились нѣкоторыя возраженія и въ концѣ воззванія было не ясно указано, о какомъ Учредительномъ Собраніи, которое должно будетъ рѣшить форму правленія въ Россіи, идетъ рѣчь: о новомъ, или объ Учредительномъ Собраніи 1917 года.

По послѣднему вопросу всѣ высказались единодушно, что объ Учредительномъ Собраніи 1917 года не можетъ быть и рѣчи; что выборы въ это

собраніе были произведены подъ давленіемъ большевиковъ и что составъ этого собранія не можетъ быть выразителемъ мнѣнія Россіи.

П. Н. Милюковъ вызвался пересоставить воззваніе.

Пересоставленное воззваніе было одобрено, напечатано и были приняты мѣры къ широкому его распространенію.

Савинковъ пробылъ въ Новочеркасскѣ не долго.

Передъ его отъѣздомъ въ Москву, около 10/23 Января 1918 года, произошелъ слѣдующій случай.

Какъ-то вечеромъ А. И. Деникинъ, котораго передъ тѣмъ вызывалъ генералъ Алексѣевъ, заѣхалъ за мной и просилъ немедленно ѣхать съ нимъ къ Алексѣеву.

По дорогѣ онъ разсказалъ, что его вызвалъ генералъ Алексѣевъ и что идетъ рѣчь о раскрытіи, будто бы, готовящихся покушеній на Савинкова и Алексѣева.

Когда мы пріѣхали, генералъ Алексѣевъ намъ разсказалъ, что кто-то изъ чиновъ контръ-развѣдки предупредилъ о готовящемся покушеніи на Савинкова, а послѣднему сообщили, что готовится покушеніе и на него — Алексѣева; что во всемъ этомъ надо разобраться совмѣстно съ Савинковымъ, который долженъ сейчасъ пріѣхать.

Генералъ Деникинъ, не желавшій встрѣчаться съ Савинковымъ, прошелъ въ другое помѣщеніе, а я остался въ кабинетѣ генерала Алексѣева.

Пріѣхавшій Савинковъ подтвердилъ то, что было сказано генераломъ Алексѣевымъ. Вызванный офицеръ контръ-развѣдки, отъ котораго были получены эти свѣдѣнія, ничего опредѣленнаго сказать не могъ.

Кончилось это тѣмъ, что было приказано принять мѣры для охраны г. Савинкова, выяснить болѣе точно источникъ этихъ слуховъ и постараться его провѣрить.

Савинковъ вскорѣ послѣ этого уѣхалъ въ Москву, а разслѣдованіе этого случая не привело ни къ какимъ результатамъ.

Противъ Савинкова многіе были возстановлены и, возможно, что въ этой исторіи и была доля правды; что же касается слуха о возможномъ покушеніи на ген. Алексѣева, то этотъ слухъ, если онъ въ дѣйствительности и былъ, явно вздоренъ.

Формированіе и организація Добровольческой арміи подвигались медленно.

Въ среднемъ, въ день пріѣзжало и записывалось въ ряды арміи 75—80 добровольцевъ.

Солдатъ было мало; больше всего записывались въ армію офицеры, юнкера, студенты, кадеты и гимназисты старшихъ классовъ.

Орудій, винтовокъ и огнестрѣльныхъ припасовъ въ Донскихъ складахъ почти не было.

Приходилось ихъ отбирать у проходившихъ черезъ Ростовъ и Новочеркасскъ войсковыхъ эшелоновъ, ѣдущихъ «по домамъ»; покупать, черезъ скупщиковъ, въ эшелонахъ, проходящихъ черезъ раіонъ войска Донского, и, наконецъ, добывать небольшими экспедиціями, посылаемыми въ Ставропольскую губернію, гдѣ начали сосредоточиваться большевистски настроенныя части съ Кавказскаго фронта.

Въ Екатеринодарѣ производилось самостоятельное формированіе добровольческаго отряда для защиты, главнымъ образомъ, Екатеринодара отъ большевиковъ, начавшихъ угрожать со стороны Тихорѣцкой и Новороссійска.

Формированіе Донскихъ частей подвигалось плохо.

Возвращающіяся съ фронта части не хотѣли воевать, стремились разойтись по станицамъ и молодые казаки вступили въ открытую борьбу со стариками.

Во многихъ станицахъ эта борьба пріобрѣла ожесточенный характеръ; расправы съ обѣихъ сторонъ были жестокія.

Но пришедшихъ съ фронта казаковъ было больше чѣмъ стариковъ, они всѣ были хорошо вооружены и, въ большинствѣ станицъ, побѣда осталась на сторонѣ молодежи, проповѣдовавшей большевистскія идеи.

Выяснилось, что и въ Донскомъ войскѣ можно создать прочныя части, только основываясь на принципѣ добровольчества.

Формировать добровольческія (партизанскія) Донскія части вызвалось довольно много желающихъ изъ числа Донскихъ офицеровъ. Это дѣло въ Донскомъ штабѣ не было какъ слѣдуетъ налажено; разрѣшеніе на формированіе партизанскихъ отрядовъ давалось чуть ли не каждому просившему; появилось много авантюристовъ, иногда просто разбойниковъ, которые, съ цѣлью личной наживы, грабили населеніе.

Хорошими партизанскими начальниками оказались есаулъ Чернецовъ и генералъ Семилѣтовъ.

Особенно хорошъ былъ Чернецовъ, который своими молодецкими набѣгами на районы, занятые большевистскими отрядами и рядомъ геройскихъ дѣлъ скоро пріобрѣлъ громадную популярность.

Недостатокъ финансовыхъ средствъ крайне затруднялъ работу по формированію Добровольческой арміи.

Какъ я уже отмѣтилъ, изъ-за недостатка денегъ, генералъ Алексѣевъ затруднялся обратиться ко всему офицерству съ призывомъ идти на Донъ. Это было имъ сдѣлано только въ Декабрѣ; но, къ этому времени, сообщенія съ различными районами Россіи стало гораздо труднѣй, офицерамъ стало опаснымъ пробираться по желѣзнымъ дорогамъ.

Первоначальныя средства на формированіе Добровольческой арміи складывались изъ пожертвованій, получавшихся генераломъ Алексѣевымъ, а затѣмъ и генераломъ Корниловымъ въ Новочеркасскѣ и въ Ростовѣ, и изъ присылокъ изъ Москвы; но этого было слишкомъ недостаточно.

По соглашенію съ Донскимъ атаманомъ Калединымъ и представителями Государственнаго банка, было выяснено, какая сумма можетъ быть взята изъ отдѣленій Государственнаго банка и казначейства на нужды арміи.

Если мнѣ память не измѣняетъ, всего было получено этимъ путемъ тридцать милліоновъ рублей, изъ коихъ пятнадцать пошли на нужды Дона, а пятнадцать были переданы въ распоряженіе генерала Алексѣева.

Затѣмъ были составлены рисунки новыхъ денежныхъ знаковъ и для ихъ печатанія рѣшено было устроить при Ростовскомъ отдѣленіи Государственнаго банка экспедицію заготовленія денежныхъ знаковъ. Но машины были установлены и клише для печатанія были готовы только въ началѣ (серединѣ) Февраля 1918 года, когда обстановка заставила Добровольческую армію оставить Ростовъ.

Въ концѣ Декабря 1917 года (первой половинѣ Января 1918 года) въ Новочеркасскъ пріѣхали изъ Москвы два представителя отъ великобританской и французской военныхъ миссій.

Эти представители интересовались тѣмъ, что сдѣлано и что предполагается дѣлать и заявили, что пока союзники могутъ намъ помочь только деньгами. Они сказали, что есть полная надежда получить сто милліоновъ рублей, которые будутъ передаваться въ распоряженіе генерала Алексѣева по десяти милліоновъ въ мѣсяцъ.

Первая получка ожидалась въ Январѣ 1918 года, но запоздала и отъ союзниковъ въ этотъ періодъ мы ничего не получили.

Къ концу Декабря (началу Января) былъ пополненъ Корниловскій полкъ, который былъ проведенъ на Донъ съ юго-западнаго фронта командиромъ полка, капитаномъ Нѣженцовымъ; были сформированы офицерскій, юнкерскій и георгіевскій батальоны, четыре батареи артиллеріи, инженерная рота, офицерскій эскадронъ и рота изъ гвардейскихъ офицеровъ.

Къ серединѣ Января получилась небольшая (всего около пяти тысячъ человѣкъ), но очень сильная въ моральномъ отношеніи Добровольческая армія.

Большевики, которые до Декабря никакихъ силъ на югѣ Россіи, въ раіонѣ Дона, не имѣли, въ Декабрѣ начали стягивать для ликвидаціи «контръреволюціонеровъ» части съ западнаго фронта и формировать, въ раіонахъ Царицына, Ставропольской губерніи и Терскаго казачьяго войска, части войскъ изъ состава войсковыхъ частей бывшаго Кавказскаго фронта.

Большевики стали угрожать со стороны Донецкаго бассейна вдоль желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ на Таганрогъ, на станціи Звѣрево и Лиски; со стороны Воронежа, и со стороны Торговой и Тихорѣцкой.

Если казачье населеніе еще колебалось и въ части станицъ благоразумный голосъ стариковъ взялъ перевѣсъ, то иногородніе (не казачье населеніе) цѣликомъ стало на сторону большевиковъ.

Иногороднее населеніе въ казачьихъ областяхъ всегда завидывало казачеству, владѣвшему большимъ количествомъ земли, и, становясь на сторону большевиковъ, они, прежде всего, надѣялись, наравнѣ съ казачествомъ, принять участіе въ дѣлежѣ офицерскихъ и помѣщичьихъ земель.

Ростовъ и Новочеркасскъ были переполнены большевиками.

Тѣми небольшими силами, которыя находились въ распоряженіи генераловъ Корнилова и Каледина, приходилось не только отбивать наступательныя попытки большевиковъ, но и поддерживать порядокъ въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ.

Генералы Алексѣевъ и Корниловъ считали, что необходимо довести численность арміи до десяти тысячъ человѣкъ, а затѣмъ только начать расширяться и приступить къ выполненію болѣе крупныхъ задачъ.

По соглашенію съ генераломъ Калединымъ было рѣшено, что генералы Алексѣевъ и Корниловъ перейдутъ въ Ростовъ, который станетъ центромъ формированія Добровольческой арміи.

Генералъ Калединъ принималъ на себя охрану Дона съ сѣвера, но просилъ, чтобы, какъ ядро для его формируемыхъ частей, въ его распоряженіи была оставлена часть Добровольческой арміи.

Генералъ Корниловъ согласился и офицерскій батальонъ, съ одной батареей, былъ оставленъ для прикрытія Новочеркасска съ сѣвера.

Около середины (конца Января) 1918 года генералы Алексѣевъ, Корниловъ и штабъ Добровольческой арміи перешли въ Ростовъ.

Положеніе, между тѣмъ, стало труднымъ.

Всѣ желѣзныя дороги, ведущія изъ Европейской Россіи къ Новочеркасску и Ростову, были въ рукахъ большевиковъ; притокъ пополненія къ арміи почти прекратился, — просачивались только отдѣльные смѣльчаки.

Большевики стали насѣдать съ запада и съ востока, и наши части начали нести крупныя потери.

Думать о какой-нибудь наступательной операціи было трудно. Оставаясь же на мѣстѣ и только отбивая насѣдавшихъ большевиковъ, мы рисковали, что скоро будемъ совершенно окружены и истечемъ кровью.

У генерала Корнилова еще была надежда получить помощь отъ горцевъ Кавказа; туда были посланы офицеры съ порученіемъ войти въ связь съ лицами, стоявшими во главѣ горскихъ народовъ, и набирать добровольцевъ.

Эта же задача была дана генералу Эрдели, находившемуся въ Екатеринодарѣ для связи съ Кубанскимъ правительствомъ и атаманомъ.

Около 20 Января (2 Февраля) генералъ Эрдели прислалъ телеграмму, что онъ пріѣзжаетъ въ Ростовъ вмѣстѣ съ княземъ Девлетъ Гиреемъ, который обѣщаетъ выставить до десяти тысячъ черкесовъ.

Князь Девлетъ Гирей, пріѣхавъ въ Ростовъ, подтвердилъ генералу Корнилову предложеніе, имъ сдѣланное генералу Эрдели, указавъ, что въ теченіе двухъ недѣль онъ обязуется выставить двѣ тысячи черкесовъ, а остальные имъ будутъ выставлены въ теченіе 1½—2 мѣсяцевъ.

Но за это, кромѣ вооруженія и довольно значительнаго денежнаго содержанія для выставляемыхъ черкесовъ, онъ просилъ выдать ему единовременно около милліона рублей.

Было очень сомнительно, чтобы князь Гирей былъ въ состояніи выполнить свое обѣщаніе, но генералъ Корниловъ считалъ, что рискнуть надо.

Генералъ Алексѣевъ категорически отказалъ въ выдачѣ столь значительной суммы денегъ; онъ сказалъ, что совершенно не вѣритъ въ выполнимость этого проекта, но, что если генералъ Корниловъ все же хочетъ рискнуть, то онъ на это можетъ дать всего двѣсти тысячъ рублей.

Кн. Гирей не согласился и обиженный уѣхалъ въ Екатеринодаръ.

Какъ показали послѣдующія событія, этотъ проектъ не былъ бы осуществленъ и привелъ бы не къ усиленію черкесами Добровольческой арміи, а, въ лучшемъ случаѣ, только къ тому, что вооруженные черкесы, оставаясь въ раіонѣ своихъ ауловъ, оказали бы на мѣстахъ у себя болѣе упорное сопротивленіе большевикамъ.

Къ концу Января (началу Февраля) большевики заняли Батайскъ *, угрожая этимъ непосредственно Ростову, а на западѣ ими былъ занятъ Таганрогъ и они стали и съ этой стороны продвигаться къ Ростову.

Съ сѣвера нажимъ большевиковъ вдоль желѣзной дороги отъ Воронежа въ направленіи на Новочеркасскъ сталъ также увеличиваться.

Появились конныя части большевиковъ со стороны Донецкаго бассейна и опредѣлилась угроза въ направленіи на Новочеркасскъ и Ростовъ.

Положеніе становилось все болѣе и болѣе серьезнымъ; кругъ замыкался.

Генералъ Корниловъ считалъ, что дальнѣйшее нахожденіе Добровольческой арміи въ Ростовскомъ раіонѣ безполезно; что развалившееся Донское казачество не можетъ оказать серьезной поддержки, а мы не въ силахъ

*** Противъ Ростова на лѣвомъ берегу Дона.**

спасти его отъ большевиковъ; что необходимо двинуться къ Екатеринодару на соединеніе съ добровольческими частями, тамъ формировавшимися, и съ Кубанскими частями, не перешедшими на сторону большевиковъ. Казалось, что Кубань можетъ избѣгнуть поголовной большевистской заразы.

Донской атаманъ, генералъ Калединъ, чувствуя всю серьезность положенія и сознавая, что безъ Добровольческой арміи онъ не въ силахъ отстоять Донъ отъ большевиковъ, проектировалъ сосредоточить главныя силы Добровольческой арміи къ Новочеркасску.

Генералы Алексѣевъ и Корниловъ противъ этого возражали, указывая, что тогда мы потеряемъ Ростовъ и Добровольческая армія попадетъ подъ Новочеркасскомъ въ ловушку; что этимъ мы не поможемъ Дону, а начатое дѣло погибнетъ.

26 Января (8 Февраля) генералъ Калединъ прислалъ телеграмму, прося генераловъ Алексѣева и Корнилова немедленно пріѣхать въ Новочеркасскъ, чтобы присутствовать на засѣданіи, которое онъ устраиваетъ, вечеромъ того же дня, съ членами Донского правительства и Донского круга, вернувшимися послѣ объѣзда станицъ.

Генералъ Калединъ указалъ въ телеграммѣ, что этому совѣщанію онъ придаетъ чрезвычайное значеніе и что на немъ долженъ быть принятъ планъ дальнѣйшей борьбы съ большевиками.

Но положеніе подъ Ростовымъ было настолько серьезно, что ни генералъ Корниловъ, ни генералъ Алексѣевъ не сочли возможнымъ выѣхать въ Новочеркасскъ.

Поѣхалъ я — какъ ихъ представитель.

На засѣданіе были приглашены и Московскіе общественные дѣятели.

Доклады, сдѣланные на засѣданіи предсѣдателемъ Донского правительства и членами Донского круга, обрисовали очень тяжелую картину.

Донъ окончательно разваливался и спасти положеніе было трудно.

Послѣ моего заявленія о невозможности что либо дать изъ состава Добровольческой арміи для непосредственной обороны Новочеркасска, а что, наоборотъ, генералъ Корниловъ проситъ возможно скорѣй вернуть ему офицерскій батальонъ, большинство присутствующихъ на засѣданіи высказалось въ томъ смыслѣ, что удержать Новочеркасскъ будетъ невозможно и что атаману, съ правительствомъ и войсковымъ кругомъ, надо переѣхать немедленно въ районъ еще крѣпкихъ и стойкихъ станицъ, расположенныхъ по р. Дону, и тамъ постараться заставить казачество откликнуться на призывъ атамана.

Указывалось на то, что Новочеркасскъ слишкомъ на отлетѣ, что непосредственное общеніе атамана со станицами можетъ исправить дѣло.

Генералъ Калединъ выслушалъ всѣхъ говорившихъ, а затѣмъ опредѣленно заявилъ, что оставлять Новочеркасскъ онъ не можетъ; что онъ считаетъ недопустимымъ атаману бѣжать изъ столицы Донского края и скитаться по станицамъ; если ничего не выйдетъ, то онъ погибнетъ здѣсь, въ Новочеркасскѣ.

Послѣ этого онъ закрылъ засѣданіе и мы разошлись по домамъ.

Вернувшись на другой день въ Ростовъ, я доложилъ генералу Корнилову, что, по моему впечатлѣнію, генералъ Калединъ потерялъ вѣру въ возможность что либо сдѣлать для спасенія положенія.

29 Января (11 Февраля) была получена телеграмма, что генералъ Каледин застрѣлился.

Не выдержалъ старый и честный Донской атаманъ, такъ горячо любившій Россію и свой Донъ, и такъ вѣрившій прежде донцамъ!

Смерть атамана встрепенула на нѣкоторое время Донъ.

Старики казаки громко заявили, что они повинны въ смерти любимаго атамана и что долгъ всѣхъ казаковъ, хоть послѣ смерти атамана, выполнить его призывъ и стать на защиту Дона отъ большевиковъ.

Примолкла временно и молодежь.

Въ Новочеркасскъ тысячами стали стекаться донцы для формированія новыхъ частей.

Казалось, что Донъ ожилъ.

Но, въ значительной степени, вслѣдствіе того, что штабъ Донского войска оказался въ это время не на должной высотѣ (не давали помѣщеній для размѣщенія прибывающихъ казаковъ; не наладили довольствіе горячей пищей, не сумѣли наладить организаціонные вопросы), скоро подъемъ прошелъ и казаки стали опять расходиться и разъѣзжаться по станицамъ.

2/15 Февраля я сдалъ должность начальника штаба Добровольческой арміи генералу Романовскому и былъ командированъ генераломъ Корниловымъ въ Новочеркасскъ быть, въ качествѣ его представителя, при новомъ Донскомъ атаманѣ Назаровѣ. Главная задача, которая была на меня возложена, состояла въ томъ, чтобы настаивать на болѣе энергичномъ формированіи новыхъ частей и продолженіи самой упорной борьбы съ большевиками.

4/17 Февраля въ Новочеркасскъ пришелъ походнымъ порядкомъ отъ Екатеринослава, въ блестящемъ видѣ, 6-й Донской полкъ.

Просто не вѣрилось глазамъ.

Всѣ офицеры на мѣстахъ, полная дисциплина, никакихъ комитетовъ.

Полкъ заявилъ, что онъ хочетъ сейчасъ же идти на фронтъ.

Полку была устроена торжественная встрѣча.

Послѣ молебствія на соборной площади, атаманъ и предсѣдатель Донского правительства благодарили полкъ, прибывшій въ такомъ блестящемъ видѣ.

Трогательно было видѣть, какъ глубокіе старики донцы подходили къ полку и, кланяясь до земли, благодарили славныхъ станичниковъ за то, что они поддержали честь и славу Дона и не поддались искушенію большевистской пропаганды.

6/19 Февраля полкъ былъ отправленъ на фронтъ, а 8/21 Февраля, подъ вліяніемъ агитаторовъ, отказался сражаться . . .

Къ сѣверу отъ Новочеркасска, кромѣ небольшихъ казачьихъ и партизанскихъ частей, ничего не было.

Большевики насѣдали и было ясно, что дни Новочеркасска сочтены.

Въ ночь съ 8/21 на 9/22 Февраля 1918 года генералъ Корниловъ, увидя, что для Дона уже все кончено и что дальнѣйшая оборона Ростовскаго района, не приведя ни къ чему, погубитъ армію, вышелъ съ добровольцами изъ Ростова на Аксай, а затѣмъ, переправившись черезъ Донъ, сосредоточилъ 10/23 Февраля Добровольческую армію въ районѣ станицы Ольгинской.

10/23 Февраля на лошадяхъ, съ цѣлью пробраться къ желѣзной дорогѣ, а затѣмъ проѣхать въ Москву, выѣхали изъ Новочеркасска П. Б. Струве и князь Гр. Н. Трубецкой.

11/24 Февраля большевики были уже совсѣмъ близко отъ Новочеркасска и было ясно, что 12/25 Февраля они займутъ городъ.

Я, съ вечера, заказалъ себѣ сани, чтобы ѣхать рано утромъ 12/25 Февраля на соединеніе съ арміей.

Въ ночь съ 11/24 на 12/25 Февраля я, въ послѣдній разъ, говорилъ по телефону съ Донскимъ войсковымъ атаманомъ генераломъ Назаровымъ.

Онъ мнѣ сказалъ, что онъ рѣшилъ, вмѣстѣ съ войсковымъ кругомъ, не уѣзжать изъ Новочеркасска; что, оставаясь, онъ этимъ спасетъ городъ отъ разграбленія.

Я ему совѣтовалъ ѣхать въ армію генерала Корнилова; сказалъ, что, оставаясь въ Новочеркасскѣ, онъ обрекаетъ себя на напрасную гибель.

Генералъ Назаровъ мнѣ отвѣтилъ, что большевики не посмѣютъ тронуть выборнаго атамана и войсковой кругъ; что, по его свѣдѣніямъ, первыми войдутъ въ Новочеркасскъ присоединившіеся къ большевикамъ донскіе казаки подъ начальствомъ Голубова; что этотъ Голубовъ, хотя и мерзавецъ, убившій Чернецова, но его, Назарова, не тронетъ, такъ какъ онъ за него какъ-то заступился и освободилъ изъ тюрьмы.

Я убѣждалъ генерала Назарова не быть такимъ оптимистомъ и уѣхать. Закончилъ я такъ: «Если Вы останетесь, то Васъ растерзаютъ. Я понимаю, что можно было бы на это идти, если-бъ Вы этимъ что-нибудь спасали. А такъ гибнуть — совершенно безцѣльно».

Но мои уговоры были напрасны; генералъ Назаровъ еще разъ сказалъ, что онъ убѣжденъ, что его не посмѣютъ тронуть, а затѣмъ добавилъ, что если онъ ошибается и погибнетъ, то погибнетъ такъ — какъ завѣщалъ покойный атаманъ Каледінъ, сказавшій, что выборный атаманъ не смѣетъ покидать свой постъ.

*   *
*

Во время моего пребыванія въ Новочеркасскѣ меня безпокоилъ вопросъ о томъ, какъ поступить съ ранеными добровольцами, находившимися въ лазаретахъ.

Увозить ихъ было некуда, а оставлять въ лазаретахъ на растерзаніе большевиковъ было невозможно.

Снесясь съ генераломъ Алексѣевымъ, я получилъ отъ него деньги, которыя мною были переданы образовавшейся въ Новочеркасскѣ организаціи.

Было рѣшено, передъ приходомъ большевиковъ, тѣмъ добровольцамъ, которые могутъ передвигаться, выдать на руки нѣкоторую сумму денегъ и предоставить имъ самимъ какъ-нибудь устроиться въ городѣ или въ сосѣднихъ станицахъ.

Тяжело же раненыхъ и больныхъ, частью размѣстить на окраинахъ города у надежныхъ жителей, а часть, подъ видомъ простыхъ солдатъ, оставить въ лазаретахъ.

Такъ и было сдѣлано.

Впослѣдствіи выяснилось, что часть раненыхъ офицеровъ, изъ числа оставшихся въ Новочеркасскѣ, была большевиками убита.

*   *
*

Послѣ оставленія Ростова, Добровольческая армія, насчитывая въ своихъ рядахъ всего 2500 бойцовъ, совершенно оторвалась отъ внѣшняго міра.

Во время похода къ Екатеринодару, армія, перенеся всѣ трудности зимней кампаніи, прозванной впослѣдствіи «ледянымъ походомъ», непрерывно, не только вела бои съ преграждавшими ей путь большевиками, но отбивала атаки насѣдавшихъ на нее бандъ и съ фланговъ и съ тыла.

Послѣ смерти генерала Корнилова, убитаго подъ Екатеринодаромъ 31 Марта (13 Апрѣля) 1918 года, армія, опять послѣ ряда боевъ, пробилась обратно на территорію Дона, гдѣ, къ тому времени, возставшее противъ большевиковъ казачество очистило отъ нихъ свою территорію.

Армія только къ Маю 1918 года попала въ условія, позволившія ей отдохнуть и пополниться для продолженія борьбы съ большевиками.

Маленькая армія генерала Корнилова могла совершить этотъ трехмѣсячный, легендарный по своей трудности, походъ, причемъ въ ея рядахъ, при полной вѣрѣ въ своего вождя, не было ни разу ни ропота, ни колебаній, — только благодаря высокому духовному подъему, который былъ въ сердцахъ всѣхъ чиновъ арміи отъ командующаго до послѣдняго солдата.

Этотъ первый періодъ существованія Добровольческой арміи — былъ чисто добровольческимъ періодомъ.

Въ арміи не было ни одного человѣка, который попалъ бы въ ея ряды по набору или по принужденію.

Надо было видѣть все это юношество, составлявшее армію; юношество, горѣвшее любовью къ родинѣ, мечтавшее положить свою жизнь за ея возрожденіе и отомстить предателямъ и насильникамъ за разрушеніе Россіи и за поруганные идеалы, чтобы понять всю моральную силу, которую они представляли.

Весь Новочеркасскій и Ростовскій періодъ былъ одновременно періодомъ формированія арміи и періодомъ безпощадной борьбы.

Непрерывная борьба на фронтѣ съ насѣдавшими большевиками, почти безъ смѣны, протекала въ крайне тяжелыхъ условіяхъ: приходилось быть почти все время безъ крова, не имѣя по цѣлымъ недѣлямъ горячей пищи, почти безъ теплой одежды.

Денежное содержаніе выдавалось ничтожное, едва хватавшее на прокормленіе.

Но и при этихъ условіяхъ настроеніе въ рядахъ арміи было всегда бодрое.

Офицеровъ, изрѣдка, дня на два, на три, командиры частей отпускали передохнуть въ Новочеркасскъ или въ Ростовъ.

Помывшись въ банѣ, переодѣвъ чистое бѣлье и разъ-два хорошо пообѣдавъ, офицерство, обыкновенно, возвращалось въ части раньше срока, на который ихъ отпускали.

За этотъ періодъ не поступало жалобъ отъ населенія на какія либо насилія или грабежи войсковыхъ частей.

Тѣ части, которыя, послѣ смѣны, отводились на короткіе сроки въ резервъ, въ Ростовъ, несли и тамъ непрерывную службу по охранѣ и поддержанію порядка.

За періодъ отъ начала формированія арміи до выхода изъ Ростова поступило въ ея ряды свыше 6000 человѣкъ; при оставленіи Ростова, какъ я уже отмѣтилъ, число бойцевъ не превышало 2500 человѣкъ.

Размѣръ общей потери говоритъ о той работѣ, которую дѣлала армія.

Былъ конечно, небольшой % добровольцевъ, которые стремились устроиться въ тылу на болѣе спокойныхъ мѣстахъ, но такихъ было мало.

Я помню, что, отыскивая себѣ надежнаго адъютанта, я остановился на штабсъ-капитанѣ Л. Гв. Преображенскаго полка, Владимірѣ Ратьковѣ-Рожновѣ.

Въ отвѣтъ на мою телеграмму на имя командира части, я получилъ увѣдомленіе, что Ратьковъ-Рожновъ командируется въ Ростовъ.

Пріѣхавшій офицеръ явился ко мнѣ и, поблагодаривъ за предложеніе, просилъ его оставить въ строю на томъ основаніи, что ему будетъ совѣстно передъ товарищами, что онъ не будетъ раздѣлять съ ними лишеній и опасностей боевой жизни, занимая должность адъютанта.

Вскорѣ послѣ этого онъ былъ убитъ, спасая въ бою своего раненаго товарища.

Узнавъ о его смерти, пошелъ въ ряды Добровольческой арміи его братъ, тяжело контуженный во время Европейской войны и безусловно подлежавшій освобожденію отъ службы. Онъ также былъ убитъ.

Третій ихъ братъ, и послѣдній, былъ убитъ во время Европейской войны.

Изъ такихъ честныхъ и доблестныхъ бойцовъ была сформирована маленькая армія генерала Корнилова.

У большевиковъ и начало Гетманства на Украинѣ

Въ 6 часовъ утра 12/25 февраля я выѣхалъ на лошадяхъ изъ Новочеркасска въ станицу Ольгинскую, куда отходила Добровольческая армія изъ-подъ Ростова; Новочеркасскъ былъ занятъ большевиками 12/25 февраля около двухъ часовъ дня.

Въ Ольгинскую я пріѣхалъ около десяти часовъ утра. По дорогѣ едва переправился у Старочеркасска черезъ Донъ, такъ какъ начиналась оттепель и около береговъ ледъ оттаялъ.

Генералъ Корниловъ, принявъ меня, сказалъ, что, такъ какъ я теперь уже не начальникъ штаба и моя миссія, съ которой я ѣздилъ въ Новочеркасскъ, закончена, онъ проситъ меня, какъ и генерала Деникина, оставаться при арміи въ непосредственномъ его распоряженіи.

Общая численность всей Добровольческой арміи не превышала трехъ съ половиной тысячъ человѣкъ, изъ коихъ не менѣе тысячи человѣкъ являлось не боеспособными.

Обозъ при арміи былъ большой; раненыхъ было болѣе двухсотъ человѣкъ и необходимо было везти съ собой всѣ боевые запасы и винтовки, которые удалось вывезти изъ Ростова.

Обозъ увеличивался еще группою гражданскихъ лицъ, которыя хотѣли оставаться при арміи (въ томъ числѣ бывшій предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко и бывшій членъ Государственной Думы Н. Н. Львовъ), и довольно многочисленной политической канцеляріей, состоявшей при генералѣ Алексѣевѣ; при немъ, кромѣ того, состоялъ небольшой личный конвой.

Въ общемъ являлось опасеніе, что если въ ближайшій періодъ армія не увеличится, то она явится лишь прикрытіемъ къ своему обозу.

Генералъ Корниловъ надѣялся, что Донцы и Кубанцы станицъ, черезъ которыя будетъ проходить армія, откликнутся на его призывъ и это дастъ возможность сформировать конныя части, а селенія съ неказачьимъ населеніемъ дадутъ укомплектованія для пѣхоты.

Между генералами Корниловымъ и Алексѣевымъ было окончательно установлено, что, въ смыслѣ управленія арміей и постановки ей боевыхъ задачъ, будетъ управлять и распоряжаться генералъ Корниловъ, а генералъ Алексѣевъ будетъ руководить политической частью, сношеніями съ внѣшнимъ міромъ и въ его рукахъ будетъ казначейская часть.

Конечно, это не было разрѣшеніемъ больного вопроса о взаимоотношеніяхъ между ними, но другого выхода не было — разъ одинъ другому подчиниться не могъ.

Послѣ разговора съ генераломъ Алексѣевымъ я вынесъ впечатлѣніе, что онъ считаетъ положеніе очень серьезнымъ и начинаетъ думать о томъ, какъ бы спасти офицеровъ и дать имъ возможность «распылиться».

«Наша задача, прежде всего, должна заключаться въ томъ, чтобы выбраться изъ кольца, который образуютъ большевики. А тамъ дальше будетъ видно: или будемъ продолжать борьбу, или распустимъ офицеровъ *, давъ имъ денегъ и предложивъ самостоятельно, черезъ Кавказскія горы, пробираться кто куда пожелаетъ или будетъ въ состояніи — такъ закончилъ разговоръ генералъ Алексѣевъ.

13/26 февраля, утромъ, генералъ Романовскій зашелъ въ хату, которую я занималъ, и сказалъ, что въ 12 часовъ дня назначено совѣщаніе и генералъ Корниловъ проситъ меня на немъ присутствовать; ожидается генералъ Поповъ, бывшій походнымъ атаманомъ войска Донского.

Къ назначенному времени на совѣщаніе собрались: генералы Корниловъ, Алексѣевъ, Деникинъ, Романовскій, я, Марковъ, Поповъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ полковникомъ Сидоринымъ, и нѣсколько строевыхъ офицеровъ, позванныхъ генераломъ Корниловымъ.

Генералъ Поповъ доложилъ, что онъ, съ небольшимъ отрядомъ, въ общемъ около двухъ тысячъ коней при двухъ конныхъ батареяхъ и группою Донскихъ офицеровъ, оставилъ Новочеркасскъ около часу дня 12/25 февраля; что большевики при выходѣ его изъ города уже въ него входили; что войсковой атаманъ, генералъ Назаровъ, остался въ Новочеркасскѣ вмѣстѣ съ большей частью войскового круга и, какъ доложилъ прискакавшій въ его отрядъ изъ занятаго большевиками Новочеркасска офицеръ, былъ арестованъ и, въ ночь на 13/26 февраля, разстрѣлянъ.

Затѣмъ на предложеніе ген. Корнилова присоединить его отрядъ къ Добровольческой арміи, ген. Поповъ просилъ первоначально выяснить дальнѣйшія намѣренія ген. Корнилова и направленіе движенія Добровольческой арміи, но что онъ, со своей стороны, долженъ опредѣленно заявить, что Донской отрядъ не можетъ покинуть территорію Дона и что онъ, ген. Поповъ, считаетъ, что отряду лучше всего, прикрываясь съ сѣвера р. Дономъ, который скоро станетъ трудно проходимымъ, переждать событія въ районѣ зимовниковъ (поселки и хутора, къ которымъ на зиму сгонялись табуны лошадей и скота), гдѣ много

* **Подразумѣвалось, конечно, вообще «добровольцевъ».**

хлѣба, фуража, лошадей, скота и повозокъ для обоза. Изъ этого раіона онъ могъ бы развить партизанскія дѣйствія въ любомъ направленіи.

Генералъ Корниловъ сказалъ, что онъ, по соглашенію съ генераломъ Алексѣевымъ, предполагаетъ двинуться по направленію къ Екатеринодару, гдѣ имѣются добровольческія формированія, и движеніемъ на Екатеринодаръ есть надежда заставить Кубанское казачье войско подняться противъ большевиковъ и, усиливъ Добровольческую армію и находясь въ богатомъ раіонѣ, продолжать борьбу; но, что, вслѣдствіе заявленія ген. Попова, онъ предлагаетъ еще разъ обсудить этотъ вопросъ и проситъ желающихъ высказаться.

Генералъ Алексѣевъ на это сказалъ, что врядъ ли встрѣчается надобность вновь дебатировать этотъ вопросъ, но что, впрочемъ, если ген. Корниловъ находитъ нужнымъ еще разъ его поставить на обсужденіе, то онъ считаетъ необходимымъ повторить то, что онъ уже говорилъ въ Ростовѣ, то-есть что единственно правильнымъ является направленіе на Екатеринодаръ, такъ какъ въ этомъ направленіи легче всего прорвать большевистское кольцо, окружающее Добровольческую армію; есть надежда на соединеніе съ добровольческими отрядами, дѣйствующими въ раіонѣ Екатеринодара; есть полное основаніе разсчитывать поднять Кубанское войско противъ большевиковъ и, наконецъ, мы займемъ богатый во всѣхъ отношеніяхъ раіонъ, который дастъ намъ возможность пополниться, привести себя въ порядокъ, отдохнуть и, съ новыми силами, продолжать борьбу. Въ случаѣ же если полнаго успѣха мы не добьемся, то Добровольческая армія, во всякомъ случаѣ, будетъ въ силахъ дойти до Кавказскихъ горъ и тамъ, если обстановка потребуетъ, можно будетъ ее распустить.

Я попросилъ дать мнѣ слово.

Я сказалъ, что не возражая по существу противъ того, что сказано генераломъ Алексѣевымъ, я долженъ обратить вниманіе только на то, что уже теперь при нашей арміи или, правильнѣй сказать, при нашемъ небольшомъ отрядѣ болѣе двухсотъ раненыхъ и чрезмѣрно большой обозъ съ боевыми припасами и ружьями, который бросить нельзя. Обозныя лошади, набранныя главнымъ образомъ въ Ростовѣ, уже теперь имѣютъ жалкій видъ и еле тянутъ свои повозки и сани; что при наступленіи на Екатеринодаръ намъ нужно будетъ два раза переходить желѣзную дорогу; въ первый разъ въ раіонѣ близъ ст. Когальницкой, второй разъ гдѣ-нибудь около ст. Сосыка; что большевики, будучи отлично освѣдомлены о нашемъ движеніи, и тамъ, и тамъ преградятъ намъ путь и подведутъ къ мѣсту боя бронированные поѣзда; что трудно будетъ спасти раненыхъ, которыхъ будетъ, конечно, много. Начинающаяся распутица, при условіи, что половина обоза на полозьяхъ, затруднитъ движеніе; замѣнять выбивающихся изъ силъ лошадей другими будетъ трудно.

Наконецъ, что мы совершенно не освѣдомлены о томъ, что происходитъ на Кубани; возможно, что нашъ расчетъ на возстаніе Кубанскихъ казаковъ ошибоченъ и насъ тамъ встрѣтятъ какъ враговъ.

Я выразилъ сомнѣніе, вслѣдствіе причинъ, мною изложенныхъ, въ правильности рѣшенія идти теперь прямо на Екатеринодаръ. Я высказалъ, что лучше всего поступить такъ, какъ предполагаетъ сдѣлать походный атаманъ войска Донского, то-есть пока перейти въ раіонъ зимовниковъ и въ этомъ раіонѣ, прикрываясь съ сѣвера р. Дономъ и находясь въ удаленіи отъ желѣзной дороги, переформировать нашу армію, исправить и пополнить обозъ, перемѣнить конскій составъ и нѣсколько отдохнуть. Я сказалъ, что большевики

мѣсяца два намъ не будутъ страшны: они не посмѣютъ оторваться отъ желѣзной дороги. Если же рискнутъ на какую-нибудь противъ насъ операцію, то будутъ разбиты. Мѣсяца же черезъ два, съ новыми силами, мы, въ зависимости отъ обстановки, которая къ тому времени выяснится, примемъ то или иное рѣшеніе.

Генералъ Алексѣевъ заявилъ, что рѣшеніе идти прямо на Екатеринодаръ является единственно правильнымъ.

Генералъ Романовскій, соглашаясь съ моими замѣчаніями, сказалъ, что признавая правильнымъ идти на Екатеринодаръ, онъ полагаетъ, что надо учесть и мои указанія и, по пути къ Екатеринодару, постараться продѣлать въ какомъ либо раіонѣ все то — на что указываю я.

Генералъ Корниловъ сказалъ, что онъ не можетъ не согласиться съ правильностью моихъ замѣчаній, но не считаетъ правильнымъ идти въ раіонъ тѣхъ зимовниковъ у р. Дона, на которые указываю я, и объявилъ, что онъ рѣшаетъ идти пока съ арміей въ раіонъ къ западу отъ ст. Великокняжеской, который также богатъ лошадьми, скотомъ и хлѣбомъ, какъ и раіонъ сѣверныхъ зимовниковъ, и что тамъ онъ приведетъ армію въ порядокъ и затѣмъ, вѣроятно, пойдетъ на Екатеринодаръ.

На этомъ совѣщаніе закончилось и генералъ Алексѣевъ сейчасъ же ушелъ, а вслѣдъ за нимъ разошлись и другіе.

Я прошелъ въ комнату къ генералу Романовскому, который мнѣ сказалъ, что генералъ Корниловъ хочетъ кого-нибудь командировать въ Екатеринодаръ, дабы подготовить приходъ Добровольческой арміи и договориться съ Кубанскимъ правительствомъ, чтобы, въ будущемъ, не было никакихъ недоразумѣній, но что генералъ Корниловъ не знаетъ, на комъ остановиться; командируемое лицо должно быть въ курсѣ всего дѣла и достаточно авторитетное.

Въ тотъ же вечеръ, около восьми часовъ, я вновь пошелъ къ генералу Романовскому, чтобы узнать, нѣтъ ли какихъ либо интересныхъ или важныхъ донесеній.

Генерала Романовскаго въ его кабинетѣ я не засталъ и вѣстовой мнѣ сказалъ, что онъ у генерала Корнилова; я пошелъ въ помѣщеніе командующаго арміей.

Войдя въ столовую, я невольно остановился: за столомъ сидѣли тѣ же лица, кои были и на дневномъ совѣщаніи; не было только генерала Попова и полковника Сидорина, уѣхавшихъ въ свой отрядъ, и генерала Деникина, который, какъ я потомъ узналъ, былъ приглашенъ на засѣданіе, но заболѣлъ и прислалъ сказать, что придти не можетъ.

Увидѣвъ меня, ген. Корниловъ поднялся, придвинулъ къ столу стулъ и просилъ меня сѣсть. При этомъ онъ сказалъ: «Очень радъ, Александръ Сергѣевичъ, что вы пришли. Ген. Алексѣевъ попросилъ насъ вновь собраться и обсудить вопросъ относительно нашихъ дальнѣйшихъ плановъ», и затѣмъ, обращаясь къ ген. Алексѣеву, прибавилъ: «прошу Васъ, Михаилъ Васильевичъ, начать сначала; я хочу, чтобы ген. Лукомскій выслушалъ то, что было Вами сказано до его прихода».

Генералъ Алексѣевъ началъ такъ: «сегодня днемъ генералъ Лукомскій сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно рѣшенія идти на Екатеринодаръ. Его замѣчанія были приняты къ свѣдѣнію и Командующій арміей измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе идти прямо на Екатеринодаръ. Правильность новаго

рѣшенія, мнѣ кажется, слѣдуетъ еще провѣрить и я просилъ генерала Корнилова собрать насъ снова».

Затѣмъ генералъ Алексѣевъ вновь указалъ причины, по которымъ онъ считаетъ необходимымъ идти на Екатеринодаръ.

Новаго онъ ничего не сказалъ и не сказалъ, въ чемъ именно онъ не согласенъ со мной.

Послѣ этого генералъ Корниловъ предложилъ мнѣ отвѣтить генералу Алексѣеву.

Я сказалъ, что я не могу прибавить ни одного слова къ тому, что было мною сказано днемъ, и просилъ бы генерала Алексѣева объяснить, въ чемъ же онъ со мной не согласенъ.

На этотъ вопросъ я отвѣта не получилъ.

Послѣ непродолжительныхъ преній генералъ Корниловъ сказалъ, что рѣшенія, принятаго днемъ онъ не мѣняетъ; но что, ко времени подхода арміи къ станицѣ Егорлыцкой (рѣшено было идти первоначально туда, такъ какъ были свѣдѣнія, что тамъ въ складахъ имѣются артиллерійскіе припасы), выяснится, идти ли къ ст. Великокняжеской или повернуть на Екатеринодаръ.

Послѣ этого члены совѣщанія разошлись.

Я прошелъ въ комнату Романовскаго и спросилъ его, почему я не былъ приглашенъ на совѣщаніе, на которомъ должно было разбираться мое заявленіе сдѣланное днемъ.

Романовскій сказалъ, что произошло простое недоразумѣніе; что онъ получилъ записку отъ генерала Корнилова съ перечисленіемъ тѣхъ, кого надо пригласить и, что онъ, не провѣривъ списка приглашенныхъ на засѣданіе лицъ, приказалъ адъютанту сообщить всѣмъ о засѣданіи; что, конечно, генералъ Корниловъ просто ошибся и что онъ проситъ считать его, Романовскаго, виновникомъ случившагося.

Это мелкое недоразумѣніе все же мнѣ показало, что, послѣ того, какъ я былъ въ арміи начальникомъ штаба, оставаться при ней безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій будетъ трудно, и я рѣшилъ просить о командированіи меня въ Екатеринодаръ.

Я попросилъ генерала Романовскаго сейчасъ же пойти къ генералу Корнилову и доложить, что я предлагаю свои услуги для переговоровъ съ Кубанскимъ правительствомъ.

Романовскій пошелъ и вернувшись минутъ черезъ пять сказалъ, что генералъ Корниловъ согласенъ и проситъ меня къ себѣ.

Генералъ Корниловъ долго со мной говорилъ, давая указанія по интересовавшимъ его вопросамъ. Затѣмъ я прошелъ къ генералу Алексѣеву и получилъ указанія отъ него для разговоровъ съ Кубанскимъ правительствомъ.

Съ разрѣшенія генерала Корнилова я предложилъ генералу Ронжину, бывшему при арміи начальникомъ судной части, ѣхать со мной. Затѣмъ поручилъ коменданту штаба купить для меня подводу и пару лошадей. Въ качествѣ подводчика предложилъ ѣхать со мной вѣстовому генерала Эрдели (ген. Эрдели былъ еще раньше командированъ въ Екатеринодаръ) Андрею (фамилію, къ сожалѣнію, забылъ), котораго зналъ давно и былъ въ немъ вполнѣ увѣренъ.

Путешествіе было очень рискованное и я объ этомъ предупредилъ моихъ спутниковъ.

14/27 февраля утромъ, вмѣстѣ съ Добровольческой арміей, мы переѣхали въ станицу Хомутовскую. Здѣсь мы окончательно пересмотрѣли наши вещи,

чтобы не оказалось въ нихъ чего-либо указывающаго на наше воинское званіе; провѣрили документы, выданные на чужія имена; сговорились, какія давать показанія на случай, если въ пути насъ будутъ задерживать и опрашивать и выработали маршрутъ. Послѣднее было трудно, ибо, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, пожаръ большевизма охватилъ весь раіонъ южной окраины Донской области и сѣверную полосу Кубанской. Мы рѣшили ѣхать проселочными дорогами, возможно дальше отъ желѣзной дороги, которая уже полностью была захвачена большевиками.

Около двухъ часовъ дня, 14/27 февраля, я пошелъ попрощаться съ генераломъ Корниловымъ и, около 6 часовъ вечера, мы выѣхали по направленію станицы Кагальницкой.

* *
*

Въ Кагальницкой переночевали и 15/28-го рано утромъ тронулись дальше на селеніе Гуляй-Борисовъ.

Выѣзжая изъ Кагальницкой, слышали артиллерійскую стрѣльбу въ сторонѣ ст. Хомутовской (какъ впослѣдствіи узнали, конный отрядъ большевиковъ съ 2-мя орудіями произвелъ нападеніе на наши части, бывшія въ станицѣ Хомутовской).

Дорога была тяжелая, начиналась оттепель, а лошади оказались слабыми и, пройдя 12—15 верстъ, стали приставать. Не доѣзжая примѣрно 10 верстъ до селенія Гуляй-Борисовъ, мы рѣшили заѣхать на придорожный хуторъ и покормить лошадей. Войдя въ хату, мы увидѣли тамъ много народа; оказалось, что наканунѣ была свадьба и, по мѣстному обычаю, гости собрались на пиршество на другой день послѣ свадьбы.

Обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, каждый случайный гость принимается съ радостью. Насъ же хозяева встрѣтили очень холодно и это сразу намъ показало, что здѣсь что-то не ладно. Сѣли мы въ уголъ хаты, достали свою провизію и стали закусывать.

Въ это время одинъ изъ бывшихъ въ хатѣ, по виду богатый крестьянинъ, подсѣлъ къ намъ и сказалъ мнѣ тихимъ голосомъ: «я не знаю, кто вы, куда и зачѣмъ ѣдете, но хочу васъ предупредить, что большевиками отдано распоряженіе задерживать всѣхъ ѣдущихъ со стороны арміи Корнилова и отвозить на станцію Степную, гдѣ, какъ говорятъ, всѣхъ разстрѣливаютъ». Сказалъ и отошелъ.

Я переглянулся съ Ронжинымъ и мы рѣшили, что дѣло плохо; рѣшили закусить, обдумать положеніе, дать лошадямъ отдохнуть, а затѣмъ принять то или иное рѣшеніе.

Но, черезъ какихъ-нибудь десять минутъ, хата оказалась окруженной вооруженными солдатами; трое изъ нихъ взошли въ хату и потребовали отъ насъ документы и объясненіе, куда и зачѣмъ ѣдемъ. Разговоръ былъ короткій. Солдаты объявили намъ, что мы арестованы, что они должны доставить насъ въ селеніе Гуляй-Борисовъ, а тамъ разберутъ, какъ съ нами поступить дальше. Сопротивляться было безполезно. Намъ дали окончить нашу закуску и мы, подъ конвоемъ, отправились въ Гуляй-Борисовъ; ѣхали на своей подводѣ.

По пріѣздѣ въ Гуляй-Борисовъ насъ доставили въ волостное правленіе, гдѣ уже собрался мѣстный революціонный комитетъ и масса народа.

Сначала насъ допросили, затѣмъ обыскали. И члены революціоннаго комитета и собравшаяся публика ругали насъ самыми послѣдними словами. На наше заявленіе, что я ѣду по торговымъ дѣламъ, а мой спутникъ ѣдетъ лѣчиться — отвѣчали: «ладно, вотъ доставятъ васъ на Степную, такъ тамъ разберутъ, а вѣрнѣй всего васъ, подлыхъ буржуевъ, просто разстрѣляютъ».

Насъ допрашивали и по одиночкѣ, и всѣхъ вмѣстѣ. Въ промежуткахъ между допросами мы сидѣли въ карцерѣ. Въ этомъ же карцерѣ сидѣлъ казакъ, который наканунѣ везъ пять пассажировъ; этихъ пассажировъ, по словамъ казака, повезли на ст. Степную, а его оставили въ карцерѣ, сказавъ, что подвода и лошади отъ него отбираются, а что сдѣлаютъ съ нимъ — еще подумаютъ: «или хорошенько отдеремъ и выпустимъ, или разстрѣляемъ». Бѣдный казакъ страшно волновался и все время молился.

Отобравъ всѣ наши вещи и деньги (оставили только по десять рублей «на папиросы»), насъ повезли въ 11 часовъ вечера, на другой подводѣ, въ сел. Глѣбовка (или, какъ они называли, Хлѣбовка). Нашу подводу, также какъ и вещи, оставили у себя, сказавъ намъ, что деньги, вещи и подвода будутъ доставлены на ст. Степную. У меня въ Гуляй-Борисовѣ было отобрано немного болѣе 2000 рублей; не отыскали тысячерублевую бумажку, зашитую въ куртку.

Въ Глѣбовскомъ волостномъ правленіи было много народа; насъ вновь обыскали и начался безконечный допросъ. Обращались конечно грубо. Послѣ допроса повели въ карцерь. Сидя въ карцерѣ, мы наслушивались всякой брани и угрозъ.

Передъ разсвѣтомъ мѣстный революціонный трибуналъ рѣшилъ вновь насъ допросить.

Послѣ того, какъ допросили меня, я былъ опять посаженъ въ карцеръ, а Ронжина и Андрея повели на допросъ.

Во время ихъ допроса, въ другой комнатѣ, въ которую выходила дверь изъ моего карцера, стала собираться толпа, и я услышалъ, что собравшіеся обсуждали вопросъ, какъ съ нами поступить.

Слышались такія фразы: «Этихъ кадетъ все равно разстрѣляютъ на станціи Степной. Теперь грязь и холодно; зачѣмъ мучить нашихъ людей и гонять ихъ на Степную сопровождать эту с......, когда съ ними тамъ сейчасъ же покончатъ». «Что же это за порядки: на станціи Степной расправляются съ буржуями, а намъ здѣсь нельзя позабавиться». «Стоитъ ли изъ-за нѣсколькихъ негодяевъ гонять своихъ людей» и т. п.

Послѣ долгихъ споровъ было устроено голосованіе и рѣшено (слышалъ только одинъ протестующій голосъ): на станцію Степную буржуевъ не вести, а разстрѣлять тутъ же въ огородѣ.

Сейчасъ же нашлось нѣсколько нетерпѣливыхъ, которые требовали немедленнаго приведенія приговора въ исполненіе. Но большинство запротестовало и было рѣшено подождать до разсвѣта и тогда съ нами покончить; пока же было приказано вырыть въ огородѣ яму.

Не могъ успокоиться какой-то пьяный въ солдатской формѣ. Онъ подошелъ къ карцеру и хотѣлъ открыть дверь, говоря, что онъ покончитъ съ однимъ изъ буржуевъ теперь же.

На мое счастіе запоръ оказался прочнымъ, а сторожъ, у котораго былъ ключъ отъ замка, отсутствовалъ. Не будучи въ состояніи открыть дверь, пьяный солдатъ просунулъ винтовку въ окошечко карцера, зарядилъ ее и требовалъ чтобы я вышелъ на середину комнаты. Такъ какъ его уговоры меня не

соблазнили, и онъ никакъ не могъ меня увидѣть, то, повидимому, ему это надоѣло и, хорошенько меня выругавъ и обѣщавъ, что первый выпустить въ меня пулю при моемъ разстрѣлѣ, ушелъ.

Обдумавъ всю обстановку, я пришелъ къ заключенію, что разсчитывать на благопріятный исходъ невозможно и рѣшилъ кончить дѣло самому.

Еще въ Могилевѣ, когда я былъ арестованъ съ генераломъ Корниловымъ по приказанію Керенскаго, докторъ Козловскій (старшій врачъ Ставки) далъ мнѣ три пилюли съ ціанистымъ каліемъ, сказавъ, что онѣ могутъ мнѣ пригодиться, въ случаѣ если будетъ мнѣ угрожать самосудъ. Давая мнѣ три пилюли, онъ порекомендовалъ, чтобы я ихъ хранилъ въ разныхъ мѣстахъ, дабы, когда потребуется, хоть одна была при мнѣ. Къ этому времени у меня сохранились двѣ пилюли (третья была въ катушкѣ нитокъ, отобранной при обыскѣ въ Гуляй-Борисовѣ). Я досталъ обѣ пилюли; сначала думалъ одну дать Ронжину (за Андрея, какъ солдата, я не безпокоился, считая, что онъ вывернется), но потомъ передумалъ, рѣшивъ, что не имѣю права толкать другого на самоубійство.

Перекрестившись, я проглотилъ обѣ пилюли, предварительно ихъ разломавъ, дабы скорѣй подѣйствовали.

Вынувъ часы, я сталъ слѣдить по нимъ, прислушиваясь къ тому, не начинаетъ ли дѣйствовать ядъ. Черезъ минуту, какъ мнѣ показалось, у меня налились сосуды на рукахъ и сердце какъ бы сжалось, но затѣмъ все прошло; прождавъ пять минутъ и убѣдившись, что нѣтъ никакого дѣйствія яда, я мысленно выругалъ д-ра Козловскаго, давшаго мнѣ яко-бы ядъ, и спряталъ часы *.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого я услышалъ въ сосѣдней комнатѣ крикъ, споры. Прислушавшись, я разобралъ, что кто-то вновь прибывшій ругательски ругаетъ моихъ тюремщиковъ за рѣшеніе насъ разстрѣлять: «что это вы, мерзавцы, выдумали; развѣ не знаете, что сегодня въ Ильинкѣ разстрѣляли трехъ членовъ революціоннаго комитета за неисполненіе распоряженія главнокомандующаго? Что же вы хотите, чтобы изъ-за этой с...... разстрѣляли всѣхъ насъ? Разъ намъ приказано всѣхъ арестованныхъ доставлять на станцію Степную, такъ мы должны это исполнить!»

Послѣ долгихъ криковъ и споровъ было рѣшено насъ отправить на станцію Степную.

Послѣ этого вернулись въ карцеръ бывшіе на допросѣ Ронжинъ и Андрей. Я имъ повѣдалъ, что проглотилъ ядъ. Они взволновались, но видя, что я чувствую себя благополучно, понемногу успокоились.

Вскорѣ вниманіе нашихъ тюремщиковъ было отъ насъ отвлечено: привели двухъ новыхъ арестованныхъ; оба они были въ солдатской формѣ и не скрывали свою принадлежность къ Добровольческой арміи, говоря лишь, что они еще не воевали. Повидимому они были пойманы во время развѣдки.

Одного изъ нихъ узнали, какъ мѣстнаго жителя — сына богатаго хуторянина. Фамилія его была, если не ошибаюсь, Белисъ или Бейлисъ. Оба были юноши 17—18 лѣтъ.

* Впослѣдствіи отъ одного изъ офицеровъ, пріѣхавшаго изъ Могилева, я слышалъ, что д-ръ Козловскій подтверждаетъ, что онъ далъ мнѣ настоящій ціанистый калій. Я рѣшилъ, что, вѣроятно, ядъ былъ старый и не дѣйствительный. Но затѣмъ, разговаривая какъ то съ однимъ химикомъ, я отъ него услышалъ, что, будто бы, пріемъ соды передъ пріемомъ ціанистаго калія нейтрализуетъ послѣдній. Я же, дѣйствительно, за полчаса до пріема яда, вслѣдствіе сильной изжоги, принялъ значительное количество соды. Въ чемъ истина — не знаю до настоящаго времени.

Весь гнѣвъ толпы былъ направленъ противъ нихъ.

Часовъ въ 8 утра насъ пѣшкомъ, подъ конвоемъ конныхъ, отправили на ст. Степную, до которой было около 40 верстъ.

Выйдя на крыльцо и увидя, что намъ предстоитъ по очень скверной дорогѣ (была страшная грязь) идти пѣшкомъ, я рѣшилъ снять свой полушубокъ и попросить коннаго взять его къ себѣ на сѣдло, а, вмѣсто полушубка, надѣть пальто, бывшее на Ронжинѣ (онъ сверхъ своего надѣлъ второе пальто мое, драповое). Но слѣдствіемъ моего рѣшенія было то, что у насъ тутъ же отобрали и полушубокъ и пальто. Пошелъ я мѣсить грязь, имѣя на себѣ только кожаную крутку. На ногахъ у меня были бурочные сапоги, которые моментально промокли.

Толпа кругомъ галдѣла: «гони ихъ по серединѣ улицы — гдѣ утки плаваютъ; не позволять выбирать сухія мѣста!»

Подъ гикъ и свистъ толпы прошли мы село. Дальше стало легче: и дорога лучше и отношеніе нашихъ конвойныхъ было хорошее.

Пройдя 15—16 верстъ, мы пришли въ село Ильинку. Опять допросъ, опять осмотръ и обыскъ, опять ругань.

Въ моей кожаной круткѣ отыскали зашитую тысячерублевую бумажку, отобрали часы, портмонэ; оставили на брата по одному рублю «на папиросы».

«Все равно вамъ деньги могутъ понадобиться только до Степной, а тамъ . . . вамъ уже будетъ безразлично, будутъ ли у васъ деньги или нѣтъ». Чувствовалось, что они были правы!

Продержавъ насъ въ Ильинкѣ часа два, погнали дальше.

Измучились мы изрядно.

Подходя уже вечеромъ, въ полной темнотѣ, къ хутору, бывшему въ верстахъ семи отъ Степной, мы взмолились передъ конвойными, прося дать намъ отдохнуть и дальше — до Степной отправить на подводѣ. Я категорически заявилъ, что дальше идти не могу.

Конвойные оказались порядочными людьми и рѣшили исполнить нашу просьбу.

Забылъ сказать, что, отправляя насъ изъ Глѣбовки, предсѣдатель мѣстнаго комитета далъ слѣдующій наказъ: «если кто-либо изъ этой с . . . . . . отстанетъ по дорогѣ, то пристрѣлить». Это напутствіе намъ въ пути неоднократно приходило на память и подбадривало нашъ шагъ!

Хуторъ оказался латышскій.

Хозяинъ хаты даже не позволилъ намъ сѣсть къ столу, а намъ былъ указанъ уголъ хаты, гдѣ мы и растянулись на грязномъ полу.

Часа въ 4 утра насъ подняли и уже на подводѣ повезли дальше.

Подъѣзжая къ Степной, еще при лунѣ, мы встрѣтили группу всадниковъ, человѣкъ въ 30, какъ оказалось, пріѣхавшихъ изъ Гуляй-Борисова за оружіемъ.

Узнавъ, что везутъ арестованныхъ, они потребовали, чтобы насъ ссадили и дали имъ попробовать полученныя ими винтовки.

На крики — «слѣзай съ повозки» — мы не реагировали!

Всадники стали снимать и заряжать винтовки, крича, что разстрѣляютъ насъ и такъ.

Только благодаря рѣшительному отпору со стороны нашихъ конвойныхъ насъ пропустили.

При въѣздѣ въ селеніе, у станціи намъ показали кирпичный заводъ и пояснили: «вотъ здѣсь около ямы васъ разстрѣляютъ часа черезъ два».

На станцію мы пріѣхали еще до разсвѣта, но о нашемъ прибытіи стало сейчасъ же извѣстно и залъ I класса, куда насъ провели, быстро наполнился «товарищами».

Чувствовалось, что только чудо можетъ спасти насъ. Кругомъ были звѣри, которые требовали крови и не хотѣли дожидаться суда надъ нами. Требовали, чтобы насъ сейчасъ же передали имъ.

Пришедшій «начальникъ своднаго отряда на ст. Степной», онъ же предсѣдатель военно-революціоннаго суда, едва уговорилъ толпу допустить сначала судъ. «Не безпокойтесь, врядъ ли оправдаемъ и вы свое получите!»

Собрался судъ: Предсѣдатель — Начальникъ своднаго отряда на ст. Степной. Члены: какой-то еврей, затѣмъ комиссаръ станціи (какъ потомъ оказалось, сынъ содержателя мѣстнаго трактира, бывшій фельдфебель) и какой-то солдатъ.

Начали съ насъ. Допрашивали и вмѣстѣ, и отдѣльно.

Послѣ довольно продолжительнаго судбища признали, что документы наши въ полномъ порядкѣ, что мы къ арміи Корнилова не принадлежимъ и что мы ѣдемъ по своимъ личнымъ дѣламъ.

Когда насъ вывели изъ дамской комнаты, гдѣ происходилъ судъ, и водворили обратно въ залъ I класса, объявивъ толпѣ, что мы не виновны и оправданы, послѣдовалъ взрывъ возмущенія и требованіе насъ все же разстрѣлять.

Спасли насъ начальникъ своднаго отряда и какой-то латышъ, назвавшій себя командиромъ латышскаго эскадрона. Имъ стоило большихъ трудовъ насъ отстоять; особенно помогъ латышъ. Мое впечатлѣніе, что оба они были офицеры.

Но главное, что насъ спасло — это присутствіе двухъ развѣдчиковъ Добровольческой арміи. Ясно было, что ихъ участь рѣшена. Особенное негодованіе вызывалъ противъ себя юноша — сынъ мѣстнаго хуторянина. Судъ надъ ними былъ только для проформы. Черезъ нѣсколько минутъ ихъ передали во власть толпы. Бѣдныхъ юношей поволокли, избивая по дорогѣ. Мы услышали нѣсколько выстрѣловъ и немного погодя вернулись палачи, дѣля между собой одежду и обувь убитыхъ!

Было уже свѣтло.

Утомленный отъ всего пережитаго я мрачно стоялъ у стѣны комнаты, въ которой почти никого, кромѣ насъ, не оставалось.

Желая сѣсть и двинувшись отъ стѣны, я почувствовалъ, что что-то прилипло къ моимъ ногамъ. Посмотрѣвъ, я увидѣлъ тряпку всю пропитанную кровью. Одинъ изъ бывшихъ въ комнатѣ солдатъ, замѣтивъ мое брезгливое движеніе, поспѣшилъ дать намъ объясненіе. Оказалось, что наканунѣ сюда было приведено пять человѣкъ и всѣ были приговорены къ разстрѣлу. Когда ихъ повели, то одинъ изъ нихъ отказался идти и былъ тутъ же въ комнатѣ убитъ ударами штыковъ и прикладовъ. «Вотъ это и вытирали его кровь», докончилъ разсказчикъ. Затѣмъ онъ еще добавилъ, что когда стали разсматривать вещи убитаго, то въ теплой шапкѣ нашли его фотографическую карточку въ формѣ полковника, снятаго, вѣроятно, съ женой и дѣтьми.

«Значитъ, убили не напрасно» — добавилъ солдатъ.

Вѣроятно, это былъ одинъ изъ братьевъ Бородиныхъ, которые, какъ потомъ я слышалъ, были убиты на ст. Степной.

День 17-го февраля мы провели на станціи.

Предсѣдатель суда рекомендовалъ намъ, на перронъ, по возможности, не показываться, говоря, что онъ не ручается за своихъ солдатъ.

Насъ постоянно навѣщалъ латышъ, уже разъ спасшій насъ; онъ разгонялъ солдатъ, которыхъ тянуло съ нами расправиться.

Къ намъ добровольно прикомандировался солдатъ-армянинъ, Паносовъ, чуя, что можно будетъ получить на чай. Намъ онъ сказалъ такъ: «пока вы отсюда не уѣдете, я буду около васъ и буду васъ защищать, а передъ отъѣздомъ вы мнѣ дадите столько — сколько можете». Мы поблагодарили и приняли его предложеніе.

Этотъ Паносовъ былъ довольно оригинальный типъ. Крупнаго роста, очень широкоплечій, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка большой физической силы. Охранялъ насъ онъ очень добросовѣстно и у меня сложилось впечатлѣніе, что онъ къ намъ привязался и готовъ былъ исполнить всякое порученіе. Былъ крайне добродушнымъ; говоря про «буржуевъ», не высказывалъ никакой злобы, выражалъ удивленіе, что люди такъ озвѣрѣли; говорилъ, что пора «начальству» навести порядокъ и дать возможность всѣмъ людямъ жить мирно.

Но, въ то же время, когда приводимыхъ на ст. Степную приговаривали къ разстрѣлу, онъ всегда былъ однимъ изъ первыхъ, вызывавшихся привести приговоръ въ исполненіе. Послѣ разстрѣла онъ непремѣнно приносилъ въ дамскую комнату на станціи какую-нибудь изъ принадлежностей костюма разстрѣляннаго; то сапоги или ботинки, то брюки, то шинель или пальто, то рубаху или шапку.

Я его спросилъ, какъ ему не жалко разстрѣливать людей, которыхъ онъ самъ считаетъ невиновными.

«Да я и не разстрѣливаю», отвѣтилъ онъ.

Я заинтересовался, въ чемъ дѣло, онъ мнѣ неохотно, но все же объяснилъ.

Оказалось, что въ селеніи около станціи жила его мать, которая требовала отъ него, чтобы онъ принималъ участіе въ разстрѣлахъ и получалъ на свою долю часть одежды съ убитаго. Паносовъ объяснилъ, что онъ никогда не разстрѣливаетъ самъ, а на его обязанности лежитъ только дострѣливать тѣхъ, кто не будетъ убитъ наповалъ, и зарывать трупы.

По утрамъ, дѣйствительно, на станцію приходила отвратительная старая армянка, получала отъ Паносова вещи, пришедшіяся на его долю, и ругала, что онъ не умѣетъ выбирать лучшихъ.

Къ вечеру 17-го февраля привели новыхъ арестованныхъ: юношу 16-ти лѣтъ и зажиточнаго казака-хуторянина. Послѣдняго, по постановленію суда (круга) сосѣдней съ нимъ станицы, за то, что онъ богатъ и живетъ какъ буржуй. Кругъ рѣшилъ — отправить на ст. Степную и требовать, чтобы его разстрѣляли, а его землю и инвентарь дали разрѣшеніе раздѣлить между ними.

Бѣдный казакъ волновался, плакалъ, обѣщалъ отдать сосѣдямъ все, что у него имѣется; революціонный судъ на ст. Степной, послѣ долгихъ споровъ, вынесъ наконецъ ему оправдательный вердиктъ.

Не такъ счастливъ былъ юноша.

Во время суда (я присутствовалъ въ той же комнатѣ) на вопросъ — кто онъ и какъ попался, юноша чистосердечно отвѣтилъ, что онъ гимназистъ 6-го класса Новочеркасской гимназіи и, вмѣстѣ со своими сверстниками, былъ зачисленъ въ партизанскій отрядъ Чернецова; но что на фронтѣ не былъ, а состоялъ въ командѣ, сформированной для охраны дворца Донского атамана;

что 10/23 февраля ихъ команду рѣшили отправить на фронтъ, предоставивъ каждому право — или уйти домой, или идти съ командой на пополненіе отряда Чернецова, понесшаго большія потери. Юноша рѣшилъ отправиться домой въ деревню, гдѣ его отецъ былъ священникомъ. Вернувшись домой, онъ, прежде всего, пошелъ въ мѣстный революціонный комитетъ, гдѣ все про себя и разсказалъ. Комитетъ рѣшилъ его «какъ поповское отродіе» хорошенько проучить и отправить на ст. Степную.

Искренній и безхитростный разсказъ юноши вызвалъ на судѣ бурю негодованія: поповскій сынъ, Корниловецъ, партизанъ Чернецова и пр.!

Приговоръ произнесенъ былъ предсѣдателемъ суда быстро: «разстрѣлять эту собаку — какъ только взойдетъ луна!»

Несчастный юноша тяжело вздохнулъ и понуривъ голову сталъ около стѣны.

Когда судъ разошелся и въ комнатѣ остались только мы и двое изъ стражи, юноша попросилъ разрѣшенія немного отдохнуть. Онъ легъ на полу около стѣны, подложилъ мѣшокъ подъ голову и немедленно заснулъ.

Часа черезъ два пришли два солдата; одинъ изъ нихъ ткнулъ спящаго ногой и сказалъ: «вставай, пора идти, луна взошла».

Тихо поднялся юноша, посмотрѣлъ на насъ и сказалъ: «смерти не боюсь, но грустно умирать такимъ молодымъ — вѣдь я совсѣмъ еще не жилъ и жизни не знаю. Благословите меня».

Мы съ нимъ простились, перекрестили его и онъ вышелъ.

Минутъ черезъ 5 раздалось нѣсколько выстрѣловъ...

Нѣсколько позже, въ дамскую комнату, въ которой мы находились, пришли посидѣть и развлечься нѣсколько человѣкъ изъ мѣстной интеллигенціи; пришелъ комиссаръ станціи, какой-то пожилой человѣкъ въ курткѣ морского покроя и два писаря.

Сначала разговоръ не клеился, но послѣ того какъ одинъ изъ писарей что-то сказалъ про охоту въ окресностяхъ ст. Степной, заговорилъ пожилой человѣкъ въ морской курткѣ.

Сказавъ, что хотя здѣшняя охота и хорошая, но для тѣхъ, кто побывалъ, какъ онъ, на охотахъ въ Индіи, охота на Дону представляется мизерной, онъ оживился и очень интересно разсказалъ, какъ, будучи матросомъ, онъ шелъ во Владивостокъ на крейсерѣ, на которомъ держалъ флагъ адмиралъ Макаровъ, что въ Индіи они задержались долго и адмиралъ Макаровъ взялъ его съ собой, какъ охотника, вглубь страны. Разсказавъ про охоту въ Индіи, онъ долго и восторженно разсказывалъ про адмирала Макарова. Сказалъ, что Макаровъ его полюбилъ и подарилъ великолѣпное охотничье ружье, которое онъ хранитъ какъ зеницу ока и которое, въ его домикѣ въ Батайскѣ (около Ростова), всегда виситъ надъ его постелью.

Затѣмъ морякъ сталъ разсказывать про революціонный періодъ 1905 года въ Севастополѣ, когда онъ былъ боцманомъ на крейсерѣ «Очаковъ».

Онъ долго говорилъ про судъ, про рѣчь прокурора.

Я невольно взглянулъ на Ронжина, который, какъ я зналъ, былъ именно этимъ прокуроромъ. Бѣдный Ронжинъ чувствовалъ себя скверно, усиленно курилъ и лицо было землистаго цвѣта. Ронжинъ сталъ наводить разговоръ на современныя событія и это ему, наконецъ, удалось.

Морякъ разсказалъ, что на телеграфѣ на станціи Егорлыцкой служитъ его дочь и оттуда постоянно присылаетъ ему свѣдѣнія о передвиженіяхъ

казачьихъ частей: что свѣдѣнія дававшіяся его дочерью были часто очень цѣнныя и способствовали успѣху большевиковъ.

Разсказалъ, какъ онъ самъ дѣйствовалъ съ небольшой группой головорѣзовъ, когда Корниловъ занималъ Ростовъ и какъ, благодаря его указаніямъ, большевикамъ въ январѣ удалось занять Батайскъ и нанести серьезныя потери юнкерскому батальону.

Когда эта компанія ушла, Ронжинъ мнѣ сказалъ, что дѣйствительно онъ пережилъ тяжелыя минуты; что онъ узналъ этого боцмана, котораго онъ обвинялъ на судѣ, и боялся, что тотъ можетъ узнать его.

Прошла новая кошмарная ночь.

Мы были свободны, но были совершенно обобраны, а не имѣя ни копѣйки денегъ, было безсмысленно куда-либо направляться: попали бы въ новую передѣлку въ какомъ-либо другомъ пунктѣ, близкомъ отъ станціи; безъ денегъ далеко не ушли бы.

Я еще 17 февраля (2 марта) просилъ предсѣдателя суда потребовать отобранныя у насъ деньги и вещи. Онъ согласился и сказалъ, что пошлетъ за ними коннаго, снабдивъ его соотвѣтствующимъ предписаніемъ. Мы же рѣшили ждать на ст. Степной возвращенія посланнаго за нашими деньгами и вещами.

Утромъ 18 февраля (3 марта) я вышелъ на перронъ и прошелъ въ уборную.

Возвращаясь назадъ, я замѣтилъ, что на станціи какъ будто нѣсколько больше порядка и дежурные солдаты разгоняютъ праздношатающихся.

Войдя въ залъ I класса, я увидѣлъ начальника отряда на ст. Степной, разговаривающаго съ незнакомымъ мнѣ человѣкомъ, въ военной формѣ безъ погонъ, но при шапкѣ.

Незнакомецъ имѣлъ вполнѣ интеллигентный видъ; былъ хорошо одѣтъ. Лицо гладко выбрито; рыжіе усы подняты à la «Вильгельмъ».

Увидѣвъ меня, онъ обратился къ начальнику отряда и спросилъ: «кто это?»

— «Это одинъ изъ тѣхъ трехъ, о которыхъ я вамъ разсказывалъ, что они судомъ оправданы».

— «Почему вы ихъ не разстрѣляли?»

— «Я не получалъ приказанія разстрѣливать всѣхъ арестованныхъ и приводимыхъ сюда на станцію. Вами было отдано приказаніе всѣхъ арестуемыхъ передавать военно-революціонному суду, что мною въ точности и исполняется. За эти три дня сюда было приведено 22 человѣка и изъ нихъ 18 разстрѣляно и только четверо оправданы: эта компанія изъ трехъ человѣкъ и еще одинъ казакъ-хуторянинъ».

Послѣ этого незнакомецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «почему послѣ оправданія судомъ вы продолжаете оставаться на станціи?»

Я отвѣтилъ, что у меня и у моихъ спутниковъ отобраны всѣ деньги; что за деньгами и за вещами начальникъ отряда послалъ коннаго и что, до полученія денегъ, мы лишены возможности куда-либо направиться.

— «А сколько у васъ всѣхъ было денегъ?»

— «У меня было три тысячи съ небольшимъ, а у моихъ двухъ спутниковъ около двухъ тысячъ».

— «Кто вы такой?»

— «Я торговецъ; пробираюсь въ Екатеринодаръ по своимъ дѣламъ».

— «Вы лжете! Вы не купецъ и не торговецъ, а навѣрно состоите въ арміи Корнилова и, скажу больше, занимаете въ ней не маленькій постъ».

Я увидѣлъ, что этотъ господинъ много опаснѣй всѣхъ прежнихъ судей и, стараясь сохранить полное самообладаніе, я ему отвѣтилъ, что онъ заблуждается, что я дѣйствительно торговецъ.

— «Повторяю, что ты лжешь! Меня не обманешь!» и, обращаясь къ начальнику отряда, сказалъ: «Корниловъ всюду разсылаетъ своихъ людей; ему особенно важно связаться съ контръ-революціонной организаціей въ Екатеринодарѣ. Вы же здѣсь ни въ чемъ разобраться не можете. Этотъ господинъ мнѣ кажется очень подозрительнымъ. Поэтому приказываю считать, что надъ нимъ и его компаніонами никакого суда не было. Потрудитесь ихъ вновь арестовать и сегодня же отправьте ихъ въ мой штабъ въ Ростовъ, гдѣ ихъ хорошенько допросятъ и рѣшать, какъ надо съ ними поступить».

Обращаясь ко мнѣ, онъ добавилъ: «не думаю, чтобы въ Ростовѣ вамъ удалось также легко отдѣлаться отъ должнаго возмездія, какъ это удалось здѣсь».

Послѣ этого незнакомецъ быстро вышелъ изъ комнаты.

Я обратился къ начальнику отряда съ вопросомъ: «кто это?»

— «Главнокомандующій юго-восточнаго фронта Сиверсъ».

У меня похолодѣло сердце. Это былъ тотъ прапорщикъ Сиверсъ, который своей газетой «Окопная Правда» окончательно разложилъ арміи сѣвернаго фронта.

Для меня стало ясно, что спасенія для насъ нѣтъ. Штабъ Сиверса въ Ростовѣ, какъ я слышалъ, находился въ томъ же особнякѣ Парамонова, гдѣ былъ передъ тѣмъ штабъ генерала Корнилова и находившіеся тамъ въ качествѣ прислуги австрійцы-военноплѣнные, конечно, немедленно меня узнаютъ — какъ бывшаго начальника штаба генерала Корнилова.

Я пошелъ въ дамскую комнату, гдѣ сидѣлъ генералъ Ронжинъ и сладко спалъ на полу армянинъ Паносовъ.

Ронжинъ встрѣтилъ меня заявленіемъ, что онъ очень голоденъ и надо подумать, какъ бы намъ достать деньги у начальника отряда и хорошенько закусить.

Я ему разсказалъ все, что произошло.

— «Понесла же тебя нелегкая на твою прогулку и на встрѣчу съ Сиверсомъ. Что же намъ дѣлать?»

Я отвѣтилъ, что положеніе безвыходное, что въ Ростовѣ насъ, конечно, узнаютъ и . . . въ лучшемъ случаѣ, разстрѣляютъ; что лучше намъ самимъ съ собою покончить.

— «Но какъ?»

Надо сказать, что, до этого, мы нѣсколько разъ посылали Паносова за папиросами и онъ, неизмѣнно, оставлялъ свою заряженную винтовку въ комнатѣ.

Я предложилъ Ронжину разбудить Паносова, послать его опять за папиросами (которыя намъ, какъ оправданнымъ, изъ буфета отпускали въ долгъ) и воспользовавшись его отсутствіемъ, покончить съ собой при помощи его винтовки.

Ронжинъ согласился.

Паносовъ былъ разбуженъ и я далъ ему заказъ на папиросы.

Паносовъ всталъ и пошелъ за папиросами, взявъ съ собой винтовку.

Мы съ Ронжинымъ переглянулись и я сказалъ: «не судьба. Обѣщаю больше судьбу не насиловать и не буду пытаться наложить на себя руку».

Вскорѣ, по распоряженію начальника отряда, мы были объявлены вновь арестованными, и въ 3 часа дня насъ повели сажать въ поѣздъ, который пришелъ со станціи Тихорѣцкой и направлялся въ Ростовъ.

Поѣздъ стоялъ на ст. Степной болѣе часа.

Передъ самымъ отходомъ поѣзда къ нашему вагону прибѣжалъ начальникъ отряда и сказалъ старшему конвойному: «сейчасъ получена телеграмма, что штабъ главнокомандующаго изъ Ростова перешелъ въ Батайскъ (первая станція отъ Ростова, на лѣвомъ берегу Дона), а потому арестованныхъ везти въ Ростовъ не надо, а надо высадить въ Батайскѣ, гдѣ и сдать предсѣдателю военно-революціоннаго суда при штабѣ».

Я вздохнулъ облегченно и сказалъ Ронжину, что надежда на спасеніе есть; что въ Батайскѣ насъ могутъ не узнать.

Начальникъ отряда затѣмъ передалъ какую-то записку старшему конвойному съ приказаніемъ передать ее въ руки предсѣдателя суда.

Обращаясь же ко мнѣ, онъ тихо добавилъ: «пишу, что васъ я уже судилъ и судъ васъ всѣхъ оправдалъ». Затѣмъ онъ далъ намъ десять рублей на расходы и поѣздъ тронулся.

Около 6 часовъ вечера мы были въ Батайскѣ и конвойные насъ повели прямо въ помѣщеніе суда, которое имъ было указано на станціи.

На лицо оказались нѣкоторые изъ судей и сейчасъ же послали за предсѣдателемъ.

Намъ приказано было подождать.

Глядя на нашихъ судей я рѣшилъ, что дѣло не безнадежное. Публика не производила впечатлѣніе кровожадной и разговоръ, который они вели, былъ болѣе чѣмъ фривольный.

Вспоминали вчерашній ужинъ съ артистками какого-то театра и восторгались одной изъ нихъ.

Черезъ нѣсколько времени явился предсѣдатель суда и насъ вывели въ другое помѣщеніе. Я попросилъ Ронжина, Андрея и казака-хуторянина, котораго доставили въ Батайскъ вмѣстѣ съ нами, самимъ воздержаться отъ лишнихъ разговоровъ на судѣ, а предоставить мнѣ изложить всю нашу исторію.

Насъ позвали въ комнату, гдѣ засѣдалъ судъ.

Никого изъ постороннихъ, кромѣ нашего конвоя, не было.

Предсѣдатель суда, обращаясь ко всѣмъ намъ, спросилъ, кто мы такіе и въ чемъ заключается наше дѣло.

Я подробно все разсказалъ; сказалъ, что мы уже судились на ст. Степной и оправданы, что я недоумѣваю, почему насъ вновь арестовали и доставили въ Батайскъ.

Затѣмъ, я обратился къ старшему конвойному и просилъ его передать предсѣдателю суда ту записку, которую онъ получилъ отъ начальника отряда на ст. Степной.

Записка была передана и предсѣдатель суда прочиталъ ее вслухъ.

Содержаніе записки было слѣдующее:

«Препровождая по приказанію главнокомандующаго юго-восточнаго фронта четырехъ арестованныхъ, сообщаю, что всѣ они судились военно-революціоннымъ судомъ на ст. Степной и оправданы. Считаю, что вторичному преданію суду они не подлежатъ.

Подпись начальника отряда ст. Степной».

Судьи переглянулись между собой и предсѣдатель приказалъ насъ вывести въ другую комнату.

Минутъ черезъ пятнадцать насъ вновь позвали въ помѣщеніе суда и предсѣдатель, обращаясь къ намъ, объявилъ, что мы судомъ оправданы и что онъ очень извиняется за то, что насъ, по недоразумѣнію, вторично хотѣли судить.

Я обратился съ просьбой выдать намъ письменное удостовѣреніе о нашемъ оправданіи судомъ. Это было исполнено, и мы, весело настроенные, вышли изъ помѣщенія суда.

Ронжинъ сказалъ мнѣ, что теперь надо спасаться, куда глаза глядятъ, дабы опять не попасть въ руки Сиверса.

— «Куда же мы дѣнемся безъ денегъ?» спросилъ я его.

— «Да, это правда; но что же намъ дѣлать?»

— «Выходъ одинъ: это снова попросить конвойныхъ насъ арестовать и доставить на ст. Степную, гдѣ есть надежда получить наши деньги».

— «Какъ, опять къ Сиверсу?»

— «Другого выхода нѣтъ».

Мы переговорили съ конвойными и, обѣщавъ ихъ накормить, получили ихъ согласіе считать насъ снова арестованными.

Въ трактирѣ кутнули на всѣ десять рублей, полученныхъ отъ начальника отряда на ст. Степной, и ночью были опять доставлены на эту станцію.

Утромъ 19 февраля (4 марта) мы отправились къ начальнику отряда, разсказали о томъ, что произошло, передали записку предсѣдателя Батайскаго суда о нашемъ оправданіи; сказали, что рѣшили на ст. Степной дождаться нашихъ денегъ; достали отъ него удостовѣреніе о томъ, что оправданы дважды и, по его указанію, отправились въ мѣстный революціонный комитетъ доставать документы на право дальнѣйшаго свободнаго слѣдованія.

Весь день ушелъ на это. Документы достали и вечеромъ, напившись чаю съ хлѣбомъ, которымъ насъ угостилъ запасливый казакъ-хуторянинъ, устроились кое-какъ на ночлегъ въ дамской комнатѣ на станціи.

За наше отсутствіе было приведено еще шесть человѣкъ; трехъ изъ нихъ разстрѣляли, а трехъ, военноплѣнныхъ-австрійцевъ, освободили.

Въ этотъ же день со мной произошелъ крайне непріятный инцидентъ, который могъ окончиться трагически.

Ронжинъ пошелъ утромъ къ начальнику отряда одинъ, а я задержался въ комнатѣ и долженъ былъ его нагнать.

Выйдя на перронъ станціи, я Ронжина уже не увидѣлъ — онъ куда-то прошелъ.

Я отправился на розыски вагона начальника отряда. Вижу на пути отличный вагонъ I класса и рядомъ ходитъ часовой.

Спрашиваю: «это вагонъ начальника?»

— «Да».

Я поднимаюсь на площадку вагона; навстрѣчу мнѣ выходитъ элегантный военный безъ погонъ и спрашиваетъ, кого мнѣ надо.

Я отвѣчаю, что мнѣ нужно къ «начальнику» по дѣлу.

— «Подождите, я доложу».

Адъютантъ скрывается въ одномъ изъ купэ и оттуда выходитъ . . . главнокомандующій юго-восточнаго фронта «товарищъ» Сиверсъ.

Я остолбенѣлъ, но дѣлать было нечего и, стараясь скрыть свое волненіе, направился къ нему навстрѣчу.

— «Какимъ образомъ вы здѣсь? Вѣдь я приказалъ всю вашу компанію отправить на судъ ко мнѣ въ штабъ».

— «Мы уже тамъ были и оправданы».

— «Не можетъ быть! У васъ есть удостовѣреніе въ томъ, что васъ судили и оправдали?»

— «Есть и находится теперь въ рукахъ у начальника отряда».

— «Ну, ваше счастіе! Я не разсчитывалъ васъ больше видѣть. Судъ при моемъ штабѣ рѣдко выноситъ оправдательные приговоры. Но что же вамъ отъ меня нужно?»

Я извинился, объяснивъ, что попалъ къ нему случайно, разыскивая начальника отряда.

Онъ мнѣ назидательно объяснилъ, что онъ именуется «главнокомандующимъ фронтомъ» и рекомендовалъ мнѣ не засиживаться на ст. Степной...

20 февраля (5 марта) я, хотя и спалъ за столомъ, сидя на стулѣ, проснулся поздно. Мои компаньоны уже бодрствовали и были въ прекрасномъ настроеніи. Тутъ же вертѣлся Паносовъ.

Ронжинъ объявилъ мнѣ, что въ селеніи около станціи, по словамъ Паносова, имѣется отличный трактиръ и было бы хорошо тамъ поѣсть.

— «На какія же средства мы можемъ разсчитывать? Даромъ никто насъ кормить не будетъ».

— «Я пойду къ начальнику отряда и попрошу у него денегъ», сказалъ Ронжинъ.

— «Попытайся».

Къ большому моему удивленію вернувшійся Ронжинъ дѣйствительно принесъ билетъ военнаго займа.

Мы ликовали, но затѣмъ явилось сомнѣніе въ томъ — размѣняютъ ли этотъ билетъ въ трактирѣ.

Паносовъ увѣрилъ насъ, что размѣняютъ и мы всей компаніей двинулись въ трактиръ.

Поѣли съ удовольствіемъ. Одно насъ нѣсколько стѣсняло — это присутствіе въ сосѣдней комнатѣ какихъ-то солдатъ, которые внимательно насъ разглядывали.

Расплатившись, мы вышли. Но прошли мы немного и были остановлены криками какихъ-то солдатъ, бѣжавшихъ за нами.

Мы остановились.

Оказалось, что это тѣ же солдаты, которые насъ разглядывали въ трактирѣ.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось, что это были офицеры латышскаго полка, стоящаго около ст. Степной.

Начался новый допросъ.

Въ результатѣ намъ объявили, что мы шпіоны; что мы обманули судей революціонныхъ судовъ, но что ихъ не обманемъ и что будемъ разстрѣляны безъ всякаго суда.

Всѣ наши возраженія оказались безполезными.

Послѣдовало приказаніе позвать восемь солдатъ съ винтовками.

Солдаты скоро прибѣжали и намъ предложено было стать къ стѣнкѣ.

Я рѣшилъ, что сопротивляться безполезно и пошелъ къ забору.

Ронжинъ насъ спасъ. Онъ началъ горячо доказывать, что при всякомъ режимѣ рѣшеніе суда должно быть священно, что правосудіемъ такъ играть нельзя, что справедливость нашихъ заявленій провѣрить легко и проч.

Одинъ изъ латышей, пожилой съ виду и безусловно кадровый офицеръ, за насъ заступился и уговорилъ всю компанію отвести насъ къ начальнику отряда и провѣрить правильность нашихъ заявленій.

— «Если же они лгутъ, то мы ихъ разстрѣляемъ тамъ же на желѣзнодорожныхъ путяхъ» — добавилъ онъ.

Насъ повели.

Начальникъ отряда за насъ горячо заступился и приказалъ насъ освободить.

Латыши не хотѣли насъ отпустить, и начались препирательства между ними и начальникомъ отряда.

Въ это время въ комнату вошелъ командиръ латышскаго полка, одѣтый въ элегантный кожаный костюмъ. Какъ мнѣ потомъ сказали, онъ былъ кадровымъ штабсъ-капитаномъ.

Поинтересовавшись, въ чемъ дѣло, и выслушавъ начальника отряда, онъ приказалъ своимъ подчиненнымъ разойтись, оставивъ насъ въ покоѣ.

Къ намъ же онъ обратился со слѣдующими словами: «а вамъ не рекомендую показываться въ селеніи; мои латыши васъ разстрѣляютъ и заступничество начальника отряда вамъ не поможетъ».

Послѣ его ухода, начальникъ отряда намъ сказалъ: «Положеніе ваше становится очень опаснымъ. Латыши васъ прикончатъ и я не въ силахъ буду васъ спасти. Мой совѣтъ — немедленно уѣзжайте».

Я на это отвѣтилъ, что и наше желаніе скорѣй уѣхать, но что только онъ одинъ намъ можетъ помочь.

— «Что же я могу сдѣлать?»

— «Безъ денегъ мы уѣхать не можемъ. За нашими деньгами мы послали и, вѣроятно, завтра же посланный ихъ привезетъ. Самое лучшее будетъ, если вы намъ теперь дадите деньги, а тѣ деньги, которыя будутъ привезены — вы возьмете себѣ».

Начальникъ отряда подумалъ и затѣмъ сказалъ: «ну хорошо, я вамъ деньги дамъ теперь же, удержавъ съ того, что вамъ причитается $^1/_3$ въ пользу революціонной арміи. Если вы на это согласны, то черезъ часъ приходите въ мой вагонъ».

Мы, конечно, съ радостью согласились и къ назначенному времени были въ вагонѣ начальника отряда.

Получивъ деньги, мы попросили разрѣшеніе остаться въ его вагонѣ до прихода поѣзда изъ Ростова (мы рѣшили ѣхать на ст. Тихорѣцкую, а оттуда, въ зависимости отъ обстановки, проѣхать въ ту или иную сторону).

Поѣздъ въ этотъ день изъ Ростова не пришелъ и, съ наступленіемъ темноты, насъ выпроводили изъ вагона, сказавъ, что оставлять насъ на ночь въ вагонѣ начальника отряда признается недопустимымъ.

Мы попали въ трудное положеніе, ибо идти на станцію не рисковали, опасаясь, что латыши съ нами расправятся.

На наше счастіе подвернулся станціонный сторожъ, на котораго мы уже раньше обратили вниманіе изъ-за чувства соболѣзнованія, которое онъ проявлялъ къ намъ.

На нашу просьбу устроить насъ на ночлегъ, сторожъ предложилъ переночевать въ его помѣщеніи.

Мы пошли и черезъ десять минутъ сидѣли за столомъ, на которомъ стояли кипящій самоваръ, крынка съ молокомъ и лежалъ свѣжій хлѣбъ.

Напившись чаю и помолившись Богу, мы улеглись спать на полу. Въ сосѣдней же крошечной комнатѣ устроился сторожъ со своей женой и пятью дѣтьми.

Проснувшись, мы съ радостью узнали, что около двухъ часовъ дня будетъ поѣздъ изъ Ростова и что наше освобожденіе отъ сосѣдства съ латышами близко и возможно.

Такъ какъ мой полушубокъ былъ у меня отобранъ по пути на ст. Степную, а холодъ давалъ себя чувствовать, то я рѣшилъ достать себѣ что-либо теплое.

При помощи того же сторожа я купилъ за сто рублей старый полушубокъ и совсѣмъ пересталъ быть похожимъ на «буржуя».

Мы рѣшили до поѣзда на станціи не показываться.

За часъ до прихода поѣзда мы, къ нашему ужасу, узнали, что поѣздъ воинскій и пассажировъ въ него пускать не будутъ.

Бросились къ начальнику отряда.

И на этотъ разъ онъ намъ помогъ. Взялъ для насъ билеты и, по приходѣ поѣзда, переговоривъ съ начальникомъ эшелона, устроилъ насъ въ маленькомъ купэ I-го класса.

Черезъ четверть часа поѣздъ отошелъ отъ ст. Степной; мы облегченно вздохнули и перекрестились.

Вечеромъ 21 февраля (6 марта) мы были на ст. Тихорѣцкой.

Здѣсь мы узнали, что отрядъ генерала Корнилова взорвалъ мосты около Великокняжеской и сообщеніе съ Царицынымъ прервано, и что на Екатеринодаръ поѣзда не ходятъ; а около Екатеринодара идутъ бои большевиковъ съ отрядами «бѣлыхъ» и казаковъ, сформированныхъ въ Екатеринодарѣ.

Остался свободный проѣздъ только на Владикавказъ и на Ростовъ.

Забираться во Владикавказъ намъ не хотѣлось, а ѣхать куда-либо черезъ Ростовъ было для меня опасно (въ Ростовѣ многіе меня знали).

Кромѣ того, я рѣшилъ постараться опять попасть въ армію Корнилова, а потому мы рѣшили въ Тихорѣцкой переждать и устроились въ грязномъ маленькомъ номерѣ мѣстной гостинницы.

Что касается Андрея, то мы оставили его на ст. Степной, рѣшивъ, что онъ, какъ солдатъ, можетъ пробраться обратно въ Новочеркасскъ и тамъ переждать событія.

Въ мѣстечкѣ при ст. Тихорѣцкой мы прожили четыре дня. Выходить много изъ нашей грязной берлоги мы опасались и только два раза въ день, утромъ и вечеромъ, по очереди, ходили на вокзалъ справляться о поѣздахъ и узнавать слухи и новости о движеніи отряда Корнилова.

Получаемыя вѣсти ничего утѣшительнаго не приносили; создавалось впечатлѣніе, что небольшая группа героевъ прорывается куда-то къ югу; но тамъ, на югѣ, нѣтъ никакой надежды найти опору и пристанище.

По всѣмъ же даннымъ, которыя мы видѣли и слышали, ясно было, что большевистскія части начинаютъ сорганизовываться, вновь проявляется дисциплина и начинаетъ чувствоваться управленіе сверху.

Корниловская Добровольческая армія была почти окружена и кольцо вокругъ нея начинало сжиматься.

За время пребыванія въ Тихорѣцкой гостинницѣ я понялъ, почему при прежнихъ продолжительныхъ плаваніяхъ подъ парусами, въ концѣ концовъ, члены каютъ-кампаніи становились врагами другъ другу.

Я сталъ замѣчать, что мои отношенія съ Ронжинымъ начинаютъ портиться. Неотлучное совмѣстное пребываніе начинало раздражать, начинались мелкія придирки другъ къ другу.

Мы спали на одной кровати. Онъ меня неоднократно будилъ и увѣрялъ, что я занимаю всю кровать, заставляя его спать на желѣзномъ борту, что все его тѣло болитъ, что я эгоистъ и проч.

Постоянные ночные обыски и повѣрки документовъ насъ раздражали все больше и больше.

На пятый день нашего пребыванія въ гостинницѣ, Ронжинъ, утромъ, пошелъ на вокзалъ получить очередную информацію. Черезъ полчаса онъ вернулся, взволнованный и блѣдный.

— «На вокзалѣ я сейчасъ нарвался на командира латышскаго полка, съ которымъ мы имѣли дѣло на ст. Степной. Этотъ господинъ меня узналъ, остановилъ и спросилъ, что я тутъ дѣлаю и гдѣ ты. На мой отвѣтъ, что мы ожидаемъ здѣсь поѣздъ, чтобы проѣхать въ Царицынъ, онъ мнѣ сказалъ, что для него болѣе чѣмъ подозрительно видѣть насъ каждый разъ тамъ — гдѣ начинается сосредоточеніе войскъ; что онъ меня арестуетъ и прикажетъ выяснить болѣе основательно, кто мы такіе.

Къ счастію, въ это время подошли къ нему какіе-то солдаты и началась ругань. Я воспользовался моментомъ и удралъ. Надо спасаться».

Раздумывать было некогда.

Расплатившись за номеръ мы вышли изъ гостинницы и рѣшили пройти, минуя станцію, на желѣзнодорожные пути и первымъ же поѣздомъ отправиться въ Ростовъ, а оттуда, черезъ Лиски, въ Царицынъ.

На наше счастье у вокзала стоялъ поѣздъ, который долженъ былъ черезъ часъ отойти на Ростовъ.

Не беря билетовъ мы забрались въ товарный вагонъ и устроились въ уголкѣ за группой какихъ-то торговокъ.

До Ростова доѣхали благополучно. Но здѣсь на вокзалѣ нужно было ожидать поѣзда болѣе 8 часовъ.

Ронжинъ, котораго въ Ростовѣ меньше знали, рискнулъ пройти поѣсть въ залъ I класса, а я забился въ толпу въ залѣ III класса.

Находясь въ залѣ, я видѣлъ среди проходившихъ нѣсколько знакомыхъ лицъ, въ томъ числѣ моряка, котораго мы видѣли на ст. Степной.

Ронжинъ поручилъ носильщику взять билеты до ст. Лиски. Поѣздъ наконецъ былъ поданъ и мы пошли садиться въ вагонъ.

По пути къ вагону меня остановили двое штатскихъ и, называя «Ваше Превосходительство», стали разспрашивать, откуда и куда я ѣду. Я имъ отвѣтилъ, что они заблуждаются принимая меня за кого-то другого и что я совсѣмъ не «Превосходительство».

Они перешептываясь отошли, но издали за нами слѣдили.

Въ одномъ изъ нихъ я узналъ офицера, служившаго въ штабѣ на маленькой должности и пользовавшагося неважной репутаціей.

Я опасался, какъ бы насъ они не выдали, но все прошло благополучно, и наконецъ поѣздъ тронулся. Мы перекрестились.

Ронжинъ еще съ утра чувствовалъ себя плохо. Къ отходу же поѣзда у него, повидимому, былъ сильный жаръ и онъ жаловался на боль сердца.

Когда поѣздъ сталъ подходить къ ст. Лиски, Ронжинъ мнѣ категорически объявилъ, что съ него довольно, въ дальнѣйшія предпріятія онъ не склоненъ

пускаться, въ Царицынъ не поѣдетъ, а поѣдетъ прямо въ Петроградъ къ своей женѣ, которая, какъ-нибудь, поможетъ ему тамъ спрятаться.

— «А если суждено погибнуть, то лучше погибнуть дома, а не шатаясь такъ, какъ мы теперь съ тобой шатаемся» — прибавилъ онъ.

Я видѣлъ, что уговаривать его безполезно, и въ Лискахъ мы съ нимъ разстались: онъ тѣмъ же поѣздомъ поѣхалъ на сѣверъ, а я остался на станціи въ ожиданіи поѣзда въ Царицынъ.

Утромъ 2/15 марта я пріѣхалъ въ Царицынъ и отправился искать себѣ помѣщеніе.

Нашелъ за десять рублей въ сутки крошечную комнату въ очень грязной гостинницѣ. Всѣ приличныя гостинницы оказались реквизированы для надобностей большевистскихъ штабовъ и учрежденій.

Я чувствовалъ, что на мнѣ масса насѣкомыхъ, а потому сейчасъ же отправился въ магазинъ, купилъ смѣну бѣлья и пошелъ въ баню.

Проживъ въ Царицынѣ недѣлю, я увидѣлъ, что положеніе мое скоро станетъ драматичнымъ: деньги таяли, а надежды скоро соединиться съ арміей не было.

Я рѣшилъ отыскать какую-нибудь работу.

Пошелъ въ контору мѣстнаго купца Серебрякова и спросилъ хозяина.

Мнѣ указали на плотнаго старика, стоявшаго въ конторѣ въ пальто и въ шапкѣ на головѣ.

Я подошелъ и сказалъ, что я хорошо грамотенъ, знаю бухгалтерію и прошу дать мнѣ работу.

Онъ молча на меня посмотрѣлъ, а затѣмъ раздраженнымъ тономъ сказалъ: «Грамотныхъ теперь не требуется. Да я, впрочемъ, теперь уже и не хозяинъ; хозяева — вотъ эта с . . . .!» и указалъ на нѣсколькихъ юношей, сидѣвшихъ за столомъ. «Попробуйте обратиться къ нимъ».

Я повернулся и вышелъ изъ конторы.

На другой день, обѣдая въ ресторанѣ, я увидѣлъ за сосѣднимъ столикомъ адъютанта генерала Корнилова — Толстова и мужа дочери генерала Корнилова — моряка Маркова*.

По выходѣ изъ ресторана меня нагналъ Толстовъ и спросилъ, когда и гдѣ онъ можетъ меня увидѣть.

Я ему назначилъ свиданіе у себя въ номерѣ черезъ часъ.

Толстовъ, прійдя ко мнѣ и увидѣвъ обстановку моего номера, сказалъ, что онъ постарается меня устроить лучше и обѣщалъ зайти на другой день.

На другой день, подъ вечеръ, онъ пришелъ и сказалъ, что меня проситъ сейчасъ же придти его хорошій знакомый X.

Я пошелъ.

X. принялъ меня какъ родного.

Послѣ всѣхъ мытарствъ я съ наслажденіемъ провелъ время въ хорошей обстановкѣ и былъ накормленъ отличнымъ обѣдомъ.

На слѣдующій же день X. меня устроилъ на квартирѣ у своего тестя.

Какое наслажденіе было получить хорошую комнату и кровать съ чистымъ бѣльемъ, и имѣть возможность пользоваться ванной!

У милыхъ и гостепріимныхъ стариковъ я и обѣдалъ.

---

* Какъ потомъ я узналъ, они пріѣхали изъ Владикавказа, куда сопровождали изъ Ростова семью генерала Корнилова.

Прожилъ я у нихъ до половины марта. Сообщеніе со ст. Тихорѣцкой не возстанавливалось и я началъ терять надежду на возможность соединиться съ Добровольческой арміей.

Однажды пришелъ ко мнѣ Толстовъ и заявилъ, что у мѣстнаго комиссара Минина (онъ же городской голова) начальникомъ штаба состоитъ полковникъ генеральнаго штаба К., котораго я, за скандалъ произведенный имъ въ пьяномъ видѣ подъ Новый годъ въ Новочеркасскомъ офицерскомъ собраніи, отчислилъ отъ штаба Добровольческой арміи.

На слѣдующій день я получилъ свѣдѣніе, что за мной начинаютъ слѣдить и что мнѣ необходимо немедленно уѣзжать.

Запасшись отъ Х. рекомендательнымъ письмомъ къ одному изъ его знакомыхъ въ Харьковѣ и взявъ у него въ долгъ триста рублей я, въ тотъ же день, отправился въ Харьковъ.

Выбралъ Харьковъ потому, что собственно больше и некуда было ѣхать и, кромѣ того, надѣялся разыскать тамъ моихъ дѣтей.

За время моего пребыванія въ Царицынѣ я выяснилъ, что большевиками прекращена была всякая коммерческая жизнь въ городѣ. Мѣстные купцы, домовладѣльцы и просто «буржуи» были сильно ограблены и очень немногимъ изъ нихъ, путемъ взятокъ, удалось сохранить возможность вести сносную жизнь.

Постояннаго террора еще не было.

Періодически расправлялись съ отдѣльными лицами, которыхъ считали опасными.

Серьезному же преслѣдованію и разстрѣлу подвергались лишь всѣ, коихъ заподозрѣвали въ причастности къ Добровольческой арміи.

* *
*

До Харькова я добрался благополучно.

Здѣсь я сначала помѣстился въ гостиницѣ, но, затѣмъ, благодаря рекомендаціи Х., я отлично устроился въ богатомъ домѣ одной старушки, германской подданной.

Нельзя обойти молчаніемъ, что, при бывшихъ въ Харьковѣ грабежахъ и уплотненіяхъ квартиръ, въ этотъ домъ, хотя онъ и былъ полной чашей, ни разу не заглянулъ ни одинъ большевикъ.

Какъ мнѣ передавали, въ періодъ перваго владычества большевиковъ въ Харьковѣ, замѣчалось ихъ крайне внимательное отношеніе вообще ко всѣмъ германскимъ подданнымъ. Хотя не трогали и швейцарскихъ гражданъ, но отношеніе къ нимъ все же не было такимъ предупредительнымъ, какъ къ германскимъ подданнымъ.

Своихъ дѣтей (дочь 15 лѣтъ и сына 14 лѣтъ) я отыскалъ въ Харьковѣ. Устроились они въ одномъ очень миломъ швейцарскомъ семействѣ.

Про свою жену, выѣхавшую на лошадяхъ изъ Новочеркасска 10/23 февраля, вмѣстѣ съ генераломъ Вановскимъ, никакихъ свѣдѣній я не имѣлъ.

Она предполагала на лошадяхъ доѣхать до одной изъ станцій желѣзной дороги Царицынъ—Тихорѣцкая и оттуда, черезъ Царицынъ, пробраться въ Москву, гдѣ постараться ликвидировать имущество нашей квартиры и спасти деньги и свои драгоцѣнности, бывшія въ банкѣ. Испытавъ на себѣ всѣ прелести путешествія на лошадяхъ изъ раіона занятаго Добровольческой арміей, я рѣшилъ, что моя жена погибла.

Но, черезъ 2—3 дня послѣ моего прiѣзда въ Харьковъ, одной нашей знакомой, княгиней Голицыной, было получено изъ Москвы письмо отъ моей жены. Я успокоился и рѣшилъ, что, въ ближайшемъ будущемъ, жена сумѣетъ, какъ-нибудь, пробраться изъ Москвы въ Харьковъ на соединенiе съ дѣтьми.

Съ января 1918 года я чувствовалъ себя отрѣзаннымъ отъ мiра и, въ сущности говоря, ничего не зналъ о томъ, что происходитъ внѣ раiона, въ которомъ я находился.

Будучи въ раiонѣ Добровольческой армiи, окруженной большевиками со всѣхъ сторонъ, а затѣмъ оторвавшись отъ армiи и попавъ въ Царицынъ, я питался лишь слухами и ничего вѣрнаго до меня не доходило.

Прiѣхавъ въ Харьковъ я, черезъ бывшаго члена Государственнаго Совѣта Н. Ф. Дитмара, связался съ группой углепромышленниковъ, которая тамъ субсидировала тайную офицерскую организацiю.

На квартирѣ одного изъ членовъ этой группы я познакомился съ полковникомъ, стоявшимъ во главѣ Харьковской военной организацiи, и съ командиромъ офицерскаго батальона.

Въ распоряженiи Харьковской военной организацiи имѣлось три тысячи винтовокъ съ достаточнымъ количествомъ патроновъ и около двадцати пулеметовъ.

Была надежда, въ случаѣ возстанiя, получить четырехорудiйную батарею; личный составъ для батареи былъ подготовленъ.

Въ батальонѣ, который, по словамъ полковника, стоявшаго во главѣ организацiи, можно было бы собрать въ любой моментъ, числилось около тысячи человѣкъ. Кромѣ того, въ спискѣ офицеровъ, жившихъ въ Харьковѣ, числилось около двухъ тысячъ человѣкъ. Эти послѣднiе офицеры не были посвящены въ существующую организацiю. Каждый изъ офицеровъ батальона долженъ былъ въ случаѣ необходимости привести 2—3 офицеровъ, значившихся въ спискѣ и лично ему извѣстныхъ.

Такiя же организацiи, но въ меньшихъ размѣрахъ, существовали въ другихъ городахъ Харьковской и Полтавской губернiй.

Познакомившись съ организацiей дѣла въ Харьковѣ, я преподалъ нѣкоторые организацiонные совѣты руководителямъ ея и затѣмъ указалъ, что никакiя выступленiя не допустимы. Необходимо выждать, пока окажется возможнымъ имѣть связь съ генералами Корниловымъ и Алексѣевымъ и свои дѣйствiя строго согласовать съ указанiями, которыя будутъ получены.

При этомъ сказалъ, какъ свое личное мнѣнiе, что считаю наиболѣе правильнымъ, чтобы всѣ офицеры, которые это могутъ сдѣлать, направлялись на усиленiе Добровольческой армiи. На мѣстахъ же могутъ оставаться лишь тѣ, кои, вслѣдствiе семейныхъ и другихъ причинъ, въ армiю ѣхать не въ состоянiи.

Эта группа офицеровъ можетъ взяться за оружiе лишь при подходѣ Добровольческой армiи, дабы преждевременными выступленiями не губить дѣла и не подвергать напрасно террору тѣхъ, которые сидятъ на мѣстахъ.

Въ двадцатыхъ числахъ марта меня въ Харьковѣ разыскалъ морякъ, лейтенантъ Масленниковъ, который служилъ для связи между генералами Корниловымъ и Алексѣевымъ и Московскимъ нацiональнымъ центромъ, въ составъ котораго вошли представители всѣхъ анти-большевистскихъ круговъ отъ правыхъ до соцiалистовъ включительно.

Этотъ центръ, конечно, велъ работу конспиративно; хотя, повидимому, про его существованiе большевикамъ было извѣстно, но они, по указкѣ ли

нѣмцевъ, или по своимъ соображеніямъ, пока его не трогали и на его дѣятельность смотрѣли сквозь пальцы.

Масленниковъ разсказалъ мнѣ, что за послѣднее время въ Москвѣ назрѣваетъ возстаніе, что различныя организаціи объединились и что руководители убѣждены въ полномъ успѣхѣ, но что въ Москвѣ нѣтъ никого изъ авторитетныхъ военныхъ, который могъ бы руководить военной стороной дѣла; что членовъ Московскаго національнаго центра особенно безпокоитъ вопросъ о томъ, кому можно поручить направленіе дѣятельности военныхъ организацій; особенно важно, чтобы, послѣ намѣченнаго переворота, было лицо, которое твердо и правильно поставило бы дѣло и прибрало къ рукамъ всѣ разнообразныя военныя организаціи; что онъ командированъ въ Харьковъ спеціально ко мнѣ *, чтобы, отъ имени національнаго центра, предложить мнѣ немедленно прибыть въ Москву и принять руководство военной стороной дѣла.

Я его спросилъ, насколько справедливы слухи о томъ, что Московскій національный центръ раскололся; что часть членовъ приняла нѣмецкую оріентацію, считая, что спасеніе отъ большевиковъ возможно лишь при соглашеніи съ нѣмцами; что другая часть членовъ остается вѣрной союзу съ Франціей и Англіей и не допускаетъ мысли идти по пути соглашенія съ Германіей.

Масленниковъ, какъ мнѣ показалось, нѣсколько смазывалъ свои отвѣты.

Онъ подтвердилъ, что дѣйствительно вопросъ оріентаціи возникъ, но разрыва не произошло; что группа, считающая возможнымъ договориться съ нѣмцами, предварительно считаетъ необходимымъ опредѣленно и ясно поставить вопросъ о помощи англичанамъ и французамъ; что только при отказѣ ихъ оказать дѣйствительную поддержку — они считаютъ возможнымъ начать переговоры съ нѣмцами, которые дѣйствительно предлагаютъ съ ними договориться.

На мой вопросъ — кѣмъ же онъ ко мнѣ присланъ, онъ отвѣтилъ, что А. В. Кривошеинымъ и Влад. І. Гурко.

— «Есть ли у васъ какое-либо письмо ко мнѣ или что-либо иное въ письменной формѣ, что подтвердило бы мнѣ, что вы дѣйствительно присланы ко мнѣ указанными лицами?»

— «Нѣтъ, у меня ничего нѣтъ; мнѣ поручено это передать вамъ на словахъ. Вы меня знаете, и мы считали, что у васъ не будетъ никакихъ сомнѣній».

— «Можете ли вы мнѣ подробно разсказать про существующія въ Москвѣ военныя организаціи? Что они изъ себя представляютъ по составу, численности, спайкѣ и по обезпеченности военными припасами на періодъ выступленія?»

— «Нѣтъ, я этого не знаю».

Послѣ этого я сказалъ Масленникову, что согласіемъ на подобное предложеніе отвѣтить трудно, что все это представляется мнѣ довольно легкомысленнымъ, что ѣхать въ Москву съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же быть повѣшеннымъ на фонарномъ столбѣ, мнѣ не хочется, что если мнѣ суждено быть повѣшеннымъ, то это, въ свое время, случится, но ускорять ходъ событій я не намѣренъ.

— «Передайте А. В. Кривошеину и Вл. І. Гурко, что если они дѣйствительно хотятъ моего пріѣзда, то пусть мнѣ объ этомъ напишутъ и пришлютъ васъ и какого-нибудь генерала, стоящаго во главѣ одной изъ наиболѣе крупныхъ организацій, чтобы онъ мнѣ могъ дать исчерпывающіе отвѣты на всѣ

* О моемъ нахожденіи въ Харьковѣ онъ узналъ отъ моей жены, получившей мою открытку, посланную изъ Царицына.

мои вопросы. А на предложеніе, дѣлаемое въ той формѣ, какъ дѣлаете вы, я отвѣчаю опредѣленнымъ отказомъ».

Злободневными въ Харьковѣ разговорами были слухи и поступавшія свѣдѣнія о приближеніи нѣмцевъ. Кіевъ былъ ими занятъ 15 февраля ст. ст.

Въ началѣ апрѣля я съ большимъ интересомъ прочиталъ въ одной изъ Харьковскихъ газетъ статью В. В. Шульгина, напечатанную въ послѣднемъ номерѣ закрывшагося «Кіевлянина» отъ 10/23 марта (№ 16):

«Выпуская послѣдній номеръ «Кіевлянина», мы позволяемъ себѣ напомнить всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что міровая война не кончилась; что жесточайшая борьба будетъ продолжаться на западномъ фронтѣ; что уничтоженіе Россіи есть только одинъ изъ эпизодовъ этой войны; что на мѣсто Россіи вступила Америка; что русскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ окончательно ни въ Брестѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Петроградѣ, ни даже въ Москвѣ, ибо карта Европы будетъ вычерчена на кровавыхъ поляхъ Франціи, гдѣ произойдетъ послѣдняя рѣшительная борьба.

Мы позволяемъ себѣ сказать еще, что нынѣшнее состояніе Россіи не есть гибель русскаго народа, но есть несомнѣнная гибель «русской революціи».

Соціалисты воображали, что такъ называемая контръ-революція прійдетъ отъ рахитичныхъ русскихъ капиталистовъ или отъ мечтательныхъ русскихъ помѣщиковъ, подарившихъ міру Льва Толстого — геніальнаго Манилова. Во имя этой несуществующей контръ-революціи они разстрѣливали и уничтожали тотъ небольшой культурный классъ, который въ Россіи единственно былъ носителемъ національной гордости и готовъ былъ подвергнуться всѣмъ экспериментамъ «соціализма», лишь бы сохранить независимою свою родину.

Задача блестяще удалась. Людей, любившихъ свое отечество, смяли и растоптали изъ страха передъ «ней». Но когда это было сдѣлано, «буржуи» уничтожены, тогда-то и пришла «она»...

Пришла сильная, спокойная, увѣренная...

И всѣ эти жалкіе людишки покорно стали на колѣни и привѣтствовали ея появленіе.

Контръ-революція пришла въ образѣ нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ, занявшихъ Россію. Тѣхъ нѣмецкихъ солдатъ, у которыхъ «нервы оказались крѣпче».

Ибо, что такое контръ-революція въ глазахъ безмозглыхъ митрофанушекъ соціализма? Контръ-революція — это порядокъ, это крѣпкая власть, это конецъ бездѣлью, болтовнѣ, конецъ надругательствамъ и насиліямъ надъ беззащитными и слабыми.

Такъ вотъ, поздравляемъ васъ, господа революціонеры! Нѣмцы принесли этотъ порядокъ на своихъ штыкахъ... и прежде всего, приводя въ дѣйствіе желѣзныя дороги, приказывая вымыть и вымести до чиста нашъ несчастный Кіевскій вокзалъ, эту эмблему современной культуры, которую вы столько времени пакостили во славу демократическихъ принциповъ.

Чистота и опрятность! Есть ли начало болѣе враждебное грязью вѣнчанной русской революціи?

Ахъ, господа, вы не хотѣли отдавать чести русскимъ офицерамъ... А теперь съ какой готовностью вы отдаете эту «честь» нѣмецкимъ! Почему? Да потому, что они избавили васъ отъ самихъ себя, потому что они спасаютъ вашу собственную безумную жизнь, потому что въ звѣриной ненависти, вами

овладѣвшей, вы перегрызли бы горло другъ другу! И вы глубоко благодарны пинку нѣмецкаго приклада, который привелъ васъ въ чувство.

Но мы, мы нѣмцевъ не звали. Когда вы разстрѣливали насъ и жгли, мы говорили: «убивайте и жгите, но спасите Россію».

И такъ какъ мы нѣмцевъ не звали, то мы не хотимъ пользоваться благами относительнаго спокойствія и нѣкоторой политической свободы, которыя нѣмцы намъ принесли. Мы на это не имѣемъ права. А то, что намъ не принадлежитъ по праву, мы не возьмемъ даже въ томъ случаѣ, если бы намъ его отдавали «безъ выкупа». Мы вѣдь не соціалисты — благодареніе Господу Богу!

Мы были всегда честными противниками. И своимъ принципамъ мы не измѣнимъ. Пришедшимъ въ нашъ городъ нѣмцамъ мы это говоримъ открыто и прямо.

Мы ваши враги. Мы можемъ быть вашими военноплѣнными, но вашими друзьями мы не будемъ до тѣхъ поръ, пока идетъ война.

У насъ только одно слово. Мы дали его французамъ и англичанамъ, и пока они проливаютъ свою кровь въ борьбѣ съ вами за себя и за насъ, мы можемъ быть только вашими врагами, а не издавать газету подъ вашимъ крылышкомъ.

Да, если бы «Кіевлянинъ» сталъ вновь выходить, то это значило бы, что нѣмцы обезпечили ему безопасность. Даже эти строчки, которыя сейчасъ пишутся, могутъ быть выпущены, благодаря попустительству нѣмецкой власти.

Если бы «Кіевлянину» была дана возможность выходить, то это значило бы, что здѣсь или расчетъ, или великодушіе.

Расчетамъ помогать мы не хотимъ, великодушія принять не можемъ.

Мы хорошо понимаемъ значеніе только-что сказанныхъ словъ, но и враги наши поймутъ, что иного выхода для честныхъ людей нѣтъ.

Какія послѣдствія будутъ для насъ лично — мы не знаемъ, но ту часть русскаго общества, отъ имени которой мы позволяемъ себѣ говорить, нѣмцы принуждены будутъ уважать, какъ они вынуждены презирать тѣхъ, кои сейчасъ пресмыкаются передъ ними.

И мы хорошо знаемъ, что, когда наступитъ время дѣйствительнаго примиренія, когда кончится эта ужасная міровая борьба, кончится миромъ, не постыднымъ для всѣхъ, кто честно боролся за свою родину, тогда честные противники скорѣй столкуются другъ съ другомъ, чѣмъ безчестные друзья».

Статья эта была болѣе чѣмъ своевременна.

Нѣмцы планомѣрно занимали хлѣбный раіонъ юго-западнаго края и протягивали щупальцы ко всѣмъ крупнымъ центрамъ Малороссіи, съ цѣлью постепенно занять весь югъ Россіи и создать себѣ прочную продовольственную базу для продолженія борьбы на западѣ.

Большевики отступали передъ нѣмцами почти безъ всякаго сопротивленія.

Но при этомъ отступленіи происходило что-то странное.

Большая часть большевистскихъ силъ отступала не на сѣверъ или сѣверовостокъ для прикрытія Великороссіи, а на востокъ — для созданія фронта для борьбы съ казаками и добровольцами.

Чувствовалось, что для совѣтскаго правительства нѣмцы, какъ будто, не страшны и что между ними существуетъ какое-то соглашеніе.

Всѣ данныя, поступавшія изъ разныхъ источниковъ, указывали на то, что нѣмцы готовы были прекратить въ Россіи большевизмъ, ими же насажденный.

Но, повидимому, германскіе правящіе круги сами не знали, какъ будетъ болѣе правильно разрѣшить эту задачу.

Несомнѣнно, что были предположенія принять мѣры къ прекращенію большевизма и возсозданію сильной Россіи.

Но для Германіи было важно, чтобъ эта Россія была для нея союзной, или, въ худшемъ случаѣ, нейтральной.

Между тѣмъ существованіе на югѣ Россіи Добровольческой арміи, вѣрной Англіи и Франціи, которая, при возрожденіи Россіи, явилась бы естественно ядромъ русской арміи, и существованіе въ Россіи политическихъ группъ, которыя опредѣленно высказывались за необходимость для Россіи выполнить свой долгъ въ совмѣстной борьбѣ съ союзниками противъ Германіи до конца, заставляло германское правительство поддерживать связь съ совѣтскимъ правительствомъ и склоняться въ сторону расчлененія Россіи и созданія самостоятельной и ей послушной Украины.

Событія между тѣмъ на Украинѣ развивались. Въ вербную субботу нѣмцы вошли въ Харьковъ и выдвинули авангарды къ Бѣлгороду и Чугуеву.

Большинство Харьковскаго населенія ликовало и благословляло нѣмцевъ за освобожденіе отъ большевиковъ.

Но черезъ нѣсколько дней многіе, съ которыми мнѣ пришлось говорить, уже не чувствовали себя такъ радостно настроенными.

Одинъ изъ обывателей правильно охарактеризовалъ чувство, которое испытывало большинство: «шкура радуется, что мы освобождены отъ большевиковъ, а душа болитъ, что это сдѣлано нѣмецкими руками».

Интеллигенція и помѣщики въ своей массѣ, напуганные звѣрствами и разстрѣлами большевиковъ, выбитые изъ привычной колеи жизни и измученные постояннымъ ожиданіемъ новыхъ ужасовъ, новыхъ преслѣдованій — готовы были броситься хоть чорту на рога, лишь бы избавиться отъ большевиковъ.

Для нѣмцевъ моментъ былъ подходящій, чтобы привлечь на свою сторону массу, жаждавшую порядка и прекращенія наступившей смуты.

* * *

Передъ Пасхой я встрѣтилъ въ Харьковѣ двухъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, бывшихъ членовъ Государственной Думы, Н. И. Антонова и князя А. Д. Голицына.

Оба они лихорадочно занимались подготовкой созыва съѣзда «хлѣборобовъ» — для выбора Гетмана.

Нѣмцы, занявъ юго-западный край Россіи, естественно стремились создать въ этомъ раіонѣ твердую власть и имѣть прочный административный аппаратъ, который обезпечилъ бы порядокъ въ странѣ и далъ имъ возможность пользоваться этимъ аппаратомъ, чтобы богатый край дѣйствительно сталъ бы ихъ продовольственной базой и они могли бы получать всѣ предметы продовольствія быстро и безъ всякихъ затрудненій.

Для нѣмцевъ необходимо было, чтобы эта власть была имъ дружественна и чувствовала, что она имъ обязана своимъ благополучіемъ.

Правительство, которое нѣмцы застали на Украинѣ — ихъ не могло удовлетворить: соціалистическое правительство, съ нѣкоторымъ уклономъ въ сторону большевизма, а главное, стремившееся провести немедленно земельную реформу съ уничтоженіемъ крупнаго частновладѣнія, совершенно не гарантировало скораго водворенія порядка, не гарантировало возможность спокойно и планомѣрно начать вывозъ всего необходимаго въ Германію.

Нѣмцы были хозяевами только по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и въ городахъ, занятыхъ ихъ гарнизонами.

Отсюда они вывозили все, что возможно, и кромѣ того, организовали правильную ежемѣсячную отправку каждымъ нѣмецкимъ солдатомъ къ себѣ на родину посылокъ по $^1/_2$ пуда каждую. Солдаты должны были отправлять на родину съѣстные припасы, главнымъ образомъ, муку, крупу, сахаръ, сало и колбасы.

Но этого для нѣмцевъ было недостаточно; имъ, повторяю, надо было установить такой русскій правительственный административный аппаратъ, который далъ бы имъ возможность хозяйничать во всей странѣ, а не только по желѣзнодорожнымъ артеріямъ.

На Украинѣ, кромѣ крупнаго помѣщичьяго класса, былъ недоволенъ создавшимся положеніемъ многочисленный классъ довольно крупныхъ крестьянскихъ собственниковъ-хлѣборобовъ, которымъ, проектируемыя реформы Украинскаго правительства, грозили полнымъ разореніемъ.

Представители германскихъ властей въ оккупированномъ раіонѣ вошли въ соглашеніе съ видными представителями помѣщичьяго класса и общественныхъ организацій, не сочувственно относившимися къ намѣчавшимся реформамъ, и было рѣшено созвать въ Кіевѣ съѣздъ хлѣборобовъ, который долженъ былъ выбрать Гетмана, и затѣмъ старое правительство должно было быть ликвидировано.

Все было обставлено такъ, что нѣмцы, яко-бы, оставались въ сторонѣ, не вмѣшиваясь въ то, что происходитъ.

Время (апрѣль мѣсяцъ) для съѣзда хлѣборобовъ, изъ-за полевыхъ работъ, было не подходящее. Чтобы съѣздъ состоялся, надо было матеріально хорошо обставить крестьянъ участниковъ съѣзда и не только возмѣстить имъ расходы, но и дать имъ нѣкоторую денежную прибыль.

По упорно циркулировавшимъ слухамъ нѣмцы, на устройство съѣзда хлѣборобовъ, отпустили пятнадцать милліоновъ рублей.

Съѣздъ состоялся; съѣхалось свыше девяти тысячъ хлѣборобовъ и, съ феерической быстротой, 15/28 апрѣля, было проведено, заранѣе подготовленное, избраніе въ Гетманы Украины генерала Скоропадскаго.

Во время съѣзда хлѣборобовъ въ Кіевѣ, часть этого съѣзда отказалась отъ выбора Гетмана и образовалось другое собраніе — «спилка».

Но выборъ Украинскимъ Гетманомъ Скоропадскаго — былъ признанъ нѣмцами и они, объявивъ объ этомъ, заявили, что гетмана будутъ поддерживать, а всякія выступленія противъ него, они, съ цѣлью поддержанія порядка въ оккупированномъ имъ краѣ, будутъ подавлять силою оружія.

Спилка была разогнана, а часть, болѣе непокорная, изъ ея состава и арестована нѣмцами.

Гетманъ Скоропадскій сформировалъ свое правительство и, опираясь на силу германскихъ штыковъ, вступилъ въ управленіе краемъ.

Какъ показали дальнѣйшія событія, власть полученная изъ нѣмецкихъ рукъ и опиравшаяся на нѣмецкія войска, стала непопулярной для массы населенія.

Еслибъ правительство гетмана Скоропадскаго было болѣе дальновидно, то правильно сорганизовавъ и вооруживъ крѣпкихъ земельныхъ собственниковъ-крестьянъ (хлѣборобовъ) — оно, можетъ быть, сумѣло бы создать такую обстановку, при которой, послѣ ухода нѣмцевъ, власть сохранилась бы въ его рукахъ и большевизмъ не охватилъ бы Украину.

Но Гетманское правительство ничего реальнаго не сдѣлало для поддержанія этого единственнаго надежнаго класса населенія, а стремилось сначала создать крупную регулярную армію, а порядокъ поддерживать полицейскими мѣрами.

Полицейскихъ же мѣръ оказалось недостаточно, а создать болѣе или менѣе прочную регулярную армію не позволили нѣмцы.

Были созданы только штабы, назначены начальствующія лица, а солдатъ оказалось мало . . .

Въ двадцатыхъ числахъ апрѣля я, со своими дѣтьми, пріѣхалъ въ Кіевъ.

Рѣшивъ оставить дѣтей въ Кіевѣ у сестры моей жены, я самъ хотѣлъ пробраться опять въ Добровольческую армію.

Къ этому времени нѣмцы продвинулись на востокъ до рѣки Дона и заняли Крымъ.

При занятіи Крыма нѣмцами произошелъ интересный эпизодъ: первоначально германскія части наступали на Крымъ совмѣстно съ Украинской бригадой, бывшей подъ командой генерала Натіева; но у ст. Джанкой головной эшелонъ Украинской бригады былъ остановленъ нѣмцами, а затѣмъ они потребовали удаленія украинцевъ изъ предѣловъ Крыма и заняли его самостоятельно.

Впослѣдствіи Украинское правительство неоднократно возбуждало вопросъ о присоединеніи Крыма къ Украинѣ, но нѣмцы опредѣленно отвѣчали, что Крымъ долженъ оставаться самостоятельнымъ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, я, черезъ одного моего знакомаго, попросилъ узнать когда Гетманъ Скоропадскій можетъ меня принять. Въ тотъ же день мнѣ было сообщено, что Гетманъ меня проситъ на другой день.

Въ назначенный часъ я пошелъ въ такъ называвшійся гетманскій дворецъ (старый генералъ-губернаторскій домъ).

Гетманъ сейчасъ же меня принялъ и, сказавъ, что ему хотѣлось бы со мной подробно поговорить, попросилъ подождать въ кабинетѣ его начальника канцеляріи полтора часа, послѣ чего «мы съ вами позавтракаемъ и на свободѣ, послѣ завтрака, поговоримъ; ждать же вамъ не будетъ скучно, такъ какъ здѣсь есть еще нѣсколько генераловъ, вашихъ старыхъ знакомыхъ, которые хотѣли съ вами повидаться».

Я согласился.

Въ часъ дня меня позвали въ столовую.

За столъ сѣло человѣкъ двѣнадцать, въ томъ числѣ былъ новый предсѣдатель Совѣта Министровъ Лизогубъ и генеральный секретарь Игорь Кистяковскій.

Когда всѣ уже сидѣли за столомъ, въ комнату вошелъ германскій офицеръ и, извинившись за запозданіе, сѣлъ на свободное, оставленное для него, мѣсто.

По манерѣ себя держать и по нѣсколькимъ сказаннымъ фразамъ мнѣ стало ясно, что этотъ германскій офицеръ постоянный гость на гетманскихъ завтракахъ.

Я спросилъ у моего сосѣда за столомъ — «кто этотъ нѣмецъ?»

«А это извѣстный здѣсь и очень вліятельный гр. Альвенслебенъ».

Германскій офицеръ за завтракомъ очень мало говорилъ, но очень внимательно слушалъ. Разговоръ шелъ на русскомъ и, частью, на французскомъ языкѣ.

Послѣ завтрака гетманъ пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ и очень горячо сталъ мнѣ объяснять, что онъ согласился быть избраннымъ гетманомъ

только потому, что, по его мнѣнію, это былъ лучшій выходъ изъ создавшагося положенія.

Что онъ не «щирый Украинецъ», что вся его работа будетъ идти на созданіе порядка на Украинѣ, на созданіе хорошей арміи и что, когда Великороссія изживетъ свой большевизмъ, онъ первый подыметъ голосъ за объединеніе съ Россіей; что онъ отлично понимаетъ, что Украина не можетъ быть «самостійноі», но обстановка такова, что ему пока необходимо разыгрывать изъ себя «щираго украинца»; что для него самое больное и самое трудное — это работать съ нѣмцами, но, опять таки, и здѣсь — это единственно правильное рѣшеніе, такъ какъ, только опираясь на силу, онъ можетъ создать порядокъ на Украинѣ; а единственная существующая реальная сила — это нѣмцы; что Добровольческая армія силы изъ себя серьезной не представляетъ и нѣмцы никогда не допустятъ ея усиленія: тогда она станетъ для нихъ опасной. А потому, какъ бы онъ ни сочувствовалъ генералу Деникину — опираться на него не можетъ, а принужденъ опираться на нѣмцевъ. Вотъ когда удастся создать прочную регулярную армію на Украинѣ, то тогда онъ иначе будетъ разговаривать и съ нѣмцами.

На это я отвѣтилъ, что нѣмцы все это понимають не хуже чѣмъ онъ и создать ему сильную армію на Украинѣ они не позволятъ.

— «Нѣтъ, я этого добьюсь; я получилъ уже принципіальное обѣщаніе, что мнѣ будетъ разрѣшено сформировать девять корпусовъ».

— «Обѣщаній нѣмцы надаютъ много, но настоящей арміи сформировать вамъ не позволятъ».

Послѣ этого гетманъ добавилъ, что, хотя онъ получилъ принципіальное согласіе нѣмцевъ на сформированіе девяти корпусовъ, но, въ дѣйствительности, ему пока разрѣшено сформировать три корпуса. Но что онъ надѣется вскорѣ получить окончательное разрѣшеніе на сформированіе всѣхъ девяти корпусовъ. Затѣмъ онъ сказалъ, что все же учитываетъ возможность задержки въ полученіи этого разрѣшенія и что у него разработанъ проектъ формированія въ провинціи особыхъ частей для поддержанія порядка въ уѣздахъ; что эти части будутъ имѣть въ своемъ составѣ значительное число офицеровъ и, когда потребуется, могутъ послужить кадромъ для развертыванія въ болѣе крупныя войсковыя части. Что для нѣмцевъ необходимъ на Украинѣ полный порядокъ и что они поэтому дадутъ разрѣшеніе, какъ на формированіе новыхъ корпусовъ, такъ и на организацію проектируемыхъ имъ отрядовъ для поддержанія порядка въ уѣздахъ.

Я пожелалъ ему успѣха, но, еще разъ, высказалъ сомнѣніе относительно того, чтобы нѣмцы, разложившіе русскую армію и выведшіе ее изъ міровой борьбы, позволили бы ему создать новую армію, которая можетъ обратиться противъ нихъ же.

Затѣмъ гетманъ Скоропадскій, совершенно для меня неожиданно, предложилъ мнѣ быть въ его правительствѣ военнымъ министромъ.

— «Я убѣжденъ, что мы съ вами скоро сформируемъ хорошую армію» — добавилъ онъ.

Я категорически отказался, сказавъ, что я возвращаюсь въ Добровольческую армію и, кромѣ того, никогда и ни при какихъ условіяхъ я не соглашусь работать съ нѣмцами, которые не въ честномъ бою, а подлыми предательскими пріемами погубили нашу армію и предали Россію въ руки большевиковъ, главные изъ которыхъ — евреи, преслѣдующіе не русскія, а интернаціональныя цѣли.

Гетманъ Скоропадскій высказалъ свое сожалѣніе, что я не хочу съ нимъ работать и сказалъ, что онъ все же надѣется, что я не откажу ему въ совѣтѣ, когда онъ ко мнѣ обратится.

Но больше мы съ нимъ не видались и ни за какими совѣтами онъ ко мнѣ не обращался.

* *
*

Въ этотъ періодъ мнѣ представился случай отправить письмо генералу Деникину, который вступилъ въ командованіе Добровольческой арміей, послѣ того какъ генералъ Корниловъ былъ убитъ при попыткѣ занять Екатеринодаръ.

Мое письмо, съ подробнымъ описаніемъ того — что я видѣлъ и слышалъ, дошло по назначенію и, какъ генералъ Деникинъ мнѣ впослѣдствіи говорилъ, было для него очень цѣнно, такъ какъ отъ внѣшняго міра Добровольческая армія была совершенно отрѣзана и никто не зналъ — что и гдѣ происходитъ.

* *
*

То, что я видѣлъ и слышалъ въ этотъ періодъ въ Кіевѣ, убѣдило меня, что политика Германіи, какъ къ Россіи въ цѣломъ, такъ и по отношенію къ Украинѣ — была явно колеблющаяся, неопредѣленная.

Конечно, въ рукахъ у насъ нѣтъ документальныхъ данныхъ относительно указаній Германскаго правительства своимъ представителямъ въ Россіи, но о многомъ можно судить по фактамъ, по распоряженіямъ мѣстныхъ германскихъ властей (представителей), по разговорамъ фельдмаршала Эйхгорна, по словамъ игравшаго замѣтную роль въ Кіевѣ гр. Альвенслебена, а также по разговорамъ германскихъ офицеровъ съ тѣми русскими, съ которыми они сошлись и подружились. Наконецъ, политика правительства гетмана Скоропадскаго и Донского представительства въ Кіевѣ отражала въ себѣ колеблющуюся и неопредѣленную политику Германіи.

Прежде всего получалось впечатлѣніе, что между военными и гражданскими представителями Германіи въ Россіи существуетъ рѣзкое различіе во взглядахъ на будущее Россіи.

Маршалъ Эйхгорнъ неоднократно высказывалъ, что для Германіи необходимо возсоздать сильную, единую и дружественную Германіи Россію; но и здѣсь отражались колебанія центральнаго правительства: то говорилось о необходимости возсоздать «единую» Россію, то о возсозданіи сильной Украины, независимой отъ Великороссіи.

Что касается политическаго представителя Германіи на Украинѣ, бар. Мума, то въ его словахъ явно чувствовалось нежеланіе принять рѣшительныя мѣры для возсозданія не только сильной единой Россіи, но и сильной Украины.

Получалось отчетливое впечатлѣніе, что нѣмцы хотятъ водворить порядокъ въ Россіи, пользуясь послѣдней какъ своей базой для полученія продовольствія и сырья, но, съ другой стороны, не вѣрятъ въ то, что Россія можетъ превратиться въ ихъ союзницу и, напротивъ, опасаются, что водвореніе порядка въ Россіи и, въ частности, на Украинѣ и возсозданіе ими только что разрушенной арміи можетъ грозить имъ опасностью и вновь можетъ создать для нихъ восточный фронтъ.

Но, вмѣстѣ съ этимъ, не имѣя восточнаго фронта, нѣмцы все же принуждены были ввести въ предѣлы Россіи около 600.000 человѣкъ войска и,

по мѣрѣ продвиженія на востокъ, отлично сознавали, что ихъ положеніе становится все менѣе и менѣе прочнымъ, что требуется новое увеличеніе войска и что этому нѣтъ предѣла. Растущее противъ нихъ возбужденіе среди населенія указывало, что хотя, занимая желѣзныя дороги и главные населенные центры, и можно поддерживать въ странѣ сравнительный порядокъ, но близко то время, когда изъ глубины страны они ничего не будутъ въ силахъ получать, близки возстанія въ отдѣльныхъ раіонахъ и скоро предстоитъ новое увеличеніе ихъ войскъ въ оккупированной ими странѣ.

Получался заколдованный кругъ: съ одной стороны, было опасно дать возможность организоваться новой русской арміи изъ-за опасенія вновь создать для себя восточный фронтъ, а, съ другой стороны, чтобы пользоваться Россіей, какъ продовольственной базой, необходимо было въ ея предѣлахъ держать сильную армію, ослабляя западный фронтъ въ то время, когда ихъ противники тамъ усиливались и назрѣвали рѣшительные бои, которые должны были рѣшить участь всей борьбы и будущую судьбу Германіи.

Что касается отношенія нѣмцевъ къ Добровольческой арміи, то и оно было крайне неопредѣленно.

Когда я пріѣхалъ въ Кіевъ, то засталъ тамъ совершенно открыто функціонировавшее бюро записи въ Добровольческую армію.

Никто не разрѣшалъ открывать это бюро, но никто противъ этого и не возражалъ. Запись шла открыто, и офицеры, безъ всякихъ препятствій и затрудненій, отправлялись на Донъ въ составъ Добровольческой арміи.

Въ іюнѣ отношеніе къ Добровольческой арміи рѣзко измѣнилось: бюро для записей въ составъ арміи, распоряженіемъ правительства гетмана (а штабъ гетмана указывалъ, что это сдѣлано по распоряженію нѣмцевъ), было закрыто и было объявлено, что, впредь, всякая пропаганда въ пользу отправки офицеровъ и солдатъ въ составъ Добровольческой арміи будетъ строго преслѣдоваться, что виновные будутъ арестовываться и предаваться суду и что прекращается выдача разрѣшеній на выѣздъ на Донъ безъ ручательства бывшаго въ Кіевѣ представителя Донского атамана, что отправляющіеся на Донъ не ѣдутъ на пополненіе Добровольческой арміи.

Вмѣстѣ съ этимъ, изъ нѣмецкихъ круговъ, черезъ представителей украинскаго военнаго министерства, широко началось пропагандированіе идеи созданія особой южной Добровольческой арміи для борьбы противъ большевиковъ и съ открытыми монархическими лозунгами.

На созданіе этой арміи нѣмцы обѣщали отпустить крупныя суммы и широко снабдить армію всѣмъ необходимымъ изъ запасовъ бывшихъ Кіевскаго и Одесскаго военныхъ округовъ.

Въ Кіевѣ и въ Харьковѣ были открыты бюро для записи въ «Южную армію», содержаніе офицерамъ и солдатамъ было назначено крупное, въ нѣсколько разъ превышавшее получавшееся въ Добровольческой арміи генерала Деникина.

Все, конечно, дѣлалось не непосредственно нѣмцами, а черезъ украинское военное министерство.

Первоначально предполагалось создать двѣ группы этой арміи: одну на Дону на Воронежскомъ направленіи, а другую въ раіонѣ Харькова. Но впослѣдствіи остановились на формированіи одной Южной арміи — въ раіонѣ Дона*.

---

* Я ничего здѣсь не говорю про формированія на Дону, такъ называемыхъ, Астраханской арміи и Саратовскаго корпуса. По слухамъ эти формированія производились также съ благословенія нѣмцевъ и на ихъ средства.

Монархическіе лозунги и хорошее содержаніе первоначально привлекло многихъ и запись началась очень успѣшно. Записывавшихся, эшелонами, отправляли на Донъ.

Но вскорѣ пылъ создателей этой арміи остылъ: дѣло въ томъ, что многіе офицеры не вѣря нѣмцамъ и сознавая, что формированіе арміи, идущее съ благословенія нѣмцевъ и на ихъ деньги, можетъ оказаться не выгоднымъ русскому дѣлу и, въ то же время, встрѣчая серьезныя затрудненія къ отправкѣ въ Добровольческую армію къ генералу Деникину, скоро нашли способъ обходить затрудненія: они записывались въ Южную армію, но, по прибытіи на Донъ, уходили изъ состава своихъ эшелоновъ и пробирались въ армію генерала Деникина.

Въ Харьковѣ и, особенно, въ Кіевѣ начались серьезныя репрессіи по отношенію къ офицерамъ, которые проповѣдывали необходимость идти на пополненіе арміи Деникина; ихъ начали арестовывать и содержали въ тюрьмѣ — какъ важныхъ государственныхъ преступниковъ.

Формированіе Южной арміи задерживалось и вслѣдствіе того, что не могли отыскать подходящаго, популярнаго генерала, котораго можно было бы поставить во главѣ ея. Предложеніе (черезъ военное министерство гетмана, или черезъ Донского атамана Краснова) дѣлалось многимъ; но желающихъ не находилось. Отказался графъ Келлеръ, отказался кн. Долгоруковъ. Наконецъ, на предложеніе Донского атамана Краснова, условно согласился бывшій главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ Н. І. Ивановъ. Онъ отвѣтилъ, что первоначально переговоритъ съ генераломъ Деникинымъ. Впослѣдствіи онъ принялъ эту армію, но къ этому времени нѣмцы уже перестали ею интересоваться, она была въ полномъ развалѣ и ген. Ивановъ, убѣдившись въ полной невозможности сформировать изъ нея что-либо крѣпкое и значительное, по указанію генерала Деникина, ее переформировалъ въ особый отрядъ, который и вошелъ въ составъ Добровольческой арміи.

Такимъ образомъ, изъ этой затѣи ничего серьезнаго не вышло, но Добровольческой арміи былъ нанесенъ существенный вредъ: открытое провозглашеніе монархическаго лозунга было слишкомъ заманчиво для большинства кадроваго офицерства, которое революціей было выброшено за бортъ и превращено въ паріевъ. Очень и очень многіе изъ хорошихъ офицеровъ, стремившихся попасть въ Добровольческую армію Деникина, теперь или шли въ Южную армію, или, не идя ни туда, ни сюда, заняли выжидательную позицію, выясняя какіе же лозунги въ Добровольческой арміи. Это же послужило причиной задержать свой отъѣздъ въ Добровольческую армію и для менѣе устойчивой части офицеровъ, нашедшихъ предлогъ и объясненіе — для неисполненія своего гражданскаго долга.

Наконецъ, надо откровенно сознаться, что и въ рядахъ Добровольческой арміи формированіе «монархической» арміи внесло разладъ и нѣкоторый небольшой % офицеровъ перешелъ въ ряды Южной арміи.

Въ результатѣ — формированіе Южной арміи безусловно задержало ростъ Добровольческой арміи и внесло разладъ въ офицерскую среду.

Очень многіе думали, что нѣмцы искренно хотѣли создать прочную Добровольческую армію, но все ихъ неопредѣленное и болѣе чѣмъ двусмысленное поведеніе во весь періодъ формированія Южной арміи ясно указываетъ, что ими преслѣдовались другія цѣли: внести разладъ въ среду русскихъ офицеровъ; затруднить и задержать дальнѣйшее усиленіе Добровольческой арміи генерала

Деникина, и прельстивъ старое кадровое офицерство заманчивыми для нихъ лозунгами, и въ результатѣ ничего имъ не давъ, привлечь ихъ симпатіи на свою сторону и помѣшать идти туда — гдѣ они могли оказаться для нѣмцевъ вредными.

Многіе возражали противъ этихъ выводовъ, говоря, что нѣмцамъ, если-бы они захотѣли, ничего не стоило уничтожить Добровольческую армію генерала Деникина и не было смысла прибѣгать къ сомнительнымъ для ихъ выгоды мѣропріятіямъ.

Да, уничтожить Добровольческую армію генерала Деникина можетъ быть и было сравнительно легко, но обстановка для нѣмцевъ была такъ сложна, что предугадать что вышло бы изъ этого въ результатѣ очень трудно.

Нельзя забывать, что нѣмцы разсчитывали получить хлѣбъ и прочее сырье не только изъ раіона Украины, но и съ Дона и Кубани; кромѣ того, для нихъ важно было получить связь и съ нефтянымъ раіономъ Грознаго и Баку. А для всего этого надо было, прежде всего, дружественно настроить къ себѣ казачьи области.

Имѣть ихъ врагами — было опасно.

Между тѣмъ Донскіе и Кубанскіе казаки были кровью связаны съ Добровольческой арміей и открытое преслѣдованіе послѣдней могло вызвать опасныя для нѣмцевъ осложненія въ казачьихъ областяхъ; да и на Украинѣ дѣйствія противъ арміи генерала Деникина могли вызвать осложненія для нѣмцевъ, возбудивъ противъ нихъ всѣхъ тѣхъ, кто сочувствовалъ этой арміи.

* * *

Въ концѣ мая я получилъ извѣстіе, что мой отецъ, жившій въ Севастополѣ, очень плохъ.

Безъ разрѣшенія нѣмцевъ ѣхать въ Крымъ было нельзя. Я боялся, что мнѣ этого разрѣшенія не дадутъ. Но разрѣшеніе я получилъ и выѣхалъ въ Севастополь черезъ Одессу.

Въ Одессѣ (въ Херсонской и части Подольской губерніи) хозяевами были австрійцы.

Картина была иная, чѣмъ въ Харьковѣ и Кіевѣ; видно было, что австрійскія войсковыя части совершенно разваливаются и сами становятся опасными для своего командного состава.

Нѣмцы видѣли, что на австрійскія войсковыя части разсчитывать нельзя и стали вкрапливать въ гарнизоны городовъ свои небольшія части. Австрійскому командованію такая опека была непріятна, но они принуждены были согласиться. Въ день моего пріѣзда въ Одессу туда прибылъ батальонъ германской пѣхоты.

На пароходѣ, по дорогѣ въ Севастополь, я обратилъ вниманіе, что почти всѣ нѣмецкіе солдаты, бывшіе на пароходѣ, принадлежатъ къ различнымъ войсковымъ частямъ. Я этимъ заинтересовался и, обратившись къ какому-то нѣмецкому лейтенанту, попросилъ его мнѣ это объяснить. Онъ, прежде всего, замѣтилъ: «видно, что вы военный; штатскій на это не обратилъ бы вниманія». Затѣмъ объяснилъ, что въ Крыму отличная рыбная ловля, но совершенно не организованная; что на это обращено вниманіе германскимъ командованіемъ и, съ разрѣшенія Императора Вильгельма, изъ частей, находящихся на западномъ фронтѣ, вызваны рыбаки, промышлявшіе на берегахъ Сѣвернаго и

Балтійскаго морей; что на этомъ пароходѣ направляется въ Севастополь первая партія рыбаковъ съ сѣтями и различными рыболовными снастями; что, вѣроятно, будетъ прислано еще три такихъ партіи и тогда будетъ сорганизована рыбная ловля и заготовленіе рыбныхъ консервовъ, которые будутъ посылаться въ Германію.

Невольно я подумалъ — трудно васъ побѣдить, но все же, вы слишкомъ зарвались и будете побиты!

Похоронивъ отца, я долженъ былъ зайти въ Севастополѣ въ комендантское управленіе, такъ какъ, для полученія разрѣшенія на выѣздъ изъ Крыма, требовалась личная явка въ комендатуру.

Войдя въ комендантское управленіе, я увидѣлъ нѣмецкаго офицера, сидѣвшаго за столомъ съ задранными на сосѣдній стулъ ногами и съ сигарой во рту.

Мнѣ сказали, что надо обратиться къ нему.

Я подошелъ и сказалъ, что пришелъ за разрѣшеніемъ на выѣздъ изъ Крыма.

— «Какъ ваша фамилія?»

— «Лукомскій».

Нѣмецкій офицеръ сейчасъ же спустилъ ноги со стула, вынулъ сигару изо рта и спросилъ: «Вы не генералъ?»

— «Да, генералъ».

Онъ всталъ и, предлагая мнѣ стулъ, сказалъ, что разрѣшеніе будетъ немедленно выдано. Взялъ мои документы, и я дѣйствительно черезъ пять минутъ получилъ разрѣшеніе на выѣздъ изъ Крыма.

Въ Одессѣ мнѣ пришлось задержаться изъ-за формальностей по отцовскому наслѣдству.

Зайдя какъ-то къ моему знакомому, Андреевскому, я встрѣтилъ тамъ командующаго австрійскими оккупаціонными войсками. Насъ познакомили.

Началъ онъ съ того, что выразилъ удовольствіе со мной познакомиться, хотя, какъ онъ выразился, «встрѣча съ вашей дивизіей, когда вы въ маѣ 1916 года прорвали нашъ фронтъ и затѣмъ, занявъ Черновицы, продвинулись въ Карпаты — была не изъ пріятныхъ».

Затѣмъ онъ началъ ругать съ пѣною у рта Германію.

— «Мы уже почти погибли и гибнутъ нѣмцы. Ихъ продвиженіе вглубь Россіи пагубно; это приведетъ къ неминуемой катастрофѣ. Изъ-за непониманія Германіей обстановки — она погибнетъ сама и погубитъ окончательно насъ».

Бѣдный старикъ впослѣдствіи не перенесъ позора своей родины и въ Одессѣ же застрѣлился.

Въ первыхъ числахъ іюля я закончилъ свои дѣла и собирался выѣхать въ Кіевъ, но получилъ телеграмму отъ сестры жены, гр. Гейденъ, что она проситъ меня задержаться на нѣсколько дней въ Одессѣ.

На другой день въ Одессу пріѣхалъ изъ Кіева генеральнаго штаба полковникъ Кусонскій и сказалъ мнѣ, что долженъ предупредить меня о томъ, что мнѣ ѣхать въ Кіевъ нельзя; что тамъ идетъ серьезное преслѣдованіе и аресты всѣхъ причастныхъ къ Добровольческой арміи, и что отданъ уже приказъ арестовать меня.

Я на это отвѣтилъ, что въ Одессѣ я не скрываюсь; что если нѣмцы мною интересуются, то, конечно, отлично знаютъ гдѣ я нахожусь и могутъ меня

арестовать такъ же легко въ Одессѣ, какъ и въ Кіевѣ, или по дорогѣ въ Добровольческую армію, куда я долженъ скоро ѣхать. Что я, наоборотъ, считаю, что, въ смыслѣ ареста, мой пріѣздъ въ Кіевъ скорѣй безопасенъ, такъ какъ врядъ ли германское командованіе захочетъ нашумѣть съ моимъ арестомъ въ Кіевѣ, гдѣ меня почти всѣ знаютъ.

Въ Кіевѣ я нашелъ мою жену, только что пріѣхавшую изъ Москвы въ такъ называемомъ украинскомъ поѣздѣ (въ этихъ поѣздахъ перевозили, по соглашенію между совѣтскимъ и украинскимъ правительствами, украинскихъ гражданъ).

Благополучный пріѣздъ въ Кіевъ моей жены также показалъ вліяніе нѣмцевъ:

Комиссаріатъ по иностраннымъ дѣламъ категорически отказалъ дать ей разрѣшеніе на выѣздъ на Украину. Моя жена, черезъ своихъ знакомыхъ, обратилась за содѣйствіемъ къ германскому консулу и ей не только разрѣшили выѣхать, но потомъ позволили вынуть изъ сейфа ея драгоцѣнности (какъ и другимъ, уѣзжавшимъ съ Украинскимъ поѣздомъ).

Пріѣхавъ въ Кіевъ, я узналъ о пріѣздѣ туда же П. Н. Милюкова.

Бывшіе члены Государственной Думы Нелидовъ и Шульгинъ сказали мнѣ адресъ П. Н. Милюкова и сообщили день и часъ, когда онъ будетъ дома и будетъ меня ждать.

Я пошелъ къ нему.

Нашъ разговоръ носилъ очень горячій характеръ.

П. Н. Милюковъ доказывалъ, что нѣмцы выйдутъ побѣдителями изъ міровой борьбы; что они единственная сила, на которую можетъ опереться Россія; что только нѣмцы, приславшіе намъ въ запломбированныхъ вагонахъ руководителей большевизма, могутъ насъ отъ нихъ избавить; что Франція и Англія въ такомъ положеніи, что отъ нихъ помощи ожидать нельзя.

По мнѣнію П. Н. Милюкова, такъ какъ мы справиться съ большевиками сами не можемъ, то должны обратиться за помощью къ Германіи — побѣдительницѣ въ міровой борьбѣ; къ Германіи — нашей сосѣдкѣ, которой должно быть выгодно возстановить въ Россіи порядокъ. Нѣмцы, добавилъ Милюковъ, люди практичные и они поймутъ, что, для ихъ же пользы, надо помочь Россіи.

Я, со своей стороны, доказывалъ, что Германія будетъ разбита; что побѣдителями, несмотря на выходъ изъ борьбы Россіи, останутся наши бывшіе союзники; что, особенно, для Франціи выгодно, чтобы Россія была сильной; что соглашеніе Россіи съ Германіей повергнетъ первую въ экономическое рабство Германіи. Напомнилъ П. Н Милюкову, что до войны Германія всегда стремилась къ тому, чтобы мѣшать у насъ развитію промышленнаго производства (какъ, напримѣръ, красочнаго). Доказывалъ Милюкову, что экономическая зависимость отъ Англіи и Франціи не такъ страшна; что они будутъ вкладывать капиталы въ наши производства и этимъ подымать нашу промышленность; что Германія, въ противоположность этимъ державамъ, будетъ почти исключительно пользоваться нашимъ сырьемъ для развитія своей промышленности, всячески затрудняя развитіе промышленности въ Россіи.

П. Н. Милюковъ стоялъ на своемъ. Такъ какъ его лейтъ-мотивомъ было увѣреніе, что Германія выйдетъ побѣдительницей изъ міровой борьбы, то я предложилъ ему поговорить еще съ генераломъ Абр. М. Драгомировымъ, авторитетъ котораго въ военномъ дѣлѣ, повидимому, Милюковъ, признавалъ.

На другой день я устроилъ ихъ свиданіе, присутствуя на немъ самъ; но изъ этого ничего не вышло: П. Н. Милюковъ упорствовалъ на своемъ и не соглашался ни съ какими доводами.

Въ заключеніе онъ сказалъ, что онъ не пріѣхалъ немедленно договариваться съ нѣмцами, а пока хочетъ повидаться въ Кіевѣ съ представителями Германскаго правительства и позондировать почву, на какихъ условіяхъ можно начать переговоры; выяснить, что именно предложатъ нѣмцы, а затѣмъ, въ зависимости отъ этого, принять окончательное рѣшеніе.

Насколько мнѣ извѣстно, свиданіе П. Н. Милюкова съ представителями Германскаго правительства въ Кіевѣ не состоялось.

Одновременно съ П. Н. Милюковымъ вновь пріѣхалъ изъ Москвы въ Кіевъ лейтенантъ Масленниковъ.

Масленниковъ не привезъ мнѣ никакихъ подтвержденій о вызовѣ меня въ Москву и, впослѣдствіи, я узналъ, что предложеніе, которое онъ мнѣ сдѣлалъ въ Харьковѣ, отъ имени А. В. Кривошеина и Вл. І. Гурко, не носило столь опредѣленнаго характера, какъ мнѣ это было передано Масленниковымъ.

Я узналъ, что Масленникову было лишь поручено выяснить, соглашусь ли я на пріѣздъ въ Москву и на принятіе руководства военными организаціями — если обстановка будетъ складываться для этого благопріятно.

Начиная со дня моего пріѣзда въ Кіевъ я почти ежедневно сталъ получать предупрежденія о томъ, что буду арестованъ. Передавали мнѣ объ этомъ изъ гетманскаго штаба, изъ Донского представительства и даже, яко бы, изъ германскаго штаба.

Насколько дѣйствительно были вѣрны слухи о рѣшеніи меня арестовать, я не знаю, но слѣдить за мной были приставлены два филера, которыхъ я скоро уже зналъ въ лицо. Одна моя родственница иногда, когда я бывалъ у нея, смѣясь говорила: «ну вамъ пора уходить, а то, посмотрите въ окно, вашъ филеръ совсѣмъ уже измучился, скучаетъ и сердится, сидя на тумбѣ».

Предупрежденія о рѣшеніи меня арестовать стали, наконецъ, столь упорны и исходили изъ такихъ высокихъ сферъ, что я рѣшилъ ускорить свой отъѣздъ на Донъ. Да и вообще пора было ѣхать.

Чтобы не случилось бы какой-нибудь непріятности въ дорогѣ, я рѣшилъ проѣхать въ вагонѣ, который былъ предоставленъ въ распоряженіе Донского представителя. О томъ, что я поѣду въ этомъ вагонѣ знали только представитель войска Донского и моя семья.

Въ день моего отъѣзда мои вещи были отправлены на вокзалъ вмѣстѣ съ вещами уѣзжавшей въ деревню сестры моей жены, а тамъ перенесены въ вагонъ Донского представительства.

Я же, часа за полтора до отхода поѣзда, прошелъ къ своимъ родственникамъ, у которыхъ часто бывалъ, а затѣмъ вышелъ оттуда въ сопровожденіи моихъ дѣтей и мы пошли по направленію къ дому.

Филеръ, убѣдившись что я иду домой, гдѣ-то отсталъ, а я, взявъ извозчика, проѣхалъ нѣсколько улицъ и, затѣмъ, пересѣвъ на другого, отправился на вокзалъ.

На вокзалъ я пріѣхалъ послѣ перваго звонка и, пробывъ на немъ до второго звонка, быстро прошелъ въ вагонъ.

Никто на меня не обратилъ никакого вниманія и я, безъ всякихъ приключеній, доѣхалъ до Ростова, а оттуда проѣхалъ въ Новочеркасскъ *.

Я хотѣлъ, прежде чѣмъ ѣхать къ генералу Деникину, повидаться съ Донскимъ атаманомъ генераломъ Красновымъ и вполнѣ оріентироваться въ той обстановкѣ, которая сложилась въ Новочеркасскѣ.

По дорогѣ на Донъ, въ Екатеринославѣ, ко мнѣ подошло нѣсколько офицеровъ и, жалуясь на то, что они уже нѣсколько дней не могутъ попасть въ поѣзда, идущіе на Донъ, просили взять ихъ въ вагонъ, въ которомъ я ѣхалъ. Кое-какъ мы ихъ устроили у себя. Въ пути я отъ многихъ слышалъ, что нѣмцы всѣми способами стараются не пропускать офицеровъ въ Добровольческую армію.

Тяжело было увидѣть и на Ростовскомъ вокзалѣ германскія каски!

Пріѣхавъ въ Ростовъ, я узналъ, что германцы, достигнувъ Дона на участкѣ Аксай—Ростовъ, дальше не продвигаются. На лѣвомъ берегу Дона ими занимался лишь Батайскъ (предмѣстье Ростова) и у Аксая (на полпути между Ростовымъ и Новочеркасскомъ) мосты черезъ Донъ охранялись ихъ караулами.

Въ Новочеркасскѣ жили лишь два германскихъ офицера, являясь представителями германскаго командованія при Донскомъ атаманѣ.

---

* Новочеркасскъ былъ освобожденъ отъ большевиковъ вслѣдъ за занятіемъ Ростова нѣмцами. Новочеркасскъ былъ занятъ Донскими казаками и отрядомъ полковника Дроздовскаго, пришедшимъ съ Румынскаго фронта.

Всевеликое Войско Донское

П. Н. Краснова

Глава I

Работа «Круга спасенія Дона». — Составъ Круга и его настроеніе. — Выборы Донского Атамана. — Основные законы, предложенные Донскимъ Атаманомъ. — Отношеніе къ нимъ общества и генерала Деникина.

Общее собраніе членовъ Временнаго Донского Правительства и делегатовъ отъ станицъ и войсковыхъ частей въ засѣданіи 28-го апрѣля въ зданіи Судебныхъ Установленій въ Новочеркасскѣ, «признавая число присутствующихъ въ настоящемъ собраніи делегатовъ отъ войсковыхъ частей и станицъ, принявшихъ участіе въ изгнаніи изъ Донской области совѣтскихъ войскъ, достаточнымъ, постановило объявить настоящее собраніе: Кругомъ спасенія Дона».*

Въ немъ было 130 членовъ. Это было едва ли не самое народное, или демократическое собраніе, какое когда либо бывало. Кругъ называли сѣрымъ. Въ немъ не было интеллигенціи. Трусливая интеллигенція сидѣла въ эту пору по подваламъ и погребамъ, трясясь за свою жизнь, или подличала передъ комиссарами, записываясь на службу въ совѣты и стараясь устроиться въ болѣе или менѣе невинныхъ учрежденіяхъ — по народному образованію, по продовольствію, или по финансовой части. Ей было не до выборовъ въ такое смутное время, когда и выборщики и выбранные играли своими головами. Кругъ собирался безъ партійной борьбы. Было не до партій. Въ Кругъ выбирали и на Кругъ были выбраны исключительно казаки, которые страстно желали спасти родной Донъ, и для этого готовы были и жизнь свою сложить за него. И полагали жизнь потому, что большинство выборщиковъ, пославъ своихъ делегатовъ, сами разобрали оружіе и пошли спасать Донъ.

И потому названіе — Кругъ спасенія Дона — было имъ, какъ нельзя болѣе къ лицу.

Кругъ не имѣлъ политической физіономіи, и потому въ немъ не было и не могло быть политической борьбы. Этотъ сѣрый Кругъ имѣлъ одну цѣль — спасти Донъ отъ большевиковъ, спасти во что бы то ни стало и какою бы то ни было цѣной.

---

* Постановленія «Круга спасенія Дона» 28 апрѣля по 5 мая 1918 г. Новочеркасскъ. Областная типографія. Стр. 1.

Онъ былъ истинно народнымъ и потому короткимъ, мудрымъ и дѣловымъ въ своихъ засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ. Онъ коротко и просто сказалъ, что хочетъ Донъ теперь: — порядка.

Что будетъ въ Россіи и какова она будетъ, онъ не думалъ. Это не его дѣло и не потому не его дѣло, что онъ отшатнулся отъ Россіи, а потому, что онъ чувствовалъ себя слишкомъ маленькимъ и ничтожнымъ, чтобы затрагивать такіе большіе вопросы. Кругъ искалъ людей для того, чтобы вручить имъ власть, и ища таковыхъ, онъ не спрашивалъ, какой они партіи, но интересовался ихъ прошлымъ, что дѣлали и что умѣютъ дѣлать. На немъ не было партій и лидеровъ этихъ партій, но весь кругъ прислушивался къ мнѣнію тѣхъ людей, которыхъ зналъ и которымъ вѣрилъ. Такими людьми были предсѣдатель Круга есаулъ Г. П. Яновъ и командующій южной группой полковникъ Денисовъ. Имъ Кругъ вѣрилъ безусловно, потому что видѣлъ, что они любятъ Донъ и готовы за Донъ отдать и самую душу свою.

Кругъ спасенія Дона отлично понималъ, что онъ не можетъ говорить отъ имени всего войска, потому что далеко не отъ всѣхъ станицъ были на немъ представители. Онъ взялъ на себя лишь подготовительную работу до освобожденія всего войска отъ большевиковъ и возможности созвать правомочный Кругъ, которому тогда и вручить всю власть. А пока — единственная цѣль: — спасти Донъ.

И этотъ сѣрый, то-есть истинно демократическій Кругъ разумомъ народнымъ и спасъ Донъ. Къ 15 августа 1918 года ко времени созыва полнаго войскового Круга, большевиковъ не было на Донской землѣ, и не вмѣшайся въ дѣла войска генералъ Деникинъ и союзники, можетъ быть, и сейчасъ войско Донское существовало бы на тѣхъ же основаніяхъ, какъ существуетъ Эстонія, Финляндія, Грузія — существовало отдѣльно отъ совѣтской Россіи.

Конечно, вопросъ объ отношеніи къ нѣмцамъ и къ Украинѣ былъ въ данное время самымъ острымъ вопросомъ, и въ засѣданіи 29 апрѣля Кругъ постановилъ утвердить, избранное временнымъ донскимъ правительствомъ, полномочное посольство на Украину въ составѣ М. А. Горчукова, И. Т. Семенова, полковника Гущина и генералъ-маіора Сидорина. Посольству этому поручить командироваться въ городъ Кіевъ, для выясненія отношеній къ Дону самой Украины и освѣдомленія о цѣляхъ вступленія германскихъ войскъ на територію Донской области, а также твердо отстаивать существующія нынѣ границы области, ея независимость и самобытность казачества». *

Кругъ повелъ этотъ деликатный вопросъ хитро, по народному. Онъ не призналъ Украины, онъ не призналъ и нѣмцевъ, хотя и сознавалъ, что безъ нихъ онъ не сидѣлъ бы въ Новочеркасскѣ, и членами посольства онъ избралъ именно тѣхъ людей, которые больше всего кричали о ненависти къ нѣмцамъ и о вѣчной преданности союзникамъ. Эти-то люди уже не выдадутъ и не продадутъ. Здѣсь Кругъ именно и ошибся, но и ошибся правильно. Онъ могъ загубить все дѣло, испортить совершенно отношенія съ Украиной и нѣмцами, но онъ для этого потомъ и избралъ Атамана, который все это долженъ былъ исправить, а самъ сохранилъ свое лицо, національную гордость, и на судъ исторіи и грядущихъ союзниковъ войско Донское явилось непоколебимо вѣрнымъ союзникамъ и ненавидящимъ нѣмцевъ.

---

* Тамъ-же стр. 3.

Въ томъ же засѣданіи Кругъ постановилъ вопросъ «объ организаціи на Дону постоянной Арміи, упорядоченіи казачьихъ силъ, поднявшихся для борьбы съ большевиками, и объ установленіи законовъ объ организаціи арміи и установленіи въ ней дисциплины». *

То, вокругъ да около чего топтался почти цѣлый годъ атаманъ Калединъ съ войсковымъ правительствомъ и Малымъ Кругомъ, составленнымъ изъ интеллигентныхъ болтуновъ, народный Кругъ спасенія Дона вырѣшилъ на второмъ же засѣданіи. Онъ точно и опредѣленно сказалъ, что Дону нужна настоящая армія, а не партизаны, добровольцы, или дружинники, армія стараго режима, повинующаяся законамъ и строго дисциплинированная.

И еще армія эта не существовала, какъ уже генералъ Деникинъ сдѣлалъ попытку подчинить себѣ Донскія части и осуществить единое командованіе, какъ это сдѣлалъ Корниловъ въ аулѣ Шенджи, 14-го марта, съ кубанскими казаками. На вопросы представителя Добровольческой Арміи, «кто долженъ фактически командовать военными силами Добровольческой Арміи и Донскими воинскими силами и каково отношеніе Дона къ Украинѣ и Германіи, Кругъ отвѣтилъ: — «Верховное командованіе всѣми безъ исключенія военными силами, оперирующими на территоріи Донского войска, должно принадлежать Войсковому Атаману, или, какъ въ данномъ случаѣ — Походному Атаману, и такъ какъ вопросъ объ отношеніяхъ къ Украинѣ и Германіи еще не выясненъ, то для выясненія этого вопроса Временнымъ Правительствомъ командируется въ гор. Кіевъ посольство отъ войска Донского»... **

Отвѣтъ этотъ не удовлетворилъ генерала Деникина. Планы генерала Деникина были иные. Онъ думалъ въ лицѣ донскихъ казаковъ получить большія пополненія людьми и матеріальною частью, усилить Добровольческую Армію, а не имѣть рядомъ «союзную» армію. Когда этотъ отвѣтъ дошелъ до генерала Деникина, онъ рѣшилъ лично переговорить объ этомъ съ Донскимъ Атаманомъ.

Кругъ работалъ интенсивно. Засѣданія шли утромъ и вечеромъ. Онъ торопился возстановить порядокъ и не боялся упрековъ въ стремленіи возвратиться къ старому режиму.

Такъ въ засѣданіи 1-го мая Кругъ постановилъ: — «Въ отличіе отъ большевистскихъ бандъ, которыя никакихъ внѣшнихъ знаковъ отличія не носятъ, всѣмъ частямъ, участвующимъ въ защитѣ Дона, немедленно принять свой воинскій видъ и одѣть кому положено, погоны и прочіе знаки отличія». ***

На вечернемъ засѣданіи 1-го мая Кругъ пригласилъ генералъ-маіора Краснова, какъ старшаго по службѣ изъ донскихъ генераловъ. — Красновъ былъ еще Верховнымъ главнокомандующимъ Корниловымъ назначенъ командующимъ III кавалерійскимъ корпусомъ. Кругъ просилъ его высказаться о современной политической обстановкѣ. Генерала Краснова знали почти всѣ члены Круга. Именно сѣрые члены Круга его знали хорошо, потому что это были его сослуживцы. Тридцать лѣтъ служилъ генералъ Красновъ исключительно въ строю съ донскими казаками, и за эти тридцать лѣтъ много казаковъ было подъ его начальствомъ и служило съ нимъ то въ Петербургѣ въ гвардейскомъ полку, то на границѣ Австріи, то на войнѣ. Члены Круга знали генерала Краснова, какъ молодого офицера, знали, какъ полкового командира, какъ начальника

* Тамъ же стр. 3.
** Тамъ же стр. 7.
*** Тамъ же стр. 8.

дивизіи и командира корпуса, они видали его въ бояхъ, привыкли вѣрить ему и повиноваться ему, а главное суевѣрно вѣрили въ его счастье, потому что не разъ на войнѣ онъ выходилъ побѣдителемъ изъ очень сложныхъ и тяжелыхъ положеній. Про него знали, что онъ любитъ и жалѣетъ донскихъ казаковъ, и каждый знаетъ, что простой народъ этому слову жалѣть придаетъ особенное значеніе.

Почти два часа говорилъ генералъ Красновъ о положеніи Россіи. Напряженно, въ гробовой тишинѣ, слушали его казаки. Онъ говорилъ о томъ, что Донъ со временъ Царя Михаила Θеодоровича былъ неотъемлемою частью государства Россійскаго, его губерніею, и управлялся изъ Россіи ея министрами и потому своихъ органовъ управленія, своихъ финансовъ, казны, своего войска никогда не имѣлъ. Онъ говорилъ о томъ, что Россія теперь поругана и опозорена большевиками, она разгромлена ими и лежитъ въ обломкахъ. Можно сказать — нѣтъ Россіи. Донъ сталъ совершенно одинокъ. Ему нужно — впредь до возстановленія Россіи, стать самостоятельнымъ Государствомъ, завести свою казну, своихъ управляющихъ министерствами для того, чтобы каждый отдѣлъ народной жизни имѣлъ своего отвѣтственнаго руководителя и ни въ чемъ не было бы ущерба. Простымъ и яснымъ языкомъ, доступнымъ пониманію рядового казака, онъ разсказалъ, что должно дѣлать какое министерство.

Онъ коснулся отношенія къ нѣмцамъ. Воевать съ ними казаки не могутъ, имъ остается постараться мирнымъ путемъ удалить ихъ съ Донской земли. Онъ говорилъ о необходимости тѣснаго сотрудничества съ Украиной и доблестной Добровольческой Арміей и объ исторической задачѣ Донцовъ спасти Москву отъ воровъ и насильниковъ. Онъ совѣтовалъ казакамъ потомъ не вмѣшиваться въ дѣла Русскаго государства и предоставить ему самому устроить свой образъ правленія, какъ ему будетъ угодно, а самимъ зажить тою вольною жизнью, когда тѣсно связанные съ Московскимъ Царствомъ Донскіе казаки жили, управляемые своимъ Кругомъ и своимъ Атаманомъ и когда обычной поговоркой ихъ было: — «Здравствуй Царь въ Кременной Москвѣ, а мы, казаки, на Тихòмъ Дону!» . . .

Кругъ постановилъ докладъ генерала Краснова принять къ свѣдѣнію и выразить ему благодарность. *

На утреннемъ засѣданіи Круга 3-го мая по вопросу объ организаціи областной власти, Кругъ Спасенія Дона, выразивъ общее желаніе избрать временно, до созыва Большого Войскового Круга, Войскового Атамана, вынесъ принятую единогласно слѣдующую резолюцію: — «впредь до созыва Большого Войскового Круга, каковой долженъ быть созванъ въ ближайшее время и, во всякомъ случаѣ не позже двухъ мѣсяцевъ по окончаніи настоящей сессіи Круга спасенія Дона, вся полнота верховной власти въ области принадлежитъ Кругу спасенія Дона. На время прекращенія работъ Круга спасенія Дона, вся полнота власти по управленію области и веденію борьбы съ большевизмомъ принадлежитъ избранному Войсковому Атаману». *

На вечернемъ засѣданіи того же числа были произведены закрытой баллотировкой выборы Атамана. 107 голосами противъ 13 при 10 воздержавшихся на постъ Донского Атамана былъ избранъ генералъ-маіоръ Красновъ.

Генералъ Красновъ не принялъ этого избранія впредь до того, какъ Кругъ утвердитъ тѣ основные законы, которые онъ считаетъ нужнымъ ввести въ

---

* Тамъ же стр. 13.

войскѣ Донскомъ для того, чтобы имѣть возможность исполнить задачи, поставленныя ему Кругомъ спасенія Дона.

Законы эти были разсмотрѣны Кругомъ на утреннемъ засѣданіи 4-го мая.

Они представляли изъ себя почти полную копію основныхъ законовъ Россійской имперіи.

«Впредь до созыва Большого Войскового Круга изъ представителей всѣхъ округовъ войска Донского и полнаго успокоенія войска на всемъ его пространствѣ, государственный строй Всевеликаго Войска Донского и порядокъ правленія основываются на слѣдующихъ законахъ: —

Объ Атаманской власти. 1. «Власть управленія войскомъ во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Войсковому Атаману въ предѣлахъ всего Всевеликаго Войска Донского.

2. «Атаманъ утверждаетъ законы, и безъ его утвержденія никакой законъ не можетъ имѣть силы.

3. «Атаманъ назначаетъ, какъ предсѣдателя совѣта управляющихъ отдѣлами, такъ и самихъ управляющихъ отдѣлами, которые являются отвѣтственными передъ Большимъ Кругомъ.

4. «Атаманъ есть высшій руководитель всѣхъ сношеній Всевеликаго Войска Донского съ иностранными государствами.

5. «Атаманъ есть верховный вождь Донской Арміи и флота.

6. «Атаманъ объявляетъ мѣстности на военномъ, осадномъ, или исключительномъ положеніи.

7. «Атаману принадлежитъ помилованіе осужденныхъ, смягченіе наказаній и общее прощеніе совершившихъ преступныя дѣянія съ прекращеніемъ судебнаго противъ нихъ преслѣдованія и освобожденіе ихъ отъ суда и наказанія, а также сложеніе казенныхъ взысканій и дарованіе милости въ случаяхъ особыхъ, когда симъ не нарушаются ничьи огражденные закономъ интересы и гражданскія права.

8. «Атаманъ производитъ военныхъ за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля въ чины, назначаетъ имъ награды и утверждаетъ всѣ назначенія офицерскихъ чиновъ, которыя дѣлаются по командѣ.

9. «Приказы и распоряженія Атамана скрѣпляются предсѣдателемъ совѣта управляющихъ отдѣлами или подлежащимъ управляющимъ отдѣла».

О вѣрѣ. 10. «Первенствующая въ Всевеликомъ Войскѣ Донскомъ есть вѣра христіанская православная.

11. «Всѣ не принадлежащіе къ православной вѣрѣ граждане Всевеликаго Войска пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной.

О правахъ и обязанностяхъ казаковъ и гражданъ Всевеликаго Войска Донского. 12. «Условія пріобрѣтенія правъ гражданства Всевеликаго Войска Донского равно какъ и правъ казачества, а также утрата ихъ опредѣляются закономъ.

13. «Защита отечества есть священная обязанность каждаго казака и гражданина Всевеликаго Войска Донского.

14. «Казаки и граждане войска обязаны платить установленные закономъ налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно постановленіямъ закона.

15. «Никто не можетъ подлежать преслѣдованію за преступное дѣяніе иначе, какъ въ порядкѣ закономъ опредѣленномъ.

16. «Никто не можетъ быть задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ и въ порядкѣ закономъ опредѣленныхъ.

17. «Никто не можетъ быть судимъ и наказанъ иначе, какъ за преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя дѣйствующими во время совершенія ихъ дѣяній уголовными законами.

18. «Жилище каждаго неприкосновенно. Производство въ жилищѣ безъ согласія его хозяина обыска или выемки допускается не иначе, какъ въ случаяхъ и въ порядкѣ закономъ опредѣленномъ.

19. «Каждый донской казакъ и гражданинъ имѣетъ право свободно избирать мѣстожительство и занятія, пріобрѣтать и отчуждать имущество и безпрепятственно выѣзжать за предѣлы Войска.

20. «Собственность неприкосновенна. Принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, когда это необходимо для какой либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, какъ за соотвѣтствующее вознагражденіе.

21. «Донскіе казаки и граждане имѣютъ право устраивать собранія, въ цѣляхъ, не противныхъ законамъ, мирно и безъ оружія.

22. «Каждый можетъ въ предѣлахъ установленныхъ закономъ высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять ихъ путемъ печати, или иными способами.

23. «Донскіе казаки и граждане имѣютъ право образовывать общества и союзы въ цѣляхъ, не противныхъ законамъ.

О законахъ. 24. «Впредь до изданія и обнародованія новыхъ законовъ Всевеликое войско Донское управляется на твердыхъ основаніяхъ Свода законовъ Россійской Имперіи, за исключеніемъ тѣхъ статей, которыя настоящими основными законами отмѣняются.

25. «Всѣ воинскія части, какъ постоянной Арміи, такъ и временно вызываемыя по мобилизаціи, руководствуются законами, уложеніями и уставами, изданными въ Россійской Имперіи до 25 февраля 1917 года.

26. «Всѣ декреты и иные законы, разновременно издававшіеся, какъ Временнымъ Правительствомъ, такъ и совѣтомъ народныхъ комиссаровъ отмѣняются.

27. «Сила закона равно обязательна для всѣхъ безъ изъятія донскихъ подданныхъ и для иностранцевъ въ Всевеликомъ Войскѣ Донскомъ пребывающихъ.

28. «Законы, изданные спеціально для какой либо мѣстности, или части населенія, новымъ общимъ закономъ не отмѣняются, если въ немъ именно такой отмѣны нѣтъ.

29. «Законы обнародываются во всеобщее свѣдѣніе въ установленномъ порядкѣ и прежде обнародованія въ дѣйствіе не проводятся.

30. «По обнародованіи законъ получаетъ обязательную силу съ времени назначеннаго для него въ самомъ законѣ срока. Въ самомъ издаваемомъ законѣ можетъ быть указано на обращеніе его до обнародованія къ исполненію по телеграфу, телефону или посредствомъ нарочныхъ.

31. «Законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона. Поэтому до тѣхъ поръ, пока новымъ закономъ положительно не отмѣненъ законъ существующій, онъ сохраняетъ полную свою силу.

32. «Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, когда онъ обнародованъ установленнымъ порядкомъ.

33. «Законы разрабатываются въ соотвѣтствующихъ управленіяхъ.

34. «По одобреніи совѣтомъ управляющихъ законопроектовъ они представляются на утвержденіе Атаману.

35. «Законы, касающіеся нѣсколькихъ вѣдомствъ, представляются въ совѣтъ управляющихъ по предварительномъ согласованіи ихъ заинтересованными управляющими.

36. «Управляющимъ отдѣлами предоставляется издавать распоряженіе въ развитіе и разъясненіе законовъ, причемъ всѣ такія распоряженія подлежатъ предварительному одобренію совѣта управляющихъ.

О совѣтѣ управляющихъ и самихъ управляющихъ отдѣлами. 37. «Направленіе и объединеніе дѣйствій отдѣльныхъ вѣдомствъ по предметамъ, какъ законодательства, такъ и высшаго государственнаго управленія возлагается на совѣтъ управляющихъ.

38. «Управленіе дѣлами совѣта управляющихъ возлагается на войскового секретаря и на подчиненную ему канцелярію.

39. «Предсѣдатель совѣта управляющихъ и управляющіе отвѣтствуютъ передъ атаманомъ, а потомъ по созывѣ Большого Войскового Круга передъ нимъ за общій ходъ Войскового Управленія. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности отвѣтствуетъ за свои дѣйствія и распоряженія.

40. «За преступныя по должности дѣянія, предсѣдатель совѣта управляющихъ и управляющіе подлежатъ гражданской и уголовной отвѣтственности на основаніяхъ, въ законахъ опредѣленныхъ.

Объ отдѣлѣ финансовъ. 41. «Отдѣлъ финансовъ есть высшее совѣщательное учрежденіе по дѣламъ Войскового кредита и финансовой политики.

42. «Отдѣлъ финансовъ состоитъ изъ представителя и членовъ, назначаемыхъ Атаманомъ. Кромѣ того въ составъ отдѣла входятъ на правахъ членовъ: предсѣдатель совѣта управляющихъ, управляющій финансами и Войсковой контролеръ.

43. «На отдѣлъ возлагается: 1) соображеніе времени и условій совершенія Войсковыхъ займовъ; 2) обсужденіе дѣлъ, касающихся Войскового кредита, а также вопросовъ денежнаго обращенія, и 3) предварительное, съ особаго каждый разъ распоряженія Атамана, разсмотрѣніе дѣлъ по финансовой части, подлежащихъ разрѣшенію въ законодательномъ порядкѣ.

44. «Сужденія отдѣла представляются на усмотрѣніе Атамана.

О Войсковомъ Судѣ. 45. «Войсковой Судъ Всевеликаго Войска Донского является высшимъ защитникомъ и хранителемъ закона и высшимъ судомъ на Дону по дѣламъ судебнымъ и административнымъ.

46. «Судъ публикуетъ всѣ законы и правительственныя распоряженія и наблюдаетъ за закономѣрностью ихъ изданія.

47. «Предсѣдатель Войскового суда и Войсковые судьи назначаются Атаманомъ.

О Донскомъ флагѣ, гербѣ и гимнѣ. 48. «Три народности издревле живутъ на Донской землѣ и составляютъ коренныхъ гражданъ Донской области — донскіе казаки, калмыки и русскіе крестьяне. Національными цвѣтами ихъ были: у Донскихъ казаковъ — синій, васильковый, у калмыковъ — желтый, и у русскихъ — алый. Донской флагъ состоитъ изъ трехъ продольныхъ полосъ равной ширины: — синей, желтой и алой.

49. «Возстанавливается старинная печать и гербъ Донского Войска, изображающій нагого казака въ папахѣ, при шашкѣ, ружьѣ и амуниціи, сидящаго

верхомъ на бочкѣ. Печать и гербъ этотъ употреблять во всѣхъ нужныхъ случаяхъ.

50. «Народнымъ гимномъ Всевеликаго Войска Донского объявляется — «Всколыхнулся, взволновался православный Тихій Донъ», который и исполнять во всѣхъ предусмотрѣнныхъ закономъ случаяхъ». *

Этими законами вся власть изъ рукъ коллектива, каковымъ являлся большой, или малый Кругъ, переходила въ руки одного лица — Атамана. Передъ глазами Круга спасенія Дона стояли окровавленные призраки застрѣлившагося Атамана Каледина и разстрѣляннаго Атамана Назарова, Донъ лежалъ въ обломкахъ, онъ не только былъ разрушенъ, но онъ былъ загаженъ большевиками, и нѣмецкіе кони уже пили тихія струи Дона, священной для казаковъ рѣки. Къ этому привела работа Круговъ, потому что и Калединъ, и Назаровъ боролись съ ихъ постановленіями, но побѣдить не могли, потому что не имѣли власти. Коллективъ разрушалъ, но не творилъ. Задачами же донской власти было широкое творчество.

«Творчество», — сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей передъ большимъ Войсковымъ Кругомъ Атаманъ Красновъ — «никогда не было удѣломъ коллектива. Мадонну Рафаэля создалъ Рафаэль, а не комитетъ художниковъ» . . .

Донскому Атаману предстояло творить, и онъ предпочиталъ остаться одинъ внѣ критики Круга или Кругомъ назначеннаго правительства.

— «Вы хозяева Земли Донской, я вашъ управляющій», — сказалъ Кругу Атаманъ. — «Все дѣло въ довѣріи. Если вы мнѣ довѣряете — вы принимаете предложенные мною законы, если вы ихъ не примете, значитъ, вы мнѣ не довѣряете, боитесь, что я использую власть, вами данную, во вредъ войску. Тогда намъ не о чемъ разговаривать. Безъ вашего полнаго довѣрія я править войскомъ не могу».

Этими законами отметалось все то, что громко именовалось «завоеваніями революціи» и «ея углубленіемъ». И это высказали Атаману. Но Атаманъ этого и хотѣлъ. Законы Императорской власти были привычные народу законы, народъ ихъ зналъ, понималъ и исполнялъ. Послѣ революціи Временное Правительство спѣшно издало цѣлый рядъ законовъ, которые не были извѣстны въ народѣ, къ которымъ народъ не привыкъ. Законы эти возбуждали кривотолки. А затѣмъ послѣдовалъ рядъ безумныхъ декретовъ народныхъ комиссаровъ. Все перемѣшалось въ мозгахъ несчастныхъ русскихъ гражданъ и многіе не знали, что представляетъ изъ себя законъ правительства Львова или Керенскаго, и что декретъ Ленина. Атаманъ счелъ необходимымъ вернуться къ исходному положенію — до революціи. Въ особенности это было важно для войска, да еще въ виду военнаго времени, чтобы совершенно аннулировать приказъ № 1, разрушившій всю великую Русскую армію.

На вопросъ одного изъ членовъ Круга Атаману, не можетъ ли онъ что либо измѣнить, или передѣлать въ предложенныхъ имъ законахъ — Атаманъ отвѣтилъ: — «Могу. Статьи 48, 49 и 50. О флагѣ, гербѣ и гимнѣ. Вы можете предложить мнѣ другой флагъ — кромѣ краснаго, любой гербъ, кромѣ еврейской пятиконечной звѣзды, или иного масонскаго знака, и любой гимнъ, кромѣ интернаціонала» . . .

Кругъ разсмѣялся и принялъ законы, предложенные Атаманомъ, въ полномъ объемѣ.

---

* Тамъ же стр. 14, 15, 16, 17, 18 и 19.

Законы эти создали Атаману многихъ враговъ. Та часть интеллигенціи, которая пряталась до сихъ поръ по подваламъ и погребамъ и вылѣзла наружу, какъ только исчезли большевики, стала упрекать Атамана въ стремленіи къ проведенію принципа l'état c'est moi. Стремящаяся къ власти, воспитанная на критикѣ ради критики, на разрушеніи, а не на творчествѣ, она повела широкую кампанію противъ Атамана. Въ своихъ нелѣпыхъ обвиненіяхъ она доходила до того, что, напримѣръ, С. П. Черевковъ, редакторъ издававшейся въ Екатеринодарѣ газеты, писалъ, что Атаманъ стремится устроить на Дону феодальные порядки и хочетъ возстановить крѣпостное право и jus primae noctis.

Не удовлетворили эти законы и генерала Деникина. Они показали ему, что Донъ становится на путь самостоятельнаго строительства, внѣ зависимости отъ добровольческой арміи, что онъ не признаетъ добровольческой арміи за Россію и Деникина за своего диктатора. Отсюда послѣдовали обвиненія Атамана въ стремленіи къ самостійности, къ отдѣленію отъ Россіи. Донского Атамана въ добровольческой арміи прихвостни Деникина ославили едва не измѣнникомъ Россіи, самостійникомъ и человѣкомъ «нѣмецкой оріентаціи». Его слова — «здравствуй Царь въ Кременной Москвѣ, а мы казаки на Тихомъ Дону», повтореніе словъ, которыя говорились въ эпоху смутнаго времени на Руси, до избранія Романовыхъ, создали Атаману въ добровольческой арміи репутацію монархиста.

Донской Атаманъ не разъ шутя говорилъ: — «У меня четыре врага: — наша донская и русская интеллигенція, ставящая интересы партіи выше интересовъ Россіи, мой самый страшный врагъ; генералъ Деникинъ; иностранцы — нѣмцы или союзники и большевики. И послѣднихъ я боюсь меньше всего, потому что веду съ ними открытую борьбу, и они не притворяются, что они мои друзья» . . .

4-го мая было послѣднее засѣданіе «Круга спасенія Дона» и 5-го мая Кругъ разъѣхался. Атаманъ остался одинъ править войскомъ.

Глава II

Письма Атамана къ Императору Вильгельму и гетману Скоропадскому. — Сношенія съ нѣмцами. — Свиданіе Атамана съ генераломъ Деникинымъ 15-го мая. — Результаты этого свиданія.

Все лежало въ войскѣ Донскомъ въ обломкахъ и запустѣніи. Самый Дворецъ атаманскій былъ загаженъ большевиками такъ, что поселиться въ немъ сразу безъ ремонта было нельзя. Церкви были поруганы, многія станицы разгромлены и изъ 252 станицъ войска Донского только 10 были свободны отъ большевиковъ. Не только пушечная, но ружейная и пулеметная стрѣльба были слышны кругомъ Новочеркасска. Бои шли подъ Батайскомъ и у Александро-Грушевскаго. Полиціи ни городской, ни станичной, ни желѣзнодорожной стражи не было. Грабежи и убійства были ежедневнымъ обычнымъ явленіемъ. Нѣмцы прочно заняли Таганрогъ и Ростовъ, нѣмецкая кавалерія занимала всю западную часть Донецкаго Округа, станицы Каменская и Усть-Бѣло-Калитвенская были заняты германскими гарнизонами. Нѣмцы подвигались къ Новочеркасску и аванпосты баварской конницы стояли въ 12-ти верстахъ къ югу отъ Новочеркасска. Планы и намѣренія нѣмцевъ были совершенно неизвѣстны Атаману.

Но все это были пустяки въ сравненіи съ тѣмъ ужаснымъ зломъ, которое сдѣлали большевики въ душахъ населенія. Всѣ понятія нравственности, чести, долга, честности были совершенно стерты и уничтожены. Совѣсть людская была опустошена и испита до дна. Люди отвыкли работать и не желали работать, люди не считали себя обязанными повиноваться законамъ, платить подати, исполнять приказы. Необычайно развилась спекуляція, занятіе куплей и продажей, которое стало своего рода ремесломъ цѣлаго ряда лицъ и даже лицъ интеллигентныхъ. Большевистскіе комиссары насадили взяточничество, которое стало обыкновеннымъ и какъ бы узаконеннымъ явленіемъ.

Въ странѣ, заваленной хлѣбомъ, мясомъ, жирами и молокомъ, начинался голодъ. Не было товаровъ, и сельчане не хотѣли везти свои продукты въ города. Въ городахъ не было денежныхъ знаковъ и ихъ замѣняли суррогаты, купоны займа свободы и другіе, что до крайности затрудняло торговлю.

Передъ Атаманомъ лежалъ цѣлый рядъ задачъ, разрѣшить которыя онъ долженъ былъ во время страшной и упорной борьбы съ большевиками. Въ голову всего Атаманъ поставилъ главную задачу, данную ему Кругомъ спасенія Дона — освобожденіе земли Донской отъ большевиковъ.

Для выполненія ея ему нужно было создать Армію, выяснить отношенія нѣмцевъ къ Дону и войти въ тѣсную связь съ Украиной и Добровольческой Арміей, чтобы привлечь ихъ къ совмѣстной работѣ противъ большевиковъ.

5-го мая Атаманъ вступилъ въ управленіе войскомъ, и въ тотъ же день вечеромъ довѣренный его, адъютантъ есаулъ Кульгавовъ, поѣхалъ съ собственноручными письмами Атамана къ гетману Скоропадскому и къ Императору Вильгельму. Императору Вильгельму Атаманъ писалъ на нѣмецкомъ языкѣ о своемъ избраніи, сообщилъ о томъ, что войско Донское не находится въ войнѣ съ Германіей, просилъ, чтобы дальнѣйшее продвиженіе нѣмецкихъ войскъ въ Донскую землю было пріостановлено, чтобы войско Донское было признано впредь до освобожденія Россіи отъ большевиковъ самостоятельною республикою, управляемою основными законами, приложенными къ письму. Атаманъ просилъ о помощи оружіемъ, взамѣнъ чего предложилъ установить черезъ Украину правильныя торговыя отношенія.

Есаулъ Кульгавовъ долженъ былъ передать это письмо въ Кіевѣ командующему нѣмецкими войсками на Украинѣ генералу Эйхгорну, которому была послана копія этого письма. Гетману Атаманъ писалъ о своемъ избраніи, о вѣчной дружбѣ, которая была между Украиной и Донскими казаками, указывалъ на то, что Украинцы неправильно считаютъ свои границы, и просилъ о скорѣйшемъ возстановленіи старой границы Земли войска Донского. Вмѣстѣ съ тѣмъ Атаманъ писалъ о сложеніи полномочій посольствомъ Семенова, Горчукова, Сидорина и Гущина, объ отозваніи ихъ и о посылкѣ вмѣсто нихъ новаго посольства въ лицѣ генералъ-лейтенанта Свѣчина и генералъ-маіора Черячукина.

Результатомъ посылки письма Императору Вильгельму было то, что уже 8-го мая, вечеромъ, къ Атаману явилась делегація отъ генерала отъ кавалеріи фонъ Кнёрцера изъ Таганрога, заявившая, что германцы никакихъ завоевательныхъ цѣлей не преслѣдуютъ, что они заинтересованы въ томъ, чтобы на Дону возстановился возможно скорѣе полный порядокъ, что Таганрогскій округъ и Ростовъ они заняли лишь потому, что Украинцы имъ сказали, что они принадлежатъ Украинѣ и что этотъ пограничный споръ надо разрѣшить съ гетманомъ Скоропадскимъ. Что касается станицъ Донецкаго Округа, то нѣмцы ихъ заняли по приглашенію самихъ казаковъ. Депутація заявила, что она считаетъ

въ интересахъ казаковъ, чтобы германскія войска оставались временно на Донской территоріи, что они уйдутъ, какъ только увидятъ, что на Дону возстановился полный порядокъ.

Свиданіе Атамана съ представителями германскаго командованія носило самый дѣловой характеръ. Атаманъ убѣдился въ томъ, что нѣмцы боятся казаковъ и что они дѣйствительно заинтересованы въ помощи Дону. На первомъ же свиданіи было рѣшено, что нѣмцы дальше продвигаться не будутъ и что въ Новочеркасскъ ни германскіе офицеры, ни солдаты безъ особаго разрѣшенія Атамана ѣздить не будутъ, чтобы не раздражать казаковъ.

9-го мая въ Новочеркасскъ прибылъ для жительства Кубанскій Атаманъ полковникъ Филимоновъ и Кубанское Правительство, а также депутація отъ Грузинской республики. Донской Атаманъ вошелъ въ тѣсныя дружескія сношенія съ тѣми и съ другими. Онъ искалъ союзниковъ и помощниковъ въ жестокой борьбѣ съ большевиками и главнымъ союзникомъ своимъ онъ считалъ генерала Деникина и добровольческую армію и искалъ скорѣйшаго свиданія съ генераломъ Деникинымъ.

14-го мая Атаманъ получилъ извѣстіе о томъ, что 15-го мая генералы Алексѣевъ и Деникинъ прибудутъ изъ Мечетинской станицы въ станицу Манычскую и хотѣли бы имѣть переговоры съ Атаманомъ.

15-го мая Донской Атаманъ вмѣстѣ съ предсѣдателемъ совѣта управляющихъ и управляющимъ отдѣломъ иностранныхъ дѣлъ генералъ-маіоромъ А. П. Богаевскимъ, генералъ-квартирмейстеромъ штаба Донской Арміи полковникомъ Кисловымъ и Кубанскимъ Атаманомъ Филимоновымъ отбылъ на пароходѣ «Вольный казакъ» изъ станицы Аксайской въ станицу Манычскую, куда прибылъ около 1 часа дня. Около 2-хъ часовъ дня туда же на автомобиляхъ прибыли представители добровольческой арміи генералы Алексѣевъ и Деникинъ, начальникъ штаба арміи генералъ Романовскій, полковники Ряснянскій и Эвальдъ. Тутъ же находился командующій донскими частями Задонскаго района полковникъ Быкадоровъ.

Въ небольшой хатѣ станичнаго атамана у разложенной карты съ показаніемъ расположенія войскъ произошла бесѣда, длившаяся до самыхъ сумерекъ.

Прежде чѣмъ начать разговоры съ Атаманомъ генералъ Деникинъ предложилъ выслушать докладъ только что прибывшихъ изъ Кіева его агента полковника Лисового и изъ Москвы г-на Панченко. По словамъ этихъ лицъ въ Москвѣ и въ Россіи начиналось сильное монархическое движеніе, народъ жаждалъ царя и большевистская власть была наканунѣ крушенія.

Атаманъ и, повидимому, генералъ Деникинъ отнеслись къ этому сообщенію безъ особаго довѣрія. Генералъ Алексѣевъ былъ совершенно больной. Ѣзда на автомобилѣ его укачала. Безучастно, закрывъ глаза, онъ сидѣлъ за столомъ, облокотившись на ладони, и временами выходилъ изъ хаты. Послѣ доклада Лисового и Панченко, когда они ушли, генералъ Деникинъ началъ въ довольно рѣзкой формѣ выговаривать Атаману за то, что въ диспозиціи, отданной для овладѣнія селеніемъ Батайскъ было указано, что въ правой колоннѣ дѣйствуетъ германскій батальонъ и батарея, въ центрѣ донцы, а въ лѣвой колоннѣ отрядъ полковника Глазенапа добровольческой арміи.

— Согласитесь съ тѣмъ, что это недопустимо, чтобы добровольцы участвовали съ нѣмцами. Добровольческая армія не можетъ имѣть ничего общаго съ нѣмцами. Я требую уничтоженія этой диспозиціи, — говорилъ генералъ Деникинъ.

Атаманъ отвѣтилъ, что уничтожить исторіи нельзя. Если бы эта диспозиція относилась къ будущему — другое дѣло, но она относится къ сраженію, которое было три дня тому назадъ и закончилось полной побѣдой отряда полковника Быкадорова, и уничтожить то, что было, невозможно. Атаманъ далъ понять генералу Деникину, что онъ уже болѣе не бригадный генералъ, какимъ зналъ Атамана на войнѣ генералъ Деникинъ, но представитель пятимилліоннаго свободнаго народа и потому разговоръ долженъ вестись въ нѣсколько иномъ тонѣ. Атаманъ разсчитываетъ и надѣется на то, что цѣли, преслѣдуемыя войскомъ Донскимъ и добровольческой арміей однѣ и тѣ же — уничтоженіе большевиковъ. Къ этому же стремится и Атаманъ Дутовъ съ оренбургскими казаками и чехословаки.

Генералъ Деникинъ заговорилъ о единомъ командованіи и о томъ, что желательно поступленіе Донскихъ частей въ добровольческую армію. Атаманъ отвѣтилъ на это, что единое командованіе возможно осуществить только при условіи существованія единаго фронта. Если генералъ Деникинъ считаетъ возможнымъ со своими добровольческими отрядами оставить Кубань и направиться къ Царицыну, то всѣ Донскія войска Нижне-Чирскаго и Великокняжескаго районовъ будутъ подчинены автоматически генералу Деникину. Движеніе на Царицынъ при томъ настроеніи, которое замѣчено въ Саратовской губерніи, сулитъ добровольцамъ полный успѣхъ. Въ Саратовской губерніи уже начались возстанія крестьянъ. Царицынъ дастъ генералу Деникину хорошую чисто русскую базу, пушечный и снарядный заводы и громадные запасы всякаго войскового имущества, не говоря уже о деньгахъ. Добровольческая армія перестанетъ зависѣть отъ казаковъ. Кромѣ того занятіе Царицына сблизило бы, а, можетъ быть, и соединило бы насъ съ чехословаками и Дутовымъ и создало бы единый грозный фронтъ. Опираясь на войско Донское, арміи могли бы начать свой маршъ на Самару, Пензу, Тулу и тогда Донцы заняли бы Воронежъ . . .

— Я ни за что не пойду на Царицынъ, — сказалъ категорически Деникинъ, — потому что тамъ мои добровольцы могутъ встрѣтить нѣмцевъ. Это невозможно.

— Но ручаюсь вамъ, — возразилъ Атаманъ, — что нѣмцы дальше Усть-Бѣло-Калитвенской станицы на востокъ не пошли и безъ моего разрѣшенія не пойдутъ.

— Все равно на Царицынъ я теперь не пойду, — упрямо сказалъ Деникинъ. — Я обязанъ раньше освободить Кубанцевъ — это мой долгъ и я его исполню.

Генералъ Алексѣевъ поддержалъ Деникина. Онъ считалъ, что направленіе на Царицынъ дѣйствительно создастъ единый фронтъ, но вся бѣда въ томъ, что Кубанцы изъ своего войска никуда не пойдутъ, а добровольческая армія безсильна что-либо сдѣлать, такъ какъ въ ней всего около 2.500 штыковъ. Ей надо отдохнуть, окрѣпнуть и получить снабженіе, и войско Донское должно ей въ этомъ помочь. Кубань, хотя и поднялась противъ большевиковъ, но сильно нуждается въ помощи добровольцевъ. Если оставить Кубанцевъ однихъ, можно опасаться, что большевики одолѣютъ ихъ, и тылъ Донской Арміи будетъ угрожаемъ со стороны Кубани.

На совѣщаніи было рѣшено, что Добровольческая Армія пойдетъ вмѣстѣ съ Кубанцами на Екатеринодаръ и, только послѣ освобожденія его, она можетъ помочь Донцамъ въ операціяхъ на Царицынъ. Такимъ образомъ, обѣ арміи — Донская и Добровольческая расходились по двумъ взаимно противоположнымъ

направленіямъ, одна шла на сѣверъ къ сердцу Россіи — Москвѣ, другая шла на югъ къ Минеральнымъ Водамъ. Вопросъ о единомъ командованіи отпадалъ.

Атаманъ настаивалъ на немедленномъ наступленіи. Надо использовать настроеніе казаковъ, ихъ порывъ, надо воспользоваться растерянностью комиссаровъ.

Деникинъ отказалъ и въ этомъ. Послѣ тяжелаго похода Добровольческая армія нуждалась въ отдыхѣ и пополненіи. Ей необходимы были широкія квартиры и правильная организація тыла. Донъ долженъ былъ снабдить Добровольческую Армію всѣмъ необходимымъ и быть ея тыломъ.

Совѣщаніе свелось къ тому, что Добровольческая Армія потребовала устройства лазаретовъ и госпиталей, этапныхъ пунктовъ и вербовочныхъ бюро въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ, потребовала оружія и снаряженія и взяла заимообразно шесть милліоновъ рублей у Донского войска, обязуясь обезпечивать тылъ Донского войска со стороны Кубани. Кубанскій Атаманъ никакой роли на совѣщаніи не игралъ.

Начать активныя дѣйствія добровольцы и кубанцы могли только черезъ мѣсяцъ.

О союзникахъ не было сказано ни слова. Къ Украинѣ и нѣмцамъ генералъ Деникинъ высказалъ самое непримиримое отношеніе и старательно закрывалъ глаза на то, что оружіе и снаряженіе для Добровольческой Арміи Донской Атаманъ можетъ получить только изъ Украины, то-есть отъ нѣмцевъ. Этотъ вопросъ былъ повернутъ такъ, что на Украинѣ остались громадные склады Россійской Юго-Западной Арміи. Добровольческая Армія является прямою наслѣдницею Юго-Западной Арміи и потому Украина должна передать ей имущество складовъ. Про то, что эти склады были опечатаны нѣмецкими печатями и къ нимъ приставлены нѣмецкіе часовые, командованіе Добровольческой Арміи умалчивало.

Генералъ Деникинъ потребовалъ немедленнаго присоединенія отряда полковника Дроздовскаго къ Добровольческой Арміи.

Со смутнымъ чувствомъ неудовлетворенности ѣхалъ Донской Атаманъ изъ Манычской со свиданія съ генераломъ Деникинымъ. Войско Донское стояло одно одинёшенько передъ громадной задачей освободиться отъ большевиковъ и положить начало освобожденію и самой Россіи.

Глава III

Тылъ Добровольческой Арміи на Дону. — Поведеніе офицеровъ. — Двѣ разныя точки зрѣнія на Донъ. — Мелочность характера генерала Деникина. — Враждебное отношеніе его къ Атаману и генералу Денисову.

Обѣ столицы Донского Войска, Ростовъ и Новочеркасскъ стали тыломъ Добровольческой Арміи. Это уже такой непреложный законъ всякой арміи, какъ бы строго дисциплинирована она ни была, что совершенно механически совершается отборъ ея представителей. Все прекрасное, храброе, героическое, все военное и благородное отходитъ на фронтъ. Тамъ совершаются подвиги, красотою которыхъ умиленно любуется міръ, тамъ дѣйствуютъ чудо богатыри Марковы, Дроздовскіе, Нѣжинцевы, тамъ красота, благородство и героизмъ. Но чѣмъ дальше отходишь отъ боевыхъ линій къ тылу, тѣмъ рѣзче мѣняется картина. Все трусливое, уклоняющееся отъ боя, все жаждущее не подвига

смертнаго и славы, но наживы и наружнаго блеска, всѣ спекулянты собираются въ тылу. Здѣсь люди, не видѣвшіе раньше и сторублеваго билета, ворочаютъ милліонами рублей, и у нихъ кружится голова отъ этихъ денегъ, здѣсь продаютъ «добычу», здѣсь постоянно вращаются герои съ громадной популярностью въ тылу и совершенно неизвѣстные на фронтѣ. Фронтъ оборванъ, босъ и нагъ, фронтъ голоденъ, здѣсь сидятъ люди въ ловко сшитыхъ черкескахъ, въ цвѣтныхъ башлыкахъ, во френчахъ и галифэ, здѣсь пьютъ вино, хвастаютъ своими подвигами, звенятъ золотомъ и говорятъ, говорятъ. Тамъ въ передовыхъ окопахъ, про политику не говорятъ, о будущемъ не думаютъ, смерть сторожитъ эти думы, здѣсь политиканствуютъ и создаютъ такую окраску и физіономію, которой армія на дѣлѣ не имѣетъ.

Въ тылу лазареты съ врачами, санитарнымъ персоналомъ и сестрами. Въ тылу любовь и ревность. Раненые и больные часто бываютъ капризны и требовательны и на правахъ раненыхъ и больныхъ позволяютъ себѣ весьма многое, оскорбляющее тѣхъ здоровыхъ, которые отдали себя на служеніе имъ. Но настоящіе раненые и больные не въ счетъ, имъ это охотно прощаютъ, но въ лазаретахъ всегда бываетъ извѣстный процентъ такихъ раненыхъ, которые никогда ранены не были, такихъ больныхъ, болѣзнь которыхъ не найдетъ и не опредѣлитъ самый искусный врачъ. Эти «раненые» и «больные» приносятъ вино въ лазареты, эти «раненые» и «больные» до глубокой ночи шатаются по городу, горланя пѣсни, и управы на нихъ нѣтъ нигдѣ. Что можетъ имъ сдѣлать дежурная сестра, которая сама ихъ безумно боится? Такъ было во всѣхъ арміяхъ, такъ было и въ Добровольческой Арміи. Въ Добровольческую Армію вмѣстѣ съ идейными юношами шли «шкурники», и эти шкурники прочно осѣдали въ тылу и теперь наводнили Ростовъ и Новочеркасскъ. И вотъ начались тѣ тяжелыя отношенія между Дономъ и Добровольческой Арміей, которыя бросались въ глаза человѣку вдумчивому. Сами Арміи были дружны вѣчной дружбой, спаянной вмѣстѣ пролитой кровью, но тылы ссорились и генералъ Деникинъ и его окружающіе, которые жили въ тылу тыловой жизнью, поддались этому тыловому, враждебному Дону, настроенію.

Войско Донское все, но особенно Новочеркасскъ, въ эти весенніе дни 1918 года жило особенною повышенною жизнью. Создавали ли это настроеніе постоянныя побѣды Донской Арміи, или та энергичная, нервно пульсирующая жизнь проснувшагося народа, но это была не обычная сонная жизнь глухого провинціальнаго города.

Атаманъ возстановилъ старинный до-Петровскій титулъ «Всевеликое войско Донское», и все войско отъ казака до генерала подхватило этотъ титулъ. Въ Новочеркасскѣ спѣшно печатались свои уставы, широко распространялась исторія войска, писали его географію, составляли особую христоматію. Въ школахъ и гимназіяхъ послѣ молитвъ дружно пѣли «Всколыхнулся взволновался православный Тихій Донъ», и гимнъ этотъ подхлестывалъ и взвинчивалъ, какъ марсельеза. На школьныхъ праздникахъ въ ученическихъ выступленіяхъ неизмѣнно фигурировало полное горячей любви къ Родинѣ стихотвореніе въ прозѣ Донского писателя Ѳ. Крюкова, «Родимый Край», и надъ нимъ плакали. Была мысль, одѣть Донскую армію въ особую отъ Русской форму, но этому воспротивились Командующій Арміей генералъ Денисовъ и Атаманъ. Надъ дворцомъ гордо рѣялъ сине-желто-красный флагъ, и Новочеркасскіе жители ходили имъ любоваться. Все это было «свое», особенное, новое, принадлежащее «Всевеликому войску Донскому».

Большевизму Атаманъ противопоставилъ шовинизмъ, интернаціоналу — яркій націонализмъ. Ѣздя по станицамъ и полкамъ, Атаманъ вездѣ говорилъ одно: — «Любите свою великую, полную славы Родину — Тихій Донъ и мать нашу Россію! — За вѣру и Родину — что можетъ быть выше этого девиза!»

Что такое было Всевеликое Войско Донское для офицера Добровольческой Арміи? Донская область, Донская губернія и больше ничего. Казаки — четвертые полки кавалерійскихъ дивизій, штабная конница, прикрытіе обозовъ и конвои — словомъ — презрительно ласковое — казачки.

Тѣмъ, кто въ сердцѣ своемъ носилъ священное бѣло-сине-красное знамя великой и недѣлимой Россіи, претилъ новый Донской флагъ. Немногіе понимали значеніе его, какъ переходнаго флага. Не понималъ его и Деникинъ. Гимнъ донской для нихъ былъ не гимнъ, но только пѣсня. Въ войскѣ Донскомъ была старая дисциплина со всѣмъ старымъ воинскимъ ритуаломъ, со знаменами, встрѣчаемыми звуками похода, и съ караульной службой, гдѣ часовой былъ лицомъ неприкосновеннымъ. Въ Добровольческой Арміи была дисциплина новая, упрощенная, и бьющая на внѣшность, часто офицерски распущенная.

А. А. Суворинъ пишетъ: — «нужно, чтобы въ арміи было прямо и строго поставлено требованіе доблести и чтобы она осталась истинно доблестной, какою она была при Корниловѣ. Но, чтобы быть прочною, доблесть эта должна имѣть подъ собою твердую опору дисциплины, которая вовсе не всегда непремѣнно сопутствуетъ доблести. И именно о Добровольческой арміи всегда можно было сказать: «Доблести много, дисциплины мало!» Мнѣ говорилъ одинъ изъ генераловъ арміи: — «Когда въ сторожевомъ охраненіи находятся солдаты, я увѣренъ, что часовые не спятъ, но я не увѣренъ въ этомъ, когда въ охранѣ офицеры!»

«И для утвержденія дисциплины, дѣйствительно благонадежной, необходимо ввести въ арміи точное исполненіе «Устава внутренней службы». Безъ него всѣ разговоры о дисциплинѣ останутся только разговорами» . . . *

На Дону первымъ былъ отпечатанъ «Дисциплинарный уставъ» и сейчасъ же слѣдомъ за нимъ «Уставъ внутренней службы» . . .

Атаманъ строго преслѣдовалъ пьянство, и офицеровъ, замѣченныхъ въ нетрезвомъ поведеніи, увольнялъ вовсе отъ службы безъ мундира и пенсіи. И онъ, и особенно, Командующій Донской Арміей генералъ-маіоръ Денисовъ требовали не только полнаго соблюденія воинской дисциплины и порядка, но и форменной, щегольской, на сколько позволяли обстоятельства, одежды и благопристойнаго поведенія въ общественныхъ мѣстахъ. Разладъ между Дономъ и Добровольческой Арміей начался съ мелочей и пустяковъ, но вылился въ тяжелыя формы вслѣдствіе крайняго самолюбія Деникина.

Его постоянно раздражала мысль, что войско Донское находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ нѣмцами и что нѣмецкіе офицеры бываютъ у Атамана. Генералъ Деникинъ не думалъ о томъ, что благодаря этому Добровольческая Армія неотказно получаетъ оружіе и патроны и офицеры ѣдутъ въ нее черезъ Украину и Донъ совершенно свободно, но онъ видѣлъ въ этомъ измѣну союзникамъ и сторонился отъ Атамана . . .

Въ лицѣ Командующаго Донской Арміей Атаманъ имѣлъ блестящаго помощника. Но горячій патріотъ генералъ Денисовъ отличался рѣзкимъ, поры-

---

* А. А. Суворинъ. «Походъ Корнилова» стр. 108.

вистымъ характеромъ. Онъ былъ молодъ. Ему было всего 34 года, и когда генералъ Деникинъ командовалъ дивизіей — Денисовъ былъ всего капитаномъ генеральнаго штаба. Ставши командующимъ арміей, Денисовъ установилъ отношенія съ генераломъ Деникинымъ, какъ съ равнымъ, и это коробило Деникина. Штабъ Донской Арміи, богато снабженный и блестяще оборудованный, щеголялъ точностью донесеній, красотою исполненія схемъ, аккуратностью работъ, чего нельзя было сказать про штабъ Добровольческой Арміи, и Денисовъ зло смѣялся, критиковалъ и иронизировалъ надъ Добровольческой Арміей.

Въ Новочеркасскѣ, въ Александровскомъ саду по приказанію генерала Денисова дѣйствовало лѣтнее гарнизонное собраніе, куда могли приходить обѣдать офицеры съ ихъ семьями и гдѣ они могли имѣть дешевую (за 2 р. 50 к.) и здоровую пищу. По вечерамъ тамъ игралъ войсковой хоръ и пѣли войсковые пѣвчіе. Офицеры Добровольческой Арміи допускались туда на совершенно одинаковыхъ условіяхъ съ офицерами донцами. Добровольцы не разъ устраивали тамъ пьяные кутежи со скандалами и, наконецъ, пустили по адресу войска Донского «крылатое» слово — в с е в е с е л о е в о й с к о Д о н с к о е.

Денисовъ промолчалъ. Вскорѣ на одномъ вечерѣ въ присутствіи Денисова и одного полковника изъ Добровольческой Арміи на войско Донское стали жестоко нападать за его сношенія съ нѣмцами.

— Но что же войску дѣлать, — сказалъ Денисовъ, — нѣмцы пришли на территорію его и заняли. Войску Донскому приходится считаться съ совершившимся фактомъ. Не можетъ же оно, имѣя территорію и народъ ее населяющій, уходить отъ нихъ, какъ то дѣлаетъ Добровольческая Армія. Войско Донское н е с т р а н с т в у ю щ і е м у з ы к а н т ы, какъ Добровольческая Армія.

Эти с т р а н с т в у ю щ і е м у з ы к а н т ы были переданы генералу Деникину, и онъ въ свое время припомнилъ это словцо Денисова. Когда войско Донское начало свои сношенія съ союзниками, въ штабѣ Деникина сказали: — «В о й с к о Д о н с к о е, э т о п р о с т и т у т к а, п р о д а ю щ а я с е б я т о м у, к т о е й з а п л а т и т ъ».

Денисовъ не остался въ долгу и отвѣтилъ: — «Скажите Добровольческой Арміи, что е с л и в о й с к о Д о н с к о е п р о с т и т у т к а, т о Д о б р о в о л ь ч е с к а я А р м і я е с т ь к о т ъ, п о л ь з у ю щ і й с я е я з а р а б о т к о м ъ и ж и в у щ і й у н е я н а с о д е р ж а н і и».

Это были мелочи. Но они разожгли самолюбіе Деникина, и онъ сталъ добиваться удаленія Денисова.

Генералъ Деникинъ хотѣлъ, чтобы войско Донское было Донскою областью съ нѣкоторой автономіей, онъ не соглашался признать Донской Арміи, но желалъ имѣть Донскіе полки тамъ, гдѣ они понадобятся; онъ рѣшительно шелъ къ тому с т а р о м у р е ж и м у, о которомъ при обстоятельствахъ теперешняго момента Атаманъ не могъ и заикнуться. И Деникинъ сталъ во враждебныя отношенія къ Атаману, считая его главнымъ виновникомъ шовинистической политики Дона.

Но пока у Донского Атамана на фронтѣ была 60.000 армія, а у него вмѣстѣ съ Кубанцами насчитывалось 12.000, пока все снабженіе шло черезъ Донского Атамана, взявшагося быть посредникомъ между Украиной и нѣмцами съ одной стороны и Добровольческой Арміей съ другой — Деникинъ молчалъ, и только окружающіе его готовили грозную кампанію противъ генерала Денисова, Атамана и всѣхъ Донскихъ патріотовъ. Они стремились свалить войско Донское и впослѣдствіи, при помощи союзниковъ они свалили его..., но въ

результатѣ погубили послѣдній рессурсъ въ своей борьбѣ. Какъ только война перестала быть національной, народной — она стала классовой, и какъ таковая не могла имѣть успѣха въ бѣднѣйшемъ классѣ.

Казаки и крестьяне отпали отъ Добровольческой Арміи и Добровольческая Армія погибла. Говорятъ объ измѣнѣ казаковъ Деникину, но нужно посмотрѣть, кто измѣнилъ раньше. Казаки Деникину, или Деникинъ казакамъ. Если бы Деникинъ не измѣнилъ казакамъ, не оскорбилъ бы жестоко ихъ молодого національнаго чувства, они не покинули бы его. И правъ былъ Атаманъ, когда въ числѣ своихъ враговъ ставилъ и генерала Деникина. Генералъ Деникинъ, быть можетъ, самъ того не понимая, работая на разрушеніе Донского войска, рубилъ сукъ, на которомъ сидѣлъ...

Глава IV

Отношеніе къ нѣмцамъ. — Второе письмо Донского Атамана Императору Вильгельму.

Очень остро и болѣзненно проходили для Атамана отношенія къ нѣмцамъ. Безъ нѣмцевъ Дону не освободиться отъ большевиковъ — это было общее мнѣніе фронтового казачества, которое умирало, защищая съ оружіемъ въ рукахъ свои станицы и освобождая станицы своихъ сосѣдей.

Совершенно иначе смотрѣла Донская интеллигенція и особенно пришлые изъ Россіи люди, которые хотѣли и на Дону сыграть ту крупную роль, которую они играли когда-то въ Царской Россіи. Къ числу таковыхъ нужно отнести и бывшаго предсѣдателя Государственной Думы двухъ послѣднихъ призывовъ М. В. Родзянко, жившаго въ Новочеркасскѣ, и всю кадетскую партію, которая объединилась въ борьбѣ противъ Атамана. Отозванные изъ Украины члены перваго посольства генералъ Сидоринъ и полковникъ Гущинъ вели сильную пропаганду противъ Атамана, постоянно проповѣдуя о томъ, что побѣда союзниковъ несомнѣнно будетъ, и союзники никогда не простятъ Донскимъ казакамъ того, что они сносились съ нѣмцами.

Донъ раскололся на оріентаціи. Весь простонародный, хлѣборобный Донъ и большая часть интеллигенціи держались германской оріентаціи, напротивъ члены могущественной кадетской партіи и многіе политическіе бѣженцы считали, что все спасеніе Дона въ демократіи Англіи и Франціи, которыя придутъ и спасутъ и Донъ, и Россію. Какъ спасутъ? — непремѣнно и не иначе, какъ живой силой.

Въ началѣ іюня у Атамана было совѣщаніе съ представителями Кубанскаго Правительства, Горскихъ народовъ, именующимъ себя Астраханскимъ Атаманомъ кн. Тундутовымъ и нѣкоторыми членами Круга Спасенія Дона, оставшимися въ Новочеркасскѣ. Членъ президіума Круга А. П. Епифановъ горько упрекалъ Атамана въ томъ, что онъ ведетъ сношенія и опирается на нѣмцевъ.

— Придутъ союзники и они никогда этого не простятъ Донскимъ казакамъ! — говорилъ Епифановъ.

Остальные присутствовавшіе на засѣданіи молчали. Атаманъ еще разъ разсказалъ ту обстановку, въ которой онъ засталъ войско. Цѣлая треть его была уже занята германскими войсками, мѣстами казаки сами приглашали нѣмцевъ помогать въ борьбѣ съ красной гвардіей, у казаковъ не было оружія

для борьбы съ нею и получить его можно было только отъ нѣмцевъ, или черезъ нѣмцевъ. Дону предстояло одно, или подчиняться совѣтскимъ властямъ, или войти въ соглашеніе съ нѣмцами. У Дона не было иного выхода.

— Ждать союзниковъ, — сказалъ Епифановъ. — Союзники придутъ и помогутъ.

— Да, — нервно сказалъ Атаманъ, — такъ же, какъ они пришли въ Новороссійскъ въ январѣ, когда застрѣлился Калединъ... А до тѣхъ поръ?

— До тѣхъ поръ? Побольше крови, побольше терпѣнія! — въ мрачной тишинѣ сказалъ Епифановъ.

— Увы и такъ слишкомъ много льется крови, — отвѣчалъ Атаманъ.

— Надо поступать такъ, какъ поступаетъ Добровольческая Армія, — то-есть уходить отъ нѣмцевъ, — продолжалъ развивать свою мысль Епифановъ.

— Хорошо Добровольческой Арміи, у нея нѣтъ ни земли, ни народа, она можетъ идти хотя до Индіи, но куда я пойду со станицами, хуторами, со стариками и дѣтьми. Нѣтъ, кто бы ни пришелъ сюда, — сказалъ атаманъ, — я останусь въ Новочеркасскѣ и не выдамъ Донского войска.

— А у меня уже на этотъ случай и чемоданъ уложенъ, — съ ироніей сказалъ Епифановъ.

Атамана поддержалъ только предсѣдатель Круга Спасенія Дона Г. П. Яновъ.

Другой разъ, уже во время сессій августовскаго Круга, Атаманъ, отвѣчая на нападки въ сношеніяхъ съ нѣмцами и слыша, что ему ставятъ въ примѣръ голубиную чистоту Добровольческой Арміи, которая на знамени своемъ неизмѣнно носитъ непоколебимую вѣрность союзникамъ — воскликнулъ: —

— «Да, да, господа! Добровольческая Армія чиста и непогрѣшима. Но вѣдь это я, донской Атаманъ, своими грязными руками беру нѣмецкіе снаряды и патроны, омываю ихъ въ волнахъ Тихаго Дона и чистенькими передаю Добровольческой Арміи! — Весь позоръ этого дѣла лежитъ на мнѣ!»

Буря апплодисментовъ покрыла слова Атамана. Нападки за «германскую оріентацію» прекратилась.

Нелегки были и отношенія съ самими нѣмцами. Атаманъ не хотѣлъ, чтобы германское командованіе имѣло хотя бы какой-нибудь намекъ, что оно имѣетъ вліяніе на управленіе Дономъ. Поэтому никакихъ миссій, никакихъ представителей отъ нѣмцевъ въ Новочеркасскѣ допущено не было. Донъ считается съ фактомъ занятія части территоріи германскими войсками, смотритъ на нихъ не какъ на враговъ, но какъ на союзниковъ въ борьбѣ съ большевиками и старается использовать ихъ для вооруженія и снабженія всѣми средствами борьбы своей арміи. Такъ было сказано въ первомъ приказѣ Атамана, отданномъ 4-го мая ночью:

... «Въ тяжелые дни общей государственной разрухи приходится мнѣ вступать въ управленіе войскомъ», писалъ Атаманъ... «Вчерашній внѣшній врагъ, австро-германцы, вошли въ предѣлы войска для борьбы въ союзѣ съ нами съ бандами красноармейцевъ и водворенія на Дону полнаго порядка. Далеко не все войско очищено отъ разбойниковъ и темныхъ силъ, которыя смущаютъ простую душу казака»... и далѣе: — ...«Казаки и граждане! Я призываю васъ къ полному спокойствію въ странѣ. Какъ ни тяжело для нашего казачьяго сердца, я требую, чтобы всѣ воздержались отъ какихъ бы то ни было выходокъ по отношенію къ германскимъ войскамъ и смотрѣли бы на нихъ такъ же, какъ на свои части. Зная строгую дисциплину германской арміи, я увѣренъ, что намъ удастся сохранить хорошія отношенія до тѣхъ поръ, пока германцамъ

придется оставаться у насъ для охраны порядка и пока мы не создадимъ своей арміи, которая сможетъ сама охранить личную безопасность и неприкосновенность каждаго гражданина безъ помощи иностранныхъ частей. Нужно помнить, что побѣдилъ насъ не германскій солдатъ, а побѣдили наше невѣжество, темнота и та тяжелая болѣзнь, которая охватила все войско и не только войско, но и всю Россію». *

При посѣщеніи тѣхъ станицъ и желѣзнодорожныхъ станцій, гдѣ были германскіе гарнизоны, Атаманъ требовалъ, чтобы ему выставляли почетный караулъ отъ Донской части, но чтобы на лѣвомъ флангѣ представляющихся чиновъ арміи находились германскіе начальники расквартированныхъ частей.

Нѣмцы отлично понимали, для чего это дѣлается, и сами шли навстрѣчу желаніямъ Атамана. Они, — побѣдители въ данное время, — всѣми силами старались упрочить положеніе Атамана и возвысить его въ глазахъ населенія. И этому иногда мѣшали тѣ темныя силы, которыя были въ интеллигенціи. Одни боролись противъ Атамана потому, что считали его врагомъ революціи и неискренно сочувствующимъ идеѣ народоправства, другіе выступали противъ него «страха ради іудейска», стараясь заслужить въ будущемъ благодарность союзниковъ, большинство же было лично обижено тѣмъ, что они или не получили того высокаго поста, который хотѣли получить, или были сняты съ занимаемаго поста. Всѣ эти люди собрались въ Екатеринодарѣ, при штабѣ генерала Деникина, и, пользуясь тѣми тяжелыми отношеніями, которыя установились между Атаманомъ и Деникинымъ, вели свою работу противъ Атамана и нѣмцевъ, и работа эта скоро возымѣла свои послѣдствія.

Сношенія съ нѣмцами вылились въ опредѣленную форму. Генералъ фонъ Арнимъ 14-го іюня вмѣстѣ со своимъ начальникомъ штаба маіоромъ фонъ Шлейницемъ прибыли въ Новочеркасскъ и представились Атаману, 16-го іюня Атаманъ былъ у нихъ въ Ростовѣ съ отвѣтнымъ визитомъ.

Еще раньше, 5-го іюня, отъ генерала Эйхгорна пріѣзжалъ изъ Кіева маіоръ Стефани, который передалъ о признаніи Атамана германскими властями.

27-го іюня въ Ростовъ прибылъ маіоръ фонъ-Кокенхаузенъ, назначенный оффиціально для сношеній съ Донскимъ Атаманомъ. Сношенія вылились въ чисто дѣловую форму. Установленъ былъ курсъ германской марки въ 75 коп. донской валюты, сдѣлана была расцѣнка Русской винтовки съ 30-ю патронами въ одинъ пудъ пшеницы, или ржи, заключенъ былъ контрактъ на поставку аэроплановъ, орудій, винтовокъ, снарядовъ, патроновъ и т. п., установлено было соглашеніе, что въ случаѣ совмѣстнаго участія германскихъ и донскихъ войскъ половина военной добычи передавалась донскому войску безвозмездно, выработаны были планы дѣйствій подъ Батайскомъ. Наконецъ, нѣмцы со значительными потерями для себя отразили безумную попытку большевиковъ высадиться на Таганрогской косѣ и занять Таганрогъ. Нѣмцы не особенно охотно вступали въ бои съ большевиками, но тогда, когда боевая обстановка этого требовала, они дѣйствовали вполнѣ рѣшительно, и донцы могли быть совершенно спокойны за ту полосу, которая была занята нѣмецкими войсками. Вся западная граница съ Украиной отъ Кантемировки до Азовскаго моря, длиною болѣе 500 верстъ, была совершенно безопасна и донское правительство не держало здѣсь ни одного солдата.

---

* Приказъ Всевеликому войску Донскому № 1, 4/17 мая 1918 года.

Сначала германское командованіе не обращало вниманія на то, что офицеры ѣдутъ изъ Украины въ Добровольческую Армію, и даже оказывало имъ содѣйствіе въ этомъ, оно пропускало снаряженіе одинаково, какъ на Донъ, такъ и на Кубань и въ Добровольческую Армію. Но, когда послѣ взятія добровольцами Екатеринодара туда прибылъ бывшій редакторъ «Кіевлянина» Шульгинъ, а во главѣ отдѣла внѣшнихъ сношеній сталъ генералъ А. М. Драгомировъ, въ Екатеринодарѣ стали появляться въ газетахъ статьи съ призывомъ объявленія войны Украинѣ и изгнанія нѣмцевъ. Маіоръ фонъ-Кокенхаузенъ обратился къ Донскому Атаману съ просьбой повліять на генерала Деникина въ томъ смыслѣ, чтобы онъ прекратилъ газетную травлю гетмана Скоропадскаго и возбуждающія противъ нѣмцевъ статьи. Генералъ Деникинъ не обратилъ вниманія на просьбу Атамана, и тогда нѣмцы стали дѣлать затрудненія офицерамъ въ проѣздѣ къ Деникину, поставили Атаману условіе, чтобы выдаваемое ему оружіе и снаряды не были отправляемы въ Добровольческую Армію. Для наблюденія за этимъ въ селеніи Батайскъ нѣмцами была поставлена застава. Войско Донское продолжало, однако, снабжать Добровольческую Армію и оружіемъ, и патронами, посылая часть того, что получало, Деникину, минуя нѣмцевъ, черезъ Новочеркасскъ и далѣе степью на грузовыхъ автомобиляхъ на станцію Кагальницкую. Нѣмцы знали про это, но закрывали на это глаза.

Но къ Добровольческой Арміи отношенія нѣмцевъ рѣзко измѣнились. Нѣмцы стали считать генерала Деникина своимъ врагомъ и въ противовѣсъ Добровольческой Арміи стали формировать Южную Армію и Астраханскій корпусъ. Формированія эти, по причинамъ, которыя будутъ указаны ниже, успѣха не имѣли.

За первые полтора мѣсяца нѣмцы передали Дону, Кубанцамъ и Добровольческой Арміи 11.651 трехъ-линейную винтовку, 46 орудій, 88 пулеметовъ, 109.104 артиллерійскихъ снаряда и 11.594.721 ружейныхъ патроновъ. Треть артиллерійскихъ снарядовъ и одна четверть патроновъ были уступлены Дономъ Добровольческой Арміи.

Въ серединѣ іюня на Дону распространились слухи о томъ, что чехословаки занимаютъ Саратовъ, Царицынъ и Астрахань съ цѣлью образовать по Волгѣ «восточный фронтъ» для наступленія на Германію. Какъ ни были невѣроятны эти слухи, тѣмъ не менѣе они взволновали германское командованіе, и 27-го іюня въ Новочеркасскъ къ Атаману прибыли маіоры фонъ Стефани, фонъ Шлейницъ и Кокенхаузенъ. Разговоръ происходилъ въ присутствіи предсѣдателя совѣта управляющихъ генерала Богаевскаго. Нѣмецкое командованіе заявило Атаману, что оно всѣми силами, до вооруженнаго вмѣшательства, поддерживало и помогало Донскому войску въ его борьбѣ съ большевиками, что оно готово и впредь оказывать эту помощь, что германское командованіе отстаиваетъ передъ Украиной неприкосновенность границъ войска Донского и Германія считаетъ себя союзницей Донскихъ казаковъ въ борьбѣ съ большевиками. Со стороны же Донского войска нѣмцы видятъ только холодное отношеніе къ себѣ. Теперь, когда создается опасность войны на востокѣ, когда на Волжскомъ фронтѣ можетъ образоваться чехо-словацкій фронтъ, который союзники могутъ использовать для своего наступленія, Германія хотѣла бы знать, какую политику поведетъ въ этомъ случаѣ Донское войско, Кубань и вообще юго-восточный союзъ.

Это были дни, когда войско Донское только что начало освобождаться отъ большевиковъ. Оно по прежнему было одиноко въ борьбѣ. Нѣмца

помогали оружіемъ, но живою силою помогать избѣгали. Добровольческая Армія и Кубанцы были заняты своимъ дѣломъ и настолько мало интересовались Дономъ, что какъ разъ въ эти дни части Добровольческой Арміи, обезпечивающія Кагальницкую и Мечетинскую станицы, по стратегическимъ соображеніямъ безъ увѣдомленія о томъ Донского Атамана были сняты, и угроза висѣла надъ Новочеркасскомъ.

Сказать германцамъ, что войско Донское примкнетъ къ чехословакамъ и пойдетъ войною на нѣмцевъ — значило, въ лучшемъ случаѣ, лишиться и послѣдней помощи, въ худшемъ, быть раздавленными нѣмцами, потому что казаки опредѣленно заявляли, что воевать съ нѣмцами они не будутъ. Атаманъ не вѣрилъ въ это чехословацкое наступленіе. Фронтъ его войскъ былъ всего въ 60 верстахъ отъ Царицына. Неужели же на фронтѣ не знали бы, что Царицынъ уже не въ рукахъ большевиковъ!? Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, Атаманъ заявилъ маіору фонъ Стефани, что Донъ останется нейтральнымъ и не допуститъ войны на своей территоріи. Онъ не пропуститъ ни чехословаковъ черезъ свои земли и не позволитъ нѣмцамъ дѣлать Донъ ареной борьбы съ чехословаками. Атаманъ въ этомъ случаѣ говорилъ то, чего хотѣли казаки. Они хотѣли мира, но не войны. Атаманъ не строилъ себѣ иллюзій, не бряцалъ оружіемъ, не становился въ Донъ-Кихотскую позу, но печально и твердо смотрѣлъ на то, что происходитъ. Онъ не имѣлъ арміи солдатъ въ точномъ значеніи этого смысла, то-есть людей, которыхъ можно двинуть, куда угодно, и которые пойдутъ умирать за своимъ вождемъ, не спрашивая, во имя чего. Онъ имѣлъ народную армію и долженъ былъ считаться съ мнѣніемъ народа. Народъ не хотѣлъ войны, но хотѣлъ мира. Нейтралитетъ Дона усилилъ бы и укрѣпилъ его физически, а этого только и желали казаки. И Атаманъ отвѣтилъ то, что думалъ донской народъ.

Представители германскаго командованія удовлетворились его отвѣтомъ, но пожелали, чтобы это были не только слова, но, чтобы они были закрѣплены въ письменной формѣ. Было рѣшено, что Атаманъ напишетъ Германскому Императору письмо, въ которомъ выскажетъ свои взгляды на отношенія къ Германіи.

28-го іюня Атаманомъ было составлено слѣдующее письмо главѣ Германскаго народа:

— «Ваше Императорское и Королевское Величество. Податель сего письма, Атаманъ Зимовой станицы (посланникъ) Всевеликаго войска Донского при Дворѣ Вашего Императорскаго Величества и его товарищи уполномочены мною, Донскимъ Атаманомъ, привѣтствовать Ваше Императорское Величество, могущественнаго монарха великой Германіи и передать нижеслѣдующее:

«Два мѣсяца борьбы доблестныхъ Донскихъ казаковъ, которую они ведутъ за свободу своей Родины съ такимъ мужествомъ, съ какимъ въ недавнее время вели противъ англичанъ родственные германскому народу буры, увѣнчались на всѣхъ фронтахъ нашего государства полной побѣдой и нынѣ земля Всевеликаго войска Донского на девять десятыхъ освобождена отъ дикихъ красногвардейскихъ бандъ.

Государственный порядокъ внутри страны окрѣпъ и установилась полная законность. Благодаря дружеской помощи войскъ Вашего Императорскаго Величества создалась тишина на югѣ войска и мною приготовленъ корпусъ казаковъ для поддержанія порядка внутри страны и воспрепятствованія натиску враговъ извнѣ. Молодому государственному организму, каковымъ въ настоящее время является Донское войско, трудно существовать одному и поэтому оно

заключило тѣсный союзъ съ главами Астраханскаго и Кубанскаго войскъ, полковникомъ княземъ Тундутовымъ и полковникомъ Филимоновымъ, съ тѣмъ, чтобы по очищенію земли Астраханскаго войска и Кубанской области отъ большевиковъ составить прочное государственное образованіе на началахъ федераціи изъ Всевеликаго войска Донского, Астраханскаго войска съ калмыками Ставропольской губерніи, Кубанскаго войска, а впослѣдствіи по мѣрѣ освобожденія и Терскаго войска, а также народовъ Сѣвернаго Кавказа. Согласіе всѣхъ этихъ державъ имѣется и вновь образуемое государство въ полномъ согласіи со Всевеликимъ войскомъ Донскимъ рѣшило не допускать до того, чтобы земли его стали ареной кровавыхъ столкновеній и обязались держать полный нейтралитетъ.

«Атаманъ зимовой станицы нашей при дворѣ Вашего Императорскаго Величества уполномоченъ мною просить Ваше Императорское Величество признать права Всевеликаго войска Донского на самостоятельное существованіе, а по мѣрѣ освобожденія послѣднихъ Кубанскаго, Астраханскаго и Терскаго войскъ и Сѣвернаго Кавказа, право на самостоятельное существованіе и всей федераціи подъ именемъ Доно-Кавказскаго союза.

«Просить признать Ваше Императорское Величество границы Всевеликаго войска Донского въ прежнихъ географическихъ и этнографическихъ его размѣрахъ, помочь разрѣшенію спора между Украиной и войскомъ Донскимъ изъ-за Таганрога и его Округа въ пользу войска Донского, которое владѣетъ Таганрогскимъ Округомъ болѣе пятисотъ лѣтъ и для котораго Таганрогскій Округъ является частью Тмутаракани, отъ которой и стало войско Донское.

«Просить Ваше Величество содѣйствовать къ присоединенію къ войску по стратегическимъ соображеніямъ городовъ Камышина и Царицына Саратовской губерніи и города Воронежа и станціи Лиски и Поворино и провести границу войска Донского, какъ это указано на картѣ, имѣющейся въ Зимовой станицѣ.

«Просить Ваше Величество оказать давленіе на совѣтскія власти Москвы и заставить ихъ своимъ приказомъ очистить предѣлы Всевеликаго войска Донского и другихъ державъ, имѣющихъ войти въ Доно-Кавказскій союзъ, отъ разбойничьихъ отрядовъ красной гвардіи и дать возможность возстановить нормальныя, мирныя отношенія между Москвой и войскомъ Донскимъ. Всѣ убытки населенія войска Донского, торговли и промышленности, происшедшіе отъ нашествія большевиковъ, должны быть возмѣщены Совѣтской Россіей.

«Просить Ваше Императорское Величество помочь молодому нашему государству орудіями, ружьями, боевыми припасами и инженернымъ имуществомъ, и если признаете это выгоднымъ, устроить въ предѣлахъ войска Донского орудійный, ружейный, снарядный и патронный заводы.

«Всевеликое войско Донское и прочія государства Доно-Кавказскаго Союза не забудутъ дружеской услуги Германскаго народа, съ которымъ казаки бились плечомъ къ плечу еще во время Тридцатилѣтней войны, когда Донскіе полки находились въ рядахъ арміи Валленштейна, а въ 1807 и въ 1813 годахъ Донскіе казаки со своимъ Атаманомъ графомъ Платовымъ боролись за свободу Германіи. И теперь почти за $3^1/_2$ года кровавой войны на поляхъ Пруссіи, Галиціи, Буковины и Польши казаки и германцы взаимно научились уважать храбрость и стойкость своихъ войскъ и нынѣ, протянувъ другъ другу руки, какъ два благородныхъ бойца, борются вмѣстѣ за свободу родного Дона.

«Всевеликое войско Донское обязуется за услугу Вашего Императорскаго Величества соблюдать полный нейтралитетъ во время міровой борьбы народовъ

и не допускать на свою территорію враждебныя германскому народу вооруженныя силы, на что дали свое согласіе и Атаманъ Астраханскаго войска кн. Тундутовъ и Кубанское Правительство, а по присоединеніи остальныя части Доно-Кавказскаго Союза.

«Всевеликое войско Донское предоставляетъ Германской Имперіи права преимущественнаго вывоза избытковъ за удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей хлѣба, зерномъ и мукой, кожевенныхъ товаровъ и сырья, шерсти, рыбныхъ товаровъ, растительныхъ и животныхъ жировъ и масла и издѣлій изъ нихъ, табачныхъ товаровъ и издѣлій, скота и лошадей, вина винограднаго и другихъ продуктовъ садоводства и земледѣлія, взамѣнъ чего Германская Имперія доставитъ сельскохозяйственныя машины, химическіе продукты и дубильные экстракты, оборудованіе экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ съ соотвѣтствующимъ запасомъ матеріаловъ, оборудованіе суконныхъ, хлопчатобумажныхъ, кожевенныхъ, химическихъ, сахарныхъ и другихъ заводовъ и электротехническія принадлежности.

«Кромѣ того правительство Всевеликаго войска Донского предоставитъ Германской промышленности особыя льготы по помѣщенію капиталовъ въ Донскія предпріятія промышленныя и торговыя, въ частности по устройству и эксплоатаціи новыхъ водныхъ и иныхъ путей.

«Тѣсный договоръ сулитъ взаимныя выгоды, и дружба, спаянная кровью, пролитой на общихъ поляхъ сраженій воинственными народами германцевъ и казаковъ, станетъ могучей силой для борьбы со всѣми нашими врагами.

«Къ Вашему Императорскому Величеству обращается съ этимъ письмомъ не дипломатъ и тонкій знатокъ международнаго права, но солдатъ, привыкшій въ честномъ бою уважать силу Германскаго оружія, а поэтому прошу простить прямоту моего тона, чуждую всякихъ ухищреній и прошу вѣрить въ искренность моихъ чувствъ. Уважающій васъ Петръ Красновъ, Донской Атаманъ, генералъ-маіоръ.» *

Письмо это было разсмотрѣно 2-го іюня въ Совѣтѣ Управляющихъ Отдѣлами. Отношеніе къ нему было сдержанное, скорѣе даже отрицательное. Пренія и редакціонныя поправки затянулись до 10 часовъ вечера. Послѣ доклада Командующаго войсками о томъ тяжеломъ положеніи, въ которомъ находятся войска не только Донской, но и Добровольческой Арміи, о полной зависимости отъ того, будутъ ли эти арміи въ достаточномъ количествѣ и своевременно снабжены патронами и снарядами, Совѣтъ Управляющихъ одобрилъ это письмо.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ Атаманъ, — всю отвѣтственность за это письмо я беру на себя. Независимо отъ Вашего мнѣнія я отправлю это письмо, потому что въ немъ вижу спасеніе Дона, и слѣдовательно, и Россіи, такъ какъ судьбы одного тѣсно связаны съ судьбами другой и для меня они не раздѣлимы. Приближается время уборки урожая. Если при помощи нѣмцевъ намъ удастся добиться того, что большевики дадутъ передышку на фронтахъ — мы справимся, если этой передышки не будетъ, мы рискуемъ, что казаки будутъ покидать фронтъ и передаваться Совѣтскимъ войскамъ. Что касается союзниковъ, то въ случаѣ ихъ побѣды, неужели они не поймутъ, что нашъ нейтралитетъ былъ вынужденнымъ? И, если не поймутъ, то пусть судятъ меня, меня одного . . .

---

* Текстъ взятъ изъ разосланнаго г. М. В. Родзянко письма, почему за точность выраженій не ручаемся. Содержаніе же вѣрно.

5-го іюля герцогъ Н. Н. Лейхтенбергскій, назначенный атаманомъ Зимовой станицы въ Берлинѣ, поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ генераломъ Черячукинымъ и вмѣстѣ съ нимъ ѣхать дальше.

Глава V

Результаты письма Императору Вильгельму. — Активная помощь Дону. — Возстановленіе старыхъ границъ земли войска Донского. — Ослабленіе натиска большевиковъ. — Большой войсковой Кругъ. — Интриги противъ Атамана. — Вмѣшательство нѣмцевъ. — Атаманъ Красновъ вторично избранъ Атаманомъ.

Письмо это имѣло громадныя послѣдствія.

29-го іюля Украина сообщила о признаніи старыхъ границъ Донского войска и Донскія власти вошли въ Таганрогъ и Таганрогскій округъ. Натискъ большевиковъ дѣйствительно ослабѣлъ и Донскія войска вышли за предѣлы Земли войска Донского и побѣдоносно вступили въ Воронежскую и Саратовскую губерніи. Германскіе гарнизоны были поставлены въ зависимость отъ Атамана и оставались лишь тамъ, гдѣ Атаманъ считалъ ихъ присутствіе необходимымъ. Такимъ образомъ они вскорѣ покинули Донецкій Округъ и оставались только въ Ростовѣ и Таганрогѣ, гдѣ Атаманъ находилъ ихъ присутствіе необходимымъ до тѣхъ поръ, пока полки молодой Донской арміи не будутъ въ состояніи ихъ смѣнить. Въ Ростовѣ была образована смѣшанная Доно-Германская экспортная комиссія, нѣчто вродѣ торговой палаты, и Донъ началъ получать сначала сахаръ изъ Украины, а затѣмъ долженъ былъ получить всѣ просимые имъ товары изъ Германіи. Въ войско Донское были отправлены тяжелыя орудія, въ посылкѣ которыхъ до этого времени германцы отказывали. Наконецъ, германское командованіе предложило участіе своихъ войскъ для операціи по овладѣнію Царицынымъ, но Атаманъ это предложеніе отклонилъ, надѣясь, что Добровольческая армія, какъ это было условлено въ Манычской 15-го мая, по овладѣніи Екатеринодаромъ, перейдетъ въ наступленіе на сѣверъ и вмѣстѣ съ донцами овладѣетъ Царицынымъ. Донъ былъ весь свободенъ отъ большевиковъ и достигъ большого процвѣтанія внутри. Атаманъ созвалъ большой войсковой Кругъ на 15 августа. Германцы были настолько внимательны къ Атаману, что въ районѣ ими занимаемомъ сами слѣдили за охраненіемъ внутренняго порядка во время выборовъ на Кругъ . . .

Все это были положительные результаты письма и тѣхъ переговоровъ, которые велись герцогомъ Лейхтенбергскимъ и генераломъ Черячукинымъ въ эти трудные дни. Это было время послѣдняго германскаго наступленія на Парижъ, и гордые своими побѣдами нѣмцы возили генерала Черячукина на позиціи, гдѣ онъ лично могъ убѣдиться въ силѣ и мощи германской арміи и страшномъ могуществѣ ея артиллеріи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, письмо это было употреблено во вредъ Атаману. Вслѣдствіе предательства отдѣла иностранныхъ дѣлъ, гдѣ письмо это переводилось и печаталось, копія этого письма попала въ руки враждебной Атаману партіи. Она была размножена съ соотвѣтствующими комментаріями и послана во всѣ станицы для того, чтобы повліять на окружные круги, гдѣ обсуждались кандидаты въ Атаманы. Наконецъ, оно было напечатано въ Екатеринодарскихъ газетахъ.

Донского Атамана обвиняли въ измѣнѣ Россіи, въ предательствѣ Дона нѣмцамъ, въ страшной «германской оріентаціи». Агитаторы изъ Екатеринодара поѣхали по станицамъ и прямо говорили, что Атаманъ продалъ Донъ нѣмцамъ.

Но агитація эта не имѣла успѣха. Простымъ умомъ своимъ донской казакъ понялъ одно, что Атаманъ стремится всѣми силами дать миръ и благосостояніе Донскому войску и считается съ силами его, тѣ же, кто говоритъ противъ Атамана, стараются вовлечь его въ безконечныя войны и заставить служить для союзниковъ. — «Что говорить пустое о вѣрности союзникамъ», — говорили казаки. — «Кто измѣнилъ — Россія союзникамъ, или союзники Россіи? Кабы союзники то были вѣрны Россіи, развѣ-жъ они допустили бы такую бѣду! Или они и сами измѣнники, или они такъ слабы, что намъ съ ними нечего дѣлать. То-то добровольческая армія вѣрна союзникамъ, а какъ что — патроны, или снаряды — отъ насъ беретъ. Небось союзники то ей ничего не дали!» — и слова агитаціи разбивались о то, что казаки видѣли своими глазами.

А видѣли они свободныя отъ красной арміи станицы, гдѣ собирали рѣдкій по размѣрамъ урожай, видѣли они сахаръ съ нѣмецкими бандеролями, видѣли тяжелыя нѣмецкія пушки, запряженныя восьмерками донскихъ лошадей, видѣли они свою молодую, прекрасно одѣтую, выправленную и обученную армію, видѣли постепенный привозъ товаровъ. Они видѣли свое донское мыло, донское стекло, донское сукно. Слышали они о широкихъ планахъ Атамана, знали они, что крупные Московскіе капиталисты хотятъ на Дону устроить фабрики для Донскихъ казаковъ, и знали одно про Атамана, что Атаманъ крѣпко любитъ Донъ и душу свою готовъ отдать за него. Это они твердо знали про Атамана.

Кругъ собрался 15-го августа. Это уже не былъ сплошной, однородный сѣрый Кругъ, какимъ былъ Кругъ спасенія Дона. Интеллигенція и то, что еще хуже, полуинтеллигенція, народные учителя, мелкіе адвокаты, вошли въ него, сумѣли овладѣть умами казаковъ, и Кругъ разбился уже не только географически по округамъ и по станицамъ, но и по политическимъ партіямъ. Предсѣдателемъ Круга былъ не пылкій патріотъ Яновъ, вся вѣра котораго заключалась въ горячей любви къ Донскому войску и казаку, но лидеръ кадетской партіи В. А. Харламовъ, бывшій членомъ Россійской Государственной Думы, опытный парламентарій, искушенный въ политической борьбѣ. Партіи, настроенныя противъ Атамана, повели свою подпольную работу. Несмотря на то, что въ первомъ же засѣданіи, 16-го августа, Атаманъ просилъ о сложеніи своихъ полномочій и перевыборахъ Атамана, какъ то рѣшено было еще Кругомъ Спасенія Дона, Кругъ тянулъ съ выборами. Партія, враждебная Атаману, видѣла восторженное отношеніе къ Атаману, слышала громовые крики ура! при встрѣчѣ его и аплодисменты послѣ его рѣчей, и она приложила всѣ усилія, чтобы измѣнить настроеніе Круга.

Управляющій Отдѣломъ Иностранныхъ Дѣлъ генералъ-маіоръ Богаевскій, выставляемый Добровольческой Арміей, какъ кандидатъ въ Атаманы, сдавая передъ Кругомъ отчетъ о работѣ отдѣла, упомянулъ и о письмѣ Императору Вильгельму, написанномъ единолично Атаманомъ. Письму была придана особая таинственность. Это было сдѣлано съ цѣлью повліять на умы сѣрой части Круга и пошатнуть ея довѣріе къ Атаману.

Послѣ рѣчи А. П. Богаевскаго всталъ Атаманъ и громко, и четко прочелъ Кругу свое письмо Императору Вильгельму и заявилъ, что всю отвѣтственность за него онъ беретъ на себя.

Въ засѣданіи 24-го августа Кругъ постановилъ:

— «Одобрить общее въ отношеніи центральныхъ державъ направленіе политики Правительства, основанной на принципѣ взаимнаго и равноправнаго удовлетворенія обѣихъ сторонъ въ практическихъ вопросахъ, выдвигаемыхъ жизнью, безъ вовлеченія Дона въ борьбу ни за, ни противъ Германіи.

«Привѣтствовать наладившіяся добрососѣдскія отношенія съ родственной Украиной и указать Правительству на необходимость дальнѣйшаго сближенія въ общихъ интересахъ Дона и Украины». *

Народная мудрость и національный эгоизмъ одержали верхъ надъ хитрыми выпадками политическихъ партій. Побѣда осталась за Атаманомъ. Одновременно политическіе враги шли по другому пути, болѣе опасному для Атамана. Благодаря большевистской и соціалистической пропагандѣ слово Царь было все еще жупеломъ для многихъ людей и изъ сѣрой части Круга. Съ именемъ Царя неразрывно связывали представленіе о суровомъ взиманіи податей, о продажѣ за долги государству послѣдней коровенки, о засиліи «помѣщиковъ и капиталистовъ», о бѣлопогонникахъ офицерахъ и объ «офицерской палкѣ». Царь и монархія противопоставлялись понятію свобода. Между тѣмъ Атаманъ служилъ торжественную панихиду по звѣрски убитомъ большевиками Царѣ и отдалъ объ этомъ приказъ, оффиціозная газета «Донской Край» редактировалась опытнымъ и талантливымъ писателемъ И. А. Родіоновымъ, считавшимся ярымъ монархистомъ, и въ ней помѣщались статьи, говорившія благожелательно о возстановленіи монархіи въ Россіи. Для членовъ Круга, желавшихъ свалить Атамана, была благодарная почва, и 18-го августа было весьма бурное засѣданіе, гдѣ лѣвыя партіи требовали немедленной смѣны редактора Родіонова. Имъ удалось такъ разжечь настроеніе на Кругу, что Атаманъ не счелъ возможнымъ оставаться на своемъ посту. 20-го августа Атаманъ попросилъ слова и сказалъ слѣдующую рѣчь:

«Господа, съ чувствомъ грусти и сердечной боли вхожу я на эту трибуну. Съ нея третьяго дня были брошены громкія, заѣзженныя слова — къ прошлому возврата нѣтъ! и весь кругъ дружно апплодировалъ этимъ словамъ.

«Господа, о какомъ прошломъ здѣсь говорилось? потому что у насъ, у казаковъ было три прошлыхъ.

«Одно давнее, славное прошлое, когда были казаки вольными людьми, имѣли свое выборное правительство и своего выборнаго Атамана. Они жили тогда у себя на Дону сами по себѣ и въ чужія дѣла не мѣшались. «Здравствуй Царь въ Кременной Москвѣ, а мы казаки на Тихомъ Дону», — гордо говорили они посланникамъ Царя Московскаго и сами слали свои Зимовыя станицы, то-есть посольства, въ Царскую Москву. Царь не воленъ былъ тогда распоряжаться казачьими головами, но только Кругъ Войсковой и Донской Атаманъ. И было войско Донское тогда Всевеликимъ войскомъ Донскимъ.

«Знаемъ мы и другое прошлое. Тоже славное, но и тяжелое, подневольное. Сидѣли у насъ на Дону наказные Атаманы изъ Россіи, служили мы на задворкахъ Россійской конницы, спасали Россію и отъ француза, и отъ турка, держали порядокъ въ Россіи, и Русскій народъ звалъ насъ въ благодарность за это **палачами, опричниками и нагаечниками.**

---

* Г. Щепкинъ. «Донской Атаманъ ген.-отъ кав. П. Н. Красновъ», Новочеркасскъ 1919 г., стр. 74.

«Знаемъ мы и недавнее страшное прошлое, алою братскою кровью залитое и краснымъ знаменемъ прикрытое, когда правили вами и помыкали, и измывались надъ вами комиссары и совѣты.

«Я васъ велъ къ тому отдаленному прошлому, когда войско Донское было Всевеликимъ войскомъ Донскимъ. Я до мелочей воскрешалъ въ вашей памяти старый укладъ вольнаго Тихаго Дона и будилъ гордость казачью.

«Тѣ же, кто восклицалъ третьяго дня: «къ прошлому возврата нѣтъ», ведутъ васъ къ страшному кровавому прошлому совѣтовъ».

Далѣе Атаманъ говорилъ о разложенiи въ Армiи, вызванномъ отчасти пропагандой. идущей изнутри войска, о томъ, что Царицынскiй фронтъ уже пошатнулся. Онъ говорилъ объ усталости въ войскахъ, о томъ, что только твердая власть можетъ удержать на мѣстахъ слабовольныхъ и легковѣрныхъ, о невозможности шатать эту власть. Атаманъ горячо заступился за Родiонова, какъ за писателя, имѣющаго громкую славу. Атаманъ горько упрекалъ Кругъ за то, что на Кругу говорили о томъ, что Атаманъ отдалъ помимо Круга приказъ о мобилизацiи еще трехъ возрастовъ. Народъ прислушивается къ тому, что дѣлается на Кругу, и такими рѣчами шатается войско, ибо не вѣритъ власти.

— «Когда», — закончилъ свою рѣчь Атаманъ, принимая изъ рукъ войскового есаула принесенный ему тяжелый золотой атаманскiй перначъ и, стоя передъ Кругомъ, уже съ перначемъ въ рукахъ, — «управляющiй видитъ, что хозяинъ недоволенъ его работой, да мало того, что недоволенъ, но когда хозяинъ разрушаетъ сдѣланное управляющимъ и съ корнемъ вырываетъ молодыя посадки, которыя онъ съ такимъ трудомъ сдѣлалъ — онъ уходитъ! Это его долгъ! Ухожу и я, но считаю своимъ долгомъ, предупредить васъ, что Атаманскiй перначъ очень тяжелъ, и не совѣтую вамъ вручать его въ слабыя руки!»

Съ этими словами Атаманъ съ такой силой бросилъ перначъ на столъ, что онъ расколoлъ верхнюю доску, и ушелъ изъ зала засѣданiй.

На Кругу царило гробовое молчанiе. И сейчасъ же заволновалось большинство. Сѣрая часть Круга, станичники и фронтовые казаки почувствовали себя, какъ стадо безъ пастыря, и на Кругу раздались крики: — «Вернуть, вернуть Атамана!»

Депутацiя отъ Круга во главѣ съ предсѣдателемъ его поѣхала во Дворецъ и уговорила Атамана вернуться и оставаться на посту впредь до выборовъ. Атаманъ согласился, но просилъ ускорить выборы. Этотъ случай еще разъ показалъ противникамъ Атамана его силу и его популярность, и они рѣшили вопреки его просьбамъ оттянуть выборы.

Германское командованiе съ глубокимъ интересомъ слѣдило за всѣмъ происходящимъ на Кругу. Нѣмцы волновались оттяжкой выборовъ, они видѣли разлагающее дѣйствiе Круга на Армiю и, несмотря на всю свою сдержанность, рѣшили предупредить Атамана, что если Донъ станетъ опять ареной политической игры, то они откажутся ему помогать.

4-го сентября маiоръ Кокенхаузенъ писалъ изъ Ростова:

«An den Ataman des Allgroßen Donschen Heeres, Herrn General der Kavallerie Krasnow».

... «Имѣю честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что за послѣднее время высшему командованiю въ Кiевѣ сталъ извѣстенъ цѣлый рядъ событiй на Дону, произведшихъ тамъ очень нехорошее впечатлѣнiе.

Прежде всего удивляются, что выборы Атамана, назначенные на 23-е августа, не состоялись и отложены на неопредѣленный срокъ. Въ то время, какъ на фронтѣ въ тяжелой борьбѣ съ большевиками дерутся доблестныя и храбрыя войска Вашего Высокопревосходительства, вы и ваши министры отвлекаются отъ работы скучными и длинными засѣданіями на Кругу. Высшее командованіе боится, что ваше твердое и самостоятельное управленіе страной тормозится Кругомъ, его продолжительными спорами изъ-за внутреннихъ конституціонныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что враждебно настроенная Вашему Высокопревосходительству партія стремится урѣзать полноту власти, вамъ данной.

«Нѣмецкое высшее командованіе не хочетъ вмѣшиваться во внутреннюю политику Дона, но не можетъ умалчивать, что ослабленіе власти Атамана вызоветъ менѣе дружеское отношеніе къ Дону германцевъ.

«Высшее германское командованіе проситъ васъ, потребовать немедленнаго выбора Атамана, которымъ несомнѣнно будете избраны вы, Ваше Высокопревосходительство (судя по всему тому, что намъ извѣстно), чтобы скорѣе приняться за работу и твердо вести Всевеликое войско Донское къ устроенію его.

«Далѣе получено извѣстіе, что генералъ-лейтенантъ Богаевскій въ одномъ изъ засѣданій Круга, на которомъ Ваше Высокопревосходительство не присутствовали, осуждалъ Вашу дѣятельность и все большое строительство на Дону въ этотъ короткій срокъ приписывалъ исключительно себѣ. Въ другомъ засѣданіи онъ пытался ослабить рѣчь генерала Черячукина, который безпристрастно описалъ положеніе дѣлъ на западномъ фронтѣ. Генералъ Богаевскій выражалъ сомнѣніе въ окончательной побѣдѣ германцевъ и указывалъ на близкое осуществленіе союзническаго восточнаго фронта. На выводъ нашихъ войскъ изъ Таганрога онъ указалъ, какъ на послѣдствіе нашихъ неудачъ на западномъ фронтѣ, между тѣмъ, какъ съ нашей стороны это было только доказательствомъ нашихъ дружескихъ и добрососѣдскихъ отношеній.

«Откровенно говоря, мнѣ очень непріятно обращать вниманіе Вашего Высокопревосходительства на отзывы Вашего предсѣдателя министровъ, тѣмъ болѣе, что генералъ-лейтенантъ Богаевскій не разъ увѣрялъ меня въ своемъ дружескомъ расположеніи къ нѣмцамъ.

«Я считаю себя все-таки обязаннымъ поставить Васъ въ извѣстность и предупредить, что если мнѣніе г. предсѣдателя министровъ дѣйствительно таково, то высшее командованіе германцевъ приметъ согласно съ этимъ свои мѣры. Я еще пока не доносилъ объ этомъ высшему командованію въ Кіевѣ, но буду принужденъ сдѣлать это, если въ будущемъ дойдутъ до меня слухи о враждебномъ отношеніи къ нѣмцамъ г. предсѣдателя . . .

. . . «Я не могу скрыть отъ Васъ, что всѣ эти извѣстія не могутъ произвести хорошаго впечатлѣнія въ Кіевѣ, тѣмъ болѣе, что высшее командованіе, очистивъ Таганрогъ, допустивъ туда донскую стражу, снабжая Донъ оружіемъ и политически воздѣйствуя на совѣтскую власть на сѣверномъ фронтѣ, явно выказало высшую предупредительность.

«Отсрочка выборовъ Атамана даетъ возможность агитировать враждебнымъ нѣмцамъ элементамъ, и я боюсь, что высшее командованіе сдѣлаетъ свои выводы и прекратитъ снабженіе оружіемъ. Примите увѣренія въ моемъ совершенномъ уваженіи. Вашего Высокопревосходительства покорный слуга фонъ Кокенхаузенъ, маіоръ генеральнаго штаба» . . .

Изъ этого письма видно, что къ этому времени на Дону намѣтились два кандидата въ Атаманы — генералъ Красновъ — «германской оріентаціи»,

сторонникъ свободнаго Дона, и генералъ Богаевскій — «союзнической оріентаціи», сторонникъ подчиненія генералу Деникину.

12-го сентября, наконецъ, Кругъ приступилъ къ выборамъ Атамана.

Въ 1-мъ часу ночи 13-го сентября закончился подсчетъ записокъ, поданныхъ для выборовъ Атамана. Изъ 338 записокъ 234 было подано за генерала Краснова, 70 за генерала Богаевскаго, 33 записки пустыхъ и одна за войскового старшину Янова...

Атаманъ Красновъ остался на своемъ посту.

Глава VI

«Оріентація» Атамана. — Его взглядъ на союзниковъ по рѣчамъ и дѣйствіямъ. — Отношеніе къ нѣмцамъ. — «Самостійность» Атамана. — Подготовка къ движенію для освобожденія Москвы.

Былъ ли дѣйствительно Атаманъ «германской оріентаціи» и самостійникомъ? Этотъ вопросъ тогда занималъ многихъ, на этомъ строилось тогда обвиненіе Атамана Добровольческою арміею, изъ-за этого войску Донскому не была оказана своевременная помощь ни союзниками, ни Добровольческой арміей, изъ-за этого Атаману пришлось уйти со своего поста, не докончивъ начатаго дѣла. Если обвиненіе въ союзнической оріентаціи для Русскаго человѣка и истиннаго патріота далеко не лестно, то тѣмъ болѣе обвиненіе въ приверженности ко вчерашнимъ нашимъ врагамъ, ненависть къ которымъ искусственно воспитывалась въ теченіе всей войны, является тяжкимъ обвиненіемъ. Это обвиненіе было пущено врагами Атамана, собравшимися въ Екатеринодарѣ, — Сидоринымъ и Гущинымъ, которыхъ Атаманъ отозвалъ изъ Кіева и къ которымъ высказалъ полное недовѣріе въ виду ихъ прошлой некрасивой дѣятельности, (Сидорина въ дни похода Корнилова на Петроградъ и Гущина въ первые дни революціи), Семилѣтовымъ, уволеннымъ отъ командованія партизанами, Родзянко, высланнымъ изъ Новочеркасска за вредную политическую дѣятельность, С. П. Черевковымъ и другими. Оставшись безъ дѣла при шумномъ и многолюдномъ штабѣ Деникина, они вымещали свою злобу на Атамана въ клеветѣ на него. — Calomniez, calomniez — il en reste toujours quelque chose, и эти обвиненія остались за Атаманомъ.

Если обратиться къ рѣчамъ и поступкамъ Атамана, то трудно найти въ нихъ какую либо особую симпатію къ нѣмцамъ и тѣмъ болѣе самостійность.

Въ большой программной рѣчи, сказанной при открытіи Круга, 16-го августа 1918 года, Атаманъ нѣсколько разъ останавливался на томъ, каковы должны быть отношенія къ нѣмцамъ и союзникамъ.

...«Россія побѣждена?» — говорилъ Атаманъ. — «Россія завоевана непріятелемъ? Нѣтъ... Непріятельскія войска вошли на Украину, въ Польшу, въ Прибалтійскій край, дошли до береговъ Дона и были встрѣчены, какъ избавители. Несчастный Русскій народъ потерялъ голову и уже не знаетъ, кто у него другъ, и кто врагъ»...

«То, чего ожидали со страхомъ и трепетомъ народы Европы съ конца прошлаго вѣка — великая міровая война разразилась лѣтомъ 1914 года. Это война между Англіей и Германіей. Война не на жизнь, а на смерть, война капиталистовъ за рынки, война рабочихъ за право жить и работать. Франція

и Россія, Австро-Венгрія и Турція, Румынія и Италія, Болгарія и Японія — это только пособники.

«Они работали каждый на своей сторонѣ — одни за Англію, другіе за Германію. Но своей задачи, своей роли они не имѣли.

«Англія не была готова для войны, и раньше 1916 года она не могла выступить. Америка колебалась — и вотъ два года занять и истощить Германію, парализовать Австро-Венгрію было поручено Франціи и Россіи.

«Россія честно выполнила свою задачу. И когда нѣмцы вторглись во Францію и самому Парижу угрожала опасность захвата, началось наступленіе Русскихъ войскъ въ Пруссію во имя спасенія Франціи. Съ беззавѣтнымъ мужествомъ дрались Русскіе солдаты и казаки, и нашъ бывшій войсковой наказный атаманъ Самсоновъ погибъ, окруженный врагами въ Пруссіи. Но мы спасли Францію.

«Въ 1915 году нѣмцы начали свои жестокія атаки на Верденъ, и снова Парижу грозила опасность. И опять, устилая долины Карпатскихъ горъ трупами солдатъ и казаковъ, истекая кровью, безъ снарядовъ и патроновъ, бросились Русскія арміи выручать положеніе. Верденъ не былъ взятъ; Франція спасена отъ разгрома, но намъ пришлось откатиться назадъ и уступить Варшаву. Но мы благородно спасли союзниковъ.

«Въ 1917 году Англія была готова къ рѣшительному бою, Россія была снабжена орудіями и военными припасами, готовилось грозное рѣшительное наступленіе, которое должно было привести насъ къ побѣдѣ. Уже смѣло говорили и въ обществѣ, и въ печати не только о возвратѣ всего потеряннаго, но и о занятіи Галиціи и Константинополя.

«И Германія поняла, что она погибла.

«При преступномъ содѣйствіи нѣкоторой части нашей интеллигенціи, при предательствѣ и измѣнѣ многихъ сановниковъ и генераловъ, рушится великое зданіе Россійской Имперіи и подъ радостный визгъ черни совершается «великая безкровная революція». А затѣмъ пріѣзжаетъ изъ Германіи въ запломбированномъ вагонѣ Ленинъ и начинаетъ вмѣстѣ съ великимъ провокаторомъ и предателемъ Керенскимъ сознательно разрушать Россію».

Атаманъ зналъ про слухи, что Англія, испугавшись могущества Русской Арміи, готовой грознымъ прыжкомъ овладѣть Берлиномъ и Вѣной, испугавшись, что тогда придется ей исполнить свое обѣщаніе и отдать Россіи Константинополь и проливы и утвердить ея вліяніе въ Персіи, что не входило въ планы Англіи — побудила измѣнниковъ генераловъ и сановниковъ потребовать отреченія Императора Николая II и вдохнула въ умы несчастной Русской интеллигенціи подлую мысль — «безъ аннексій и контрибуцій». Атаманъ зналъ, какую роль приписывали во всемъ этомъ кровавомъ дѣлѣ англійскому послу Бьюкенэну и англійскому золоту, но онъ промолчалъ объ этомъ, всю вину взваливши на Германію съ ея Ленинымъ, который ничего не могъ бы сдѣлать, если бы не имѣлъ своихъ предтечей. Онъ зналъ про это и молчалъ, потому что еще вѣрилъ въ благородство союзниковъ.

. . . «Но шли и шли въ Донскую землю», — говорилъ дальше Атаманъ, — «нѣмецкіе полки и вмѣстѣ съ конницею Туровѣрова въ Ростовъ вошелъ германскій отрядъ фонъ Арнима, и у храма святой Аксайской Божіей Матери стали баварскіе кавалеристы. Въ 11-ти верстахъ отъ Новочеркасска растянулась линія германскихъ аванпостовъ и пулеметы германскіе были направлены на Новочеркасскъ» . . .

...«Нѣмцы наши враги, мы дрались съ ними три съ половиною года — это не забывается. Они пришли за нашимъ хлѣбомъ и мясомъ, и мы имъ совсѣмъ не нужны. Они намъ не союзники. У насъ должны бы быть союзники настоящіе. — Но гдѣ эти союзники? — съ горечью воскликнулъ Атаманъ. Вотъ въ январѣ мѣсяцѣ, когда живъ былъ еще Алексѣй Максимовичъ Калединъ, по всему Новочеркасску распубликованы были оффиціальныя извѣстія о томъ, что въ Новороссійскѣ высадился англо-французскій корпусъ и идетъ на помощь Дону... Но умеръ Калединъ, разстрѣляли Назарова, прошло полъ-года, а никакихъ англо-французовъ не пришло спасти сжигаемый большевиками Донъ.

«Съ конца мая мѣсяца мы слышимъ о чехо-словакахъ. То они занимаютъ Саратовъ, то подходятъ къ самому Царицыну, то дерутся подъ Екатеринбургомъ и Иркутскомъ. Послѣднее время все настойчивѣе и настойчивѣе говорятъ о движеніи японцевъ и китайцевъ и о созданіи восточнаго фронта на Волгѣ.

«Какой ужасъ и позоръ! Сдѣлать Россію ареной міровой борьбы, подвергнуть ее участи Бельгіи и Сербіи, обезкровить ее, сжечь ея города и села, истоптать ея нивы и ее, голодную, поруганную и оплеванную, ее — поверженную въ прахъ собственнымъ безсиліемъ, добить до конца!

«Россія больна. Она лежитъ въ горячечномъ бреду, а что же дѣлаютъ иностранцы? Германцы заняли Украину и вывозятъ хлѣбъ и масло, отнимая у насъ послѣдній кусокъ. Ну эти-то враги, мы не можемъ разсчитывать на снисхожденіе отъ тѣхъ, кого мы ненавидѣли... Англичане хозяйничаютъ на сѣверѣ и тянутъ подъ шумокъ оттуда лѣсъ, а Россія, бѣдная Россія, она какъ тотъ деревянный турка съ кожаной головой должна сносить удары и враговъ, и союзниковъ...

«Такъ неужели цѣпляться за иностранную помощь, неужели Дону и великой Россіи скулить такъ, чтобы намъ помогли извнѣ?

«Послушайте, какъ въ пѣснѣ казачьей поется:

Ты воспой, сирота, пѣсню новую!
— Хорошо пѣсню играть пообѣдавши,
А я, сирота, еще не ужиналъ...
Поутру сироту въ допросъ повели.
— Ты скажи, сирота, гдѣ ночевалъ?
Ты скажи, съ кѣмъ разбой держалъ?
— У меня молодца было три товарища:
Первый товарищъ мой конь вороной,
А другой товарищъ — я самъ молодой,
А третій товарищъ — сабля вострая въ рукахъ!..»

Въ этихъ словахъ Атамана все его credo. Россію должна спасать сама Россія, — это онъ понималъ твердо. Онъ гналъ всякую мысль о помощи извнѣ, и родной Донъ онъ стремился спасти силами Донскихъ казаковъ. Но онъ отлично понималъ, что спасти Донъ — это одна задача, спасти Россію — задача другая. Ко всѣмъ иностранцамъ, — будутъ это союзники или нѣмцы, — Атаманъ относился отрицательно. Онъ твердо вѣрилъ, что прошли тѣ времена, когда проливали кровь и воевали «pour les beaux yeux de la reine de Prusse», онъ зналъ, что и нѣмцы, и французы, и англичане ѣдутъ въ Россію не для Россіи, а для себя, чтобы урвать съ нея, что можно, и отлично понималъ, что Германіи и Франціи по взаимно противоположнымъ причинамъ нужна Россія

сильная и могущественная, «единая и недѣлимая», а Англія, напротивъ, слабая, раздробленная на части, быть можетъ, федеративная, пожалуй даже — большевистская. И потому Германіи и Франціи Атаманъ вѣрилъ, Англіи же не вѣрилъ нисколько. Всѣ стремленія Атамана были направлены къ тому, чтобы независимо отъ иностранцевъ поставить Донъ на ноги, дать ему все, что нужно для борьбы.

Едва только онъ получилъ Таганрогъ, какъ сейчасъ же забралъ Русско-Балтійскій заводъ, приспособилъ его для выдѣлки ружейныхъ и артиллерійскихъ трехъ-дюймовыхъ патроновъ и достигъ къ ноябрю 1918 года выдѣлки 300.000 ружейныхъ патроновъ въ сутки, онъ велъ переговоры объ устройствѣ своего порохового завода и снаряжательной мастерской. Атаманъ поставилъ на работу всѣ ремесленныя школы и гордился тѣмъ, что вся Донская армія одѣта съ ногъ до головы въ «свое», что она сидитъ на своихъ лошадяхъ и на своихъ сѣдлахъ. У императора Вильгельма онъ просилъ машинъ, фабрикъ, чтобы опять-таки какъ можно скорѣе освободиться отъ опеки иностранцевъ. Его оріентація сквозила во всѣхъ его рѣчахъ и на Кругу, и особенно въ станицахъ и войсковыхъ частяхъ. Это была оріентація Русская — такъ понятная простому народу и такъ непонятная Русской интеллигенціи, которая привыкла всегда кланяться какому-нибудь иностранному кумиру и никакъ не могла понять, что единый кумиръ, которому стоитъ кланяться — это Родина.

Добровольческая армія, какъ армія не народная, а интеллигентская, офицерская, не избѣжала этого и рядомъ со знаменемъ «единой и недѣлимой» воздвигла алтарь непоколебимой вѣрности союзникамъ во что бы то ни стало. Эта вѣрность союзникамъ погубила Императора Николая II, она же погубила и Деникина съ его Добровольческой арміей.

Атаманъ смотрѣлъ на нѣмцевъ, какъ на враговъ, пришедшихъ мириться съ протянутою для мира рукою, и считалъ, что у нихъ онъ можетъ просить, но когда пришли союзники, то на нихъ онъ смотрѣлъ, какъ на должниковъ передъ Россіей и Дономъ и считалъ, что они обязаны вернуть свой долгъ и съ нихъ нужно требовать.

Дальше исторія сношеній войска Донского покажетъ ярко, какова была оріентація Атамана.

Въ дѣлѣ обвиненія въ самостійности вопросъ гораздо сложнѣе. Атаманъ вступилъ въ управленіе войскомъ вскорѣ послѣ Каледина, котораго погубило довѣріе къ крестьянамъ, знаменитый «паритетъ». Донъ раскололся въ это время на два лагеря — казаки и крестьяне. Крестьяне за малымъ исключеніемъ были большевиками. Тамъ, гдѣ были крестьянскія слободы, возстанія противъ казаковъ не утихали. Весь сѣверъ войска Донского, гдѣ крестьяне преобладали надъ казаками, Таганрогскій округъ, слободы Орловка и Мартыновка 1-го Донского Округа, города Ростовъ и Таганрогъ, слобода Батайскъ были залиты казачьей кровью въ борьбѣ съ крестьянами и рабочими. Попытки ставить крестьянъ въ ряды Донскихъ полковъ кончались катастрофой. Крестьяне измѣняли казакамъ, уходили къ большевикамъ и насильно, на муки и смерть, уводили съ собою Донскихъ офицеровъ. Война съ большевиками на Дону имѣла уже характеръ не политической, или классовой борьбы, не гражданской войны, а войны народной, національной. Казаки отстаивали свои казачьи права отъ Русскихъ. Атаманъ, являясь ставленникомъ казаковъ, не могъ съ этимъ не считаться. Онъ не могъ допустить и мысли о какомъ либо паритетѣ, потому что это погубило бы Донъ, погубило бы все дѣло.

— «Казачій Кругъ!» — говоритъ онъ Кругу 16-го августа. — «И пусть казачьимъ онъ и останется.

«Руки прочь отъ нашего казачьяго дѣла — тѣ, кто проливалъ нашу казачью кровь, тѣ, кто злобно шипѣлъ и бранилъ казаковъ. Донъ для донцовъ!

«Мы завоевали эту землю и утучнили ее кровью своею, и мы, только мы одни, хозяева этой земли.

«Васъ будутъ смущать обиженные города и крестьяне. Не вѣрьте имъ. Помните, куда завелъ атамана Каледина знаменитый паритетъ. Не вѣрьте волкамъ въ овечьей шкурѣ. Они зарятся на ваши земли и жадными руками тянутся къ нимъ. Пусть свободно и вольно живутъ на Дону гостями, но хозяева только мы, только мы одни... Казаки!»

Вотъ, гдѣ самостійность Атамана. Въ страшномъ домашнемъ спорѣ о землѣ и правахъ на нее! Атаманъ понималъ, что этого вопроса трогать нельзя, но какъ только вопросъ коснулся общей политики, Атаманъ счелъ, что Донъ не только нераздѣлимая часть Россіи, но что онъ обязанъ бороться и возстановлять «единую и недѣлимую»...

— «Помните», — заканчиваетъ Атаманъ свою первую большую рѣчь передъ Кругомъ, рѣчь, программу всей работы, — «не спасутъ Россію ни нѣмцы, ни англичане, ни японцы, ни американцы — они только разорятъ ее и зальютъ кровью. Помните нашу старую пѣсню:

У меня молодца было три товарища:
Первый товарищъ — мой конь вороной.
А другой товарищъ — я самъ молодой,
А третій товарищъ — сабля вострая въ рукахъ.

«Спасетъ Россію сама Россія. Спасутъ Россію ея казаки! Добровольческая армія и вольные отряды Донскихъ, Кубанскихъ, Терскихъ, Оренбургскихъ, Сибирскихъ, Уральскихъ и Астраханскихъ казаковъ спасутъ Россію.

«И тогда снова, какъ встарь, широко развернется надъ дворцомъ нашего Атамана бѣло-сине-красный русскій флагъ — единой и недѣлимой Россіи.

«И тогда конченъ будетъ страшный крестный путь казачества и добровольческой арміи, путь къ свободѣ Россіи и православнаго Тихаго Дона!»

Гдѣ же тутъ самостійность?!

Въ концѣ сессіи Круга при пересмотрѣ Донской конституціи при разсмотрѣніи статей о гимнѣ, гербѣ и флагѣ, Атаманъ возбудилъ самъ вопросъ о томъ, что не пора ли вернуться къ общерусскому флагу. Его рѣчь была сильна, но всталъ какой-то казакъ съ фронта, окуренный порохомъ, съ ухватками оратора солдатскаго митинга и воскликнулъ:

— Господа, когда мы тамъ, на фронтѣ, идемъ съ нашимъ флагомъ — непріятель бѣжитъ. Мы полюбили этотъ побѣдный флагъ. Надо-ть оставить его. Въ немъ побѣда!..

Громъ аплодисментовъ былъ отвѣтомъ на эту короткую рѣчь и «самостійный» флагъ остался развѣваться надъ атаманскимъ дворцомъ къ великому негодованію Деникина.

Атаманъ рѣшилъ идти съ казаками спасать Россію не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Онъ готовилъ и берегъ для этого особый корпусъ молодыхъ казаковъ. 1-ая Донская казачья дивизія, — 5000 шашекъ и 12 конныхъ орудій, 1-ая пластунская бригада, — 8 тысячъ штыковъ, 8 полевыхъ орудій, 4 тяжелыхъ орудія, 1-ая стрѣлковая бригада, — 8 тысячъ штыковъ, 8 полевыхъ

орудій и 4 мортиры, 1-й саперный батальонъ, — 1000 штыковъ, всѣ техническія войска — броневые поѣзда, аэропланы, броневыя машины и пр. должны были идти съ Деникинымъ на Москву. Ихъ особо снаряжали, особо воспитывали, и прививали имъ идею похода для спасенія Россіи. Но Деникинъ требовалъ, чтобы пошло все войско, чтобы оно дошло до полнаго напряженія и выставило 200—300 тысячъ борцовъ — Атаманъ же давалъ всего около 30.000 — въ этомъ была его самостійность. Но Атаманъ зналъ, что всѣ казаки на Москву ни за что не пойдутъ, а эти тридцать тысячъ, а за ними столько же охотниковъ навѣрное пойдутъ. Атаманъ чувствовалъ, что у него нѣтъ силы заставить пойти, и потому дѣлалъ все возможное, чтобы пошли сами. Деникинъ рѣшилъ заставить пойти. . .

21-го сентября Кругъ, наконецъ, разъѣхался. Врагамъ Атамана не удалось ни свалить его, ни уменьшить, или обрѣзать его права. Напротивъ, въ засѣданіи 15 сентября Кругъ составилъ указъ, въ которомъ было сказано:

— «Пусть казакъ и гражданинъ Всевеликаго войска Донского памятуетъ о своемъ долгѣ передъ роднымъ краемъ. Пусть въ каждомъ изъ насъ Атаманъ найдетъ вѣрныхъ исполнителей. Одна мысль, одна воля да объединитъ насъ: помочь Атаману въ его тяжеломъ и отвѣтственномъ служеніи Дону» . . .

Эта мысль была у всего круга, кромѣ маленькой части политическихъ враговъ Атамана. Эти политическіе враги не разъѣхались. Они остались вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Круга В. А. Харламовымъ въ Новочеркасскѣ въ законодательной комиссіи, завели тѣсныя сношенія съ Екатеринодаромъ и повели серьезную подпольную работу для замѣны Атамана Краснова «германской оріентаціи» — Атаманомъ Богаевскимъ — «союзнической оріентаціи». На случай прибытія союзниковъ готовилась полная перемѣна декораціи.

Глава VII

Первоначальная организація народной Донской Арміи. — Вооруженіе. — Снаряженіе. — Офицерскій составъ. — Дисциплина. — Тактика. — Отношеніе къ плѣннымъ. — Реорганизація арміи. — Сведеніе дружинъ и станичныхъ полковъ въ тактическія единицы. — Молодая Армія. — Донской флотъ. — Численность Арміи къ осени 1918 года. — Снабженіе ея.

Ко времени занятія казаками Новочеркасска и вступленія въ управленіе войскомъ Донскимъ Атамана, всѣ вооруженныя силы Донского войска состояли изъ шести пѣшихъ и двухъ конныхъ полковъ при 7-ми орудіяхъ и 11-ти пулеметахъ, составлявшихъ сѣверный отрядъ полковника Фицхелаурова, одного коннаго полка въ Ростовѣ и нѣсколькихъ небольшихъ отрядовъ, разбросанныхъ по всему войску, сила, численность и вооруженіе которыхъ ни Атаману, ни командующему войсками не были извѣстны. Донъ кипѣлъ возстаніями и поднялся весь отъ крайняго сѣвера до юга. Но свѣдѣнія о возставшихъ, о ихъ силѣ, о успѣхахъ ихъ борьбы первое время приходили лишь со случайными людьми, прорывавшимися сквозь большевиковъ и привозившими извѣстія въ Новочеркасскъ.

Полки имѣли дружинную, станичную организацію. Каждая станица выставляла свой полкъ изъ казаковъ охотниковъ, добровольцевъ. Сила полковъ была разная и колебалась отъ величины станицы и отъ того, каковъ былъ патріотическій подъемъ въ станицѣ. Обыкновенно послѣ прочтенія воззванія

и рѣчей служили молебенъ и послѣ молебна выходило на фронтъ очень много. Но по пути многіе отдумывали, другихъ отговаривали жены.

— Чего ты, старый, пошелъ, куды тебѣ, а пахать, да хлѣбъ убирать кто будетъ? вѣдь убьютъ! На кого меня, горемычную, покидаешь, да еще съ малыми дѣтями, — голосила казачка, провожая мужа, а тотъ только отмахивался.

Но многіе останавливались подъ предлогомъ «прикурить маленько», отставали и возвращались тихонько домой. Шли больше старики и юная зеленая молодежь, фронтовики серьезничали, ждали приказа и, если собирались, то «своимъ» полкомъ, и тогда были по большей части отлично одѣты и сорганизованы. Отъ этого и сила полковъ была разная. Однѣ станицы выступали почти поголовно и дали полки въ 2000—3000 человѣкъ, въ другихъ, напротивъ, едва насчитывалось 300—500. Полки были пѣшіе, но при каждомъ полку была непремѣнно своя конная часть отъ 30 до 200—300 человѣкъ. Вооружены были пѣшіе винтовками, наполовину со штыками, наполовину безъ штыковъ, конные шашками, иногда пиками и винтовками. Каждый полкъ имѣлъ свои пулеметы, отъ 4 до 16-ти на тысячу человѣкъ. Если полку посчастливилось забрать у красной гвардіи пушки, то онъ оставлялъ ихъ у себя и считалъ своими. Въ каждой станицѣ были артиллеристы, они и приставлялись къ этимъ пушкамъ. Патроновъ было мало. Обыкновенно 15—25 патроновъ на винтовку. Имѣть пятьдесятъ патроновъ на ружье считалось роскошью. Снарядовъ еще меньше. Отъ 5 до 20 на орудіе. Орудія были запряжены своими рабочими, но достаточно хорошими лошадьми, по 4, иногда по 6 лошадей на орудіе. Конница сидѣла тоже на своихъ и часто очень хорошихъ лошадяхъ. Казаки Черкасскаго, 1-го Донского и отчасти 2-го Донского Округовъ разграбили зимовники частнаго донского коноводства и отремонтировали свои полки отличными задонскими лошадьми. Казаки стремились служить въ конницѣ, но недостатокъ въ сѣдлахъ удерживалъ ихъ отъ этого. Штатный обозъ былъ замѣненъ частными подводами. Пулеметы возили на легкихъ бричкахъ и дрендулетахъ, запряженныхъ парами и четверками по большей части отличныхъ лошадей. Часть обоза восточныхъ округовъ была запряжена степными одногорбыми верблюдами. Обозы были небольшіе. Районъ военныхъ дѣйствій былъ такъ близокъ къ станицамъ, что съ наступленіемъ темноты, когда бой затихалъ, на «позицію» являлись пѣшкомъ и на телѣгахъ жены, отцы, матери и дѣти бойцовъ и приносили хлѣбъ, молоко, мясо. Здѣсь иногда происходили душу раздирающія сцены, когда пришедшіе находили своего близкаго убитымъ или тяжело раненымъ. Легко раненые оставались въ строю, и были казаки, имѣвшіе по пяти, шести раненій.

Офицеры въ полкахъ были свои же станичники. Если ихъ не хватало, брали казаковъ офицеровъ изъ другихъ станицъ, брали офицеровъ и не казаковъ, но имъ первое время не довѣряли и къ нимъ присматривались. Если офицеръ оказывался молодецъ, его зачисляли къ себѣ въ станицу казакомъ и не отказывали въ земельномъ надѣлѣ.

Съ казаками бороться противъ большевиковъ пошли и многіе крестьяне, жившіе по близости отъ станицъ и въ самыхъ станицахъ. Этихъ казаки приговоромъ станичнаго общества зачисляли въ казачье сословіе. Такіе добровольцы дрались отлично и подавали примѣръ удали казакамъ.

Казаки въ бою дѣйствовали великолѣпно, съ громаднымъ мужествомъ и искусствомъ. Младшіе офицеры были хороши, но въ сотенныхъ и полковыхъ

командирахъ ощущался большой недостатокъ. Пережившіе за время революціи слишкомъ много оскорбленій и униженій старшіе начальники недовѣрчиво относились къ казачьему движенію и первое время прятались по станицамъ и въ Новочеркасскѣ, избѣгая идти на фронтъ.

Одѣты казаки были въ свое полувоенное платье, многіе по формѣ и по лѣтнему времени достаточно хорошо. Недоставало только сапогъ. До 30% вмѣсто сапогъ имѣло опорки, лапти, а многіе и вовсе были босикомъ. Почти всѣ носили погоны. Если у кого не было погонъ, то не потому, что онъ ихъ не признавалъ, а потому что у него ихъ не имѣлось и негдѣ было достать, но при первомъ же случаѣ онъ ихъ добывалъ и съ гордостью надѣвалъ на себя. Офицеры за рѣдкимъ исключеніемъ были въ погонахъ. Всѣ имѣли на фуражкахъ или папахахъ бѣлую полоску для отличія въ рукопашномъ бою отъ красной гвардіи.

Дисциплина была братская. Офицеры ѣли съ казаками изъ одного котла, жили въ одной хатѣ, — вѣдь они и были роднею этимъ казакамъ, часто у сына въ строю во взводѣ стоялъ отецъ, или дядя, — но приказанія ихъ исполнялись безпрекословно, за ними слѣдили и, если убѣждались въ ихъ храбрости, то поклонялись имъ и превозносили. Такіе люди, какъ Мамонтовъ, Гусельщиковъ, Романъ Лазаревъ — были въ полномъ смыслѣ вождями, атаманами стараго времени, при этомъ Мамонтовъ и Гусельщиковъ вліяли на казаковъ своимъ умомъ, волею и храбростью, Романъ Лазаревъ храбростью и удалымъ, безшабашнымъ характеромъ, разгульнымъ пьянствомъ и веселою гульбою съ казаками. Офицерамъ «своего» полка, то-есть знакомымъ, казаки отдавали воинскую честь.

Штабы были маленькіе. Штабъ «отряда», ведшаго совершенно самостоятельныя операціи, состоялъ изъ начальника штаба и одного, двухъ адъютантовъ. Для хозяйственныхъ цѣлей сами станицы отряжали къ отряду нѣсколькихъ «общественныхъ дѣятелей», представителей коопераціи, или торговыхъ казаковъ, которые распредѣляли добычу, взятую у непріятеля, и заботились о правильномъ снабженіи всѣмъ необходимымъ отряда. Добыча, изъ чего бы она ни состояла, считалась собственностью отряда и сейчасъ же шла: — одежда и оружіе на пополненіе отряда, а остальное отправлялось въ станицу, къ себѣ, въ дома, или въ общую станичную казну. На случай полученія оружія отъ непріятеля, въ тылу всегда бывало достаточно мобилизованныхъ, но еще не вооруженныхъ казаковъ.

Бой былъ краткотеченъ. Если онъ начинался съ разсвѣтомъ, то обыкновенно къ полудню онъ уже завершался полною побѣдою. Окоповъ и укрѣпленій не строили. Самое большее, что окапывались лункою для защиты плечъ и головы, большею же частью лежали открыто. Шанцеваго инструмента было мало, да и окапываться мѣшала природная казачья лѣность. Тактика была проста. Обыкновенно на разсвѣтѣ начинали наступленіе очень жидкими цѣпями съ фронта, въ то же время какою либо замысловатою балкою двигалась обходная колонна главныхъ силъ съ конницею во флангъ и тылъ противнику. Если противникъ былъ въ десять разъ сильнѣе казаковъ — это считалось нормальнымъ для казачьяго наступленія. Какъ только появлялась обходная колонна, большевики начинали отступать, тогда на нихъ бросалась конница съ леденящимъ душу гикомъ, опрокидывала ихъ, уничтожала и брала въ плѣнъ. Иногда бой начинался притворнымъ отступленіемъ верстъ на двадцать казачьяго отряда, противникъ бросался преслѣдовать, и въ это время

обходныя колонны смыкались за нимъ, и онъ оказывался въ мѣшкѣ. Такою тактикою полковникъ Гусельщиковъ съ Гундоровскимъ и Мигулинскимъ полками, въ 2 — 3 тысячи человѣкъ, уничтожалъ и бралъ въ плѣнъ цѣлыя дивизіи красной гвардіи въ 10—15 тысячъ, съ громадными обозами и десятками орудій. Отличное знаніе мѣстности, природная военная сметливость казаковъ, ихъ неутомимость въ преслѣдованіи сильно помогали имъ въ этой тактикѣ, всегда основанной на маневрѣ.

Казаки требовали, чтобы офицеры шли впереди. Поэтому потери въ командномъ составѣ были очень велики. Начальникъ цѣлой группы генералъ Мамонтовъ былъ три раза раненъ и все въ цѣпяхъ.

Въ атакѣ казаки были безпощадны. Такъ же они были безпощадны и съ плѣнными. Когда казаки у хутора Пономарева захватили знаменитаго Подтелкова, сопровождаемаго 73 казаками, оставшимися при немъ, они устроили полевой судъ. Полевой судъ приговорилъ Подтелкова и двухъ его помощниковъ комиссаровъ къ повѣшенію, а 73 казаковъ конвоя къ разстрѣлу. Казнь сейчасъ же была приведена въ исполненіе въ присутствіи всѣхъ хуторянъ. Старуха казачка сосѣдняго хутора жалѣла очень, что она не поспѣла посмотрѣть, «какъ этихъ злодѣевъ вѣшать будутъ»... Плѣнныхъ отправляли на работы въ поля и каменноугольныя копи, плѣнные же чистили Новочеркасскъ и исправляли все то, что испортили и запакостили большевики. Лишь очень небольшое число плѣнныхъ ставили въ строй. Особенно суровы были казаки съ плѣнными казаками, которыхъ считали измѣнниками Дону. Тутъ отецъ спокойно приговаривалъ къ смерти сына и не хотѣлъ и проститься съ нимъ.

Еще болѣе жестоко обращались большевики съ плѣнными казаками. Они вымещали свою злобу на казаковъ за ихъ побѣды не только на плѣнныхъ, но и вообще на станичномъ населеніи. Во многихъ станицахъ, занятыхъ красной гвардіей, всѣ дѣвушки были изнасилованы красногвардейцами. Двѣ гимназистки покончили съ собою самоубійствомъ послѣ этого. Священниковъ и стариковъ, почетныхъ, уважаемыхъ станичниковъ пытали до смерти. На Царицынскомъ фронтѣ большевики привязали плѣнныхъ казаковъ къ крыльямъ вѣтреныхъ мельницъ и въ сильный вѣтеръ пустили мельницы въ ходъ: — казаковъ завертѣло на смерть. Тамъ же стариковъ закопали по шею въ землю, и они умерли голодною смертью. Тамъ же привязывали казаковъ къ доскамъ и бросали эти доски о землю, пока не отшибало внутренности и казакъ не умиралъ. Казаки находили своихъ родныхъ распятыми на крестахъ и заживо сожженными...

Ни одинъ плѣнный большевикъ не былъ казненъ безъ суда. Но казаки сами слѣдили за тѣмъ, чтобы судъ не давалъ пощады комиссарамъ, и судъ былъ неподкупенъ и строгъ.

Это была въ полномъ смыслѣ этого слова **народная война**.

Атаманъ и командующій арміей приложили всѣ усилія къ тому, чтобы внести полный порядокъ въ организацію арміи и боевыя дѣйствія, построить организацію на началахъ военной науки, добиться правильнаго управленія отрядами, **не нарушая въ то же время ея народнаго характера**.

12-го мая Войсковому Штабу было подчинено 14 самостоятельныхъ отрядовъ: — Полковника **Туровѣрова** въ Таганрогскомъ Округѣ, полковника **Алферова** въ Верхне-Донскомъ Округѣ, генерала **Мамонтова** во 2-мъ Донскомъ Округѣ, есаула **Веденѣева** въ Усть-Медвѣдицкомъ, Войскового

Старшины Старикова у Суворовской станицы, полковника Абрамовича въ 1-мъ Донскомъ Округѣ, войскового старшины Мартынова и полковника Топилина въ районѣ слободъ Орловки и Мартыновки 1-го Донского Округа, полковника Епихова и полковника Кирѣева въ Задонскомъ районѣ Черкасскаго и Сальскаго округовъ, генерала Быкадорова и полковника Толоконникова въ Ростовскомъ Округѣ, полковника Зубова въ Ростовѣ и генерала Фицхелаурова у Новочеркасска. Только съ нѣкоторыми ближайшими къ Новочеркасску отрядами была телеграфная или телефонная связь, объ остальныхъ извѣстія получались донесеніями съ конными людьми, прорывавшимися сквозь занятые большевиками районы. Телеграфа было всего 340 верстъ и 100 аппаратовъ, телефона 400 верстъ и 80 аппаратовъ, кромѣ того работало 9 автомобилей и 8 мотоциклетокъ. *

Къ 1-му іюня командующему арміей удалось связать мелкіе отряды въ болѣе крупныя соединенія и въ управленіи его находилось уже всего шесть группъ: — полковника Алферова — на сѣверѣ Дона, генерала Мамонтова подъ Царицынымъ, полковника Быкадорова подъ Батайскомъ, полковника Кирѣева подъ Великокняжеской, генерала Фицхелаурова въ Донецкомъ районѣ и генерала Семенова въ Ростовѣ. Всѣ эти группы были связаны съ Новочеркасскомъ телеграфомъ (по большей части съ аппаратами Юза) и телефономъ. Кромѣ того работало три радіостанціи: въ Новочеркасскѣ, Каменской и Мечетинской. Все это имущество было отбито у большевиковъ.

Къ іюлю командующій арміей влилъ отрядъ полковника Кирѣева въ отрядъ полковника Быкадорова и сократилъ число отдѣльно дѣйствующихъ частей до пяти. Въ августѣ мѣсяцѣ необходимость отражать прорывъ въ сѣверо-восточной части Дона заставила создать шестой отрядъ полковника Тапилина. Въ это время все войско было опутано сѣтью телеграфовъ и телефоновъ и не только съ каждымъ отрядомъ, но съ каждою дивизіею, полкомъ и отдѣльною сотнею можно было разговаривать изъ соотвѣтствующаго штаба и изъ Новочеркасска. Всего было 1750 верстъ телеграфнаго провода при 240 аппаратахъ, 1200 верстъ телефона при 300 аппаратахъ, 25 автомобилей, 15 мотоциклетокъ и 6 радіостанцій.

Командующій арміей приступилъ къ постепенной реорганизаціи отрядной системы въ общеармейскую. Къ этому времени 25 возрастовъ казаковъ было мобилизовано, а всего подъ ружьемъ находилось 27.000 пѣхоты, 30.000 конницы, 175 орудій, 610 пулеметовъ, 20 самолетовъ и 4 бронированныхъ поѣзда, не считая молодой, постоянной арміи. Въ августѣ мѣсяцѣ по приказу Атамана Командующій Арміей постепенно заканчивалъ реорганизацію мобилизованныхъ частей. Станичные полки сводились по нѣсколько въ одинъ, образуя номерные пѣшіе полки двухъ- и трехъ-батальоннаго состава по 1000 штыковъ въ батальонѣ при 8 пулеметахъ на батальонъ, конные полки были сведены въ шестисотенные полки, по 16-ти рядовъ во взводѣ при 8 пулеметахъ на полкъ, орудія были выдѣлены изъ состава полковъ, сведены въ 4-хъ-орудійныя пѣшія и конныя батареи. Пѣшіе полки были сведены въ бригады и дивизіи, конные полки тоже составили бригады и дивизіи, къ нимъ приданы артиллерійскія четырехъ-батарейныя бригады и двухъ-батарейные дивизіоны. Дивизіи сведены въ корпуса, которые поставлены на 4-хъ фронтахъ — Сѣверномъ для наступленія

* Отчетъ Управляющаго Военнымъ и Морскимъ Отдѣлами и Командующаго Донской Арміей и Флотомъ Большому Войсковому Кругу въ 1918 году.

на Воронежскую губернію, Сѣверо-Восточномъ для обороны Балашовскаго направленія — между Урюпинской и Усть-Медвѣдицкой станицами, Восточномъ у Царицына и Юго-Восточномъ у станицы Великокняжеской.

Къ этому же времени почти было закончено формированіе постоянной Арміи изъ молодыхъ казаковъ 19- и 20-лѣтняго возраста. Эта молодежь, не бывшая на Русско-Германской войнѣ, не усталая, не развращенная большевистской пропагандой, не знавшая ни комитетовъ, ни комиссаровъ, была собрана въ 3-хъ лагеряхъ — Персіановскомъ, Власовскомъ и Каменскомъ, и составила 2 пѣхотныхъ бригады — пластунскую и стрѣлковую, 3 конныхъ дивизіи, саперный батальонъ и техническія части, а также легкую, конную и тяжелую артиллерію. Части эти были нормальнаго Россійскаго штата, имѣли казенныхъ лошадей и все казенное обмундированіе и снаряженіе отъ войска, штатный обозъ, были воспитаны, муштрованы и обучены по старымъ Русскимъ уставамъ и составляли гордость войска Донского. Когда, при открытіи Войскового Круга, члены Круга и населеніе Новочеркасска первый разъ увидали эти части на церковномъ парадѣ, слезы умиленія текли по лицамъ старыхъ казаковъ. Былая, славная армія, армія 1914 года, возродилась въ лицѣ этихъ бравыхъ юношей, отлично кормленныхъ, развитыхъ гимнастикой, прекрасно выправленныхъ, бодро маршировавшихъ по площади въ новой щегольски пригнанной одеждѣ. Умиленный Кругъ потребовалъ отдачи объ этомъ приказа, который былъ составленъ предсѣдателемъ Круга въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— «Донскіе орлята! 16 августа на Соборной площади своей столицы у памятника народнаго героя — Ермака Тимофеевича — члены Большого Войскового Круга видѣли васъ на парадѣ.

«Слезы гордости и безконечной радости блестѣли у вашихъ дѣдовъ и отцовъ, когда вы стройными и мощными колоннами проходили мимо войсковыхъ регалій и старыхъ боевыхъ знаменъ — нѣмыхъ свидѣтелей былыхъ подвиговъ и славы казачьей.

«Только два съ половиной мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы слетѣлись съ вольныхъ хуторовъ и станицъ на службу Тихому Дону. Но успѣла уже вырасти за это короткое время изъ васъ молодая и сильная армія.

«Крѣпкое казачье спасибо, родные, шлетъ вамъ Большой Войсковой Кругъ за вашу службу.

«Богъ въ помощь вамъ и на будущее время.

«Разъѣдутся члены Круга по всему войску Донскому и разнесутъ по всѣмъ уголкамъ горделивую вѣсть о томъ, что не погибъ еще нашъ сѣдой Донъ, такъ какъ есть у него молодые орлы, которые смогутъ сберечь его честь и сѣдую славу»...

26-го августа Донской Атаманъ представилъ большому Войсковому Кругу всю молодую Армію, собранную подъ Новочеркасскомъ въ Персіановскомъ лагерѣ. Всего было 7 батальоновъ, 33 сотни спѣшенныхъ казаковъ, 6 батарей безъ запряжекъ (одна прислуга), 16 конныхъ сотенъ, одна мортирная батарея и 5 аэроплановъ. Этотъ парадъ произвелъ неизгладимое впечатлѣніе на членовъ Круга. По окончаніи парада головные взводы всѣхъ частей были вызваны передъ середину фронта. Составилась внушительная колонна. Къ ней подошелъ предсѣдатель Круга В. А. Харламовъ, окруженный членами, и сказалъ слѣдующую, вылившуюся изъ сердца рѣчь:

— «Большой Войсковой Кругъ Всевеликаго войска Донского радъ видѣть свою родную армію.

«Привѣтъ вамъ, молодые донскіе орлы, отъ Тихаго Дона съ верху до низу и съ низу до верху.

«Вы призваны на защиту Дона, его правъ и вольностей. Мы, казаки, ни на кого не нападали; на насъ напали предатели, погубившіе могучую Русскую армію и нашу родину.

«Донъ всколыхнулся, взволновался, грудью всталъ на защиту своего существованія, своихъ правъ, своего достоянія. Но отстоять свое существованіе, свои права и достояніе можетъ только тотъ народъ, то государство, или область, который имѣетъ сильную армію.

«Армія сильна желѣзной дисциплиной. Революціонной дисциплины нѣтъ — есть одна дисциплина. Она требуетъ точнаго, неуклоннаго, немедленнаго и безоттоворочнаго исполненія приказовъ начальства. Воля начальства — законъ для каждагс отъ генерала до казака.

«Одна мысль, одна воля должны направлять и двигать армію. Никакихъ комитетовъ, никакихъ комиссаровъ въ ней не должно быть. Армія сильна, когда она не занимается политикой. Политика — дѣло избранниковъ населенія и правительства. Помните, что на стражѣ интересовъ арміи и населенія должны стоять его избранники.

«Армія сильна, когда между начальствомъ и подчиненными существуетъ полное единодушіе, когда она составляетъ одну семью, проникнутую духомъ чести и рыцарства.

«Я убѣжденъ, что такую сильную армію Большой Войсковой Кругъ видитъ въ васъ. Донскіе орлы! Передайте вашимъ братьямъ по оружію, что Большой Войсковой Кругъ гордится своей арміей. Кругъ убѣжденъ, что въ ней онъ имѣетъ могучую, неодолимую силу, грозную для всѣхъ враговъ Дона и что долгъ свой передъ роднымъ краемъ и родиной армія выполнитъ до конца.

«Въ честь Донской Арміи и ея вождей — дружное могучее ура! Объявляю Донской Арміи постановленіе Большого Войскового Круга о производствѣ Донского Атамана генералъ-маіора Краснова въ чинъ генерала отъ кавалеріи» . . .

Громовое ура раздалось по полю. Однако, враги Атамана не дремали и тутъ. Они здѣсь же на Персіановскомъ военномъ полѣ, среди членовъ Круга, стали говорить, что парадъ — это пусканіе пыли въ глаза Кругу. Молодые казаки умѣютъ только маршировать съ носка подъ музыку и совершенно не готовы для боя. Члены военной комиссіи попросили показать тактическое ученіе пѣхоты и конницы. Для этого былъ вызванъ 3-й стрѣлковый полкъ изъ крестьянъ Донского войска, который на глазахъ Круга произвелъ примѣрное наступленіе, потомъ произвела конное ученіе сотня 1-го Донского Казачьяго полка. Члены Круга въ полной мѣрѣ были удовлетворены видѣннымъ. Но злые языки не унимались.

— Вотъ, посмотрите, — говорили они, — что армія эта никуда не годится. Въ бою она побѣжитъ передъ большевиками. Армію надо учить на войнѣ, а не въ учебныхъ лагеряхъ.

Но не прошло и недѣли послѣ парада, какъ телеграфъ принесъ извѣстіе о громкой побѣдѣ 1-й Пластунской бригады и 2-й Донской казачьей дивизіи надъ большевиками въ Чирскомъ районѣ. Части молодой арміи наступали какъ на парадѣ, не ложась, неся винтовки на ремнѣ, противникъ бѣжалъ передъ ними, а когда они залегли и открыли мѣткій огонь по врагу, то сильныя позиціи красныхъ были ими покинуты. Молодая армія получила боевое крещеніе и показала, чего она стоитъ.

«Впечатлѣніе отъ всего видѣннаго на парадѣ», — пишетъ Г. Щепкинъ, — «незабываемое . . . Члены Круга были поражены, ослѣплены такимъ результатомъ 3-хъ-мѣсячной работы и ихъ «ура» долго слышалось изъ поѣзда при возвращеніи въ Новочеркасскъ». *

Въ виду того, что почти всѣ станицы войска Донского расположены по рѣкѣ Дону и въ лѣтнее время рѣка Донъ является такою же важною артеріею, какъ и желѣзнодорожные пути, Атаманъ одновременно съ постройкою броневыхъ поѣздовъ былъ озабоченъ и созданіемъ рѣчной флотиліи. Часть пассажирскихъ пароходовъ была приведена въ боевое положеніе, на нихъ поставлены полевыя орудія на вращающихся платформахъ и установлены пулеметы. Было положено начало боевому флоту. Къ зимѣ 1918 года въ Донскомъ флотѣ было 8 судовъ: — яхта «Перначъ», бывшая океанская яхта великаго князя «Тамара», рѣчные пароходы: «Донецъ», «Кубанецъ», «Цымла», «Вольный Казакъ» и «Новочеркасскъ» и морскіе пароходы — «Христофоръ» и «Сосіетэ». Рѣчные пароходы нѣсколько разъ совершали боевыя плаванія по Дону, очищая отъ большевиковъ захватываемыя ими станицы — особенно Цымлянскую и Нижне-Курмоярскую, а пароходы «Христофоръ» и «Сосіетэ» плавали въ порты Румыніи и Крыма и доставили оттуда для Донской Арміи 12 шести-дюймовыхъ морскихъ длинныхъ пушекъ Канэ, которыя были установлены на изготовленные въ Ростовѣ броневые поѣзда, 4 мелкихъ орудія Канэ, 100 пулеметовъ, 9 аэроплановъ, 500.000 ружейныхъ патроновъ и 10.000 снарядовъ. Для подготовки личнаго состава Донского флота былъ устроенъ въ городѣ Таганрогѣ флотскій береговой батальонъ.

Къ зимѣ 1918 года Донская армія и флотъ приняли стройную организацію, были снабжены всѣмъ необходимымъ, закалены въ постоянныхъ бояхъ съ непріятелемъ и были готовы къ наступленію совмѣстно съ союзниками и Добровольческой арміей на Москву для спасенія Россіи.

Армія имѣла къ этому времени 1282 офицера, 31.300 бойцовъ на фронтѣ, 79 пушекъ и 267 пулеметовъ, и кромѣ того молодую армію въ составѣ 20.000 бойцовъ. Техническія средства арміи состояли изъ 68 самолетовъ, 14 броневыхъ поѣздовъ, 3 броневыхъ автомобилей, химическаго взвода, имѣвшаго 257 баллоновъ съ удушливыми газами и 15 тысячъ дымовыхъ шашекъ, 450 самокатовъ, болѣе 3000 верстъ телеграфнаго и телефоннаго кабеля и слишкомъ 2000 аппаратовъ. Донская армія руководствовалась своими строевыми уставами и наставленіями, въ достаточномъ количествѣ напечатанными въ Новочеркасскѣ и представляющими изъ себя исправленные и дополненные, по опыту Русско-Германской войны, уставы и наставленія Россійской Императорской Арміи.

Войско Донское имѣло свой Донской кадетскій Императора Александра III, корпусъ на 622 кадетъ, съ приготовительнымъ пансіономъ для малолѣтнихъ на 40 человѣкъ сиротъ, Новочеркасское казачье военное училище съ отдѣленіями: пластунскимъ (пѣхотнымъ), казачьимъ (кавалерійскимъ), артиллерійскимъ и инженернымъ, Донскую офицерскую школу съ такими же отдѣленіями, самолетную школу и военно-фельдшерскіе курсы.

Артиллерійскимъ, инженернымъ и интендантскимъ довольствіемъ Донское войско снабжалось сначала исключительно ввозомъ изъ Украины, но постепенно все снабженіе ставилось самостоятельно. Достаточно сказать, что попотребность войска выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ:

---

* Г. Щепкинъ. Донской Атаманъ ген. отъ кав. П. Н. Красновъ. Стр. 48.

Шинелей и полушубковъ	76.505	войско дало		89 %
Рубахъ походныхъ	76.505	»	»	85 %
Шароваръ походныхъ	76.505	»	»	87 %
Бѣлья тѣльнаго	229.515	»	»	86 %
Папахъ и фуражекъ	153.010	»	»	43½ %
Обуви	153.010	»	»	26 %
Сѣделъ	25.305	»	»	⅕ %
Людской амуниціи и патронташей	153.010	»	»	32½ %

Для этой цѣли Войсковое Интендантство организовало суконную фабрику съ производствомъ 500 аршинъ сукна шинельнаго и рубашечнаго въ мѣсяцъ и поставило на работы всѣ военно-ремесленныя школы.

Съ весны 1919 года Донская Армія должна была совершенно выйти изъ-подъ иностранной опеки, но обстоятельства сложились иначе. Нужно внимательно прослѣдить за ходомъ боевыхъ операцій на Дону для того, чтобы вполнѣ уяснить, почему войско Донское, такъ успѣшно развивавшееся до прихода союзниковъ на Югъ Россіи, погибло, какъ только слилось съ Добровольческой арміей.

Исторію борьбы Донцовъ съ большевиками можно раздѣлить на слѣдующіе три періода:

Періодъ первый — народная война казачьей народной арміи противъ разбойничьихъ шаекъ большевиковъ — красной гвардіи.

Періодъ второй — народная война казачьей народной арміи противъ красной рабоче-крестьянской народной арміи за цѣлость своихъ станицъ.

Періодъ третій — классовая война Добровольческой арміи, въ которую влились, какъ части, казачьи арміи противъ рабоче-крестьянской красной арміи.

Первые два періода были при косвенной помощи германцевъ, послѣдній подъ руководствомъ и при матеріальномъ участіи союзниковъ — французовъ и англичанъ.

Глава VIII

Постепенное очищеніе войска Донского отъ большевиковъ. — Соединеніе возставшихъ казаковъ на Сѣверѣ съ южными округами. — Образованіе единаго фронта. — Движеніе за предѣлы войска. — Необходимость посторонней поддержки.

Немедленно по овладѣніи Новочеркасскомъ полковникъ Денисовъ, произведенный Кругомъ спасенія Дона въ генералъ-маіоры, рѣшилъ для окончательнаго закрѣпленія за собою Новочеркасска овладѣть городомъ Александро-Грушевскимъ, куда отступили красныя войска. Эта операція была поручена сѣверной группѣ войскъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Фицхелаурова.

28-го апрѣля * генералъ Фицхелауровъ съ боемъ занялъ городъ, а вслѣдъ за тѣмъ своими конными частями очистилъ весь угольный районъ и призвалъ рабочихъ къ мирной работѣ.

Одновременно въ Донскомъ округѣ, на рѣкѣ Бѣлой Калитвѣ, 25 апрѣля, самостоятельный станичный Ермаковско-Екатерининскій отрядъ разбилъ красногвардейскій эшелонъ и отнялъ цѣлый поѣздъ съ боевыми припасами (около

* Всѣ числа проставлены по старому, православному стилю.

5.000 артиллерійскихъ снарядовъ и 600 тысячъ ружейныхъ патроновъ) и тогда же пришло извѣстіе о крупной побѣдѣ казаковъ Мигулинской станицы надъ большевиками, гдѣ тоже была взята значительная добыча.

Все это заставило только что назначеннаго командующимъ арміей молодого и рѣшительнаго генерала Денисова спѣшить для соединенія съ возставшими казаками и развить дѣйствія на сѣверъ и на сѣверо-востокъ.

Генералу Фицхелаурову было приказано начать наступленіе къ станицѣ Каменской, по овладѣніи которой повернуть на востокъ и стремиться къ соединенію съ возставшими казаками 2-го Донского Округа, ведшими упорные бои у Нижне-Чирской станицы.

Въ отрядѣ генерала Фицхелаурова насчитывалось 9 тысячъ пѣхоты и конницы при 11 орудіяхъ и 36 пулеметахъ.

Между 15 и 19 мая генералъ Фицхелауровъ выбилъ сильный отрядъ товарища Щаденко изъ Морозовской станицы, заставилъ его отойти къ станціи Суровикино и началъ наступленіе на Суровикино. Отходящія вдоль желѣзной дороги къ Царицыну части Щаденко напали съ тыла на части генерала Мамонтова и поставили его въ очень тяжелое положеніе, принудивъ бороться на два фронта. Были дни, когда положеніе генерала Мамонтова, имѣвшаго очень мало патроновъ, было критическимъ. Казаки Мамонтовской группы уже готовы были призвать на помощь нѣмцевъ, но Донской Атаманъ не разрѣшилъ имъ этого, убѣдивши, что они сами справятся съ большевиками.

1-го іюня войска генерала Фицхелаурова и генерала Мамонтова совмѣстными усиліями овладѣли станицей Суровикино и принудили Щаденко, бросить желѣзную дорогу и грунтовыми путями отойти къ станціи Чиръ.

Это была первая побѣда Донцовъ, имѣвшая стратегическое значеніе. Благодаря уничтоженію отряда Щаденко казаки Верхне-Донского, Донецкаго и 2-го Донского Округовъ объединились съ казаками южныхъ округовъ и, такимъ образомъ, изъ 10 округовъ — восемь получили единое командованіе, да и съ боровшимися на сѣверѣ войска Донского — въ Хоперскомъ и Усть-Медвѣдицкомъ Округахъ отрядами была установлена связь. Главное было достигнуто, командующій арміей приступилъ къ систематической очисткѣ станицъ и слободъ отъ красной гвардіи.

Здѣсь ему и Донскому Атаману пришлось столкнуться съ мѣстнымъ казачьимъ патріотизмомъ. Въ нѣкоторыхъ казачьихъ частяхъ были митинги и выносились резолюціи о томъ, что сражаться надо только за станицы своего округа и не переходить его границъ. Многіе окружные атаманы, атаманы станицъ и даже просто коменданты станцій и пристаней самовольно выносили постановленія о невывозѣ изъ предѣловъ станицы хлѣба, реквизировали проходящіе черезъ нихъ грузы. Большевистскій ядъ крѣпко впитался въ ихъ натуру, и Дону грозила опасность расколоться на части и погибнуть во взаимной враждѣ. Атаманъ суровыми мѣрами расправился съ митинговавшими полками, предалъ полевому суду самовольцевъ — эти мѣры съ одной стороны, съ другой благородный порывъ нѣкоторыхъ полковъ, какъ напримѣръ Гундоровскаго и Егорлыцкаго, которые по первому приказу выступили за предѣлы своихъ округовъ и пошли отстаивать войско, а не свои станицы, вернуло армію къ порядку. Эти случаи заставили спѣшить Атамана съ постепеннымъ уничтоженіемъ станичныхъ дружинъ и замѣной ихъ номерными полками, гдѣ мѣстный патріотизмъ былъ бы сглаженъ и замѣненъ патріотизмомъ обще-войсковымъ.

Эти случаи показали Атаману, какъ нужно быть осторожнымъ при подготовкѣ Арміи къ походу за предѣлы войска.

Наступленіе донскихъ частей на сѣверъ и востокъ продолжалось. Генералу Фицхелаурову скоро удалось связаться съ полковникомъ Алферовымъ, который еще 14-го мая, собравши казаковъ подлѣ Зотовской станицы, началъ успѣшную борьбу противъ красной гвардіи. Въ Хоперскомъ округѣ ничего не знали ни объ освобожденіи Новочеркасска, ни объ избраніи Атамана. Почти одновременно и генералъ Мамонтовъ вошелъ въ связь съ отрядами полковниковъ Старикова и Сехретева, очищавшихъ отъ большевиковъ Усть-Медвѣдицкій Округъ.

Къ концу мая все войско Донское представляло единый фронтъ, подчиненный командующему арміей и Атаману и имѣющій своею базой Новочеркасскъ и Украину. Отдѣлу снабженія надо было лихорадочно работать, чтобы укрѣпить этотъ фронтъ оружіемъ и средствами борьбы и не дать храбрецамъ дойти до отчаянія.

Прочная база на Украинѣ, возможность, благодаря германскимъ гарнизонамъ, быстро наладить транспортъ и заставить работать желѣзныя дороги, помогло Атаману довести возстаніе казаковъ до страшнаго напряженія и обратить его въ правильную планомѣрную войну съ красной гвардіей.

5 іюня командующій Арміей снарядилъ рѣчной дессантный отрядъ изъ пароходовъ «Новочеркасскъ» и «Донецъ» въ составѣ Каменскаго полка, силою около 2000 штыковъ, и конной сотни подъ общимъ начальствомъ полковника Дубовскаго и послалъ этотъ отрядъ вверхъ по Дону для окончательной очистки лѣвобережныхъ станицъ. Отрядъ освободилъ отъ большевиковъ станицы Каргальскую и Романовскую и помогъ Цымлянскому, Нижне-Курмоярскому и Потемкинскому отрядамъ овладѣть всѣмъ лѣвымъ берегомъ. Красногвардейцы должны были покинуть богатыя придонскія станицы и хутора и уходить въ степь. Здѣсь имъ пришлось столкнуться съ отрядами, посланными въ Задонье. Красная гвардія базировалась на желѣзную дорогу Царицынъ—Торговая—Тихорѣцкая. Центральныя станціи этой дороги Котельниково и Великокняжеская явились сильными узлами обороны. Кавказскіе большевики, не тревожимые пока никѣмъ, сообщались съ Царицынымъ, и силы казаковъ, слишкомъ незначительныя, не могли сломить сопротивленія большевиковъ.

Въ первыхъ числахъ іюня Добровольческая армія, снабженная и окрѣпшая въ Мечетинской, вышла изъ своего инертнаго состоянія и начала наступленіе на Сосыку и Торговую. Одновременно и войска Задонской группы Донской Арміи были двинуты на Торговую и Великокняжескую.

17-го іюня Донцы совмѣстно съ Добровольцами заняли Великокняжескую станицу. Въ Великокняжеской Добровольцы оставили свой гарнизонъ, а Донцы самостоятельно продолжали наступленіе и заняли станціи Двойную, Куберле и Зимовники, и такимъ образомъ стали выходить во флангъ и тылъ большевистскимъ бандамъ, боровшимся противъ Мамонтова у станціи Чиръ. Гнѣздо большевиковъ, слобода Мартыновка, упорно защищавшаяся отъ казаковъ и непризнававшая Атаманской власти, была окружена и черезъ мѣсяцъ осады сдалась . . .

Исторія этого періода борьбы въ глубинѣ Донскихъ степей изобилуетъ полными драматизма эпизодами. Нѣтъ возможности описать всѣхъ ужасовъ, всей нравственной нелѣпости гражданской войны братьевъ со своими братьями. Казаки долго не могли овладѣть Мартыновкой лишь потому, что противъ нея

дѣйствовали полки 1-го Донского Округа. Большинство казаковъ имѣло своихъ женъ изъ Мартыновки и, обратно, многіе крестьяне слободы были женаты на мѣстныхъ казачкахъ. Борьба между родичами обращалась въ нелѣпость. Ни казаки, ни слободскіе большевики не подходили другъ къ другу ближе чѣмъ на двѣ версты, боясь поранить своихъ. Только тогда, когда Атаману удалось вывести части 1-го Донского Округа на фронтъ 2-го Донского Округа, а къ Мартыновкѣ направить полки Донецкаго Округа, «родственная» война окончилась, и Мартыновка была захвачена.

Движеніе Добровольческой Арміи на перерѣзъ Владикавказской желѣзной дороги заставило большевиковъ, торчавшихъ подъ самымъ Новочеркасскомъ — въ Азовѣ покинуть побережье Азовскаго моря и отходить на Кубань. 13 іюля на югѣ войска не оставалось больше большевиковъ, и Новочеркасскъ могъ быть совершенно спокойнымъ.

Командующій Арміей сталъ перебрасывать войска съ юга для развитія операцій на сѣверѣ по направленію къ Воронежу и Камышину.

17-го іюля казаки Хоперцы овладѣли станціями Филипово, Панфилово и Кумылга и отрѣзали Царицынъ отъ станціи Поворино. Одновременно генералъ Фицхелауровъ вышелъ къ границамъ Саратовской губерніи.

Генералъ Мамонтовъ, оправившись послѣ тяжелыхъ іюньскихъ боевъ у Суровикино, пополнивши свои части и, главнымъ образомъ, получивши сильную артиллерію, 21-го іюля перешелъ въ наступленіе и, сбивши противника съ позиціи у станціи Чиръ, къ 31-му іюля выгналъ его за предѣлы области и сдавилъ у Царицына.

Наконецъ, 27-го іюля, части полковника Алферова вышли на сѣверѣ за предѣлы войска и захватили городъ Богучаръ Воронежской губерніи, который сталъ опорнымъ пунктомъ казаковъ для освобожденія Россіи отъ большевиковъ.

Но мысль соединиться съ Добровольцами, дождаться помощи союзниковъ и идти спасать Москву отъ большевиковъ, Атаманъ могъ хранить въ сердцѣ своемъ и никому не высказывать.

Войско Донское было свободно отъ Красной гвардіи, въ Новочеркасскѣ собрался Войсковой Кругъ и приступилъ къ созданію «конституціи» и внутреннему строительству. Интеллигентная часть Круга, понимая, что не можетъ быть войска Донского внѣ и независимо отъ Россіи стояла на дальнѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій, сѣрая часть Круга, громадное большинство, стояло на принципѣ «безъ аннексій», «при свободномъ самоопредѣленіи народовъ», и самоопредѣлилось въ предѣлахъ земли войска Донского, не желая переходить его границы.

Что такое были границы войска? Границы губерніи, межи, часто идущія прямо по степи безъ всякаго признака границы. И только потому, что эта нива принадлежитъ казаку, а другая рядомъ крестьянину Саратовской, или Тамбовской губерніи, можно было узнать, что это граница. Но для казаковъ это было все. И дальше идти они не желали.

Атамана выбрала сѣрая часть Круга. Она ему вѣрила, и она ввѣрила ему свои судьбы. И эта сѣрая часть Круга опредѣленно говорила: «Что намъ Россія? Отъ нея намъ были всегда однѣ лишь непріятности да обиды». Россія и «Царскій режимъ» отождествлялись. А Царскій режимъ — это тяжелая повинность, казаки на задворкахъ Русской конницы, презрительно-ласковое «казачки» и оскорбительное «нагаечники», «палачи», «опричники»!

— «Вы посмотрите, какое войско Донское маленькое», — говорили Атаману сѣрые донцы, — «можетъ ли оно одно идти спасать Россію? Да и съ какой стати! Коли она сама спасаться не хочетъ. Пусть поднимается какъ мы и идетъ спасать себя. А на что добровольцы? Засѣли на Кубани, по Кисловодскамъ шатаются, а настоящей войны не хотятъ! Мы хотимъ мира и айда по домамъ. Ведите переговоры съ совѣтскими, чтобы, значитъ, насъ не трогали и мы ихъ не тронемъ!»

И несмотря на всю свою силу почти самодержца, Атаманъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Перейти границы войска Донского, это значило изъ народной войны сдѣлать войну гражданскую, завоевательную въ лучшемъ случаѣ, идти ради добычи, ради грабежа.

Создавался заколдованный кругъ — идти надо, но идти нельзя. Пойдешь впередъ — не будешь имѣть успѣха, все повернется противъ тебя.

Атаману удалось добиться постановленія Круга о переходѣ границъ войска Донского, которое было выражено въ приказѣ Всевеликому войску Донскому слѣдующими словами: — «Для наилучшаго обезпеченія нашихъ границъ, Донская армія должна выдвинуться за предѣлы области, занявъ города Царицынъ, Камышинъ, Балашовъ, Новохоперскъ и Калачъ въ районахъ Саратовской и Воронежской губерній». *

Но это была мертвая буква. За границу шли не охотно.

— Пойдемъ, если и «Русскіе» пойдутъ, — говорили казаки.

Атаманъ снесся съ генераломъ Деникинымъ. Онъ снова и весьма настойчиво просилъ его оставить Кубанцевъ самихъ доканчивать освобожденіе Кубани, какъ это сдѣлало войско Донское, а самому идти на Царицынъ и Воронежъ. Атаманъ писалъ, что Добровольческая Армія и Кубанцы имѣютъ противъ себя одну деморализованную банду товарища Сорокина, тогда какъ на сѣверѣ силы большевиковъ крѣпнутъ и сопротивленіе ихъ почти неодолимо. Екатеринодаръ занятъ, 11-го сентября на Кубани созывается Рада казачья, самое время генералу Деникину идти и становиться самостоятельнымъ, внѣ казаковъ.

Но генералъ Деникинъ отказалъ въ этомъ Атаману. Онъ долженъ оставаться на Кубани, пока не освободитъ отъ большевиковъ всего сѣвернаго Кавказа. Онъ откладывалъ свое движеніе на сѣверъ и совмѣстныя дѣйствія съ Донцами. Онъ не хотѣлъ работать рядомъ съ Атаманомъ, сила и популярность котораго въ войскѣ была сильнѣе его популярности. Ему пріятнѣе было, имѣть дѣло съ мягкимъ и податливымъ Филимоновымъ, нежели съ крутымъ и твердымъ Донскимъ Атаманомъ. Съ Радой онъ не считался, съ Кругомъ и Донскимъ Атаманомъ пришлось бы считаться. Генералъ Деникинъ въ это время уже не былъ ни солдатомъ, ни горячимъ патріотомъ — онъ былъ политикомъ. Политика приковывала его къ Екатеринодару и Новороссійску.

Онъ ждалъ союзниковъ.

---

* Приказъ Всевеликому войску Донскому № 844. Отчетъ Управляющаго Военнымъ и Морскимъ Отдѣлами и Командующаго Донской Арміей и Флотомъ. Новочеркасскъ 1919 г. Стр. 4.

Глава IX

Въ поискахъ союзниковъ. Украина. Состояніе воинскихъ силъ Украины. Безпомощность Гетмана Скоропадскаго. Переговоры Украины съ Совѣтской республикой. Свиданіе Гетмана Скоропадскаго съ Донскимъ Атаманомъ на станціи Скороходово. Переписка по этому поводу со штабомъ генерала Деникина. Необходимость созданія не казачьей арміи на сѣверѣ Донского войска.

Въ этомъ тяжеломъ положеніи Атаманъ все чаще и чаще присматривался къ тому, что дѣлалось рядомъ на Украинѣ. Лѣвый флангъ его арміи и отчасти тылъ, губерніи Харьковская, Екатеринославская и Херсонская — были Украиной. Пока на Украинѣ былъ порядокъ, пока была дружба и союзъ съ Гетманомъ, Атаманъ могъ быть спокоенъ за свой лѣвый флангъ. На Гетмана Скоропадскаго Атаманъ могъ положиться. Гетманъ былъ старымъ товарищемъ, почти другомъ Атамана по службѣ въ 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи, и пока П. П. Скоропадскій находился на Украинѣ, Атаманъ могъ быть спокоенъ за свой тылъ и флангъ. Мало того, съ Украиной начинался правильный товарообмѣнъ, Донъ получалъ отъ нея не только оружіе и снаряженіе, но получалъ сахаръ, кожу, сукно и могъ развивать свою торговлю.

Но могъ ли Атаманъ быть спокоенъ и увѣренъ въ томъ, что въ бурѣ, бушевавшей надъ Россіей, Гетманъ Скоропадскій устоитъ? Будетъ ли онъ тѣмъ дубомъ, которому не страшны стихіи? Умиротворяется ли дѣйствительно Украина, или ея благополучіе чисто внѣшнее?

Донесенія Атамана Зимовой станицы въ Кіевѣ, генералъ-маіора Черячукина, безпокоили Атамана. Атаманъ съ дѣтства усвоилъ, что можетъ быть свободно только то государство, которое опирается на сильную національную армію.

У Гетмана арміи не было. Нѣмцы мѣшали ему создать таковую. Они боялись осложненій, они оккупировали Украину для своихъ цѣлей и имъ украинская армія была ненужна. Украинскіе верхи, посаженные волею нѣмцевъ, боялись объявлять мобилизацію и собирать армію: большевизмъ былъ слишкомъ силенъ въ низахъ, и такая армія могла легко подпасть подъ пропаганду большевиковъ, или быть увлеченной авантюристами, коихъ много бродило тогда по Украинѣ.

Гетманъ и его приближенные считали, что въ то время можно было разсчитывать только на нѣмцевъ, а если уже придется создавать армію, то создавать ее на особыхъ началахъ изъ вольнонаемныхъ добровольцевъ, набираемыхъ изъ крестьянъ собственниковъ.

На Украинѣ созданіе арміи шло прямо противоположно тому, какъ создавалась армія на Дону. На Дону народъ поднялся противъ большевиковъ, собрался въ дружины, дружины призывали офицеровъ, а затѣмъ уже работою командующаго арміей генерала Денисова и его штаба эти дружины выкристаллизовались въ полки, дивизіи, корпуса и арміи и туда пришлось назначать соотвѣтствующихъ начальниковъ. На Украинѣ цѣлый рядъ генераловъ и офицеровъ получилъ назначенія командировъ корпусовъ, начальниковъ дивизій и командировъ полковъ, одѣлъ оригинальные украинскіе жупаны, расшитые шнурами, со сборками сзади, отпустилъ оселедцы, навѣсилъ кривыя сабли, занялъ казармы, наклеилъ вывѣски на украинскомъ языкѣ, напечаталъ уставы по-украински, ввелъ нѣмецкія слова въ команды *, издалъ множество очень инте-

* Напримѣръ: «смирно! равненіе направо!» — по украински — «ахтунгъ! струнко направо!»

респныхъ военныхъ книгъ съ обложками на украинскомъ языкѣ и съ содержимымъ на русскомъ, но солдатъ въ арміи не было.

Создавалась въ Кіевѣ изъ молодыхъ земельныхъ собственниковъ прекрасная дивизія «сѣчевыхъ стрѣльцовъ», были офицерскіе баталіоны и нарядный Сумской гусарскій полкъ — но это были тысячи человѣкъ тогда, когда для защиты Украины и для войны съ большевиками требовались сотни тысячъ.

Переговоры о мирѣ съ Совѣтской республикой затягивались и выливались въ форму праздной болтовни и пустого митинга. Совѣтская республика недвусмысленно грозила возстаніемъ въ тылу, общественные дѣятели лѣваго толка, подобные Петлюрѣ, поднимали голову и говорили противъ Гетмана и, если все это еще не выступало открыто, то только потому, что молчаливо стояли повсюду часовые въ германскихъ каскахъ и грозное «Halt» заставляло поджимать хвосты самыхъ смѣлыхъ политическихъ шавокъ.

Однако Гетманъ чувствовалъ, что опираться вѣчно на германскія войска невозможно, что Украина одна не можетъ существовать, и онъ рѣшилъ создать тѣсный оборонительный союзъ, слившись съ Дономъ, Кубанью, Крымомъ и народами Кавказа, а также самостоятельною Грузіею. Это входило и въ нѣмецкіе планы, и при содѣйствіи германскаго командованія 20 октября* на станціи Скороходово между Полтавой и Харьковомъ въ поѣздѣ Гетмана Скоропадскаго между Атаманомъ и Гетманомъ состоялось политическое свиданіе.

Атаманъ прибылъ на Скороходово въ своемъ поѣздѣ изъ трехъ вагоновъ въ сопровожденіи генерала Свѣчина, двухъ адъютантовъ и маіора Кокенхаузена. Его сопровождалъ почетный караулъ изъ казаковъ Атаманскаго Конвоя, одѣтыхъ въ прежнюю 1914 года казачью форму.

Гетмана сопровождали его военный министръ полковникъ Сливинскій, начальникъ снабженія Моловъ, флигель-адъютантъ полковникъ Зеленевскій, Атаманъ Зимовой станицы въ Кіевѣ генералъ Черячукинъ и другія лица свиты. Съ Гетманомъ былъ офицерскій караулъ и кромѣ того при немъ былъ германскій конвой.

Послѣ завтрака въ вагонѣ гетманскаго поѣзда и общей бесѣды, касавшейся, главнымъ образомъ, снабженія Донской Арміи, Гетманъ остался наединѣ съ Атаманомъ и здѣсь въ откровенной бесѣдѣ высказалъ свои политическіе взгляды на будущее Россіи.

— «Вы, конечно, понимаете», — говорилъ Гетманъ, — «что я, флигель-адъютантъ и генералъ свиты Его Величества, не могу быть щирымъ Украинцемъ и говорить о свободной Украинѣ, но въ то же время именно я, благодаря своей близости къ Государю, долженъ сказать, что онъ самъ погубилъ дѣло Имперіи и самъ виноватъ въ своемъ паденіи. Не можетъ быть теперь и рѣчи о возвращеніи къ Имперіи и возстановленіи Императорской власти. Здѣсь на Украинѣ мнѣ пришлось выбирать — или самостійность, или большевизмъ, и я выбралъ самостійность. И право, въ этой самостійности ничего худого нѣтъ. Предоставьте народу жить такъ, какъ онъ хочетъ. Я не понимаю Деникина. Давить, давить все — это невозможно... Какую надо имѣть силу для этого? Этой силы никто не имѣетъ теперь. Да и хорошо ли это? Не надо этого! Дайте самимъ развиваться и, ей-Богу, самъ народъ устроитъ это все не хуже насъ съ вами...

* По старому стилю.

«Меня упрекаютъ за то, что я велъ переговоры съ Императоромъ Вилгельмомъ и ѣздилъ къ нему... Шульгинъ въ Екатеринодарѣ пишетъ, Богъ знаетъ, какія статьи про меня. Называетъ меня измѣнникомъ. И къ нему пристала вся интеллигенція, всѣ тѣ общественные дѣятели, которыхъ я спасъ отъ большевистской петли!

«Я прошу васъ быть посредникомъ между мною, Деникинымъ, Кубанцами, Грузіей и Крымомъ, чтобы составить общій союзъ противъ большевиковъ. Развѣ не можемъ мы, или наши представители съѣхаться гдѣ-либо и сговориться. Мы всѣ Русскіе люди и намъ надо спасти Россію и спасти ее мы можемъ только сами. Повѣрьте, никакіе нѣмцы, никакіе англичане, или французы насъ не спасутъ»...

На совѣщаніи было рѣшено, что Атаманъ снесется съ генераломъ Деникинымъ для устройства совмѣстныхъ съ Украинцами переговоровъ. Тамъ же Атаманъ заручился согласіемъ Гетмана на созданіе на средства Гетмана особой Русской Арміи въ Юго-Восточномъ углу Харьковской губерніи, которая заслоняла бы войско Донское отъ большевиковъ со стороны Воронежской и Курской губерній.

Въ 6 часовъ вечера Атаманъ уѣхалъ со станціи Скороходово и 21-го октября прибылъ въ Новочеркасскъ. Въ тотъ же день онъ писалъ генералу Лукомскому, завѣдующему политическою частью Деникина, въ Екатеринодаръ:

«Я вчера видѣлся съ Гетманомъ Скоропадскимъ. Цѣль нашего свиданія установленіе болѣе дружескихъ отношеній, сліяніе отдѣльныхъ частей раздробившейся Россіи, объединеніе для общей борьбы съ большевизмомъ, борьбы для освобожденія Россіи. Вы отлично понимаете, что Гетманъ не можетъ громко говорить о борьбѣ съ большевиками, потому что онъ не имѣетъ для этого арміи и вынужденъ «играть въ миръ» съ Совѣтской республикой. Но тайно и онъ, и тѣ русскіе люди, которые его окружаютъ, хотятъ и готовы помогать и войску Донскому, и Добровольческой Арміи, и Кубани въ этомъ общемъ нашемъ дѣлѣ: — освободить Россію отъ нестерпимаго гнета большевизма. Гетманъ готовъ дѣлиться со всѣми нами имуществомъ складовъ, патронами, снарядами и т. п., готовъ помогать и денежно, потому что Украина все-таки богаче Дона и Добровольческой Арміи.

«Тутъ не можетъ быть разговора о такъ навязшихъ въ зубахъ оріентаціяхъ. Снаряженіе и вооруженіе Русское, наслѣдство разложившейся подъ язвами большевизма и разбѣжавшейся Россійской республиканской арміи, деньги даны Русскими людьми, Русскими банками.

«Я совершенно искренно говорю вамъ, Александръ Сергѣевичъ, та политика обособленности отъ Россіи и ея частей, которую ведетъ Добровольческая Армія, къ добру не приведетъ. Вы все ждете барина. Вотъ пріѣдетъ баринъ — баринъ насъ разсудитъ. Но время идетъ и несетъ свои неудачи и падаетъ вѣра въ силы. Нельзя разсчитывать на чужеземную помощь, надо работать самимъ, самимъ въ своемъ творчествѣ искать жизненныя силы. Иначе мы будемъ, какъ цвѣтокъ, подвязанный къ палкѣ, хилый и больной. Выдерните, палку, и онъ упадетъ и завянетъ.

«Вы живете надеждами, что черезъ двѣ недѣли придутъ иностранцы и помогутъ вамъ и войсками, и снарядами, и одеждой, и деньгами. Этою надеждою вы заразили даже и мою армію, и на Царицынскомъ фронтѣ ждутъ французовъ. И духъ отъ этого не повышается, а падаетъ.

«А если не придутъ?

«Я вамъ прямо говорю — такъ скоро навѣрно не придутъ. То-есть, могутъ пріѣхать отдѣльные люди, новые и новые возбудители надеждъ, но реальная сила — тысячъ сорокъ войска, комплектовъ 200—300 тысячъ одежды и вооруженія при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ ранѣе декабря не придутъ. Да и придутъ ли?

«А вѣдь вы всѣ надежды возлагаете на нихъ. Я не знаю, какъ одѣта и обута ваша армія, но про свою могу сказать — у меня двѣ трети не имѣетъ сносныхъ сапогъ, одна треть совсѣмъ не имѣетъ сапогъ, обута въ лапти, даже офицеры! Не только полушубковъ, не только тѣлогрѣекъ, но даже шинелей далеко не хватаетъ. Патроновъ осталось только 13 милліоновъ. А война идетъ страшно жестокая. Я имѣю дѣло съ 4-мя красноармейскими арміями, руководимыми генералами Русскаго генеральнаго штаба, арміями богато снабженными и отлично вооруженными.

«Скажите по совѣсти, имѣю ли я право при такихъ обстоятельствахъ отказываться отъ помощи оружіемъ и снаряженіемъ, не брать синицу въ руки и ожидать журавля въ небѣ?

«Задайте себѣ тотъ же вопросъ, и я думаю, что когда вы трезво посмотрите на свою армію, на своихъ солдатъ и офицеровъ, когда вы вспомните всю ту великую кровь, которою вамъ приходится добывать побѣды, вы поймете, что ждать нельзя. Да, повѣрьте, и баринъ, котораго вы ждете и которому хотите поднести свою непоколебимую вѣрность обѣщаніямъ, пойметъ, что иного выхода не было.

«Да, для Добровольческой Арміи есть еще выходъ, славно погибнуть, но будетъ ли это на пользу Россіи, которая вся ждетъ отъ васъ чуда? Могутъ ли погибнуть Донъ, Кубань, Украина — ихъ гибель не будетъ ли гибелью всего дѣла!

«Намъ нужно просто только столковаться. Вѣдь не дѣти же мы? Капризныя своенравныя дѣти, которыя другъ друга въ чемъ-то обвинили и не хотятъ разговаривать одинъ съ другимъ.

«Вѣрьте мнѣ, не политиканы же и газетчики, которые, какъ вороны, слетѣлись въ Екатеринодаръ, спасутъ Россію. Вѣдь то, что теперь происходитъ въ Екатеринодарѣ, такъ напоминаетъ январь и февраль мѣсяцы этого года въ Новочеркасскѣ. Говорить о будущемъ Россіи, всей Россіи, еще рано — надо освободить ее. Нельзя дѣлить шкуру медвѣдя, не убивши самого медвѣдя. Убить этого медвѣдя каждому изъ насъ порознь трудно, почти невозможно. Надо соединиться.

«Вѣдь намъ надо только столковаться и понять другъ друга. Tout comprendre c'est tout pardonner.

«Гетманъ предполагаетъ на этихъ дняхъ обратиться къ Добровольческой Арміи, Дону и Кубани, если возможно — Тереку, Грузіи и Крыму, чтобы всѣмъ этимъ образованіямъ выслать опредѣленное число депутатовъ на общій съѣздъ. Цѣль этого съѣзда пока только одна: выработка общаго плана борьбы съ большевиками и большевизмомъ въ Россіи, чтобы наши дѣйствія не были отрывочными и эпизодическими, но въ полной мѣрѣ планомѣрными. И я надѣюсь, что протянутая рука единенія и дружбы не будетъ вами оттолкнута. Вѣдь это еще шагъ по пути къ единой недѣлимой Россіи, не предрѣшая ея будущаго. Не будемъ же сами толкать Украину на взятый ею ложный путь самостійности. Соберемся и столкуемся, памятуя, что l'union fait la force

и никто не посмѣетъ бросить камень въ Русскихъ людей, которые стремятся соединиться, а не разойтись». *

Но протянутыя Гетманомъ и Атаманомъ руки остались не принятыми. Все не понравилось Деникину въ этомъ письмѣ. Во первыхъ, предложеніе о съѣздѣ исходило не отъ него, а отъ Гетмана, во вторыхъ, согласиться на разговоры съ Гетманомъ, Грузіей и Крымомъ значило признать ихъ самостоятельность. Отъ кого? Этимъ вопросомъ Деникинъ и его правительство не задавались. Отъ Добровольческой Арміи, конечно, которая олицетворяла всю Россію и являлась ея эмблемой. Въ третьихъ, письмо говорило о союзнической помощи и сомнѣвалось въ ней, а это было недопустимо съ точки зрѣнія Добровольческой Арміи и, наконецъ, до свѣдѣнія Добровольческой Арміи дошли слухи о томъ, что въ Кіевѣ собирается какая-то Южная Армія. Генералъ Деникинъ усмотрѣлъ въ этой арміи злой умыселъ, каверзу, придуманную нѣмцами для того, чтобы ослабить Добровольческую Армію и не пускать въ нее офицеровъ изъ Россіи, задерживая ихъ на Украинѣ. Почти одновременно съ письмомъ въ Екатеринодаръ пріѣхалъ изъ Кіева генералъ А. М. Драгомировъ, который весьма сурово и жестко высказывался про Гетмана Скоропадскаго и про его германофильскую политику.

28 октября помощникъ главнокомандующаго и начальникъ военно-морского отдѣла Добровольческой Арміи генералъ Лукомскій письмомъ за № 007 отвѣтилъ Атаману, что онъ считаетъ необходимымъ, начать переговоры по выработкѣ соглашенія и объ условіяхъ таковаго, но въ основу этихъ переговоровъ должно быть поставлено единое командованіе, единая власть генерала Деникина. Письмомъ отъ 2-го ноября за № 002/72 ш. генералъ Лукомскій развилъ свои мысли по этому поводу.

«Командованіе Добровольческой Арміи, ставя своими задачами объединеніе осколковъ бывшей Россіи въ Единую Недѣлимую Россію и исходя изъ извѣстныхъ вамъ, связанныхъ съ конечной цѣлью, основныхъ положеній, отнюдь не можетъ быть нетерпимо и недоброжелательно къ тѣмъ Русскимъ людямъ и силамъ, которые опредѣленно выразили и выражаютъ однородныя съ Добровольческой Арміей стремленія». . .

Итакъ въ задачахъ Добровольческой Арміи и въ тѣхъ задачахъ, которыя ставили себѣ Украина и Донъ и къ которымъ они хотѣли привлечь Добровольческую Армію, Грузію, Крымъ, Кубань и народы Сѣвернаго Кавказа, было существенное расхожденіе. Гетманъ и Атаманъ первою задачею ставили борьбу съ большевиками и уничтоженіе большевизма въ Россіи и только по завершеніи этой задачи они склонялись рѣшать вопросъ о будущемъ Россіи. Добровольческая Армія ставила, если не первой своей задачей, то по крайней мѣрѣ задачей одновременной съ борьбой съ большевиками — «объединеніе осколковъ бывшей Россіи въ Единую Недѣлимую Россію» — иными словами, уничтоженіе самостоятельной Украины, самостоятельной Грузіи, посягательства на полную автономію Крыма, Дона и Кубани. Если Скоропадскій и Красновъ, какъ Русскіе люди, не менѣе Русскіе, нежели Деникинъ, могли пойти на это, то Гетманъ и Атаманъ идти на это, не предавая избравшій ихъ народъ, не могли.

---

* Письмо Донского Атамана А. С. Лукомскому отъ 22 октября 1918. Изъ Новочеркасска. Весьма секретно № 15.

Генералъ Лукомскій указывалъ Атаману, что Добровольческая Армія не согласна съ политикой Атамана и энергично протестуетъ противъ нѣкоторыхъ дѣйствій Атамана. Такъ Атаманъ 21-го октября для успокоенія умовъ казаковъ, взволнованныхъ сильною затяжкой и изнурительностью войны съ большевиками въ приказѣ войску Донскому за № 1263 писалъ: — «Недалеки тѣ дни, когда вновь сформированная Народная Армія смѣнитъ въ боевой линіи донскихъ казаковъ». Генералъ Лукомскій усматривалъ въ этомъ, что «дальнѣйшая борьба за возсозданіе Единой Россіи уже не составляетъ задачи и обязанности Войска Донского, какъ части общаго организма, стремящагося къ этой конечной цѣли. Проводимыя такимъ образомъ въ народную казачью массу воззрѣнія верховъ безусловно могутъ въ будущемъ послужить благодарной и не лишенной юридической обоснованности почвой для отказа Донскихъ казачьихъ частей къ выполненію общихъ боевыхъ задачъ по освобожденію центра Россіи отъ деспотизма большевиковъ и тѣмъ, слѣдовательно, могутъ причинить трудно даже нынѣ предвидимый вредъ общему дѣлу спасенія отечества. Опасность такой постановки вопроса ясна до очевидности. Всецѣло раздѣляя вашу оцѣнку значенія заслугъ войска Донского въ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ, командованіе Добровольческой Арміи тѣмъ не менѣе считаетъ, что до окончанія борьбы и до полнаго низложенія власти большевиковъ не можетъ быть рѣчи объ уклоненіи казачьихъ войскъ отъ этой общей цѣли и потому считаетъ указанное мѣсто приказа однимъ изъ очень серьезныхъ поводовъ къ порожденію недопустимыхъ разногласій» . . . *

Командованіе Добровольческой Арміи настаивало на уничтоженіи этого приказа.

Академически генералъ Лукомскій и генералъ Деникинъ, конечно, были правы. Донскіе казаки должны были умирать за свободу Родины. Но могъ ли требовать этого Атаманъ, когда рядомъ Воронежскіе, Харьковскіе, Саратовскіе и т. д. крестьяне не только не воевали съ большевиками, не освобождали этой Родины отъ нихъ, но шли противъ казаковъ. Атаманъ стоялъ передъ фактами суровой дѣйствительности. Казаки отказывались выходить за предѣлы войска Донского. Въ полкахъ были митинги протеста.

«Разстрѣливать виновныхъ», — говорили Деникинъ и Лукомскій. Но кто же будетъ разстрѣливать, когда все войско солидарно съ протестующими? Почему же Деникинъ и Лукомскій не мобилизовали населеніе Ставропольской губерніи и Кубанскаго войска и не создали свою Русскую Армію, которая пошла бы вмѣстѣ съ казаками? Почему же они держались принципа добровольчества? Да потому, что, когда мобилизовали, то мобилизованные передавались краснымъ и уводили съ собою офицеровъ. То, что было невозможно для Деникина, Лукомскій считалъ возможнымъ для Донского Атамана.

У Атамана было единственное средство заставить казаковъ идти къ Москвѣ — это дать имъ хотя немного передохнуть отъ боевыхъ лишеній за чьею-то спиною, и потомъ заставить ихъ примкнуть къ Русской Народной Арміи и идти съ нею на Москву. Атаманъ просилъ это сдѣлать добровольцевъ. Онъ просилъ это дважды и дважды получилъ отказъ. Атаманъ дошелъ до границъ войска и понялъ, что одинъ не можетъ идти дальше. Фронтъ расширялся, база удалялась, удлинялись коммуникаціонныя линіи, фланги повисали въ воздухѣ. Долженъ же былъ кто-либо помочь ему. Онъ искалъ союзниковъ.

* Письмо Атаману генерала Лукомскаго 2 ноября 1918 г. № 2/72 ш.

Союзниковъ не было. Ему оставалось одно: самому приступить къ созданію новой Русской Арміи, и онъ приступилъ къ устройству Южной Арміи.

Но идея эта успѣха не имѣла. Генералъ Деникинъ препятствовалъ этой организаціи.

Глава X

Созданіе Южной Арміи. — Поиски командующаго. — Генералъ Деникинъ противъ этой арміи. — Воронежскій, Саратовскій и Астраханскій корпусы. — Работа монархистовъ въ Воронежской губерніи. — Организація красной арміи.

Какая то — все равно какая, но Армія, составленная изъ Русскихъ людей на сѣверной границѣ войска Донского была необходимо нужна Атаману въ виду крайняго утомленія донскихъ казаковъ, рѣшительнаго отказа ихъ бороться и спасать Россію въ полномъ одиночествѣ и, наконецъ, въ виду усиленія напора большевиковъ съ сѣвера.

Атаману предложили организацію, подготовленную въ Кіевѣ союзомъ «Наша Родина», предложили средства на эту Армію. Атаманъ просилъ генерала Деникина взять на себя организацію и руководство этой Арміей, снова и снова указывая ему, что обстановка повелительно требуетъ переноса центра тяжести операцій отъ окраинъ къ серединѣ и выдвиженія на главный операціонный путь Харьковъ—Москва. Переговоры велись съ М. М. Драгомировымъ, которому Атаманъ при проѣздѣ его черезъ Новочеркасскъ предложилъ занять мѣсто начальника штаба этой Арміи, которая получила названіе Южной Арміи съ подчиненіемъ ея генералу Деникину. На мѣсто командующаго этой Арміей предполагалось пригласить генерала Щербачева, или генерала Н. І. Иванова. Раньше Атаманъ велъ объ этомъ переписку и съ Ник. Ник. Головинымъ, ища его помощи и совѣта. Н. Н. Головинъ отказался быть создателемъ этой Арміи, ссылаясь на нездоровье, на дѣлѣ же онъ не хотѣлъ работать съ генераломъ Щербачевымъ, съ которымъ у него были старые нелады и считалъ невозможной работу съ Ивановымъ.

Генералъ М. М. Драгомировъ сказалъ, что раньше нежели отвѣтить, онъ долженъ съѣздить въ Екатеринодаръ. Изъ Екатеринодара онъ привезъ категорическій отказъ. Безъ чувства гадливаго пренебреженія онъ не могъ говорить о Южной Арміи.

— «Это нѣмецкая затѣя!.. Это дѣлается на нѣмецкія деньги лишь для того, чтобы помѣшать работѣ Добровольческой Арміи. Эта армія создается не на пользу, а во вредъ Россіи ея заклятыми врагами нѣмцами»...

Напрасно Атаманъ доказывалъ ему, что армія будетъ обезпечена деньгами, которыя даетъ на нее Гетманъ, что Гетманъ даетъ деньги потому, что онъ лично заинтересованъ въ томъ, чтобы границы Украины были защищены отъ большевиковъ, что кромѣ того деньги дадутъ Русскіе банки и войско Донское. Генералъ Драгомировъ получилъ категорическое приказаніе въ Екатеринодарѣ отказаться отъ этой арміи, и отказался.

Вести переговоры съ генераломъ Щербачевымъ не удалось и Атаманъ остановился на бывшемъ главнокомандующемъ Юго-Западнымъ фронтомъ и героѣ Львова и Перемышля генералѣ отъ артиллеріи Н. І. Ивановѣ. Генералъ Ивановъ проживалъ въ бѣдности въ Новочеркасскѣ безъ всякаго дѣла. Скромный

и благородный, онъ постоянно отказывался отъ всякой помощи отъ Атамана, и Атаману приходилось ему помогать тайно. Пережитыя имъ въ Петербургѣ и Кіевѣ страшныя потрясенія и оскорбленія отъ солдатъ, которыхъ онъ такъ любилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и немолодые уже его годы отозвались на немъ и нѣсколько разстроили его умственныя способности. Онъ сильно ослабѣлъ. Но онъ былъ знамя, къ которому охотно шли офицеры. Онъ пользовался репутаціей и былъ въ дѣйствительности безупречно честнымъ человѣкомъ и стоялъ внѣ политики. Однако, и онъ не рѣшался взять на себя этотъ постъ безъ переговоровъ въ Екатеринодарѣ съ генераломъ Деникинымъ. Изъ Екатеринодара онъ пріѣхалъ сумрачный и недовольный. Видимо сильно его разстроили тамошніе политики, но командовать арміей согласился.

— «Я объ одномъ прошу, чтобы пока что», — сказалъ онъ Атаману, — «армія была подчинена командующему Донской Арміей и вамъ. Святославу Варламовичу (Денисову) и вамъ я вѣрю. Это Русское дѣло и отказываться отъ него грѣхъ. По мѣрѣ силъ моихъ буду работать. А тамъ — не судите строго. Времена то нынче не тѣ».

Начальникомъ штаба онъ взялъ себѣ энергичнаго, талантливаго, но немного суетливаго генерала П. И. Залѣсскаго. Армію предполагалось составить изъ трехъ корпусовъ: — Воронежскаго, формируемаго союзомъ «Наша Родина» изъ Кіева, Саратовскаго, формируемаго изъ Саратовскихъ крестьянъ-бѣженцевъ полковникомъ генеральнаго штаба Манакинымъ, и Астраханскаго, возглавляемаго Астраханскимъ Атаманомъ княземъ Тундутовымъ. Впослѣдствіи предполагалось каждый корпусъ развернуть въ армію и создать южный фронтъ, въ который должна была влиться Донская Армія. Но эти широкіе замыслы не удались, потому что съ самаго начала въ Южную Армію вмѣшалась политика, и армія эта была не народной, а политической, и какъ ни боролся съ этимъ Атаманъ и Н. І. Ивановъ, имъ не удалось исправить ошибки, положенныя въ самомъ началѣ организаціи.

Атаманъ принялъ готовый матеріалъ для созданія Южной Арміи, но матеріалъ этотъ оказался гнилымъ, и армія распалась, ничего для Россіи не давши.

Союзъ «Наша Родина» былъ чисто монархической организаціей. Во главѣ его стоялъ опытный и ловкій общественный дѣятель, г. Акацатовъ. И онъ и члены союза хотѣли, чтобы армія вела Россію къ старому порядку и возстановленію монархіи хотя бы насильственнымъ путемъ. Еще армія не существовала и только между крупными земельными собственниками и монархическими организаціями собирались на нее деньги, какъ уже около нея сплеталась политическая интрига, и каждый старался использовать ее для политическихъ цѣлей. Проживавшій въ это время въ Харьковѣ бывшій командиръ III кавалерійскаго корпуса гр. Келлеръ, рыцарь, оставшійся безупречно вѣрнымъ Государю и непоколебимо преданный идеѣ монархіи, писалъ еще 9-го октября, то-есть до свиданія Атамана съ Гетманомъ, слѣдующее относительно этой арміи Атаману:

...«Скоропадскій повидимому предполагаетъ ввести всѣхъ въ заблужденіе, намѣревается сформировать подъ видомъ Русской Арміи — украинскую, отнюдь не монархическую армію, съ единой цѣлью охраны сѣверныхъ границъ Украины отъ большевиковъ, предвкушая прелести своего коронованія на престолъ украинскаго королевства, которое онъ рисуетъ себѣ въ томъ же положеніи относительно Россіи или Австріи (это не доказано), въ какомъ была Саксонія относительно Германіи.

«Къ новой арміи, которую надумалъ формировать Скоропадскій, онъ, Лейхтенбергскій и Бискупскій, рядомъ интригъ силятся притянуть и Южную Армію.

«Положеніе нашего отечества въ настоящую минуту, когда союзники каждый день могутъ высадиться у насъ на югѣ, настолько серьезно, что мнѣ казалось бы времени терять нельзя, такъ какъ высадившіеся англо-французы могутъ ложно учесть положеніе въ Россіи; видя, что есть фронтъ Учредительнаго Собранія, существуетъ Добровольческая Армія съ программою далеко не монархическою и т. п., но не видя реальной силы, открыто стремящейся къ объединенію Россіи и Монархіи они могутъ вообразить, что въ нашемъ отечествѣ всѣ только мечтаютъ о республикѣ.

«Казалось бы, настала минута, когда необходимо спѣшить изъ всѣхъ силъ, дабы сорганизовать изъ Астраханской и Южной Арміи одну сильную монархическую армію, которая поддержанная Дономъ и всѣмъ казачествомъ, а также торгово-промышленниками и народомъ въ Малороссіи представилась бы союзникамъ реальной силой, не признающей другой идеи, кромѣ единой недѣлимой Россіи съ законнымъ Государемъ на Престолѣ»...

Такіе планы совершенно не соотвѣтствовали политической обстановкѣ на Дону. Атаманъ всегда считалъ, что армія должна быть внѣ политики. Лучшая та армія, которая слѣпо и не разсуждая повинуется своему вождю, но если невозможно создать такую армію, то армія должна быть національной и стремиться только къ освобожденію Россіи отъ большевиковъ, предоставивъ вопросы будущаго вырѣшить исторіи, вождямъ, народу черезъ Учредительное Собраніе, Земскій Соборъ, словомъ, кому угодно, но не солдатамъ и офицерамъ.

Въ Кіевѣ союзъ «Наша Родина» готовилъ армію опредѣленно монархическую. Ею руководили герцогъ Лейхтенбергскій, генералъ Шильдбахъ (Литовцевъ) и генералъ Семеновъ. Послѣдній фактически являлся начальникомъ уже собранной группы офицеровъ, солдатъ и юнкеровъ. Генералъ Семеновъ, гвардейскій офицеръ, любитель покутить, человѣкъ недалекій — сдѣлался центромъ, къ которому стремились тѣ офицеры и та молодежь, которая не хотѣла ѣхать къ Деникину, опасаясь попасть въ бой. Южная Армія только формировалась, когда она попадетъ на фронтъ, было неизвѣстно, и къ ней выгодно было приписаться героямъ тыла, любителямъ воевать на Крещатикѣ и на Подолѣ. Офицеры понадѣвали на себя погоны, нашили на рукава полоски бѣло-желто-чернаго цвѣта — «Романовскихъ» цвѣтовъ, и двуглавые орлы, распѣвали по кафэ «Боже Царя храни» и очень мало думали о спасеніи родины и о Царѣ.

Атаманъ настойчиво потребовалъ переселенія ихъ изъ Кіева въ Кантемировку, гдѣ въ деревенской глуши они больше могли заниматься дѣломъ. Съ большимъ трудомъ, отрѣшивши отъ командованія корпусомъ Шильдбаха-Литовцева, Атаману удалось добиться переселенія Семенова со штабомъ и «организаціей» въ раіонъ Чертково и Кантемировки. Здѣсь Атаманъ и Н. І. Ивановъ произвели смотръ пріѣзжимъ и убѣдились въ томъ, что союзъ «Наша Родина» работалъ въ цѣляхъ не военнаго, боевого дѣла, но политики. Въ «корпусѣ» едва насчитывалось 2000 человѣкъ. Изъ нихъ не болѣе половины было боеспособныхъ, остальное были священники, сестры милосердія, просто дамы и дѣвицы, офицеры контръ-развѣдки, полиція (исправники и становые), старые полковники, расписанные на должности командировъ несуществующихъ полковъ, артиллерійскихъ дивизіоновъ и эскадроновъ и, наконецъ, разныя

личности, жаждущія должностей губернаторовъ, вице-губернаторовъ и градоначальниковъ съ болѣе или менѣе яркимъ прошлымъ.

Вся эта публика наполнила Кантемировку шумомъ и скандалами. Семеновъ началъ водворять по уѣздамъ Воронежской губерніи, только что очищеннымъ казаками, земскую полицію стараго режима со всѣми ея недостатками — взятками и лихоимствомъ.

Это такъ не согласовалось съ обѣщаніями Атамана и его программой, такъ не соотвѣтствовало вожделѣніямъ населенія, что возбудило общее неудовольствіе, вылившееся мѣстами въ бунты, усмирять которые пришлось казакамъ.

Въ боевомъ отношеніи армія эта не многаго стоила. Въ политическомъ — она повредила Атаману и создала для враговъ его благодарную почву для обвиненія Атамана въ стремленіи вернуть все «къ старому режиму» и способствовала разложенію сѣверныхъ округовъ.

Атаманъ повыгналъ больше половины офицеровъ, порвалъ сношенія съ союзомъ «Наша Родина», обратился къ генералу Деникину съ просьбой снабдить Воронежскій корпусъ опытными офицерами изъ Добровольческой Арміи, но Деникинъ отвѣтилъ ему отказомъ, подъ предлогомъ не имѣнія офицеровъ, хотя Екатеринодаръ былъ переполненъ офицерами резерва.

Самозванный Астраханскій Атаманъ, князь Тундутовъ, гордо именовавшій себя другомъ Императора Вильгельма, оказался пустымъ и недалекимъ человѣкомъ, готовымъ на всяческую интригу и очень плохимъ организаторомъ. Онъ игралъ роль не то царя, не то полубога у калмыковъ, то предлагалъ себя и всѣхъ калмыковъ въ полное распоряженіе Атамана, носился съ фантастическимъ проектомъ созданія особаго юго-восточнаго союза, возглавляемаго «великимъ Атаманомъ», то, напротивъ, грозилъ идти со своими калмыками противъ донского войска. Его калмыки были босы и оборваны, сидѣли на двухлѣткахъ и трехлѣткахъ, большинство не имѣло сѣдель и оружія. Онъ былъ не страшенъ и не опасенъ, но безпокойства и тревоги доставилъ много. Астраханскій «корпусъ» численностью около трехъ тысячъ пѣхоты и тысячи конныхъ, несмотря на всю безалаберность управленія, все-таки хорошо дрался и довольно крѣпко оборонялъ восточныя степи за Манычемъ отъ бродячихъ шаекъ красной гвардіи. Въ предвидѣніи пріѣзда союзниковъ князь Тундутовъ со своимъ начальникомъ штаба полковникомъ Рябовымъ переѣхалъ въ Екатеринодаръ, гдѣ, желая услужить штабу генерала Деникина, занялся клеветою на Атамана.

Саратовскій корпусъ никакъ не могъ вырасти больше бригады. Бригада эта, составленная преимущественно изъ крестьянъ, ушедшихъ отъ большевиковъ изъ Саратовской губерніи и крѣпко ихъ ненавидѣвшихъ, отлично дралась вмѣстѣ съ казаками на Царицынскомъ, Камышинскомъ и Балашовскомъ направленіяхъ.

Продолжая активную борьбу съ большевиками на всѣхъ своихъ фронтахъ, Атаманъ и командующій арміей всѣми силами старались закрѣпить положеніе войска. Вдоль границы съ востока отъ Кантемировки на Богучаръ, Калачъ и далѣе, командующій арміей строилъ укрѣпленную полосу. Населеніе было вызвано рыть окопы, забивались колья, устраивались проволочныя загражденія. Ночью подходили къ нимъ большевистскіе развѣдчики, пытались выдернуть колья и скверно ругались: — «буржуйская затѣя!»

Атаманъ искалъ помощи и союзниковъ. Онъ понималъ, что одному ему не устоять противъ большевиковъ. Онъ видѣлъ реформы красной арміи и сознавалъ, что на реформы надо отвѣтить усиленіемъ своей боевой мощи.

Осенью 1918 года заканчивается первый періодъ борьбы съ большевиками. Періодъ, когда народная Донская армія боролась противъ разбойничьихъ красногвардейскихъ бандъ.

Наступалъ второй періодъ — противъ Народной Донской Арміи появилась только что созданная Народная Красная Рабоче-Крестьянская Армія, построенная на принципахъ военной науки.

Усиліями военныхъ «спецовъ» различныхъ чиновъ и различнаго положенія къ зимѣ 1918 года на фронтѣ Донского войска были уже не разбойничьи банды, а худо ли хорошо ли, но сорганизованная армія, правильно управляемая своими штабами. Совѣтское командованіе, объявивши къ осени 1918 года своимъ главнымъ врагомъ Донского Атамана, сосредоточило на южный фронтъ 99 полковъ, изъ которыхъ на Донскомъ фронтѣ было 44 полка, на Добровольческо-Кубанскомъ 22, на Астраханскомъ 5 полковъ, на Курско-Брянскомъ 28 полковъ.

Въ это время Западный — Польско-Латвійскій фронтъ занимало 65 полковъ, Сѣверный — германо-финскій фронтъ 38 полковъ и Восточный — противъ Колчака 97 полковъ. А всего Совѣтская Армія насчитывала 299 полковъ.

Для уничтоженія всѣхъ дефектовъ Красной Арміи въ засѣданіи 15 ноября (нов. ст.) 1918 года В. Ц. И. К. постановилъ учредить совѣтъ рабочей и крестьянской обороны подъ предсѣдательствомъ Ленина. Совѣту обороны была предоставлена вся полнота правъ въ дѣлѣ мобилизаціи силъ и средствъ обороны въ интересахъ обороны. Непосредственное руководство арміей и флотомъ осталось по прежнему въ рукахъ революціоннаго военнаго совѣта республики. Въ цѣляхъ большаго сосредоточенія дѣятельности этого учрежденія было выдѣлено его бюро въ составѣ Троцкаго, главнокомандующаго—Вацетиса и одного члена Аралова.

Это уже былъ переходъ къ диктатурѣ одного лица, — такъ какъ при наличіи въ бюро Вацетиса и Аралова — Троцкій явился единоличнымъ вершителемъ судебъ Совѣтской Арміи.

Троцкій къ началу декабря 1918 года сосредоточилъ на Донской фронтъ 127 тысячъ солдатъ при 414 орудіяхъ и на фронтъ Добровольческой Арміи (къ 3-му декабря) — 60 тысячъ при 60 орудіяхъ.

Къ веснѣ 1919 года Совѣтское командованіе предполагало закончить организацію Красной Арміи и поставить подъ красныя знамена 3 милліона человѣкъ.

Однако осуществить эту програму Совѣтской власти мѣшало внутреннее неустройство страны. Власть держалась исключительно силою штыковъ. Необыкновенно показательнымъ является распредѣленіе броневыхъ машинъ Совѣтской Арміи. Всего въ распоряженіи Совѣтскаго командованія имѣлось къ концу 1918 года 122 машины, изъ которыхъ 6 находилось на западномъ фронтѣ, 25 на восточномъ, 45 на южномъ и 46 въ городахъ въ тылу. Одна Москва обслуживалась 24 машинами, и кромѣ того 12 машинъ было при латышской дивизіи, употреблявшейся со специально карательными цѣлями (противъ врага внутренняго — крестьянской бѣдноты).

Штабъ Южной Арміи, получившій въ октябрѣ мѣсяцѣ опредѣленное заданіе, смести съ лица земли все Донское казачество и занять во что бы то

ни стало Ростовъ и Новочеркасскъ, считавшійся главнымъ гнѣздомъ контръ-революціи, находился въ Козловѣ. Фронтомъ командовалъ генералъ генеральнаго штаба — «товарищъ» Сытинъ. Фронтъ состоялъ изъ 11-й арміи Сорокина (штабъ въ Невинномысской), дѣйствовавшей противъ добровольцевъ и кубанцевъ, 12-й арміи Антонова (штабъ въ Астрахани), 10-й арміи Ворошилова (штабъ въ Царицынѣ), 9-й арміи — генеральнаго штаба генералъ-маіора Егорова (штабъ въ Балашовѣ) и 8-й арміи — генерала Чернавина (штабъ въ Воронежѣ).

Сорокинъ, Антоновъ и Ворошиловъ являлись остатками прежнихъ выборныхъ главнокомандующихъ, всѣ остальныя высшія начальствующія лица были генералами Императорской Россійской Арміи, отлично разбиравшимися въ обстановкѣ.

Такимъ образомъ къ зимѣ 1918 года положеніе дѣлъ на Донскомъ фронтѣ слагалось весьма грознымъ образомъ. Донской Атаманъ и командующіе арміями генералы Денисовъ и Ивановъ вполнѣ отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ. Они отлично понимали, что періодъ «кустарническихъ операцій» миновалъ, что тѣ времена, когда одного казака было достаточно на десять красноармейцевъ, прошли, и серьезно готовились къ отпору.

Въ виду крайняго утомленія казаковъ, Донской Атаманъ совмѣстно съ командующимъ арміей рѣшилъ къ началу зимы закончить укрѣпленную полосу по границѣ земли войска Донского, прекратить наступательныя операціи, отойти изъ занятыхъ мѣстъ Воронежской губерніи и временно перейти къ оборонѣ. Этого повелительно требовала обстановка и настроеніе казачьихъ войскъ. Опираясь лѣвымъ флангомъ на Украину, занятую германскими войсками, а правымъ на Волгу съ трудно доступнымъ Заволжьемъ, Атаманъ надѣялся удержать войско Донское до весны, а за это время усилить и укрѣпить свою армію.

Глава XI

Наступленіе Донцовъ въ Воронежскую губернію. — Подвиги Гундоровскаго Георгіевскаго полка. — Мобилизація всего войска поголовно.

Еще въ началѣ августа Донская Армія занимала часть Богучарскаго уѣзда. Донское правительство не вмѣшивалось въ дѣла внутренняго управленія уѣздомъ: оно возстановило разрушенную большевиками городскую думу и всѣ земскія учрежденія и субсидировало Богучарское казначейство деньгами для того, чтобы жизнь въ уѣздѣ могла идти нормально. Атаманъ приказалъ приступить къ занятіямъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, собрать суды и другія правительственныя учрежденія и впредь до устройства Русскаго Центральнаго Правительства предписалъ сноситься съ Отдѣлами въ Новочеркасскѣ.

Войска генерала Алферова, работавшія здѣсь, были усилены освободившимися послѣ удаленія съ береговъ Азовскаго моря большевиковъ войсками Южнаго фронта и имъ было приказано развить успѣхъ, воспользоваться благопріятнымъ настроеніемъ среди жителей и овладѣть городомъ Новохоперскомъ, ст. Таловой и городомъ Калачомъ.

26 августа Донцами былъ занятъ Калачъ, 22 сентября гор. Павловскъ и сл. Бутурлиновка. Противникъ громадными силами, около шести дивизій

(однако не болѣе 12 тысячъ), въ концѣ сентября перешелъ въ наступленіе со стороны ст. Таловой. Казачій отрядъ Гундоровскаго и Мигулинскаго полковъ, силою около 2 тысячъ пѣхоты и 400 конницы, подъ начальствомъ генерала Гусельщикова прибѣгнулъ къ своей обычной тактикѣ. Быстрымъ отступленіемъ до самой Бутурлиновки вовлекъ противника въ мѣшокъ между своею пѣхотой и затѣмъ рѣшительнымъ ударомъ съ обоихъ фланговъ сдавилъ его въ долинѣ Бутурлиновки и принудилъ къ сдачѣ.

Почти цѣлый мѣсяцъ противникъ не предпринималъ ничего въ этомъ районѣ. Имя Гундоровцевъ было такъ извѣстно большевикамъ, что при встрѣчѣ съ казаками красноармейцы спрашивали: — «Гундоровцы» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сдавались безропотно. Это дѣйствительно былъ особенный полкъ. Великолѣпно одѣтый въ новыя шинели, сѣрыя папахи, и обутый въ прекрасные сапоги, съ петлицами изъ георгіевскихъ лентъ на шинеляхъ и на воротникахъ защитныхъ мундировъ, съ донскими синими погонами съ померомъ того полка, въ которомъ въ Германскую войну служилъ казакъ (преимущественно 10-го), за рѣдкимъ исключеніемъ всѣ Георгіевскіе кавалеры за Германскую войну, иные, имѣвшіе по 2, по 3 и по 4 креста, эти люди не только отличались мужествомъ и храбростью, но и необычайнымъ товариществомъ. Сила полка колебалась, въ зависимости отъ потерь, отъ одной до другой тысячъ человѣкъ пѣхоты, отъ 200—400 конницы, полкъ имѣлъ два своихъ орудія. Атаманъ не нарушалъ его организаціи, настолько прекрасно она была сдѣлана. Любовь къ родинѣ, неутолимая жажда славы и подвиговъ руководила этимъ полкомъ. Раненые не залеживались здѣсь по госпиталямъ, но едва оправившись, спѣшили снова въ ряды полка. Гундоровца рѣдко можно было встрѣтить въ Новочеркасскѣ, или Ростовѣ — они всѣ стремились къ своему полку. Послѣ большихъ потерь, когда полкъ таялъ, уменьшался численно, не дожидаясь никакихъ мобилизацій или пополненій, Гундоровцы писали въ свою станицу: — «Насъ мало. Высылайте пополненія». И шли старые и малые. Шли всѣ свободные, не взятые по мобилизаціи, но шли крѣпкіе и бодрые. Конница сидѣла на прекрасныхъ лошадяхъ и щеголяла ихъ уборкой, артиллерія имѣла отличныя запряжки. Впрочемъ, и станица была особенная. Въ ней уже нѣсколько лѣтъ существовало по почину станичниковъ основанное и на ихъ средства содержимое высшее политехническое училище.

Исторія борьбы съ большевиками знаетъ три такихъ полка — Марковскій и Корниловскій офицерскіе въ Добровольческой Арміи и Гундоровскій казачій въ Донской Арміи — рыцарскіе полки, безъ страха и упрека, никогда не считавшіе врага, не интересовавшіеся своими потерями, но жаждущіе только славы и побѣды.

Въ первыхъ числахъ ноября Гундоровцы обрушились неожиданно на врага и нанесли ему страшный ударъ. Озлобленный противникъ, въ рядахъ котораго уже появились коммунисты, перешелъ въ контръ-атаку, но Гундоровцы бросились на него у слободы Васильевки съ такимъ мужествомъ, въ такомъ грозномъ боевомъ порядкѣ не стрѣляющихъ и не ложащихся цѣпей, что красноармейцы побросали оружіе и сдались. Было взято 5000 плѣнныхъ и богатая военная добыча. Командующій арміей генералъ Денисовъ учелъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ было взято пять тысячъ плѣнныхъ, образовалось пустое мѣсто и приказалъ ударить туда всѣми силами. Донскія части послѣ упорнаго боя овладѣли городомъ Бобровымъ, а 10-го ноября штурмомъ заняли важный желѣзнодорожный узелъ — станцію Лиски.

Эта осень 1918 года была для Донской Арміи временемъ жестокихъ и упорныхъ боевъ на сѣверѣ и востокѣ войска. Командованіе Красной Арміи для того, чтобы парировать успѣхи казаковъ въ Воронежской губерніи, гдѣ казаки доходили до станціи Анны и были въ 35 верстахъ отъ Воронежа, собрало значительныя силы въ Тамбовской и Саратовской губерніяхъ, присоединило къ нимъ всѣхъ красныхъ казаковъ Миронова и, пользуясь тѣмъ, что въ этомъ мѣстѣ Грязе-Царицынская желѣзная дорога охватываетъ сѣверную границу войска, бросило все это на Хоперскій округъ. 40 тысячъ пѣхоты и конницы при 110 орудіяхъ, шесть по новому, отлично организованныхъ дивизій были двинуты по направленію къ Урюпинской и Усть-Медвѣдицкой станицамъ. Къ войскамъ пріѣзжалъ Троцкій; онъ говорилъ о томъ, что Красная Армія должна очистить Донъ отъ казаковъ и взять отъ нихъ хлѣбъ и каменный уголь. Операція этого наступленія была задумана въ широкомъ масштабѣ и, съ самаго начала ея исполненія, казаки увидали, что они имѣютъ дѣло съ регулярной арміей, руководимой опытными и знающими свое дѣло штабами.

Хоперцы были малочисленны. Ихъ не было и восьми тысячъ.

Генералъ Денисовъ пожертвовалъ успѣхами на Воронежскомъ фронтѣ, оставилъ Лиски и Бобровъ и спѣшно перебросилъ лучшія части Сѣвернаго фронта къ Усть-Медвѣдицкой станицѣ. Онъ ослабилъ нажимъ на Царицынъ, собиралъ конницу генерала Мамонтова и смѣлыми маневрами сбилъ непріятеля.

Къ 10-му ноября Красная Армія была выброшена изъ Хоперскаго округа, а въ Усть-Медвѣдицкомъ Округѣ Мироновъ «непобѣдимый» былъ дважды разбитъ на голову и бѣжалъ въ Саратовскую губернію. Троцкій заподозрилъ его въ измѣнѣ и казаку-коммунисту Миронову пришлось снова паломничать въ Москву и оправдываться передъ Троцкимъ и рев.-воен.-совѣтомъ.

Казачья конница съ орудіями подходила на 12 верстъ къ городу Камышину на Волгѣ.

Весь сѣверъ войска кипѣлъ войною. Орудія непрерывно гремѣли отъ Воронежа къ Камышину и отъ Камышина къ Царицыну. Два раза здѣсь казачьи части генерала Мамонтова подходили къ Царицыну, занимали уже Сарепту, и оба раза принуждены были отходить. Не было тяжелой артиллеріи, чтобы парировать огонь Царицынскихъ батарей, мало было силъ, чтобы преодолѣть и взять опутанную проволокой и весьма пересѣченную оврагами Царицынскую позицію. Атаманъ не терялъ надежды до зимы овладѣть Царицынымъ, чтобы этимъ закончить наступательныя операціи. Для усиленія Царицынскаго фронта спѣшно укомплектовывались и вооружались 3-я Донская дивизія и 2-я стрѣлковая бригада молодой постоянной арміи, и выписаны были пушки изъ Севастополя, для которыхъ въ Ростовѣ, въ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги, дѣлали особыя бронированныя платформы.

Чтобы закрѣпить до зимы все войско Донское, на Дону были мобилизованы всѣ казаки. Не было ни одной казачьей семьи, гдѣ кто-либо изъ мужчинъ не былъ убитъ или раненъ. Были семьи, которыя потеряли главу семьи и двухъ сыновей. Все отдавалось за свободу Родины — жизнь и достояніе. Всѣ лошади были отданы или въ строй, или въ обозы, коровъ и воловъ рѣзали безъ сожалѣнія, чтобы кормить фронтъ, хлѣбъ возили туда же, туда же отдавали послѣднее платье и бѣлье...

Трогательную картину представляли въ зимнее время казачьи транспорты, доставлявшіе на позиціи снаряды, колючую проволоку, хлѣбъ и мясо.

Съ оврага въ оврагъ, съ балки въ балку по безграничной степи по широкому военному шляху въ сумракѣ короткаго зимняго дня тянется длинный обозъ. Утомились лохматыя лошаденки и везутъ тихо, упорно, усердно, точно понимая всю важность того, что онѣ дѣлаютъ. Не слышно криковъ понуканія и не хлещутъ бичи надъ ними. Некому понукать. За подводами идутъ дѣвочки и мальчики-подростки двѣнадцати, пятнадцати лѣтъ. Матери и старшія сестры остались дома заправлять хозяйствомъ. Тамъ безъ конца работы. Урожай былъ большой, а убирать его некому. Безъ всякой мобилизаціи труда все поднялось на работу. Женщины принялись жать, возить снопы, молотить. молоть, печь хлѣба для своихъ кормильцевъ, которые всѣ были на фронтѣ. Тутъ захватила подводная повинность. Фронтъ ушелъ далеко отъ войска, потребовались транспорты . . .

И вотъ въ зимнюю стужу дѣти возили тяжелыя клѣтки съ снарядами, ящики съ патронами, — безъ конвоя, безъ защиты, по глухой степи тянулись эти грозные транспорты и дѣтскіе голоса звонко перекликались надъ ними.

Оттуда не шли порожнякомъ. Везли страшную добычу . . . Добычу смерти! . . Везли раненыхъ и тѣла убитыхъ, чтобы похоронить на родномъ погостѣ. Хмуро маленькое личико, насупились юныя брови, низко надвинута барашковая шапченка на самые глаза. Мѣрно шагаетъ казачекъ съ ноготокъ за санями, на которыхъ длинно вытянулись чьи-то тѣла, накрытыя рогожами и кулями. Иногда любопытный вѣтеръ приподниметъ холстъ и почудится подъ нимъ чья-то вьющаяся мелкими завитками сѣдая борода и рядомъ черные кудри казачьи.

— Кого везешь-то, хлопчикъ?

— Да вотъ дѣда, да бачку . . . Обоихъ вчера снарядомъ убило . . . — и помолчавъ, гордо добавитъ: — на штурму рядомъ шли! Ихнихъ много побили. Наши-то, слышь, бронепикъ ихній отбили, да пушекъ не то шесть не то восемь забрали . . . Двѣ тяжелыхъ . . . Съ лошадями, со всѣмъ . . . А вотъ, бачку да дѣда убило.

На фронтѣ въ полкахъ стояли люди отъ 19 до 52 лѣтъ, но были охотники и старше. Шелъ казакъ съ сыномъ, а съ ними увязывался и дѣдъ. «Все помогать буду — вы въ бой пойдете, а я вамъ кашу уварю! Такъ-то!» . . .

И стоялъ дѣдъ у каши, но когда услышалъ, что наша взяла, что на «уру пошли», и его раззадорило. Позабылъ и про кашу и пошелъ бить красныхъ! . .

Таково было войско Донское, одинокое въ своей великой борьбѣ, но сильное своимъ глубокимъ патріотизмомъ и національнымъ чувствомъ, когда произошло величайшее событіе: — побѣда союзниковъ надъ центральными державами, отреченіе Императора Вильгельма отъ престола, разложеніе германской арміи и прибытіе союзниковъ на помощь добровольцамъ.

На Дону эти событія выразились въ томъ, что въ грозную минуту страшнаго напряженія борьбы, когда ни одного лишняго человѣка не было на фронтѣ, прибавился новый, западный Украинскій фронтъ протяженіемъ въ шестьсотъ верстъ, и явилась глубокая вѣра, что союзники придутъ и выручатъ, и всѣ данныя для этой вѣры были на лицо . . .

Глава XII

Посольство донцовъ къ союзникамъ. — Письмо Атамана генералу Франшэ-д'Эсперэ. — Декларація войска Донского. — Англійскій адмиралъ посылаетъ миноносцы въ Таганрогъ для освѣдомленія о донскомъ войскѣ.

При первомъ же извѣстіи о событіяхъ въ Болгаріи, Атаманъ поручилъ находившемуся въ городѣ Яссахъ по дѣламъ снабженія предметами артиллерійскаго довольствія генералу барону Майделю войти въ связь съ союзниками и нащупать почву для сношенія съ ними. Извѣстія отъ барона Майделя были получены самыя благопріятныя. Союзники вполнѣ благожелательно относятся къ Донскому войску, считаютъ, что сношенія и связь его съ германцами были вызваны обстоятельствами, но не измѣной и предательствомъ, наконецъ, союзники при первой же къ тому возможности помогутъ Дону и Добровольческой Арміи оружіемъ и живой силой. Союзникамъ нужна точная оріентировка о томъ, что происходитъ на Дону и чѣмъ они могли бы помочь Донскому войску и его Атаману въ борьбѣ противъ большевиковъ. Наконецъ, союзники стоятъ на томъ взглядѣ, что Россія должна быть возстановлена въ прежнихъ границахъ 1914 года, за исключеніемъ Польши, то-есть должна быть «великая, единая и недѣлимая».

Лучшаго отвѣта Атаманъ не могъ ожидать.

6-го ноября * Атаманъ снарядилъ Зимовую станицу — то-есть посольство, въ лицѣ двухъ горячихъ Донскихъ патріотовъ генералъ-маіора Сазонова и товарища предсѣдателя Большого Войскового Круга, бывшаго предсѣдателя Круга Спасенія Дона полковника Янова. Лица эти были назначены оффиціальными представителями войска Донского передъ державами Согласія. Они должны были передать письмо на французскомъ языкѣ генералу Франшэ-д'Эсперэ, командовавшему союзными войсками на востокѣ, и копію этого письма посланнику Русскому въ Румыніи С. А. Поклевскому-Козеллу. Къ письму этому былъ приложенъ изданный Донскимъ Атаманомъ 22 мая 1918 года политическій меморандумъ подъ названіемъ: «Декларація Всевеликаго войска Донского».

Въ этой деклараціи говорилось: —

«Всевеликое войско Донское, существующее, какъ самостоятельное государство съ 1570 года и входящее въ составъ Россійскаго Государства, какъ нераздѣльная его часть съ 1645 года, во всѣ времена и годы было вѣрнымъ сыномъ державы Россійской и таковымъ оставалось и послѣ революціи, стремясь вмѣстѣ съ Временнымъ Правительствомъ довести страну до Учредительнаго Собранія, на которомъ предполагалось установить образъ государственнаго устройства и дальнѣйшія свои отношенія къ Россійскому Государству.

«Большой Донской Кругъ и выбранный имъ Атаманъ Калединъ не могли признать власть народныхъ комиссаровъ за истинную и правомочную власть и отшатнулись отъ Совѣтской Россіи, ставшей игрушкой въ рукахъ безумцевъ большевиковъ и авантюристовъ и, провозгласивши себя самостоятельной Донской демократической республикой, вступили на путь борьбы съ Совѣтской властью.

«Жертвою этой борьбы палъ Атаманъ Калединъ, и Кругомъ Атаманская власть была передана Атаману Назарову. Въ неравной борьбѣ съ мятежными

* По старому стилю.

казаками и большевиками погибъ мученическою смертью на своемъ посту доблестный Атаманъ Назаровъ, и власть Атамана временно перешла въ руки походнаго Атамана Попова.

«Мужествомъ и энергіей Донского казачества и его вождей и руководителей войско Донское освобождено отъ большевиковъ, и Кругомъ Спасенія Дона я выбранъ 17-го сего мая (нов. ст.) Донскимъ Атаманомъ съ предоставленіемъ мнѣ впредь до созыва Большого Круга чрезвычайной власти, въ основныхъ законахъ указанной.

«Объявляя объ этомъ, я прошу Васъ, милостивый государь, передать Вашему Правительству, что:

1) «Впредь до образованія въ той или иной формѣ Единой Россіи, Войско Донское составляетъ самостоятельную демократическую республику, мною возглавляемую.

2) «На основаніи ранѣе, 21-го октября 1917 года, при Атаманѣ Калединѣ заключенныхъ договоровъ, Донская республика, какъ часть цѣлаго, входитъ въ составъ Юго-Восточнаго союза — изъ населенія территорій Донского, Кубанскаго, Терскаго и Астраханскаго казачьихъ войскъ, горскихъ народовъ Сѣвернаго Кавказа и Черноморскаго побережья, вольныхъ народовъ степей юговостока Россіи, Ставропольской губерніи, Черноморской губерніи и части Царицынскаго уѣзда Саратовской губерніи и обязуется поддерживать интересы этихъ государствъ и ихъ законныхъ правительствъ.

3) «Относительно установленія точныхъ границъ и торговыхъ и иныхъ отношеній между Донскимъ войскомъ и Украиною ведутся переговоры, для чего послано посольство въ лицѣ Черячукина и Свѣчина.

4) «Донское войско не находится ни съ одною изъ державъ въ состояніи войны, но держа нейтралитетъ, ведетъ борьбу съ разбойничьими бандами красногвардейцевъ, посланныхъ въ войско Совѣтомъ народныхъ Комиссаровъ.

5) «И впредь Донское войско желаетъ жить со всѣми народами въ мирѣ на основаніи взаимнаго уваженія правъ и законности и соблюденія общихъ интересовъ.

6) «Донское войско предлагаетъ всѣмъ государствамъ признать его права, впредь до образованія въ той или иной формѣ единой Россіи, на самостоятельное существованіе, и государствамъ, заинтересованнымъ въ торговыхъ, или иныхъ отношеніяхъ прислать въ Войско, въ его столицу Новочеркасскъ, своихъ полномочныхъ представителей, или консуловъ.

7) «Въ свою очередь Донское Войско пошлетъ въ эти государства свои «зимовыя станицы», то-есть посольства, для установленія дружескихъ отношеній.

«Обо всемъ этомъ прошу Васъ, милостивый государь, широко объявить, съ согласія вашего правительства, всѣмъ гражданамъ Вашего государства. Донской Атаманъ генералъ-маіоръ Красновъ». *

Въ письмѣ генералу Франше-д'Эсперэ Атаманъ коротко писалъ о постепенномъ освобожденіи войска Донского отъ большевиковъ, о тѣхъ кровавыхъ жертвахъ, которыя при этомъ пришлось принести войску, о причинахъ, побудившихъ его войти въ сношенія съ Германіей и написать письмо Императору Вильгельму. Донской Атаманъ указывалъ на то, что силы, борющіяся противъ большевиковъ — Донская и Добровольческая Арміи — въ общемъ невелики,

* Декларація Всевеликаго войска Донского 22 мая 1918 года.

онъ писалъ, что безъ иностранной помощи Россію не спасти. Донской Атаманъ указывалъ, что единое командованіе будетъ возможно осуществить лишь тогда, когда Добровольческая Армія повернетъ на настоящее направленіе и пойдетъ на Москву. Наиболѣе желательными вождями для таковаго объединеннаго командованія Атаманъ называлъ генераловъ Щербачева и Николая Іудовича Иванова.

. . . «Безъ помощи союзниковъ освободить Россію невозможно», заканчивалъ свое письмо Атаманъ. — «Помощь эта можетъ выразиться въ присылкѣ снаряженія, оружія, техническихъ средствъ борьбы, обмундированія и денегъ, — тогда борьба затянется на одинъ, на два года, или въ присылкѣ кромѣ этого, еще 3—4 корпусовъ войскъ 90—120 тысячъ, тогда въ 3—4 мѣсяца можно всю Россію освободить.

«Совѣтскія власти ненавидимы Русскимъ народомъ, и Русскій народъ ждетъ только толчка, чтобы свергнуть ихъ. Красная Армія труслива, подвержена паникѣ и бѣжитъ даже отъ нашихъ войскъ, численно разъ въ 10 меньшихъ нежели она.

«Если назначить одинъ корпусъ для освобожденія Кавказа, одинъ вверхъ по Волгѣ на Царицынъ, Саратовъ, Самару, Пензу, Тулу и Москву, одинъ на Воронежъ, Рязань и Москву, и одинъ на Харьковъ, Курскъ и Москву, можно съ увѣренностью сказать, что только до Саратова, Воронежа и Курска придется идти походомъ и съ боями — по взятіи ихъ Москва падетъ и дальнѣйшее движеніе приметъ характеръ тріумфальнаго шествія и торжественныхъ встрѣчъ.

«Украину временно придется занять иностранными войсками . . .

«Было бы крайне желательно, чтобы теперь же опытные генералы французскихъ, англійскихъ или американскихъ войскъ прибыли бы въ Новочеркасскъ, посѣтили бы со мною фронты, посмотрѣли бы войска, чтобы они могли бы составить правильное представленіе какъ о Донской Арміи, такъ и о самомъ характерѣ борьбы съ большевиками.

«Изъ прилагаемаго при семъ правительственнаго сообщенія Войска Донского отъ 22-го мая сего года вы усмотрите, что войско Донское все время было вѣрно идеѣ единой, недѣлимой Россіи и за свободу, и счастье ея только и борется, разсчитывая на сохраненіе за собою своихъ вѣчныхъ привилегій и казачьихъ правъ.

«Податели этого письма, я это позволяю себѣ еще разъ повторить, являются вполнѣ освѣдомленными и полномочными послами моими для переговоровъ съ Державами Согласія, на которыхъ мы и теперь, какъ и всегда смотримъ, какъ на своихъ вѣрныхъ союзниковъ, притомъ обязанныхъ намъ за помощь въ 1914, 1915 и 1916 годахъ, когда мы, Русскіе, помогли имъ своими побѣдами въ Пруссіи и Галиціи» . . . *

Атаманъ преподалъ своимъ посланникамъ тотъ взглядъ, что онъ считаетъ, что союзники и особенно Франція обязаны помочь Россіи въ борьбѣ съ большевиками, что это ея нравственный долгъ и что Донскіе казаки вѣрятъ въ глубокую порядочность французской націи, которая не откажется въ уплатѣ по векселю. Атаманъ настаивалъ на полной самостоятельности Донского войска до тѣхъ поръ, пока не явится настоящее Россійское Правительство, будь то

* Письма Донского Атамана С. А. Поклевскому-Козеллъ и генералу Франшэ д'Эсперэ отъ 6 ноября 1918 года № 034.

Императоръ, или Президентъ, или соберется полномочное Учредительное Собраніе, и Атаманъ не признавалъ генерала Деникина ни за диктатора, ни за полноправнаго главнокомандующаго, но смотрѣлъ на него только какъ на командующаго союзной арміей. Посланные имъ люди были строевые офицеры, полковникъ Яновъ притомъ же былъ пылкій, нѣсколько экзальтированный, влюбленный въ Донъ человѣкъ, гордый побѣдами и успѣхами Донскихъ казаковъ.

Когда Донскіе посланцы прибыли въ Яссы, Ясское засѣданіе тамъ уже закончилось. Генерала Франшэ д'Эспере въ Яссахъ не было и вмѣсто него былъ генералъ Бертелло. У Бертелло были уже готовыя инструкціи. Въ Версалѣ было рѣшено признать одного вождя и этимъ вождемъ былъ заочно признанъ генералъ Деникинъ. Съ нимъ шла слава кристальной чистоты и вѣрности союзникамъ, онъ глубоко ненавидѣлъ нѣмцевъ. Его агенты уже были при французскомъ командованіи. Они доложили объ измѣнѣ Гетмана Скоропадскаго Россіи, они нарисовали Донское войско полубольшевистскимъ государствомъ, руководимымъ нѣмцами, неимѣющимъ никакой арміи, словомъ «quantité négligeable», а Донского Атамана, какъ ставленника и клеврета Императора Вильгельма.

Все это было высказано генераломъ Бертелло на первомъ пріемѣ Сазонову и Янову, и встрѣтило съ ихъ стороны горячій, страстный отпоръ. Можетъ быть слишкомъ горячій и болѣе страстный, нежели позволяли требованія дипломатіи. Были сказаны упреки по адресу Добровольческой Арміи, было сказано, что самымъ бытіемъ своимъ Добровольческая Армія обязана Донскому войску и нѣмцамъ . . .

Разстались холодно, и дальнѣйшіе переговоры прервались. Только благодаря глубокому такту генерала Щербачева и его примирительной политикѣ черезъ три дня генералу Сазонову удалось добиться вторичнаго свиданія съ генераломъ Бертелло, на которомъ всѣ шероховатости были сглажены и Дону была обѣщана помощь въ одинаковой мѣрѣ съ Добровольческой Арміей.

Тамъ же было выяснено, что Украина непремѣнно вся будетъ занята иноземными войсками. Или союзники принудятъ оставить тамъ Германскія войска, или Украина будетъ занята англо-французской арміей. Помощь была обѣщана широкая, готовилась къ перевозкѣ на югъ Россіи вся Салоникская армія. Отъ союзниковъ вѣяло побѣдой, и Донскіе посланники вынесли то убѣжденіе, что побѣдители Германіи сокрушатъ и большевиковъ. Относительно присылки на Донъ своихъ представителей генералъ Бертелло высказался осторожно. Представители будутъ посланы въ Новороссійскъ къ генералу Деникину, на Донъ же никого посылать не предполагается, такъ какъ Донское войско разсматривалось въ Версалѣ, какъ часть Добровольческой Арміи.

Донесенія объ этомъ успокоили Атамана за его лѣвый флангъ — Украину, и Атаманъ приказалъ взять 36-ю Донскую дивизію изъ района Каменской станицы для усиленія Царицынскаго направленія, гдѣ ожидали только прибытія купленныхъ у нѣмцевъ 12 шестидюймовыхъ морскихъ орудій Канэ, платформы и установки для которыхъ были уже готовы и собраны въ Таганрогѣ. За пушками этими былъ посланъ въ Севастополь донской пароходъ «Сосіетэ».

Непосредственнымъ сношеніямъ съ союзниками Атаманъ придавалъ только моральное значеніе, какъ поддержкѣ его вліянія и авторитета въ войскѣ. Большевики знали, конечно, о событіяхъ на западѣ и повели сейчасъ же широкую пропаганду о томъ, что союзники никогда не будутъ помогать ни Деникину, ни Донскому Атаману, потому что демократія

Западной Европы съ большевиками заодно и не допуститъ, чтобы ея солдаты пошли противъ большевиковъ.

Эта пропаганда имѣла большой успѣхъ, какъ въ Красной Арміи, такъ и у Донскихъ казаковъ. Прибытіе союзническихъ полковъ на фронтѣ показало бы красноармейцамъ, что ихъ комиссары лгутъ. Красная Армія только что зарождалась. Факты сдачи цѣлыми тысячами, убійства комиссаровъ на фронтѣ, митинги и обсужденія боевыхъ приказовъ ясно показывали ея неустойчивость. Появленіе на фронтѣ даже незначительныхъ частей иноземныхъ войскъ должно было поразить воображеніе противника, а въ той войнѣ, которая была тогда — это было девять десятыхъ успѣха.

Обратно, непріѣздъ союзниковъ на Донъ, отсутствіе ихъ военныхъ частей на фронтѣ, или хотя бы въ тылу у казаковъ должно было окончательно подорвать силы казаковъ. А эти силы были напряжены теперь до крайности. Казаки держались только надеждами на скорую выручку и на помощь союзниковъ. Донскому Атаману нужно было добиться того, чтобы союзники были на Дону, на Донскомъ фронтѣ, потому что именно на Донскомъ фронтѣ разыгрывались теперь событія первостепенной важности, событія, которыя грозили самому существованію Дона. И съ этой стороны прибытіе союзниковъ только въ Новороссійскъ подрывало у казаковъ вѣру въ своего Атамана въ минуту рѣшительнаго сраженія на фронтѣ.

Но то, чего не удалось добиться оффиціальной донской миссіи генерала Сазонова и полковника Янова у генерала Бертелло, то совершенно частнымъ образомъ устроилъ адмиралъ Кононовъ, донской казакъ по происхожденію, бывшій случайно въ Севастополѣ, на встрѣчѣ англо-французской эскадры. Ему удалось свести съ англійскимъ адмираломъ Атамана Зимовой станицы Донского войска при Крымскомъ правительствѣ полковника Власова, они разсѣяли тѣ неправдоподобные слухи, которые распускались агентами генерала Деникина про Донское войско и его Атамана, заинтересовали адмирала въ военной и строительной работѣ Донского войска, и онъ отправилъ 21-го ноября (ст. ст.) изъ Севастополя два миноносца въ Таганрогъ. Оффиціальная цѣль похода миноносцевъ была заняться промѣрами Азовскаго моря, неоффиціально англійскому капитану Бонду и французскому капитану Ошэну (Hochain) было приказано съ нѣсколькими офицерами и матросами посѣтить Донское войско и доложить, кто правъ — Донскіе казаки, которые говорятъ о томъ, что войско Донское вполнѣ самостоятельное, организованное государство съ арміей, опирающееся на законы, или Добровольческая Армія, которая говоритъ, что Донское войско есть полубольшевистская страна, раздираемая анархіей и находящаяся въ полувассальномъ отношеніи къ Германской Имперіи.

На Дону начали готовиться къ встрѣчѣ такъ давно и такъ жадно ожидаемыхъ союзниковъ. И казалось, что яркое солнце появилось въ хмурые и холодные осенніе ноябрьскіе дни.

Глава XIII

Положеніе Добровольческой Арміи на Кубани. — Смерть лучшихъ вождей этой Арміи генерала Маркова и полковника Дроздовскаго. — Генералы Покровскій и Шкуро. — Отношенія къ Кубани и Дону. — Требованіе признанія Дономъ надъ собою власти генерала Деникина.

Послѣ освобожденія Екатеринодара и созыва Кубанской Рады положеніе Добровольческой Арміи на Кубани стало двойственнымъ. Кубанское войско,

видя быстрые успѣхи Донского войска въ государственномъ строительствѣ, мечтало освободиться отъ опеки Добровольческой Арміи и начать устраиваться такъ же, какъ и Донцы. Оно и планъ государственнаго устройства взяло Донской. Устроило у себя военное училище, приступило къ устройству офицерской школы, создавало Политехническій Институтъ и мечтало о своемъ Университетѣ. Рада разбилась на два главныхъ теченія: Украинское и самостійное. Украинцы уговаривали кубанцевъ, совершенно слиться съ ними и стать частью Украины. Объ этомъ вели переговоры предсѣдатель Рады Бычъ и Рябоволъ, самостійники стояли за устройство федераціи, въ которой Кубань была бы совершенно самостоятельной, и для проведенія этого они искали тѣснаго союза съ Донскими казаками. И тѣ, и другіе соединялись въ одномъ — въ стремленіи освободиться отъ опеки генерала Деникина. Умѣренная часть Рады — фронтовые казаки и войсковой Атаманъ Филимоновъ — держались за добровольцевъ. Они боялись остаться одинокими въ борьбѣ съ большевиками, хотѣли за счетъ добровольцевъ освободиться отъ большевиковъ. Атаманъ Филимоновъ всѣмъ былъ обязанъ генералу Деникину, но для казаковъ онъ былъ ничто. Война выдвинула своихъ героевъ, кумировъ народной толпы. Жадный до наживы кубанскій казакъ боготворилъ тѣхъ вождей, которые добычей считали не только оружіе и снаряды, но и имущество магазиновъ и кооперативныхъ лавокъ занятыхъ городовъ и селъ, которые налагали на жителей контрибуціи, взыскивали ихъ и дѣлились полученными деньгами съ казаками. Такими вождями были генералы Покровскій и Шкуро. Тотъ самый Покровскій, который въ апрѣлѣ пробовалъ самостійничать передъ генераломъ Корниловымъ, сталъ послушнымъ слугою у генерала Деникина. Характера онъ былъ рѣшительнаго и въ основу войны положилъ грабежъ. Когда соединенный Доно-Кубанскій отрядъ переходилъ весною 1918 года снова въ Кубанскую область, генералъ Покровскій до основанія взорвалъ фундаментальный желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку Кубань лишь для того, чтобы Донцы не перешли въ Кубань и не стали тамъ требовать своей части добычи. Пока въ его отрядъ входили Донскія части, между Кубанцами и Донцами были постоянные споры изъ-за добычи.

Другой кумиръ кубанцевъ былъ генералъ Шкуро. Молодой еще человѣкъ, онъ въ Русско-германскую войну командовалъ партизанскимъ отрядомъ при III кавалерійскомъ корпусѣ. Какъ и всѣ партизаны въ эту войну, онъ ничѣмъ особенно не отличался. Во время войны съ большевиками онъ выдвинулся быстрымъ освобожденіемъ и такою же быстрою сдачею Кисловодска. Однажды въ изнемогавшій подъ большевистскимъ гнетомъ Кисловодскъ съ горъ спустился небольшой конный отрядъ, предводительствуемый элегантно одѣтымъ въ свѣжую черкеску молодымъ офицеромъ. Большевики послѣ недолгой перестрѣлки бѣжали. Отрядъ вошелъ въ городъ и сейчасъ же расклеилъ афиши объ освобожденіи города отъ большевиковъ частями Добровольческой Арміи Шкуро. Начальникъ отряда — это и былъ Шкуро — самъ тогда затруднявшійся, въ какомъ чинѣ онъ находится, потому что его подлинный чинъ есаула казался ему слишкомъ малымъ, ходилъ по парку, ѣздилъ по окрестнымъ станицамъ, поднималъ противъ большевиковъ Терское войско. Онъ потребовалъ, чтобы скрывшіеся по подваламъ и закуткамъ генералы и офицеры открыли свое званіе и явились къ нему регистрироваться. Это была очень неосторожная и преждевременная мѣра. Населеніе съ удивленіемъ узнало, что многіе сапожники и ремесленники — люди въ большихъ чинахъ. Шкуро собиралъ деньги на продолженіе борьбы, былъ кумиромъ Кисловодскихъ дамъ, какъ освободитель . . . Но,

когда изъ горъ загремѣла по Кисловодску большевистская артиллерія, а терскіе казаки Волгскаго полка изъ Пятигорска не то держали нейтралитетъ, не то примкнули къ большевикамъ, Шкуро такъ же быстро, какъ пришелъ, такъ и скрылся, уведя съ собою незначительную толпу Кисловодскихъ «буржуевъ».

Большевики снова вошли въ Кисловодскъ и жестоко расправились съ офицерами. Тогда отъ ихъ руки погибъ и Рузскій, одинъ изъ главныхъ виновниковъ отреченія Царя и начала Русской революціи.

«Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ!»...

Покровскій и Шкуро нравились кубанцамъ. Они отвѣчали и духу Добровольческой Арміи — духу партизанскому.

По мѣрѣ освобожденія Кубанскаго войска отъ большевиковъ число Кубанцевъ увеличивалось, и они преобладали надъ добровольцами. Ко времени прибытія союзниковъ, то-есть къ ноябрю 1918 года — въ Добровольческой Арміи считалось $35^1/_2$ тысячъ кубанцевъ и $7^1/_2$ тысячъ добровольцевъ. Не было прежнихъ вождей Добровольческой Арміи.

Убитъ былъ и красиво, истиннымъ героемъ, умеръ генералъ С. Л. Марковъ. 12-го іюня — въ одномъ изъ первыхъ боевъ Добровольческой Арміи послѣ отдыха на Дону въ станицѣ Мечетинской, — «предводительствуемыя генераломъ Марковымъ части 1-й пѣхотной дивизіи послѣ упорнаго боя овладѣли мостомъ и станціей «Шабліевка». Задача, поставленная дивизіи, составлявшей лѣвый флангъ Добровольческой Арміи, была блестяще выполнена. Врагъ бѣжалъ, но часть его артиллеріи еще продолжала стрѣлять, и однимъ изъ послѣднихъ снарядовъ былъ раненъ генералъ Марковъ».

Былъ раненъ въ ногу и умеръ отъ зараженія крови въ Ростовскомъ госпиталѣ другой герой-рыцарь Добровольческой Арміи — Дроздовскій.

Генералъ Деникинъ становился одинокимъ. Покровскій, Шкуро, новая знаменитость генералъ изъ рядовыхъ казаковъ, окончившій всего учебную команду военнаго времени, Павличенко не могли быть ему ни совѣтниками, ни помощниками, они сами нуждались въ совѣтахъ и руководствѣ, а генералъ Деникинъ все болѣе удалялся отъ арміи и углублялся въ политику.

Въ Новочеркасскѣ политикѣ не было мѣста. Донской Атаманъ опредѣленно отмежевался отъ политики и искалъ только работниковъ. Его кабинетъ управляющихъ отдѣлами былъ совершенно пестрый. Въ немъ были кадеты, были монархисты, управляющимъ отдѣломъ народнаго просвѣщенія былъ лѣвый соціалистъ-революціонеръ, почти большевикъ. Атаманъ одинаково разрѣшалъ собранія эсъ-эровъ, кадетовъ и монархистовъ и одинаково ихъ прикрывалъ, какъ только они выходили за рамки болтовни и пытались вмѣшаться во внутреннія дѣла войска. На Дону одновременно съ эсъ-эровской газетой «Пріазовскій Край» выходилъ монархическій «Часовой». На Дону разрѣшалось работать, но воспрещалось мѣшать работѣ другихъ. «Общественные дѣятели», если они не были у дѣла, на Дону не цѣнились. Съ Дона былъ высланъ М. В. Родзянко и на Дону дали понять А. И. Гучкову, что ему дѣлать тамъ нечего.

Все это собралось теперь въ Екатеринодарѣ. Генералъ Деникинъ оказался въ центрѣ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ политическихъ интригъ. Онъ поставилъ на своемъ знамени «единую и недѣлимую Россію» и все то, что не совпадало съ этимъ — было ему ненавистно, и онъ враждебно къ этому относился.

Скоропадскій былъ измѣнникомъ, измѣнниками были всѣ украинцы, а съ ними вмѣстѣ измѣнниками были и руководители Рады — Бычъ, Рябоволъ, П. Л. Макаренко и всѣ тѣ, которые мечтали о федераціи.

Какъ то, нѣсколько позднѣе, генералъ Деникинъ былъ на большомъ оффиціальномъ обѣдѣ у Кубанскаго Атамана въ его дворцѣ. Надъ дворцомъ, подобно тому, какъ это было на Дону, рѣялъ свой Кубанскій національный флагъ. Атаманъ сидѣлъ на первомъ мѣстѣ, Деникинъ на второмъ. Это его оскорбило и взорвало. Когда дошло дѣло до рѣчей, онъ сказалъ почти буквально слѣдующее:

— Недавно надъ этимъ дворцомъ развѣвалось красное знамя и подъ нимъ во дворцѣ сидѣла разная сволочь. Теперь надъ дворцомъ развѣвается знамя иныхъ цвѣтовъ и сидятъ иные, прочіе люди. Я жду, когда надъ этимъ дворцомъ взовьется флагъ единой великой Россіи! За единую, недѣлимую Россію, ура! . .

Заслуги кубанцевъ въ бояхъ и на походѣ затирались. Въ донесеніяхъ о нихъ умалчивали, или ставили на второмъ мѣстѣ. Природные кубанскіе казаки за исключеніемъ Шкуро, Улагая и Павличенкова не занимали видныхъ мѣстъ. Въ штабѣ Деникина кубанцевъ не было, а генералы Русской службы Май-Маевскій, баронъ Врангель, Эрдели, Покровскій выдвигались на видныя мѣста. Это злило кубанцевъ.

Къ Дону отношеніе было сдержанное. На него тоже смотрѣли, какъ на неблагодарнаго сына и стремились прибрать къ рукамъ. Въ это время извѣстнымъ поэтомъ сатирикомъ Мятлевымъ въ Кіевѣ было написано слѣдующее остроумное стихотвореніе, рисующее положеніе юга Россіи къ прибытію союзниковъ:

Не поется мнѣ и не пишется,
День денской въ ушахъ моихъ слышится:
«Ахъ ты, Русь моя, Русь родимая,
Ты единая, недѣлимая! . . .»

Изъ хохловъ создавъ чудомъ націю,
Панъ Павло кроитъ федерацію,
«Ахъ ты, Русь моя и т. д.

Атаманъ Красновъ подпѣваетъ въ тонъ!
Будетъ тихій Донъ, нашъ казачій Донъ.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

И журчитъ Кубань водамъ Терека —
Я республика, какъ Америка.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

И другъ друга злѣй и нелѣпѣе,
Палачи галдятъ на Совдепіи.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

И лихой морякъ, и большой смѣльчакъ
На Сибири сѣлъ адмиралъ Колчакъ.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

И въ Уфѣ эсъ-эръ рѣчью пылкою
Возрождаетъ край учредилкою.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

Выѣзжаетъ ляхъ на позицію,
Подавай ему всю Галицію.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

Всю Лифляндію и Курляндію
Латыши хотятъ, финъ — Финляндію.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

И нельзя понять, чего хочетъ Крымъ.
Ханъ Набоковъ тамъ, Соломонъ-ли Крымъ?
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

Всѣ спѣшатъ на югъ и подъ небомъ Яссъ
Шепчутъ всякій вздоръ и галдятъ заразъ
«Ахъ ты Русь моя . . . и т. д.

Не хотимъ Павло, пана щираго,
Подавайте намъ Драгомирова.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

Власть растрепана, власть разсѣяна,
Вся надежда на Кривошеина.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

Мы сидимъ, сидимъ вродѣ узниковъ,
И все ждемъ чудесъ отъ союзниковъ.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

Господинъ Энно, господинъ Энно!
А ему плевать! И смотрѣть смѣшно.
«Ахъ ты Русь моя и т. д.

Но великъ Господь, и придетъ, какъ встарь
И на тронѣ сѣвъ, грозно крикнетъ Царь!
«Ахъ ты Русь моя, Русь родимая
Ты единая, недѣлимая . . .»

Пока дѣла Германіи были хороши, и все снабженіе шло въ Добровольческую Армію изъ Украины черезъ Донъ, отношенія Деникина къ Атаману были холодныя, но сдержанныя. Не желая оставить никакихъ слѣдовъ о томъ, что Добровольческая Армія получала патроны и снаряды отъ нѣмцевъ, генералъ Деникинъ не требовалъ письменно или черезъ свой штабъ нужнаго ему снаряженія, но къ Атаману или къ командующему Донской Арміей прибывали изъ Добровольческой Арміи частные люди (инженеръ Крюгеръ-Войновскій и др.), или кто либо изъ «общественныхъ дѣятелей» и разсказывалъ о тяжеломъ положеніи добровольцевъ, о томъ, что у нихъ не хватаетъ ни патроновъ, ни снарядовъ и что имъ необходимо послать столько-то того-то или того-то. Или объ этомъ передавалъ представитель Донского войска при Добровольческой Арміи генералъ отъ кавалеріи Смагинъ, и Донское войско, если только имѣло просимое сейчасъ же, иногда въ ущербъ своимъ частямъ, отправляло транспорты добровольцамъ. Отношенія между обѣими арміями были вначалѣ дружныя, но равныя. Донъ не считалъ себя подчиненнымъ генералу Деникину, и генералъ Деникинъ, избѣгая прямыхъ сношеній съ Дономъ, считалъ Донъ независимымъ отъ себя.

Какъ только стало извѣстно о побѣдѣ союзниковъ и о близкой перемѣнѣ «оріентацій», Добровольческая Армія стала требовать отъ Дона все ей необходимое.

19 октября генералъ Лукомскій писалъ Атаману: — «Представитель артиллерійской части Всевеликаго Войска Донского па Украинѣ, генералъ-маіоръ баронъ Майдель довелъ до свѣдѣнія главнаго начальника снабженій Добровольческой Арміи, что Украина можетъ уступить Дону 640 пулеметовъ «Льюиса» и 30 милліоновъ патроновъ къ нимъ, 20.000 ручныхъ гранатъ, около 10 милліоновъ 3-хъ-линейныхъ патроновъ розсыпью и 100—200 тысячъ 3-хъ-дюймовыхъ пушечныхъ патроновъ.

«Въ виду острой нужды въ предметахъ артиллерійскаго снабженія обращаюсь къ Вашему Высокопревосходительсву съ покорнѣйшею просьбою, не признаете ли возможнымъ удѣлить Добровольческой Арміи часть изъ указанныхъ запасовъ, или оказать Ваше содѣйствіе къ полученію арміей отъ Украины, подъ видомъ снабженія Дона, слѣдующихъ предметовъ артиллерійскаго довольствія: 1) 100 пулеметовъ «Льюиса» и 5 милліоновъ патроновъ къ нимъ, 2) 10 тысячъ ручныхъ гранатъ, 3) 5 милліоновъ ружейныхъ патроновъ розсыпью, 4) 75 тысячъ 3-хъ-дюймовыхъ пушечныхъ патроновъ, изъ нихъ 25 тысячъ шрапнелей и 50 тысячъ гранатъ, по возможности французскихъ, 5) горныхъ 5 тысячъ, изъ нихъ двѣ тысячи шрапнелей и 3 тысячи гранатъ, 6) 48-линейныхъ — пять тысячъ, изъ нихъ 500 шрапнелей и 4500 бомбъ съ зарядами, 7) 6-тидюймовыхъ — три тысячи бомбъ. О послѣдующемъ прошу Васъ не отказать увѣдомить меня» . . . *

Атаманъ не могъ исполнить въ полной мѣрѣ этой просьбы Добровольческой Арміи, потому что онъ самъ ничего изъ обѣщаннаго не получилъ. Способъ требованія черезъ него запасовъ отъ Украины, нежеланіе Добровольческой Арміи сноситься непосредственно съ Гетманомъ, ея брезгливость къ Гетману и нѣмцамъ и вслѣдствіе этого выставленіе Атамана какимъ-то посредникомъ, наконецъ, та властная, обособленная политика, которую велъ Деникинъ, все это огорчало и возмущало Атамана. 13 октября онъ въ длинномъ письмѣ на имя генерала Смагина высказывалъ свои соображенія по этому поводу.

. . . «Спѣшу отвѣтить, хотя коротко, на Ваше письмо», писалъ Атаманъ. «Во первыхъ о патронахъ и снарядахъ. Почему войско Донское должно быть маклеромъ по продажѣ ихъ Добровольческой Арміи? Намъ и патроны, и снаряды нужны гораздо болѣе, нежели Добровольческой Арміи, и достаются они намъ съ большими трудами, непріятностями и волокитой. Мы ведемъ борьбу съ восемью совѣтскими арміями въ то время, какъ противъ Добровольческой Арміи только одна армія — Сорокина, да и та болѣе чѣмъ на половину выпущена противъ насъ. Намъ снаряды и патроны нужны не менѣе чѣмъ добровольцамъ и торговать ими мы не можемъ. Такого случая, чтобы мы задержали патроны отъ того, что намъ не выслали хлѣбъ за нихъ, не было. Не мы задерживаемъ патроны, а генералъ Эльснеръ не послалъ ихъ во время, да и способъ, который употребляетъ Добровольческая Армія для полученія отъ насъ патроновъ довольно странный. Она ихъ проситъ черезъ случайныхъ проѣзжихъ гражданскихъ инженеровъ, проситъ намеками, а не прямо. И тѣмъ не менѣе на прошлой недѣлѣ я послалъ Добровольческой Арміи

---

* Письмо Атаману Начальника Военнаго и Морского отдѣловъ Добровольческой Арміи, 19 октября 1918 г., № 48 с.

4 милліона патроновъ и 5 тысячъ снарядовъ. Но ни Кубань, ни Добровольческая Армія не могутъ разсчитывать получать отъ насъ патроны и снаряды по той простой причинѣ, что у насъ ихъ нѣтъ. Вы же знаете, что у насъ нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ для изготовленія ихъ, и у насъ не было складовъ — все на Украинѣ, и значитъ, и Кубани, и Добровольческой Арміи надо получать снаряды и патроны оттуда, для чего не самостійничать, а стремиться къ единой недѣлимой Россіи. На мнѣ теперь лежитъ еще и питаніе Южной Арміи — откуда же я возьму еще и для добровольцевъ, которые притомъ совершенно не считаются со мною и не желаютъ меня знать. Я, конечно, понимаю, что они мнѣ косвенно помогаютъ, но въ трудныя минуты нашей боевой жизни — это уже не первый разъ, что мы терпимъ неудачи изъ-за несогласованности нашихъ дѣйствій съ дѣйствіями добровольцевъ. Прибытіе отряда Сорокина и дивизіи Жлобы, не преслѣдуемыхъ по пятамъ добровольцами, и ударъ ихъ въ тылъ нашимъ войскамъ у Царицына произвели на казаковъ угнетающее впечатлѣніе.

«Вотъ Вамъ и еще примѣръ отношенія къ намъ Добровольческой Арміи. Добровольческая Армія просила у насъ сухіе и мокрые элементы, мы ей ихъ немедленно послали, не говоря о цѣнѣ и не торгуясь объ этомъ. Теперь намъ понадобилась мощная радіостанція, такъ какъ при помощи ея мы могли бы разговаривать и узнавать все, что дѣлается въ Петербургѣ, Москвѣ, Пензѣ, Уфѣ и т. д. Добровольческая Армія имѣетъ двѣ такія свободныя и совершенно ей ненужныя морскія станціи. Добровольческая Армія на нашу просьбу о станціи, которая и ей будетъ давать нужныя свѣдѣнія со всего свѣта, отвѣтила, что она можетъ уступить такую станцію за 300 тысячъ рублей. Согласитесь, что даже нѣмцы съ нами не торговались и предметы добычи отдавали или даромъ, или по пониженной оцѣнкѣ. Все это такъ некрасиво рисуетъ вождей Добровольческой Арміи.

«А присутствіе въ ней Семилѣтова и Сидорина?* Что это вызовъ Дону? Подготовка новой междоусобной войны?

«Стыдно и больно все это писать и какъ безконечно грустно. Ослѣпленные вожди и политиканы Добровольческой Арміи такими поступками мараютъ честное бѣлое знамя Корнилова.

«Ваши свѣдѣнія о проходѣ флота союзниковъ черезъ Дарданеллы совершенно невѣрны. Дарданеллы и Босфоръ заняты исключительно германскими войсками и германской артиллеріей, Чаталджинская позиція въ рукахъ германцевъ. Кому нуженъ этотъ обманъ? Зачѣмъ сулить скорую помощь — чтобы еще болѣе горькое было разочарованіе. Вѣдь изъ-за этого погибъ въ январѣ Каледина, которому тоже обѣщанъ былъ дессантъ союзниковъ. Но его не было и не такъ скоро онъ будетъ. А эти обманы такъ разстраиваютъ слабыхъ...

...«Вотъ и судите сами, Алексѣй Алексѣевичъ, кто виноватъ? Мы люди простые, безхитростно и просто, безъ шумливой рекламы ведемъ мы свое тяжелое солдатское дѣло. Тамъ — громкая шумная реклама. «Вечернее Время» и «Россія» съ кадилами лести въ рукахъ, тамъ манія величія и присвоеніе себѣ

* Генералы Сидоринъ и Семилѣтовъ не пожелали служить съ Донскимъ Атаманомъ и вышли въ отставку. Во время предвыборной кампаніи они ѣздили по Войску и агитировали противъ Атамана, говоря казакамъ, что Атаманъ продалъ Донъ нѣмцамъ. Семилѣтовъ кромѣ того не отчитался въ казенныхъ суммахъ и не расплатился съ партизанами. Они уѣхали въ Добровольческую Армію, гдѣ Семилѣтовъ въ Новороссійскѣ сталъ формировать особый отрядъ для борьбы съ большевиками слѣва и большевиками справа, какъ они называли Атамана.

титула спасителя отечества — хотя спасена одна двухсотая этого отечества. И намъ и жутко, и непріятно, и противно смотрѣть на эту шумиху, на эту мишуру въ святомъ для насъ дѣлѣ. Конечно это письмо только тема для Васъ. Оно не для огласки». *

Съ прибытіемъ союзниковъ генералъ Деникинъ нашелъ возможнымъ дать понять Донскому Атаману, что онъ во всемъ зависитъ отъ него и что хочетъ, или не хочетъ онъ, но ему придется подчиниться ему и подчинить Донскую Армію единому командованію. Донская Армія къ ноябрю мѣсяцу подошла къ Царицыну. Царицынъ былъ обложенъ съ трехъ сторонъ и сообщеніе его съ его тыломъ прервано. Атаманъ ожидалъ прибытія тяжелыхъ орудій, которыя были куплены въ Севастополѣ у нѣмцевъ и за которыми въ Севастополь прибылъ донской пароходъ «Сосіетэ».

Командированный на этомъ пароходѣ за орудіями офицеръ телеграфировалъ 18 ноября въ Новочеркасскъ: — «Адмиралъ Канинъ получилъ приказаніе генерала Деникина, никому покамѣстъ ничего не давать». Одновременно съ этимъ капитанъ 1-го ранга Лебедевъ телеграфировалъ по поводу тѣхъ же орудій: «Генералъ Лукомскій приказалъ доставить платформы въ Новороссійскъ, гдѣ и будутъ установлены орудія по доставкѣ ихъ моремъ изъ Севастополя. Посылать орудія по желѣзной дорогѣ и въ Ростовъ не признано возможнымъ».**

Донское командованіе отвѣтило, что оно и не предполагало отправлять орудія по желѣзной дорогѣ, но что за ними посланъ пароходъ. Начальнику генеральнаго штаба Добровольческой Арміи генералу Вязьмитинову было передано по прямому проводу изъ Новочеркасска въ Екатеринодаръ, «что это вопросъ серьезный и срочный. На организацію поѣздовъ (броневыхъ) и личнаго состава затрачено много энергіи и денегъ, а главное они страшно нужны на фронтахъ»...

Генералъ Вязьмитиновъ отвѣтилъ: — «По вопросамъ платформъ и орудій по докладу генералу Лукомскому сообщаю: Необходимо точно выяснить, для кого именно подготовляются поѣзда, такъ какъ приказаніе Главнокомандующаго предусматриваетъ воспрещеніе выдачи чего либо другимъ арміямъ кромѣ добровольческой. Средства для этой послѣдней приказано направлять Новороссійскъ, гдѣ и будетъ произведена установка орудій»...***

Генералъ Деникинъ начиналъ мстить Донскому Атаману и показывать ему, что все находится теперь въ его рукахъ. Послѣ длительныхъ переговоровъ и при содѣйствіи союзниковъ эти орудія удалось получить только къ февралю 1919 года, когда Азовское море замерзло, Донская Армія находилась въ разложеніи и не только нельзя было думать о штурмѣ Царицына, но приходилось спѣшно убирать войска съ Царицынскаго фронта!

Вопросъ о единомъ командованіи былъ особенно важенъ генералу Деникину въ виду того, что по мѣрѣ освобожденія Кубанскаго войска отъ большевиковъ Кубанская Рада все болѣе хотѣла освободиться отъ опеки генерала Деникина. Одинъ изъ ея членовъ П. Л. Макаренко предполагалъ, что настало

* Письмо Донского Атамана генералу отъ кавалеріи А. А. Смагину отъ 13 октября 1918 года, № 010.

** Телеграммы № 21 и № 1852/96 — 18-го ноября 1918 года.

*** Разговоръ по прямому проводу между Морского Генеральнаго Штаба Капитаномъ 1-го ранга Кононовымъ и генераломъ Вязьмитиновымъ 18-го ноября 1918 г.

время собрать конференцію изъ представителей Добровольческой Арміи, Дона и Кубани для рѣшенія вопросовъ, между которыми стояли и такіе:

Будущая Россія — федеративное или унитарное государство?

Какое положеніе займетъ въ ней Юго-Восточный Союзъ и изъ кого онъ будетъ состоять? Возможна ли теперь единая власть и кому она можетъ принадлежать?

Макаренко обратился со всѣми этими вопросами къ Донскому Атаману, который въ декабрѣ 1918 года отвѣчалъ ему:

. . . «Разсмотрѣвши вопросы, подлежащіе предварительному обсужденію въ согласительной комиссіи, то-есть на конференціи представителей Добровольческой Арміи, Дона и Кубани, я полагаю, что засѣданія таковой комиссіи являются преждевременными, такъ какъ большинство вопросовъ въ данное время рѣшено быть не можетъ, а гаданіе о будущемъ, не имѣя никакихъ данныхъ, явится лишь пустыми разговорами, для чего у меня нѣтъ свободныхъ людей, ни средствъ, чтобы оплачивать ихъ напрасную поѣздку и жизнь въ Екатеринодарѣ, — потому что:

«Будущая Россія — федеративное или унитарное государство — праздный вопросъ. Надо раньше освободить Россію отъ большевиковъ. Тогда прислушаться къ голосу подлинной Россіи, Россіи, пережившей муки большевизма, и всѣмъ вмѣстѣ обсудить этотъ вопросъ. Говорить объ этомъ Дону и Кубани — одной тридцатой Россіи, преждевременно. Логически, конечно, Россія — единая и недѣлимая, потому что самимъ создавать принципъ divide et impera — на свою голову не годится» . . .

. . . «Освобождены Донъ, три пятыхъ Воронежской губерніи, Кубань и части Ставропольской и Черноморской губерній. Донъ избралъ Атамана, Воронежская губернія признала этого Атамана, на Кубани, въ Ставропольской и Черноморской губерніяхъ повидимому признана власть Добровольческой Арміи. Остается столковаться Дону съ Добровольческой Арміей и идти вмѣстѣ по одному пути, потому что цѣли ихъ одинаковы: — единая недѣлимая Россія» . . .

. . . «Врядъ ли общая власть возможна» . . .

. . . «Нужно, чтобы Добровольческая Армія смотрѣла болѣе жизненно на эти вопросы и не требовала отъ Донскихъ и Кубанскихъ казаковъ невозможныхъ жертвъ. Мы пробовали сговориться, но это не удалось. Торговаться мы не умѣемъ и торговать кровью Донскихъ да, думаю, и Кубанскихъ казаковъ не будемъ» . . .

— «Надо, чтобы Добровольческая Армія стала на практическій путь работы съ казаками, а не за счетъ казаковъ». *

На 13-е ноября въ Екатеринодарѣ генераломъ Деникинымъ было собрано совѣщаніе между представителями Добровольческой Арміи, Дона и Кубани подъ предсѣдательствомъ генерала Драгомирова. Предстояло рѣшить три главныхъ вопроса — о единой власти (диктатурѣ генерала Деникина), единомъ командованіи и единомъ представителѣ передъ иностранными союзными державами. Отъ Донского войска были командированы генералъ-лейтенанты Грековъ и Свѣчинъ и начальникъ войскового штаба генералъ-маіоръ Поляковъ. Имъ отъ Донского Атамана были даны готовые отвѣты: — Диктатура генерала Деникина не можетъ быть признана, единое командованіе можетъ быть лишь при единомъ фронтѣ и единый представитель возможенъ и желателенъ.

* Письмо Донского Атамана И. Л. Макаренко, № 074.

Совѣщанія продолжались два дня. Генералъ Драгомировъ настаивалъ на полномъ подчиненіи Дона Добровольческой Арміи и на осуществленіи единаго командованія настолько, чтобы Добровольческая Армія могла бы распоряжаться каждымъ полкомъ Донской Арміи независимо отъ Донского Атамана.

Къ соглашенію комиссія не пришла, а отношенія обострились еще больше. Непосредственно за комиссіей начались репрессіи по отношенію войска Донского. Не были отпущены изъ Севастополя столь нужныя войску тяжелыя орудія, генералъ Семилѣтовъ получилъ разрѣшеніе на формированіе «донского отряда» въ Добровольческой Арміи, что давало возможность укрываться отъ мобилизаціи и нарушало организацію Донской Арміи. Въ отрядъ этотъ собирались всѣ недовольные и враждебные Атаману лица.

Наконецъ, было рѣшено не допускать представителей союзныхъ державъ на Донъ и всячески мѣшать непосредственнымъ сношеніямъ Дона съ союзниками.

Когда въ Екатеринодарѣ узнали о томъ, что капитаны Бондъ и Ошэнъ ѣдутъ на Донъ, министръ торговли и промышленности Добровольческой Арміи В. А. Лебедевъ телеграфировалъ предсѣдателю Войскового Круга В. А. Харламову, что Бондъ и Ошэнъ никѣмъ не уполномочены ѣхать на Донъ и являются подставными лицами, нанятыми Атаманомъ, чтобы инсценировать его дружбу съ союзниками . . .

Такъ съ пріѣздомъ союзниковъ началася жестокая интрига противъ Атамана и войска Донского, но имъ было уже не до того, чтобы парировать ее. Военныя событія измѣнились, войску Донскому угрожала гибель.

Глава XIV

Событія на Украинѣ и въ Германіи осенью 1918 года. — Разложеніе Германской Арміи. — Вовстаніе Петлюры и Винниченко. — Обѣщанія французовъ. — Уходъ Гетмана. — Большевики на Украинѣ.

10-го ноября * Атаманъ Зимовой станицы на Украинѣ генералъ-маіоръ Черячукинъ писалъ управляющему отдѣломъ иностранныхъ дѣлъ войска Донского генералъ-лейтенанту Богаевскому: — «Событія идутъ быстрыми шагами. Императоръ Вильгельмъ отказался отъ престола. Въ Германіи соціалистическая республика. Въ Килѣ дѣлается то же самое, что у насъ было въ Кронштадтѣ. Говорятъ, образовалось нѣсколько республикъ. Отказъ Вильгельма страшно гнетуще подѣйствовалъ на армію, особенно убито духомъ офицерство. Здѣсь, украинцы начинаютъ побаиваться, поддержатъ ли ихъ нѣмецкіе солдаты противъ большевиковъ и не станутъ ли они заодно съ совдепами. Вообще настало время скорѣе вызывать союзниковъ, если дѣйствительно послѣдніе хотятъ намъ помочь въ борьбѣ съ большевиками. Вчера слышалъ, что переговоры Украины съ союзниками въ Яссахъ начались и благопріятно; говорятъ здѣсь, что союзники требуютъ отъ нѣмцевъ посылки двухъ корпусовъ противъ совдеповъ и что будто сами готовы дать на Украину сколько угодно войскъ. Австрійцы совсѣмъ разложились и грабятъ все. Предназначенныя намъ къ отпуску изъ Ярмолинецъ тяжелыя орудія трудно вывезти изъ-за той разрухи, которую устроили тамъ австріяки; вагоны и поѣзда ими запружены, вообще картинка

* Новаго стиля.

изъ недавняго нашего прошлаго. Третьяго дня Гетманъ вызывалъ меня, Кубанцевъ, Терца и представителя Грузіи для предварительнаго обсужденія вопросовъ о тѣсномъ единеніи и о будущемъ положеніи. Будутъ заготовлены письма отъ Гетмана къ правительствамъ съ приглашеніемъ обсудить предварительно всеобщей мирной конференціи назрѣвшіе вопросы о будущемъ Россіи и о тѣхъ государствахъ, которыя теперь отдѣлились отъ Россіи. Я боюсь, что это уже поздно. Сегодня мы должны были быть вновь вызваны для прочтенія и полученія этихъ писемъ, но очевидно опять задержка». *

Это письмо было написано 28-го октября, а еще 24-го октября на Дону надѣялись на совершенно иное. Въ этотъ день у управляющаго отдѣломъ иностранныхъ дѣлъ былъ германскій маіоръ Кокенхаузенъ, который сообщилъ ему, что подъ вліяніемъ неудачъ на западномъ фронтѣ въ Германіи произошелъ цѣлый рядъ перемѣнъ. Рейхсканцлеромъ назначенъ принцъ Максъ Баденскій, Германское правительство нашло необходимымъ измѣнить свое отношеніе къ Совѣтской Россіи, между Совѣтской республикой и Германіей прекращены дипломатическія сношенія, условія Брестъ-Литовскаго мирнаго договора аннулированы, Германія отозвала своего дипломатическаго представителя изъ Москвы и выслала Іоффе, совѣтскаго посла, изъ Берлина. Маіоръ Кокенхаузенъ весьма секретно сообщилъ, это въ ближайшіе дни германскія войска, стоящія на Украинѣ, начнутъ военныя дѣйствія и перейдутъ въ наступленіе противъ совѣтскихъ войскъ . . .

Тогда — и это по тогдашнему настроенію и состоянію Красной Арміи, совершенно не желавшей драться съ нѣмцами — несомнѣнно такъ и было бы — тогда нѣмецкіе полки освободителями вошли бы въ Москву. Тогда нѣмецкій императоръ явился бы въ роли Александра Благословеннаго въ Москву и вся измученная интеллигенція обратила бы свои сердца къ своему недавнему противнику. Весь Русскій народъ, съ котораго были бы сняты цѣпи коммунистическаго рабства, обратился бы къ Германіи и въ будущемъ явился бы тѣсный союзъ между Россіей и Германіей. Это была бы такая громадная политическая побѣда Германіи надъ Англіей, передъ которой ничтожной оказался бы прорывъ линіи Гинденбурга на Западномъ фронтѣ и занятіе Эльзаса. И державы Согласія приняли всѣ мѣры, чтобы не допустить этого. Они усилили свой напоръ на фронтъ, а требованія Вильсона и нежеланіе союзниковъ говорить о мирѣ съ Императоромъ Вильгельмомъ, но лишь съ германскимъ народомъ, пошатнуло положеніе династіи. Императоръ Вильгельмъ былъ принужденъ отказаться отъ престола, власть въ странѣ перешла въ руки соціалистовъ во главѣ съ Эбертомъ, а Императоръ Вильгельмъ съ наслѣднымъ принцемъ покинулъ страну. Въ войскахъ немедленно образовались совѣты солдатскихъ депутатовъ, а въ городахъ совѣты рабочихъ депутатовъ. Ни о какомъ выступленіи германскихъ войскъ противъ Совѣтской республики уже нельзя было думать. Въ самой странѣ начались безпорядки, поднятые большевистски настроенными группами Спартака. Грозные германскіе солдаты всего недѣлю тому назадъ суровымъ «Halt» останавливавшіе толпы рабочихъ и солдатъ на Украинѣ, покорно давали себя обезоруживать украинскимъ крестьянамъ. Украинскіе большевики останавливали эшелоны со спѣшившей домой баварской кавалерійской дивизіей, отбирали оружіе и уводили изъ вагоновъ лошадей!

---

* Письмо Атамана Зимовой Станицы Всевеликаго Войска Донского отъ 10 ноября нов. ст. № 886 получено въ Новочеркасскѣ 5-го ноября стар. ст.

Первыми покинули Украину австрійцы. Ихъ мѣста пришлось занять германцамъ, для чего германцы вывели свои гарнизоны изъ Ростова и Таганрога. Это входило въ планы Донского Атамана, и Ростовъ былъ занятъ образцово обученными частями Молодой Донской Арміи — Л. Гв. Казачьимъ полкомъ, двумя батальонами 1-го Пластунскаго полка и 1-й конной казачьей батареей, въ Таганрогъ были поставлены Л. Гв. Атаманскій полкъ, батальонъ 1-го Пластунскаго полка и Саперный батальонъ.

Но, когда германскія части стали покидать восточную границу Украины, и угольный районъ, гдѣ среди рабочихъ оставалось много большевиковъ, остался незащищеннымъ, Атаманъ, съ согласія Гетмана, выдвинулъ части 3-й и 2-й Донской дивизій и занялъ Лугансkъ, Дебальцево и Маріуполь. Для этого пришлось прекратить наступательныя операціи на Царицынскомъ фронтѣ. Съ печалью смотрѣлъ командующій Донской Арміей, какъ постепенно, но очень быстро обнажался весь лѣвый флангъ съ тремя дорогами, идущими въ войско и тылъ его фронта, и открывались прямые пути на Ростовъ и Новочеркасскъ къ сердцу войска Донского. Въ дни страшнаго напряженія на сѣверѣ войска, когда всѣ резервы были уже введены въ боевую линію, командующему арміей пришлось создавать новый фронтъ — Западный, протяженіемъ въ 600 верстъ. Донской Атаманъ обратился съ просьбой о помощи къ генералу Деникину. Генералъ Деникинъ перебросилъ освободившуюся пѣхотную дивизію генерала Май-Маевскаго, которая заняла линію отъ Маріуполя до Юзовки. Эта линія была занята очень слабо, но вѣдь шли же, наконецъ, — союзники!

Въ серединѣ ноября послѣднею ушла изъ Кантемировки наиболѣе дисциплинированная 2-ая германская кавалерійская дивизія, а 4-го декабря изъ города Ростова ушелъ германскій штабъ съ маіоромъ Кокенхаузеномъ.

Лѣвый флангъ и тылъ Донской Арміи на протяженіи слишкомъ въ шестьсотъ верстъ уже не защищался, даже не охранялся, а только наблюдался кавалерійскими и пѣшими заставами.

Украина кипѣла и бурлила возстаніями. Петлюра, окруженный сѣчевыми стрѣльцами, соединившись съ Винниченко, поднялъ мятежъ, обвиняя Гетмана въ стремленіи соединиться съ Россіей. Къ нимъ примкнули щирые украинцы и масса голытьбы, желавшей пограбить помѣщичьи усадьбы и богатые города и села.

Въ ночь съ 3 на 4 ноября по улицамъ Кіева было расклеено воззваніе Винниченко и Петлюры съ призывомъ къ низверженію Гетмана и объявленію директоріи Украинской республики во главѣ съ Винниченко (голова), Петлюрой, Швецъ и Андреевскимъ.

Директорія, опираясь на сѣчевыхъ стрѣльцовъ въ Бѣлой Церкви, подняла возстаніе и, пополнивъ ихъ бандами изъ окрестныхъ деревень, двинулась на Фастовъ и далѣе на Кіевъ.

Почти одновременно съ этимъ вспыхнуло возстаніе въ другихъ центрахъ Украины: въ Харьковѣ появился Атаманъ Балбочанъ, потребовавшій отъ Донского правительства, чтобы оно убрало свои гарнизоны изъ угольнаго района и грозившій войною, въ Ровно, въ Житомірѣ, Ромоданѣ, Крутахъ, Елизаветградѣ и Екатеринославѣ — по всей Украинѣ рѣзали, жгли и подъ шумокъ расхищали имущество.

Идейно возстаніе это не пользовалось никакимъ успѣхомъ. На Петлюру и на его сообщниковъ смотрѣли просто какъ на разбойниковъ, но подавить это возстаніе, уничтожить этихъ разбойниковъ было некому. Нѣмецкіе солдаты

не повиновались своимъ офицерамъ. Надѣяться на нихъ было нельзя. Своей силы не было.

Русскіе «общественные дѣятели» успокаивали Гетмана, говоря, что возстаніе заглохнетъ само собою, что украинцы покончатъ съ Винниченко и Петлюрой, союзники изъ Яссъ дали знать, что они поддерживаютъ правительство Гетмана, и французскій консулъ Энно 9-го ноября долженъ былъ пріѣхать въ Кіевъ, а за нимъ было обѣщано прислать и французскія войска.

Между тѣмъ къ 7-му ноября сѣчевые стрѣльцы продвинулись къ ст. Боярка и потомъ подошли къ Жульянамъ.

Энно настаивалъ передъ нѣмецкимъ командованіемъ, что нѣмцы должны поддерживать порядокъ на Украинѣ, но что могло сдѣлать германское командованіе, когда войсками уже правили совѣты! 15 ноября германскій совдепъ заключилъ съ повстанцами перемиріе, однимъ изъ пунктовъ котораго было то, что войска Гетмана должны отойти съ позиціи въ Кіевъ, оставивъ только сторожевое охраненіе, а петлюровцы должны были отойти на 30 верстъ отъ Кіева. Перемиріе это было заключено безъ вѣдома главнокомандующаго Украинскими войсками въ Кіевѣ генерала кн. Долгорукова и фактически не соблюдалось. Нѣмцы не только не охраняли Кіева, но мѣстами сдавали Петлюровцамъ оружіе и уѣзжали въ эшелонахъ, поданныхъ Петлюрою для желающихъ ѣхать на родину.

Союзники обѣщали, что 20-го ноября въ районѣ Жмеринки, Могилева на Днѣстрѣ, Одессѣ и Бирзулѣ будетъ сосредоточено до дивизіи союзниковъ, 27-го ноября изъ Константинополя прибудетъ двѣ дивизіи, а ко 2-му декабря съ устья Дуная еще 2—3 дивизіи . . .

Это были обѣщанія французскаго командованія на Черномъ морѣ. Обѣщанія генерала Бертелло. Но въ Версалѣ смотрѣли иначе. Въ Версалѣ одни не понимали, или не хотѣли понять всей важности назрѣвающаго момента, всей его психологической отвѣтственности, другіе желали видѣть Россію уничтоженной, сгорѣвшей на медленномъ огнѣ. Кромѣ той маленькой политики, которую вели военные начальники, видѣвшіе въ Русскихъ союзниковъ, друзей, несчастныхъ погибающихъ братьевъ и отъ всей души желающихъ имъ помочь, была еще другая большая политика, видѣвшая въ Россіи угрозу Персіи, Индіи и ближнему Востоку и вотъ эта-то другая политика и отставляла всѣ распоряженія первой политики.

Зло получилось ужасное.

Въ Совѣтской республикѣ со страхомъ и трепетомъ слѣдили за всѣмъ тѣмъ, что происходитъ въ Россіи. Побѣда союзниковъ была пораженіемъ большевизма. Это понимали и комиссары, понимали и красноармейцы. Какъ Донцы говорили, что не могутъ они одни бороться противъ всей Россіи, такъ и красноармейцы заявляли, что они не могутъ сражаться противъ всего міра. Появись въ эту минуту, именно зимою 1918 года, на фронтѣ въ Украинѣ и на Дону синіе капоты французскихъ солдатъ, или англійскія шинели — и большевизмъ бы рухнулъ. Но тогда рухнулъ бы и интернаціоналъ. Тогда началось бы братство народовъ, національностей, тогда были бы Россія, Франція, Англія, но не было бы одного лица — вѣрнѣе одной безличной народности. И вотъ въ Версалѣ отложили помощь Украинѣ.

Была и другая, грозная причина. Хотя французы и англичане увѣряли, что большевизмъ есть болѣзнь побѣжденныхъ армій, что они, побѣдители и ихъ арміи не тронуты этою страшною болѣзнью, на дѣлѣ было не такъ.

Французскіе и англійскіе солдаты не желали воевать съ большевиками, ихъ арміи уже были разъѣдаемы тою страшною гангреною усталости, которая явилась слѣдствіемъ войны.

И, когда союзныя войска не пришли на Украину, когда уже высадившіяся было въ Одессѣ союзныя войска покинули городъ и снова сѣли на суда, у большевиковъ явилась надежда на то, что въ міровой войнѣ побѣдятъ они, потому что демократіи Англіи и Франціи идутъ не противъ нихъ. И они стали ожидать того, что будетъ на Дону.

Защищать Украину и Гетмана остались наскоро сформированныя, состоящія изъ однихъ офицеровъ и учащейся молодежи дружины.

Петлюра требовалъ разоруженія всѣхъ Русскихъ офицеровъ, обѣщая имъ за это право свободнаго выхода изъ Украины. Слабые колебались. Помощи не было ни откуда. Гетманскія войска у Раздѣльной были разбиты и отходили къ Одессѣ.

Совѣтъ Украинскихъ министровъ послалъ Петлюрѣ делегацію, и въ ея составѣ секретаря французскаго консульства Мулена, съ просьбою разрѣшить офицерамъ проѣздъ съ оружіемъ на Донъ или Кубань; въ случаѣ согласія на это Кіевъ долженъ былъ быть сданъ безъ боя.

Гетману нечего было дѣлать. Тѣ самые «общественные дѣятели», которые убѣждали его въ необходимости вести болѣе Русскую политику и говорили, что съ Петлюрою никто не пойдетъ, предали его и повели переговоры съ Петлюрою. Гетманъ скрылся изъ Кіева. Совѣтъ министровъ передалъ всю власть городской думѣ и въ тотъ же день въ Кіевъ вошли войска Директоріи. Начались казни и самочинныя убійства Русскихъ людей, началось жестокое преслѣдованіе всего того, что носило имя Русскаго. Мать городовъ Русскихъ, стольный градъ Владиміра Святого и Ольги, Кіевъ сталъ ареной мученій Русскихъ людей за исповѣданіе ими любви къ Родинѣ . . .

Командованіе Совѣтскими войсками, какъ только узнало объ удаленіи Гетмана и о занятіи Петлюрой Украины, двинуло туда армію Антонова, и она безъ труда одолѣла Петлюровскія банды и вскорѣ Харьковъ, а затѣмъ и Кіевъ были заняты большевиками. Петлюра со своими сѣчевиками бѣжалъ въ Каменецъ-Подольскъ.

Все вниманіе Атамана было обращено теперь на то, чтобы отстоять западныя границы войска Донского. Но въ виду ожиданія скорой помощи отъ союзниковъ Атаманъ надѣялся не только отстоять войско Донское, но вмѣстѣ съ Добровольческой Арміей и союзниками идти освобождать Москву отъ большевиковъ.

Глава XV

Прибытіе союзнической миссіи генерала Пуля въ Екатеринодаръ. — Пріѣздъ капитановъ Бонда и Ошэна на Донъ. — Торжественная встрѣча ихъ въ Новочеркасскѣ. — Поѣздка по войску.

На Дону союзниковъ ожидали уже около года. Большая часть интеллигенціи была настроена къ союзникамъ любовно и восторженно. Благодаря широкому распространенію въ Россіи англійской и французской литературы французы и англичане, несмотря на свою удаленность, были ближе Русскому сердцу,

нежели нѣмцы. Нѣмцы пользовались симпатіями и нравились простымъ казакамъ, какъ серьезный, трудолюбивый народъ, на француза простые люди смотрѣли съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, на англичанина съ недовѣріемъ. Крѣпко сидѣло въ простомъ Русскомъ народѣ убѣжденіе, что въ рѣшительныя минуты успѣховъ Русскихъ всегда — «англичанка гадитъ». Но интеллигенція вся была на сторонѣ союзниковъ и ожидала ихъ съ восторженнымъ нетерпѣніемъ.

Прибытіе союзниковъ это была эра въ понятіяхъ всего Русскаго общества. Поворотная точка въ борьбѣ съ большевиками. Придутъ союзники и сейчасъ же — быстрое наступленіе, побѣды, и Москва и Петроградъ, и свиданіе съ родными, и конецъ казнямъ и большевистскому застѣнку. И время до занятія Москвы при помощи союзниковъ измѣрялось недѣлями. Ну, черезъ два мѣсяца, весною, самое позднее, все будетъ кончено. И одни видѣли Земскій соборъ и выборы Царя, другіе Учредительное Собраніе и президента — это было неоспоримо.

Вѣдь должна же была вся эта разруха, наконецъ, кончиться!! . .

Союзники пріѣхали въ Новороссійскъ; ихъ торжественно встрѣчали. Въ Новочеркасскѣ знали до мелочей, до самыхъ мельчайшихъ подробностей все, что было. Отъ Англіи пріѣхалъ генералъ Пуль, немного знающій по-русски, и полковникъ Киссъ, хорошо говорящій по-русски, отъ Франціи капитаны Фукэ и Бертелло и лейтенантъ Эрлихъ (Erlich). Послѣдній говоритъ по-русски, какъ русскій. Знали, что у добровольцевъ вышло недоразумѣніе съ Русскимъ гимномъ. Пили на торжественномъ обѣдѣ за великую, единую, недѣлимую Россію. Музыкантамъ надо было играть что либо послѣ. Заиграли Преображенскій маршъ. * Тогда генералъ Пуль попросилъ сыграть Русскій гимнъ. Переглянулись, пошептались и опять заиграли Преображенскій маршъ. Это оттолкнуло отъ Деникина монархически настроенные элементы, а ихъ было не мало, особенно въ гвардейскомъ отрядѣ Кутепова.

Когда въ Новочеркасскѣ узнали объ этомъ, Командующій арміей, въ распоряженіи котораго находился войсковой хоръ, спросилъ Атамана, что играть, если будутъ пить за Россію.

— Русскій гимнъ, — отвѣчалъ Атаманъ.

— Какой? — спросилъ генералъ Денисовъ.

— Я знаю только одинъ Русскій гимнъ «Боже Царя храни» и, пока не написанъ и не утвержденъ другой, мы и должны его играть. Великая Россія относится къ прошлому, въ настоящемъ — Россіи нѣтъ, а будущаго мы не знаемъ . . . — отвѣчалъ Атаманъ.

Вопросъ былъ сдѣланъ не напрасно. Повидимому, въ программу союзниковъ входило нащупываніе политическихъ настроеній въ массахъ и этимъ путемъ.

25 ноября въ Новочеркасскъ прибыли союзники. Они шли до Маріуполя на миноносцахъ, а потомъ по желѣзной дорогѣ на Таганрогъ, Ростовъ и Новочеркасскъ. Какъ потомъ признавался капитанъ Бондъ, ѣхали не безъ страха. А что, если на Дону большевики? Какъ то проѣдутъ? Небольшія рабочія команды, которыя они видѣли въ Севастополѣ, принадлежавшія къ составу Добровольческой Арміи, внѣшнимъ видомъ своимъ довѣрія не внушали. Союзныхъ офицеровъ отговаривали ѣхать на Донъ. Тамъ, дескать, весь порядокъ

* Характерно то, что старыя и общеизвѣстныя слова Преображенскаго марша — «Русскаго Царя солдаты рады жертвовать собой» въ смыслѣ монархическомъ не менѣе компрометируютъ, нежели «Боже Царя храни», но англичане этого не знали.

держится на нѣмцахъ, а нѣмцы ушли и тамъ, какъ на Украинѣ, безпорядки и большевики.

Однако въ Маріуполѣ ихъ ожидалъ поѣздъ Атамана. Прекрасные вагоны, вагонъ-ресторанъ съ обильной ѣдой и винами, которыхъ они давно не видѣли, электрическое освѣщеніе, безупречная чистота, бравые провожающіе поѣздъ конвойные казаки и точное, по росписанію, движеніе поѣзда ихъ успокоили.

Въ Таганрогѣ на перронѣ стоялъ прекрасно одѣтый въ новыя шинели, съ бѣлой ременной амуниціей и весь въ кожаныхъ высокихъ сапогахъ караулъ Л. Гв. Атаманскаго полка, сотня съ хоромъ трубачей. Смѣло и увѣренно заиграли трубачи англійскій гимнъ и, когда офицеры дошли до середины фронта, начали играть гимнъ Франціи. Все это отзывало старымъ твердымъ строемъ, но не большевизмомъ. Въ 10 часовъ утра поѣздъ прибылъ въ Ростовъ. Такой же прекрасный караулъ Л. Гв. Казачьяго полка ихъ ожидалъ. На перронѣ стояли депутаціи отъ города, отъ французской и англійской колоній. Начались рѣчи, адреса.

Въ Новочеркасскѣ ихъ ожидалъ почетный караулъ 4-го Донского Казачьяго полка и опять депутаціи и хлѣбъ-соль отъ Новочеркасской станицы, первой станицы, куда прибыли союзники. По всему почти двухверстному пути отъ станціи до собора стояли шпалерами войска молодой Арміи, пѣхота, кавалерія и артиллерія.

Новочеркасскъ былъ полонъ гостей. Прибытіе союзниковъ на Донъ было торжествомъ политики Атамана, ожидались рѣчи глубокаго политическаго значенія, и присутствовать на этомъ торжествѣ были приглашены представители Добровольческой Арміи, Кубани и народовъ Сѣвернаго Кавказа и Астраханскій Атаманъ. Отъ Кубанскаго войска въ Новочеркасскъ прибыли генералъ Гейманъ, членъ Рады П. Л. Макаренко, отъ горцевъ — г. Гатагогу, отъ Астраханцевъ кн. Тундутовъ и его начальникъ штаба полковникъ Рябовъ-Рѣшетинъ, отъ Добровольческой Арміи генералъ-маіоръ Боровскій и полковникъ Шкуро. Большая часть членовъ Большого Войскового Круга съѣхалась въ Новочеркасскъ, чтобы привѣтствовать союзниковъ отъ народа. Англичанъ пріѣхало трое офицеровъ, капитанъ Бондъ и лейтенанты Блумфельдъ и Монро, и съ ними 10 матросовъ, французовъ тоже трое — капитанъ Ошэнъ и лейтенанты Дюпре и Форъ и 10 матросовъ.

Стоялъ пасмурный, но тихій день. Чуть таяло. Печальная торжественность разлита была въ воздухѣ. Такъ неутѣшная вдова въ глубокомъ траурѣ, но съ очаровательной улыбкой встрѣчаетъ жениха своей дочери, полная радости, но радости сдержанной, помнящей о невозвратимой потерѣ. Всѣ улицы были покрыты сплошными массами празднично одѣтаго народа. Несмотря на глубокую осень, у всѣхъ были цвѣты — хризантемы въ рукахъ. Каждый глубоко вѣрилъ, что пріѣздъ союзниковъ знаменуетъ свободу, конецъ этой страшной войнѣ, гдѣ братъ идетъ противъ брата, и этой вѣры нельзя было отнять у измученныхъ, столько разъ смотрѣвшихъ въ лицо смерти людей.

Автомобили длинной вереницей двигались по серединѣ бульвара Крещенскаго Спуска и имъ сопутствовали тихо-торжественные пѣвучіе звуки Донского гимна и несмолкаемое ура жителей и войскъ. По одну сторону бульвара стояли войска, по другую дѣти учебныхъ заведеній. И за тѣми, и за другими толпа народа, изъ которой непрерывно летѣли и сыпались дождемъ цвѣты осени, нѣжныя пушистыя хризантемы.

Съ собора шелъ перезвонъ: все духовенство въ золотыхъ ризахъ ожидало своихъ избавителей. Какъ только союзники вошли въ Соборъ, прiѣхалъ Атаманъ и начался молебенъ, который служилъ архiепископъ Донской и Новочеркасскiй Митрофанъ, въ сослуженiи съ архiепископомъ Аксайскимъ Гермогеномъ.

Преосвященный Митрофанъ сказалъ короткое привѣтственное слово. При французахъ и англичанахъ были переводчики, которые переводили имъ каждую фразу.

Послѣ молебна мимо союзниковъ, окруженныхъ восторженной толпой народа, проходили войска. Это была молодая армiя — прекрасно одѣтая въ зимнюю форму. За войсками въ оригинальныхъ англiйскихъ костюмахъ шли дружины Новочеркасскихъ бой и герль-скаутовъ.

Въ тотъ же день, въ 7 часовъ, въ большомъ залѣ Атаманскаго дворца, увѣшанномъ портретами Донскихъ Атамановъ, былъ обѣдъ на 100 кувертовъ. Играли музыканты и пѣли донскiя казачьи пѣсни пѣвчiе Войскового хора. Здѣсь присутствовали управляющiе отдѣлами, высшiе войсковые начальники и многiе члены Круга. Были представители всего войска. Ожидали, что скажетъ Атаманъ и что отвѣтятъ ему союзники.

Атаманъ произнесъ свою рѣчь по-французски — онъ привѣтствовалъ союзниковъ, какъ друзей великой Россiи. Онъ напомнилъ о вѣковомъ долгѣ Францiи, обязанной и за свою свободу въ 1814 году и за свое спасенiе въ 1914—15 и 16 годахъ . . .

. . . «Vous êtes assis, Messieurs, dans une salle historique», — сказалъ между прочимъ Атаманъ, — «des murs de laquelle vous êtes suivis des yeux muets des héros d'une autre guerre patriotique, de la guerre de mille huit cent douze. Platoff, Ilowaïsky, Denisoff nous rappellent les jours sacrés, où la population de Paris saluait les cosaques du Don leurs libérateurs, où l'Empereur Alexandre I restituait la belle France des débris et décombres.

Ici retentit la musique, la lumière resplendit et les radieux visages rayonnent de plaisir.

Nous nous sommes rencontrés enfin avec nos braves Alliés, mais il nous est impossible d'être pleinement heureux. Nos Alliés ont atteint la victoire brillante et complète — l'ennemi est abattu, mais un des combattants de cette grande guerre — la Russie est ruinée, torturée, et presque annulée. La Russie — notre Patrie.

Le huitième mois les cosaques du Don et de Koubagne mènent une lutte sanglante pour la liberté et le bonheur de la Russie. Ils ont aidé l'Armée volontaire à s'organiser et se remettre après leur marche historique sur Koubagne.

Et maintenant, quand cette salle est pleine de lumière et de musique et quand partout en France, en Angleterre, en Amérique et en Italie se propage la jubilation victorieuse d'une si belle paix — içi coule toujours le sang des cosaques et des volontaires et on ne voit pas de fin à cet horrible massacre, on ne voit pas de secours contre ces bandes de brigands qui détruisent notre foi, nos maisons, qui martyrisent nos vieillards, nos femmes et nos enfants.

Nous sommes à bout de forces dans cette lutte héroique où un cosaque combat contre dix adversaires, où à un canon répondent vingt pièces ennemies. Nous attendons le secours.

Et voiçi le huitième mois, que les sombres ténèbres enveloppent notre terre. Maintenant comme si l'aube nous apparait, l'aurore s'illumine — l'aide

nous vient... et la crainte nous prend — la survivrons nous? les forces ne manqueront-elles pas à nos guerriers? Du mois de mai à novembre, sans aucune aide, tout seul, nous avons marchés sept cents verstes vers le cœur de la Russie — vers Moscou et ce n'est que cinq cents verstes qui nous en séparent.

Chacun de nous a de ses proches là-bas — moi j'ai une sœur à Moscou, un autre y a laissé son frère, son père ou sa mère, ils sont condamnés à la famine, à être torturés ou fusillés peut-être. Verront-ils venir l'heureuse journée de la libération?

C'est dur à prononcer, mais c'est votre secours uniquement qu'ils attendent, ce sont eux que vous devez aider — pas le Don. Non, avec orgueil nous pouvons dire — nous — nous sommes libres. Mais nos pensées, nos buts — c'est la grande Russie, la Russie fidèle à ses Alliés, qui servait bravement leurs intérêts, qui se sacrifiait pour eux et qui, maintenant aspire si ardemment à leur secours.

Il y a cent quatre ans de ça: au mois de mars le peuple français saluait l'Empereur Alexandre I et la garde russe. Et puis commençait une nouvelle ère de la vie française, qui la haussait au premier rang.

Il y a cent quatre ans de ça. Notre Ataman le comte Platoff fut l'hôte de Londres.

Et nous, nous vous attendons à Moscou. Nous vous attendons pour entrer au Kremlin ensemble aux sons triomphants des marches guerrières et de notre hymne national, afin d'éprouver ensemble toute la douceur de paix et de liberté.

La grande Russie! ces mots réunissent tous nos rêves et nos espoirs.

En attendant... en attendant nous sommes tristes, car le sang de nos cosaques coule toujours et les forces sont tendues jusqu'aux dernières limites pour sauver notre Patrie"...*

---

* «Вы находитесь, господа, въ историческомъ залѣ, со стѣнъ котораго на васъ глядятъ нѣмые глаза героевъ другой народной войны, войны 1812 года. Платовъ, Иловайскій, Денисовъ напоминаютъ намъ священные дни, когда населеніе Парижа привѣтствовало своихъ освободителей — донскихъ казаковъ, когда императоръ Александръ I возстановлялъ изъ обломковъ и развалинъ прекрасную Францію.

«Здѣсь гремитъ музыка, горятъ огни и лица сіяютъ счастіемъ. Мы встрѣтились, наконецъ, съ нашими доблестными союзниками, но мы не можемъ быть вполнѣ счастливы. Наши союзники одержали полную блистательную побѣду, врагъ побѣжденъ, но одинъ изъ сражавшихся въ этой великой войнѣ — Россія лежитъ въ развалинахъ, поругана, почти уничтожена. Россія — наша Родина!

«Восьмой мѣсяцъ Донскіе и Кубанскіе казаки ведутъ кровавую войну за свободу и счастье Россіи. Они помогли Добровольческой арміи сорганизоваться и устроиться послѣ ея историческаго Кубанскаго похода.

«И теперь, когда эта зала полна свѣтомъ и музыкой и когда повсюду во Франціи, Англіи, Америкѣ и Италіи идетъ веселое ликованіе по случаю столь прекраснаго мира — здѣсь льется кровь казаковъ и добровольцевъ и не видно конца этому ужасному избіенію, не видно помощи въ борьбѣ съ бандами разбойниковъ, разрушающихъ нашу вѣру, наши дома, мучающихъ нашихъ стариковъ, нашихъ женщинъ и дѣтей.

«Мы изнемогаемъ въ этой героической борьбѣ, гдѣ одинъ казакъ борется противъ десяти противниковъ, гдѣ на одну пушку отвѣчаетъ двадцать орудій непріятеля. Мы ожидаемъ помощи.

Восемь мѣсяцевъ какъ бы темная ночь окутала мракомъ нашу землю. И теперь лучъ свѣта передъ нами, заря загорается, помощь идетъ къ намъ... и мы боимся лишь одного — доживемъ ли до нея, хватитъ ли силъ у нашихъ воиновъ. Съ мая по ноябрь,

Послѣ рѣчи Атамана всталъ капитанъ Бондъ и заявилъ, что онъ и капитанъ Ошэнъ уполномочены заявить Донскому Атаману, что они являются оффиціально посланными отъ союзниковъ, чтобы узнать о томъ, что происходитъ въ Россіи. Союзники помогутъ всѣми силами и всѣми средствами, не исключая и войскъ, Донскимъ казакамъ и Добровольческой Арміи.

Эти слова были покрыты громовымъ ура! И особенно ликовали члены Круга, фронтовые казаки, тѣ люди, которыхъ война касалась непосредственно.

Затѣмъ шли тосты за войско Донское, за союзниковъ и, наконецъ, капитанъ Бондъ сказалъ:

— Я провозглашаю тостъ за великую Россію и я хотѣлъ бы услышать здѣсь вашъ прекрасный старый гимнъ. Мы не будемъ придавать значенія его словамъ, но я бы хотѣлъ услышать только его музыку!..

Едва только переводчикъ кончилъ переводить слова англійскаго офицера, какъ Атаманъ при гробовомъ молчаніи всего зала отчетливо сказалъ:

— За великую, единую и недѣлимую Россію! Ура!

Величаво мощные, волнующіе сердце, могучіе звуки стараго Русскаго гимна были исторгнуты изъ скрипокъ и трубъ. Всѣ мгновенно встали и застыли въ молитвенныхъ позахъ. Архіепископъ Гермогенъ плакалъ горькими слезами, и слезы лились по его серебристой сѣдой бородѣ. Всѣ были глубоко растроганы охватившими вдругъ воспоминаніями прошлаго и тяжелыми думами о настоящемъ.

Едва гимнъ кончился, громовое ура потрясло весь залъ и не смолкало до тѣхъ поръ, пока музыканты не начали играть снова гимнъ. Они принуждены были повторить его четыре раза.

Англичане и французы вынесли впечатлѣніе, что на Дону настроеніе монархическое. Но это было вѣрно только отчасти. Русскій гимнъ напомнилъ всѣмъ собравшимся времена великой славы Русской, времена побѣдъ, а не пораженій, времена благороднаго самопожертвованія, а не подлой измѣны. Но, если бы спросили казаковъ, хотятъ ли они вполнѣ вернуться къ старому — болѣе половины рѣшительно отвѣтили бы — нѣтъ!

Простые казаки и крестьяне не желали реставраціи, потому что съ понятіемъ о монархіи первые связывали поголовную принудительную воинскую

безъ всякой помощи, совершенно одни мы прошли семьсотъ верстъ къ сердцу Россіи — Москвѣ и только пятьсотъ верстъ насъ отъ нея отдѣляютъ.

«У каждаго изъ насъ есть тамъ родные. У меня сестра въ Москвѣ, другой оставилъ тамъ своего брата, отца или мать — они обречены на голодъ, имъ грозятъ страшныя муки, быть можетъ, разстрѣлъ. Дождутся ли они счастливаго дня освобожденія?

«Страшно сказать — но они ждутъ вашей помощи, и имъ, и только имъ вы должны помочь, не Дону. Мы можемъ съ гордостью сказать — мы свободны! Но всѣ наши помыслы, цѣль нашей борьбы — великая Россія, Россія, вѣрная своимъ союзникамъ, отстаивавшая ихъ интересы, жертвовавшая собою для нихъ и жаждущая такъ страшно теперь ихъ помощи.

«Сто четыре года тому назадъ въ мартѣ мѣсяцѣ французскій народъ привѣтствовалъ императора Александра I и Россійскую гвардію. И съ того дня началась новая эра въ жизни Франціи, выдвинувшая ее на первое мѣсто.

«Сто четыре года тому назадъ — нашъ атаманъ графъ Платовъ гостилъ въ Лондонѣ.

«Мы ожидаемъ васъ въ Москвѣ! Мы ожидаемъ васъ, чтобы подъ звуки торжественныхъ маршей и нашего гимна вмѣстѣ войдти въ Кремль, чтобы вмѣстѣ испытать всю сладость мира и свободы!

«Великая Россія. Въ этихъ словахъ всѣ наши мечты и надежды!

«А пока . . . Пока мы печальны — ибо все такъ же льется кровь казаковъ и наши силы напряжены до послѣдней степени, чтобы спасти Отечество . . .»

повинность, обязанность снаряжаться на свой счетъ и содержать верховыхъ лошадей, не нужныхъ въ хозяйствѣ, казачьи офицеры связывали съ этимъ представленіе о разорительной «льготѣ», плохія стоянки и безправное положеніе. Крестьяне думали о возвращеніи помѣщиковъ и о наказаніи за тѣ разоренія, которыя они сдѣлали въ помѣщичьихъ усадьбахъ, въ остальномъ имъ было все равно, республика или монархія, потому что по существу не многіе понимали разницу. Казакамъ кромѣ того нравился ихъ новый самостоятельный строй, ихъ тѣшило, что они сами теперь обсуждаютъ такіе серьезные вопросы, какъ вопросы о землѣ и земельныхъ нѣдрахъ. Что предполагала и чего желала Донская интеллигенція, сказать трудно. Она давно уже раскололась на два противоположныхъ лагеря — монархистовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Всѣ, кто считалъ себя передовыми, просвѣщенными людьми — учителя, юристы — все это было настроено крайне лѣво и тѣмъ не менѣе и они восторженно привѣтствовали Русскій гимнъ. Русскій гимнъ былъ для нихъ Русскимъ, но не Царскимъ гимномъ. Играли же и признавали они Донскимъ гимномъ «Всколыхнулся, взволновался Православный Тихій Донъ», но когда пѣли его, то пѣли съ новыми словами, гдѣ исключалась и преданность Монарху и готовность отдать свои жизни за Царя, за славу и побѣду. *

Позднѣе, когда французскій лейтенантъ Эрлихъ, встрѣтившій новый годъ въ офицерскомъ собраніи Л. Гв. Казачьяго полка и слышавшій, какъ тамъ играли Русскій гимнъ, настойчиво говорилъ Донскому Атаману, что «такая проповѣдь монархизма неумѣстна и не входитъ въ планы союзниковъ», Атаманъ сказалъ ему:

— Что прикажете мнѣ играть, когда величаютъ великую единую и недѣлимую Россію?

Эрлихъ молчалъ.

— Большевики играютъ вашу марсельезу, но это гимнъ Франціи, но не Россіи, — продолжалъ Атаманъ.

— Да, Марсельезу играть неудобно, — согласился Эрлихъ.

— У меня двѣ возможности — играть въ такихъ случаяхъ «Боже Царя храни», не придавая значенія словамъ, или играть похоронный маршъ. Я глубоко вѣрю въ великую единую и недѣлимую Россію и потому играть похоронный маршъ не могу . . . Я играю Русскій гимнъ и онъ всегда останется Русскимъ, что бы ни случилось.

Атамана за это за границей считали монархистомъ.

Русскій гимнъ какъ бы еще тѣснѣе спаялъ все общество, собравшееся въ Атаманскомъ дворцѣ. Капитанъ Бондъ, взволнованный всѣмъ видѣннымъ, нѣсколько разъ повторилъ: — «Какъ это хорошо! Какъ хорошо все то, что я вижу!»

На другой день офицеры союзныхъ державъ были на обѣдѣ, устроенномъ въ честь ихъ съѣхавшимися въ Новочеркасскъ депутатами войскового Круга. Это былъ вполнѣ «демократическій» обѣдъ. На главномъ мѣстѣ сидѣлъ предсѣдатель Войскового Круга В. А. Харламовъ, по правую его руку Атаманъ. Далѣе въ перемежку иностранные гости, управляющіе отдѣлами и члены Круга.

* Старыя слова Донского гимна: — «Всколыхнулся, взволновался Православный Тихій Донъ и послушно отозвался на призывъ Монарха онъ». Далѣе говорится о сборахъ въ походъ на Царьградъ. Пѣсня относится къ 1855 году. Донцы замѣнили всѣ слова, создавши трогательное стихотвореніе, рисующее мирную картину и готовность отстоять свою свободу.

Мундиры съ серебряными донскими погонами офицеровъ и генераловъ перемѣшались съ рубахами съ темносиними и защитными погонами простыхъ казаковъ и урядниковъ, избранниковъ народа, рядомъ съ изящно сшитыми въ Новочеркасскѣ сюртуками были домашняго изготовленія «тройки». Оживленіе было общее. Было много рѣчей. Но главное было то, что и англичане, и французы торжественно подтвердили, что они помнятъ заслуги Россіи, что они желаютъ ея освобожденія отъ большевиковъ и что они помогутъ Добровольческой Арміи и Донскому войску. Каждое слово союзниковъ, раздававшееся здѣсь въ залѣ бывшаго Областного Правленія, гдѣ былъ обѣдъ, звучало далеко и разносилось по самымъ глухимъ станицамъ и хуторамъ, доходило до казачьяго фронта. Депутаты съ обѣда шли на прямой проводъ и посылали во всѣ мѣста телеграммы о томъ, что они видали и что слышали.

И смыслъ ихъ телеграммъ былъ одинъ: — «Союзники съ нами и за насъ! . . .»

Это было 26-го ноября, день св. Георгія Побѣдоносца. Въ Новочеркасскѣ былъ традиціонный парадъ и обѣдъ Георгіевскихъ кавалеровъ. На этотъ парадъ съѣхались изо всѣхъ полковъ, со всѣхъ фронтовъ и позицій казаки, Георгіевскіе кавалеры. И они знали отъ своихъ депутатовъ, отъ людей, которымъ они вѣрили безусловно, они знали это отъ своего Атамана, который ихъ никогда не обманывалъ, что союзники прибыли и помощь близка — это говорилъ имъ Атаманъ на ихъ обѣдѣ въ станичномъ правленіи и въ гарнизонномъ собраніи и они сами видѣли иностранныя формы и слышали иностранную рѣчь на спектаклѣ въ театрѣ Бабенко, гдѣ въ ложѣ у Атамана сидѣли его гости — англійскіе и французскіе офицеры. На другой день они поѣхали по своимъ полкамъ на студеную обледенѣлую позицію въ свои примитивные окопы и они понесли ликующую вѣсть — помощь близка! . .

27-го ноября союзники посѣтили Донскую Офицерскую Школу, гдѣ особенно заинтересовались практическими работами офицеровъ въ столярной и слесарной мастерской, гдѣ офицеры сами изготовляли всѣ принадлежности телеграфа и телефона, потомъ были въ Военномъ Училищѣ, смотрѣли ѣзду юнкеровъ, выѣздку ими лошадей, стрѣльбу и гимнастику и фехтованіе. Послѣ юнкерскаго завтрака они были на кладбищѣ. Они видѣли безконечно длинныя шеренги крестовъ — жертвъ междоусобной войны и насилій большевиковъ. Они читали простыя, но такъ много говорящія надписи: — «Партизанъ Чернецовскаго отряда, гимназистъ Платовской гимназіи 5-го класса», — «партизанъ, реалистъ», «сестра милосердія, замученная большевиками», «неизвѣстный добровольецъ» и такихъ крестовъ были многія, многія сотни. При нихъ служилась торжественная панихида, и они ходили на могилы Каледина, Назарова, Богаевскаго . . .

Сѣрое небо низко нависло надъ землею. Глухо шумѣли голыми сучьями деревья кладбища. Обрывки печальныхъ пѣснопѣній неслись по кладбищу и странными были яркія ризы духовенства и голубые кафтаны пѣвчихъ посреди унылой степи, уставленной безконечными рядами бѣлыхъ крестовъ. Съ кладбища союзники поѣхали въ кадетскій корпусъ, потомъ въ Донской Маріинскій и Смольный институты. Неотразимо прелестное впечатлѣніе производила эта масса дѣвочекъ и дѣвушекъ въ голубыхъ юбкахъ и бѣлыхъ передникахъ глубокимъ низкимъ институтскимъ реверансомъ привѣтствовавшихъ гостей-освободителей. Барышни говорили стихи по-французски и по-англійски, играли на рояли, пѣли и танцовали.

— А не забыли ваши барышни своего Русскаго гимна? — спросилъ капитанъ Ошэнъ у начальницы института. Не могли бы онѣ намъ спѣть его на прощанье?

Начальница бросила вопросительный взглядъ на Атамана. Атаманъ кивнулъ головой.

— Mesdemoiselles, — сказала начальница дѣтямъ, — иностранные гости спрашиваютъ, не забыли ли мы нашъ Русскій гимнъ. Споемъ имъ его!

Никто ничего не говорилъ и не подсказывалъ дѣвушкамъ — это все случилось въ полной мѣрѣ неожиданно. Всѣ институтки, какъ одна, повернулись къ иконѣ своей покровительницѣ Маріи Магдалины и дѣвичій хоръ дружно и согласно запѣлъ «Боже, царя храни». И это была молитва, а не гимнъ, молитва, пропѣтая съ глубокимъ чувствомъ, съ чистыми слезами умиленія на глазахъ . . .

Тогда дѣти-ученики средней школы и большинство студентовъ были монархистами. Монархія преслѣдовалась, Государь былъ звѣрски убитъ, быть монархистомъ было опасно, а дѣтскія и юношескія сердца жаждутъ геройства, подвига, имъ нравится таинственное обожаніе, стремленіе къ поруганному, ставшему для нихъ святыней . . .

Вечеромъ былъ раутъ, на которомъ присутствовало все Новочеркасское общество и съ котораго Атаманъ въ 12 часовъ ночи увезъ гостей прямо на позицію.

28-го ноября иностранцы были представлены на станціи Кантемировка командующему Южной Арміей генералу отъ артиллеріи Иванову и смотрѣли его войска, а затѣмъ по морозу при небольшой метели поѣхали въ Богучаръ, Калачъ и Бутурлиновку. Повсюду въ слободахъ и селахъ ихъ встрѣчали крестьяне Воронежской губерніи съ хлѣбомъ-солью. Въ Бутурлиновкѣ союзники видѣли доблестный Георгіевскій Гундоровскій полкъ. Ихъ удивило, что Атаманъ вызвалъ передъ строй полка своихъ бывшихъ однополчанъ 10-го полка, которые были съ нимъ въ Германскую войну. Вышло около половины полка. Атаманъ перецѣловался съ каждымъ изъ казаковъ и представилъ ихъ союзникамъ:

— Это тѣ герои, — сказалъ онъ, — съ которыми я билъ нѣмцевъ подъ Незвиской, австрійцевъ у Бѣлжеца и Комарова и помогалъ нашей общей побѣдѣ надъ врагомъ. Они знаютъ меня скромнымъ полковымъ командиромъ и они видѣли меня въ боевыхъ цѣпяхъ своихъ . . .

По возвращеніи съ позицій сѣвернаго фронта Атаманъ показалъ союзникамъ Русско-балтійскій заводъ въ Таганрогѣ, на которомъ только что начиналась работа, чистили и устанавливали станки для изготовленія снарядовъ и ружейныхъ патроновъ. Изъ Таганрога послѣ интимнаго сердечнаго обѣда въ собраніи Л. Гв. Атаманскаго полка союзники поѣхали на свои миноносцы въ Маріуполь, а капитаны Бондъ и Ошэнъ отправились въ Екатеринодаръ съ подробнымъ докладомъ главамъ миссій генералу Пулю и капитану Фукэ о всемъ, что они видѣли и слышали на Дону. Они везли съ собою напечатанный спеціально для нихъ на англійскомъ и французскомъ языкахъ «Un court aperçu historique de la délivrançe du pays du Don des maximalistes (bolscheviкis) et du commencement de la lutte pour la restauration de Toutes les Russies unies», подробную табель артиллерійскому, инженерному, интендантскому и медицинскому имуществу, которое войско Донское желало бы получить для себя отъ Англіи и Франціи, вѣдомость тѣмъ матеріаламъ и сырью, которое войско Донское могло отпустить взамѣнъ военнаго имущества, подробныя карты съ

показаніемъ на нихъ какъ своихъ, такъ и красныхъ войскъ и планъ кампаніи противъ большевиковъ съ показаніемъ движенія пяти иноземныхъ корпусовъ.

Они вывозили съ собою самыя отрадныя и самыя свѣтлыя воспоминанія о Донскихъ казакахъ, они видѣли прочное, живущее полною жизнью государственное образованіе, гдѣ правилъ народъ черезъ свой Кругъ и гдѣ былъ Атаманъ, и по нѣкоторымъ чисто внѣшнимъ признакамъ они полагали, что весь Донъ политически — монархисты...

Глава XVI

Переписка Донского Атамана съ генераломъ Пулемъ. — Почему Атаманъ не хотѣлъ признать генерала Деникина главнокомандующимъ и диктаторомъ. — Свиданіе Атамана съ генераломъ Пулемъ на ст. Кущевка. — Рѣчь Атамана генералу Пулю.

Впечатлѣніе отъ пріѣзда союзниковъ на Дону было сильное. Оно отозвалось и на всѣхъ фронтахъ. Но случилось именно то, чего такъ боялся Атаманъ. Послѣ короткаго подъема настроенія, выразившагося въ частичныхъ переходахъ въ наступленіе, причемъ отрядъ генерала Гусельщикова овладѣлъ Борисоглѣбскомъ и ст. Поворино и выгналъ Красныя войска изъ Хоперскаго округа, гдѣ было взято болѣе пяти тысячъ плѣнныхъ, наступилъ упадокъ духа. Пріѣздъ союзниковъ былъ доппингъ, былъ наркозъ, опьянившій казаковъ и заставившій ихъ совершить небывалые подвиги, но работать подъ наркозомъ постоянно нельзя, послѣ одной дозы нужна болѣе сильная, нужно исполненіе обѣщанія — помощь и помощь реальная — войсками.

Большевики усилили свою агитацію, не дремала и Екатеринодарская партія враговъ Атамана. Она стала распространять слухи, что тѣ офицеры, которые были на Дону, просто туристы, совершенно невольно сыгравшіе роль Хлестаковыхъ, что настоящіе иностранцы находятся въ Екатеринодарѣ — это Пуль и Фукэ, и они никакого дѣла не желаютъ имѣть съ германофиломъ Атаманомъ. Этому сильно помогалъ Эрлихъ, парижскій адвокатъ, поведшій кампанію противъ Атамана въ Екатеринодарѣ и всѣми силами старавшійся дискредитировать скромнаго и молчаливаго капитана Ошэна.

На фронтѣ шла небывалая борьба, усугубленная наступившими сильными морозами, вьюгами и метелями, усталость казаковъ сказывалась все сильнѣе, а въ тылу шла своя работа. Уже и предсѣдатель Круга въ законодательной комиссіи высказывалъ сомнѣніе, что союзники будутъ помогать Дону. Атаману было необходимо войти въ сношенія съ генераломъ Пулемъ и добиться присылки на Донъ войскъ. Въ этихъ цѣляхъ Атаманъ написалъ письмо Пулю, въ которомъ просилъ его не вѣрить всему тому, что про него говорится въ Екатеринодарѣ и лично посмотрѣть ту работу, которая сдѣлана Донскими казаками.

Докладъ капитановъ Бонда и Ошэна поколебалъ генерала Пуля, и хотя онъ не пожелалъ и смотрѣть всего того, что привезли съ Дона эти офицеры, считая все это провокаціей, но къ письму Атамана отнесся уже болѣе внимательно. Этому не мало помогли громкія побѣды, совершенныя казаками въ эти дни на Сѣверномъ фронтѣ и въ Хоперскомъ округѣ.

7-го декабря генералъ Пуль писалъ Атаману изъ Екатеринодара:

...«Ваше письмо отъ 6/19 декабря лично передано мнѣ есауломъ Кульгавовымъ.

«Я долженъ поблагодарить Васъ за то, что Вы такъ полно и откровенно высказали Ваши взгляды, хотя я очень сожалѣю, что они не гармонируютъ съ моими собственными по вопросу о назначеніи Генералиссимуса, долженствующаго командовать всѣми Русскими арміями, дѣйствующими противъ большевиковъ.

«Я постараюсь отвѣтить одинаково откровенно.

«Я осмѣлюсь указать Вашему Превосходительству, что я считаю вопросъ назначенія Главнокомандующаго пунктомъ, о которомъ слѣдовало бы сперва посовѣтоваться съ союзниками, такъ какъ я вынесъ впечатлѣніе изъ Вашего письма, что вы считаете, что только съ союзной помощью и союзнымъ снабженіемъ Вы сможете наступать, или даже удержать занятое вами.

«Инструкціи отъ моего правительства указали мнѣ войти въ связь съ генераломъ Деникинымъ, представителемъ въ Британскомъ мнѣніи Русскихъ Армій, дѣйствующихъ противъ большевиковъ. Поэтому я сожалѣю, что для меня невозможно обдумывать признаніе какого либо другого офицера таковымъ представителемъ.

«Я вполнѣ отдаю себѣ отчетъ въ той великолѣпной работѣ, которую Ваше Превосходительство такъ искусно выполнили съ Донскими казаками и я осмѣлюсь поздравить Ваше Превосходительство по случаю Вашихъ блистательныхъ побѣдъ.

«Я надѣюсь, что Ваше Превосходительство теперь покажете себя не только великимъ солдатомъ, но и великимъ патріотомъ.

«Если я буду вынужденъ вернуться и доложить моему правительству, что между Русскими генералами существуютъ взаимная завистъ и недовѣріе, это произведетъ самое болѣзненное впечатлѣніе и безусловно уменьшитъ шансы того, что союзники окажутъ какую либо помощь. Я предпочелъ бы донести, что Ваше Превосходительство показали себя настолько великимъ патріотомъ, что согласились даже подчинить Ваши собственныя желанія общему благу Россіи и согласились служить подъ командой генерала Деникина.

«Какъ я уже устно увѣдомилъ князя Тундутова, я буду радъ встрѣтиться съ Вашимъ Превосходительствомъ неоффиціально и обсудить весь вопросъ, въ случаѣ, если Вы этого пожелаете, и я не думаю, что мы не придемъ къ удовлетворительному разрѣшенію этого вопроса. На это свиданіе я привезъ бы съ собой генерала Драгомирова изъ штаба генерала Деникина. Имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнымъ слугой Ф. С. Пуль, генералъ-маіоръ, к—ій Британской миссіей на Кавказѣ» . . . *

Атаманъ не хотѣлъ признавать генерала Деникина главнокомандующимъ не потому, что войско Донское и Деникинъ жили не въ ладу, не потому даже, что генералъ Деникинъ не хотѣлъ отрѣшиться отъ стараго взгляда на казаковъ, какъ на часть Русской арміи, а не какъ на самостоятельную армію, чего добивались казаки и за что боролись, но потому, что Атаманъ считалъ генерала Деникина неспособнымъ на творчество и притомъ совершенно не понимающимъ характера войны съ большевиками и считалъ, что генералъ Деникинъ погубитъ все дѣло. Кто угодно, но только не Деникинъ съ его прямолинейною рѣзкостью и увѣренностью, что можно силой заставить повиноваться.

Атаманъ считался съ обаятельною внѣшностью Деникина, съ его умѣніемъ чаровать людей своими прямыми солдатскими честными рѣчами, которыми онъ

* Для точности переводъ сдѣланъ буквальный.

подкупалъ толпу, но за этими рѣчами Атаманъ видѣлъ и другое. Въ то время, какъ на Дону были вызваны всѣ производительныя силы страны и создана покорная армія — генералъ Деникинъ опирался на Кубанскихъ казаковъ и офицерскіе добровольческіе полки. Солдатамъ онъ не вѣрилъ, и солдаты не вѣрили ему. Армія не имѣла правильнаго снабженія, не имѣла точныхъ штатовъ, не имѣла уставовъ. Отъ нея все еще вѣяло духомъ партизанщины, а партизанщина при возникновеніи красной, почти регулярной арміи была неумѣстна.

Генералъ Деникинъ борьбѣ съ большевиками придавалъ классовый, а не народный характеръ, и при такихъ условіяхъ, если его не подопрутъ извнѣ иностранцы, долженъ былъ потерпѣть крушеніе. Боролись добровольцы и офицеры, то-есть — господа, буржуи, противъ крестьянъ и рабочихъ, пролетаріата, и конечно за крестьянами стоялъ народъ, стояла сила, за офицерами только доблесть. И сила должна была сломить доблесть.

Генералъ Деникинъ угнеталъ проявленіе Кубанской самостоятельности, онъ не считался съ Радой — такого же отношенія надо было ожидать и къ Дону — это охладило бы казаковъ и могло бы окончиться катастрофой.

Генералъ Деникинъ не имѣлъ ничего на своемъ знамени, кромѣ единой и недѣлимой Россіи. Такое знамя мало говорило сердцу Украинцевъ и Грузинъ, разжигало понапрасну страсти, а силы усмирить эти страсти не было. Деникинъ боялся сказать, что онъ монархистъ и боялся пойти открыто съ республиканцами, и монархисты считали его республиканцемъ, а республиканцы монархистомъ. Въ Учредительное Собраніе уже никто не вѣрилъ, потому что каждый понималъ, что его фактически не собрать, презрительнымъ названіемъ «Учредилки» оно было дискредитировано, унижено и опошлено въ глазахъ народа.

Иди Деникинъ за Царя — онъ нашелъ бы нѣкоторую часть крестьянства, которая пошла бы съ нимъ, иди онъ за народъ, за землю и волю, и за нимъ пошли бы массы, но онъ не шелъ ни за то, ни за другое. «Демократія» отшатнулась отъ него и не вѣрила ему, и Деникинъ боялся призвать ее подъ знамена.

Добровольцы были плохо одѣты, плохо дисциплинированы, они не были войскомъ — армія Деникина все была только корпусомъ, и хотя Деникинъ уже владѣлъ тремя громадными губерніями, онъ ничего не создалъ, и Атаманъ боялся, что онъ не только ничего не создастъ въ будущемъ, но развалитъ и созданное такими трудами, неокрѣпшее и хрупкое.

Атаманъ не считалъ Деникина хорошимъ стратегомъ, потому что Деникинъ дѣйствовалъ по плану, который казался Атаману не крупнымъ и безцѣльнымъ. Планъ Деникина состоялъ въ покореніи окраинъ, въ этомъ Деникинъ видѣлъ обезпеченіе своего тыла. Сначала Кавказъ, потомъ Крымъ, далѣе Украина. Атаманъ считалъ, что съ окраинами, въ томъ числѣ и Украиною, воевать нельзя и не стоитъ: — съ ними должно столковаться, признавши ихъ права на свободное существованіе. Главная цѣль казалась Атаману борьба съ большевиками и большевизмомъ — съ первыми оружіемъ, со вторымъ воспитаніемъ, и только послѣ побѣды надъ ними и освобожденія отъ коммунистовъ всей Россіи можно говорить о «единой и недѣлимой Россіи». Генералъ Деникинъ прямо шелъ къ этой единой и недѣлимой и, по мнѣнію Атамана, создавалъ себѣ еще новыхъ враговъ, не справившись и со старымъ. Деникинъ не признавалъ Гетмана Скоропадскаго, потребовалъ подчиненія ему Крыма, ссорился съ Грузіей, былъ въ холодныхъ отношеніяхъ съ Кубанскою Радою, и Атаманъ боялся, что онъ раздражитъ и Донскихъ казаковъ. Атаманъ считалъ, что во время войны не время заниматься мелочами. Надо идти прямо къ цѣли — и цѣль эта:

— гнѣздо большевизма — Москва и Петроградъ. Еще недавно Атаманъ сговаривался съ Гетманомъ Скоропадскимъ и завязывалъ сношенія съ Польшей и Грузіей — онъ искалъ друзей. Онъ считалъ, что путь къ Москвѣ одинъ — созданіе единаго фронта съ чехо-словаками и Колчакомъ. Движеніе на сѣверо-востокъ къ Царицыну, Саратову и Самарѣ, посылка большого коннаго отряда для связи съ Атаманомъ Дутовымъ, собраніе сначала единой Русской Арміи, а затѣмъ походъ на Москву. Генералъ Деникинъ работалъ по обратнымъ операціоннымъ линіямъ — на югъ и западъ. На Владикавказъ—Дербентъ, Петровскъ, Баку, на Сочи и Гагры, потомъ на Кіевъ . . .

Къ этому примѣшивалось взаимно враждебное отношеніе штабовъ Донского войска и Добровольческой Арміи. Генералъ Денисовъ имѣлъ большое вліяніе на Атамана, какъ ежедневный непосредственный докладчикъ передъ Атаманомъ и его постоянный спутникъ въ поѣздкахъ по фронту и по станицамъ. Атаманъ высоко ставилъ Денисова и къ мнѣнію его всегда прислушивался. Генералъ Денисовъ считалъ подчиненіе генералу Деникину крушеніемъ всего дѣла. Генералъ Денисовъ слишкомъ гордился своей работой и работой своего штаба. У него была отлично налаженная техническая связь, войско Донское выпустило къ этому времени 90.000 листовъ плановъ и картъ для войскъ и издало заново почти всѣ уставы и войсковые учебники, и генералъ Денисовъ не желалъ передавать всего этого Добровольческой Арміи. Онъ считалъ операціи, задуманныя въ его штабѣ, глубоко обоснованными, дѣйствія же Добровольческой Арміи кустарными операціями и по прежнему презрительно называлъ армію «странствующими музыкантами».

Послѣ пріѣзда союзниковъ и письма генерала Пуля, передъ Атаманомъ стояла непремѣнная задача согласиться на признаніе генерала Деникина верховнымъ главнокомандующимъ и подчинить ему не только Донскую Армію, но и все войско. Событія на фронтѣ, появленіе большевиковъ на Украинѣ, созданіе новаго западнаго фронта и вслѣдствіе этого необходимость, во что бы то ни стало, получить помощь извнѣ, требовали отъ Атамана уступокъ и измѣненія своего мнѣнія. Генералъ Деникинъ, такъ сказать, авансомъ послалъ дивизію Май-Маевскаго на Украину, но дивизія эта очень вяло работала и долго оставалась въ районѣ Маріуполя и Юзовки, не продвигаясь на сѣверъ и не занимая Луганска, Купянска и Харькова, особенно послѣдняго, на чемъ настаивалъ Атаманъ. Дивизія эта оказывала мало помощи, и было похоже, что генералъ Деникинъ и не окажетъ большей помощи, пока не будетъ признанъ войскомъ Донскимъ.

Атаманъ просилъ о присылкѣ подкрѣпленія Май-Маевскому и о побужденіи его энергично продвигаться на сѣверъ и занимать сѣверную границу Украины. Деникинъ отвѣчалъ телеграммами, полными участія, и писалъ, что у него нѣтъ ни одного свободнаго полка. А между тѣмъ, Атаманъ зналъ, что большевики такъ поспѣшно отступали къ Каспійскому морю, что преслѣдовала ихъ только одна конница, пѣхота же, двѣ кубанскія пластунскія дивизіи, которыя были поставлены на отдыхъ, легко могли покончить съ большевиками, еще не окрѣпшими на Украинѣ. Но политика заслоняла отъ Деникина соображенія стратегіи. Раньше признаніе его власти надъ войскомъ, потомъ уже помощь. А время не терпѣло. При такихъ условіяхъ состоялось 13/26 декабря на станціи Кущевкѣ свиданіе между Атаманомъ и генераломъ Пулемъ. Свиданіе началось очень холодно. Генералъ Пуль настаивалъ на томъ, чтобы Атаманъ первымъ явился къ нему въ вагонъ и чтобы разговоры происходили у него. Атаманъ отказался отъ

этого, и одно время казалось, что свиданіе не состоится. Къ Атаману былъ посланъ для переговоровъ англійскій полковникъ Кисъ.

— Передайте генералу Пулю, — сказалъ ему Атаманъ, — что я являюсь выборнымъ главою свободнаго пятимилліоннаго народа, который для себя ни въ чемъ не нуждается. Слышите: — ни въ чемъ! Ему не нужны ни ваши пушки, ни ружья, ни амуниція, — онъ имѣетъ все свое и онъ убралъ отъ себя большевиковъ. Завтра онъ заключитъ миръ съ большевиками и будетъ жить отлично... Но намъ нужно спасти Россію, и вотъ для этого-то намъ необходима помощь союзниковъ и они обязаны ее оказать. Съ генераломъ Пулемъ будетъ разговаривать суверенный глава сильнаго и могучаго народа и онъ требуетъ къ себѣ извѣстнаго уваженія. Генералъ Пуль обязанъ явиться ко мнѣ — я не замедлю отвѣтнымъ визитомъ къ нему.

Полковникъ Кисъ ушелъ, и опять шли переговоры и два поѣзда стояли на путяхъ другъ возлѣ друга къ великому соблазну любопытныхъ. Наконецъ, Атаманъ приказалъ прицѣпить паровозъ къ своему поѣзду, онъ рѣшилъ ѣхать обратно въ Ростовъ. Къ нему явился переводчикъ генерала Пуля полковникъ Звегинцевъ и сказалъ, что генералъ Пуль согласенъ придти для переговоровъ къ Атаману, если Атаманъ согласится, что завтракъ будетъ у генерала Пуля. Это Атаману было все равно, гдѣ ли завтракать, лишь бы договориться такъ, чтобы достоинство Всевеликаго войска Донского не было унижено.

Какъ два индѣйскихъ пѣтуха важныхъ и надутыхъ встрѣтились Атаманъ и генералъ Пуль. На вопросъ о полномъ подчиненіи всего войска Донского съ его населеніемъ и арміей генералу Деникину — Атаманъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ. Армія — да, армія можетъ подчиниться, но какъ совершенно самостоятельная армія. Войско — теперь не можетъ признать Деникина, иначе, какъ черезъ Атамана.

— Вы имѣете, — сказалъ Атаманъ, — Австралійскую армію, она отлично дралась у васъ, но она самостоятельна. Повѣрьте, что генералъ Деникинъ только выиграетъ отъ того, если Донская Армія не распылится и не уничтожится, а будетъ въ рукахъ у своего Атамана.

Присутствовавшій при разговорѣ генералъ Драгомировъ сталъ настаивать на томъ, что Донская Армія должна войти въ Добровольческую Армію, не какъ нѣчто цѣлое, а подчиниться вполнѣ. Всѣ назначенія, всѣ распоряженія по ней должны идти только черезъ штабъ Добровольческой Арміи, иначе какое же это единое командованіе! Все войско Донское, со всѣмъ его населеніемъ, хлѣбомъ и иными средствами снабженія должно отойти въ распоряженіе генерала Деникина, который долженъ распредѣлять все это согласно съ требованіями всего фронта, всей арміи.

Атаманъ не согласился съ этимъ, и Пуль сталъ на его сторону. Генералъ Пуль считалъ, что предложеніе Атамана передать полностью всю армію и самого себя въ подчиненіе генералу Деникину, который будетъ имѣть сношенія съ войскомъ Донскимъ черезъ него, Атамана, вполнѣ пріемлемо. Послѣ этого разговоръ сталъ идти спокойнѣе. Генералъ Пуль становился все болѣе сторонникомъ Атамана, и противъ предложеній и требованій генерала Драгомирова уже было два голоса — Атамана и генерала Пуля.

Генералъ Пуль спросилъ Атамана о его дальнѣйшихъ планахъ. Атаманъ принесъ карты и показалъ, какъ онъ полагалъ бы при помощи иностранныхъ войскъ освободить Россію. Первое — оккупація и успокоеніе Украины — какъ

Украины, а не Россіи, второе — движеніе на соединеніе съ чехо-словаками и Колчакомъ, третье — движеніе всѣми силами на Москву.

Оказалось, что и у Пуля былъ тотъ же планъ — создать единый фронтъ отъ Сибири до береговъ Чернаго моря.

Около трехъ часовъ дня послѣ слишкомъ трехчасового разговора генералъ Пуль покинулъ вагонъ Атамана, обѣщая ему въ ближайшіе дни посѣтить войско Донское и на мѣстѣ ознакомиться, какъ и куда направить войсковыя части для помощи Дону въ его наступленіи на Воронежъ и Царицынъ.

За обѣдомъ Атаманъ сказалъ страстную рѣчь о помощи и непремѣнно скорой, немедленной помощи Россіи. Эта рѣчь была тутъ же переведена на англійскій языкъ и передана генералу Пулю для отсылки въ Англію.

. . . «Мнѣ вспоминается сейчасъ одинъ историческій эпизодъ», — сказалъ Атаманъ. — «9 мая 1902 года столицу Россійской Имперіи посѣтилъ президентъ Лубэ, возложившій на гробницу Императора Александра III изящный мечъ работы Фализера изъ золота, стали и слоновой кости съ надписью:

«Foederis memor» — помню о союзѣ.

«Это латинское изрѣченіе было у меня въ памяти въ тѣ тяжелые мучительные августовскіе дни, когда волновался и шумѣлъ Большой Войсковой Кругъ.

«Въ эти дни треть войска Донского и богатѣйшій Таганрогскій и часть Ростовскаго округовъ были заняты германцами. Украина предъявляла свои права на Таганрогъ и Ростовъ. У насъ приходили къ концу запасы патроновъ и снарядовъ, и восточный фронтъ колебался. Мы были отброшены отъ Царицына на восемьдесятъ верстъ и болѣзнь побѣжденныхъ — большевизмъ начинала охватывать армію.

«Foederis memor!

«Помню о союзѣ. Я это зналъ . . . Но зналъ и другое изрѣченіе, изрѣченіе китайское. То изрѣченіе, съ которымъ подносятъ они ножъ къ животу, чтобы кончить жизнь самоубійствомъ.

«Мéю фáза! — Нѣтъ выхода! . .

«Сдѣлать себѣ харакири было бы легко и просто. Уйти въ лучшій міръ и бросить на произволъ судьбы народъ, довѣрившій всего себя — было ли бы это честно? Предать большевикамъ Донское войско, дать раздавить себя, очистить тылъ Добровольческой Арміи во имя призрачной вѣрности идеѣ. Предоставить союзникамъ къ ихъ приходу всю Россію въ состояніи анархіи безъ тѣхъ прочныхъ острововъ, какіе представляютъ изъ себя теперь Донская и Добровольческая Арміи — развѣ это было бы вѣрностью союзу? Это было бы памятью о союзѣ!?

«Foederis memor!

«Я помнилъ о союзѣ. Я зналъ, что будетъ день и часъ, когда придутъ къ намъ на помощь союзники. Я зналъ, что имъ нужно имѣть прочный плацъ-д'армъ, откуда они могли бы начать свое освободительное тріумфальное шествіе. И въ эту грозную минуту я оперся на единственную руку помощи, которая была мнѣ протянута, руку бывшаго врага-германца и съ его помощью я получилъ патроны и снаряды, я выправилъ фронтъ и далъ войску Донскому свободу.

«Пускай близорукіе политики осуждаютъ и клеймятъ меня, я чувствую себя правымъ, потому что, если бы я этого не сдѣлалъ, тогда я не имѣлъ бы удовольствія видѣть васъ, а Добровольческой Арміи пришлось бы вести войну на всѣ фронты . . .

. . . «Не Донской народъ и не Донскіе казаки сдѣлали это, а сдѣлалъ я одинъ, потому что вся полнота власти была у меня — и если я сдѣлалъ спасеніемъ Дона преступленіе, я одинъ и виноватъ, потому что я ни у кого не искалъ совѣта.

«Не ищу его и теперь . . .

. . . «Передъ нами громадная задача — спасти Россію. А силъ уже нѣтъ. И кто намъ поможетъ!? Пойдутъ съ нами Кубанскіе казаки, пойдетъ съ нами Добровольческая Армія, — но и съ ними вмѣстѣ насъ мало. Такъ мало для громадной Россіи. Время не терпитъ. Ждать до весны, раскачиваться, устраиваться, формироваться невозможно.

«Промедленіе времени смерти безвозвратной подобно.

«Сейчасъ Россія ждетъ васъ. Сейчасъ она падетъ къ вамъ, какъ падаетъ зрѣлый плодъ. Сейчасъ походъ къ сердцу Россіи — Москвѣ — обратится въ тріумфальное шествіе . . . Все будетъ сдаваться вамъ, отдавать оружіе и идти съ вами, воодушевленное, опьяненное тѣмъ запахомъ великой побѣды, который вы несете съ собою.

«На фронтѣ ждутъ васъ страстно и нетерпѣливо. Ждутъ тѣ, братья которыхъ умерли въ Восточной Пруссіи, чтобы дать французамъ побѣду на Марнѣ, ждутъ тѣ, кости сыновей которыхъ покоятся въ болотахъ Польши. Они умерли, спасая Верденъ.

«Foederis memor.

«Помню о союзѣ. Тамъ въ холодной степи вѣрятъ въ то, что долгъ платежомъ красенъ. Тамъ ждутъ васъ для того, чтобы вмѣстѣ съ вами нести свободу и право въ холодную Москву.

«Страшно сказать — право жить!!!

«Господа! Тамъ на сѣверѣ, этого права, права на жизнь, нѣтъ. Тамъ каждый день разстрѣливаютъ сотни невинныхъ людей, тамъ умираютъ съ голода и совѣстно теперь пировать, зная, что тамъ гибнутъ братья.

«Вижу ее! . . Вижу прекрасную родину, мать мою Россію . . . Какъ обнищала, какъ исхудала она. Ввалились и стали огромными ея прекрасные глаза, худыя, покрытыя ранами бичеваній руки протягиваетъ она на югъ и молитъ о пощадѣ.

«Ужели не спасемъ?! Весною поздно будетъ! Ее добьютъ къ веснѣ мучители и насильники! . . .»

Уже въ темнотѣ разошлись по своимъ вагонамъ генералъ Пуль и Атаманъ, и поѣзда пошли одинъ на востокъ, другой на западъ.

Атаманъ пріобрѣлъ себѣ союзника въ лицѣ генерала Пуля и ѣхалъ съ глубокою вѣрою въ то, что англичане и французы на этихъ же дняхъ прочно займутъ Украину и, можетъ быть, двинутся и къ Царицыну . . .

Глава XVII

Свиданіе Донского Атамана съ С. Д. Сазоновымъ. — Пріѣздъ генерала Щербачева въ Новочеркасскъ. — Общее засѣданіе Щербачева, Деникина, Донского Атамана и чиновъ Добровольческой и Донской Армій въ Торговой. — Приказъ генерала Деникина о вступленіи въ командованіе всѣми вооруженными силами юга Россіи.

Какъ результатъ свиданія съ генераломъ Пулемъ должно было послѣдовать соглашеніе съ генераломъ Деникинымъ, и отношенія между Дономъ и Добровольческой Арміей должны были вылиться въ строго опредѣленныя формы.

16-го декабря въ той же Кущевкѣ Атаманъ съѣхался съ С. Д. Сазоновымъ и Нератовымъ и представилъ имъ генералъ-лейтенанта Свѣчина, генералъ-маіора Герасимова, члена Большого Войскового Круга Георгія Ивановича Карева и г. Павлова, назначенныхъ Атаманомъ какъ Донская совѣщательная комиссія при С. Д. Сазоновѣ, отправлявшемся въ Парижъ, какъ представитель Дона и Добровольческой Арміи. Атаманъ настаивалъ на признаніи за Дономъ правъ на управленіе своимъ Кругомъ и Атаманомъ и на правѣ содержать свою Армію. Со стороны С. Д. Сазонова это возраженій не встрѣтило.

21-го декабря въ Новочеркасскъ прибылъ генералъ отъ инфантеріи Щербачевъ. Цѣль его поѣздки была примирить и согласовать дѣятельность генерала Деникина и Атамана и устроить единое командованіе, безъ чего союзники отказывались чѣмъ бы то ни было помогать. Атаманъ въ длинной бесѣдѣ съ генераломъ Щербачевымъ высказалъ о всемъ томъ, что онъ думалъ о Деникинѣ, въ доказательство работы своего коммандующаго арміей, Атаманъ показалъ генералу Щербачеву всѣ учрежденія Войскового Штаба и провелъ мимо него находившійся въ Новочеркасскѣ 4-й Донской казачій полкъ, вызванный по тревогѣ. Атаманъ доказывалъ, что теперь не время объявлять войну, что подчиненіе генералу Деникину не понравится офицерамъ и старшимъ начальникамъ, которые будутъ бояться, что отъ нихъ отнимутъ всѣ высшія командныя должности и замѣнятъ ихъ лицами, угодными Деникину, и не казаками, и это можетъ вызвать упадокъ ихъ энергіи въ самыя рѣшительныя минуты борьбы. Пропаганда о подчиненіи казаковъ «регулярнымъ», объ отдачѣ ихъ подъ офицерскую палку уже ведется на фронтѣ, приказъ о единомъ командованіи усилитъ эту пропаганду.

Но иного выхода не было и было рѣшено, между генераломъ Щербачевымъ и Атаманомъ, что въ ближайшіе дни Атаманъ съѣдется и сговорится съ генераломъ Деникинымъ о формахъ осуществленія единаго командованія.

Въ тотъ же день вечеромъ генералъ Щербачевъ уѣхалъ изъ Новочеркасска въ Екатеринодаръ.

26-го декабря Атаманъ свидѣлся съ генераломъ Деникинымъ на станціи Торговой. Въ поѣздѣ у генерала Деникина состоялось подъ его предсѣдательствомъ совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе — генералъ отъ инфантеріи Щербачевъ, генералъ-лейтенантъ Драгомировъ, начальникъ штаба Добровольческой Арміи генералъ-лейтенантъ Романовскій, Атаманъ Донского войска, командующій Донской Арміей генералъ-лейтенантъ Денисовъ, начальникъ штаба арміи генералъ-маіоръ Поляковъ, представитель Донского войска при Добровольческой Арміи генералъ отъ кавалеріи Смагинъ, начальникъ снабженія Добровольческой Арміи и интендантъ Донской Арміи. Отъ Кубанскаго войска не было допущено никакихъ представителей.

Засѣданіе открылъ генералъ Деникинъ, который сказалъ, что съ приходомъ союзниковъ борьба съ большевиками принимаетъ болѣе планомѣрный характеръ и что необходимо столковаться и придти къ сознанію необходимости единой воли и единаго управленія въ дѣлахъ внѣшнихъ сношеній, устроить единую общую сѣть желѣзныхъ дорогъ, одну банковую систему, общій почтовый союзъ, общій судъ и, наконецъ, гласно признать единое командованіе.

Донская Армія и Донской Флотъ должны быть наравнѣ съ прочими вооруженными силами подчинены Главнокомандующему. Донская конница должна быть передана на тѣ участки, которые ей укажетъ Главнокомандующій съ тѣмъ, что Добровольческая Армія компенсируетъ ее пѣхотой, свободный резервъ Дона долженъ быть переданъ въ полное распоряженіе Главнокомандующаго, въ Донской

Арміи не могутъ быть на командныхъ должностяхъ только Донскіе казаки, но должны находиться также и начальники отъ Добровольческой Арміи. Воронежскій, Саратовскій и Астраханскій корпуса должны быть переданы въ распоряженіе Добровольческой Арміи, должны быть напечатаны общіе уставы и установлены общія правила чинопроизводства во всѣхъ арміяхъ, дѣйствующихъ на югѣ Россіи. Назначенія на должности командировъ корпусовъ и выше дѣлаются главнокомандующимъ въ Донской Арміи по соглашенію съ Донскимъ Атаманомъ. Всѣ офицеры генеральнаго штаба подчиняются главнокомандующему, минуя Донского Атамана, въ Донской и Добровольческой Арміяхъ устанавливаются одинаковыя нормы содержанія и пенсій. Право мобилизаціи принадлежитъ Главнокомандующему, все снабженіе, откуда бы оно ни шло, принадлежитъ Главнокомандующему, который распоряжается также и хлѣбомъ и углемъ, беря и то и другое на учетъ.

Первые вопросы возраженій со стороны Атамана не встрѣтили. Онъ доложилъ генералу Деникину, что всѣ внѣшнія сношенія имъ поручены С. Д. Сазонову и что люди, назначенные къ нему, даны ему лишь для консультаціи и для отстаиванія передъ нимъ, но не непосредственно передъ союзниками интересовъ Донского войска. Относительно желѣзныхъ дорогъ Атаманъ уже договорился съ инженеромъ Кригеръ-Войновскимъ и въ этомъ отношеніи ни у него, ни у управляющаго отдѣломъ путей сообщенія войска Донского инженера Карелина разногласій нѣтъ. Точно также и относительно финансовъ Атаманъ идетъ впереди желаній генерала Деникина. Такъ по его распоряженію особыя Донскія отличія на ассигнаціяхъ замѣнены обще-русскими и новыя сторублевки, несмотря на популярность старыхъ на Дону, прозванныхъ «Ермаками», печатаются уже не съ портретомъ Ермака Тимофеевича, а съ обще-русскими эмблемами, пятисотрублевыя ассигнаціи будутъ отпечатаны на бумагѣ сине-бѣло-красныхъ тоновъ, цвѣтовъ Русскаго флага. ни на одномъ знакѣ не говорится о томъ, что онъ выпущенъ Донскимъ войскомъ, но всюду говорится о томъ, что они выпущены Ростовскою конторою Государственнаго (Россійскаго) банка.

Атаманъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы и дальше идти по этому пути, и финансовое совѣщаніе представителей Добровольческой Арміи съ управляющимъ отдѣломъ финансовъ Донского войска, г. Корженевскимъ и директоромъ Ростовскаго отдѣленія Государственнаго банка окончилось совершеннымъ согласіемъ. Точно также и на почтовыхъ маркахъ, выпущенныхъ Донскимъ войскомъ, изображенъ двуглавый орелъ, вокругъ котораго сдѣлана надпись: «Единая Россія». Относительно суда достигнуто полное согласованіе, и Атаманъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы созываемый имъ Донской Сенатъ — сталъ бы Россійскимъ Сенатомъ.

Вопросы гласнаго признанія единаго командованія вызвали крайне рѣзкія возраженія со стороны командующаго арміей генерала Денисова. Возражая ему, генералъ Драгомировъ употребилъ неосторожное, а можетъ быть, и умышленно сказанное выраженіе — «Временная автономія Донского войска». Это вызвало яростный отвѣтъ Денисова.

— Мы не стремимся ни къ какой автономіи, ни временной, ни постоянной, но мы вынуждены быть совершенно самостоятельными, потому что были одни въ продолженіе девяти мѣсяцевъ тяжелой борьбы. Теперь, когда мы освободились своими силами, врядъ-ли будетъ разумно въ глазахъ казака подчинить его, да еще во всѣхъ отношеніяхъ — финансовъ, порядка службы и т. п. кому-то другому. Вы хотѣли строить на тѣ гроши, которые мы собираемъ

въ видѣ налоговъ съ казаковъ, Россію и создавать для нея и въ ея масштабѣ всѣ органы управленія. Не рано ли это? Казаки народъ разумный — они знаютъ, что, пока есть только Донская и Кубанская Арміи, не стоитъ и говорить о Россіи и ея правительствѣ. Вотъ, когда явится Россійская Армія и правительство будетъ сидѣть на Россійской территоріи и прикрываться Русскими штыками — тогда можно будетъ говорить о полномъ сліяніи казачьихъ армій съ Русской, а теперь это только лишь вода на мельницу противника. Далѣе, — продолжалъ свои возраженія Денисовъ, отвѣчая Драгомирову, — вы сказали, что свободный резервъ долженъ быть переданъ главнокомандующему, который имъ распоряжается по своему усмотрѣнію — разъ врагъ будетъ угрожать Дону — вы его отдадите? Но, позвольте, большей угрозы Дону, какъ теперь быть не можетъ. Донъ совершенно обложенъ противникомъ и протяженіе нашего фронта равняется болѣе чѣмъ 1600 верстамъ, а кто намъ помогаетъ!!

— Я не говорю сейчасъ, — недовольнымъ голосомъ сказалъ генералъ Деникинъ. — Мы отлично понимаемъ тяжелое положеніе Донского войска и не настолько же мы наивны, чтобы потребовать резервъ сейчасъ. Но Армія должна быть реорганизована. У васъ масса конницы, а у насъ конницы не хватаетъ.

Но противъ выдѣленія конницы возражалъ и Атаманъ.

— И свойства мѣстности, и характеръ противника, и природная любовь казака къ работѣ на конѣ создали особый характеръ войны, — сказалъ онъ. — Мы бьемъ противника преимущественно конными частями, которыя въ большинствѣ случаевъ дерутся великолѣпно, чего нельзя сказать про нашу пѣхоту. Конныя части мы выдѣлить не можемъ!

— Какое же это будетъ единое командованіе, — воскликнулъ генералъ Драгомировъ, когда Главнокомандующій не распоряжается своими войсками.

— Но нельзя же вмѣшиваться въ организацію нашихъ силъ, потому что это поведетъ къ развалу построеннаго съ такимъ трудомъ и далеко неокрѣпшаго, — замѣтилъ Денисовъ.

Послѣ очень долгихъ переговоровъ при участіи генерала Щербачева удалось установить, что все-таки Донская Армія въ полномъ составѣ должна перейти въ подчиненіе генералу Деникину.

— Это непремѣнное требованіе союзниковъ, — сказалъ генералъ Щербачевъ, безъ исполненія этого условія они отказываются чѣмъ бы то ни было помогать намъ.

— Для Дона, — снова упрямо сказалъ Денисовъ, — единаго командованія не надо, и Донъ безъ таковаго свободно можетъ жить. Единое командованіе нужно для Россіи и вы требуете этой жертвы во имя ея. Но казакъ этой жертвы не пойметъ и самый фактъ признанія открыто и публично такого подчиненія разложитъ Донъ.

— Но поймите, — сказалъ Щербачевъ Денисову, — что безъ этого союзники намъ ничего не дадутъ.

— Дону ничего и не надо, — возразилъ Денисовъ. — Развѣ только моральная поддержка. А вотъ, если Донъ вслѣдствіе этого подчиненія со всѣми его послѣдствіями развалится и разложится, то, полагаю, союзникамъ это не будетъ в е равно.

— Но почему же Донъ развалится — отъ того, что я вступлю въ командованіе? — спросилъ Деникинъ.

— Это сдѣлаетъ пропаганда, — отвѣтилъ Денисовъ.

— Противъ этой пропаганды мы устраиваемъ контръ-пропаганду, — возразилъ генералъ Драгомировъ, — на этихъ дняхъ будетъ устроенъ особый отдѣлъ, цѣлое министерство агитаціи и пропаганды.

— И во главѣ его поставленъ Н. Е. Парамоновъ, личный врагъ Атамана, мстительный соціалистъ-революціонеръ, извѣстный тѣмъ, что еще въ 1905 году своими брошюрами издательства «Донская Рѣчь» разлагалъ Русскую Армію, — сказалъ Денисовъ.

— Но ничего подобнаго, — вспыхнувъ воскликнулъ генералъ Деникинъ: — Кто вамъ это сказалъ?

— Это пишутъ въ газетахъ, — отвѣчалъ Денисовъ, — противъ Атамана въ Екатеринодарѣ идетъ опредѣленная кампанія и мы знаемъ, что спеціально для его ареста, или уничтоженія, генералъ Семилѣтовъ формируетъ въ Новороссійскѣ отрядъ.

— Я первый разъ объ этомъ слышу, — сказалъ Деникинъ. — Абрамъ Михайловичъ развѣ поручены нами какія либо формированія генералу Семилѣтову?

Генералъ Драгомировъ промолчалъ.

— Мало ли что пишутъ въ газетахъ, — сказалъ Деникинъ. — Меня въ нихъ не меньше, нежели васъ, ругаютъ.

— Я не знаю, Антонъ Ивановичъ, — отвѣчалъ Атаманъ, — какія мѣры принимаете вы въ Екатеринодарѣ, но могу засвидѣтельствовать одно, ни въ одной изъ выходящихъ на Дону газетъ нѣтъ ни одного слова противъ васъ, что касается Екатеринодарскихъ газетъ, то онѣ полны такой гнусной клеветы по моему адресу, что я долженъ былъ запретить ихъ ввозъ на Донъ. И ихъ все-таки везутъ и подпольнымъ путемъ распространяютъ на позиціяхъ, и когда площадную брань по моему адресу усталый отъ войны казакъ читаетъ въ «Царицынскихъ извѣстіяхъ», прокламаціяхъ Миронова, или какой-нибудь «Красной газетѣ» — онъ этому не вѣритъ, но когда ему то же самое пишутъ изъ союзнаго Екатеринодара, въ немъ зарождается сомнѣніе и тревога. И какъ не тревожиться?! Атаманъ — нѣмецкій ставленникъ, союзники ни за что не помогутъ Атаману, съ Атаманомъ ѣздили ряженые Донскіе офицеры, а не англичане и французы и т. д., и т. д. — согласитесь, что это можетъ сломать и самаго правовѣрнаго. А послѣднее время стали ѣздить Семилѣтовскіе офицеры и просто уговаривать казаковъ прекратить войну, пока я у нихъ Атаманомъ.

— Вотъ будетъ единое командованіе, и всѣ эти шероховатости сгладятся, — сказалъ генералъ Щербачевъ.

— Единое командованіе Добровольческой Арміи! — сказалъ Денисовъ. — Покажите казаку хорошо сорганизованныя сильныя добровольческія части на его Донскомъ фронтѣ, покажите ихъ перевѣсъ надъ нимъ, и онъ пойметъ единое командованіе Русскаго генерала. А пока онъ знаетъ 100-тысячную Донскую Армію, тридцати-тысячную Кубанскую Армію и только 10 тысячъ добровольцевъ-офицеровъ — онъ никогда не пойметъ, почему онъ долженъ подчиняться добровольцамъ — онъ, принесшій все въ жертву защиты и спасенія Родины. Вы настолько не стѣсняетесь съ казаками, что ни одного кубанца не пригласили на наше совѣщаніе.

— Кубанцы заявили, что они во всемъ поступятъ такъ, какъ постановятъ Донцы, — сказалъ Романовскій.

— Тѣмъ большую осмотрительность въ нашихъ рѣшеніяхъ мы должны проявить, — сказалъ Денисовъ. И я, простите, никакъ не могу согласиться съ признаніемъ верховнаго главенства Добровольческой Арміи, нисколько не касаясь личностей. Вы въ этомъ весьма деликатномъ вопросѣ не считаетесь ни съ народомъ, ни съ территоріей. Не забывайте о томъ, что мы сильны народомъ, а вы офицерами, и въ случаѣ, если будетъ брошенъ этотъ опасный лозунгъ, эти страшныя слова о бѣлыхъ погонахъ, объ офицерской палкѣ, вамъ не сдобровать, потому что народъ сильнѣе офицеровъ, а помогутъ ли и какъ помогутъ тогда союзники — это неизвѣстно.

Переговоры постоянно заходили въ неизбѣжный тупикъ. Два раза, видя безплодность добиться искренняго признанія единаго командованія въ его лицѣ отъ Донцовъ, генералъ Деникинъ хотѣлъ прекратить переговоры, но всякій разъ генералъ Щербачевъ его останавливалъ. Атаманъ понималъ, что это необходимо сдѣлать, необходимо для союзниковъ, и искалъ такой формы, которая наименѣе дала бы почвы для пропаганды въ войскахъ. Даже мелочи, и тѣ вызывали страстный отпоръ. Заговорили объ изданіи уставовъ столь нужныхъ для войскъ.

— Но для чего намъ издавать уставы? — сказалъ Атаманъ, — и снова тратить на нихъ громадныя деньги — и главное, время, когда войско Донское уже издало почти всѣ уставы. Они представляютъ изъ себя перепечатку Россійскихъ уставовъ, и Добровольческая Армія, если пожелаетъ, можетъ ихъ получить готовыми.

На какія бы то ни было назначенія командного состава и на подчиненіе офицеровъ Генеральнаго Штаба помимо Атамана Главнокомандующему Атаманъ не согласился. Донская Армія должна быть вполнѣ автономной.

— Какое же это будетъ единое командованіе! — воскликнулъ генералъ Драгомировъ, — когда Главнокомандующій не можетъ распорядиться ни однимъ казакомъ помимо Атамана.

— Единое командованіе для союзниковъ, — сказалъ Денисовъ. — Они хотятъ, чтобы Его Превосходительство генералъ Деникинъ былъ подобенъ Фошу. Но у Фоша были самостоятельныя французская, англійская и американская арміи — такъ и тутъ будутъ арміи подчиненныя въ стратегическомъ отношеніи, но самостоятельныя по существу . . .

Переговоры шли уже шестой часъ, сгущались сумерки короткаго зимняго дня, а рѣшенія никакого вынесено не было.

Наконецъ Атаманъ сказалъ генералу Деникину:

— Антонъ Ивановичъ, въ виду сложившейся обстановки я считаю необходимымъ признать надъ собою ваше верховное командованіе, но при сохраненіи автономіи Донской Арміи и подчиненіи ея вамъ черезъ меня. Давайте составимъ объ этомъ приказъ.

Генералъ Деникинъ собственноручно написалъ приказъ о своемъ вступленіи въ командованіе и о подчиненіи ему всѣхъ вооруженныхъ силъ юга Россіи, дѣйствующихъ противъ большевиковъ.

— Хорошо, — сказалъ Атаманъ, — я отдамъ этотъ приказъ по войску Донскому, но для того, чтобы избѣжать кривотолковъ о нарушеніи Донской конституціи я сдѣлаю къ нему слѣдующую добавку: — «Объявляя этотъ приказъ Главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи Донскимъ арміямъ, подтверждаю, что по соглашенію моему съ генераломъ Деникинымъ конституція Всевеликаго Войска Донского, Большимъ Войсковымъ Кругомъ

утвержденная, нарушена не будетъ. Достояніе Дона, вопросы о землѣ и нѣдрахъ, условія быта и службы Донской Арміи этимъ командованіемъ затронуты не будутъ, но дѣлается это съ весьма разумною цѣлью достиженія единства дѣйствіи противъ большевиковъ.

— Но этимъ добавленіемъ совершенно уничтожается весь смыслъ приказа о единомъ командованіи, — сказалъ Драгомировъ.

Деникинъ махнулъ рукою, — дѣлайте, молъ, какъ хотите.

— Вы подписываете себѣ и войску смертный приговоръ, — сказалъ генералъ Денисовъ Атаману.

Итакъ первое, что потребовали союзники, было выполнено. Единое командованіе осуществлено. Теперь оставалось только ожидать помощи отъ союзниковъ и активной ихъ работы.

Глава XVIII

Утомленіе казачьей арміи. — Измѣна трехъ полковъ. — Комиссары въ Вешенской станицѣ. — Совѣтская власть на сѣверѣ Дона. — Красная армія занимаетъ сѣверныя станицы. — Неистовство большевиковъ въ Вешенской станицѣ.

На позиціяхъ казачьей арміи отъ Маріуполя, — гдѣ стоялъ дивизіонъ Л. Гв. Атаманскаго полка, черезъ Чертково и Кантемировку, черезъ Богучаръ и Новохоперскъ, къ Балашову и Царицыну и далѣе въ за-Манычскихъ степяхъ до самаго стыка съ добровольцами подъ Ставрополемъ шла кипучая, страшно тяжелая боевая жизнь. Тяжести войны усугубились зимнимъ временемъ. Зима наступила сразу въ концѣ ноября и стояла суровая и холодная, съ крутыми метелями и большимъ снѣгопадомъ. Примитивные казачьи окопы совершенно занесло снѣгомъ, черныя фигуры казаковъ стали далеко видными, войска, жившія раньше въ полѣ подъ открытымъ небомъ или въ неглубокихъ землянкахъ, стали жаться къ деревнямъ и селамъ. Борьба съ Красной Арміей часто шла уже не по тактическимъ соображеніямъ закрѣпленія за собою того или иного узла позиціи, того или другого опорнаго пункта, а изъ-за тепла и крыши. Уходящій, кто бы онъ ни былъ, старался возможно болѣе ухудшить положеніе врага и жегъ, что только могъ успѣть сжечь и уничтожить. Вмѣсто домовъ доставались обгорѣлыя стѣны съ зіяющими окнами и дверьми, безъ стеколъ и безъ мебели. Здѣсь новыя части устраивались, какъ могли. Завѣшивали, чѣмъ попало — мѣшками и рогожами, окна и биткомъ набивались въ комнаты, чтобы согрѣваться животнымъ тепломъ. Въ брошенныхъ большевиками деревняхъ находили лазареты, полные больныхъ, среди которыхъ нерѣдко лежали мертвые. Сыпной тифъ косилъ Красную Армію и сыпной тифъ передался и на Донскую Армію. Нужна была частая смѣна бѣлья — а его не было, нужно было мыло, его не хватало, нужны были лазареты, ихъ не успѣвали открывать.

Болѣзнь, полубредовое состояніе передъ нею понижали духъ арміи. Казаки приходили въ отчаяніе. Война шла уже десятый мѣсяцъ, а не только не видно было конца, но съ каждымъ шагомъ впередъ положеніе становилось все болѣе грознымъ и тяжелымъ. Карсноармейцы осенью говорили, что они воевать будутъ только до зимы, а зимою разойдутся по домамъ, а на дѣлѣ зимою ихъ атаки стали болѣе рѣшительными и смѣлыми нежели раньше.

Казаки спрашивали плѣнныхъ, почему это такъ.

— Нельзя, — отвѣчали красноармейцы. — Не пойдешь, разстрѣляютъ. Коммиссаръ требуетъ, чтобы шли. А откажешься, и самого убьютъ, и семьѣ не сдобровать.

Вся Россія шла на Донъ. Вся Россія шла уничтожить казаковъ и мстить имъ за 1905 годъ. И страшно становилось казакамъ. Какъ же будутъ они одни противъ всей Россіи? Весною, когда дрались подъ Новочеркасскомъ и фронтъ былъ маленькій, кругомъ была помощь. Слѣва стояли прочною стѣною нѣмцы, справа недалеко были кубанцы и добровольцы.

Теперь фронтъ сталъ непомѣрно большой, нѣмцы ушли и, сколько слышно, у нихъ тоже совѣтская республика, добровольцы застряли на Кавказѣ и донцы остались совсѣмъ одинокими.

Пріѣхали союзники. Въ ледяныхъ окопахъ и въ хатахъ, набитыхъ людьми, разсказывали, что были англичане и французы, что они обѣщали помощь, а гдѣ же она? Атаманъ говорилъ и писалъ, что они высадились на берегу Чернаго моря, что они займутъ Украину и станутъ на мѣсто нѣмцевъ, а вмѣсто того атаманцевъ послали въ Маріуполь, а изъ Каменской и изъ-подъ Царицына спѣшно послали резервы на западную границу войска къ Луганску и Гундоровской станицѣ. Говорятъ, тамъ не хорошо.

Фронтъ остался безъ резерва. Сзади никого нѣтъ, а когда сзади никого нѣтъ, жутко становится на фронтѣ.

Если бы союзники пришли помогать, развѣ было бы такъ? Невольно напрашивалось сравненіе съ нѣмцами. Какъ быстро подавались части корпуса генерала фонъ Кнёрцера въ апрѣлѣ и маѣ. Не успѣли оглянуться, какъ уже низкія сѣрыя каски торчатъ передъ носомъ оторопѣлаго «товарища» и слышны грозные окрики: — «halt» и «ausgeschlossen». А вѣдь это были враги! Если враги такъ торопились помогать Атаману, какъ же должны были спѣшить друзья?! Сегодня были развѣдчики — офицеры — это понятно каждому казаку, что безъ развѣдки нельзя, ну а завтра, или дня черезъ три должны показаться и авангарды и главныя силы, а вмѣсто того Атаманъ объявилъ новую мобилизацію и прямо говоритъ, что столица войска Донского въ опасности.

Тутъ и пропаганды не нужно было — дѣло было ясное — обманъ.

На Рождествѣ, къ 28-му Верхне-Донскому, Мигулинскому и Казанскому полкамъ, стоявшимъ въ Воронежской губерніи, къ сѣверу отъ Богучара, пришли парламентеры отъ Красной Арміи. Это были не обычные парламентеры, приходившіе и раньше сдаваться, это были люди, посланные отъ «рабоче-крестьянской» арміи. Командиры полковъ и офицеры не успѣли ничего сдѣлать, какъ казаки сбѣжались къ нимъ толпою и на позиціи устроился митингъ, на которомъ казаки слушали, развѣсивъ уши, то, что имъ говорили пришедшіе отъ Красной Арміи люди.

Они говорили хорошія и правильныя, какъ казалось простому измученному войною казаку, вещи.

— Мы вашего не трогаемъ, — говорили они, — зачѣмъ же вы идете на насъ? Вы Донскіе?

— Донскіе, — отвѣчали дружно казаки.

— Такъ зачѣмъ же вы сидите въ Воронежской губерніи? Чай всю Россію не освободите. Васъ мало, а Россія какъ велика! Всѣхъ крестьянъ не перебьете, а если міръ станетъ противъ васъ, и отъ васъ ничего не останется.

— Правильно! — вздыхали казаки.

— Идите, товарищи, по домамъ. Мы васъ не тронемъ. Вы живите у себя спокойно по станицамъ и мы будемъ жить спокойно. Повоевали и довольно.

— Что-жъ, это правильныя рѣчи, — говорили казаки.

— А приказъ Атамана? — вспоминали нѣкоторые.

— Атамана? Да вѣдь онъ, товарищи, давно продался нѣмцамъ, за четыре милліона.

Цифра поражала. Четыре милліона! Можетъ быть и правда продался.

— Такъ что же, станичники, здѣсь что ли стоять будемъ, да вшей кормить?! А, такъ что-ль? — раздавались голоса. — Ай-да по домамъ, ребятушки, праздникъ Христовъ. Они насъ не тронутъ. Такіе же хрестьяне, должны понимать!

Офицеры попытались помѣшать уходу съ позиціи, но кого арестовали — со временъ Временнаго Правительства это было привычное занятіе, арестовывать офицеровъ, а кто и самъ, чуя недоброе, бѣжалъ отъ своихъ казаковъ. Во главѣ 28-го пѣшаго полка сталъ бойкій и развратный казакъ Ѳоминъ. Онъ повелъ полкъ въ станицу Вешенскую, гдѣ находился штабъ Сѣвернаго фронта съ генераломъ Ивановымъ (Матвѣй Матвѣевичемъ). Генералъ Ивановъ не имѣлъ силы арестовать Ѳомина, окруженнаго большою толпою своихъ приверженцевъ. Ѳоминъ и казаки Верхне-Донского полка не рѣшались напасть на штабъ, охранявшійся нѣсколькими десятками обозныхъ казаковъ. Это опять была бы война, а воевать они не хотѣли. Въ одной и той же станицѣ, въ полномъ напряженіи, стояло два враждебныхъ лагеря. Работа штаба стала невозможной и генералъ Ивановъ переѣхалъ на тридцать верстъ, въ станицу Каргинскую, гдѣ казаки еще держались и даже собирались жестоко наказать Вешенцевъ за измѣну казачьему дѣлу. Ѳоминъ захватилъ телеграфъ съ Новочеркасскомъ. Атаманъ передалъ ему приказъ образумиться и стать на позицію, угрожая полевымъ судомъ. Ѳоминъ отвѣтилъ площадною бранью. Атаманъ отправилъ въ Вешенскую карательный отрядъ, но событія развивались уже быстрымъ темпомъ.

Три полка, оставившіе фронтъ, занимали линію около сорока верстъ. За ними была укрѣпленная Богучарская позиція съ проволочными загражденіями, та самая «буржуйская» затѣя, которая такъ не нравилась Красной Арміи. Измѣнники-казаки оставили ее безъ защиты. У Богучара было только двѣ сотни пѣшаго пограничнаго полка, составленныя изъ молодыхъ крестьянъ Донского войска, и тѣ передались большевикамъ.

Ѳоминъ, отвѣчая бранью Атаману, зналъ, на что онъ идетъ, но онъ уже разсчитывалъ, что сила будетъ на его сторонѣ.

Первые три дня по приходѣ Казанцевъ и Мигулинцевъ домой все было спокойно. Потомъ въ Казанскую станицу на хорошей тройкѣ пріѣхало три молодыхъ человѣка въ отличныхъ шубахъ. Они потребовали общаго сбора казаковъ. Когда казаки собрались въ станичномъ управленіи, молодые люди поднялись на трибуну, и оказались прекрасно одѣтыми въ ловко сидящихъ на нихъ френчахъ, съ кольцами съ самоцвѣтными камнями на холеныхъ пальцахъ и очень бойко говорящими. Они доказывали превосходство народной совѣтской власти передъ какою либо другою и предлагали немедленно приступить къ выбору совѣта и исполнительнаго комитета. Станичнаго Атамана не было. Онъ поѣхалъ съ докладомъ въ Новочеркасскъ; появилось на собраніи вино, «царскія деньги» цѣлыми пачками, и «совѣтская власть» была признана. Ворчали только старики, но какъ-то такъ оказалось, что ихъ живо связали и отправили въ станичную тюрьму...

Вешенская станица не отстала отъ Казанской. Ѳоминъ объявилъ себя комиссаромъ, и при немъ тоже появились пріѣзжіе молодые люди для того, чтобы руководить его дѣйствіями и учить, какъ устроить станицу по совѣтскому образцу.

Донской Атаманъ пріѣхалъ съ англійскими и французскими офицерами въ станицу Каргинскую въ 30 верстахъ отъ Вешенской, гдѣ собиралъ казаковъ и указывалъ имъ на скорую помощь союзниковъ и необходимость, немного потерпѣть и уничтожить крамолу внутри войска. Изъ станицы Усть-Бѣло-Калитвенской походнымъ порядкомъ шелъ отрядъ въ шестьдесятъ отборныхъ казаковъ съ войсковымъ старшиною Романомъ Лазаревымъ для того, чтобы привести къ повиновенію бунтующихъ Вешенцевъ.

Не дремалъ и Ѳоминъ. Въ ту же ночь, когда Атаманъ былъ въ Каргинской, онъ собралъ казаковъ въ Вешенской и тамъ повелъ такую рѣчь:

— Въ Каргинской не настоящій Атаманъ, а самозванецъ, и съ нимъ ряженые офицеры подъ француза и англичанина, и намъ надо его выманить сюда и здѣсь посмотрѣть — какой онъ есть. Здѣсь и разсудимъ — или къ стѣнкѣ его поставимъ съ союзниками, или препроводимъ для суда въ Москву, или своимъ судомъ здѣсь накажемъ. Оборвемъ погоны и изобличимъ переодѣтыхъ союзниковъ.

Нашлись на собраніи и благоразумные казаки.

— Атамана мы знаемъ, — заявили они, — мы съ нимъ въ Атаманскомъ полку служили.

— Я шесть лѣтъ трубачемъ ѣздилъ, когда Атаманъ полковымъ адъютантомъ былъ — слава Богу — узнаю, онъ или нѣтъ.

Рѣшено было, снарядить сани въ Каргинскую, чтобы посмотрѣть на Атамана. Такъ и сдѣлали. Посланные не только повидали Атамана, но, несмотря на то, что за ними слѣдили агенты Ѳомина, успѣли передать Атаману о настроеніи въ Вешенской станицѣ и просили его не пріѣзжать въ Вешенскую безъ значительной воинской силы. Атаманъ все-таки рѣшилъ ѣхать. Онъ думалъ, что подлинные союзные офицеры спасутъ положеніе и вернутъ казаковъ къ исполненію долга, но союзники такъ замерзли, проѣхавъ девяносто верстъ по снѣгамъ въ автомобилѣ, что ни за что не соглашались ночью ѣхать еще тридцать верстъ, да еще рискуя застрять въ снѣжныхъ сугробахъ. Поѣздка была отложена. Между тѣмъ Ѳоминъ, чувствуя, что ему не миновать петли и что онъ зашелъ слишкомъ далеко, принялъ болѣе серьезныя мѣры. Вешенцы волновались. Старики, помнившіе и отца и дѣда Атамана, который самъ былъ родомъ изъ Вешенской станицы, требовали подчиненія Атаману. Вернувшіеся сослуживцы однополчане Атамана передали, что Атаманъ подлинный, настоящій, и они его и онъ ихъ узналъ, даже фамиліи помнилъ. Только постарѣлъ очень. А все-таки тотъ же. Безъ обмана. И союзники съ нимъ настоящіе. Все, какъ слѣдуетъ быть! Заколебались Вешенцы. У нихъ уже явилась мысль связать Ѳомина и съ покаянной ѣхать къ Атаману. Но тутъ пришло извѣстіе, что девять дивизій Красной Арміи перешли границу войска Донского и быстро идутъ къ Вешенской станицѣ. Ѳоминъ самъ принялся арестовывать приверженцевъ Атамана и готовиться къ встрѣчѣ Красной Арміи.

Красная Армія шла походнымъ порядкомъ, не разворачиваясь и даже не высылая мѣръ охраненія. Растерянные казаки встрѣтили ее хлѣбомъ-солью и только говорили тѣмъ молодымъ людямъ, которые имъ разсказывали о томъ, что граница войска Донского будетъ неприкосновенна: — «Товарищи, какъ же

это?» -- но тѣ смѣялись и говорили: — «А вотъ теперь вы узнаете, что такое совѣтская власть! Духа вашего казачьяго здѣсь не должно больше быть».

Всѣ тѣ казаки, которые такъ мечтали объ отдыхѣ и, прельстившись перспективой этого отдыха, измѣнили войску, были мобилизованы, забраны и безоружными толпами отправлены на Уральскій фронтъ — сражаться противъ Колчака. Лошадей и скотъ стали отбирать, женщинъ насиловать. Совѣтскимъ заправиламъ надо было такъ перевернуть мозги казаковъ, чтобы ничего святого у нихъ не оставалось, все поругать, все уничтожить, довести до отчаянія, заплевать и загадить сердца и души, и тогда, поработивши ихъ, въ полной мѣрѣ начать предъявлять свои требованія...

По станицѣ Вешенской зазвонили колокола великолѣпнаго Вешенскаго собора, величаво нависшаго надъ рѣкою Дономъ съ его тихими разливами и покрытыми инеемъ сребровѣтвенными густыми левадами. Съ пьяными криками и шутками собирались туда красноармейцы и тащили казачью молодежь, дѣтей и подростковъ, тащили стариковъ. Тамъ, готовилось зрѣлище для казаковъ и казачекъ. Ихъ восьмидесятилѣтняго сѣдобородаго священника, который шестьдесять лѣтъ прожилъ безвыѣздно въ Вешенской станицѣ ихъ духовникомъ и котораго почитали всѣ, и старые и малые, тащили, чтобы вѣнчать съ рабочей кобылой. И стоялъ старый священникъ передъ алтаремъ рядомъ съ кроткою лошадью, пугливо косившейся на свѣчи и тяжело вздыхавшей, а надъ ними держали вѣнцы и пѣли похабныя пѣсни.

А потомъ пошли казни. Вѣшали и разстрѣливали казаковъ.

Ѳоминъ омывалъ кровью отцовъ своихъ свою новую власть.

Такъ отомстили красноармейцы измѣнникамъ казакамъ.

Прорывъ фронта, углубленіе въ Верхне-Донской округъ, большихъ силъ Красной Арміи, тяжело отозвался на сосѣднемъ Хоперскомъ округѣ и онъ безъ всякаго давленія со стороны противника покатился назадъ, сдавая Мироновскимъ казакамъ станицу за станицей.

У Атамана въ это время не было ни одного свободнаго казака. Все было послано на оборону Западнаго фронта. Тамъ спѣшно формировалась ударная группа для защиты Звѣрева и Лихой. Угроза нависла надъ Новочеркасскомъ. Спасти положеніе могли только добровольцы или союзники.

Глава XIX

Пріѣздъ англійской и французской миссій въ Новочеркасскъ. — Рѣчь Атамана на оффиціальномъ обѣдѣ. — Союзники на фронтѣ подъ Царицынымъ. — Посѣщеніе союзниками заводовъ и мастерскихъ. — Посѣщеніе Сѣвернаго фронта.

Въ эти тяжелые дни Атаманъ принималъ Екатеринодарскихъ гостей, союзныя миссіи, прибывшія въ полномъ составѣ, ознакомиться съ положеніемъ на фронтѣ, чтобы немедленно помочь. Это уже не была повышенно радостная ликующая встрѣча, какою встрѣчали капитановъ Бонда и Ошэна, но это было серьезное дѣловое свиданіе съ людьми, желающими помочь и спасти Россію.

Такъ казалось... Этому вѣрили...

28-го декабря въ 11 часовъ утра въ Новочеркасскъ прибыли англійскій начальникъ военной миссіи на Кавказѣ генералъ-маіоръ Пуль, его начальникъ штаба полковникъ Кисъ и съ ними три англійскихъ офицера, и представитель генерала Франшэ-д'Эсперрэ — капитанъ Фукэ, представитель генерала

Бертелло — капитанъ Бертелло и лейтенанты Эглонъ и Эрлишъ. Въ 6 часовъ вечера въ Атаманскомъ дворцѣ былъ парадный обѣдъ, на которомъ обмѣнялись рѣчами. Атаманъ по-французски говорилъ о томъ, что послѣдніе часы бытія Россіи наступаютъ и вооруженная помощь нужна немедленно.

— «Ровно мѣсяцъ тому назадъ въ этомъ самомъ залѣ, — сказалъ Атаманъ, — я имѣлъ счастье, привѣтствовать первыхъ изъ союзныхъ офицеровъ, прибывшихъ къ намъ — капитана Бонда и капитана Ошэнъ.

«Я говорилъ тогда о томъ громадномъ значеніи, которое имѣетъ теперь время. Я говорилъ, что не недѣлями и мѣсяцами измѣряется оно, но только часами. Я говорилъ о тѣхъ потокахъ крови невинныхъ жертвъ, стариковъ священниковъ, женщинъ и дѣтей, которые льются каждый день тамъ, гдѣ была когда-то наша общая родина — Россія. Я умолялъ отъ имени этой Россіи придти и помочь.

«Страшный кровавый туманъ замутилъ мозги темнаго народа и только вы, отъ которыхъ брыжжетъ счастьемъ величайшей побѣды, можете разсѣять этотъ туманъ.

«Вы не послушались тогда меня, старика, искушеннаго въ борьбѣ съ большевиками и знающаго, что такое ядъ ихъ ужасной пропаганды. Медленно и осторожно съ большими разговорами и совѣщаніями приближаетесь вы къ этому гаду, на котораго надо смѣло броситься и раздавить его.

«И наши враги въ вашей осторожности видятъ ваше безсиліе. А изнемогшіе въ борьбѣ братья наши теряютъ послѣднія силы.

«За этотъ мѣсяцъ пала подъ ударами вся Украина, богатая и пышная съ обильной жатвою недавняго урожая. Усталые полки южной арміи и истомленные непосильной борьбой на многоверстномъ фронтѣ казаки, сдали большую часть Воронежской губерніи.

«Богатый хлѣбомъ плодородный край обращается въ пустыню. Идутъ кровавые разстрѣлы и тысячи невинныхъ гибнутъ въ вихрѣ безумія.

«Васъ ждутъ, господа, осужденные на смерть. Въ вашихъ рукахъ жизнь и смерть. Ужели же вы оттолкнете протянутыя руки и холодно будете смотрѣть, какъ избиваютъ женщинъ, какъ бьютъ дѣтей на глазахъ у матерей, и ждать чего-то. Ждать тогда, когда надо дѣйствовать.

«Вашъ пріѣздъ тогда вдохнулъ силы. Явился порывъ. Полки пошли впередъ. Уже недалеко было до Воронежа . . . Но порывъ не терпитъ перерыва, и не видя помощи сейчасъ — изнемогли бойцы, истратили силы и молча отступаютъ.

«Вы, господа, военные люди. И вы знаете, что такое бой, и вы знаете, что значитъ подача резерва во время, и какъ мало значитъ приходъ резерва тогда, когда разъяренный врагъ уже побѣдилъ и уничтожилъ первую линію . . .

«Россія взываетъ о помощи . . . Франція, — говоритъ она, — вспомни о нашихъ могилахъ въ Восточной Пруссіи въ дни вашей славной битвы на Марнѣ. Франція, не забудь нашихъ Галиційскихъ покойниковъ въ тяжелые дни Вердена.

«Пока Россія была здорова — она была вѣрной союзницей. Но чѣмъ виновата Россія, что она заболѣла этой ужасной болѣзнью побѣжденныхъ? Помогите ей! Исцѣлите ее!

«О! Какой ужасъ творится въ Москвѣ, въ Рязани, въ Воронежѣ, въ Харьковѣ, повсюду въ Россіи. Темнота, холодъ, голодъ! Плачъ женщинъ и дѣтей и пьяныя оргіи дикарей, сопровождаемыя разстрѣлами ...

. . . «Во всемъ мірѣ праздникъ Христовъ. Во всемъ мірѣ тишина и радость покоя и только въ Россіи не прекращаясь вотъ уже пятый годъ гремятъ выстрѣлы, льется кровь и сироты, безъ дома и крова, умираютъ отъ голода . . .

. . . «Несите намъ свободу, пока не поздно. Несите теперь, пока еще есть живые люди въ Русской землѣ . . . Идите туда, гдѣ ждетъ васъ тріумфальное шествіе среди ликующаго народа.

«Пройдутъ недѣли, и если не придете вы, тамъ будутъ пепелища сожженныхъ деревень, и плачъ и трупы, и вмѣсто богатаго края — пустыня.

«Время не ждетъ. Силы бойцовъ таютъ. Ихъ становится все меньше и меньше» . . .

Если первая рѣчь Атамана союзникамъ, если его первая мольба о помощи Россіи была пропитана слезами, то здѣсь изъ каждаго слова сквозила кровь, раны и мученія.

Союзники поняли это. Въ медленной, полной величаваго достоинства отвѣтной рѣчи, генералъ Пуль засвидѣтельствовалъ, что помощь будетъ. Послѣ него говорилъ о томъ же Фукэ, затѣмъ всталъ лейтенантъ Эрлишъ. Онъ восторженно и радостно на чисто Русскомъ языкѣ, лишь съ незначительнымъ южнымъ акцентомъ, сказалъ о томъ, что французы пойдутъ вмѣстѣ съ добровольцами и казаками на Москву. Онъ говорилъ, что Атаманъ проявилъ большую мудрость, признавши надъ собою власть генерала Деникина. Теперь союзники безотлагательно явятся помочь казакамъ. Его рѣчь, полная истерическихъ выкриковъ, немного митинговая, не понравилась образованной части Донского общества, бывшей на обѣдѣ, но наэлектризировала простыхъ казаковъ, членовъ Круга. Событія на сѣверѣ войска казались уже пустяками. Черезъ недѣлю явится сюда бригада англичанъ и все будетъ ликвидировано.

Генералъ Пуль искренно вѣрилъ въ то, что по его слову будутъ переброшены войска изъ Салоникъ и Батума, о чемъ и сказалъ Атаману.

Въ 10 часовъ обѣдъ былъ оконченъ, и всѣ пріѣхавшіе отправились въ Атаманскій поѣздъ, чтобы ѣхать на фронтъ. Время было серьезное, боевое, медлить было нельзя. Всѣ «фронты» настойчиво требовали союзниковъ.

Въ 10 часовъ утра холоднаго зимняго дня поѣздъ медленно подходилъ къ станціи Чиръ на Царицынскомъ фронтѣ, къ штабу генерала К. К. Мамонтова. На перронѣ замеръ, взявши «на караулъ», почетный караулъ, подобный которому можно было видѣть только во времена Наполеоновскихъ войнъ.

На правомъ флангѣ стоялъ взводъ «дѣдовъ».

Сѣдыя бороды по грудь, старыя темныя лица въ глубокихъ морщинахъ, точно лики святыхъ угодниковъ на старообрядческихъ иконахъ, смотрѣли остро и сурово изъ-подъ надвинутыхъ на брови папахъ. Особенная стариковская выправка, отзывающая временами прежней муштры, была въ ихъ старыхъ фигурахъ, одѣтыхъ въ чистыя шинели и увѣшанныхъ золотыми и серебряными крестами на георгіевскихъ лентахъ: — за Ловчу, за Плевну, за Геокъ-Тепе, за Ляоянъ и Лидіантунь . . . Три войны и тѣни трехъ императоровъ стояли за ними . . .

Рядомъ съ ними былъ бравый, коренастый и кряжистый взводъ «отцовъ». Это были тѣ самые «фронтовики», которые еще такъ недавно бунтовали, не зная, куда пристать, сбитые съ толка революціей и цѣлымъ рядомъ свободъ, объять которыя не могъ ихъ умъ. Въ своей строго форменной одеждѣ они производили впечатлѣніе старыхъ русскихъ до-революціонныхъ войскъ. И, наконецъ, еще лѣвѣе былъ взводъ «внуковъ» — отъ постоянной арміи, отъ

химическаго ея взвода. Это уже была юная молодежь — парни 19 и 20 лѣтъ. Долго любовался карауломъ Пуль. Онъ медленно шелъ съ Атаманомъ по фронту, внимательно вглядываясь въ лицо каждаго казака, и новыя мысли зарождались въ его умѣ. Онъ понималъ теперь то, чего упорно не хотѣли понять на западѣ, онъ понималъ то, чего онъ не могъ понять въ Екатеринодарѣ, что это народная, а не классовая война. Онъ видѣлъ грубыя, мозолистыя руки хлѣбопашцевъ, сжимавшихъ эфесы шашекъ, и онъ понималъ, что эти люди дѣйствительно отстаиваютъ свои дома, борются за право жизни...

Отъ штаба генералъ Пуль проѣхалъ къ резервамъ. Тамъ при немъ поднялись, несмотря на морозъ, пять донскихъ аэроплановъ и полетѣли бросать бомбы въ Царицынъ. Генералу Пулю показали броневые поѣзда, отбитые у Красной Арміи, и самодѣльный броневой поѣздъ, построенный въ мастерскихъ Владикавказской дороги въ Ростовѣ, потомъ поѣхали на позицію. Сначала смотрѣли полевую и тяжелую батареи. Внимательно осматривалъ каждое орудіе старый англійскій артиллеристъ и запускалъ въ каналъ палецъ, осматривая который и видя на немъ слѣды пушечнаго сала, генералъ Пуль довольно улыбался.

По запорошенной снѣгомъ степи перешли къ хутору, возлѣ котораго стояли правильные четыреугольники батальонныхъ колоннъ пѣхотнаго полка. Батальоны взяли «на караулъ», командиръ полка пошелъ съ рапортомъ къ Атаману. И опять генералъ Пуль осматривалъ каждаго казака отъ его мѣховой папахи до сапогъ, онъ отворачивалъ полы шинелей и видѣлъ подъ ними или полушубки, или ватныя теплушки, и все это свое — казачье.

— Какіе большіе у васъ батальоны, — сказалъ онъ Атаману.

— Нормальные, — отвѣчалъ Атаманъ, — по 1000 человѣкъ. — Сколько у васъ штыковъ? — спросилъ онъ командира полка.

— Три тысячи пятьсотъ, господинъ Атаманъ, — отвѣчалъ тотъ.

Осмотрѣли еще одинъ резервный полкъ. Прошли къ конному полку и пропустили его мимо себя повзводно. Долго тянулись взводы по степи и темные силуеты лошадей рисовались на снѣгу. Конный полкъ былъ тоже нормальнаго штата — шесть сотенъ по 140 человѣкъ въ сотнѣ.

— У васъ всѣ полки такіе? — спросилъ Пуль генерала Денисова.

— Теперь почти всѣ. Мы заканчиваемъ реорганизацію арміи и сводимъ послѣднія станичныя дружины и сотни въ полки нормальнаго штата, — отвѣчалъ Денисовъ.

У каждаго полка выступалъ съ рѣчью Эрлишъ.

— Союзники съ вами, друзья! — кричалъ онъ со своимъ южнымъ акцентомъ, — они пришли помочь вамъ, они пойдутъ съ вами — и побѣдятъ!!

Прояснялись суровыя лица казаковъ и неслась по самому фронту ликующая вѣсть — «Помощь пришла. Не одни мы, слава Богу!»

Дошли и до позиціи. Здѣсь союзниковъ ожидало полное разочарованіе. Они думали увидѣть глубокіе ходы, траверсы, желѣзо-бетонную постройку, цѣлые лѣса проволокъ — все то, что создала ихъ мощная техника подъ Ипромъ и Верденомъ.

Въ степи, голой, унылой и черной, — гдѣ смело снѣгъ, бѣлой, — гдѣ онъ лежалъ, были выкопаны небольшія канавы, мѣстами устроена чуть прикрытая сучьями, камышемъ и землею яма, въ которой можно было сидѣть согнувшись; окопъ извивался по краю балки и въ немъ накидана была солома и на соломѣ

лежали рѣдко разбросанные люди сторожевой сотни. У телефониста ямка была поглубже.

Казалось, что это только временный окопъ на нѣсколько часовъ, пока идетъ наступленіе. Но сильно смятая солома, слѣды костровъ, тамъ и тамъ котелки, укрѣпленные въ ямкахъ, мѣшки, уложенные для постели, наконецъ, жиденькая, гдѣ въ три кола, гдѣ въ два и даже въ одинъ проволочная ограда, уходившая далеко въ степь и показывавшая направленіе позиціи, говорили о томъ, что это мѣсто занято давно.

— И по долго остаются ваши люди такъ, безъ крова? — спросилъ генералъ Пуль.

— По три дня, — отвѣчалъ генералъ Мамонтовъ. — Три дня въ окопахъ и три дня въ резервѣ на хуторѣ.

— Наши бы не могли такъ, — сказалъ Пуль.

Смеркалось. Короткій зимній день тихо угасалъ. Предметы теряли очертанія, степь казалась одинаковой, мутной, ровной. Другою дорогой ѣхали обратно, и опять каждыя двѣ версты въ сумракѣ догорающаго дня рисовались новыя части, сверкали штыки и мимо остановленнаго автомобиля проходили тяжело отбивая шагъ безконечные ряды пѣхоты.

У послѣдней батареи вышли изъ автомобиля. Уже было темно и были видны, лишь когда подойдешь вплотную, врытыя въ землю пушки и коренастыя фигуры тепло одѣтыхъ въ шубы артиллеристовъ. Много было среди нихъ бородатыхъ старообрядцевъ.

Генералъ Пуль отвелъ Атамана въ сторону и сказалъ ему медленно, раздѣльно подыскивая слова, по-французски:

— Теперь я все понимаю. Благодарю васъ. Тамъ въ Добровольческой Арміи мнѣ показывали батальоны. Шестьдесятъ человѣкъ — батальонъ. Молодежь. Дѣти. Интеллигенція... Я поздравляю васъ, генералъ, вы имѣете настоящую армію...

На другой день Атаманъ съ союзниками посѣтили Провальскій Войсковой конный заводъ. Опять генералъ Пуль былъ пораженъ богатствомъ войска Донского. Еще лѣтомъ Атаманъ скупилъ Харьковскій пунктъ Гальтимора и теперь онъ показывалъ отличныхъ жеребцовъ, кобылъ и молодежь, любовался ими въ прекрасномъ манежѣ, гдѣ шла выводка по строго заведенному конно-заводческому порядку, а самъ въ это время въ полголоса совѣщался съ генераломъ Бобриковымъ, начальникомъ завода, о томъ, куда вывести заводъ, если придется его эвакуировать, потому что уже и заводу угрожала опасность.

30 декабря союзныя миссіи осматривали Владикавказскія мастерскія въ Ростовѣ, гдѣ шелъ ремонтъ паровозовъ, и гдѣ заново строили паровозы. Имъ показывали постройку блиндированныхъ платформъ для броневого поѣзда, санитарный поѣздъ, сдѣланный для Добровольческой Арміи, и поѣздъ-баню, построенный на средства, собранныя въ Ростовѣ супругой градоначальника О. М. Грековой. Союзники были потомъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, гдѣ печатали въ это время денежные знаки, и на заводѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ «Аксай».

2-го января капитанъ Бертелло осматривалъ Новочеркасскую военно-ремесленную школу, гдѣ видѣлъ изготовленіе сѣделъ, ранцевъ, патронташей, шитье сапогъ, мундировъ и бѣлья для Донской Арміи. 3-го января союзники видѣли уже ожившій и пущенный въ ходъ Русско-Балтійскій заводъ въ Таганрогѣ, гдѣ при нихъ выдѣлывали гильзы, отливали пули, вставляли ихъ въ мельхіо-

ровую оболочку, насыпали порохомъ патроны — словомъ, заводъ уже былъ въ полномъ ходу. Потомъ смотрѣли кожевенный заводъ.

Чѣмъ больше видѣлъ Пуль, тѣмъ становился онъ любезнѣе къ Атаману и вмѣстѣ съ тѣмъ озабоченнѣе. Въ промежуткахъ между поѣздками и осмотрами онъ часами совѣщался съ Атаманомъ о томъ, какъ помочь войску. Онъ понялъ, что помощь нужна немедленная.

— Вы могли бы дать для нашихъ солдатъ двѣ тысячи тѣхъ прекрасныхъ шубъ, которыми вы снабжали насъ во время поѣздки на позицію? — спросилъ онъ Атамана.

— Конечно, могъ бы.

— Хорошо. Подготовьте ихъ къ посылкѣ въ Новороссійскъ. Я надѣюсь устроить такъ, что дней черезъ пять у васъ будетъ батальонъ, а черезъ двѣ недѣли бригада. И я увѣренъ, что если ваши люди увидятъ нашихъ людей, они быстро ликвидируютъ этотъ прорывъ. Я теперь же поѣду въ Екатеринодаръ, а оттуда въ Лондонъ. Въ Лондонѣ я скорѣе все это устрою. Это будетъ лучше для васъ, если я буду хлопотать за васъ въ Лондонѣ.

Генералъ Пуль отказался отъ поѣздки на сѣверный фронтъ. Онъ торопился въ Екатеринодаръ и Лондонъ, чтобы активно помогать Донскому войску.

Наканунѣ его отъѣзда къ нему въ его помѣщеніе въ Ростовѣ, въ Паласъ-Отель, явились лидеры партіи, враждебной Атаману. Они долго и подробно перечисляли всѣ вины Атамана, которыя въ общемъ сводились къ тому, что Атаманъ нѣмецкой оріентаціи, что онъ монархистъ и не признаетъ никакихъ партій, а все дѣлаетъ самъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь и не совѣщаясь.

Генералъ Пуль вдругъ покраснѣлъ и гнѣвно застучалъ кулакомъ по столу: — «Оставьте мнѣ, господа, Атамана въ покоѣ», — воскликнулъ онъ. — «Онъ правильно дѣлаетъ свое дѣло . . . И, если вы . . . если вы сковырнете мнѣ Атамана . . . Вамъ придется имѣть дѣло съ Англіей . . . Вся Англія станетъ на его защиту».

Пуль не зналъ въ это время, что политика Англіи уже перемѣнилась.

Пуль уѣхалъ въ Лондонъ, ничего не сдѣлавши. Его приказъ о посылкѣ бригады изъ Батума не былъ исполненъ. Въ Лондонѣ онъ былъ отстраненъ отъ отвѣтственныхъ должностей. Ему дали понять, что Англіи нужны друзья Англіи, но не Россіи. На его мѣсто былъ присланъ сухой и точный бригадный генералъ Бриггсъ — этотъ могъ лучше вести политику и на каждый вопросъ генерала Деникина или кого-либо неизмѣнно отвѣчалъ: «Объ этомъ я снесусь съ Константинополемъ», — «изъ Константинополя еще нѣтъ по этому поводу указаній». Даже такой пустякъ, какъ разрѣшеніе Русскому человѣку въѣхать въ Русскій Батумъ — требовалъ запроса Константинополя, а оттуда Лондона. Дѣла рѣшались недѣлями и мѣсяцами, а Троцкій и Ленинъ въ это время не дремали и спѣшили убѣдить Красную Армію, что союзники Россіи не помогутъ

6 января Атаманъ съ двумя молодыми англійскими офицерами Эдвардсомъ и Олькотъ и французами Бертелло и Эрлишемъ поѣхалъ въ Вешенскую станицу. Былъ сильный морозъ — 14° R при вѣтрѣ, а въ степи и того больше. Несмотря на то, что всѣмъ иностраннымъ офицерамъ были выданы большія бараньи папахи и шубы, они, непривыкшіе къ холоду, сильно мерзли. Пришлось ѣхать съ остановками, отогрѣваясь по хуторамъ. Только въ 4 часа дня, уже въ сумерки, прибыли въ Каргинскую. Здѣсь въ станичномъ правленіи Атаманъ призывалъ собранныхъ тамъ казаковъ къ вѣрности войску и къ

терпѣнію, говорилъ о томъ, что союзники прибыли и союзныя войска скоро помогутъ со всею своею могучею техникой казакамъ. Молча слушали казаки. Когда Атаманъ говорилъ о насиліяхъ большевиковъ, сзади изъ толпы кто-то крикнулъ: — «неправда!» —

Это было первый разъ на Дону, что прервали рѣчь Атамана.

Потомъ говорилъ Эрлишъ. Слишкомъ хорошо по-русски сказанная имъ рѣчь возбудила подозрѣніе, что онъ не французъ, а ряженый русскій офицеръ, или еврей, нанятый Атаманомъ.

Ночь провели въ Каргинской. Каргинскіе казаки не спали. Они караулили у дома, гдѣ былъ Атаманъ и союзники, и несли патрули по станицѣ. Опасались нападенія Вешенскихъ казаковъ, да и въ самой станицѣ уже начинался расколъ. Съ кѣмъ идти — съ Атаманомъ ли, или съ большевиками?

Трусливое большинство рѣшало идти съ тѣмъ, кто будетъ сильнѣе.

8-го января союзники уѣхали. Капитанъ Фукэ и капитанъ Бертелло обѣщали настоять на томъ, чтобы французскія войска немедленно были двинуты вдоль западной границы Донского войска и заняли бы Харьковъ.

— Если бы это было такъ, — сказалъ Атаманъ, — я могъ бы всю молодую армію бросить въ Верхне-Донской и Хоперскій округа и снова быть въ Воронежской губерніи.

Смутно было на душѣ у Атамана. Онъ понималъ, какой разладъ внесли союзники въ настроеніе войскъ и фронта, и зналъ, что если теперь они не придутъ, какъ не пришли послѣ ноябрьскаго посѣщенія — казаки не устоятъ.

Глава XX

Переписка Атамана съ генераломъ Деникинымъ о помощи войску Донскому. — Интриги нѣкоторыхъ членовъ Круга противъ Атамана. — Атаманъ готовъ сложить свои полномочія. — Бесѣда Атамана съ Городыскимъ, Харламовымъ и членами Круга. — Отказъ генерала Деникина поддержать Атамана.

Послѣ отданія приказа о вступленіи генерала Деникина въ командованіе всѣми вооруженными силами юга Россіи, Донской фронтъ подчинялся ему, и потому та катастрофа, которая произошла въ Верхне-Донскомъ округѣ, не могла не интересовать Главнокомандующаго. Помимо обычныхъ, по прямому проводу ежедневно передаваемыхъ точныхъ свѣдѣній о всемъ, что происходитъ на фронтѣ, Донской Атаманъ писалъ объ этомъ неоднократно Главнокомандующему. Донской Атаманъ не боялся побѣдъ Красной Арміи, но онъ боялся разложенія Донской Арміи. Его не то смущало, что части Хоперскаго и Усть-Медвѣдицкаго округовъ отступаютъ вглубь войска и уже находятся недалеко отъ желѣзнодорожной линіи Лихая—Царицынъ, и группа генерала Мамонтова можетъ быть отрѣзана отъ своей базы Новочеркасска, а его смущало то, что эти части отступали безъ боя, что многія части сдавались краснымъ, что бросали обозы, орудія и патроны, все то, что было создано такими трудами.

10-го января Атаманъ издалъ приказъ по войску, гдѣ, разсѣивая всѣ толки о томъ, что онъ нѣмецкій ставленникъ, что союзники идутъ не съ нимъ и Добровольческой Арміей, но съ большевиками, что съ Атаманомъ на фронтѣ ѣздили не англійскіе и французскіе офицеры, но ряженые казачьи офицеры, что теперь Атаманъ якобы продаетъ донскихъ казаковъ русскимъ генераламъ

и пр., призывалъ казаковъ къ дальнѣйшему исполненію ими долга, указывая на то, что съ прибытіемъ союзниковъ недалекъ день общей побѣды надъ большевиками и торжества правды надъ насиліемъ. Приказъ этотъ былъ посланъ во всѣ казачьи части. Екатеринодарскія газеты, продолжая травлю Атамана, перепечатали этотъ приказъ съ недостойными комментаріями, искажая смыслъ приказа и въ эту грозную минуту развала натравливая казаковъ противъ Атамана...

8-го января Атаманъ писалъ генералу Деникину:

«Событія идутъ скорѣе, нежели я ожидалъ. На Украинѣ, въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ разложеніе полное. Большевики послали туда пока четыре свои полка, около которыхъ спѣшно формируютъ цѣлую армію. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ они предполагаютъ двинуть 90 тысячъ войска при сильной артиллеріи на Луганскъ, Дебальцево, Юзовку, чтобы выйти въ Таганрогскій округъ, гдѣ они разсчитываютъ найти благодарную почву для поднятія всего населенія округа противъ казаковъ, а также перехватить у станціи Звѣрево и Лихой Юго-восточную желѣзную дорогу и отрѣзать центръ войска отъ Сѣвернаго и Царицынскаго фронтовъ.

«Я принялъ слѣдующія мѣры:

«2-ю Донскую казачью дивизію при 8 конныхъ орудіяхъ и одномъ броневомъ поѣздѣ я сосредоточиваю въ районѣ Луганска для упорной обороны этого направленія. Я мобилизую старыхъ казаковъ Гундоровской, Митякинской и Луганской станицъ и въ каждый изъ этихъ станицъ ставлю по 200 такихъ казаковъ при двухъ пулеметахъ — это составитъ на всемъ Луганскомъ фронтѣ около 4000 человѣкъ при 8 орудіяхъ. Руководство этимъ райономъ я вьѣряю генералъ-маіору Коновалову, опытному и рѣшительному офицеру генеральнаго штаба.

1-й Пластунскій полкъ изъ Александро-Грушевска, Новочеркасска и Каменской, 4-й Донской полкъ изъ Новочеркасска и 1-ю и 2-ю казачьи батареи изъ Ростова и Александро-Грушевскаго, а всего около 3000 человѣкъ при 8 орудіяхъ сосредоточиваю въ районѣ Каменской.

«Я очень просилъ бы Васъ разрѣшить Воронежскій корпусъ кн. Вад. больскаго въ составѣ около 3000 штыковъ теперь же передать въ Добровольческую Армію съ тѣмъ, чтобы усилить имъ дивизію Май-Маевскаго. Отправленіе этого корпуса въ Екатеринодаръ или въ Воронежскую губернію нежелательно по политическимъ соображеніямъ. Направленіе въ Екатеринодаръ возбудитъ Донскихъ казаковъ, которые скажутъ, что корпусъ, который содержался на Донскія деньги, не помогаетъ именно Дону, направленіе на Воронежъ нежелательно потому, что половина самой Воронежской губерніи мобилизована большевиками и потому Воронежскій корпусъ очень плохо дерется противъ своихъ и сильно дезертируетъ. Какъ только Саратовскій корпусъ выйдетъ изъ боя, я бы и его передалъ въ составъ Азовской группы Добровольческой Арміи.

«Ваше Превосходительство, сами знаете, что тѣхъ силъ, которыя я собираю въ Луганскомъ направленіи слишкомъ мало, чтобы сбросить большевиковъ, идущихъ отъ Харькова, вотъ почему я очень просилъ бы помочь именно въ этомъ направленіи. Занятіе добровольцами Бахмута, Славяносербска и Старобѣльска освободило бы насъ въ этомъ районѣ и дало бы возможность спасти положеніе на Сѣверѣ.

На Сѣверѣ насъ побѣждаетъ не сила оружія противника, но сила его злостной пропаганды, причемъ въ этой послѣдней принимали участіе и агенты

генерала Семилѣтова (разложеніе Вешенской, Казанской и Мигулинской станицъ). Вотъ почему меня очень удивило, что одинъ изъ дѣятельныхъ работниковъ по организаціи пропаганды противъ меня Н. Е. Парамоновъ назначается Вами управляющимъ отдѣломъ Россійской пропаганды. Свои соображенія по этому поводу я высказалъ въ письмѣ А. М. Драгомирову, въ копіи при семъ прилагаемомъ.

«На Царицынскомъ фронтѣ я надѣюсь обойтись своими силами, но присылка свѣжихъ иностранныхъ, а еще лучше доблестныхъ Добровольческихъ частей на западный и сѣверный фронты должна быть сдѣлана съ чрезвычайною поспѣшностью.

«Свои соображенія по этому поводу я сегодня изложилъ въ телеграммѣ, посланной начальникомъ Войскового Штаба генералу Романовскому и Вамъ вѣроятно уже доложенной, но долгомъ службы почитаю доложить Вамъ, что наше положеніе можетъ стать критическимъ именно на фронтѣ Старобѣльскъ—Лугапскъ—Юзовка—Маріуполь и сюда необходима спѣшная посылка свѣжихъ частей.

«Позволю еще выяснить Вашему Превосходительству печальное недоразумѣніе, происходящее на станціи Караванной. Генералъ Май-Маевскій запретилъ вывозить съ порохового завода, находящагося на ст. Караванной, что бы то ни было и куда бы то ни было. Между тѣмъ въ снаряжательной мастерской этого завода добывается тринитроуолъ и аммоналъ для снаряженія трехдюймовыхъ снарядовъ на Таганрогскомъ заводѣ, работающемъ на Донскую, Добровольческую и Кубанскую Арміи. Этимъ запрещеніемъ создается задержка въ снаряженіи уже готовыхъ снарядовъ, что отражается на фронтѣ. Очень просилъ бы Ваше Превосходительство поставить въ извѣстность генерала Май-Маевскаго, что Донская Армія входитъ въ составъ Армій, борющихся противъ большевиковъ и Вамъ подчиненныхъ, а потому препятствовать вывозу аммонала и тринитроуола на Донъ для снаряженія снарядовъ для нея было бы идти противъ самихъ себя. Примите и пр.». *

Генералу Драгомирову относительно устройства отдѣла пропаганды и назначенія начальникомъ его Н. Е. Парамонова Атаманъ между прочимъ писалъ: — «Всѣмъ извѣстно, что дѣятельности и капиталамъ Н. Е. Парамонова обязано Русское общество и Русская Армія своимъ разложеніемъ въ 1905 и 1917 годахъ. Это его книгоиздательство «Донская рѣчь» выпустило тѣ милліоны соціальныхъ брошюрокъ, которыя влились въ Русскій народъ и привили ему ядъ бунта и большевизма. Соціалъ-демократъ по убѣжденіямъ, капиталистъ, а послѣднее время и крупный спекулянтъ Н. Е. Парамоновъ всѣ восемь мѣсяцевъ моего управленія войскомъ Донскимъ шелъ противъ меня. Это на его деньги велась сильная агитація на Большомъ Войсковомъ Кругу противъ меня. Это на его деньги содержится и формируется генераломъ Семилѣтовымъ отрядъ для политическаго, а не боевого назначенія, это на его деньги ведется и сейчасъ пропаганда противъ меня въ войскахъ Донского фронта. Не характерно ли то, что на этихъ дняхъ взбунтовались четыре полка, всѣ имѣющіе своими депутатами на Кругу или самого Н. Е. Парамонова, или его ставленниковъ? Если командованіе Добровольческой Арміи желаетъ непремѣнно устранить меня съ моего тяжелаго поста, не проще ли и не честнѣе ли прямо мнѣ сказать, чтобы я ушелъ, нежели валить меня путемъ пропаганды, потому

* Письмо Донского Атамана 8 января 1919 года, № 092.

что этимъ путемъ Вы и меня свалите, но и Донъ не устоитъ. Выгодно ли это для Россіи, да и для Добровольческой Арміи? Я не тянусь къ власти. Болѣе того она меня тяготитъ, я ее ненавижу. Когда соберется Кругъ, я поставлю вопросъ ребромъ о моемъ увольненіи и сошлюсь и на желаніе такого удаленія меня и Добровольческой Арміи, для которой я слишкомъ непослушный сынъ»...

...«Меня удивляетъ назначеніе Н. Е. Парамонова послѣ того, какъ 26-го декабря на совѣщаніи нашемъ на ст. Торговой Вы и генералъ Деникинъ возмутились, когда я сказалъ, что Н. Е. Парамоновъ предполагается на постъ управляющаго отдѣломъ пропаганды. Но, конечно, это Ваше дѣло, и я не имѣю права вмѣшиваться въ него, хотя оставляю за собою право свободы дѣйствій и право отказаться на Кругу отъ поста Атамана, такъ какъ вести одновременно жестокую войну и вмѣстѣ съ тѣмъ бороться противъ могущественной пропаганды, направленной противъ меня Русскимъ правительствомъ, я не могу»...*

Отвѣтомъ на эти письма было нѣкоторое усиленіе дѣятельности дивизіи генерала Май-Маевскаго, которая подошла къ Бахмуту, отправленіе Воронежскаго корпуса на ст. Синельниково и послѣдовавшее черезъ пять дней послѣ этого назначеніе Н. Е. Прарамонова управляющимъ отдѣломъ пропаганды. Всѣ эти пять дней генералъ Деникинъ почти ежедневно совѣщался съ предсѣдателемъ Войскового Круга В. А. Харламовымъ и нѣкоторыми членами войскового Круга изъ оппозиціи Атаману. Атаманъ понялъ, что послѣ этого поступка ему нельзя оставаться на своемъ посту — помогать войску, пока онъ Атаманъ — генералъ Деникинъ не будетъ. Но Атаманъ надѣялся, что Деникинъ пойметъ, что обстановка складывается слишкомъ грозно, что неприбытіе своевременно помощи можетъ отдать все войско въ руки врага и завоевывать его снова придется большою кровью. Но Деникинъ этого не боялся. Это входило въ его планы. Въ его стремленіи создать «единую недѣлимую Россію» ему стояли поперекъ дороги автономіи Украины, Дона и Кубани. Кубань была освобождена отъ большевиковъ при помощи Добровольческой Арміи и подъ личнымъ начальствомъ генерала Деникина и потому должна была быть покорна ему, но Донъ освободился самъ, и Украину освободили нѣмцы и потому въ планы генерала Деникина входило, показать Донцамъ, что безъ него и Добровольческой Арміи они погибнутъ, сбить спѣсь съ молодой Донской Арміи и гордаго своими побѣдами маленькаго Донского Наполеона генерала Денисова. Атаману говорили объ этомъ, но онъ отказывался вѣрить этому, слишкомъ чудовищнымъ ему казалось играть кровью людской въ столь ужасные дни. Онъ думалъ, что, можетъ быть, онъ пишетъ недостаточно ясно и Деникинъ не понимаетъ всей страшной угрозы для всего Русскаго дѣла отъ разложенія Донского фронта.

11-го января Атаманъ писалъ генералу Деникину: — «...Съ одной стороны вслѣдствіе крайняго утомленія отъ непрерывныхъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ боевъ, безъ всякой смѣны и отдыха, потому что смѣнить было некѣмъ, а отдыха не давали непрерывно напиравшія совѣтскія войска, съ другой стороны вслѣдствіе пропаганды, идущей, какъ съ сѣвера отъ враговъ внѣшнихъ, такъ и съ юга отъ враговъ внутреннихъ, сѣверный фронтъ мой разлагается и колеблется. Изъ тѣхъ телеграммъ, которыя доложитъ Вамъ начальникъ войскового

* Письмо Атамана генералу Драгомирову отъ 8 января 1919 года, № 093. Совершенно секретно. Отвѣтъ на № 22/12.

штаба генералъ-маiоръ Поляковъ, выѣзжающiй завтра въ Екатеринодаръ, Ваше Превосходительство увидите, въ какомъ крайне тяжеломъ положенiи находится сейчасъ Донской фронтъ. Казанская, Мигулинская и Вешенская станицы измѣнили и передались совѣтскимъ властямъ. Въ Вешенской уже сидитъ комиссаръ и учрежденъ совѣтъ. Это на широкомъ фронтѣ въ сто верстъ образовало прорывъ и угрожаетъ лѣвому флангу полковника Савватѣева, работающаго у Урюпинской станицы и правому флангу генерала Фицхелаурова у Таловъ и Богучара. Это совершенно разрушило управленiе Сѣвернымъ фронтомъ, штабъ котораго находил я въ самой Вешенской станицѣ! . . .»

. . .«Какъ моральная поддержка необходима немедленная, теперь же, въ теченiе трехъ, пяти дней присылка въ Верхне-Донской и Хоперскiй округа хотя бы двухъ батальоновъ иностранцевъ» . . .

. . .«Къ Вашему Превосходительству безъ моего вѣдома ѣздятъ члены Законодательной Комиссiи Войскового Круга и предсѣдатель Круга В. А. Харламовъ. Они не освѣдомлены въ дѣлахъ, они игнорируютъ Войсковое Правительство и вносятъ своими безотвѣтственными докладами, часто паническими и не отвѣчающими дѣйствительному положенiю вещей только нежелательную путаницу. Ѣздятъ они въ Екатеринодаръ, безъ доклада мнѣ, и я очень прошу Ваше Превосходительство, если вы ихъ принимаете, выслушивать ихъ и вѣрить столько же, сколько любому человѣку, прiѣхавшему съ Дона, такъ какъ ихъ точка зрѣнiя — точка зрѣнiя простого обывателя, а не полномочныхъ свѣдущихъ и отвѣтственныхъ лицъ, за какихъ они себя выдаютъ» . . . *

Это письмо и обстоятельный докладъ начальника Донского Штаба заставили генерала Деникина направить еще два полка на подкрѣпленiе генералу Май-Маевскому и нѣсколько безпокоить союзныя миссiи просьбою начать продвиженiе французскаго дессанта вглубь Украины. Что касается членовъ Круга и В. А. Харламова, то ихъ положенiе было весьма тяжелымъ. Какъ Донскiе казаки, они боялись за безопасность Дона, и имъ нужна была скорѣйшая помощь ему, тѣмъ болѣе, что у многихъ ихъ родныя станицы были уже подъ угрозою Красной Армiи, но какъ враги Атамана, поставившiе своею цѣлью непремѣнно свалить его на первомъ же засѣданiи Круга, они понимали, что если будетъ оказана дѣйствительная помощь и ко времени созыва Круга, то-есть къ 1-му февраля, при помощи добровольцевъ, или особенно иностранцевъ — положенiе будетъ возстановлено и Донцы перейдутъ въ наступленiе — положенiе Атамана настолько окрѣпнетъ, что ему отставки не дадутъ, даже если онъ ее и попроситъ. Атаманъ всѣ эти дни ѣздилъ по войску. 6-го января онъ былъ въ Каргинской станицѣ, 15-го въ Старочеркасской, 18-го въ Константиновской. 22-го въ Каменской. Всюду онъ, ссылаясь на генерала Пуля, говорилъ о томъ, что скоро будетъ подмога. Онъ говорилъ и о тѣхъ письмахъ и просьбахъ, которыя онъ посылалъ генералу Деникину, говорилъ о томъ, что онъ не сомнѣвается, что Добровольческая Армiя ему поможетъ. Казаки относились съ прежнимъ довѣрiемъ къ Атаману, а въ Старочеркасской, Константиновской и Каменской станицахъ встрѣчали и провожали его съ искреннимъ восторгомъ. И тогда враги Атамана рѣшили ускорить созывъ Круга и на немъ поставить ребромъ вопросъ о томъ, что Атаману надо уйти, потому что пока онъ остается у власти, помощи Дону никто не окажетъ — ни союзники, потому что они считаютъ его нѣмецкимъ ставленникомъ, ни Доброволь-

* Весьма секретное, спѣшное письмо генералу Деникину отъ 11-го января, № 094.

ческая Армія, потому что генералъ Деникинъ «не любитъ Атамана». Имъ удалось частнымъ образомъ собрать большую часть членовъ Круга, главнымъ образомъ интеллигенціи, то-есть оппозиціи, въ Новочеркасскъ, и 17-го января вечеромъ председатель Войскового Круга В. А. Харламовъ съ членами Солдатовымъ, Бондыревымъ и Дувакинымъ явились къ Атаману съ настойчивою просьбою въ виду грозныхъ событій на фронтѣ немедленно собрать Кругъ и объявить открытыми его засѣданія. Атаманъ отказалъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что такой экстренный созывъ Круга излишне взволнуетъ фронтъ и безъ того уже достаточно потрясенный, что всякій разъ, когда бываетъ сессія Круга, фронтъ болѣзненно относится ко всему, что тамъ происходитъ и что вообще Атаманъ предпочелъ бы впредь до улучшенія обстановки на фронтѣ Круга не созывать, но разъ уже сессія его объявлена на 1-е февраля, пусть и будетъ 1-го февраля.

Изъ разговоровъ съ прибывающими членами Круга предсѣдатель Круга могъ выяснить, что о смѣнѣ Атамана и новыхъ выборахъ не можетъ быть и рѣчи. Неудачи на фронтѣ приписывали не Атаману, а общему утомленію казаковъ и неумѣлому командованію генерала Денисова, котораго многіе офицеры не любили за его рѣзкій правдивый характеръ и крутой нравъ. Смѣны его многіе желали, но не смѣны Атамана.

Тогда было рѣшено, усилить пропаганду противъ Атамана и привлечь для этого не только Парамоновскія деньги, но и деньги Ростовскихъ евреевъ. Были пущены слухи, что въ Ростовѣ и Екатеринодарѣ ожидаются жестокіе еврейскіе погромы и что Атаманъ этому сочувствуетъ.

Въ двадцатыхъ числахъ января къ Атаману явился предсѣдатель еврейской общины въ Ростовѣ, присяжный повѣренный Городысскій, и попросилъ разрѣшенія задать два совершенно прямыхъ и откровенныхъ вопроса.

— Задавайте. И я вамъ такъ же прямо и откровенно отвѣчу, потому что у меня тайнъ нѣтъ, — отвѣчалъ Атаманъ.

— Носятся слухи — словъ нѣтъ, темные слухи, о томъ, что въ Ростовѣ и Екатеринодарѣ ожидаются еврейскіе погромы, — сказалъ Городысскій.

— Эти слухи пущены моими врагами, — сказалъ Атаманъ, — и никакой почвы подъ собой не имѣютъ. Вы знаете, что я никакого ни надъ кѣмъ насилія ни справа, ни слѣва не допущу. Въ Ростовѣ у меня для этого есть хорошая полиція и достаточный и вполнѣ надежный гарнизонъ, что касается Екатеринодара, то этотъ городъ находится внѣ моего вѣдѣнія и о немъ я ничего не могу сказать.

— Очень вамъ благодаренъ за ваше утѣшительное слова, — сказалъ Городысскій, — я и не сомнѣвался, что вы мнѣ такъ отвѣтите. Теперь, скажите мнѣ — могутъ ли разсчитывать Ростовскіе евреи, ну хотя бы и не сейчасъ, но впослѣдствіи быть допущены на Кругъ, хотя бы въ видѣ депутаціи и имѣть возможность передъ Кругомъ отстаивать свои права.

— Пока я Донскимъ Атаманомъ, — отвѣчалъ Атаманъ, — никто, кромѣ Донскихъ казаковъ не будетъ допущенъ къ рѣшенію судебъ Дона.

Городысскій поклонился и вышелъ.

26-го января къ Атаману опять заходилъ предсѣдатель Круга В. А. Харламовъ и члены Круга Бондаревъ и одинъ сотникъ и почти требовали, чтобы Атаманъ явился на собранное ими совѣщаніе изъ членовъ Законодательной Комиссіи и съѣхавшихся уже членовъ Круга и далъ свои объясненія о томъ, что происходитъ на фронтахъ.

Атаманъ отказался ѣхать, заявивши, что объясненія свои онъ дастъ на первомъ же засѣданіи Круга, до котораго осталось всего пять дней.

— Члены Круга, — сказалъ В. А. Харламовъ, — требуютъ немедленной оставки командующаго арміей генерала Денисова и его начальника штаба генерала Полякова, которымъ они не вѣрятъ.

— Право назначенія и смѣщенія лицъ командпаго состава арміи на основаніи Донской конституціи принадлежитъ мнѣ, какъ Верховному Вождю Донской Арміи и Флота, — отвѣчалъ Атаманъ. — Генерала Денисова и генерала Полякова я считаю вполнѣ на мѣстахъ. Это честные и талантливые люди, безупречной нравственности и отлично знающіе свое дѣло. Смѣщать ихъ въ дни развала и неудачъ на фронтѣ я считаю опаснымъ. Они и такъ дѣлаютъ невозможное.

— Ну, а е ли Кругъ потребуетъ ихъ увольненія? — спросилъ Харламовъ.

— Кругъ нарушитъ законы, и я тогда не могу оставаться Атаманомъ, я потребую увольненія съ поста Атамана.

Отвѣтъ вполнѣ удовлетворилъ Харламова, и онъ пошелъ объявить объ этомъ членамъ Круга.

20-го января Атаманъ въ еще болѣе рѣшительной формѣ написалъ генералу Деникину о военномъ и политическомъ положеніи Донского войска и просилъ у него уже не только помощи, но и совѣта: —

. . . «Подъ вліяніемъ злостной пропаганды», — писалъ Атаманъ, — «пущенной большевиками съ сѣвера и подкрѣпленной громадными суммами Романовскихъ денегъ (достаточно сказать, что въ одной Вешенской станицѣ въ одинъ день на угощеніе казаковъ, признавшихъ Совѣтскую власть, было отпущено пятнадцать тысячъ рублей), при помощи пропаганды съ юга, такъ какъ статьи газетъ «Кубанецъ», «Великая Россія» и другихъ используются большевиками, какъ средство агитаціи противъ меня, при помощи наѣзжихъ гастролеровъ съ юга, сѣверный фронтъ Донской Арміи быстро разваливается. Части генералъ-маіора Савватѣева отходятъ къ рѣкамъ Дону, Арчадѣ и Медвѣдицѣ безъ всякаго сопротивленія. Командный составъ снова терроризованъ арестами, срываніемъ погонъ и насиліями. Утомленіе десятимѣсячной борьбой при полномъ одиночествѣ на сѣверномъ фронтѣ, жестокіе морозы, стоявшіе этотъ мѣсяцъ (21° — 27° R), вьюги, глубокіе снѣга, отсутствіе обуви и теплой одежды довершили дѣло разложенія казачьей массы. Ядъ недовѣрія сталъ слишкомъ силенъ, и люди въ лучшемъ случаѣ расходятся съ оружіемъ въ рукахъ по домамъ, въ худшемъ передаются «товарищу Миронову», который сулитъ имъ золотыя горы и рай совѣтской власти. Если этотъ пожаръ перекинется за Донъ, гдѣ въ Донецкомъ, 2-мъ Донскомъ, 1-мъ Донскомъ и особенно Таганрогскомъ Округахъ слишкомъ много горючаго матеріала среди крестьянской массы, то къ марту мѣсяцу мы вернемся къ тому, что имѣли годъ тому назадъ, и кровавая годичная борьба сведется на нѣтъ.

«На быструю помощь союзниковъ разсчитывать нельзя. Они своими неисполненными обѣщаніями сыграли не малую роль въ разложеніи фронта. Генералъ Пуль 5-го января обѣщалъ мнѣ, что не позже, какъ черезъ 10—12 дней онъ пришлетъ мнѣ два батальона на сѣверный фронтъ и просилъ приготовить 2000 валенокъ и шубъ, но прошло уже шестнадцать дней, а о нихъ не слышно, и сколько можно догадываться, въ союзномъ командованіи идутъ большія тренія по поводу присылки войскъ. Капитанъ Фукэ опредѣленно работаетъ на разложеніе Донской Арміи, громогласно всюду провозглашая, что

войску Донскому никакой помощи оказано не будетъ, потому что Атаманъ Красновъ нѣмецкій ставленникъ, не призналъ единаго командованія и пр. и пр., на чемъ играютъ большевики.

«А между тѣмъ, благодаря блестящимъ побѣдамъ доблестной Добровольческой Арміи, является полная возможность спасти Россію и безъ всякой иностранной помощи. Мы еще не потеряли нашего оружія и самаго малаго толчка достаточно теперь, чтобы оздоровить казаковъ и вернуть ихъ къ исполненію ими долга.

«Теперь это возможно, черезъ недѣлю это, можетъ быть, будетъ поздно.

«Изъ посланной Вашему Превосходительству вчера директивы Донской Арміи, Вы усмотрите нашъ планъ. Если бы можно было при помощи Добровольческой Арміи быстро занять линію Луганскъ—Старобѣльскъ—Валуйки, а присылкою одной или двухъ Кубанскихъ дивизій подъ Царицынъ помочь изнемогающимъ Донскимъ частямъ овладѣть Царицынымъ и по овладѣніи имъ, если бы Кубанцы могли отчасти занять гарнизонъ Царицына, отчасти (одной или полутора дивизіями) продвинуться на Камышинъ и занять Камышинъ, я бы могъ за счетъ освободившихся частей генерала Фицхелаурова (у Чертково) и генерала Мамонтова (у Царицына) взять банды Миронова и Сытина съ обоихъ фланговъ, очистить Хоперскій округъ и снова занять ст. Лиски и Поворино. Эту операцію можно было бы закончить въ теченіе февраля. Распутицу марта мѣсяца провести, работая по желѣзнымъ дорогамъ по линіи Ростовъ—Лиски—Поворино—Камышинъ и Поворино—Царицынъ, а къ апрѣлю перегруппироваться и при поддержкѣ вновь созданныхъ частей изъ мобилизованныхъ солдатъ и, можетъ быть, при помощи иностранцевъ, въ послѣднюю я не особенно вѣрю, двинуться — Добровольческой Азовско-Днѣпровской Арміи на Харьковъ—Курскъ—Москву, Донской на Воронежъ—Москву и Сѣверо-Кавказской и Кубанской вверхъ по Волгѣ.

«Ваше Превосходительство, мы на переломѣ, и если теперь не помочь Дону — я боюсь, что его такъ расшатаютъ мои враги, что весною вмѣсто этого придется завоевывать Донъ отъ Миронова иностранной силой . . .

. . . «Я очень просилъ бы Ваше Превосходительство, съ полной откровенностью отвѣтить мнѣ на слѣдующій вопросъ:

«Не считаете ли Вы своевременнымъ, чтобы въ Февральскую сессію Круга я настойчиво просилъ бы Кругъ освободить меня отъ должности Атамана. Я вижу, что имя мое слишкомъ непріятно для Екатеринодара и представителя Франціи, капитана Фукэ. Можетъ быть, оставаясь на своемъ посту, я приношу болѣе вреда, нежели пользы для войска, и настало время уйти. Я не хотѣлъ этого мѣста, не жаждалъ власти, я ее ненавижу, и травля, поднятая противъ меня въ Екатеринодарѣ, слишкомъ утомляетъ меня и не даетъ возможности спокойно работать. Къ сожалѣнію, кромѣ генерала Денисова я не имѣю замѣстителя, такъ какъ всѣ остальные по своей слабохарактерности врядъ ли справятся съ тою бурною обстановкою, которая сложилась теперь. 1-го февраля съѣзжается Кругъ и, если я не получу отъ Васъ моральной поддержки и требованія остаться на своемъ посту, я буду настаивать объ освобожденіи меня отъ несенія обязанностей Донского Атамана». *

На это письмо генералъ Деникинъ не замедлилъ отвѣтить, что онъ самъ замѣчаетъ, что газетная травля Атамана переходитъ границы приличія и что

* Весьма секретное, въ собственныя руки, письмо **Атамана генералу Деникину отъ 20-го января 1919 г., № 0103.**

имъ закрыта издававшаяся С. П. Черевковымъ газета, что же касается до того, оставаться Атаману на своемъ посту, или нѣтъ, то генералъ Деникинъ считаетъ, что это личное дѣло Атамана съ Кругомъ, и вмѣшиваться въ него онъ не будетъ.

Одновременно съ этимъ генералъ Деникинъ началъ сношенія съ предсѣдателемъ совѣта управляющихъ отдѣлами на Дону, генералъ-лейтенантомъ Богаевскимъ, считая его вполнѣ пріемлемымъ замѣстителемъ Атамана.

Для помощи Дону были собраны двѣ дивизіи Кубанскихъ казаковъ, но съ посылкою ихъ на сѣверъ генералъ Деникинъ медлилъ. Они были посажены въ вагоны и эшелонированы по линіи Тихорѣцкая—Ростовъ.

Деникинъ выжидалъ Круга и того, что на немъ будетъ.

Атаманъ понялъ, что онъ дольше оставаться на своемъ посту не можетъ, хотя бы этого и хотѣлъ Кругъ и требовали долгъ и присяга его передъ Войскомъ...

Глава XXI

«Условія» французскаго представителя капитана Фукэ. — Письмо Атамана генералу Франшэ д'Эсперрэ. — Отношеніе генерала Деникина къ вымогательству французовъ.

Въ эти тяжелые дни, когда катастрофа надвигалась на войско Донское, и Атаманъ тщетно молилъ о помощи, именно 27-го января, къ нему прибылъ съ чрезвычайными полномочіями начальникъ французской миссіи капитанъ Фукэ и съ нимъ англійскій капитанъ Келзетъ. Капитанъ Фукэ наканунѣ потребовалъ, чтобы за нимъ былъ высланъ спеціальный поѣздъ. Онъ ѣхалъ облагодѣтельствовать Донское войско и считалъ, что онъ имѣетъ право на особый почетъ. Капитанъ Келзетъ ѣхалъ съ цѣлью осмотрѣть платформы для перевозки танковъ и дать указанія, какія надо построить подпорки для ихъ погрузки. По его словамъ танки уже выѣхали изъ Англіи и должны были дней черезъ пять быть на Дону.

Капитанъ Фукэ просидѣлъ цѣлый вечеръ у Атамана, интересуясь положеніемъ на фронтахъ. Онъ подробно разспрашивалъ Атамана о томъ, какая ему нужна помощь отъ иностранцевъ.

— Вы понимаете, — говорилъ онъ, — что наши солдаты не могутъ ни жить, ни воевать въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находятся ваши. Они требуютъ хорошихъ теплыхъ казармъ, жизни въ городѣ и вполнѣ обезпеченной коммуникаціонной линіи, чтобы они имѣли желѣзнодорожную связь съ своимъ тыломъ, со своими госпиталями и базой снабженія. Укажите такіе пункты, куда мы могли бы поставить свои войска и гдѣ они оказали бы помощь казакамъ.

— Если бы вы заняли Луганскъ и обезпечили угольный районъ своими гарнизонами, вы имѣли бы для своихъ войскъ и культурныя условія и помогли бы Добровольцамъ идти дальше къ сѣверу, а я могъ бы бросить весь отрядъ генерала Коновалова на сѣверъ въ Хоперскій округъ, — отвѣчалъ Атаманъ.

— Отлично. Завтра же туда будетъ послана бригада пѣхоты черезъ Маріуполь, — сказалъ Фукэ.

Онъ просилъ провести его на прямой проводъ съ Екатеринодаромъ и въ присутствіи Атамана, командующаго арміей и начальника штаба передалъ донскимъ шифромъ зашифрованную телеграмму о томъ, что онъ требуетъ немедленной отправки бригады пѣхоты въ Луганскъ.

— Ну вотъ видите, — говорилъ онъ Атаману, нагло покровительственнымъ тономъ, — mon ami, теперь все будетъ отлично. Вѣрьте мнѣ, что только Франція является Вашимъ искреннимъ союзникомъ. Я попрошу Васъ составить письмо съ изложеніемъ положенія на Дону генералу Франшэ д'Эсперрэ, гдѣ, главное, удостовѣрьте его въ томъ, что Вами признано единое командованіе генерала Деникина. Это вопросъ, который очень безпокоитъ генерала. Все будетъ хорошо, о! я чувствую, что все будетъ отлично... Не зайдете ли Вы завтра ко мнѣ въ 10 часовъ утра, чтобы окончательно закрѣпить наше дѣло, и я сообщу Вамъ уже свѣдѣнія о движеніи нашей бригады въ Луганскъ.

Капитанъ Фукэ обѣдалъ и провелъ вечеръ у Атамана, былъ очень милъ и развязенъ и уходя подтвердилъ, что то свиданіе, котораго онъ ожидаетъ на завтра, будетъ свиданіемъ чрезвычайной важности.

28-го января въ 10 часовъ утра Атаманъ зашелъ къ капитану Фукэ, помѣщавшемуся въ номерѣ Центральной гостинницы. Онъ засталъ у него французскаго консула въ Ростовѣ г-на Гильомэ. Фукэ просилъ остаться втроемъ безъ постороннихъ свидѣтелей. Онъ былъ взволнованъ. Онъ досталъ нѣсколько листовъ, напечатанныхъ на машинкѣ и видимо спѣшно этою же ночью, или рано утромъ изготовленныхъ, и подавая ихъ Атаману, сказалъ:

— Здѣсь условіе въ четырехъ экземплярахъ. Два для меня, потому что, вы понимаете, что я долженъ обо всемъ, обо всемъ доносить моему генералу, одно оставитъ у себя консулъ и одно для васъ. Видите ли вы, я настаиваю на томъ, чтобы я періодически получалъ изъ Вашего штаба всѣ карты и сводки, которыя вы отправляете генералу Деникину, и тоже въ двухъ экземплярахъ — для меня и для генерала Франшэ д'Эсперрэ. Вы мнѣ передадите обѣщанное письмо для генерала Франшэ д'Эсперрэ съ изложеніемъ положенія дѣлъ на Дону и съ указаніемъ того, что для Васъ необходимо нужно, а затѣмъ я попрошу Васъ подписать эти условія.

И капитанъ Фукэ передалъ Атаману свои листки. Въ нихъ значилось: — «Мы, представитель французскаго главнаго командованія на Черномъ морѣ, капитанъ Фукэ съ одной стороны и Донской Атаманъ, предсѣдатель совѣта министровъ Донского войска, представители Донского правительства и Круга съ другой, симъ удостовѣряемъ, что съ сего числа и впредь:

1. «Мы вполнѣ признаемъ полное и единое командованіе надъ собою генерала Деникина и его совѣта министровъ.

2. «Какъ высшую надъ собою власть въ военномъ, политическомъ, административномъ и внутреннемъ отношеніи признаемъ власть французскаго главнокомандующаго генерала Франшэ д'Эсперрэ.

3. «Согласно съ переговорами 9 февраля (28 января) съ капитаномъ Фукэ всѣ эти вопросы выяснены съ нимъ вмѣстѣ и что съ сего времени всѣ распоряженія, отдаваемыя войску, будутъ дѣлаться съ вѣдома капитана Фукэ.

4. «Мы обязываемся всѣмъ достояніемъ войска Донского заплатить всѣ убытки французскихъ гражданъ, проживающихъ въ угольномъ районѣ «Донецъ» и гдѣ бы они ни находились и происшедшихъ вслѣдствіе отсутствія порядка въ странѣ, въ чемъ бы они не выражались, въ порчѣ машинъ и приспособленій, въ отсутствіи рабочей силы, мы обязаны возмѣстить потерявшимъ трудо-

способность, а также семьямъ убитыхъ вслѣдствіе безпорядковъ и заплатить полностью среднюю доходность предпріятій съ причисленіемъ къ ней 5-ти процентной надбавки за все то время, когда предпріятія эти почему либо не работали, начиная съ 1914 года, для чего составить особую комиссію изъ представителей угольныхъ промышленниковъ и французскаго консула . . .

Атаманъ прочелъ это оригинальное условіе и смотрѣлъ широко раскрытыми глазами на Фукэ.

Это все? — спросилъ онъ возмущеннымъ тономъ.

— Все, — отвѣчалъ Фукэ. — Безъ этого Вы не получите ни одного солдата. Mais, mon ami, Вы понимаете, что въ Вашемъ положеніи. Il n'y a pas d'issu! . .

— Замолчите! — воскликнулъ Атаманъ. — Эти Ваши условія я доложу совѣту управляющихъ, я сообщу всему Кругу . . . Пусть знаютъ, какъ помогаетъ намъ благородная Франція! . .

И Атаманъ вышелъ съ этими листками.

Легко сказать: «Я сообщу объ этомъ Кругу и казакамъ». Легко сказать, что Франція, ничего не обѣщая и ничѣмъ не обязываясь, требуетъ полнаго подчиненія всего войска Донского въ политическомъ, военномъ, административномъ и внутреннемъ отношеніяхъ, да и не только войска, но и самого Деникина и Добровольческой Арміи генералу Франшэ-д'Эсперрэ, представителями котораго являются Эрлишъ и Фукэ! Сказать это, значило бы лишить войско Донское послѣдней надежды на помощь, лишить надежды тогда, когда фронтъ держался исключительно этой надеждой! Не только сказать этого, но и показать было нельзя!

Такъ вотъ она, такъ долго и такъ страстно ожидаемая помощь союзниковъ, вотъ она пришла наконецъ, и что же она принесла!

Жизнь предъявляла свои требованія. Пока никто не могъ видѣть, что между Атаманомъ и представителемъ Франціи произошелъ разрывъ, и Атаманъ съ капитаномъ Фукэ поѣхалъ показывать ему Новочеркасское военное училище и Донской корпусъ. И тутъ, и тамъ капитанъ Фукэ говорилъ патріотическія рѣчи и завѣрялъ молодежь, что Франція не забыла тѣхъ услугъ, которыя оказали ей Русскіе въ великой войнѣ и что она скоро широко поможетъ войску Донскому.

И слушали его дѣти тѣхъ, кто въ это время умиралъ въ снѣгахъ на жестокомъ морозѣ, отстаивая каждый шагъ Донской земли, дѣти тѣхъ, кто, извѣрившись въ этой помощи, въ отчаяніи бросалъ оружіе и уходилъ, куда глаза глядятъ, въ сознаніи своего безсилія . . .

Вернувшись домой, Атаманъ написалъ письмо Франшэ д'Эсперрэ. Изложивши коротко все то, что произошло за послѣдніе дни на Дону, Атаманъ писалъ:

. . .„Nous avons besoin de votre aide immédiate. On nous l'a promise au mois de Novembre, ensuite en Décembre. Les deux fois les représentants de la France et de l'Angleterre ont déclarés solennellement qu'ils se souviennent du service rendu par la Russie 1914 à 1915 et le payeront en sauvant la Russie de la débacle définitive et en la restituant. Les combattants épuisés dans la lutte de neuf mois sans relâche entendaient ceci et tenaient ferme. Mais quand l'aide n'était pas venue les forces commençaient à leur manquer et ils ont chancelés. Durant ce mois notre front est reculé à 300 verstes en arrière. Encore des milliers d'hommes sont fusillés et torturés, et de riches

provisions de pain — pillés par les bolcheviquis, — en perspective famine misère et déshonneur nous attendent. Les cosaques ne croient plus à l'aide des alliés. De tous les fronts je reçois des lamentations. — montrez nous des alliés.

L'aide est déjà retardée, mais mieux vaut tard que jamais. Il est expressement nécessaire d'envoyer immédiatement ne fut ce que du côté de Lougansk — trois, quatre bataillons pour que le bruit que vous êtes içi avec nous puisse parcourir tout le long du front et remonter notre moral et notre vigueur. Il serait mieux si vous pouviez envoyer des troupes vers la st. Tchernischevskaja, où le soutient moral est le plus nécessaire, mais l'aide est nécessaire et l'aide immédiate.

J'ai prédit ce qui advient au capitaine Hochain, le premier français, qui nous a visité, j'en ai parlé au capitaine Fouquet et Bertello encore le 30 décembre. Je dis maintenant — deux, trois semaines vont passer et Don succombra sous les coups d'incrédulité et devra fléchir sous le joug du bolchevisme et la France devra ou le reconquerir en employant des forces considérables, ou bien admettre à plusieurs années le règne d'anarchie en Russie.

Ce mois dernier Don a présenté une hécatombe de 30 milles de victimes pour sauver sa patrie, leur sang n'est-il pas digne d'une simple marque d'attention — d'envoi de 3—4 bataillons avec 2 batteries en guise de soutient moral? Le sang des russes versé pour la victoire de France crie vers le ciel et réclame un réglement de compte."

Это письмо повезъ капитанъ Фукэ въ тотъ же вечеръ для отправки съ особымъ курьеромъ, и съ тѣмъ же поѣздомъ Атаманъ отправилъ генералу Деникину офицера съ письмомъ, гдѣ въ выраженіяхъ, полныхъ негодованія, описывалъ требованія капитана Фукэ и прилагалъ подлинныя условія, данныя ему Фукэ.

29-го января Атаманъ получилъ телеграмму отъ капитана Фукэ, въ которой тотъ писалъ, что онъ не пошлетъ войска въ Луганскъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ съ особымъ курьеромъ присланнаго ему подписаннаго Атаманомъ и прочими лицами соглашенія о подчиненіи генералу Франшэ-'Эсперрэ и объ уплатѣ всѣхъ убытковъ французскихъ горнопромышленниковъ.

Въ 8 часовъ вечера Атаманъ собралъ чрезвычайное совѣщаніе управляющихъ отдѣлами и членовъ Круга и прочелъ имъ требованія представителя Франціи. Все правительство и интеллигентная часть Круга высказали свое полное негодованіе по поводу наглаго поступка капитана Фукэ, — простые казаки молчали. Вопросъ слишкомъ близко касался ихъ, и они готовы были подчиниться не только французскому генералу, но самому чорту, лишь бы избавиться отъ большевиковъ Члены Правительства и Круга въ лицѣ его предсѣдателя В. А. Харламова выразили одобреніе дѣйствіямъ Атамана и сказали, что Атаманъ иначе и не могъ поступить.

Генералъ Деникинъ на письмо Атамана отозвался сейчасъ же слѣдующей телеграммой:

...«0109. Главнокомандующій получилъ Ваше письмо и приложенные документы, возмущенъ сдѣланными Вамъ предложеніями, которыя произведены безъ вѣдома Главнокомандующаго и вполнѣ одобряетъ Ваше отношеніе къ предложеніямъ. Подробная телеграмма слѣдуетъ вслѣдъ за этимъ. Екатеринодаръ, 30 января 1919 года. 01524. Романовскій»...

Но легче отъ этого не было. Фактъ оставался фактомъ. Прошло почти три мѣсяца со дня первой связи съ союзниками, а помощи отъ нихъ не было никакой. Фронтъ быстро разлагался. 30-го января еще четыре хорошихъ полка на сѣверномъ фронтѣ перешли на сторону красныхъ.

Въ Новочеркасскѣ служили панихиды по Атаманѣ Калединѣ, была годовщина его смерти и хоронили командующаго Южной Арміей генерала отъ артиллеріи Иванова — онъ умеръ 29-го января въ Новочеркасскѣ отъ сыпного тифа, и невольно печальныя воспоминанія и сопоставленія шли въ голову.

Тяжелые это были дни. Дни смятенія и сомнѣнія, и въ эти дни на свою вторую сессію собирался Большой Войсковой Кругъ.

Глава XXII

Положеніе на фронтѣ Донской Арміи къ 27 января 1919 года. — Планы командующаго Арміей.

Къ 27-му января положеніе на фронтѣ Донской Арміи было очень тяжелымъ, но не безнадежнымъ. Красная Армія занимала весь Верхне-Донской округъ и мѣстами вошла клиномъ въ Донецкій округъ, весь Хоперскій округъ и сѣверную часть Усть-Медвѣдицкаго округа. Фронтъ Красной Арміи шелъ отъ станцій Картушино и Колпаково Екатерининской желѣзной дороги къ ст. Первозвановка, станицѣ Луганской, причемъ Луганскъ съ его патроннымъ заводомъ былъ занятъ большевиками, потомъ, огибая границу Войска Донского къ Стрѣльцовкѣ, Велекоцкому и пограничной желѣзно-дорожной станціи Чертково, за которой круто спускался къ югу въ войско Донское и доходилъ до слободы Макѣевки — этотъ фронтъ занимала группа товарища Кожевникова (начальникъ штаба генеральнаго штаба Дуткевичъ), состоявшая изъ 4-й дивизіи матроса Дыбенко, 1-й дивизіи Козина и 3-й дивизіи Сиротина — всего 20.000 штыковъ при 20 орудіяхъ. Противъ нея успѣшно дѣйствовала группа генерала Коновалова изъ частей Молодой Арміи и старыхъ мобилизованныхъ казаковъ, всего около 8.000 штыковъ и сабель при 16 конныхъ орудіяхъ и двухъ броневыхъ поѣздахъ.

Далѣе фронтъ красныхъ занимала VIII армія Гиттиса изъ 12-й дивизіи Ратайскаго и 13-й дивизіи Кольчигина, всего 22.000 штыковъ и сабель при 62 орудіяхъ. Это была ударная группа, направленная для овладѣнія станицей Миллерово. Ее успѣшно сдерживалъ генералъ Фицхелауровъ съ 10.000 казаковъ и небольшимъ отрядомъ добровольцевъ Харьковской губерніи. Настроеніе отряда было хорошее, но генералъ Фицхелауровъ сильно тревожился за свой правый флангъ, который обходила Уральская дивизія IX Красной Арміи Князницкаго, имѣвшей начальникомъ штаба офицера генеральнаго штаба. Эта Уральская дивизія, пользуясь событіями въ Вешенской станицѣ и растерянностью казаковъ, то и дѣло измѣнявшихъ войску, прошла по рѣкѣ Чиру до станицы Краснокутской и угрожала станицѣ Чернышевской. Отъ Краснокутской фронтъ, сдерживаемый казаками Хоперскаго округа генерала Савватѣева, шелъ къ сѣверу къ станицѣ Усть-Хоперской (15 дивизія Гусарскаго), Усть-Медвѣдицкой, гдѣ была собрана для удара 14-ая дивизія Ролько (генеральнаго штаба) и корпусъ казачьяго офицера Миронова изъ 23-й и 16-й дивизіи (Сдобнова), фронтъ IX арміи доходилъ

до ст. Каменской Усть-Медвѣдицкаго округа. Въ IX Арміи было 44.000 штыковъ и сабель при 130 орудіяхъ. Противъ генерала Мамонтова дѣйствовала X армія Худякова — 26.000 штыковъ и сабель и 239 орудій, состоявшая изъ 1-й камышинской дивизіи Антонюка, 1-й Донской кавалерійской дивизіи Думенко, Украинской коммунистической конной бригады, Доно-Ставропольской дивизіи Семенова, коммунистической дивизіи Савицкаго, 1-й Морозовско-Донецкой дивизіи Мухоперцова, Стальной дивизіи Грѣленко, 1-й Донской совѣтской стрѣлковой дивизіи (Котельниковской) Шевкоплясова и конной бригады. Фронтъ X арміи шелъ по рѣкѣ Дону отъ Каменской Усть-Медвѣдицкаго округа до Качалинской, потомъ шелъ къ рѣкѣ Волгѣ у Орловки и огибалъ Царицынъ черезъ Гумракъ, Воропоново и Сарепту. Наконецъ, съ востока на село Торговое Астраханской губерніи и Ремонтное нажимали части Степного фронта Терехова (5500 штыковъ и сабель и 6 орудій и группа Ригельмана (6000 штыковъ и сабель и 11 орудій). Всего на войско Донское наступало 123.500 красноармейцевъ при 468 орудіяхъ. Войско же Донское, считая и желѣзнодорожную стражу и гарнизоны городовъ и станицъ, имѣло 76.500 человѣкъ подъ ружьемъ при 79 орудіяхъ. Однако далеко не всѣ эти люди могли стать на оборону границъ. Сильно свирѣпствовалъ сыпной тифъ и ослаблялъ ряды войскъ, начало обнаруживаться, особенно въ частяхъ, составленныхъ изъ казаковъ Верхне-Донского, Хоперскаго и Усть-Медвѣдицкаго округовъ, уже занятыхъ Красной Арміей, большое дезертирство. Казаковъ тянуло въ родныя станицы узнать, что тамъ дѣлается, живы ли ихъ родные, и они уходили изъ арміи.

Командующимъ арміей былъ составленъ слѣдующій планъ дѣйствій, одобренный Атаманомъ. Въ районѣ станицъ Каменской и Усть-бѣло-Калитвенской генералъ Денисовъ сосредоточивалъ ударную группу въ 16.000 при 24 орудіяхъ, въ которую должны были войти лучшія части Молодой Арміи и старыя, испытанныя въ бояхъ войска (въ томъ числѣ и Гундоровскій георгіевскій полкъ). По сосредоточеніи, примѣрно къ 5—6 февраля — группа эта должна была ударить на слободу Макѣевку, совмѣстно съ частями генерала Фицхелаурова сбить 12-ю дивизію и дѣйствуя во флангъ и тылъ 13-й и Уральской дивизій идти въ Хоперскій округъ оздоровлять и подымать казаковъ. Такое движеніе сулило быстрый успѣхъ и возможное очищеніе Хоперскаго округа, даже безъ помощи добровольцевъ, на которую Атаманъ уже особенно не разсчитывалъ.

Атаманъ и командующій арміей вѣрили въ успѣхъ и побѣду. Они понимали, что неудачи ихъ кроются не въ силѣ Красной Арміи, а во внутреннемъ разложеніи казачьихъ частей, происходящемъ отъ сознанія своего одиночества. Появленіе небольшихъ иностранныхъ или добровольческихъ частей, хотя бы только въ ближнемъ тылу измѣнило бы настроеніе и дало бы побѣдный импульсъ Донской Арміи. Приближалась весна, проходили послѣдніе морозы. Разливъ рѣки Дона задержалъ бы наступленіе Красной Арміи, а съ весною всегда пробуждалась и казачья доблесть, и Атаманъ за фронтъ не боялся. Онъ боялся за внутреннее положеніе страны. Наканунѣ созыва Большого Войскового Круга онъ получилъ извѣстіе, что отрядъ партизана Семилѣтова двинутъ изъ Новороссійска къ Ростову для оказанія давленія въ случаѣ нужды на него, Атамана. Гвардейскіе полки волновались и предлагали Атаману уничтожить Семилѣтовцевъ и, если нужно, разогнать Кругъ. А сзади стоялъ Деникинъ съ его невмѣшательствомъ на словахъ во внутреннія дѣла Дона, считавшій, что вопросъ объ отставкѣ Атамана, избраннаго на три года, вопросъ только Атамана

и Круга, его, такъ сказать, частное дѣло, и союзники съ представителями, подобными Фукэ.

Командующему арміей генералу Денисову Атаманъ безусловно вѣрилъ. Онъ съ нимъ сжился за время войны — съ 1915 по 1917 годъ, два года, Денисовъ былъ начальникомъ штаба у Атамана, тогда начальника дивизіи. Они думали однѣми думами и понимали другъ друга съ полуслова. Генералъ Денисовъ былъ создателемъ Донской Арміи, и его трудамъ и талантамъ войско Донское было обязано своими побѣдами и освобожденіемъ. Эти послѣдніе дни и генералъ Денисовъ, и его начальникъ штаба генералъ Поляковъ работали непрерывно дни и ночи. Днемъ имъ приходилось отбиваться отъ членовъ Круга, депутатовъ различныхъ округовъ, требовавшихъ отъ нихъ объясненій; почти каждый день Харламовъ собиралъ съѣхавшихся депутатовъ на частныя совѣщанія и приглашалъ на нихъ Денисова и Полякова для докладовъ. Работать въ штабѣ днемъ не приходилось, и всю сложную и отвѣтственную работу по перегруппировкѣ и сосредоточенію силъ, по отдачѣ приказаній и переговорамъ по прямому проводу пришлось перенести на ночь. Атаманъ зналъ и видѣлъ эту работу и еще болѣе цѣнилъ этихъ самоотверженныхъ, преданныхъ войску генераловъ.

Глава XXIII

Засѣданіе Большого Войскового Круга 1-го февраля 1919 г. — Требованіе отставки генераловъ Денисова и Полякова. — Рѣчь Атамана. — Докладъ генерала Денисова. — Травля его членами Круга. — Заступничество Атамана.

Первое засѣданіе Круга было назначено на 1-е февраля, послѣ молебна въ Соборѣ въ 11 часовъ утра. Въ 9 часовъ утра къ Атаману пріѣхалъ предсѣдатель Круга В. А. Харламовъ и сообщилъ ему, что Кругъ рѣшилъ требовать отставки Денисова и Полякова въ категорической формѣ.

— Въ такой же категорической формѣ и я потребую своей отставки, — сказалъ Атаманъ. — Согласитесь, Василій Акимовичъ, что лишить армію въ теперешнее тяжелое время и командующаго арміей, и начальника штаба — это подвергнуть ее катастрофѣ. Планы обороны знаемъ только мы трое. Если уже Денисовъ и Поляковъ такъ ненавистны Кругу, я могу ихъ убрать постепенно, по окончаніи ликвидаціи наступленія Красной Арміи, тогда, когда подготовлю имъ замѣстителей, но убрать ихъ обоихъ сейчасъ — это все равно, что обрубить мнѣ обѣ руки... Да и кѣмъ замѣстить ихъ — я не знаю. Единственный, кто разбирается въ обстановкѣ и болѣе или менѣе въ курсѣ дѣлъ, это генералъ Кельчевскій, но онъ знаетъ только Царицынскій фронтъ, и онъ не донской казакъ.

— А генералъ Сидоринъ? — сказалъ Харламовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда. Только не Сидоринъ. Это нечестный человѣкъ, погубившій наступленіе генерала Корнилова на Петроградъ. Это интриганъ. И притомъ онъ пьетъ, — сказалъ Атаманъ.

— Но рѣшеніе Круга неизмѣнно. Денисовъ и Поляковъ должны уйти, — настойчиво повторилъ Харламовъ.

— Уйду и я, — сказалъ Атаманъ. Я попытаюсь уговорить казаковъ. Дайте мнѣ, господа, только окончить войну съ большевиками, побѣдить ихъ

и вѣрьте мнѣ, при мирной обстановкѣ я ни минуты не останусь Атаманомъ. Но уйти теперь и бросить Донъ въ жестокую минуту борьбы и неудачъ — этого нельзя, Василій Акимовичъ, и вы должны сдѣлать все, чтобы этого не было . . .

— Но рѣшеніе Круга твердо и неизмѣнно, — сказалъ В. А. Харламовъ. — Подумайте еще разъ. Мы съ Вами противники, Петръ Николаевичъ, но я глубоко уважаю Васъ и говорю Вамъ прямо: — Вамъ уходить не слѣдуетъ. Кругъ не Вашей отставки желаетъ, но отставки Денисова и Полякова.

— Это все равно, — сказалъ Атаманъ.

Харламовъ поднялся и ушелъ, время было ѣхать въ Соборъ на молебенъ.

Уже при бѣгломъ взглядѣ на Кругъ, собравшійся въ новомъ помѣщеніи — въ залѣ Дворянскаго областного собранія, спеціально отдѣланномъ для Круга и убранномъ картинами и плакатами, напоминавшими казакамъ страшное недавнее прошлое, Атаманъ увидалъ, что Кругъ не тотъ, что былъ 15 августа въ дни побѣдъ. Да, лица были тѣ же, но выраженіе ихъ было не то. Тогда всѣ фронтовики были въ своихъ полковыхъ погонахъ, съ медалями и крестами на груди. Теперь всѣ казаки и урядники и нѣкоторые изъ младшихъ офицеровъ были безъ погонъ. И это не была случайность. Даже спутникъ Атамана по Абиссиніи и большой его поклонникъ, правовѣрный старовѣръ, урядникъ Л. Гв. Атаманскаго полка Архиповъ, не желая видимо выходить въ атаманскомъ мундирѣ безъ погонъ, явился въ какой-то вычурной синей гусарской венгеркѣ, расшитой черными шнурами. Кругъ въ лицѣ своей сѣрой части на всякій случай «демократизировался» и игралъ подъ большевиковъ. Въ президіумѣ засѣдалъ толстый и жирный Н. Е. Парамоновъ и узкими острыми глазками гипнотизировалъ Кругъ. Въ августѣ его не было. Тогда его, за двѣ недѣли до Круга, арестовали нѣмцы, обвинивши его въ сношеніяхъ съ союзниками. Теперь онъ былъ здѣсь, и чувствовалось, что многіе изъ членовъ Круга уже подавлены его милліонами. Да онъ и самъ не скрывалъ, что нѣсколько десятковъ тысячъ брошено имъ на обработку сѣрой части Круга.

При входѣ Атамана Кругъ не всталъ. Но, когда Атаманъ вышелъ на трибуну, чтобы говорить рѣчь, его привѣтствовали апплодисментами, которые стали общими и захватили Кругъ.

Донской Атаманъ въ большой рѣчи обрисовалъ современное положеніе Дона. Онъ не скрывалъ трудности момента. Подробно изложилъ исторію и роль нѣмецкой оккупаціи Украины, ходъ переговоровъ и сношеній съ союзниками, исторію вопроса объ единомъ командованіи вооруженными силами юга Россіи. Высказываясь о причинахъ пораженія, онъ относилъ ихъ, главнымъ образомъ, къ чрезмѣрной растянутости фронта, увеличившейся послѣ ухода нѣмецкихъ гарнизоновъ съ пограничной территоріи Украины, къ непосильности для Донской Арміи борьбы съ противникомъ, численно превосходнымъ и технически лучше оборудованнымъ, и къ болѣзни, охватившей фронтъ и именуемой большевизмомъ. Вполнѣ понимая всю отвѣтственность момента, Атаманъ предложилъ, въ секретномъ засѣданіи прослушать въ рядѣ документовъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя имъ принимались и принимаются для исправленія положенія. Онъ закончилъ свою рѣчь выраженіемъ полной увѣренности, что съ помощью Добровольческой Арміи бѣда будетъ уничтожена и врагъ снова выгнанъ за предѣлы Донского войска.

Рѣчь Атамана захватила Кругъ и по окончаніи ея его уже привѣтствовали по старому.

Былъ объявленъ перерывъ, и посторонняя публика удалена изъ залы засѣданій. Снова вышелъ Атаманъ и въ простой бесѣдѣ, безъ ораторскихъ пріемовъ, разсказалъ о подлости представителя Франціи капитана Фукэ, прочелъ его «условія», свое письмо по этому поводу генералу Деникину и его отвѣтъ, и огласилъ свою переписку съ генераломъ Деникинымъ и кубанскимъ Атаманомъ о помощи Донскому войску и сказалъ, что двѣ дивизіи кубанцевъ обѣщаны ему. Онъ намекнулъ и о томъ планѣ, который былъ выработанъ командующимъ арміей и при помощи котораго онъ надѣется возстановить въ ближайшіе дни положеніе. Въ 4 часа дня засѣданіе кончилось и возобновилось въ 7 часовъ вечера.

Вечеромъ около часа читалъ свой докладъ предсѣдатель совѣта управляющихъ генералъ-лейтенантъ Богаевскій о внѣшнемъ положеніи войска Донского. Онъ напиралъ на то, что теперь при осуществленіи единаго командованія войско Донское можетъ ни за что не тревожиться, такъ какъ сила Добровольческой Арміи несокрушима и дѣло находится въ надежныхъ рукахъ.

Послѣ генерала Богаевскаго говорилъ генералъ Денисовъ. Блѣдный, страшно исхудавшій за эти послѣдніе дни, нервный и измученный чрезмѣрной лихорадочной работой и безсонными ночами, онъ на рядѣ громадныхъ наглядныхъ картъ и схемъ пояснилъ Кругу, что войско Донское поставлено въ слишкомъ тяжелыя условія борьбы. 10 мѣсяцевъ войны, зима необычайно суровая въ этомъ году, болѣзни не могли не отозваться на немъ.

— «Утомленіе казаковъ, — говорилъ Денисовъ, — чувствовалось ясно еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Начальникъ штаба генералъ Поляковъ докладывалъ, что его не радуютъ всѣ тѣ огромные успѣхи, какіе были нами достигнуты, и если намъ не будетъ оказана посторонняя помощь, то врядъ ли мы удержимъ все то, чѣмъ завладѣли.

«Второй причиной была гибель надежды на иноземную помощь, — продолжалъ командующій, — объ этой помощи много говорилось и писалось, и фронтъ слишкомъ долго ждалъ прибытія этой помощи. Намъ присылалось много телеграммъ съ вопросомъ: Когда же, наконецъ, придутъ союзники? И ихъ неприходъ сыгралъ роковую роль.

«Но главную роль въ нашихъ неудачахъ сыграла агитація. Агитація не только большевистская, пустившая въ ходъ всѣ средства — подкупы, посулы, обманъ, клевету и прочее, но и другія, которыя выражались въ томъ, что общественные дѣятели домогались нѣсколько разъ моего сверженія, настаивая нѣсколько разъ на моей отставкѣ». *

По окончаніи доклада генерала Денисова на трибуну начали выходить одинъ за другимъ всѣ тѣ генералы и штабъ-офицеры, которые были въ свое время удалены генераломъ Денисовымъ отъ службы и добились званія членовъ войскового Круга. Вышелъ генеральнаго штаба полковникъ Бабкинъ, удаленный за трусость и глупость, вышелъ генералъ Семилѣтовъ, лихой предводитель дѣтскихъ партизанскихъ отрядовъ, эксплоатировавшій дѣтей и командовавшій партизанами изъ такого далека, гдѣ не слышны были пушечные выстрѣлы, удаленный за неправильно составленные отчеты, вышелъ генеральнаго штаба полковникъ Гнилорыбовъ, удаленный за трусость и агитацію противъ Атамана, генералъ-лейтенантъ Семеновъ, обвиненный въ лихоимствѣ въ Ростовѣ и, наконецъ, генералъ-маіоръ Сидоринъ.

* «Съ войскового круга». Краткое сообщеніе о засѣданіяхъ 1—8-го февраля 1919 г. **Изд. Войскового Круга Всевеликаго в. Донского.**

Они задавали совершенно праздные, но волнующіе большинство Круга, сѣрую его часть, вопросы:

— Достаточно ли было удѣлено вниманія нуждамъ фронта и нуждамъ станицъ?

— Посѣтилъ ли командующій арміей всѣ важнѣйшіе пункты фронта и бесѣдовалъ ли съ казаками?

— Были ли своевременно приняты мѣры противъ злоупотребленій реквизиціями, особенно противъ дѣйствій монархической организаціи, такъ-называемой Южной Арміи и ея карательныхъ отрядовъ?

— Приведены ли въ исполненіе принятыя Войсковымъ Кругомъ постановленія о пособіи семьямъ мобилизованныхъ, о вознагражденіи за утраченныхъ лошадей, имущество и прочее? (Болѣе чѣмъ на два милліарда рублей!)

— Была ли армія обута и одѣта?

— Почему своевременно не были мобилизованы иногородніе?

— Обращалось ли достаточное вниманіе на состояніе желѣзныхъ дорогъ? На санитарную часть? На состояніе вооруженія?

И наконецъ, послѣ только что обнародованнаго ряда писемъ Атамана къ генералу Деникину уже не съ просьбами, а съ мольбами о помощи, одинъ изъ членовъ Круга задалъ вопросъ:

— Не было ли, въ силу излишней самоувѣренности въ своихъ силахъ, отклонено предложеніе помощи со стороны Добровольческой Арміи?

Генералъ Денисовъ съ полнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ отвѣчалъ на всѣ яростныя на него нападки. Атаманъ видѣлъ явную преднамѣренность многихъ вопросовъ — вѣдь должны же были понимать тѣ, кто ихъ задавалъ, что la plus jolie fille ne peux donner plus qu'elle a — знали же они экономическое, финансовое и промышленное состояніе войска, знали, въ какомъ состояніи были приняты войскомъ желѣзныя дороги? Они знали одно: — qui s'excuse s'accuse, и они поставили генерала Денисова въ положеніе ученика, отвѣчающаго на вопросы придирающагося къ нему учителя. Эта моральная пытка командующаго Донскою Арміею продолжалась уже около трехъ часовъ, и все новые и новые ораторы шли къ предсѣдателю, чтобы задавать новые бездѣльные вопросы и заставлять генерала Денисова, оправдываться въ преступленіяхъ, которыя онъ не совершалъ.

Это возмутило Атамана.

Онъ потребовалъ себѣ слова и сказалъ:

— Вотъ уже три часа я присутствую при недопустимой травлѣ командующаго арміей. Того, кто освободилъ отъ большевиковъ Новочеркасскъ, лично руководя атакующими цѣпями, того, кому войско Донское обязано и своими побѣдами, и своею свободою! Вотъ вся награда съ вашей стороны за тѣ тяжелые и отвѣтственные труды, какіе пали на его долю. На моихъ глазахъ онъ исхудалъ, изнервничался... Вы мнѣ уже не разъ говорили о его смѣнѣ. Но если Вы хотите бороться съ врагомъ и дальше и побѣждать его, то никакой смѣны быть не можетъ. Въ бурю не вырываютъ руля у опытнаго и знающаго море рулевого. Такіе опыты до добра не доводятъ. Я спрошу всѣхъ тѣхъ генераловъ, которые сейчасъ съ такою злобною критикою выступили противъ командующаго арміей, почему они не у дѣлъ и прячутся за его спину?

— Выгнали! — раздались голоса Сидорина, Бабкина и Семилѣтова съ мѣстъ.

— И за дѣло! — отвѣтилъ Атаманъ. — Отчего нападаютъ на человѣка, который такъ много сдѣлалъ для общаго дѣла? Невозможно работать съ арміей, лишенной всего необходимаго, а этотъ человѣкъ одѣлъ и обулъ нашу армію. Теперешнее пораженіе произошло не по его винѣ. Я знаю, какъ велика усталость на фронтѣ. Вмѣстѣ съ командующимъ арміей я объѣхалъ всѣ фронты и знаю, что казаки дали больше, нежели могли. Я суровый человѣкъ — но я не могу осудить тѣхъ, кто теперь отходитъ. Нельзя доводить людей до послѣдняго, а мы довели. Смотрите, струна очень крѣпка, но и она лопается, если ее чрезмѣрно натягивать!

Тишина воцарилась въ залѣ послѣ словъ Атамана. Наступилъ психологическій моментъ. Произведи сейчасъ опросъ Круга, требовать отставку генерала Денисова, или нѣтъ, и громадное большинство стало бы за Денисова. Атаманъ затронулъ сердца казаковъ, онъ заставилъ ихъ пожалѣть Денисова и сравнить его жизнь непрерывно работающаго, исхудалаго и измученнаго человѣка съ издерганными нервами, съ жизнью его обвинителей, 8 мѣсяцевъ борьбы живущихъ безъ дѣла на отдыхѣ, сытыхъ, толстыхъ и праздныхъ.

Предсѣдатель Круга понялъ, что въ засѣданіи 1-го февраля побѣда осталась за Атаманомъ. Онъ предложилъ, за позднимъ временемъ (было 12 часовъ ночи) и утомленіемъ членовъ Круга, закрыть засѣданіе и обсудить отчеты Донского Атамана и генерала Денисова на другой день въ окружныхъ засѣданіяхъ, на свѣжую голову.

Глава XXIV

Покушеніе на убійство члена Круга П. М. Агѣева. — Засѣданіе Круга 9 февраля. — Отставка Атамана. — Пріѣздъ генерала Деникина въ Новочеркасскъ. — Рѣчь генерала Деникина на Кругу 3-го февраля. — Отъѣздъ изъ Новочеркасска бывшаго Атамана.

Когда на другой день члены Круга стали собираться на совѣщанія по округамъ въ женское эпархіальное училище, гдѣ имъ было устроено общежитіе, ихъ поразили страшнымъ извѣстіемъ: Вчера ночью при возвращеніи съ Круга въ глухой и пустынной улицѣ двумя неизвѣстными молодыми людьми въ солдатскихъ шинеляхъ раненъ въ животъ членъ Круга отъ Усть-Медвѣдицкаго округа и лидеръ Донской соціалъ-демократической партіи, извѣстный сотрудникъ Атамана Каледина, Павелъ Михайловичъ Агѣевъ.

На Дону за все это время не было никакихъ террористическихъ актовъ и политическихъ убійствъ. Донъ жилъ патріархальною, тихою жизнью, и потому это событіе взволновало членовъ Круга. Каждый почувствовалъ, что, исполняя свой долгъ передъ Родиной, онъ подвергаетъ свою жизнь опасности.

Кто могъ интересоваться смертью Агѣева? — Конечно Атаманъ! — говорили казакамъ. — Агѣевъ стоялъ во главѣ оппозиціи правительству, Агѣевъ разрабатывалъ земельный законъ. Атаманъ, или его приспѣшникъ Денисовъ, или по его приказу земельные собственники совершили это покушеніе на убійство!

Что имъ за дѣло было до того, что покушеніе было сдѣлано необыкновенно грубо, сыграно подъ Атамана и притомъ съ желаніемъ наименьшей опасности для здоровья П. М. Агѣева. Слѣдили за нимъ отъ самаго зала засѣданій люди откровенно одѣтые въ военную форму, стрѣляли изъ малокалибернаго дѣтскаго револьвера, и только случайность — попали въ животъ — причинила довольно

большія страданія и продолжительное лежаніе въ лазаретѣ Агѣеву, — спутникъ Агѣева и не побезпокоился преслѣдовать преступниковъ, наконецъ, стрѣляли именно въ тотъ день и часъ, когда Атаманъ болѣе нежели кто либо былъ заинтересованъ въ спокойствіи и полномъ благоволеніи къ нему членовъ Круга. Но покушались на жизнь «лѣваго», оппозиціи правительству — значитъ, покушались «правые», покушалось правительство.

То настроеніе, которое удалось создать Атаману на засѣданіяхъ 1-го февраля, смѣнилось у однихъ озлобленіемъ, у другихъ растерянностью. Участь Денисова, а съ нимъ и Атамана, была рѣшена.

Въ 6 часовъ вечера Кругъ собрался на засѣданіе. Послѣ прочтенія Атаманомъ приказа по поводу покушенія на Агѣева, гдѣ Атаманъ, высказывая общее осужденіе всякимъ террористическимъ актамъ, требовалъ, чтобы виновные были во что бы то ни стало разысканы, выслушаннаго Кругомъ въ зловѣщей тишинѣ предсѣдатель Круга предложилъ предсѣдателямъ окружныхъ собраній, высказаться по поводу вчерашнихъ докладовъ Атамана и генерала Денисова. 7 округовъ выразили недовѣріе командующему Донской Арміей генералу Денисову и начальнику штаба арміи генералу Полякову, и требовали ихъ немедленной отставки. Только общее засѣданіе представителей Черкасскаго, Ростовскаго и Таганрогскаго округовъ вынесло имъ довѣріе . . .

Тогда всталъ Атаманъ. Въ рѣчи, короткой и сказанной въ очень сильныхъ выраженіяхъ, онъ указалъ Кругу, что Кругъ беретъ на себя передъ войскомъ всю отвѣтственность за такое рѣшеніе. — «Вы становитесь на путь Россіи» . . ., — говорилъ Атаманъ. — Сначала великій князь Николай Николаевичъ, потомъ Брусиловъ, потомъ Гучковъ, затѣмъ Керенскій и главковерхъ Крыленко. Вы знаете, ибо сами это пережили, къ чему это привело. Одумайтесь, что вы дѣлаете, и не шатайте власти тогда, когда врагъ идетъ, чтобы васъ уничтожить. Выраженное вами недовѣріе къ командующему арміей генералу Денисову и его начальнику штаба Полякову я отношу всецѣло къ себѣ, потому что я являюсь верховымъ вождемъ и руководителемъ Донской Арміи, а они только мои подчиненные и исполнители моей воли. Я уже вчера говорилъ вамъ, что устранить отъ сотрудничества со мною этихъ лицъ — это значитъ, обрубить у меня правую и лѣвую руки. Согласиться на ихъ замѣну теперь я не могу, а потому я отказываюсь отъ должности Донского Атамана и прошу избрать мнѣ преемника».

И Атаманъ оставилъ залъ засѣданій Круга при возгласахъ съ мѣстъ:

— Нѣтъ, это не такъ . . . Атаману остаться. Атаману вѣримъ. Просимъ остаться.

Предсѣдатель Круга объявилъ перерывъ засѣданія и просилъ собраться по округамъ.

И здѣсь были сказаны тѣ страшныя слова, которыя заставили поколебаться друзей Атамана: — «Это требованіе союзниковъ», «это желаніе генерала Деникина», «безъ этого намъ не будетъ оказано союзниками никакой помощи».

Отставку Атамана вопреки закона баллотировали открытой баллотировкой, и она большинствомъ голосовъ была принята.

Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи предсѣдатель совѣта управляющихъ генералъ-лейтенантъ Богаевскій привезъ во дворецъ Атаману слѣдующее «Постановленіе войскового Круга Всевеликаго Войска Донского созыва 1919 года 2-й сессіи, принятое въ закрытомъ засѣданіи 2-го февраля 1919 года. Въ силу того, что Донской Атаманъ генералъ отъ кавалеріи П. Н. Красновъ послѣ

выраженнаго Войсковымъ Кругомъ недовѣрія Командующему Донской Арміей генералъ-лейтенанту С. В. Денисову, заявилъ, что выраженіе этого недовѣрія простирается и на него, Донского Атамана, какъ Верховнаго Руководителя Арміи, и потому онъ отказывается отъ должности Донского Атамана и проситъ Кругъ озаботиться выборомъ ему преемника, Войсковой Кругъ постановилъ: отставку Донского Атамана П. Н. Краснова принять.

«Согласно ст. 21 основныхъ законовъ Всевеликаго Войска Донского, атаманская власть въ войскѣ Донскомъ переходитъ предсѣдателю совѣта управляющихъ отдѣлами генералъ-лейтенанту А. П. Богаевскому, — впредь до избранія Кругомъ Атамана Всевеликаго Войска Донского. Предсѣдатель Круга В. Харламовъ. Товарищи предсѣдателя Круга Н. Парамоновъ, Ис. Быкадоровъ, П Дудаковъ. И. Зенковъ, Б. Улановъ, К. Поповъ. Секретарь: Ф. Крюковъ».

Атаманъ въ это время собирался ѣхать на встрѣчу генералу Деникину, котораго ожидали въ Новочеркасскѣ 3-го февраля. Богаевскій отговаривалъ Атамана ѣхать, но Атаманъ рѣшилъ встрѣтить Главнокомандующаго, чтобы лично доложить ему о своей отставкѣ и, главное, о положеніи на фронтахъ.

Въ 8 часовъ утра Атаманъ встрѣтилъ генерала Деникина на пограничной станціи Кущевка и доложилъ обо всемъ происшедшемъ. Генералъ Деникинъ зналъ объ этомъ по телеграфу.

— Какъ жаль, что меня не было, — сказалъ Деникинъ. — Я бы не допустилъ Вашей отставки.

— Настроеніе Круга и войска таково, что всякое Ваше желаніе будетъ исполнено. Казаки отъ Васъ ожидаютъ спасенія и все для Васъ сдѣлаютъ, — сказалъ Атаманъ.

Послѣ подробнаго доклада о томъ, что предпринято Атаманомъ для парализованія удара Красной Арміи, Атаманъ спросилъ генерала Деникина, какъ онъ желаетъ, чтобы Атаманъ поступилъ съ собою, и можетъ ли онъ ѣхать на фронтъ. Деникинъ сказалъ, что присутствіе Атамана вблизи отъ войска Донского нежелательно, потому что будетъ волновать казаковъ, и совѣтовалъ Атаману уѣхать пока отдохнуть въ Крымъ, гдѣ ему покровительство окажутъ французы. Атаманъ предпочелъ ѣхать въ Батумъ, и было рѣшено, что онъ въ ближайшіе дни покинетъ Новочеркасскъ.

На Кругу ожидали выступленія генерала Деникина съ большимъ нетерпѣніемъ. Всѣ тѣ, кто вѣрилъ въ бывшаго Атамана, ожидали одного слова Деникина въ защиту Атамана, чтобы сейчасъ же хлопотать о его перевыборахъ. Отставку Атамана на первые дни скрыли отъ фронта. Группа, собранная у станицы Каменской, перешла въ наступленіе, наступленіе развивалось успѣшно, были взяты плѣнные, орудія и другая военная добыча. Каждый использовалъ этотъ успѣхъ по своему. Друзья Атамана говорили, что это выполняется его планъ, враги утверждали обратное, что войска ринулись впередъ, потому что узнали, что они освободились отъ Денисова и Полякова. Ждали слова генерала Деникина, которому въ эту тяжелую минуту покорились вполнѣ.

3-го февраля генералъ Деникинъ посѣтилъ Войсковой Кругъ. Кругъ встрѣтилъ его бурными апплодисментами. Предсѣдатель Круга сказалъ ему привѣтственное слово.

Отвѣчая на его привѣтствіе, генералъ Деникинъ сказалъ: — «Пронося вмѣстѣ съ Добровольческой Арміей по ея крестному пути неугасимую и непоколебимую вѣру въ великое будущее единой, недѣлимой Россіи, я не отдѣляю

отъ блага и пользы Россіи интересовъ Дона, я знаю, что сила, благоденствіе и процвѣтаніе Донского края служатъ залогомъ спасенія Россіи.

«То, что сдѣлано Домомъ въ безпримѣрной борьбѣ его съ разрушителями Родины, никогда ею не будетъ забыто.

«Донское свободолюбивое войско не можетъ пойти въ кабалу къ грязному, безумному, проклятому большевизму.

«А тѣ, кто продалъ Донъ, забывъ и честь, и совѣсть, пусть знаютъ, что отдыхать имъ не придется.

«Если новоявленные друзья — красноармейцы не пошлютъ ихъ на востокъ проливать братскую кровь Сибирскихъ, Оренбургскихъ и Уральскихъ казаковъ, то здѣсь они встрѣтятся въ смертномъ безпощадномъ бою съ нами.

«Въ конечной побѣдѣ я не сомнѣваюсь, ибо дѣло наше правое. Я знаю, что Донъ можетъ колебаться, что отъ перенесенныхъ лишеній, невзгодъ и тяжкихъ потерь у малодушныхъ упало сердце.

«Положеніе грозное, — нѣтъ сомнѣнія! — и не потому, что врагъ силенъ, а отъ усталости, унынія и малодушія и, можетъ быть, предательства нѣкоторыхъ станицъ и частей.

«Я вѣрю въ здоровый разумъ, Русское сердце и въ любовь къ Родинѣ Донского казака, я вѣрю, что ваша внутренняя разруха, которой я не могу и не хочу быть судьею, не отразится на нашей общей дружной работѣ въ борьбѣ противъ врага Дона и Россіи, и Донъ будетъ спасенъ! (Бурные аплодисменты.)

«Но на этомъ путь нашъ не кончится, путь тяжелый, но славный. Настанетъ день, когда, устроивъ родной край, обезпечивъ его въ полной мѣрѣ вооруженной силой и всѣмъ необходимымъ, казаки и горцы вмѣстѣ съ донцами пойдутъ на сѣверъ спасать Россію, спасать отъ распада и гибели, ибо не можетъ быть ни счастья, ни мира, ни сколько-нибудь сноснаго человѣческаго существованія на Дону и Кавказѣ, если рядомъ съ ними будутъ гибнуть прочія Русскія земли.

«Пойдемъ мы туда не для того, чтобы вернуться къ старымъ порядкамъ, не для защиты сословныхъ и классовыхъ интересовъ, а чтобы создать новую свѣтлую жизнь всѣмъ: и правымъ, и лѣвымъ, и казаку, и крестьянину, и рабочему». (Аплодисменты.) *

Изъ этой рѣчи Кругъ понялъ, что генералъ Деникинъ одобряетъ отставку Атамана и обѣщаетъ помочь Донскимъ казакамъ. Такъ растолковали, по крайней мѣрѣ, его рѣчь тѣ, кто въ этомъ былъ заинтересованъ.

Генералъ Деникинъ завтракалъ у предсѣдателя совѣта управляющихъ генерала Богаевскаго и обѣдалъ у бывшаго Атамана. И тутъ, и тамъ онъ совѣщался съ бывшимъ Атаманомъ о дальнѣйшемъ устройствѣ войска. Онъ спросилъ бывшаго Атамана, кого онъ намѣтилъ бы на постъ командующаго арміей и начальника штаба. Бывшій Атаманъ указалъ на генералъ-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Абрамова, какъ на высоко образованнаго человѣка, понимающаго военное дѣло, глубоко порядочнаго и честнаго. Начальникомъ штаба онъ назвалъ генерала Кельчевскаго. Къ назначенію предложенныхъ ему Сидорина и Семилѣтова бывшій Атаманъ отнесся съ полнымъ отрицаніемъ, какъ къ личностямъ нечестнымъ, безпринципнымъ и способнымъ на всяческую интригу.

---

* «Съ Войскового Круга». Краткое сообщеніе о засѣданіяхъ 1—8-го февраля 1919 г. Стр. 10.

4-го февраля утромъ генералъ Деникинъ уѣхалъ на западный фронтъ къ генералу Май-Маевскому, а 6-го февраля вечеромъ поѣхалъ и бывшій Атаманъ въ свое изгнаніе.

Еще 2-го февраля Донской Атаманъ приказалъ напечатать въ «Донскихъ Вѣдомостяхъ» свой прощальный приказъ. Благодаря своихъ сотрудниковъ и всѣхъ казаковъ за девятимѣсячную героическую борьбу за свободу казачества, Донской Атаманъ заклиналъ казаковъ беречь будущее войска, дѣтей и молодежь, дать имъ спокойно окончить учебныя заведенія и не пакостить молодыя души участьемъ въ гражданской войнѣ.

Завѣтъ Атамана не былъ услышенъ. Еще не покинулъ Атаманъ предѣловъ, занятыхъ Добровольческой Арміей, какъ узналъ, что новый командующій Донской Арміей, генералъ Сидоринъ, назначилъ генерала Семилѣтова командующимъ партизанскими отрядами всего войска и поручилъ ему наборъ студентовъ, кадетъ и гимназистовъ въ боевыя дружины. Чья то злобная рука подъ корень уничтожала надежды донскихъ казаковъ — казачьихъ дѣтей.

Въ день отъѣзда со всѣхъ четырехъ фронтовъ были получены телеграммы на имя бывшаго Атамана и предсѣдателя Круга, за подписью командующихъ корпусами, отъ имени офицеровъ и казаковъ.

Казаки требовали отъ Круга, чтобы онъ отставки Атамана не принималъ, и просили Атамана не покидать его поста въ грозную для войска минуту. По распоряженію предсѣдателя Войскового Круга В. А. Харламова, взявшаго на себя въ эти дни управленіе всѣмъ войскомъ, телеграммы эти бывшему Атаману переданы не были и Кругу доложены не были.

Бывшій Атаманъ уѣзжалъ поздно вечеромъ. Погода была отвратительная. Лилъ проливной дождь, мокрый снѣгъ смѣшался съ грязью. Извозчики отсутствовали. И тѣмъ не менѣе, весь Новочеркасскъ собрался проводить бывшаго Атамана. Были всѣ управляющіе отдѣлами, большинство членовъ Войскового Круга, юнкера Новочеркасскаго военнаго училища, офицеры Донской Школы, служащіе разныхъ учрежденій и многочисленные горожане и горожанки.

Депутаты Круга Черкасскаго Округа поднесли Атаману трогательный адресъ, покрытый ихъ подписями, а супругѣ Атамана прекрасный букетъ живыхъ цвѣтовъ. Но, когда содержаніе адреса узнали и другіе члены Круга, они стали тоже подписываться подъ нимъ и собрали 62 подписи.

Въ Ростовѣ, куда поѣздъ прибылъ около 10-ти часовъ вечера, Атамана ожидалъ новый адресъ жителей Ростова и почетный караулъ Л. Гв. Казачьяго полка. На дворѣ станціи былъ собранъ весь Л. Гв. Казачій полкъ. Тутъ же на путяхъ въ товарныхъ вагонахъ, въ эшелонѣ, находились партизаны генерала Семилѣтова.

Бывшій Атаманъ вышелъ къ почетному караулу, поблагодарилъ лейбъ-казаковъ за вниманіе, ему уже не полагающееся, и говорилъ имъ о ихъ святомъ долгѣ защищать Донское войско и во всемъ повиноваться вновь избранному Атаману генералу Богаевскому.

Вагонъ Армавиръ-Туапсинской дороги, высланный за бывшимъ Атаманомъ его братомъ, прицѣпили къ Екатеринодарскому поѣзду, и бывшій Атаманъ навсегда покинулъ войско.

Разгромъ Кубанской рады

б. Кубанскаго Атамана ген. Филимонова

Разгромъ Кубанской Рады, закончившійся повѣшеніемъ члена Рады Кулабухова и высылкой въ Константинополь наиболѣе вліятельныхъ представителей оппозиціи, сыгралъ значительную роль въ общемъ ходѣ борьбы съ большевиками на Югѣ Россіи и былъ однимъ изъ существенныхъ поводовъ къ катастрофическому отходу вооруженныхъ силъ Юга Россіи отъ Орла до Новороссійска.

Между тѣмъ, до сихъ поръ остается совершенно не выясненной та обстановка, въ которой былъ произведенъ этотъ разгромъ. Непонятой остается и та роль, которую играли многіе изъ видныхъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ печальномъ событіи.

Я былъ это время кубанскимъ атаманомъ, и мнѣ пришлось быть однимъ изъ непосредственныхъ участниковъ и свидѣтелей тяжелаго эпизода, послѣ котораго я сложилъ съ себя почетное званіе войскового атамана, такъ какъ этотъ инцидентъ былъ вопіющимъ нарушеніемъ правъ Кубани.

Поводомъ къ разгрому послужилъ фактъ заключенія членами парижской делегаціи кубанской краевой рады съ правительствомъ Горской республики особаго договора, который былъ квалифицированъ въ ставкѣ и въ Особомъ Совѣщаніи, какъ измѣна Россіи. Причины-же антагонизма между главнымъ командованіемъ и кубанскимъ представительнымъ учрежденіемъ заключались въ рѣзкихъ политическихъ разногласіяхъ въ оцѣнкѣ методовъ и способовъ борьбы съ большевиками и того положенія, которое въ этой борьбѣ занимало казачество вообще и Кубань въ частности. Трудно было примирить прямолинейный консервативный централизмъ ставки съ федералистическими и даже самостійными теченіями, игравшими такую видную роль среди демократически настроенныхъ членовъ кубанской рады. Трудно было примирить дѣятельность мѣстныхъ парламентаріевъ, опьяненныхъ той ролью, которую имъ приходилось играть, съ авантюристическими стремленіями нѣкоторыхъ изъ военныхъ руководителей, сумѣвшихъ выдвинуться на Югѣ Россіи съ начала гражданской войны.

Расправа съ радой намѣчалась еще въ концѣ 1918 года. Незадолго то того, когда я вторично былъ избранъ кубанскимъ атаманомъ и оппозиція, возглавляемая председателемъ кубанскаго правительства Бычомъ потерпѣла пораженіе, ко мнѣ приходили генералы Покровскій и Шкуро и предлагали при ихъ содѣйствіи взять всю власть въ свои руки.

Я тогда категорически запротестовалъ противъ такого проекта и, какъ атаманъ, потребовалъ, чтобы этого не дѣлалось. Покровскій и Шкуро тогда отказались отъ своей затѣи.

Такая мысль мнѣ неоднократно подсказывалась и во время разговоровъ съ Деникинымъ.

Особенно настаивалъ на этомъ его помощникъ.

— Совершенно не понимаю вашего характера, — говорилъ онъ. Какъ вы терпите все это? Почему вы не разгоните раду?

— Это слишкомъ упрощенный, грубо-примитивный способъ борьбы — возражалъ я своимъ собесѣдникамъ, доказывая, что разгонъ рады мѣра весьма опасная и чреватая серьезными послѣдствіями.

Наростали оппозиціонныя настроенія въ Радѣ, учащались рѣзкія выступленія противъ политики ставки и Особаго Совѣщанія, — наростала непріязнь ко мнѣ со стороны ген. Деникина, все болѣе и болѣе ненормальными становились взаимоотношенія между ставкой и нами, представителями и руководителями казачества.

Все это приняло въ концѣ концовъ такой серьезный характеръ, что генералъ Деникинъ вынужденъ былъ принять экстренныя мѣры, для того, чтобы парализовать назрѣвавшій конфликтъ съ казачествомъ.

Шестого и седьмого іюня 1919 года въ Екатеринодарѣ происходилъ съѣздъ представителей главнаго командованія и казачества. Въ совѣщаніи участвовали: Деникинъ, Романовскій, Драгомировъ, Лукомскій, атаманы казачьихъ войскъ: отъ Дона — Богаевскій, отъ Кубани — я, отъ Терека — Вдовенко, отъ Астраханскаго войска — Ляховъ. Присутствовали также предсѣдатели Донского, Терскаго и Кубанскаго правительствъ.

На этомъ совѣщаніи Деникинъ ребромъ поставилъ намъ вопросъ:

— Съ Русью ли идемъ мы, представители казачества, или противъ Руси?

Такая постановка вопроса вызвала съ нашей стороны самую рѣзкую отповѣдь. Мы, казаки, съ полной откровенностью заявили о своихъ пожеланіяхъ, о своемъ весьма отрицательномъ отношеніи къ той политической линіи, которую проводили въ отношеніи къ казакамъ ставка и Особое Совѣщаніе. Мы указали пути для исправленія ошибокъ, для парализованія того сквернаго настроенія, которое создается благодаря нашимъ ненормальнымъ взаимоотношеніямъ.

Я произнесъ на этомъ совѣщаніи пространную рѣчь. Въ началѣ я сдѣлалъ краткій обзоръ историческаго прошлаго казачества. Казаки чисто русскіе люди, наиболѣе сильные въ физическомъ и моральномъ отношеніи, съ наибольшей энергіей и предпріимчивостью.

Геній русскаго народа всегда тянулся на югъ, а не на сѣверъ, а потому Петровская реформа -историческая ошибка. Казаки олицетворяли собою тягу на югъ, туда, гдѣ больше свѣта, больше тепла, больше солнца.

Когда началась невзгода, когда снова на Руси настало смутное время, — говорилъ я, обращаясь къ Деникину — вы, витязи Русской земли, пришли сюда на югъ спасать Россію вмѣстѣ съ нами, казаками. Казаки оправдываютъ вашу надежду, вашу вѣру . . .

— Мы, — говорилъ я, — недоумѣваемъ теперь, почему казаки, не одинъ разъ спасавшіе Россію, нынѣ оказались гдѣ то въ сторонѣ? Около васъ всѣ, кромѣ тѣхъ, кто долженъ быть. Около васъ должны быть казачьи атаманы и предсѣдатели казачьихъ правительствъ. Вы неоднократно указывали, что высоко цѣните, любите казаковъ и считаете ихъ молодцами. Мы сами давно знаемъ

себѣ цѣну. Намъ надоѣло быть молодцами. Мы хотимъ быть гражданами. Мы, представители казачества, считаемъ, что имѣемъ полное право быть привлеченными къ государственному строительству . . .

Другіе представители казаковъ высказались въ этомъ же смыслѣ и рѣзко указали на оскорбительную для насъ формулировку вопроса генераломъ Деникинымъ. Послѣдній не отвѣтилъ на наши требованія по существу, а лишь заявилъ:

— «Вы, господа атаманы, меня очень сильно «облаяли», но я все-же весьма удовлетворенъ тѣмъ, что вижу передъ собою дѣйствительно русскихъ людей...»

Но, едва ли, Деникинъ былъ искрененъ.

Того-же дня вечеромъ у меня во дворцѣ состоялся парадный офиціальный обѣдъ, въ честь прибывшихъ на совѣщаніе атамановъ, на которомъ присутствовало до двухсотъ человѣкъ, въ томъ числѣ и представители союзныхъ державъ. Во время обѣда играла музыка, исполнялись войсковымъ хоромъ казачьи гимны — донской, кубанскій.

Деникинъ во время обѣда былъ мраченъ и произнесъ совершенно неожиданный для насъ тостъ. Онъ сказалъ приблизительно слѣдующую рѣчь:

— «Вчера здѣсь въ Екатеринодарѣ царили большевики. Надъ этимъ домомъ развѣвалась красная грязная тряпка, въ городѣ творились безобразія. Проклятое вчера . . . Сегодня здѣсь происходитъ что-то странное — слышенъ звонъ бокаловъ, льется вино, поются казачьи гимны, слышатся странныя казачьи рѣчи, надъ этимъ домомъ развѣвается кубанскій флагъ... Странное сегодня...

Но, я вѣрю, что завтра надъ этимъ домомъ будетъ развѣваться трехцвѣтное, національное русское знамя, здѣсь будутъ пѣть русскій національный гимнъ, будутъ происходить только русскіе разговоры. Прекрасное «завтра»... Будемъ-же пить за это счастливое, радостное «завтра».

Для всѣхъ присутствовавшихъ этотъ тостъ былъ ушатомъ холодной воды и напрасно пытался поднять настроеніе взявшій на себя по моей просьбѣ роль «тулумбаша» — Баратовъ . . .

Въ теченіи всего лѣта 1920 года наши взаимоотношенія съ главнымъ командованіемъ не улучшались, а ухудшались. Поводомъ къ этому служили не только политическія разногласія, но также и цѣлый рядъ второстепенныхъ причинъ. Существованіе, напримѣръ, нашего кубанскаго флага было для Деникина бѣльмомъ на глазу. Я часто говорилъ главнокомандующему:

— Если отдѣльныя войсковыя части и даже сотни, ну, напримѣръ, ваша комендантская, имѣютъ собственные значки, то какъ же вы хотите лишить цѣлое кубанское казачье войско права имѣть свой собственный флагъ?

Само собою разумѣется, что наши настойчивыя пожеланія о привлеченіи казачьихъ представителей къ управленію освобождающимися областями и вообще къ государственному строительству встрѣчали у Деникина отрицательное къ себѣ отношеніе и способствовали образованію почвы для подготовки разгрома кубанской рады.

Послѣ отъѣзда изъ Екатеринодара Деникинъ продолжалъ очень внимательно слѣдить за работами рады. Нѣсколько разъ онъ присылалъ мнѣ письма, въ которыхъ указывалъ на то, что въ радѣ произносятся несоотвѣтствующія рѣчи, подрывается престижъ Добровольческой арміи. Въ своихъ письмахъ Деникинъ подчеркивалъ, что считаетъ меня виновникомъ всего этого, такъ какъ я будто-бы не принимаю мѣръ противъ подобнаго рода агитаціи.

Когда 16 сентября я, проѣздомъ на Донъ, былъ у него въ Таганрогѣ, главнокомандующій прямо заявилъ: —

— Считаю васъ виновникомъ происходящаго на Кубани броженія и агитаціи.

Тогда я не придалъ этому особаго значенія, тѣмъ болѣе, что на Дону мнѣ оказали самый теплый и радушный пріемъ. Изъ обмѣна мнѣніями выяснилось, что между нами, кубанцами, и представителями донского казачества наблюдалась полная солидарность во взглядахъ на наши политическія и военныя задачи.

Тѣмъ не менѣе, мое положеніе, какъ человѣка, очутившагося между молотомъ и наковальней, дѣлалось необычайно тягостнымъ. Наростали тренія съ главнымъ командованіемъ, и параллельно съ этимъ оппозиція въ Кубанской радѣ становилась все болѣе и болѣе энергичной и переходила въ наступленіе, объявивъ открытый походъ противъ меня, своего атамана, и въ то же время умалчивал о своихъ скрытыхъ цѣляхъ.

Вмѣстѣ съ той частью членовъ Рады, которая меня поддерживала, мы выработали планъ борьбы. Мы рѣшили предоставить представителямъ оппозиціи высказаться до логическаго конца и тѣмъ самымъ открыть свои карты.

Намъ казалось, что это вопросъ нѣсколькихъ дней. Закусившіе удила лидеры оппозиціи совершали одну безтактность за другой. Когда донская депутація явилась въ раду просить хлѣба для сѣверныхъ округовъ Донской области, то Ив. Макаренко крикнулъ: «а христарадничать пріѣхали!» На одномъ изъ собраній въ гор. Новочеркасскѣ Иванъ Макаренко заявилъ: «На Кубани нѣтъ ни одного порядочнаго генерала». Другой представитель лѣваго крыла рады на офиціальномъ обѣдѣ, обращаясь къ донскимъ генераламъ, сказалъ: «Вотъ если-бы такихъ генераловъ, да къ нашимъ пластунамъ». Доморощенный кубанскій дипломатъ не замѣчалъ, что своимъ тяжеловѣснымъ комплиментомъ онъ нанесъ оскорбленіе одновременно и донской пѣхотѣ и кубанскимъ генераламъ.

Въ довершеніе всѣхъ несчастій, оппозиціи удалось провести въ Предсѣдатели кубанской краевой рады Ивана Макаренко — «кубанскаго бога безтактности». Повторяю, оппозиція лѣзла, что называется, на рожонъ и неминуемо должна была сломить себѣ шею.

Но къ сожалѣнію, въ ставкѣ въ это время уже опредѣленно говорили о необходимости принять самыя рѣшительныя репрессивныя мѣры противъ будирующей рады и вожаковъ оппозиціи. Изъ войсковыхъ начальниковъ сильно поддерживалъ эту мысль ген. Покровскій, который доказывалъ Деникину и Романовскому, что онъ знаетъ хорошо кубанскихъ казаковъ и убѣжденъ, что путемъ репрессивныхъ мѣропріятій можно легко установить на Кубани полный порядокъ и спокойствіе.

Несмотря на всю остроту положенія приказъ Деникина о преданіи военно-полевому суду членовъ парижской делегаціи краевой рады, заключившихъ договоръ о союзѣ съ Горской республикой, явился для насъ полной неожиданностью, тѣмъ болѣе, что лично я не зналъ ничего о такомъ договорѣ. Прежде чѣмъ отдать этотъ приказъ Деникинъ запросилъ у меня, дѣйствительно ли такой договоръ былъ подписанъ представителями Кубани и были-ли они на это уполномочены.

Я отвѣтилъ, что на это они уполномочены не были, правительству о такомъ договорѣ ничего не извѣстно, но что мною наводятся по поводу договора справки и обо всемъ этомъ я сообщу дополнительно.

Черезъ нѣсколько дней Деникинъ вторично запросилъ меня о томъ же. Въ своемъ отвѣтѣ на запросъ я указалъ, что такой договоръ былъ дѣйстви-

тельно заключенъ и что по объясненіямъ запрошеннаго мною предсѣдателя зак. рады Султанъ-Шахимъ-Гирея договоръ заключался на тотъ случай, если Россія не будетъ освобождена отъ большевиковъ и антибольшевистская Кубань предоставлена будетъ собственнымъ силамъ.

Вслѣдъ за второй телеграммой мною былъ полученъ приказъ о преданіи военно-полевому суду за измѣну Россіи лицъ, подписавшихъ договоръ, то-есть Быча, Савицкаго. Наметокова и Кулабухова. Этотъ рѣзкій, противорѣчившій нашей конституціи и всѣмъ соглашеніямъ съ главнымъ командованіемъ приказъ былъ адресованъ не только мнѣ, но и атаманамъ Дона и Терека.

Въ отвѣтъ на этотъ приказъ мною и правительствомъ была послана Деникину телеграмма съ протестомъ противъ такого распоряженія. Въ копіи телеграмма сообщена донскому и терскому атаманамъ.

Въ телеграммѣ говорилось о томъ, что мы относимся къ этому акту Деникина съ осужденіемъ. По поводу договора мы принимаемъ свои мѣры. Что-же касается вмѣшательства въ это дѣло со стороны главнокомандующаго, то такого рода выступленіе вызоветъ среди казаковъ естественное недовольство главнымъ командованіемъ.

Когда я сообщилъ о посылкѣ телеграммы радѣ, то послѣдняя всецѣло присоединилась къ этому протесту. Вмѣстѣ съ тѣмъ я рекомендовалъ членамъ рады немедленно же приступить къ обсужденію вопроса о подписавшихъ договоръ членахъ рады, а также послать къ Деникину делегацію съ цѣлью добиться отмѣны отданнаго приказа.

Къ сожалѣнію рада не послѣдовала моему совѣту и продолжала заниматься очередными дѣлами.

Между тѣмъ, вслѣдъ за моимъ протестомъ и какъ бы въ отвѣтъ на него, послѣдовало новое распоряженіе о назначеніи генерала Покровскаго командующимъ тыловымъ райономъ Кавказкой арміи, куда, такимъ образомъ, вошла и Кубань. Значеніе мѣстной власти сводилось къ нолю.

Въ Екатеринодаръ прибылъ Покровскій.

— Ген. Деникинъ, — заявилъ мнѣ Покровскій, — настаиваетъ на немедленномъ арестѣ Кулабухова и всѣхъ видныхъ представителей оппозиціи, всего около тридцати-сорока человѣкъ. Кулабуховъ-же долженъ быть арестованъ въ первую очередь.

Я началъ доказывать Покровскому, что эти аресты совершенно недопустимы, что пользы отъ этого, разумѣется, никакой не будетъ.

— Можетъ быть, эти господа, — заявилъ тогда Покровскій, — найдутъ нужнымъ и возможнымъ устроить вмѣстѣ со мною совѣщаніе?

Я согласился на просьбу Покровскаго помочь ему устроить такое совѣщаніе, причемъ Покровскій просилъ, чтобы все это происходило у меня.

— Въ другое мѣсто, — говорилъ онъ, — эти господа врядъ ли пойдутъ.

Согласившись и на это, я потребовалъ, однако, у Покровскаго, чтобы онъ гарантировалъ личную неприкосновенность всѣхъ членовъ рады, которые придутъ на совѣщаніе.

Покровскій завѣрилъ меня своимъ честнымъ словомъ, что онъ гарантируетъ полную безопасность участникамъ совѣщанія.

Разговоръ этотъ происходилъ 5 ноября въ 4 часа дня. Совѣщаніе было назначено въ тотъ же день въ семь часовъ вечера. Въ присутствіи Покровскаго я написалъ предсѣдателю краевой рады Ивану Макаренко записку о томъ, что прошу представителей оппозиціи прибыть ко мнѣ на совѣщаніе. Для того, чтобы

это не бросалось въ глаза, я пригласилъ и лидеровъ, поддерживавшей меня группы. Всѣ они обѣщали придти, предупредивъ, что немного опоздаютъ.

Но не было еще семи часовъ, когда я, сидя у себя въ кабинетѣ, услышалъ, что по лѣстницѣ поднимается большая группа лицъ. Меня это заинтересовало, и я послалъ узнать, въ чемъ дѣло .Оказывается, это пришелъ ген. Покровскій и съ нимъ человѣкъ семь-восемь офицеровъ. Я тогда пригласилъ Покровскаго въ кабинетъ къ себѣ и спросилъ его:

— Что же все это означаетъ?

Въ отвѣтъ на мой вопросъ Покровскій довольно развязно заявилъ, что онъ рѣшилъ при выходѣ съ совѣщанія арестовать «всѣхъ этихъ господъ».

— Но, вѣдь вы дали мнѣ обѣщаніе не дѣлать этого. Осуществленіе вашего проекта я считаю совершенно недопустимымъ . . .

— Вы здѣсь не при чемъ, — возразилъ Покровскій. Арестовывать буду я, а не вы. Я отвѣчаю за свои поступки. Я — далъ слово, а теперь — беру его обратно. Мною уже отданъ соотвѣтствующій приказъ гвардейскому дивизіону окружить этотъ домъ.

Тогда я заявилъ Покровскому, что не допущу ареста и что совѣщаніе у меня не состоится, такъ какъ предателемъ я не былъ и не буду . . .

Послѣ разговора со мною Покровскій согласился отпустить офицеровъ и далъ слово, что отмѣнитъ всѣ свои распоряженія.

Однако, я все же принялъ мѣры предосторожности, немедленно вышелъ въ сосѣднюю комнату и протелефонировалъ Ивану Макаренко, что самъ приду въ раду и что назначенное совѣщаніе отмѣняется.

Предупрежденіе, какъ оказалось, было сдѣлано своевременно.

Послѣ этого Покровскій снова пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ и сообщилъ списокъ лицъ, которыхъ онъ считаетъ необходимымъ арестовать. Въ спискѣ было человѣкъ тридцать.

На мое возраженіе, что это совершенно недопустимо, Покровскій отвѣтилъ, что онъ готовъ ограничиться и меньшимъ числомъ, при этомъ онъ высказался въ томъ смыслѣ, что хорошо было-бы если-бы подлежащіе аресту разбѣжались. Послѣднее указаніе я пропустилъ мимо ушей, такъ какъ ужъ, конечно, я не могъ дѣлать такого предложенія своимъ политическимъ противникамъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ Покровскій остановился на шести лицахъ, подлежащихъ аресту. Такими лицами были: Петръ и Иванъ Макаренко, Манжулла, Воропиновъ, Роговецъ и Безкровный. Объ этомъ онъ сообщилъ мнѣ офиціально, какъ о своемъ ультимативномъ требованіи, въ случаѣ неисполненія котораго онъ прибѣгнетъ къ силѣ оружія. Его ультимативное письмо начиналось по общей формѣ словами «милостивый государь».

Объ этомъ ультиматумѣ я доложилъ въ засѣданіи рады на словахъ, потомъ прочелъ письмо. Выходъ изъ создавшагося положенія я видѣлъ въ немедленной посылкѣ делегаціи отъ рады къ Деникину.

Въ раскаленной атмосферѣ выступилъ послѣ моего доклада съ рѣчью Иванъ Макаренко.

Здѣсь нужно сказать, что Макаренко и его единомышленники пришли, повидимому, къ выводу, что настало время дѣйствовать въ открытую и дѣйствовать рѣшительно. Макаренко приказалъ своимъ «гайдамакамъ» (отряду для охраны рады, составленному изъ уклонившихся отъ фронта казаковъ Темхинскаго и Екатеринодарскаго отдѣловъ) окружить зданіе рады (Екатеринодарскій

зимній городской театръ), поставилъ сотню гайдамаковъ за кулисами и часовыхъ у всѣхъ входовъ и выходовъ. Рѣшено было, не болѣе не менѣе, какъ захватить власть и арестовать атамана.

Выступивъ на эстраду Макаренко заявилъ:

— Атаманъ, повидимому, рекомендуетъ намъ — подчиниться такому рѣшенію; изъ этого совѣта видно, что атамана у насъ нѣтъ. Поэтому я предлагаю передать власть президіуму краевой рады . . .

На мои протесты о томъ, что я такого заявленія не дѣлалъ, и на мои требованія дать мнѣ слово, Макаренко заявилъ.

— Я не могу предоставить вамъ слово, какъ атаману, потому что у насъ атамана нѣтъ. Это видно и изъ того, что ген. Покровскій обращается къ атаману, не какъ къ атаману, а какъ къ «милостивому государю».

Члены рады реагировали на все это совершенно неожиданнымъ для Ивана Макаренки образомъ. Въ залѣ послышались возгласы.

— У насъ есть атаманъ . . . Нужно смѣнить предсѣдателя . . .

Въ хаотической, бурной обстановкѣ было предложено поставить вопросъ о довѣріи атаману и предсѣдателю краевой рады. Былъ объявленъ перерывъ, послѣ котораго Иванъ Макаренко вышелъ и покаяннымъ голосомъ заявилъ, что онъ сознаетъ свою ошибку и что, считая дальнѣйшее пребываніе на посту предсѣдателя для себя невозможнымъ, проситъ отпустить его на свободу.

Рада отвѣтила на эти покаянныя рѣчи гробовымъ молчаніемъ. И когда былъ поставленъ вопросъ о довѣріи атаману, рада большинствомъ всѣхъ противъ одного вотировала мнѣ свое довѣріе.

На этомъ засѣданіе закончилось. Уходя, я обѣщалъ членамъ Рады переговорить о мирной ликвидаціи инцидента съ Деникинымъ и Романовскимъ.

6-го утромъ ко мнѣ на квартиру явились внесенные въ списокъ шесть человѣкъ, въ томъ числѣ и Кулабуховъ. Списокъ, какъ выяснилось, былъ уже увеличенъ Покровскимъ еще на десять человѣкъ. Всѣ эти лица были арестованы.

Я тогда написалъ и послалъ Деникину телеграмму, въ которой сообщалъ, что мною посылается ему делегація, которую настойчиво прошу выслушать.

Эта телеграмма не была послана. Ее возвратилъ мнѣ съ телеграфа генералъ Покровскій и при этомъ сообщилъ, что, согласно его распоряженію, на провода принимаются только телеграммы, посылаемыя съ его вѣдома.

— Послана эта телеграмма или нѣтъ? — спросилъ я у Покровскаго.

— Кажется, послана, — отвѣтилъ онъ.

Въ дѣйствительности же телеграмма была задержана.

Кулабуховъ тѣмъ временемъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

Вечеромъ я отправился на прямой проводъ, соединился съ Помощникомъ Главнокомандующаго генераломъ Романовскимъ и обратился къ нему «отъ себя и всѣхъ кубанскихъ казаковъ» съ просьбой «во имя заслугъ казачества, жертвъ понесенныхъ ими, во имя моря пролитой казачьей крови» принять мѣры къ тому, чтобы этотъ приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе. Кромѣ того я просилъ принять делегацію, которая сейчасъ выѣзжаетъ по этому же вопросу.

Романовскій отвѣтилъ мнѣ, что доложитъ Деникину о моемъ ходатайствѣ по поводу смягченія участи Кулабухова. Однако, онъ сомнѣвается въ успѣхѣ этого ходатайства.

— Что же касается делегаціи, закончилъ Романовскій, — то я желалъ бы узнать объ этомъ мнѣніе Покровскаго.

Покровскій былъ на станціи. Я попросилъ его подтвердить, что онъ ничего противъ посылки делегаціи не имѣетъ, что онъ и сдѣлалъ.

— Отвѣтъ будетъ данъ по телеграфу, — заявилъ въ заключеніе Романовскій.

Но отвѣта я не получилъ. Въ ночь на седьмое ноября мнѣ прислали телеграмму, адресованную на имя Покровскаго, въ которой говорилось о томъ, что «Главнокомандующій просьбу Войскового Атамана отклонилъ».

Какую просьбу — неизвѣстно.

Это было въ пять часовъ утра. Утромъ мнѣ было доложено, что Кулабуховъ уже повѣшенъ. Оказывается, что Покровскій приказалъ привести въ исполненіе приговоръ военно-полевого суда, какъ только получилъ эту телеграмму.

Долженъ добавить ко всему этому, что Покровскій далъ мнѣ слово, что безъ вѣдома Деникина и утвержденія приговора онъ Кулабухова не повѣситъ. Въ виду этого я заявилъ въ радѣ о томъ, что не сомнѣваюсь, что наша делегація, посланная къ Деникину, сумѣетъ добиться отмѣны этого приговора. Оказалось, однако, что, когда делегаты обратились со своимъ ходатайствомъ къ Деникину, послѣдній заявилъ:

— Къ сожалѣнію, уже поздно: приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Понятно, что члены делегаціи, которымъ Покровскій также далъ слово, что онъ подождетъ съ приведеніемъ приговора въ исполненіе до выясненія результатовъ ихъ ходатайства — были страшно возмущены всѣмъ происшедшимъ.

Когда былъ повѣшенъ Кулабуховъ, въ Екатеринодаръ прибылъ Врангель.

Я обратился къ нему съ просьбой умѣрить воинственный пылъ Покровскаго. Врангель отвѣтилъ, что онъ сдѣлаетъ все, чтобы парализовать дальнѣйшую дѣятельность Покровскаго, которую онъ считаетъ нецѣлесообразной.

Это было необходимо, потому что Покровскій говорилъ, что и всѣ остальные арестованные будутъ повѣшены и что уже готовы висѣлицы.

Арестованные лидеры оппозиціи были высланы заграницу.

Такъ закончился разгромъ Кубанской Рады.

Считая, что такое поведеніе Деникина, вопреки моимъ представленіямъ о вредѣ предпринятаго шага, нарушаетъ всѣ мои права, какъ атамана, разрушаетъ связь, существующую между казаками и главнымъ командованіемъ; считая, что все это отразится очень гибельно на общемъ дѣлѣ борьбы съ большевиками и не желая отвѣчать за дальнѣйшія послѣдствія такого отношенія къ казакамъ со стороны главнаго командованія, я счелъ своевременнымъ и необходимымъ уйти со своего поста.

Въ то время когда происходила эта дикая расправа съ членами рады, большевики заняли подходы къ Царицыну и грозили, прорвавъ естественныя ворота на Сѣверный Кавказъ, снова наводнить Кубанскую область. Генералы Врангель и Покровскій должны были оставить Екатеринодаръ и спѣшно отправиться къ мѣсту грозящей опасности. Послѣ упорныхъ и кровопролитныхъ боевъ Кавказкой Арміи, то-есть преимущественно Кубанскимъ казакамъ, удалось еще разъ отбросить большевиковъ на Сѣверъ. Но это была только отсрочка. Катастрофа надвигалась не только извнѣ, но зрѣла и внутри.

Слѣдуя безразсуднымъ совѣтамъ молодыхъ генераловъ и потворствуя ихъ тщеславнымъ планамъ, Деникинъ подрубилъ сукъ, на которомъ сидѣлъ самъ

10. VII. 1921

Новый Садъ, Югославія

Документы и письма

ПИСЬМО ВЕЛ. КН. АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА КЪ НИКОЛАЮ II

отъ 25 декабря 1916—4 февраля 1917 г.г.*

Дорогой Ники, Тебѣ угодно было 22-го декабря, дать мнѣ высказать мое мнѣніе по извѣстному вопросу и попутно пришлось затронуть почти всѣ вопросы, которые волнуютъ насъ, я просилъ разрѣшенія говорить какъ на духу, и Ты далъ мнѣ его.

Я считаю, что послѣ всего мною сказаннаго, я обязанъ говорить дальше, — Ты невольно могъ подумать, слушая меня: ему легко говорить, а каково мнѣ, который долженъ разбираться въ существующемъ хаосѣ и принимать тѣ или другія мѣры и рѣшенія, подсказываемыя съ разныхъ сторонъ. — Ты долженъ понимать, что я, какъ и всѣ болящіе душой за все происходящее, часто задавалъ себѣ вопросъ, что бы я сдѣлалъ на Твоемъ мѣстѣ, и вотъ я хочу Тебѣ передать то, что мнѣ подсказываетъ душа, которая, я убѣжденъ, говоритъ вѣрно.

Мы переживаемъ самый опасный моментъ въ исторіи Россіи, вопросъ стоитъ — быть ли Россіи великимъ государствомъ, свободнымъ и способнымъ самостоятельно развиваться и расти, или подчиниться германскому безбожному кулаку; всѣ это чувствуютъ, кто разумомъ, кто сердцемъ, кто душою и вотъ причина почему всѣ, за исключеніемъ трусовъ и враговъ своей родины, отдаютъ свои жизни и все достояніе для достиженія этой цѣли. — И вотъ въ это святое время, когда мы всѣ, такъ сказать, держимъ испытаніе на званіе человѣка, въ его высшемъ пониманіи, какъ христіанина, какія-то силы внутри Россіи ведутъ Тебя и слѣдовательно Россію къ неминуемой гибели. — Я говорю — Тебя и Россію — вполнѣ сознательно, такъ какъ Россія безъ Царя существовать не можетъ, но нужно помнить, что Царь одинъ править такимъ государствомъ, какъ Россія, не можетъ, это надо разъ навсегда себѣ усвоить и слѣдовательно существованіе министерства съ одной головой и палатъ совершенно необходимо; я говорю палатъ, потому что существующіе механизмы далеко несовершенны и не отвѣтственны, а они должны быть таковыми и нести передъ народомъ всю тяжесть отвѣтственности; немыслимо существующее положеніе, когда вся отвѣтственность лежитъ на Тебѣ и на Тебѣ одномъ. Чего хочетъ народъ и общество, очень немногаго — власть (я не говорю избитыя, ничего не значущія слова, твердую или крѣпкую власть, потому что слабая власть — это не власть) разумную, идущую навстрѣчу нуждамъ народнымъ и возможность жить свободно и давать жить свободно другимъ. Разумная власть должна состоять изъ лицъ первымъ дѣломъ чистыхъ, либеральныхъ и преданныхъ монархическому принципу, отнюдь не правыхъ или что еще хуже крайне правыхъ, такъ какъ для этой категоріи лицъ понятіе о власти заключается: «править при помощи полиціи, не давать свободнаго развитія общественнымъ силамъ и давать волю нашему, никуда негодному въ большинствѣ случаевъ, духовенству».

---

* Настоящее письмо, какъ и два слѣдующихъ документа (записка, составленная въ кружкѣ Римскаго Корсакова, и показаніе Н. Маклакова), являются частью матеріала, собраннаго учрежденной Вр. Правительствомъ «Чрезвычайной комиссіей для разслѣдованія противозаконныхъ по должности дѣйствій бывшихъ министровъ». Эти документы были отпечатаны въ вышедшей въ 1921 въ Петербургѣ книгѣ Александра Блока «Послѣдніе дни императорской власти». — Прим. ред.

Предсѣдателемъ совѣта министровъ должно быть лицо, которому Ты вполнѣ довѣряешь, онъ выбираетъ себѣ и отвѣтственненъ за всѣхъ другихъ министровъ; всѣ они вмѣстѣ должны составлять одну голову, одинъ разумъ и одну волю, и каждый по своей спеціальности проводитъ общую политику, а не свою, какъ это мы видимъ теперь; ни одинъ министръ не имѣетъ права высказывать Тебѣ свои взгляды на общую политику; онъ является докладчикомъ по своей узкой спеціальности; если же Ты хочешь услышать ихъ мнѣніе по общимъ вопросамъ, то таковое они могутъ высказывать только въ совѣтѣ министровъ, подъ Твоимъ личнымъ предсѣдательствомъ; при министерствѣ объединенномъ трудно ожидать, чтобы Ты услышалъ противорѣчія въ ихъ мнѣніяхъ, но оттѣнки въ связи съ дѣломъ, порученнымъ каждому изъ нихъ, конечно, могутъ быть и необходимо, чтобы Ты ихъ слышалъ. Я принципіально противъ, такъ называемаго, отвѣтственнаго министерства, т. е. отвѣтственнаго передъ Думой, этого допускать не слѣдуетъ, надо помнить, что парламентская жизнь у насъ въ самомъ зародышѣ: при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, тщеславіе, желаніе власти и почета будутъ играть не послѣднюю роль, и главное, при непониманіи парламентскаго строя, личной зависти и проч. человѣческихъ недостаткахъ, министры будутъ мѣняться даже чаще, чѣмъ теперь, хотя это трудно. Какъ предсѣдатель, такъ и всѣ министры должны быть выбраны изъ числа лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и дѣятельность которыхъ общеизвѣстна, конечно, не исключаются и члены думы. — Такое министерство встрѣтитъ общее сочувствіе всѣхъ благомыслящихъ круговъ, оно должно представить тебѣ подробную программу тѣхъ мѣръ, которыя должны проводиться въ связи съ главной задачей момента, т. е. побѣды надъ германцами, и включить тѣ реформы, которыя могутъ проводиться попутно, безъ вреда для главной цѣли, и которыхъ ждетъ страна. Программа эта послѣ одобренія Тобой, должна быть представлена думѣ и государственному совѣту, которые внѣ сомнѣнія ее одобрятъ и дадутъ полную свою поддержку, безъ которой работа правительства невозможна, затѣмъ, опираясь на одобреніе палатъ и ставъ твердой ногой и чувствуя за собой поддержку страны, всякія попытки со стороны лѣвыхъ элементовъ должны быть подавляемы, съ чѣмъ, я не сомнѣваюсь, справится сама дума, если же нѣтъ, то дума должна быть распущена и такой роспускъ думы будетъ страной привѣтствоваться.

Главное условіе, чтобы разъ установленная программа ни въ коемъ случаѣ не мѣнялась, и правительство должно быть увѣрено, что никакія побочныя вліянія на Тебя повліять не могутъ и что Ты всей своей неограниченной властью будешь свое же правительство поддерживать. Теперь замѣчается какъ разъ обратное, ни одинъ, ни одинъ министръ не можетъ отвѣчать за слѣдующій день — всѣ разрознены, министрами назначаются люди со стороны, которые никакимъ довѣріемъ не пользуются и, вѣроятно, сами удивляются, что попадаютъ въ министры, но такъ какъ людей честныхъ вообще мало, то у нихъ не хватаетъ смѣлости сознаться передъ Тобой, что они неспособны занимать посты, на которые назначаются, и что ихъ назначеніе для общаго дѣла приноситъ только вредъ, ихъ поступки граничатъ съ преступленіемъ.

1 Января 1917 г. — Первую часть письма писалъ въ вагонѣ по пути въ Кіевъ, до сегодняшняго дня былъ такъ занятъ, что не было свободной минуты. Состоявшіяся съ тѣхъ поръ назначенія показываютъ, что Ты окончательно рѣшилъ вести внутреннюю политику, идущую въ полный разрѣзъ съ желаніями всѣхъ Твоихъ вѣрноподданныхъ; эта политика только на руку лѣвымъ элементамъ, для которыхъ положеніе, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, составляетъ главную задачу; такъ какъ недовольство растетъ, начинаетъ пошатываться даже монархическій принципъ и отстаивающіе идею, что Россія безъ Царя существовать не можетъ, не имѣютъ почвы подъ ногами, такъ какъ факты развала и произвола налицо; продолжаться такъ долго такое положеніе не можетъ, опять повторяю, нельзя править страной, не прислушиваясь къ голосу народному, не идя навстрѣчу его нуждамъ, не считая его способнымъ имѣть собственное мнѣніе, не желая признавать, что народъ свои нужды самъ понимаетъ. Сколько ни думалъ, не могу понять, съ чѣмъ Ты и Твои совѣтники борятся, чего добиваются. Я имѣлъ два продолжительныхъ разговора съ Протопоповымъ, онъ все время говорилъ о крѣпкой власти, о недопустимости уступокъ общественному мнѣнію, о томъ, что земскій и го-

родской союзы, а также военнопромышленные комитеты суть организацiи революцiонныя; еслибы его слова отвѣчали истинѣ, то спасенiя нѣтъ, но къ счастью это не такъ, конечно нельзя отрицать, что въ этихъ организацiяхъ существуютъ лѣвые, но вѣдь масса не революцiонна и вотъ мѣрами запрещенiй, разныхъ стѣсненiй и подозрѣнiй искусственно толкаютъ нетвердыхъ въ своихъ убѣжденiяхъ людей въ лагерь лѣвыхъ.

Можно подумать, что какая-то невидимая рука направляетъ всю политику такъ, чтобы побѣда стала немыслима; тотъ же Протопоповъ мнѣ говорилъ, что можно опереться на промышленные круги, на капиталъ; какая ошибка. Во-первыхъ онъ забываетъ, что капиталъ находится въ рукахъ иностранцевъ и евреевъ, для которыхъ крушенiе монархiи желательно, тогда не будетъ препятствiй для ихъ хищническихъ аппетитовъ, а затѣмъ наше купечество вѣдь не то, что было прежде, достаточно вспомнить 1905 годъ.

Когда подумаешь, что Ты нѣсколькими словами и росчеркомъ пера могъ бы все успокоить, дать странѣ то, чего она жаждетъ, т. е. правительство довѣрiя и широкую свободу общественнымъ силамъ, при строгомъ контролѣ, конечно, что Дума, какъ одинъ человѣкъ пошла бы за такимъ правительствомъ, что произошелъ бы громадный подъемъ всѣхъ силъ народныхъ, а слѣдовательно и несомнѣнная побѣда, то становится невыносимо больно, что нѣтъ людей, которымъ бы Ты довѣрялъ, но людямъ, понимающимъ положенiе, а не такимъ, которые только подлаживаются подъ что-то непонятное. —

25 января. — Какъ видишь, прошелъ мѣсяцъ, а письмо мое я еще не послалъ, все надѣялся, что Ты пойдешь по пути, который Тебѣ указываютъ люди вѣрные Тебѣ и любящiе Россiю не за страхъ, а за совѣсть. Но событiя показываютъ, что Твои совѣтники продолжаютъ вести Россiю и Тебя къ вѣрной гибели, при такихъ условiяхъ молчать является преступнымъ передъ Богомъ, Тобой и Россiей.

Недовольство растетъ съ большой быстротой и чѣмъ дальше, тѣмъ шире становится пропасть между Тобой и Твоимъ народомъ. — Когда я говорю — народомъ, я понимаю въ смыслѣ тѣхъ, которые понимаютъ нужды народныя, а не тѣхъ, которые представляютъ изъ себя стадо, которое пойдетъ за человѣкомъ, сумѣющимъ увлечь толпу. Между тѣмъ, народъ Тебя любитъ и глубоко вѣритъ въ достижимость полной побѣды и внутренняго устроенiя безъ всякихъ потрясенiй, но при условiи существованiя правительства, состоящаго изъ лицъ чистыхъ и пользующихся довѣрiемъ страны, безъ этого нѣтъ надежды на спасенiе Престола и слѣдовательно Родины.

Посмотри, что дѣлается въ союзныхъ намъ странахъ, править государствами призваны самые способные люди, безъ различiя ихъ убѣжденiй; вѣдь всѣ сознаютъ, что въ минуту, когда рѣшается судьба мiра, когда отъ побѣдоноснаго окончанiя войны той или другой стороны зависитъ самое свободное существованiе цѣлыхъ государствъ, что въ такую минуту нѣтъ мѣста ни личнымъ симпатiямъ, ни интересамъ тѣхъ или другихъ партiй, есть одно, призывъ всѣхъ наиболѣе способныхъ людей къ дѣлу спасенiя родины, именно къ спасенiю родины; вопросъ вѣдь въ самомъ бытiи Россiи, какъ великой могущественной державы. Вѣдь никогда въ исторiи Россiйскаго государства не было болѣе благопрiятныхъ политическихъ условiй: съ нами нашъ бывшiй исконный врагъ — Англiя, недавнiй — Японiя и всѣ другiя государства, которыя видятъ и чувствуютъ всю силу нашу и въ то же время присутствуютъ при совершенно необъяснимомъ явленiи, нашемъ полномъ внутреннемъ нестроенiи, которое съ каждымъ днемъ ухудшается, и видятъ, что не лучшiя, а худшiя силы правятъ Россiей въ такой моментъ, когда ошибки, сдѣланныя сегодня, отразятся на всей исторiи нашей, и они невольно начинаютъ въ насъ сомнѣваться, они видятъ, что Россiя собственныхъ своихъ интересовъ и задачъ не сознаетъ, т. е. скорѣе не Россiя, а тѣ, которые ею правятъ.

Такое положенiе продолжаться не можетъ. Ты вѣроятно читалъ обращенiе къ Тебѣ новгородскаго дворянства, вѣдь такъ можно говорить только тогда, когда глубоко сознаешь ту пропасть, на краю которой мы стоимъ, и увѣряю Тебя, что всѣ Тебѣ истинно вѣрные люди именно такъ и думаютъ. Приходишь въ полное отчаянiе, что Ты не хочешь внять голосамъ тѣхъ, которые знаютъ въ какомъ положенiи находится Россiя и совѣтуютъ принять мѣры, которыя должны вывести насъ изъ хаоса, въ которомъ мы всѣ сегодня находимся.

Ты вѣроятно думаешь, что тѣ мѣры, которыя принимаетъ правительство, выведутъ Россію на свѣтлый путь, на путь побѣды и полнаго возрожденія, и считаешь, что мы всѣ, которые держимся обратнаго мнѣнія — заблуждаемся, но вѣдь для провѣрки оглянись назадъ и сравни положеніе Россіи въ началѣ войны и сегодня, неужели это сравненіе не можетъ убѣдить Тебя, на чьей сторонѣ правда. Въ заключеніе скажу, что какъ это ни странно, но правительство есть сегодня тотъ органъ, который подготовляетъ революцію, народъ ея не хочетъ, но правительство употребляетъ всѣ возможныя мѣры, чтобы сдѣлать какъ можно больше недовольныхъ и вполнѣ въ этомъ успѣваетъ. Мы присутствуемъ при небываломъ зрѣлищѣ революціи сверху, а не снизу.

Твой вѣрный (подпись)

ЗАПИСКА, СОСТАВЛЕННАЯ ВЪ КРУЖКѢ РИМСКАГО-КОРСАКОВА И ПЕРЕДАННАЯ НИКОЛАЮ II КН. ГОЛИЦЫНЫМЪ ВЪ НОЯБРѢ 1916 Г.

Такъ какъ въ настоящее время уже не представляется сомнѣній въ томъ, что Государственная Дума, при поддержкѣ такъ называемыхъ общественныхъ организацій, вступаетъ на явно революціонный путь, ближайшимъ послѣдствіемъ чего по возобновленіи ея сессіи явится исканіе ею содѣйствія мятежно настроенныхъ массъ, а затѣмъ рядъ активныхъ выступленій въ сторону государственнаго, а весьма вѣроятно, и династическаго переворота, надлежитъ теперь же подготовить, а въ нужный моментъ незамедлительно осуществить рядъ совершенно опредѣленныхъ и рѣшительныхъ мѣропріятій, клонящихся къ подавленію мятежа, а именно:

I. Назначить на высшіе государственные посты министровъ, главноуправляющихъ, и на высшія командныя тыловыя должности по военному вѣдомству (начальниковъ округовъ, военныхъ генералъ-губернаторовъ) лицъ, не только извѣстныхъ своей издавна засвидѣтельствованной и ничѣмъ не поколебленной и незаподозрѣнной преданностью Единой Царской Самодержавной власти, но и способныхъ рѣшительно и безъ колебаній на борьбу съ наступающимъ мятежемъ. Въ семъ отношеніи они должны быть единомышленны и твердо убѣждены въ томъ, что никакая иная примирительная политика невозможна. Они должны, кромѣ того, клятвенно засвидѣтельствовать передъ лицомъ Монарха свою готовность пасть въ предстоящей борьбѣ, заранѣе на сей случай указать своихъ замѣстителей, а отъ Монарха получить всю полноту власти.

II. Государственная Дума должна быть немедленно Манифестомъ Государя Императора распущена безъ указанія срока новаго ея созыва, но съ опредѣленнымъ упоминаніемъ о предстоящемъ коренномъ замѣненіи нѣкоторыхъ статей (86, 87, 111 и 112) Основныхъ Законовъ и Положеній о выборахъ въ Государственный Совѣтъ и Думу.

III. Въ обѣихъ столицахъ, а равно въ большихъ городахъ, гдѣ возможно ожидать особенно острыхъ выступленій революціонной толпы, должно быть тотчасъ же фактически введено военное положеніе (а если нужно, то и осадное) со всѣми его послѣдствіями до полевыхъ судовъ включительно.

IV. Имѣющаяся въ Петроградѣ военная сила въ видѣ запасныхъ батальоновъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ представляется вполнѣ достаточной для подавленія мятежа, однако батальоны эти должны быть заблаговременно снабжены пулеметами и соотвѣтствующей артиллеріей. Въ Москву должны быть отправлены нѣкоторые изъ этихъ же батальоновъ, а въ столицы и въ крупные центры, кромѣ того, поставлены тѣ изъ имѣющихся запасныхъ кавалерійскихъ частей, кои являются наиболѣе способными. Всѣ находящіеся въ отпускахъ или командировкахъ, либо числящіеся эвакуированными офицеры гвардіи должны вступить въ ряды своихъ батальоновъ.

V. Тотчасъ же должны быть закрыты всѣ органы лѣвой и революціонной печати и приняты всѣ мѣры къ усиленію правыхъ газетъ къ немедленному привлеченію на сторону правительства хотя бы одного изъ крупныхъ умѣренныхъ газетныхъ предпріятій.

VI. Всѣ заводы, мастерскія и предпріятія, работающіе на оборону, должны быть милитаризированы съ перечисленіемъ всѣхъ рабочихъ, пользующихся, такъ называемой,

отсрочкой, въ разрядъ призванныхъ подъ знамена и съ подчиненіемъ ихъ всѣхъ законамъ военнаго времени.

VII. Во всѣ главные и мѣстные комитеты союзовъ земствъ и городовъ, во всѣ ихъ отдѣлы, а равно во всѣ военнопромышленные комитеты и во всѣ содержимые сими учрежденіями заведенія, мастерскія, лазареты, поѣзда и проч. должны быть назначены въ тылу правительственные комиссары, а на фронтъ коменданты изъ эвакуированныхъ офицеровъ для наблюденія за расходованіемъ отпускаемыхъ казною суммъ и для совершеннаго пресѣченія революціонной пропаганды среди нижнихъ чиновъ со стороны личнаго состава, который долженъ быть подчиненъ указаннымъ агентамъ правительства.

VIII. Всѣмъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и представителямъ высшей администраціи въ провинціи должно быть предоставлено право немедленнаго собственной властью удаленія отъ должности тѣхъ чиновъ всѣхъ ранговъ и вѣдомствъ, кои оказались бы участниками антиправительственныхъ выступленій, либо проявили въ семъ отношеніи слабость или растерянность.

IX. Государственный Совѣтъ остается впредь до общаго пересмотра основныхъ и выборныхъ законовъ и окончанія войны, но всѣ исходящіе изъ него законопроекты впредь представляются на ВЫСОЧАЙШЕЕ благоусмотрѣніе съ мнѣніемъ большинства и меньшинства. Самый составъ его долженъ быть обновленъ такимъ образомъ, чтобы въ числѣ назначенныхъ по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію лицъ не было ни одного изъ участниковъ, такъ называемаго, прогрессивнаго блока*.

Объяснительная записка къ пункту II предыдущей записки

Будетъ ли собрана Государственная Дума въ январѣ, будетъ ли она вновь распущена, будутъ ли продлены ея полномочія или назначены новые выборы, положеніе останется столь же нетерпимымъ и столь же опаснымъ, какъ и въ настоящее время, какъ и въ теченіе всѣхъ послѣднихъ десяти лѣтъ. Оно, несомнѣнно, будетъ даже ухудшаться съ каждымъ днемъ, и передъ Монархомъ и правительствомъ будетъ стоять все та же трудно разрѣшимая задача: остановить ли рѣшительными мѣрами поступательное движеніе Россіи въ сторону демократической республики, либо положиться на Волю Божію и спокойно ожидать государственной катастрофы. Въ обществѣ и даже въ средѣ самаго правительства послѣднихъ лѣтъ въ этомъ отношеніи существуетъ довольно прочно установившееся убѣжденіе, что стоитъ Монарху даровать дѣйствительныя, настоящія конституціонныя права и гарантіи, пойти навстрѣчу заявленнымъ требованіямъ объ отвѣтственномъ министерствѣ, принести за Себя и за Своего Наслѣдника присягу на вѣрность конституціи, и тотчасъ же настанутъ для Россіи свѣтлые дни, все сразу успокоится, а умѣренныя партіи законодательныхъ учрежденій, только къ этому одному и стремящіяся, выведутъ государство изъ этого тупика, въ который оно поставлено нерѣшительной и непослѣдовательной политикой правительства. Такого рода мнѣніе совершенно ошибочно, и вовсе не потому одному, какъ думаютъ нѣкоторые изъ представителей противоположнаго теченія мыслей, что цѣли этихъ умѣренно-либеральныхъ партій, кадетовъ и октябристовъ, идутъ гораздо дальше фактическаго захвата ими власти. Эти партіи, быть можетъ, и дѣйствительно вполнѣ искренно примирились бы съ правительствомъ, ими поставленнымъ, и удовлетворились бы достигнутымъ результатомъ своей многолѣтней борьбы.

---

* Записка безъ подписи. С. Бѣлецкій въ своемъ показаніи въ учрежденной Временнымъ Правительствомъ «Чрезычайной Комиссіи для разслѣдованія противозаконнѣхъ по должности дѣйствій бывшихъ министровъ» объяснилъ, что она составлена въ кружѣ Римскаго-Корсакова во времена Штюрмера, который не подалъ ее царю, боясь, что она не отвѣчаетъ либеральному настроенію его декларацiи. Записка была вторично отпечатана и передана Голицыну, который въ послѣдніе дни Штюрмеровскаго премьерства, передалъ ее царю отъ себя.

Но дѣло въ томъ, что сами эти элементы столь слабы, столь разрознены и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество ихъ было бы столь кратковременно, сколь и непрочно. Наиболѣе сильной и дѣятельной изъ нихъ является партія кадетовъ, ведущая въ поводу всѣ остальныя; но если приглядѣться къ ней не въ смыслѣ писанныхъ программъ, а въ смыслѣ бытовыхъ чертъ самого ея существованія и послѣдовательнаго хода ея возникновенія, то придется признать, что эта партія сильна лишь своей слабостью. Нося названіе демократической, а сама по себѣ въ составѣ своемъ чисто буржуазная, она должна была, не имѣя собственной почвы, принять навязанные ей слѣва лозунги народоправства и отрицанія собственности. Имѣя въ составѣ своемъ значительное число, такъ называемыхъ, земскихъ дѣятелей, владѣльцевъ земли, кадетская партія первымъ пунктомъ своей программы поставила отчужденіе земли, окончательное разореніе собственныхъ своихъ сочленовъ; конечно, руководители ея не были искренни въ этомъ случаѣ и къ этому вовсе не стремились, весьма охотно выпустивъ этотъ пунктъ изъ программы созданнаго и руководимаго ими прогрессивнаго блока, но не является ли это лучшимъ доказательствомъ того, что они не вѣрятъ въ собственное свое самостоятельное существованіе и ищутъ сочувствія извнѣ путемъ уступокъ и жертвъ; безъ этого сочувствія слѣва, безъ этихъ козырей изъ чужой, не ихней колоды картъ, кадеты есть не болѣе какъ многочисленное сообщество либеральныхъ адвокатовъ *, профессоровъ и чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ — и ничего болѣе.

Еще меньше можно назвать политической партіей партію октябристовъ, въ самой Думѣ уже расколовшуюся на разные оттѣнки — партію, искусственно созданную на лозунгахъ Манифеста 17 Октября, для многихъ спорнаго и ни для кого не яснаго. Слабость ея заключается уже не въ томъ, что она приняла чуждые ей лозунги, а въ томъ, что ихъ у нея нѣтъ вовсе; и не видѣли ли мы самыхъ разительныхъ примѣровъ того, какъ люди, называющіе себя октябристами, перебѣгали изъ одного лагеря въ другой, легко и свободно мѣняя свои убѣжденія въ зависимости отъ временныхъ обстоятельствъ, колебаній правительственной политики, а еще чаще совершенно личныхъ побужденій. Правъ былъ одинъ изъ правыхъ ораторовъ въ Думѣ, сказавшій, что стоитъ сжечь одну помѣщичью усадьбу, чтобы превратить сотню октябристовъ въ правыхъ, и достаточно обойти наградами къ 6 декабря нѣсколько видныхъ либеральныхъ чиновниковъ, чтобы сдѣлать ихъ изъ октябристовъ кадетами.

Что же можно сказать, наконецъ, о такъ называемомъ центрѣ, или о прогрессивныхъ націоналистахъ. Возможно ли назвать политической партіей этихъ людей, сегодня довольныхъ начальствомъ и прошедшихъ въ Думу по правымъ спискамъ за счетъ правыхъ партій, а завтра огорченныхъ увольненіемъ князя Щербатова и тотчасъ забывшихъ, кто они именно такіе. И этотъ центръ и эти либеральные націоналисты не являютъ ли они столь же убѣдительный примѣръ того, сколь смѣшны и ничтожны дѣленія русскихъ людей на политическія партіи, сколь еще младенческая страна Россія въ политическомъ отношеніи. Явные и наиболѣе яркіе антисемиты юго-западнаго края, прошедшіе голосами и грошами низовъ, ненавидящихъ евреевъ вплоть до погромовъ, съ непоколебимой увѣренностью въ легальности своей позиціи, какъ народныхъ избранниковъ, подписываютъ программу прогрессивнаго блока, гдѣ однимъ изъ пунктовъ стоитъ еврейское равноправіе.

Или, что можно сказать про украшающихъ высшее Государственное Законодательное Учрежденіе сановниковъ, бывшихъ министровъ, даже премьеровъ, превознесенныхъ милостями Монарха и Имъ одаренныхъ свыше мѣры, поставленныхъ Имъ здѣсь на защиту Его правъ и правъ Его Наслѣдниковъ, — сановниковъ, участвующихъ въ прогрессивномъ блокѣ и подписывающихъ резолюціи, клонящіяся къ узурпированію этихъ правъ, къ скомпрометированію Самого Царскаго Имени? Что можно сказать про придворныхъ чиновъ, кичащихся своимъ мундиромъ и званіемъ передъ простыми смертными и въ то же время братающихся съ явными и откровенными врагами Своего Государя. А семидесятилѣтній сановникъ, всю долгую жизнь на разныхъ постахъ утверждавшій принципы Царскаго Самодержавія, переходящій къ лѣвымъ въ верхней палатѣ изъ за неизбранія его правыми въ какую то комиссію?

* Слово «адвокатовъ» вставлено въ подлинникѣ рукой Н. Маклакова.

Гдѣ предѣлъ этой политической невоспитанности?

Надо признать, что и правыя партіи находятся въ состояніи летаргіи. Обыкновенно посылаемый имъ упрекъ въ бездѣятельности и отсутствіи программы, едва ли, однако, справедливъ, и вся вина ихъ заключается въ томъ, что они сразу и безповоротно не устранили себя отъ участія въ осуществленіи Манифеста 17 Октября, основаннаго на началахъ, совершенно противорѣчащихъ ихъ государственному самосознанію. Что могли они сдѣлать и что сказать, когда съ высоты Престола провозглашена была ломка тѣхъ устоевъ, которыми держалась Россія до сихъ поръ и безъ которыхъ она, по ихъ мнѣнію, должна погибнуть? Много ли имъ давала та неопредѣленность выраженій, туманность нѣкоторыхъ пунктовъ основныхъ законовъ, допускавшихъ нѣкоторую возможность разнорѣчивыхъ толкованій? Правые сдѣлали все, что могли: они содѣйствовали проведенію въ третью и четвертую Думы болѣе умѣренныхъ элементовъ, они сами не боялись ни травли, ни униженій, но могли ли они дать странѣ политическое воспитаніе, могли ли сами образовать политическую партію съ опредѣленной программой, — они, люди, отрицающіе эту политику, защитники Единой Царской Самодержавной Власти? Съ ними сбылось то, чего надо было ожидать: въ условіяхъ политической борьбы они оказались разбитыми, разсѣянными и не признанными той самой властью, которая только на нихъ однихъ могла опираться.

Совершенно иное положеніе партіи лѣвыхъ: трудовиковъ, соціалъ-демократовъ, вплоть до соціалъ-революціонеровъ. Несмотря на совершенную нелѣпость ихъ настоящихъ представителей въ Думѣ, несмотря даже на то, что нѣтъ такого соціалъ-демократа или соціалъ-революціонера, изъ котораго за нѣсколько сотъ рублей нельзя было бы сдѣлать агента охраннаго отдѣленія, опасность и силу этихъ партій составляетъ то, что у нихъ есть идея, есть деньги, есть толпа, готовая и хорошо организованная. Эта толпа часто мѣняетъ свои политическія устремленія, съ тѣмъ же увлеченіемъ поетъ «Боже, Царя храни», какъ и оретъ «Долой Самодержавіе», но въ ненависти къ имущимъ классамъ, въ завистливомъ порывѣ раздѣлить чужое богатство, въ такъ называемой классовой борьбѣ, — толпа эта крѣпка и постоянна; она въ правѣ притомъ разсчитывать на сочувствіе подавляющаго большинства крестьянства, которое пойдетъ за пролетаріемъ тотчасъ же, какъ революціонные вожди укажутъ имъ на чужую землю. 1905 и 1906 годы съ достаточной убѣдительностью уже показали, что, яростный защитникъ своей собственности и такой же консерваторъ въ своемъ быту, русскій мужикъ дѣлается самымъ убѣжденнымъ соціалъ-демократомъ съ той минуты, когда дѣло коснется чужого добра.

Итакъ, при полной, почти хаотической, незрѣлости русскаго общества въ политическомъ отношеніи объявленіе дѣйствительной конституціи привело бы къ тому, что болѣе устойчивые и сильныя политическія партіи и теченія, имѣя благопріятную подъ собой почву въ самихъ конституціонныхъ гарантіяхъ, тотчасъ стали бы поглощать партіи менѣе жизненныя и сильныя, и пріобрѣли бы преимущественное вліяніе на дальнѣйшія судьбы государства. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что обнародованіе такого акта сопровождалось бы прежде всего, конечно, полнымъ и окончательнымъ разгромомъ партій правыхъ и постепеннымъ поглощеніемъ партій промежуточныхъ: центра, либеральныхъ консерваторовъ, октябристовъ и прогрессистовъ, партіей кадетовъ, которая по началу и получила бы рѣшающее значеніе. Но и кадетамъ грозила бы та же участь. При выборахъ въ пятую Думу эти послѣдніе, безсильные въ борьбѣ съ лѣвыми и тотчасъ утратившіе все свое вліяніе, если бы вздумали идти противъ нихъ, оказались бы вытѣсненными и разбитыми своими же друзьями слѣва (какъ и было, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ при выборахъ во вторую Думу). А затѣмъ . . . Затѣмъ выступила бы революціонная толпа, коммуна, гибель династіи, погромы имущественныхъ классовъ и, наконецъ, мужикъ-разбойникъ. Можно бы идти въ этихъ предсказаніяхъ и дальше. и послѣ совершенной анархіи и поголовной рѣзни увидѣть на горизонтѣ будущей Россіи возстановленіе Самодержавной Царской, но уже мужичьей власти въ лицѣ новаго Царя, будь то Пугачевъ или Стенька Разинъ, но, понятно, что такія перспективы уже заслоняются предвидѣніемъ вражескаго нашествія и раздѣла между сосѣдями самаго Государства Россійскаго, коему уготована была бы судьба Галиціи или Хорватской Руси.

Поэтому всѣ надежды на то, что съ объявленіемъ дѣйствительной русской конституціи все успокоится, кажутся столь же наивными, какъ наивно и утвержденіе, что, Богъ дастъ, и такъ все само собой образуется какъ нибудь.

Ничего не можетъ образоваться на неудачно задуманной и еще болѣе неудачно осуществленной 10 лѣтъ тому назадъ реформѣ, и если дальнѣйшія по этому пути уступки, завершенныя обнародованіемъ конституціи, приведутъ къ катастрофѣ, то и оставленіе въ этомъ же положеніи, какъ и въ настоящее время, Государственной Думы съ періодическимъ свидѣтельствованіемъ ей довѣрія и недовѣрія, съ признаніемъ неосуществимой возможности правительству работать съ Думой и съ перемежающими эту, будто бы плодотворную, работу ея роспусками доведетъ къ тому же, продливъ только срокъ этой агоніи и подорвавъ въ народѣ вѣру въ силу и правду Монарха.

Въ чемъ же заключаются недостатки реформы 1906 года? Ихъ столь много, что скорѣй можно было бы спросить, въ чемъ заключаются ея достоинства. Но въ числѣ этихъ дефектовъ по степени неотложности ихъ исправленія и важности въ смыслѣ приносимаго Государству вреда необходимо выдѣлить два основныхъ капитальныхъ положенія: соблазнительную неясность и противорѣчіе въ основныхъ законахъ, касающихся прерогативъ Верховной Самодержавной Власти и правъ законодательныхъ учрежденій, и совершенную несостоятельность положеній о выборахъ въ Думу.

Какъ бы ни хитры были истолкованія выраженія: Самодержецъ, самое понятіе это въ глазахъ народа, кромѣ значенія Всемогущаго и никѣмъ и никакимъ закономъ человѣческимъ, кромѣ Божьяго, не ограниченнаго Монарха, никакого иного не имѣетъ, а вычеркнуть это слово изъ основныхъ законовъ и изъ ежедневныхъ молитвословій не рѣшились и составители новеллъ 1906 г. Между тѣмъ, ст. 87, 112 и 113 Основныхъ Законовъ явно умаляютъ это значеніе, ставятъ Царя не только въ равноправныя отношенія съ законодательными учрежденіями, но какъ бы подчиняютъ Его Волю усмотрѣнію этихъ послѣднихъ: проведенный по 87 ст. и Царскимъ Именемъ опубликованный законъ можетъ быть безъ всякаго его разсмотрѣнія отвергнутъ Думой и Совѣтомъ и даже просто механически теряетъ свою силу самъ собой въ томъ случаѣ, если правительствомъ въ опредѣленный срокъ въ Думу внесенъ не будетъ; каждый законопроектъ, одобренный Думой и Совѣтомъ, долженъ быть, по смыслу этихъ статей, непремѣнно разсмотрѣнъ и утвержденъ или не утвержденъ Монархомъ, законопроектъ же, внесенный въ эти учрежденія отъ Имени Монарха правительствомъ, можетъ быть вовсе не разсмотрѣнъ законодательными учрежденіями, ибо никакого срока имъ на это не положено, и судьба такого законопроекта въ дальнѣйшемъ закономъ не предусмотрѣна вовсе; даже согласительныя комиссіи этихъ двухъ учрежденій какъ будто бы имѣютъ болѣе правъ, чѣмъ самъ Монархъ, ибо имъ представлена возможность въ случаѣ разногласій по отдѣльнымъ статьямъ вырабатывать общія согласительныя формулы, Монархъ же не имѣетъ ни права, ни возможности утвердить закона, хотя бы вызваннаго совершенной государственной необходимостью, при разсмотрѣніи коего хотя бы въ одной статьѣ его разногласія между двумя палатами остались бы не устраненными. Такимъ образомъ, Монархъ не является во всѣхъ такихъ случаяхъ Верховнымъ Судіей, рѣшителемъ судьбы важнѣйшихъ государственныхъ мѣропріятій, и занимаетъ какую то связанную формальностью, какъ бы лишь дѣлопроизводственную позицію.

Этотъ величайшій государственный соблазнъ долженъ быть уничтоженъ и указанныя статьи кореннымъ образомъ измѣнены въ томъ смыслѣ, что Монархъ, въ порядкѣ утвержденія разсмотрѣнныхъ палатами законопроектовъ, остается неограниченнымъ и никакихъ въ семъ отношеніи обязательствъ на Него закономъ не возложено.

Несмотря на все пережитое, а, быть можетъ, благодаря именно этому, формула: «народу мнѣніе, а Царю рѣшеніе», является единственно пріемлемой для Россіи.

Столь же кореннымъ образомъ долженъ быть рѣшенъ вопросъ о выборахъ въ Государственную Думу. Печальные результаты выборнаго закона и неудача поправокъ его по закону 3 іюля 1907 года объясняется тѣмъ, что въ положенія эти была заложена странная и неисполнимая идея смѣшать всѣ классы населенія Имперіи въ одну общую безформенную толпу и уже изъ этой толпы выбрать, такъ сказать, выудить наиболѣе спо-

собныхъ, толковыхъ и государственно мыслящихъ людей, производя самый этотъ отборъ сложнымъ и неестественнымъ порядкомъ двухъ и трехъ-степенныхъ выборовъ: какъ будто бы предполагалось, что надо сначала уничтожить существующія бытовыя дѣленія общества и народа и замѣнить ихъ дѣленіями на политическія партіи, и забывалось, что реальная Россія вовсе не смѣшана, что эти бытовыя, классовыя и сословныя грани фактически существуютъ и достаточно еще крѣпки, а политическихъ партій нѣтъ вовсе или таковыя находятся еще въ зародышѣ, хотѣли, будто бы, получить не дѣйствительныхъ представителей земли русской, а уловить настроеніе разношерстной толпы въ лицѣ ея вожаковъ, эти настроенія наиболѣе ярко выражающихъ. Дворянъ-помѣщиковъ смѣшали, вообще, съ земледѣльцами и духовенствомъ, купцовъ съ чиновниками и интеллигентами, крестьянъ домохозяевъ съ крестьянами пролетаріями и даже казаковъ, съ цѣлью совершенно обезличить эту бытовую группу, свалили въ одну кучу съ иногородными и инородцами; а чтобы эта смѣсь и вовсе потеряла свое лицо всѣ эти группы еще разъ смѣшали въ губернскихъ собраніяхъ и только здѣсь разрѣшили имъ на предвыборныхъ собраніяхъ, наконецъ, вновь раздѣлиться, но уже не такъ, какъ раздѣлилъ ихъ тысячелѣтній бытъ и исторія, а такъ, какъ хотѣлось этого незрѣлой мысли политическихъ авантюристовъ. Сначала надѣялись, что поддерживать правительство будутъ крестьяне, затѣмъ стали искать опоры у землевладѣльцевъ и во всѣхъ горько разочаровались, ибо вмѣсто крестьянъ получили трудовиковъ, а вмѣсто помѣщиковъ — лѣвыхъ октябристовъ, лидеровъ партій, только вчера образовавшихся на предвыборномъ сборищѣ, людей въ этотъ день въ первый разъ встрѣтившихся другъ съ другомъ.

На сельскихъ сходахъ въ небольшихъ городахъ и въ уѣздныхъ собраніяхъ землевладѣльцевъ, эти лидеры проходили болѣе или менѣе случайно и здѣсь не имѣли еще рѣшающаго успѣха, а въ число выборщиковъ попадали въ большинствѣ люди не партійные и, быть можетъ, дѣйствительно заслуживающіе всей своей прежней дѣятельностью довѣріе своихъ избирателей, но въ губерніи они рѣшительно теряли всѣ свои шансы, и у ораторовъ, лидеровъ партій являлись передъ ними неоцѣнимыя преимущества, — ни тѣхъ, ни другихъ чужіе города и уѣзды не знали, и видѣли, быть можетъ, въ глаза въ первый разъ въ жизни, но первые скромно молчали, а вторые говорили зажигательныя рѣчи и угадывали настроеніе; созданные не бытомъ и даже не существующими еще политическими партіями, а этими настроеніями, эти новые рѣшители судебъ Россіи и въ дальнѣйшей своей дѣятельности въ Государственной Думѣ подчинялись не мѣстнымъ интересамъ и не политическимъ лозунгамъ, а именно настроеніямъ: въ первой Думѣ они олицетворяли настроеніе революціонной толпы, ошеломленной неудачами Японской войны, во второй — настроеніе крестьянскихъ массъ, требовавшихъ чужой земли и воли грабить чужое имущество, въ третьей — настроеніе испуганныхъ погромами помѣщиковъ, а въ четвертой — настроеніе этихъ же помѣщиковъ уже успокоившихся и уже снова недовольныхъ правительствомъ. Если бы пятая Дума была созвана въ 1917 году по дѣйствующему положенію, можно съ увѣренностью утверждать, что въ нее попали бы тѣ, которые особенно горячо и нервно стали бы кликушествовать и раздувать всякія легенды и небылицы о Распутинѣ.

Ясно, что выборы должны быть одностепенные, непосредственные отъ городскихъ и уѣздныхъ бытовыхъ и сословныхъ группъ. Иначе говоря, каждое волостное крестьянское общество, уѣздное дворянское собраніе, собранія купеческія, мѣщанскія, уѣздное духовенство, казачьи станицы, городское чиновничество и т. д. должны выбрать каждое по одному своему представителю и этимъ избраніемъ вся процедура выборовъ должна быть закончена. Такъ какъ, очевидно, число такимъ образомъ избранныхъ въ кандидаты будетъ значительно превышать число положенныхъ отъ каждой изъ нихъ членовъ Думы и изъ избранныхъ отъ каждой изъ перечисленныхъ группъ придется призвать лишь незначительную часть, то необходимо установить дальнѣйшій порядокъ ихъ отбора и утвержденія, быть можетъ, по жребію, а всего лучше, по Высочайшему соизволенію, подобно тому, какъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ утверждаетъ, напримѣръ, одно изъ избранныхъ въ губернскіе предводители дворянства двухъ лицъ; остальные оставались бы кандидатами и, въ случаѣ выбытія членовъ Думы, замѣщали бы сихъ послѣднихъ

въ томъ же порядкѣ утвержденія или призванія ихъ Высочайшей Волей. Такой порядокъ, кромѣ непосредственности, дешевизны, простоты, устраненія всѣхъ вредныхъ послѣдствій смѣшенія обывателей, далъ бы, кромѣ того, возможность устранить отъ участія въ законодательной дѣятельности элементы нежелательные и вредные безъ всякаго права для этихъ послѣднихъ какой либо претензіи, ибо вполнѣ ясно, что говорить отъ имени, напримѣръ, крестьянства можетъ съ одинаковымъ правомъ и тотъ, кто былъ избранъ отъ Ивановскаго схода и не утвержденъ и тотъ, кто выбранъ Петровскимъ сходомъ и утвержденіе получилъ.

Не входя въ дальнѣйшія подробности указаннаго порядка, необходимо, однако, остановиться на одномъ обстоятельствѣ, до сего времени совершенно упускаемомъ изъ виду правительствомъ. Послѣднее, за исключеніемъ лишь слабыхъ попытокъ временъ Столыпина, не вело въ Думѣ, или, вѣрнѣе сказать, съ Думой никакой политики. Политику эту, конечно, надо понимать не въ смыслѣ подслуживанія къ Думѣ или, такъ называемаго, довѣрія, до сихъ поръ дававшаго столь печальные результаты, ни, тѣмъ болѣе, какихъ либо уступокъ и поблажекъ, клонящихся къ укрѣпленію сознанія, что ей, Думѣ, принадлежитъ первенствующая роль въ государственномъ управленіи. Однако, и такое положеніе, при которомъ собранные съ разныхъ концовъ земли нѣсколько сотъ человѣкъ оставляются на произволъ собственныхъ страстей и интригъ, безъ всякой заботы о томъ, что изъ этого выйдетъ, положеніе, которое существуетъ нынѣ, является совершенно ненормальнымъ.

Правительство во что бы то ни стало должно имѣть большинство въ Думѣ и къ созданію этого большинства должно относиться съ величайшей ревностью и притомъ безъ всякихъ иллюзій и предубѣжденій. Въ ближайшемъ прошломъ возможность созданія прогрессивнаго блока надо поставить въ тяжкую вину правительству, ровно ничего не сдѣлавшему въ предупрежденіе его образованія. Что сдѣлало оно вообще въ смыслѣ укрѣпленія и численнаго увеличенія правыхъ партій въ Думѣ, чѣмъ поощряло людей дѣйствительно преданныхъ Монарху и готовыхъ защитить Его правительство? Въ лучшемъ случаѣ выдавало грошевую субсидію внѣдумскимъ правымъ органамъ печати, иногда послѣ десятилѣтней дѣятельности, многолѣтней голгофы, предлагало мѣсто Акмолинскаго губернатора и, если не выражало явнаго пренебреженія къ правому крылу Думы, то, во всякомъ случаѣ, проявляло къ нему значительную долю равнодушія, тѣмъ самымъ, какъ бы напередъ предупреждая колеблющихся, что ждать какихъ либо поощреній имъ нечего. Чѣмъ старались удержать на правыхъ скамьяхъ такихъ господъ, какъ, напримѣръ, Савенко? Ровно ничѣмъ, и скорѣй поощряло ихъ переходъ налѣво, въ то время когда ихъ можно было брать голыми руками. Надо говорить откровенно: помыслы и дѣйствія правительства были слишкомъ чисты, нелицепріятны, и нисколько не соотвѣтствовали ни нравственному уровню, ни стремленіямъ той среды, съ которой оно имѣло дѣло: всѣ его руководители, даже сами вышедшіе изъ рядовъ правыхъ партій, стремились только убѣдить, уговорить Думу, переспорить ее и вовсе не заботились о томъ, чтобъ собрать, если нужно, создать и укрѣпить за собой послушное большинство. Кромѣ безцѣльныхъ и скучнѣйшихъ раутовъ съ приглашеніемъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ безъ всякаго разбора, никакихъ попытокъ въ семъ отношеніи сдѣлано не было, а въ грозную силу общественности правительство вѣрило больше, чѣмъ вѣрила она сама себѣ, и вовсе не хотѣло понять, что никакой общественности въ Россіи нѣтъ, а есть лишь въ разныхъ видахъ чиновники способные и удачные, получающіе соотвѣтствующія награды и содержаніе отъ казны, и есть чиновники менѣе способные и неудачливые, отъ казны содержанія не получающіе, но къ чему, равно какъ и къ денежнымъ и инымъ наградамъ ревнивые не менѣе первыхъ.

Въ распоряженіи Предсѣдателя Совѣта Министровъ должно состоять особое лицо, особая и притомъ серьезно поставленная организація и крупный спеціальный фондъ для веденія внутренней политики въ самой Думѣ съ единственной цѣлью созданія и поддержанія прочнаго и постояннаго большинства, благопріятнаго правительству.

ПОКАЗАНІЕ Н. А. МАКЛАКОВА О ПИСЬМѢ НИКОЛАЮ II

отправленномъ во второй половинѣ декабря 1916 года.

Заключеннаго въ крѣпости Николая Маклакова.

Согласно предложенію Вашего Превосходительства, вчера 22-го Августа мнѣ сдѣланному, я воспроизвожу здѣсь, поскольку мнѣ позволяетъ это моя память, письмо мое къ Государю Императору, посланное мною въ Царское Село 19-го или 20-го Декабря 1916 года.

Я просилъ Его Величество извинить меня за причиняемое письмомъ моимъ безпокойство, но высказывалъ ту мысль, что сложность и небывалая острота минуты обязываетъ всякаго вѣрноподданнаго высказать своему Государю всю правду положенія. Я счелъ своимъ долгомъ потому сказать то, что я вижу, и то, что предчувствую. Я указалъ, что направленіе занятій Государственной Думы и характеръ произносимыхъ тамъ съ самаго начала ноября мѣсяца рѣчей въ конецъ расшатываютъ остатки уваженія къ правительственной власти и не могутъ не отозваться пагубно на настроеніи арміи, читающей подробные отчеты газетъ о засѣданіяхъ Думы. Различныя общественныя организаціи, учрежденія и группы повсемѣстно и открыто присоединяются къ рѣшительнымъ постановленіямъ Думы. Засѣданія Государственнаго Совѣта, объединеннаго дворянства знаменательно-тревожны. Наконецъ, обращаетъ на себя особое вниманіе открытая въ Москвѣ особая подписка на образованіе фонда для стипендіи имени Кн. Ф. Ф. Юсупова. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что волна недовольства рѣзко поднимается и широко разливается по Россіи, а продовольственныя неурядицы, очень волнующія жизнь городовъ и деревни, подготовляютъ для общаго недовольства исключительно благопріятную почву, которою не преминутъ воспользоваться враги существующаго строя. Здѣсь, въ столицѣ, уже начался штурмъ власти, и, несомнѣнно, признаки анархіи уже показались. Они угрожаютъ всему строю нашему, угрожаютъ и самой династіи. А безъ монархіи, которой наша родина на протяженіи вѣковъ неизмѣнно росла, крѣпла, ширилась и вѣшалась, Россія останется какъ куполъ безъ креста. Наступили, я убѣжденъ въ этомъ глубоко, рѣшающіе дни. Трудно остановить близкую бѣду, но, думается мнѣ, еще возможно. Для этого надо вѣрить въ себя, въ непреклонную законность своихъ правъ. Надо перестать правительству разслаблять себя внутренними раздорами и борьбой въ своемъ собственномъ центрѣ тогда, когда все кругомъ шатается. Оно должно быть однородно и единодушно, оно должно знать, куда оно идетъ, и идти неуклонно, спокойно и рѣшительно возстанавливая разваливающійся порядокъ. Для успѣха этого дѣла, мнѣ кажется, необходимо было бы отложить возобновленіе занятій Думы при настоящихъ условіяхъ, на болѣе отдаленный срокъ: необходимо было бы тѣмъ временемъ, направить всѣ силы власти вездѣ по Россіи на всяческое и быстрое упорядоченіе продовольственнаго дѣла, какъ на основную задачу данной минуты; было бы необходимо остановить и ввести въ рамки закона дѣятельность общественныхъ учрежденій все смѣлѣе и ярче выступающихъ въ открытое море чистой, широкой политики; необходимо было бы такъ или иначе оказать дѣйствительное вліяніе на дѣятельность всѣхъ общественныхъ организацій, которыя, составляя живую связь между тыломъ и фронтомъ и, работая въ области, вызывающей, по самому существу своихъ задачъ, общее сочувствіе, планомѣрно преслѣдуютъ въ то же время ярко проявленныя цѣли борьбы съ властью и безспорно обозначающіяся и уже едва скрываемыя намѣренія измѣненія государственнаго строя. Вотъ и все письмо. Думаю, что передаю его содержаніе очень близко къ подлиннику, хотя не поручусь за ихъ полную тождественность, такъ какъ послѣ этого я писалъ еще письмо и проектъ Манифеста, и въ памяти не осталось отчетливыхъ слѣдовъ всѣхъ этихъ документовъ въ ихъ подробностяхъ. Кончилъ я письмо извиненіемъ за смѣлость моего обращенія и надеждой на то, что оправдаетъ меня серьезность положенія, которое замалчивать передъ Государемъ не позволяетъ мнѣ моя преданность Ему. 23 Августа 1917 года.

Ник. Маклаковъ

Денежные документы Генерала Алексѣева*

ОБЩАЯ ОПИСЬ

№ по порядку	№ документовъ	Мѣсяцъ и число	Наименованіе документовъ	На сумму Рубли	Коп.
1	1	—	Замѣтка Генерала Алексѣева о выдачѣ Ротмистру Шапрону 1700 руб., Корнету Крупину 3140 рублей и на сокрытіе раненыхъ Потоцкаго и Новикова 1000 рублей .	5 840	—
		Февраль	Расписки въ полученіи денегъ:		
2	2	10	Подъесаула Самохина	10 000	—
3	3	—	Г. М. Складовскаго	150 000	—
4	4	12	Н. Н. Богданова	58 300	—
5	14	12	Его-же	60 000	—
6	6	13	Его-же	155 000	—
7	5	—	Его-же	67 000	—
8	9	14	Его-же	30 000	—
9	10	15	Его-же	35 000	—
10	15	16	Записка Алексѣевой.	103 000	—
			Расписки:		
11	7	—	Н. Н. Богданова	90 000	—
12	11	19/20	Его-же	237 000	—
13	8	17	Его-же	85 000	—
14	12	22	Его-же	248 000	—
15	13	—	Его-же	200 000	—
16	17	22	Его-же	14 841	91
17	18	27	Его-же	150 000	—
18	19	17	Актъ Богданова о взятіи изъ опекунской кассы станичнаго (?) Управленія 174 руб. 13 коп.		
		Мартъ	Расписки:		
19	20	12	Н. Н. Богданова	145 000	—
20	21	14	Его-же	5 400	—
21	22	—	Его-же	25	—
22	23	17	Актъ Богданова о взятіи изъ кассы Ново-Дмитріевскаго		

* Приводимые документы ген. Алексѣева были переданы Начальнику Особой Финансовой Канделяріи Д. С. С. Собріевскому Генераломъ Драгомировымъ 28-го Сентября 1918 года.

№ по порядку	№ документовъ	Мѣсяцъ и число	Наименованіе документовъ	На сумму Рубли	Коп.
		Мартъ	Почтоваго Отдѣленія наличными деньгами 301 руб. 88 коп. Расписки:		
23	27	21	Н. Н. Богданова	620 000	—
24	16	23	Его-же	400 000	—
25	29	—	Его-же	476	—
		Апрѣль			
26	24	2	Н. Н. Богданова	500 000	—
27	25	4	Его-же	300 000	—
28	26	—	Его-же	75 000	—
29	28	15	Его-же	60 000	—
30	30	19	Его-же	100 000	—
31	3	20	Его-же	100 000	—
32	31	23	Его-же	300 000	—
33	34	26	Его-же	25 000	—
34	35	29	Его-же	25 000	—
35	36	30	Его-же	50 000	—
		Май			
36	32	2	Н. Н. Богданова	319 000	—
37	38 а	10	Капитана Петрова	25 000	—
38	41	9	Его-же	100 000	—
39	39	8	Его-же	25 000	—
40	38 б	—	Капитана Петрова	120 000	—
41	40	11	Его-же	200 000	—
42	37	12	Его-же	170 000	—
43	42	14	Н. Н. Богданова	886 736	85
44	43 а	19	Капитана Петрова	400 000	—
45	43 б	20	Его-же	350 000	—
46	44	28	Его-же	110 000	—
47	45	—	Капитана Петрова	29 900	—
48	46	—	% бумагами	71 900	—
		Іюнь			
49	47	9	Капитана Петрова	771 825	96
50	48	—	Его-же	2 000 460	—
51	49	18	Его-же (отъ Богданова) . . .	2 000 000	—
52	50	23	Его-же	1 344 000	—
53	51	27	Его-же (чекъ).	100 000	—
54	52	29	Его-же	971 000	—
		Августъ			
55	53	11	Его-же	2 096	99
56	54	14	Его-же	200 000	—
57	55	17	Его-же	610 000	—
58	56	20	Его-же	100 500	—
59	57	23	Его-же	500 000	—
60	—	—	Записная книжка Генерала Алексѣева.		
			Итого	15 812 302	71

Записная книжка Генерала Алексѣева получена обратно 6-го октября 1918 года. Подлинное подписалъ Генералъ отъ кавалеріи Драгомировъ.

РАСПИСКИ

№ 1.

Изъ полученныхъ мною по ордеру 29-го января 1918 года № 113 на экстренные расходы во время похода Пятнадцати тысячъ рублей (15 000 рублей) мною передано: 1) 2-го апрѣля — 1700 рублей (одна тысяча семьсотъ рублей) Начальнику политическаго отдѣла Ротмистру Шапрону авансомъ на расходы по политическому отдѣлу (расписка 2-го апрѣля). 2) Разновременно Корнету Крупину на довольствіе состоящихъ при мнѣ чиновъ и фуражное довольствіе лошадей въ счетъ причитающихся на этотъ предметъ отпусковъ отъ Доброарміи Три тысячи сто сорокъ рублей (3140 руб.). (Расписка Корнета Крупина 27-го мая 1918 года.) 3) На сокрытіе отъ преслѣдованія большевиковъ Шт. Ротмистра Потоцкаго и Пор. Новикова, тяжело раненыхъ и оставленныхъ 9-го февраля въ Ростовѣ, по пятисотъ рублей, всего одна тысяча рублей.

Всего же мною выдано по счетамъ, подлежащимъ учету и не секретнымъ — Пять тысячъ восемьсотъ сорокъ рублей (5840 руб.).

Генералъ Алексѣевъ. 27-го мая 1918 года Мечетинская.

№ 2.

Авансъ на довольствіе и уплату жалованія партизанскому отряду Чернецова въ составѣ около 100 чел. и 4 пул., всего Десять тысячъ руб. получилъ 10-го февраля 1918 года. 6-го Донского Казачьяго полка Подъесаулъ Самохинъ.

№ 3.

Сто пятьдесятъ тысячъ рублей для выдачи Полковнику Грузинову, для раздачи больнымъ и раненымъ, согласно указаній Г. Л. Лукомскаго отъ Корнета Крупина получилъ 10-го февраля 1918 года. Г. М. Складовскій.

№ 4.

12-го февраля 1918 года.

Получено мною отъ Генерала отъ Инфантеріи М. В. Алексѣева Пятьдесятъ восемь тысячъ триста рублей. Н. Богдановъ.

№ 5.

13-го февраля 1918 года.

Получено мною отъ Михаила Васильевича Алексѣева Шестьдесятъ семь тысячъ рублей. Завѣдующій Финансовымъ отдѣломъ Н. Богдановъ.

№ 7.

Девяносто тысячъ получилъ отъ Генерала М. В. Алексѣева 16-го февраля 1918 года. Н. Богдановъ.

№ 8.

Восемьдесятъ пять тысячъ рублей получилъ отъ Генерала М. В. Алексѣева 17-го февраля 1918 года. Н. Богдановъ.

№ 9.

14-го февраля 1918 года. Тридцать тысячъ рублей получилъ отъ Генерала Алексѣева. Н. Богдановъ

№ 10.

15-го февраля. Тридцать пять тысячъ рублей получилъ отъ Генерала Алексѣева Н. Богдановъ.

№ 11.

Двѣсти тридцать семь тысячъ рублей 20-го февраля получилъ отъ Генерала Алексѣева. Н. Богдановъ.

№ 12.

22-го февраля получено мною Двѣсти сорокъ восемь тысячъ рублей (248 000 рублей). Н. Богдановъ.

№ 13.

22-го февраля получено Двѣсти тысячъ (200 000 руб.) рублей. Н. Богдановъ.

№ 14.

Получено мною отъ Генерала отъ Инфантеріи М. В. Алексѣева Шестьдесятъ тысячъ рублей. Н. Богдановъ. 12-го февраля 1918 года.

№ 15.

Генералу Алексѣеву 1918 года 16-го февраля Ст. Келемвницкая.

7-го февраля мною получено отъ Генерала Алексѣева 103 000 рублей. 10-го февраля Комиссіей Генерала Складовскаго выдано пособій раненымъ 97 825 руб. остатокъ въ суммѣ 5175 руб. переданъ былъ мнѣ изъ коихъ мною было израсходовано на содержаніе, пособія и сокрытія раненыхъ 4335 руб. Остатокъ въ суммѣ 840 руб. прошу оставить мнѣ въ видѣ аванса на не предусмотрѣнные расходы на раненыхъ и больныхъ во время настоящаго движенія. Сестра Алексѣева.

№ 16.

Четыреста тысячъ рублей отъ Ген. Алексѣева получилъ 23-го марта 1918 г. для выдачи жалованія чинамъ арміи. Н. Богдановъ.

№ 17.

Получилъ въ сел. Средне-Егорлыцкой 22-го февраля Четырнадцать тысячъ восемьсотъ сорокъ одинъ рубль 91 коп. Н. Богдановъ.

№ 18.

Получилъ отъ Генерала Алексѣева 27-го февраля 1918 г. въ ст. Старо-Леушковской Сто пятьдесятъ тысячъ рублей. Н. Богдановъ.

№ 19.

АКТЪ.

1918 г. марта 17-го по распоряженію Генерала отъ Инфантеріи М. В. Алексѣева вскрыто 2 денежныхъ ящика помѣщавщихся въ станичномъ Управленіи, при чемъ въ кассѣ станичнаго Управленія денегъ не оказалось, а въ кассѣ (неразборчиво) взято наличными деньгами Сто семьдесятъ четыре руб. 13 коп. Завѣдующій Финансовой и Контрольной частью Н. Богдановъ. Станичный Атаманъ Шевченко. Опекунъ (Подпись неразборчива). Прапорщикъ (Подпись неразборчива).

№ 20.

Сто сорокъ пять тысячъ руб. получилъ отъ Ген. Алексѣева 12-го марта 1918 г. Н. Богдановъ.

№ 21.

Пять тысячъ четыреста рублей получилъ отъ Генерала Алексѣева 14-го марта 1918 г. Н. Богдановъ.

№ 22.

Двадцать пять руб. получилъ отъ Ген. Алексѣева. Н. Богдановъ.

№ 23.

АКТЪ.

1918 года 17-го марта по распоряженію Генерала отъ Инфантеріи М. В. Алексѣева взято въ кассѣ Новодмитріевскаго Почтоваго Управленія наличныхъ денегъ Триста одинъ руб. 88 коп., одна винтовка системы Бердана, два револьвера системы Ноганъ и шашка. Завѣдующій Финансовымъ и Контрольнымъ отдѣломъ Н. Богдановъ. Начальникъ Почтоваго Отдѣленія (Подпись неразборчива). Ротмистръ (Подпись неразборчива). Корнетъ (Подпись неразборчива).

№ 24.

2-го апрѣля 1918 г. получено мною для расходовъ по арміи отъ Генерала М. В. Алексѣева Пятьсотъ тысячъ рублей. Завѣдующ. Контр. и Финан. частью Н. Богдановъ.

№ 25.

1918 г. апрѣля 4-го получено мною отъ Генерала отъ Инфантеріи М. В. Алексѣева Триста тысячъ рублей. Завѣдующій Финан. частью Н. Богдановъ.

№ 26.

4-го апрѣля 1918 г. получено мною отъ Генерала отъ Инфантеріи Алексѣева Семьдесятъ пять тысячъ рублей. Завѣдующій Финан. частью Богдановъ.

№ 27.

1918 г. марта 21-го получено отъ Генерала отъ Инфантеріи Алексѣева Шестьсотъ двадцать тысячъ рублей. Завѣдующій Финан. и Контрол. частью Н. Богдановъ.

№ 28.

15-го апрѣля 1918 г. получено отъ Генерала отъ Инфант. Алексѣева Шестьдесятъ тысячъ рублей. Николай Николаевичъ Богдановъ.

№ 29.

1918 г. марта 21-го получено отъ Генерала Алексѣева реквизированные въ ст. Новодмитріевской Четыреста семьдесятъ шесть руб. Завѣд. Финан. и Контр. частью Н. Богдановъ.

№ 30.

20-го апрѣля 1918 г. получено отъ Генерала Алексѣева Сто тысячъ руб. Завѣд. Финан. частью Н. Богдановъ.

№ 31.

23-го апрѣля получено отъ Генерала отъ Инфантеріи М. В. Алексѣева Триста тысячъ руб. Завѣд. Финан. частью Н. Богдановъ.

№ 32.

1918 г. мая 2-го получено мною отъ Генерала отъ Инфан. М. В. Алексѣева Триста девятнадцать тысячъ руб. Завѣд. Финан. и Контр. отдѣломъ Н. Богдановъ.

№ 33.

19-го апрѣля 1918 г. получено отъ Генерала отъ Инфан. М. В. Алексѣева Сто тысячъ руб. Завѣд. Финан. и Контр. отдѣломъ Н Богдановъ.

№ 34.

26-го апрѣля 1918 г. получено отъ Генерала отъ Инфантеріи Алексѣева на расходы Добровольческой Арміи Двадцать пять тысячъ руб. Завѣд. Финан. частью Н. Богдановъ.

№ 35.

29-го апрѣля 1918 г. получено мною отъ Генерала отъ Инфант. М. В. Алексѣева Двадцать пять тысячъ руб. Завѣд. Финан. частью Н. Богдановъ.

№ 36.

30-го апрѣля 1918 г. получено мною отъ Генерала Алексѣева Пятьдесятъ тысячъ руб. Н. Богдановъ.

№ 37.

12/V—18 г. получилъ сто семьдесятъ тысячъ руб. для выдачи содержанія первому Конному полку. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 38 а.

10/V—18 г. получилъ въ кассу Двадцать пять тысячъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 38 б.

10/V—1918 г. получилъ въ кассу Сто двадцать тысячъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 39.

8/V—18 г. получилъ въ кассу Двадцать пять тысячъ руб. (25 000 руб.). Казначей капитанъ Петровъ.

№ 40.

11/V—18 г. получилъ въ кассу Двѣсти тысячъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 41.

9/V—18 г. получилъ въ кассу сто тысячъ (100 000 руб.) Казнач. Капитанъ Петровъ.

№ 42.

Получено на текущія потребности отъ Генерала Алексѣева Восемьсотъ восемьдесятъ шесть тысячъ семьсотъ тридцать шесть руб. 85 коп. 14-го мая. Н. Богдановъ.

№ 43 а.

Четыреста тысячъ руб. 19/V—18 г. въ кассу получилъ. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 43 б.

Триста пятьдесятъ тысячъ руб. въ кассу 26/V—18 г. получилъ. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 44.

28/V—18 г. получилъ въ кассу Сто десять тысячъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 45.

28/V—18 г. получилъ для возврата Станичному Атаману Переяславской Станицы Двадцать девять тысячъ девятьсотъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 46.

28/V—18 г. получилъ для возврата Станичному Атаману Переяславской Станицы акцій Черномор. желѣз. дороги Семьдесятъ 'тысячъ руб. и 4% Государ. ренты на одну тысячу девятьсотъ руб., а всего % бумагами Семьдесятъ одна тысяча девятьсотъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 47.

9/VI—18 г. получилъ въ кассу Семьсотъ семьдесятъ одну тысячу восемьсотъ двадцать пять руб. 96 коп. (771 825 руб. 96 к.). Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 48.

9/VI—18 г. получилъ въ кассу Два милліона четыреста шестьдесятъ руб. (2 000 460 р.). Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 49.

18/VI—18 г. получилъ отъ Николая Николаевича Богданова Два милліона руб. для выдачи жалованія въ Армію за іюнь мѣсяцъ с/г. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 50.

23/VII—18 г. для раздачи жалованія чинамъ Добр. Арміи отъ Генерала Алексѣева Одинъ милліонъ триста сорокъ четыре тысячи руб. получилъ. Полевой Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 51.

Чекъ на сто тысячъ руб. 27/VII—18 г. для отправленія Предсѣдателю Совѣта Министровъ Всевеликаго Войска Донского получилъ при проводительной бумагѣ № 116 Полевой Казначей. Капитанъ Петровъ.

№ 52.

Получилъ въ кассу Девятьсотъ семьдесятъ одну тысячу руб. (971 000 р.) 29/VII—18 г. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 53.

11/VIII—18 г. получилъ въ кассу Казначейства Двѣ тысячи девяносто шесть руб. 99 коп. (2096 р. 99 к.). Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 54.

Двѣсти тысячъ руб. отъ Генерала отъ Инфантеріи Алексѣева въ кассу полевого казначейства получилъ 14/VIII—18 г. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 55.

17/VIII—18 г. отъ Генерала отъ Инфан. Алексѣева получилъ въ кассу Шестьсотъ десять тысячъ руб. (610 000 р.). Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 56.

Получилъ 20/VIII—18 г. отъ Генерала отъ Инфантеріи Алексѣева Сто тысячъ пятьсотъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

№ 57.

23/VIII—18 г. получилъ отъ Генерала отъ инфантеріи Алексѣева Пятьсотъ тысячъ руб. Казначей Капитанъ Петровъ.

ОВЩІЙ ПРИХОДЪ ПО ОРГАНИЗАЦІИ СЪ НАЧАЛА ВОЗНИКНОВЕНІЯ

11 февраля 1918 г.	Н. Н. Богдановъ получилъ отъ В. Донского	1 500 000	—
25 ноября 1917 г.	Изъ Москвы черезъ Лебеденко	100 000	—
17 ,, 1917 г.	Отъ Г. Балашова	6 000	—
22 ,, 1917 г.	Изъ Москвы черезъ Парамонова	100 000	—
24 ,, 1917 г.	Изъ Москвы черезъ Хуторева.	10 000	—
27 ,, 1917 г.	Изъ Москвы черезъ Федорова.	150 448	—
3 декабря 1917 г.	Отъ Н. Ф. Бѣляева	10 000	—
12 ,, 1917 г.	Изъ Ростова отъ дѣятелей	200 000	—
11 ,, 1917 г.	Отъ Донского Правительства	500 000	—
31 ,, 1917 г.	Отъ него же.	1 000 000	—
2 января 1918 г.	Отъ Француз. Миссіи	25 000	—
3 ,, 1918 г.	Отъ нея же на организ.	100 000	—
10 ,, 1918 г.	Отъ нея же	180 000	—
10 ,, 1918 г.	Изъ Ростова отъ дѣятелей	320 000	—
13 ,, 1918 г.	Изъ особаго источника заемъ съ уплатою процентовъ за полугодіе	975 000	—
19 ,, 1918 г.	Отъ Н. Ф. Бѣляева	100 000	—
22 ,, 1918 г.	Отъ Донского Правительства	3 000 000	—
	Пожертвованія:		
2 февраля 1918 г.	Отъ неизвѣстнаго	1 000	—
2 ,, 1918 г.	Отъ Ген. М. Никитина Дрюкова	520	—
4 ,, 1918 г.	Отъ В. В. Гладкова	10 000	—
4 ,, 1918 г.	Отъ служащихъ Петр. Уч. ссуд. Б. . . .	688	12
4 ,, 1918 г.	Прихожанъ Усп. Ц. Ростова	800	—
9 ,, 1918 г.	Неизвѣстнаго	28 109	69
9 ,, 1918 г.	Ростова отъ дѣятелей	50 000	—
2 января 1918 г.	Отъ неизвѣстнаго	1 000	—
2 ,, 1918 г.	Отъ Бѣлова	1 000	—
2 ,, 1918 г.	Отъ Гопоненко.	500	—
Неизв.	На двѣ очереди отъ Новосильцева	140 000	—
,,		5 000	—
,,	Кажется отъ Куркина	100 000	—
Фераля 1918 г.	Получено отъ Донского Правит.	6 000 000	—
	Изъ Ростова отъ дѣятелей	750 000	—

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ГЕНЕРАЛА ОТЪ ИНФАНТЕРІИ М. В. АЛЕКСѢЕВА

Отчетъ по днямъ съ 9-го Февраля 1918 г.

Мѣсяцъ и число		Приходъ Рубли	Приходъ Коп.	Расходъ Рубли	Расходъ Коп.
Февр. 10	Выданъ Казначею авансъ на подводы и довольствіе			5 000	—
	Подъесаулу Самохину авансъ на содержаніе партизанскаго отряда Полковн. Чернецова (см. док. № 2)			10 000	—
	Подпол. Кобылянскому авансъ на довольствіе лошадей штаба			1 000	—
	Генералу Эльснеру авансъ на довольствіе офицеровъ штаба			10 000	—

Мѣсяцъ и число		Приходъ Рубли	Коп.	Расходъ Рубли	Коп.
Февр. 10	Чехо-Слов. полку авансъ на довольст. (изъ нихъ выдалъ Казнач. 75 р.) . . .			3 000	
11	Привезено Богдановымъ отъ Войска Донского	1 500 000	—		
	Генералу Маркову на довольств. офицерскаго полка			10 000	—
	Выдано Казначею для текущихъ выдачъ			5 000	—
	Выданъ Казначею авансъ для уплаты за сапоги, нѣкоторымъ частямъ и пр. (изъ нихъ выдалъ Казначею изъ его запаса 702 р. 50 к.)			20 000	-
	Казначею и Богданову Запасъ для текущ. уплатъ по Арміи			11 000	—
12	Выдано имъ же для той же цѣли . . .			90 000	—
13	Казначею и Богданову на текущ. расходы по Арміи (док. № 6)			155 000	—
	Имъ же на текущ. расходы			100 000	—
14	Имъ же на текущ. расходы			80 000	—
15	Богданову на текущіе расходы			100 000	—
16/17	Авансъ Лебедеву на два мѣсяца на командировку въ Москву и Петроградъ (№ 7)			90 000	—
	Выд. Богданову на текущ. расходы (№ 8)			85 000	—
19	На текущіе расходы выдано			105 000	—
20	Выдано на жалованіе			300 765	—
23	Приняты конфискованные въ селѣ Средн. Егорлыки — деньгами 10 599 р. 51 коп., гербов. марками 176 р. 40 коп., почтов. марками 4066 р., итого	14 841	91		
	Выдано Богданову на текущіе расходы (№ 17)			14 841	91
27	Выдано Богданову на текущ. расходы (№ 18)			150 000	—
28	Конфисковано въ Березанскомъ станичномъ Управленіи наличными деньгами	34 289	75		
Мартъ 1	Конфисковано въ Березанскомъ Ссудосберег. Товариществѣ: наличными — 2442 р. 74 к., три листа займа свободы — 300 р. 5 съ пол. % Воен. займ. — 2500, Займа свободы на три тысячи руб. а по курсу 2635 р., мелкой размѣнной монетой — 48 р. 57 к..	7 926	31		
	Тамъ же конфисковано — номинальными — 5% выигр. займа — 100 р. 2 акціи Моск. Народ. Банка — 500 р., 3 расписки Екатер. Отд. Гос. Банка — 15 000 р.				
	Въ Берев. стан. Прав.: книжка сберегательной кассы — 8606 р. 80 к., 8 расписокъ Екатер. Отд. Гос. Банка — 43 200 р., итого.	67 406	80		

Мѣсяцъ и число		Приходъ		Расходъ	
		Рубли	Коп.	Рубли	Коп
Мартъ 3	Конфисковано: въ кассѣ Выселковскаго стан. Прав. — 12 059 р. 60 к., Ново-Суворовскаго стан. Прав. 10 102 р. и въ Выселк. Кред. Товариществѣ 5 съ пол. % Воен. займа 100 руб.	22 311	60		
	Конфисковано: въ кассѣ станціи Выселки 625 р 33 к., въ Выселк. Ссудо-Сбфрег. Т-вѣ — 3806 р. 75 к. и въ Выселк. Потребит. лавкѣ 113 р. 73 к..	4 545	81		
5	Принято на храненіе отъ Атамана ст. Переяславской наличными 29 900 р., чекъ Гос. Банка 100 р.	30 000	—		
	%% бумагами акц. Черноморской жел. дороги 70 000 руб. 4%рента Г. Б.— 1900 р.	71 900	—		
	Выдано Богданову			99 073	47
12	Выдано Богданову (№ 20).			145 000	—
14	Выдано Богданову (№ 27).			5 400	—
21	Выдано Богданову на тек. расходы (№ 27)			620 000	—
	Реквизировано въ ст. Ново-Дмитріевск. Почт. Отд. — 301 р. 88 к. въ стан. Прав. — 174 р. 13 к.	476	01		
	Передано Богданову на расходы			476	01
23	Выдано Богданову въ стан. Ново-Дмитріевской (№ 16)			400 000	—
Апрѣль 2	Выдано Богданову на текущіе расходы (№ 24)			500 000	—
4	Тоже ему же на текущіе рас.			50 000	—
	Ему же на содержаніе оставлен. въ ст. Деньковской лазарета изъ 500 раненыхъ			250 000	—
	Ему же на содержаніе чиновъ Арміи (№ 26)			75 000	—
6	Казначею Петрову для выд. содерж. . .			40 000	—
11	Подпоруч. Краевскому на содерж. . . .			250 000	—
12	Петрову на лазаретъ			50 000	—
14	Ему же на текущіе рас.			60 000	—
15	Богданову на расходы.			60 000	—
19	Богданову (№ 33).			100 000	—
20	Богданову (№ 30).			100 000	—
23	Богданову (№ 31).			300 000	—
26	Богданову (№ 34).			25 000	—
29	Богданову (№ 35).			25 000	—
30	Богданову (№ 36).			50 000	—
Мая 2	Богданову для размѣна въ Новочеркасскѣ			400 000	—
	Выдано Казначею Штаба Арміи			25 000	—
	Принято отъ Богданова размѣнными знаками	81 000	—		
4	Казначею Штаба Арміи авансъ			50 000	—
	Пихтовыскому для отряда Полковника Селезнева.			3 000	—

Мѣсяцъ и число		Приходъ		Расходъ	
		Рубли	Коп.	Рубли	Коп.
Мая 5	Генералу Казановичу на командировку въ Москву			9 000	—
	Казначею Штаба авансъ на содержаніе лазарета въ Новочеркасскѣ			50 000	—
8	Казначею Петрову на тек. рас. (№ 39).			25 000	—
9	Ему же для 5 Комиссіи по размѣну денегъ № 41			100 000	—
10	Ему же для выдачи Ген. Маркову аванса на расчеты по довольствію въ ст. Егорлыкской (№ 38 а)			25 000	—
10	Казначею Петрову для 6 Комиссіи по размѣну денегъ (№ 38 б)			120 000	—
11	Ген. Эльснеру черезъ Казначея Петрова на содержаніе лазарета въ Новочеркасскѣ и выдачу пособій раненымъ (№ 40)			200 000	—
12	Казначею Петрову для выдачи содер. 1-му Кон. полку (№ 37).			170 000	—
14	Получено Богдановымъ отъ Правит. В. Донского 6 000 000 р. часть положена на его текущ. счетъ въ Новочерк. Отд. Госуд. Банка изъ нихъ на-ными 2 500 000 р. переданы.	2 500 000	—		
14	Изъ привезенныхъ Богдановымъ мелкія купюры переданы на текущ. расходы Казн. Петрову (№ 42).			886 736	85
	Изъ привезенныхъ крупн. купюръ и свидѣтельствъ уже вышедшихъ сроковъ: 430 000 р. считаются за 430 000.00 до 1 іюля 18-г. 645 000 р. ,, за 640 675.10 до 1 авг. 18-г. 90 000 р. ,, за 88 975.80 до 1 іюня 18-г. 455 000 р. ,, за 453 612.25 1 620 000 р. считаются 1 613 263.15				
19	Казн. Петрову на разд. жалов. (№ 43 а)			400 000	—
20	Ему же на удовлетв. жалов.			300 000	—
	Авансъ 1-му Офиц. Полку (№ 43 б) . .			50 000	—
23	Получено Богдановымъ и доставлено съ Щетининой отъ Правит. В. Донского мелкими купюрами	500 000	—		
25	Выданъ авансъ Полк. Бар. Штемпелю на организацію отправки офицеровъ изъ Таганрога въ Добр. Армію			3 000	—
	Выданъ авансъ Пор. Аксинскому для поѣздки по гарнизонамъ и освѣдомленія о Добр. Арміи			400	—
	Получено Богдановымъ и доставлено черезъ Казначея Штаба Иванова изъ Ростов. Кон. Гос. Банка	1 000 000	—		
	Въ Новочеркасскѣ израсходовано Богдановымъ: Интенданту Арміи Подпол. Галушко авансъ на заготовку обмун-				

Мѣсяцъ и число		Приходъ		Расходъ	
		Рубли	Коп.	Рубли	Коп.
	дир. и снаряжен. 50 000 р. и авансъ генер. Эльснеру 40 000 р., всего 90 000			90 000	—
	Выдано казн. Петрову: на текущ. расходы по Арміи — 100 000 р. задатокъ Ростовск. Военно-Промыш. Комитету 10 000 р., для возврата Переяславскому Стан. Прав. Деньгами — 29 900 и % бумагами 71 900 р. (№№ 44, 45, 46)			211 800	—
30	Казначею Штаба Арміи Иванову на тек. расх..			26 000	—
Іюнь 1	Шт. Ротм. Протопопову на командировку въ Крымъ и Одессу.			5 000	—
3	Б. А. Суворину на изданіе газеты «Вечернее Время»			10 000	—
4	Ротм. Шапрону на командир. въ Кіевъ и Вологду			2 000	—
2	Отъ дамскаго кружка въ Ростовѣ принято пожертвованіе	31 825	96		
	Передано Ген. Эльснеру для образованія при лазаретѣ особаго капитала ка выд. пособій раненымъ и больнымъ . . .			31 825	96
1	Богдановымъ получено и доставлено съ Полк. Запольскимъ	650 000	—		
6/7	Казначею Петрову для раздачи жалован.			650 000	—
	Получено Богдановымъ	90 000	—		
Іюня 9	Выдано казн. Петрову для раздачи жалованія и авансъ на походъ (№ 48) .			2 000 460	—
12	Полк. Ненастьеву на образованіе «Одесскаго центра».			10 000	—
	Авансъ офицерск. полку на хозяйств. надобности			10 000	—
13	Ген. Эльснеру на изданіе газеты «Вѣстникъ Добр. Арміи» въ іюнѣ			15 000	—
	Пожертвовано Хорошенковымъ изъ Ростова черезъ Богданова	25 000			
14	Получены отъ Богданова хранившіеся на тек. счету Рост. Конторы Гос. Банка .	110 500	—		
	Изъ числа 6 мил. р. дополучены послѣдніе и переданы Ген. Алексѣеву . . .	557 500	—		
	Получены изъ нихъ же Богдановымъ. .	702 500	—		
	Израсходовано Богдановымъ въ Ростовѣ: на покупку лошад. для Арміи — 2500 р. и выдано Ген. Эльснеру для упл. жалованія раненымъ 700 000 р., всего 702 500 р.			702 500	—
18	Отправлено въ Алупку на организацію центра Ген. Лейт. Бар. Боде			3 000	—
	На путевые расходы командиров. въ Крымъ Пор. Бар. Боде			400	—
	По письму Управляющаго Фин. Отд. Войска Донского 15/VI— № 105 полу-				

Мѣсяцъ и число		Приходъ Рубли	Коп.	Расходъ Рубли	Коп.
	чено изъ Новочеркасскаго Казначейства	2 000 000	—		
	Казначею Петрову для выдачи жалов. за іюнь № 49			2 000 000	—
20	Отъ Ген. Богаевскаго собран. въ Ростовѣ на нужды раненыхъ Добровольцевъ .	5 000	—		
	Ген. Эльснеру для причисленія этихъ (отъ Г. Богаевскаго) 5000 р. къ благотворител. капит. (док. № 59)			5 000	-
24	Выдано пособіе вдовѣ убитаго Ген. Маркова			3 000	—
29	Ген. Эльснеру на удовл. больныхъ и раненыхъ и на текущ. расх. (№ 60) . .			400 000	—
30	Ген. Андуладзе на образов. центра въ Тирасполѣ			5 000	—

ДОКУМЕНТЫ КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ ГЕН. ФИЛИМОНОВА

Телеграмма Главнокомандующаго Кубанскому Атаману

Изъ главтеота № 00622—31—20/15—23—55.

Въ газете Свободная Рѣчь № 226 приведенъ договоръ между Кубанскимъ Правительствомъ и горскимъ меджелисомъ точка Благоволите телеграфировать подписывалъ ли подобный договоръ Кулабуховъ Таганрогъ 20/10 нр. 016439 — Деникинъ.

Телеграмма Начальника Штаба Главнокомандующаго Войсковому Атаману

Екатеринодаръ Войсковому Атаману.

Екатеринодаръ Главтеот № 00685 32 24 1 30 Главнокомандующій проситъ немедленно телеграфировать былъ ли заключенъ Кубанской делегаціей тотъ договоръ съ горскимъ меджелисомъ который указанъ въ телеграмме № 016439 точка № 016620-Таганрогъ 23 октября 1919 года Романовскій

Телеграмма Кубанскаго Войскового Атамана Начальнику Штаба Арміи Генералу Романовскому

Срочно Таганрогъ Начальнику Штаба Арміи Генералу Романовскому

016620 и 016439 О заключеніи Бычемъ Кулабуховымъ и другими договора съ горскимъ Меджелисомъ мнѣ и Правительству ничего неизвѣстно произвожу разслѣдованіе о результатахъ сообщу срочно 3698 Подлинную подписалъ Генералъ-Лейтенантъ Филимоновъ 24 октября 19 года

Телеграмма Кубанскаго Войскового Атамана Главнокомандующему вооруженными силами на Югѣ Россіи Генералъ Лейтенанту Деникину

Военная Таганрогъ

Главнокомандующему вооруженными силами на Югѣ Россіи Генералъ Лейтенанту Деникину

По объясненію Султанъ Шахимъ Гирея договоръ съ Горской Республикой былъ заключенъ и подписанъ Кулабуховымъ и другими какъ проектъ подлежащій утвержденію Законодательной Радой на случай если бы Антанта признала власть большевиковъ точка 3729 Подлинную подписалъ Кубанскій Войскатаманъ Генералъ-Лейтенантъ Филимоновъ

Телеграмма Войскового Атамана Кубанскаго казачьяго войска Генералъ-Лейтенанта Филимонова

Таганрогъ

Главнокомандующему вооруженными силами Юга Россіи копіи Атаманамъ Донскому Терскому Командармкавказской Командармдобр Командармдонъ Командующему Войсками Сѣвернаго Кавказа Главноначальствующему Кіевской области Главнона-

чальствующему Новороссійской области Военному Губернатору Черноморской губерніи срочно на 016729

Кубанскій Войсковой Атаманъ и Кубанское Краевое Правительство категорически заявляетъ что Краевое Правительство никакихъ договоровъ съ меджелисомъ горскихъ народовъ не заключало и никого на заключеніе такихъ договоровъ не уполномочивало Лица перечисленныя въ телеграммѣ Главнокомандующаго — Бычъ Намитоковъ Савицкій и Кулабуховъ были делегированы Кубанской Краевой Радой а первые два и Кубанскимъ Краевымъ Правительствомъ точка Правительство послало своихъ делегатовъ какъ представителей въ составъ Россійской делегаціи въ Парижѣ въ помощь Сазонову а также для защиты интересовъ Кубани предъ мирной конференціей и для информаціи точка Если названныя лица дѣйствительно подписали отъ имени Краевого Правительства договоръ съ меджелисомъ горскихъ народовъ о чемъ Краевому Правительству по сіе время офиціально не извѣстно то вопросъ о превышеніи названными лицами данныхъ имъ полномочій подлежитъ сужденію Краевого Правительства а существо договора сужденію Кубанской Краевой Рады на разсмотрѣніе которой въ данный моментъ и вносится точка Во всякомъ случаѣ упомянутыя лица являются дипломатическими представителями Кубани и какъ таковые пользуются неприкосновенностью почему въ случаѣ совершенія ими незакономѣрныхъ дѣйствій могутъ подлежать суду только Кубанской Краевой власти ихъ делегировавшей точка

Приказъ о преданіи названныхъ лицъ военнополевому суду является нарушеніемъ правъ Кубанской Краевой власти и глубоко оскорбляетъ правосознаніе Кубанскаго народа и не можетъ не отразиться на настроеніе народа и фронта точка Сыны Кубани не запятнали себя измѣной а принесли и несутъ наибольшія жертвы своею кровью и достояніемъ для возсозданія Россіи точка Кубань вправѣ требовать срочной отмѣны телеграммы Вашего Превосходительства номеръ 016729 ввиду несправедливости обвиненія Краевой власти въ измѣнѣ и ввиду несомнѣннаго исключительнаго права только Краевой власти судить своихъ дипломатическихъ представителей точка 3789 Подлинную подписали: Кубанскій Войсковой Атаманъ Генералъ-Лейтенантъ Филимоновъ и Предсѣдатель Правительства Курганскій

Надпись на копіяхъ сей телеграммы:

№ 3797 — Въ Редакцію газеты «Вольная Кубань»

29 окт. 1919 г.
гор. Екатеринодаръ — Препровождая настоящую копію телеграммы, Канцелярія, по приказанію Войскового Атамана, проситъ напечатать въ № газеты «Вольная Кубань» за 30 сего Октября

№ I 3798	Въ Редакцію газеты «Голосъ Кубанца»
№ II 3799	Въ Редакцію газеты «Утро Юга»
№ III 3800	Въ Редакцію газеты «Кубанская Земля»
№ IV 3801	Въ Редакцію газеты «Кубанскій Путь»
№ V 3802	Въ Редакцію газеты «Кубанская Воля»

Телеграмма Командующаго Кавказской арміей

Генералу Лукомскому Наштарму Кавказской Командарму Добровольческой Командовойскъ Одесса Командовойскъ Кіевъ Новороссійскъ Военгубу Донскому Атаману Командарму Дона Терскому Атаману Кубанскому Атаману

Только Екатеринодаръ Кубанскому Атаману

Приказъ Кавказской Арміи 6 ноября 1919 года нр. 357 Кисловодскъ точка Прикрываясь именемъ Кубанцевъ горсть предателей засѣвъ въ тылу отреклась отъ матери Россіи точка Преступными дѣйствіями своими они грозили свести на нѣтъ все то что сдѣлано сынами Кубани для возсозданія Великой Россіи запятая все то за что десять тысячъ кубанцевъ пролили свою кровь точка Нѣкоторые изъ нихъ дошли до того запятая что заключили преступный договоръ съ враждебными намъ горскими народами запятая

договоръ предающій въ руки врага младшаго брата Кубани тире Терекъ пытаясь развалить фронтъ сѣя рознь тылу и затрудняя работу Атамана и Правительства въ дѣлѣ снабженія и пополненія арміи запятая преступники оказывали содѣйствіе врагамъ Россіи той красной нечисти которая годъ тому назадъ залила Кубань кровью точка Какъ Командующій Кавказской арміей я обязанъ спасти армію и не допустить смуты ея тылу точка Во исполненіи отданнаго мною приказанія Командующимъ войсками тыла арміи Генераломъ Покровскимъ взяты подъ стражу и преданы военнополевому суду первую голову десять измѣнниковъ двѣ точки Кулабуховъ запятая Макаренко запятая Манжула запятая Омельченко запятая Балабасъ запятая Воропиновъ запятая Феськовъ запятая Роговецъ запятая Жукъ и Подтапельный точка Пусть запомнятъ эти имена тѣ кто попытались бы идти по ихъ стопамъ точка Генералъ Врангель

Содержаніе

Документы

ВЪ ТОМЪ ЖЕ ИЗДАТЕЛЬСТВѢ ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ I

Задачи Архива. — В. Д. Набоковъ, Временное Правительство. — П. Красновъ, На внутреннемъ фронтѣ. — Р. Донской, Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. — С. Вороновъ, Петроградъ-Вятка въ 1919—20 гг. — Н. Неклюдовъ, Предсказаніе русской революціи.

Документы и письма

К. Крамаржъ, Основы Конституціи Россійскаго Государства. — Докладъ начальнику операціоннаго отдѣленія германскаго восточнаго фронта о положеніи дѣлъ на Украйнѣ въ мартѣ 1918 г. — Образованіе сѣверо-западнаго правительства (Докладъ Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова) — Письмо ген. Гофа генералу Юденичу.

Изъ частной переписки

Послѣдніе дни Леонида Андреева. — Описаніе польскаго отступленія въ августѣ 1920 г.

ТОМЪ II

Къ исторіи Манифеста 17 октября (Записки И. И. Вунча и кн. Н. Д. Оболенскаго) — Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. — А. Дроздовъ, Интеллигенція на Дону. — Р. Гуль, Кіевская эпопея. — Ф. Штейнманъ, Отступленіе отъ Одессы. — I. Рапопортъ, Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ. — О. Чернинъ, Брестъ-Литовскъ.

Документы и письма

Журналъ Засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 апр. 1919 г. — Изъ секретнаго доклада. — С. В. Милицынъ, Изъ моей тетради. — Бар. Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ. Изъ дневника.

ТОМЪ III

С. Добровольскій, Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области. — М. Смильгъ-Бенаріо, На совѣтской службѣ. — А. Левинсонъ, Поѣздка изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920 г. — Л. Л—ой, Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919—20 гг. — Г. Игреневъ, Екатеринославскія воспоминанія.

Документы

Документы къ «Воспоминаніямъ» ген. Лукомскаго. — Меморандумъ Эстонскаго Правительства.

ТОМЪ IV.

А. Блокъ, Послѣдніе дни стараго режима. — А. Демьяновъ, Моя служба при Временномъ Правительствѣ. — А. Синегубъ, Защита Зимняго Дворца. — Баронесса М. Д. Врангель, Моя жизнь въ совѣтскомъ раю. — Р. Донского, Изъ Москвы въ Берлинъ въ 1920 г.

Документы и дневники

Организація власти на югѣ Россіи въ періодъ гражданской войны. — Дневникъ обывателя — А. В.

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ